3 1761 07356319 9

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/politikakaknauka00stro

З. Чит.
Ш. 26
П.
№ 443

Б13675

ПОЛИТИКА

КАКЪ НАУКА.

Читальная зала

СОЧИНЕНІЕ

А. СТРОНИНА

1872

13670.
26/449

ПОЛИТИКА

КАКЪ НАУКА.

СОЧИНЕНІЕ
А. СТРОНИНА.

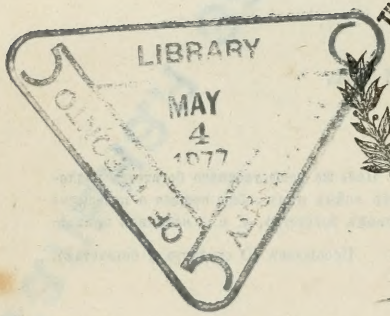
Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, т. е. о истинной правдѣ.

Посошковъ (О скудости и богатствѣ).

Читальная зала

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1872.



LIBRARY
MAY
4
1877
OF THE UNIVERSITY
ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
КАНАЛЪ ЕКАТЕРИНИНСК. 168.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.
JA
71
S83

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Библиотека

	Стр.
Предисловіе	1
Введеніе: строеніе общества	9
Политика: отправленія общества	39
Общій біологическій процессъ	—
Общій соціологическій процессъ	135
Общій политическій процессъ	203
Частный процессъ интеллигенціи	222
Частный процессъ правительства	248
Частный процессъ гражданства	303
Послѣсловіе: политическая діагностика и прогностика Россіи . .	329

Читальная зала

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ „Исторіи и Методѣ“ авторъ изложилъ свою теорію обработки соціальныхъ наукъ. Теперь, желая сдѣлать опытъ и самаго примѣненія этой теоріи къ дѣлу, онъ издаетъ настоящую книгу. Но почему же изъ многочисленныхъ соціальныхъ наукъ, предположенныхъ въ его теоріи, избрана именно эта?

Кромѣ общей тому причины, которая можетъ быть понятна только изъ предъидущаго сочиненія (стр. 352), есть на то еще и двѣ частныя причины.

Первая, это—современное состояніе естествовѣдѣнія. Въ развитіи своемъ отъ наукъ неорганическаго міра къ наукамъ органическаго и отъ этихъ послѣднихъ къ наукѣ человѣка, естествознаніе, чрезъ астрономію, физику, химію, достигло наконецъ до физіологіи. Общія понятія этой науки, т. е. біологическія понятія о жизни вообще, выяснились достаточно въ періодъ времени отъ Биша до Дарвина. Одна изъ двухъ спеціальныхъ половинъ этой науки, физіологія растительная, достигла также значительной степени совершенства. Но совсѣмъ не то съ другою половиною, физіологіею нервною, животною, которая, хотя очередь для нея также уже наступила, но до сихъ поръ не далеко еще ушла отъ временъ Галля.

Другими словами, дошедши до изученія человѣка нравственнаго, до изученія души, какъ явленія природы, естествознаніе остановилось передъ этой задачей. И не мудрено, потому что оно соприкоснулось здѣсь съ задачей другихъ наукъ, дошло туда, гдѣ естествовѣдѣніе оканчивается и откуда начинается обществовѣдѣніе. Изучить нравственнаго человѣка, отправляясь съ одной только физической точки зрѣнія, также мало возможно, какъ изучить физическаго, отправляясь съ одной нравственной. На этой пограничной межѣ необходима совокупная работа обѣихъ точекъ зрѣнія, а между тѣмъ послѣдняя не выступаетъ еще на помощь первой. Съ своей стороны и обществовѣдѣніе, до тѣхъ поръ, пока оно разработывается независимо отъ естествовѣдѣнія, пока оно оторвано отъ него, пока оно не умѣетъ связать себя съ нимъ, также точно не въ состояніи ступить твердой ногою на почву научную. Отсюда и взаимное безсиліе ихъ передъ задачей нравственной жизни человѣка. А между тѣмъ возможность связать эти два вѣдѣнія, возможность начать общественное тамъ, гдѣ кончается естественное, вполнѣ существуетъ; она существуетъ именно въ понятіяхъ біологіи, которыя, будучи самыми общими и самыми простыми понятіями о жизни, необходимо должны быть примѣнимы и ко всякой жизни въ частности. Отсюда возможность соціологіи, основанной на біологіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ возможность для первой, помогая самой себѣ, помочь и послѣдней. Вотъ почему изъ всѣхъ предположенныхъ нами соціальныхъ наукъ выбрана именно соціологія.

Другая причина того же выбора есть современное состояніе одной изъ частей соціологіи, а именно: соціологіи вещественной, економіи. Какъ нервная физіологія давно уже, со временъ Галля, потянулась къ изученію невещественнаго человѣка, такъ экономическая соціологія давно уже, со временъ Смита, потянулась къ изуче-

нію вещественнаго общества; но какъ первая до сихъ поръ не могла подать руку впередъ, наукѣ общественной, такъ вторая никакъ не можетъ до сихъ поръ подать руку назадъ, наукѣ естественной. Конецъ естествознанія и начало обществознанія еще разъ никакъ не умѣютъ спаяться. А между тѣмъ цементъ для этой спайки опять существуетъ, и существуетъ онъ именно въ другой половинѣ соціологіи, въ соціологіи невещественной, въ политикѣ. Сродство нервной физіологіи съ политикою гораздо явнѣе, гораздо чувствительнѣе, чѣмъ сродство растительной съ экономіею; у первыхъ двухъ предметъ изученія совершенно одинъ и тотъ же: умъ, чувство, воля, но только у одной — индивидуальные, у другой — соціальные; а потому здѣсь-то и легче всего для наукъ общественныхъ завязать связь съ естественными. А потомъ, когда однажды уже она будетъ завязана здѣсь, ей не трудно будетъ распространиться на экономію и физіологію растительную. Такимъ образомъ выслѣдить нервный процессъ въ обществѣ значило бы въ одно и то-же время и естествознанію помочь, и въ обществознаніе внести физіологическій элементъ и тѣмъ поставить его на твердую ногу. А это и есть дѣло политики. Съ другой стороны, односторонность экономіи безъ политики и всѣ послѣдствія этой односторонности такъ велики и такъ вредны, что этимъ прибавляется еще одинъ мотивъ больше для того, чтобы заглянуть, наконецъ, и на эту другую сторону медали, которая, быть можетъ, пособитъ разъяснить получше и первую. Вотъ всѣ побужденія, по которымъ избрана для настоящаго опыта политика.

Обращаясь затѣмъ къ литературѣ предмета, къ прежнимъ трудамъ въ томъ же родѣ, нельзя не замѣтить, что въ тѣхъ границахъ, какія только что очертилъ себѣ

авторъ, (нервный процессъ общества), предметъ этотъ никогда не былъ трактуемъ отдѣльно. Подъ политикой разумѣлось у древнихъ то же, что теперь разумѣютъ обыкновенно подъ соціологіей, т. е. все вообще обществознаніе, а потому въ древнихъ опытахъ этого рода и трудно найти какую либо тоджественность съ предлежащимъ опытомъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, по самой обширности задачи первыхъ не могли не войти въ нихъ и нѣкоторые предметы послѣдняго. Такъ именно случилось и въ Политикѣ Аристотеля. Въ числѣ разнообразнаго множества вопросовъ, какихъ касается это сочиненіе, вопросовъ экономическихъ, педагогическихъ, моральныхъ, административныхъ, семейныхъ и т. п., встрѣчаются и вопросы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ политическіе, какъ напр. объ образахъ правленія, и даже политическіе въ смыслѣ настоящей книги, какъ напр. о государственныхъ властяхъ, о сословіяхъ, о причинахъ переворотовъ и т. п. Но всѣ эти вопросы, какъ перваго, такъ и втораго, и третьяго рода, развиваются тамъ съ своей особенной точки зрѣнія, совершенно чуждой настоящему опыту, а именно съ точки зрѣнія наилучшаго устройства тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній. Такъ напр. разборъ всѣхъ извѣстныхъ философу образовъ правленія приводитъ его къ тому окончательному заключенію, что самый лучшій образъ правленія есть соединеніе ихъ всѣхъ и умѣреніе одного другимъ. Къ подобнымъ же разрѣшеніямъ направлены и всѣ другія изслѣдованія философа, которыя заходятъ иногда такъ далеко, что предпринимается, напримѣръ, опредѣлить даже такія вещи, какъ самое лучшее устройство и расположеніе города, размѣщеніе въ немъ храмовъ и другихъ публичныхъ зданій, количество административныхъ лицъ въ государствѣ, продолжительность власти каждаго изъ нихъ, наилучшіе способы назначенія въ эту власть, какія власти могутъ быть соединяемы въ одномъ лицѣ и какія не могутъ, сколько должно

быть судовъ и, наконецъ, даже должны ли воины быть любезны со всѣми или же только съ своими знакомыми, и т. п. Изъ этого перечня видно, что такое изслѣдованіе носитъ на себѣ скорѣе характеръ ученаго политическаго проэкта, чѣмъ науки политической, и во всякомъ случаѣ скорѣе характеръ политики какъ искуства, чѣмъ политики, какъ науки. Въ первомъ смыслѣ сочиненіе обнаруживаетъ признаки глубочайшей политической мудрости и такта, блещетъ поразительными предположеніями и соображеніями, какъ напримѣръ указанное уже соображеніе о совмѣщеніи всѣхъ образовъ правленія (осуществленное только въ наши дни Англіею) или можетъ быть еще болѣе замѣчательное, и чуть-ли не самое геніальное во всей книгѣ, пророческое предвѣдѣніе всего значенія средняго сословія (осуществляемое также только новой Европой). Девятая глава шестой книги Политики (по системѣ С. Илера), написанная тогда, когда среднее сословіе не имѣло никакого политическаго значенія, когда разсуждать объ этомъ значеніи можно было только a priori, и, однакожъ, разсматривающая всѣ послѣдствія подобнаго значенія съ ясностью существующаго факта, эта глава есть доказательство соціальнаго чутья, по истинѣ изумительнаго. Но въ смыслѣ науки и такое блистательное предсказаніе не есть еще добыча, пока оно не связано ни съ какимъ обобщеніемъ, дающимъ возможность такихъ же предсказаній и всякому другому. Гораздо болѣе поэтому имѣютъ научнаго значенія такія положенія Аристотеля, какъ 1) законъ постепенности въ общественныхъ перемѣнахъ, 2) причины возмущеній, 3) раздѣленіе властей въ государствѣ, 4) анализъ тираніи и 5) связь олигархіи съ учрежденіемъ конницы. Вотъ все, что можно принять за дѣйствительный вкладъ Аристотеля въ нашу науку, и чѣмъ мы не преминемъ воспользоваться отчасти въ этомъ сочиненіи, отчасти въ слѣдующемъ. Но все это не представляетъ еще такихъ широкихъ основаній, на

которыхъ бы можно было строить цѣлую науку. Роль же Аристотеля въ умственномъ мірѣ такова, что если мы не нашли у него зеренъ какого-либо знанія, то это вѣрный признакъ, что мы не найдемъ ихъ ни у кого болѣе ни въ древности, ни въ средніе вѣка. И дѣйствительно, всѣ дальнѣйшіе соціальные мыслители, всѣ Цицероны, стоики, Томасы Аквинаты, Іоанны Парижскіе, Марсиліи Падуанскіе и всѣ вообще, писавшіе о политикѣ, писали о ней по мѣркѣ, установленной Аристотелемъ, т. е. подвергая рѣшенію постоянно все одинъ и тотъ же вопросъ о самой лучшей формѣ общежитія, при чемъ и въ рѣшеніяхъ не далеко отходили отъ учителя. На тотъ же вопросъ долго еще продолжали отвѣчать и въ новой исторіи. Маккіавелли нѣсколько видоизмѣнилъ направленіе, поставивъ, вмѣсто вопроса о цѣли, вопросъ о средствахъ, но изъ предѣловъ политики эмпирической, политики, какъ искуства, все-таки не вышелъ. Это, впрочемъ, необходимый, естественный и всеобщій фактъ: всякая наука возникаетъ только изъ соотвѣтственнаго искуства, и всякой наукѣ такое искуство предшествуетъ, а потому не могло оно не предшествовать и наукѣ соціальной. Новымъ духомъ впервые повѣяло только со временъ Жана Бодена, который былъ первымъ, кто рѣшился высказать такое смѣлое для своего времени обобщеніе, какъ то, что въ жизни каждаго народа замѣчается періодъ зарожденія, періодъ процвѣтанія и періодъ упадка. Это, конечно, былъ уже рѣшительный, хотя и слишкомъ преждевременный, шагъ къ научному воззрѣнію на политику. Мало того, Боденъ совсѣмъ уже оставляетъ эту абсолютную точку зрѣнія наилучшихъ вездѣ и всегда формъ, и прямо высказываетъ, что политическія учрежденія сообразуются съ различіемъ народовъ, съ разнообразіемъ природы, нравовъ и общественнаго быта людей. Словомъ, все почти, заслуга чего приписывается Монтескье, принадлежитъ собственно еще Бодену, и первый также незаслуженно заслонилъ собою

втораго, какъ Америкъ Веспуччи заслонилъ собою Колумба. Равнымъ образомъ и другое капитальное обобщеніе политическое, идея прогресса, закрѣпляемое обыкновенно то за Вольтеромъ, Тюрго, Кондорсе, то за германскими философіями исторіи, принадлежитъ еще янсенисту Никòлю, который въ своемъ сочиненіи о бытіи Бога говорилъ:» существуетъ постоянный, столь же древній какъ міръ, прогрессъ. Прогрессъ этотъ подобенъ прогрессу человѣка, выходящаго изъ дѣтства и проходящаго другіе возрасты.» Хотя въ началѣ идея эта и получила характеръ опять-таки абсолютный, характеръ безконечной и безусловной усовершаемости человѣческаго рода, съ какимъ характеромъ дошла и до нашихъ временъ, тѣмъ не менѣе обобщеніе это было уже достаточно широко для того, чтобы стало возможнымъ строить на немъ науку. И вотъ въ XIX вѣкѣ нашолся и зодчій, который, опираясь на подготовленную такимъ образомъ почву, заложилъ на ней вѣчный и незыблемый фундаментъ: это — Огюстъ Контъ, такой же Аристотель обществознанія, какимъ первый былъ для естествознанія. Хотя главная его работа по отношенію къ соціальной наукѣ есть та, которая относится къ исторіи, и именно къ исторіи идей, а не политики, но многое, а именно все, что онъ называетъ статикою общества, относится и прямо къ нашему предмету, такъ какъ политика есть по отношенію къ исторіи политической тоже, что статика по отношенію къ динамикѣ: первая есть наука организаціи, вторая — наука жизни. А потому мы не имѣемъ даже возможности напередъ указать все, что будемъ предполагать извѣстнымъ изъ Конта или въ чемъ сойдемся съ нимъ; говоря же вообще, мы усвоиваемъ въ настоящемъ сочиненіи почти цѣликомъ всю 50-ю главу его курса положительной философіи, какъ несомнѣнное, по нашему мнѣнію, достояніе политической науки, хотя достигнутое и съ иной точки зрѣнія, чѣмъ наша.

Наконецъ, что касается всѣхъ позднѣйшихъ, извѣстныхъ автору, сочиненій о политикѣ, то, хотя въ нихъ и чувствуется стремленіе уподобить себѣ и научный, и физіологическій взглядъ, на что намекаютъ иногда и самыя заглавія ихъ, какъ напр. Соціальная наука, Физіологія общества, Физіологія государства, Психологія общества, Статика общества и т. п., но въ нихъ нѣтъ ничего научнаго и физіологическаго кромѣ названій. Единственное блистательное исключеніе составляетъ Бокль; но трудъ его и по замыслу, и по исполненію остался, къ несчастію, однимъ фрагментомъ.

Для ученія

ВВЕДЕНІЕ.

Строеніе общества. Пирамидальное строеніе. Аристократія, демократія, тимократія. Правительство, гражданство, интеллигенція. Природовладѣльцы, капиталисты, труженики. Круговое строеніе. Села, города, столицы. Причина двоякаго построенія. Уклоненія отъ типа строенія. Неизмѣнность общаго плана его. Основанный на этомъ планѣ методъ изученія общества.

Собираясь внести дѣйствительную физіологическую точку зрѣнія въ политику, т. е. представить нервный процессъ общества, систему невещественныхъ отправленій его, нельзя не предпослать этой точкѣ сперва анатомическую, точку зрѣнія строенія, организаціи. Чтобъ узнать функціи, надо прежде знать факторовъ. Таково именно и будетъ назначеніе этого анатомическаго введенія.

Трудно себѣ представить что нибудь болѣе безпорядочное по первому взгляду, что нибудь болѣе хаотичное, какъ зрѣлище общества. Никакая сложность и запутанность не можетъ дать ни малѣйшаго понятія о сложности и запутанности этой. Въ самой высокой организаціи, съ какою имѣютъ дѣло натуралисты и какую представляетъ человѣческое тѣло, уже по первому взгляду нельзя не замѣтить нѣкоторой правильности какъ строенія, такъ и отправленій: что туловище помѣщается между головой и оконечностями, что принятіе пищи предшествуетъ выдѣленію — это ясно съ перваго взгляда. Совсѣмъ не то въ обществѣ даже самомъ небольшомъ, каковъ, напримѣръ, городъ. Вотъ передъ вами несется щегольская карета, на встрѣчу ей тянется обозъ

съ дегтемъ, справа пѣшеходъ — разнощикъ кричитъ во всю глотку, слѣва вяжутъ человѣка на тротуарѣ, черезъ дорогу перебѣгаетъ горничная со сливками въ рукахъ, тамъ дальше бѣгутъ погребальныя дроги, здѣсь кучка стѣснилась у церкви, дожидаясь вѣнчанья, откуда-то доносится какая-то музыка, возлѣ топчется на одномъ и томъ же мѣстѣ часовой, сзади слышны звуки команды, еще ближе плескъ веселъ, а вотъ промчался во весь опоръ всадникъ, спустя минуту грянула гдѣ-то пушка, и все это спутывается, переплетается, все сливается въ одинъ оглушительный гамъ и стукъ, гдѣ нѣтъ, повидимому, возможности ничего ни разглядѣть, ни разслышать, гдѣ трудно и на минуту допустить, чтобы во всемъ этомъ былъ какой нибудь порядокъ, чтобы все это неслось, тянулось, мчалось, встрѣчалось, ради какой нибудь одной и той же цѣли, и чтобы надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ могло царить какое нибудь единство. Гдѣ здѣсь верхъ и гдѣ низъ, гдѣ предъидущее и гдѣ послѣдующее — этого не увидишь глазами какъ на тѣлѣ. Въ большомъ обществѣ, напримѣръ въ государствѣ, хаосъ этотъ еще поразительнѣе. Правительство въ немъ нерѣдко стремится къ одной цѣли, самое же общество къ совершенно противоположной, при чемъ противорѣчіе нерѣдко доходитъ до формальнаго столкновенія. У высшихъ классовъ общества одни интересы, у низшихъ совсѣмъ другіе. У либераловъ такіе-то идеалы и стремленія, у консерваторовъ прямо обратныя. Въ одной и той же партіи одна ея секція хочетъ одного, другая другого. Одни постоянно уличаютъ другихъ въ поспѣшности, въ торопливости, вторые упрекаютъ первыхъ въ медленности, въ запаздываніи. Литературу одинъ винитъ какъ причину нравовъ, другой оправдываетъ ее какъ послѣдствіе ихъ. Революціонеры постоянно ссылаются на философовъ, философы постоянно отрекаются отъ всякой солидарности съ революціонерами. Заговорщики то и дѣло опираются на науку, на опытъ исторіи, а историки то и дѣло умываютъ руки въ своей неповинности. Общественное мнѣніе говоритъ одно, законодательство говоритъ

другое, и когда и почему онѣ согласны, а когда и почему расходятся, — неизвѣстно. Чего нѣтъ и никогда не было въ законодательствѣ, часто оказывается на дѣлѣ, а что тамъ предписывается самымъ строгимъ образомъ, то здѣсь нерѣдко вовсе не существуетъ. Судъ безпрестанно поддерживаетъ законъ, а между тѣмъ законъ все таки безпрестанно падаетъ. При явномъ недостаткѣ въ законѣ бываютъ явныя достоинства въ судѣ, и наоборотъ при всѣхъ достоинствахъ закона часто всѣ они уничтожаются недостатками суда. Администрація всегда жалуется на публику, на правы, какъ обязывающіе ее, публика и правы всегда жалуются на администрацію, какъ обязывающую ихъ. Гдѣ кончается правъ и гдѣ начинается обычай, гдѣ конецъ обычая и начало преданія, и есть ли между всѣмъ этимъ разница, — никто не знаетъ и знать не хочетъ. Какое отношеніе между преданіемъ и литературой, литературой и общественнымъ мнѣніемъ, мнѣніемъ и закономъ, закономъ и правосудіемъ, правосудіемъ и управленіемъ, управленіемъ и общежитіемъ, гдѣ ихъ соединеніе и гдѣ раздѣленіе, что изъ нихъ начальное и что конечное, что предшествуетъ и что послѣдуетъ, въ чемъ ихъ согласіе и въ чемъ противорѣчіе, — все это глубокая тайна. Войну всѣ клянутъ, всѣ осуждаютъ какъ нелѣпость и безсмыслицу, и всѣ продолжаютъ воевать. Есть ли какой нибудь смыслъ въ побѣдѣ и въ пораженіи или нѣтъ никакого — одному Богу извѣстно. Почему общество, побѣждавшее всѣхъ вчера, побѣждается всѣми сегодня, — это опять секретъ. Что сегодня считается въ высшей степени прогрессивнымъ, на завтра оказывается ретроградствомъ. Недавнее процвѣтаніе выходитъ въ сущности упадкомъ, а видимый упадокъ является источникомъ обновленія и т. д. и т. д. И гдѣ разрѣшеніе всѣхъ этихъ противорѣчій, гдѣ единство всего этого разнообразія, гдѣ свѣтъ для всей этой тьмы, — ничего этого простымъ, невооруженнымъ глазомъ не видно. Когда же предстанетъ предъ насъ зрѣлище такого общества, какъ все человѣчество, гдѣ стекаются сто, пятьсотъ, тысяча милліоновъ воль,

чтобы образовать тотъ же хаосъ, гдѣ каждая изъ нихъ имѣетъ въ виду единственно себя и свое дѣло, нисколько не думая о чужомъ, гдѣ билліоны отношеній перепутываются между собою такъ, что часто не умѣешь назвать ихъ по имени, то здѣсь представить себѣ единство и порядокъ окажется еще труднѣе для воображенія. Оттого-то нѣтъ почти ни одного самаго азбучнаго вопроса политики, о которомъ не были бы возможны самыя противоположныя мнѣнія и самые ожесточенные споры. А между тѣмъ должно же въ этомъ разнообразіи быть какое нибудь единство; и дѣйствительно, хотя всякое общество стремится, повидимому, разползтись въ разныя стороны, и хотя никогда, напримѣръ, народы не пробовали соглашаться на счетъпрограммъ своихъ, однакожъ безпрестанно случалось, что они дѣйствовали какъ будто согласившись, исполняли, сами того не подозрѣвая, общую задачу. Равно и внутри себя каждое общество, бросаясь въ глаза преимущественно жизнью частей своихъ, живетъ однакожъ и жизнью цѣлаго, гдѣ все есть и единство, и взаимность, и гармонія, и стройность. Открытіе-то этого единства и составляетъ задачу всякой науки. А самое первоначальное разрѣшеніе такой задачи состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы представляющійся глазамъ цѣльный хаосъ раздѣлить сперва, по крайней мѣрѣ, на два хаоса. Такимъ-то раздѣленіемъ хаоса политическаго и есть между прочимъ различеніе въ немъ на первый разъ по крайней мѣрѣ двухъ разнообразій: разнообразія строеній и разнообразія отправленій.

Строеніе въ свою очередь не представляетъ, повидимому, ничего однообразнаго; оно варьируется, повидимому, до безконечности, смотря по мѣстамъ, по временамъ и по самымъ объемамъ обществъ: тѣмъ не менѣе, однакожъ, есть вездѣ, всегда и во всякихъ обществахъ такія черты сходства, которыя даютъ возможность найти и здѣсь единство, открыть повсемѣстное и повсевременное строеніе обществъ, и при томъ не только такихъ какъ государства, націи и т. п., но

всѣхъ безъ исключенія, каковы бы ни были ихъ размѣры и цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, будетъ ли это семья или имперія, поколѣніе или сословіе, балъ или армія, школа или фабрика, больница или человѣчество, — вездѣ и всегда мы увидимъ на самомъ верху даннаго общества меньшее количество особей его, а въ самомъ низу большее. Въ семьѣ это, съ одной стороны, родители, съ другой — дѣти и домочадцы, въ имперіи — управляющіе и управляемые, въ поколѣніи — предки и потомки, въ сословіи — представители и представляемые, на балу — хозяева и гости, въ арміи — начальники и подчиненные, въ школѣ—учители и ученики, на фабрикѣ—мастера и рабочіе, въ больницѣ—лекаря и больные, въ человѣчествѣ—передовые народы и отсталые. Мало того, первыхъ не только всегда меньше чѣмъ вторыхъ, но они всегда стремятся въ свою очередь стать еще меньше и въ свою очередь выдѣлить изъ себя меньшинство; и это выдѣленіе меньшинства есть правительство. Правительство въ свою очередь выдѣляетъ изъ себя новыя и новыя меньшинства, такъ что послѣдній предѣлъ этого выдѣленія и есть единственная, недѣлимая болѣе особь: отецъ, императоръ, прадѣдъ, прародитель, хозяинъ, главнокомандующій, директоръ, фабрикантъ, главный докторъ, президентъ, гегемонствующій народъ и т. д. Словомъ, всякое возможное общество, идя снизу вверхъ, непремѣнно съужается, такъ что оканчивается, наконецъ, вершиною, состоящею изъ одной индивидуальности. Другими словами, строеніе общества есть чисто *пирамидальное*. Если и случались нѣкоторыя общества, во главѣ которыхъ стояли какъ будто двое или нѣсколько, а не одинъ (два суффета въ Карѳагенѣ, два императора въ Японіи, два консула въ Римѣ, три консула во Франціи, пятерная директорія тамъ же, девять архонтовъ въ Греціи, совѣтъ десяти въ Венеціи), то изъ этихъ двухъ или нѣсколькихъ кто нибудь все-таки, если не постоянно, то временно, періодически, поочередно, но былъ первымъ: консулъ текущаго мѣсяца, духовный императоръ, тотъ или другой суффетъ,

первый консулъ, президентъ директоріи, архонтъ-эпонимъ, дожъ. Такимъ образомъ эмпирически обобщеніе это, этотъ порядокъ въ строеніи, это единство плана въ немъ, неопровержимы: до сихъ поръ это было дѣйствительно такъ, и не бывало иначе. Но одного этого еще мало для научнаго закона: такъ было не значитъ еще, что такъ будетъ всегда, что такъ должно быть, что иначе быть не можетъ. Есть множество явленій, общихъ всему прошедшему, и, однакожъ, исчезающихъ въ настоящемъ и невозможныхъ въ будущемъ, какъ напримѣръ явленіе рабства. И такъ чтобы пирамидальное строеніе общества могло быть возведено въ подлинно научный законъ, для этого надо доказать, что оно неустранимо, что отмѣнить его не во власти человѣка. А чтобъ убѣдиться въ этомъ, надо узнать причины такого строенія и потомъ обсудить, временныя онѣ или вѣчныя, удобообходимыя или непзбѣжныя.

Первая причина есть невозможность движенія общественнаго при всякомъ иномъ устройствѣ. Ни народы въ человѣчествѣ, ни сословія въ народѣ, ни личности въ сословіи, и т. д. не могутъ подвигаться впередъ всѣ рядомъ, какъ бы вытянувшись въ одну линію: непремѣнно долженъ быть впереди авангардъ, позади арьергардъ. Походъ этотъ въ концѣ концовъ зависитъ отъ хода мысли; а процессъ этой послѣдней таковъ, что всякая изъ нихъ не можетъ зарождаться вдругъ и единовременно во всѣхъ умахъ, но возникаетъ сперва въ одной головѣ, потомъ переходитъ къ нѣсколькимъ, и наконецъ распространяется на множество. Такимъ образомъ для всякаго новаго шага впередъ, для всякаго перемѣщенія съ мѣста на мѣсто, отъ одного мнѣнія къ другому, необходимо, что бы прежде всѣхъ или прежде большинства перемѣстились нѣкоторые, меньшинство, а прежде меньшинства кто нибудь одинъ. Вотъ первая причина. А такъ какъ причина эта такова, что устранить ее нѣтъ у насъ возможности, то остается заключить, что невозможно обойтись и безъ пирамидальнаго строенія общества, по край-

ней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока общество имѣетъ находиться въ движеніи. До какой бы быстроты популяризированія и распространенія идей мы ни достигли, все таки мы не дойдемъ никогда до того, чтобы ничего ни разспространять, ни популяризировать не приходилось, и чтобы всѣ люди, какъ бы по командѣ, приходили каждый разъ къ одному и тому же новому выводу, новому намѣренію. А коль скоро неизбѣжна хотя бы то только пропаганда, то вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно и пирамидальное строеніе, не говоря уже о неравенствѣ индивидуальныхъ способностей. Наконецъ для умовъ съ воображеніемъ слишкомъ пылкимъ, готовыхъ перешагнуть и этотъ послѣдній предѣлъ совершенствованія, мы напомнимъ еще одинъ, физіологическій предѣлъ, предѣлъ возрастовъ. Разница отцовъ и дѣтей уже окончательно не во власти нашей; она всегда будетъ полагать грань между первыми, какъ меньшинствомъ, и вторыми, какъ большинствомъ, она всегда потребуетъ продолженія управленія со стороны первыхъ и продолженія подчиненія со стороны вторыхъ, и такимъ образомъ донесетъ пирамидальное построеніе до конца временъ. Если же для чьей либо мысли и этотъ предѣлъ не есть еще предѣлъ, если для нея возможно и самое равенство младенцевъ и взрослыхъ, то для нея это должно представляться по крайней мѣрѣ концомъ всякой исторіи, послѣ котораго не куда дальше итти, и гдѣ всякая наука уже излишня. До тѣхъ же поръ, и пока наука нужна, она можетъ и должна имѣть дѣло только съ теченіемъ исторіи, а не ея концами и началами. Для теченія же этого къ какому бы то ни было концу пирамидальное построеніе неизбѣжно. Могутъ измѣняться въ немъ самымъ радикальнымъ образомъ и характеръ, и отношенія, и числительность меньшинства и большинства, могутъ измѣняться степени ихъ подчиненія и зависимости, можетъ измѣниться совершенно все нынѣшнее различіе ихъ ролей, можетъ, наконецъ, такъ сказать, притупляться вершина пирамиды, но планъ строенія все таки останется до тѣхъ поръ, пока останется возможность и дѣйст-

вительность движенія. Эта связь движенія и пирамидальности коренится еще глубже чѣмъ въ природѣ человѣка: она коренится въ природѣ животныхъ и даже во всей мертвой, неорганической природѣ. Въ этой послѣдней, напримѣръ, для удобнѣйшаго разсѣченія пробѣгаемой среды, по закону механики, требуется, чтобы тѣло обращено было въ сторону движенія наименьшею своею поверхностью. А чтобы сообщить ему наименьшую или наиболѣе завостренную поверхность, геометрія не знаетъ для этого никакой иной фигуры кромѣ пирамидальной: только благодаря этой послѣдней формѣ и обращенію ея въ сторону движенія вершиной своей, свободно разсѣкаетъ свой воздухъ движущаяся въ немъ стрѣла, свободно разсѣкаетъ свою жидкость движущійся въ ней корабль, свободно разсѣкаетъ свое дерево движущійся вь немъ клинъ. Благодаря тому же самому построенію, совершается перемѣщеніе и въ зоологическомъ царствѣ. Мы не знаемъ ни одной группы животныхъ, перемѣщеніе коей совершалось бы при иномъ построеніи, чѣмъ болѣе или менѣе трехугольное. Всякая стая перелетныхъ птицъ, всякое стадо, всякій рой летитъ впередъ не иначе, какъ построившись треугольникомъ и обратившись въ сторону движенія вершиной его, т. е. маткою, вожатымъ, передовымъ. О правильной общественной стражѣ у многихъ животныхъ, объ оборонѣ ихъ отъ непріятеля, при чемъ самцы становятся впереди, а все стадо отодвигается назадъ, о правительствѣ у павіановъ, нападающихъ на сады подъ предводительствомъ одного, расказывается множество подробностей у Дарвина, у Геккеля, у Брема. Такимъ образомъ какъ ни странно, что историческую среду, что среду времени приходится разсѣкать тѣмъ же построеніемъ какъ и среду пространства, что обществу пришлось построиться также какъ и стаду, тѣмъ не менѣе, однакожъ, это фактъ, фактъ, остающій у всѣхъ ежедневно передъ глазами, фактъ, оправдываемый и общимъ неорганическимъ, и частнымъ органическимъ, и частнѣйшимъ исихологическимъ закономъ.

Другая причина того же самаго факта есть статическая, а не динамическая. До сихъ поръ разсматриваемая фигура нужна была для потребностей движенія, стремительности, прогресса; теперь она также необходима и для потребностей покоя, равновѣсія, порядка. Безъ широкаго и не-подвижнаго основанія внизу нѣтъ, по законамъ физики, устойчивости предмета. Если бы общество приняло видъ призмы, гдѣ основаніе и вершина одинаковы, или, что еще хуже, если бы на вершинѣ его помѣстилось неподвижное большинство, а въ основаніи подвижное меньшинство, то весьма естественно, что такое положеніе поминутно угрожало бы обществу выходомъ изъ равновѣсія и паденіемъ. Меньшинство ежеминутно стремилось бы низвергнуть, опрокинуть большинство и самому занять его мѣсто. При устройствѣ же пирамидальномъ, гдѣ большинство размѣщается внизу, гдѣ общественная неподвижность осѣдаетъ, слѣдовательно, на дно, вмѣстѣ съ нею опускается сюда же и центръ тяжести, такъ что ни-какія колебанія подвижного меньшинства, происходящія вверху, не въ состояніи вывести тѣло изъ равновѣсія на столько, чтобы угрожать ему паденіемъ, хотя и въ состояніи колебать его на столько, чтобы не допускать его до застоя. Въ зоологическомъ смыслѣ такое построеніе усвоивается также не только для перемѣщеній, но также для покоя, какъ напримѣръ во время пастьбы или сна: на сторожѣ остается меньшинство, большинство же предается или сну или питанію. Психологически такое построеніе еще болѣе необходимо для порядка и равновѣсія, чѣмъ зоологически. Если бы всякая власть и всякая подчиненность исчезли, порядокъ былъ бы немыслимъ ни на одну минуту. Сохранить же какую бы то ни было власть и какое бы то ни было подчиненіе значитъ сохранить пирамидальную фигуру обществъ.

Еще одна причина такой фигуры будетъ объяснена на своемъ мѣстѣ въ текстѣ.

Установивши это самое общее очертаніе общественной фигуры и устранивши тѣмъ самый первоначальный хаосъ, пе-

рейдемъ теперь къ хаотическимъ частностямъ этого построенія. Первою частною его чертою будетъ та, которая сама собою вытекаетъ изъ предыдущаго, т. е. поперечная черта, раздѣляющая пирамиду на двѣ неравныя половины. Коль скоро мы признали неизбѣжность меньшинства и большинства, то тѣмъ самымъ мы увѣковѣчили незыблемость *аристократіи* и *демократіи*. Можетъ, какъ замѣчено выше, измѣняться характеръ той и другой, можетъ измѣняться онъ до неузнаваемости; такъ напр. вмѣсто аристократіи и демократіи крови могутъ явиться аристократія и демократія богатства, ума, знанія, нравственнаго достоинства; но самая сущность вещи оттого не потеряется. Если въ средніе вѣка демократія состояла не изъ рабовъ, какъ въ древности, а изъ крѣпостныхъ, если въ наши времена она состоитъ не изъ крѣпостныхъ, а изъ пролетаріевъ, то отъ этого фактъ существованія демократіи, т. е. фактъ большинства, обездоленнаго по сравненію съ меньшинствомъ, не прекратился, а только преобразился. Равнымъ образомъ и впредь, когда исчезнутъ пролетаріи, могутъ остаться на ихъ мѣстѣ небогатые люди, исчезнутъ богатые и бѣдные — останутся невѣжды, не станетъ невѣждъ — останутся неспособные, уравняются и способности—останутся возрасты, и фактъ разницы, фактъ неравенства, хотя бы то постоянно видоизмѣняясь, ослабляясь и уменьшаясь до ничтожества, все-таки останется вѣчнымъ на столько же, на сколько вѣчно самое общество; а слѣдовательно останутся вѣчными и аристократія, и демократія, или точнѣе меньшинство и большинство.

Въ срединѣ между этими двумя противопожностями, какъ и между всякими противоположностями міра, есть звѣно переходное отъ одной къ другой изъ нихъ, звѣно, не имѣющее ни преимуществъ, ни недостатковъ ни той, ни другой: это—средній классъ, по нынѣшнему *тимократія*. Она опять можетъ то увеличиваться, то уменьшаться, можетъ или совершенно почти исчезать то въ меньшинствѣ, то въ большинствѣ, или же, напротивъ, наполнятъ собою чуть не всю пирамиду, но тѣмъ не

менѣе понятіе ея не отдѣлимо отъ понятія общества, коль скоро въ этомъ послѣднемъ признаны уже двѣ оконечности. Если въ древности звѣно это чуть было замѣтно, такъ что надо было Аристотеля, для того чтобъ открыть все великое значеніе этого класса, если въ будущемъ оно можетъ составлять собою чуть не все общество, то это все таки не устраняетъ основного дѣленія общественной пирамиды. Такимъ образомъ хаотическая пирамида наша представляется теперь уже съ двумя поперечными, т. е. параллельными основанію, чертами: одна отдѣляетъ меньшинство отъ средины, другая— средину отъ большинства. Выше или ниже проходятъ обѣ эти линіи тогда или теперь, тамъ или здѣсь,—это вопросъ сравнительной анатоміи, вопросъ, наконецъ, исторіи того или другого строенія; для общей же и неизмѣнной анатоміи достаточно того, что и тамъ, и здѣсь, и тогда, и теперь онѣ проходятъ гдѣ нибудь непремѣнно. Равнымъ образомъ такъ или иначе называются тогда или теперь эти дѣленія, аристократіей, тимократіей, демократіей или какъ нибудь иначе, но вещь всегда существуетъ и при перемѣнѣ имени. Такъ въ Греціи высшимъ классомъ были сперва эвпатриды, потомъ пентакосіомедимны, а потомъ всѣ вообще граждане, но все таки это было не что иное какъ меньшинство въ греческой пирамидѣ. Среднимъ классомъ были сперва всѣ граждане, кромѣ эвпатридовъ, потомъ одни только теты, и наконецъ метойки, но все таки средній классъ былъ постоянно. Большинствомъ были и сначала рабы, и потомъ рабы, и подъ конецъ рабы. Такъ въ Римѣ высшимъ классомъ были сперва патриціи, среднимъ плебеи, низшимъ рабы; потомъ высшимъ стали нобили, оптиматы и всѣ, пожалуй, граждане, среднимъ стали союзники, socii, и, пожалуй, dediticii, низшимъ отпущенники и рабы. Такъ въ новой исторіи меньшинствомъ были сначала феодалы, бароны, срединою — горожане, большинствомъ — крѣпостные; а потомъ высшимъ классомъ стала нетолько аристократія, но и крупная буржуазія, среднимъ стала не только буржуазія, но и мелкая аристократія, низшимъ стали

рабочіе, хотя уже не крѣпостные и не рабы. Такія же только варьяціи возможны и въ будущемъ, но тема ихъ и въ будущемъ та же что въ прошедшемъ: меньшинство, центръ и большинство.

Послѣ этихъ поперечныхъ дѣленій общества слѣдуютъ столь же элементарныя продольныя. Продольное дѣленіе общества представляется также двумя линіями, но опущенными отъ вершины къ основанію, какъ это можно видѣть наглядно на слѣдующей фигурѣ.

Въ верхнемъ слоѣ, въ меньшинствѣ эти двѣ линіи образуютъ собою три треугольника: *законодателей, судей и администраторовъ*. Каждая изъ этихъ общественныхъ сферъ въ основаніи своемъ, также какъ и вся пирамида, гораздо шире, гораздо многочисленнѣе, а къ вершинѣ гораздо уже, гораздо малочисленнѣе. Малочисленность эта доходитъ до того, что въ самой вершинѣ каждая изъ трехъ сферъ оканчивается одною точкою, и даже до того, что всѣ три вершины сливаются въ одной: это—*верховная власть* общества. Здѣсь опять могутъ быть видоизмѣненія въ равенствѣ трехъ треугольниковъ, смотря по преобладанію того или иного изъ нихъ: законодательнаго, судебнаго или правительственнаго; при чемъ иногда первый можетъ стѣснять собою площади двухъ другихъ и разширяться на ихъ счотъ (какъ это бываетъ въ демократіяхъ), а иногда послѣдній (какъ это бываетъ въ деспотіяхъ). Весьма естественно, что можетъ быть и третій случай, — распространеніе средняго или судебнаго треугольника на счотъ двухъ боковыхъ (хотя исторія и непредставляла пока такого примѣра). Но какая же необходимость въ этихъ под-

раздѣленіяхъ меньшинства? и точно ли ихъ можетъ быть только три, а не два и не четыре? Необходимость та, что, какую бы дѣятельность общественную мы ни взяли, всякая непремѣнно состоитъ, во первыхъ, въ изобрѣтеніи, во вторыхъ въ приспособленіи, и въ третьихъ въ исполненіи; а для каждаго изъ этихъ элементовъ дѣятельности необходимъ и особый факторъ. Въ правительствѣ эти три элементарныя дѣятельности суть: изобрѣтеніе правъ, приспособленіе ихъ къ дѣйствительности и наконецъ воплощеніе въ жизнь; отсюда и три, а не два, не четыре, фактора; отсюда же и факторы эти суть изобрѣтатели, приспособители и примѣнители правъ, какъ бы они ни назывались по мѣстамъ и временамъ, и какъ бы ни мѣнялись характеры изобрѣтенія, приспособленія и осуществленія. Всѣ же вмѣстѣ эти три фактора или треугольника представляютъ собою непременно *природовладѣльцевъ* общества. Это опять необходимость, потому что какихъ бы общественныхъ факторовъ мы ни разсматривали, они непремѣнно будутъ или факторы природы, или факторы искуства, или факторы исторіи, такъ какъ никакихъ иныхъ источниковъ соціальнаго творчества нѣтъ, кромѣ силъ природы, силъ искуства и силъ человѣка. И если эти силы выходятъ изъ своего первоначальнаго синтеза, то одна непремѣнно скопляется въ одномъ пунктѣ общества, другая — въ другомъ, третья — въ третьемъ. Такими-то скопленіями и суть: преимущественное обладаніе то природой, то искуствомъ, то личными силами. Пропорціи этихъ скопленій могутъ варьироваться до безконечности, но самый фактъ скопленія непреходимъ, потому что уничтоженіе его предполагало бы возвращеніе къ первобытному хаосу, гдѣ природа и человѣкъ не отдѣлены еще другъ отъ друга, и гдѣ отъ нихъ обоихъ не отдѣлилось еще взаимодѣйствіе человѣка и природы — искуство.

Продольное дѣленіе средняго класса образуетъ три трапеціи: *арендаторовъ*, *мануфактуристовъ*, *банкировъ*. Первая изъ нихъ составляетъ продолженіе треугольника законодательнаго, потому что даетъ инціативу всей экономической жизни,

какъ законодательство — всей политической, и потому что есть дѣятельность добывающая, какъ законодательство — изобрѣтающая; вторая, мануфактура, есть продолженіе судебнаго треугольника въ среднемъ классѣ, потому что обработываетъ продукты земледѣлія, какъ юстиція обработываетъ продукты законодательства; третья, банкъ, кредитъ, есть продолженіе правительственнаго режима въ средній классъ, потому что также направляетъ всю его дѣятельность и также распредѣляетъ въ немъ всѣ продукты земледѣлія и мануфактуры, какъ администрація направляетъ дѣятельность всѣхъ классовъ и распредѣляетъ между ними продукты законодательства и правосудія. Но каждое изъ этихъ продолженій есть именно трапеція, а не треугольникъ, потому что, хотя основаніе и здѣсь шире вершины, но вершина далеко не такъ централизована, какъ тамъ: арендаторы, мануфактуристы и банкиры, хотя и возвышаются одни надъ другими по богатству и вліянію, но никогда не сливаются въ одномъ лицѣ. Всѣ же вмѣстѣ эти три трапеціи представляютъ собою *капиталистовъ* общества, т. е. преимущественныхъ обладателей искуства, результатовъ взаимодѣйствія человѣка и природы.

Третье продольное дѣленіе есть дѣленіе большинства на *земледѣльцевъ*, *ремесленниковъ* и *торговцевъ*. Къ этимъ подраздѣленіямъ относятся всѣ тѣ же опредѣленія, что и къ предыдущимъ: земледѣльцы — творцы, изобрѣтатели, добыватели, ремесленники — обработыватели, купцы — перемѣстители. Существеннымъ же отличіемъ всѣхъ этихъ трехъ подраздѣленій вмѣстѣ отъ такихъ же подраздѣленій предъидущихъ служитъ то, что всѣ онѣ вмѣстѣ суть представители всего труда въ обществѣ или *труженики*, обладатели личной человѣчьей силы.

Наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ продольныхъ и поперечныхъ дѣленій, есть еще одно обоюдное, особенность котораго состоитъ въ томъ, что оно, не совпадая ни съ однимъ изъ предъидущихъ исключительно, совпадаетъ со всѣми ими вообще. Это — представители труда нервнаго, работники умственные, *интеллигенція* общества. Въ самомъ дѣлѣ, классъ этотъ не

имѣетъ никакого сомкнутаго положенія въ обществѣ, онъ не ограниченъ никакимъ общественнымъ кругомъ, изъ котораго бы выдти было невозможно: Эзопъ былъ рабъ, Горацій былъ отпущенникъ, тогда какъ ни одинъ эвпатридъ или патрицій не былъ возможенъ между рабами. Такимъ образомъ интеллигенція даже и въ древнемъ мірѣ постоянно проскакиваетъ то вверху, то внизу, то по серединѣ, постоянно откликается то съ одной стороны пирамиды, то съ другой, то изъ самаго центра. Съ меньшинствомъ, съ аристократіей этотъ классъ солидаренъ потому, что онъ представитель способностей населенія, потому что раздѣляетъ съ нею обладаніе природою страны, но только нравственною, а не физическою, дарованіями населенія, а не дарами территоріи. Съ большинствомъ, съ демократіей, онъ солидаренъ потому что, также какъ и она, представитель труда въ обществѣ, потому что раздѣляетъ съ нею обладаніе личными силами, но только умственными, а не физическими. Съ тимократіей интеллигенція солидарна какъ такой же капиталистъ, какъ обладатель накопленнаго знанія. Словомъ, интеллигенція обладаетъ и всею природою, и всѣмъ капиталомъ, и всѣмъ трудомъ нервнымъ. А между тѣмъ, будучи солидарна со всѣми классами, интеллигенція не примыкаетъ ни къ одному изъ нихъ разъ на всегда, не отождествляется ни съ однимъ. Если *мыслители*, какъ производители сырыхъ матеріаловъ, приковываютъ ее, повидимому, къ законодателямъ, арендаторамъ и земледѣльцамъ, то *художники*, какъ обработыватели этихъ матеріаловъ, на столько же пріурочиваютъ ее къ судьямъ, къ мануфактуристамъ, къ ремесленникамъ, а *политики*, какъ прожектеры, какъ пропагандисты, какъ исполнители, уподобляютъ интеллигенцію и правительству, и банку, и торговлѣ. Въ свою очередь изъ числа послѣднихъ, политиковъ, *новаторы* опять играютъ первую роль, *публицисты* опять вторую, *агитаторы* опять третью; разница только та, что это не въ сферѣ созерцательной, а въ сферѣ дѣятельной, не въ общей интеллигенціи, а въ соціальной, не въ теоріи, а въ практикѣ. Словомъ, это классъ по-

всемѣстный въ обществѣ и не имѣющій въ немъ никакого спеціальнаго мѣста. Эта-то повсемѣстность интеллигенціи общества и указываетъ на самую оригинальную и характерную черту соціальнаго строя; она указываетъ на строеніе, преимущественно предрасположенное къ умственнымъ и нравственнымъ отправленіямъ, и въ то же время указываетъ на такое размѣщеніе этихъ отправленій, при которомъ онѣ могли бы питать, усиливать и возвышать собою и каждую изъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ функцій.

Теперь насъ ожидаетъ вопросъ: да такъ ли будетъ и всегда, какъ было до сихъ поръ и какъ есть теперь? не можетъ ли вся эта организація перевернуться современемъ вверхъ дномъ? Но это все равно, что спросить: да точно ли организація человѣка будетъ и всегда такова, какъ была до сихъ поръ и какъ есть теперь? и не можетъ ли эта организація перевернуться современемъ вверхъ дномъ? Конечно, можетъ; но въ извѣстныхъ и весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Можетъ, напримѣръ, нервная система развиться на счетъ мускульной или на оборотъ; можетъ сердце развиваться на счотъ легкихъ и обратно; можетъ развиваться голова въ ущербъ туловищу и взаимно. Но ни нервы, ни мускулы, ни легкія, ни сердце, ни голова, ни туловище уйти вонъ изъ организаціи не могутъ, или, если уйдутъ, то это будетъ уже организація не человѣка, а кого нибудь другого. Всѣ измѣненія ограничены только пропорціями составныхъ частей, но не самымъ быть или не быть ихъ. То же и съ обществомъ. Измѣненія въ организаціи его возможны, и возможны больше, чѣмъ въ какой нибудь другой; ибо, какъ указалъ Контъ, чѣмъ явленіе сложнѣе, тѣмъ оно и измѣнчивѣе: явленія астрономіи совсѣмъ недоступны нашему вліянію на нихъ; физическія и химическія уже доступны; органическія еще болѣе; а соціальныя болѣе всѣхъ ихъ. Но тѣмъ не менѣе предѣлъ все таки есть. И угадать этотъ предѣлъ и это направленіе измѣненій можно только разширивъ сравненіе организацій, только распространивъ его на всю лѣстницу организмовъ отъ слизняка

до человѣка. А что же мы увидимъ на всемъ этомъ протяженіи? Мы увидимъ, что измѣненія идутъ не въ смыслѣ упрощенія, а постоянно въ смыслѣ осложненія, не въ направленіи смѣшенія органовъ и отправленій, а напротивъ въ направленіи все большей и большей спеціализаціи и тѣхъ, и другихъ. И такъ, судя по этому, мы можемъ разсчитывать и для общества не на какія либо иныя видоизмѣненія организаціи, какъ только на усложняющія и спеціализирующія. Съ другой стороны измѣненія, уже испытанныя организаціею обществъ въ прошедшемъ, составляютъ для насъ также отличный намекъ на то, въ какомъ направленіи можно ожидать ихъ и отъ будущаго. А намекъ общественной исторіи оказывается тѣмъ же самымъ какъ и намекъ естественной исторіи; т. е. первая, также какъ и вторая, говоритъ, что вся измѣнчивость общественной организаціи есть не что иное какъ непрестанное усложненіе ея и непрестанная спеціализація ея органовъ. И такъ по обоимъ этимъ основаніямъ, внѣ которыхъ и не можетъ быть никакого солиднаго соображенія, все, чего мы можемъ ждать отъ будущаго, есть только умноженіе общественныхъ органовъ до неизвѣстной степени и спеціализація ихъ до такой же степени. И такъ тѣ органы, какіе уже однажды усвоены обществу, останутся съ нимъ на вѣки, и если измѣнятся въ чемъ либо, то только въ томъ, что осложнятся еще больше и еще больше спеціализируются. И дѣйствительно, на пространствѣ всей минувшей исторіи не возможно указать ни одного соціальнаго органа, который, будучи однажды инкорпорированъ въ общество, впослѣдствіи исчезъ бы изъ него. Такъ напримѣръ долго, а именно въ продолженіе всей исторіи древняго востока, не было особаго органа законодательнаго и онъ оставался смѣшаннымъ съ правительственнымъ и съ судебнымъ; но коль скоро онъ однажды отдѣлился отъ нихъ и спеціализировался въ Греціи, съ тѣхъ поръ все стремленіе исторіи состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы смѣшать его вновь съ прежними, а только въ томъ, чтобы сохранить его отдѣленнымъ, осложнить его еще больше и спеціализировать

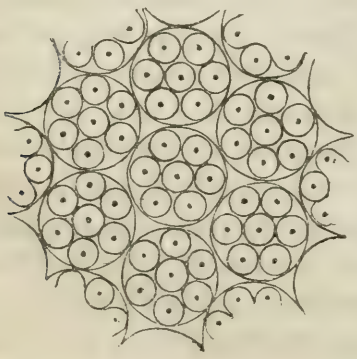
его еще пуще. То же самое можно сказать о кредитѣ, о банкѣ въ древности по сравненію съ новымъ временемъ. То же должно сказать и о среднемъ сословіи тогдашнемъ и теперешнемъ. Правда, могутъ еще возразить, что во всякой организаціи есть существенные для жизни органы и не существенные: такъ человѣкъ можетъ жить безъ ноги, безъ почки, и не можетъ жить только безъ легкихъ, безъ сердца и т. п. А поэтому и въ обществѣ измѣненіе могло бы доходить до совершеннаго уничтоженія органа, лишь бы онъ не былъ существенный для жизни. Такъ напримѣръ учрежденіе религіозныхъ таинствъ, диктатуры, эзимнетовъ, свойственное древнимъ народамъ, исчезло у новыхъ; учрежденіе рыцарскихъ орденовъ, свойственное среднимъ вѣкамъ, преобразилось у насъ до того, что его узнать нельзя. Но надо же вспомнить, что въ нашей схемѣ строенія мы и не касались не только такихъ третьестепенныхъ, но даже никакихъ второстепенныхъ учрежденій общественныхъ, а ограничились только самыми коренными, и только ихъ и имѣли въ виду. А ограничиваясь ими, мы имѣемъ теперь полное право утверждать, что притязаніе извергнуть изъ общественнаго тѣла торговлю, какъ тунеядство, или аристократію, какъ непроизводительное сословіе, есть то же, что и притязаніе выбросить изъ человѣка сосудистую систему, мозгъ, сердце, и все это для того, чтобы онъ сталъ счастливѣе! Отчего бы не выбросить послѣ этого и пропагандистовъ, которые также только суются между производителями и потребителями идей?...

Говоря о строеніи общества, мы по небходимости должны были говорить объ обоихъ его строеніяхъ, какъ экономическомъ (средній и низшій классъ), такъ и политическомъ (высшій классъ и интеллигенція), потому что ни экономія, ни соціологія не освободили еще насъ отъ этого вмѣшательства въ ихъ вѣдомство. Но теперь необходимо замѣтить, что къ политикѣ относятся и будутъ разсмотрѣны въ своихъ отправленіяхъ по преимуществу только два изъ всѣхъ обозначенныхъ выше органовъ, а именно: аристократія и интеллигенція, какъ произ-

водители нравственнаго и умственнаго богатства обществъ. Остальные же два, средній и низшій классъ, какъ классы политически непроизводительные, какъ участвующіе въ политикѣ только въ смыслѣ простаго гражданства, не могутъ имѣть въ ней иного мѣста, какъ только пассивное.

Такова анатомія общества съ точки зрѣнія населенія, его составляющаго. Но есть еще другое строеніе, съ точки зрѣнія территоріи общественной. Если первое спеціально для потребностей движенія, прогресса, то второе столь же спеціально для цѣлей покоя, порядка. Въ первомъ смыслѣ строеніе было вертикальное,—въ этомъ оно горизонтальное; въ первомъ случаѣ оно было пирамидальнымъ,—въ данномъ оно является *круговымъ*. Въ самомъ дѣлѣ, какое бы общество мы ни взяли, всегда въ немъ различается пространственно, съ одной стороны, центръ, а съ другой—окружность. Въ семьѣ этотъ центръ—отецъ, эта окружность—дѣти, домочадцы, слуги. Съ распространеніемъ семьи племеннымъ, распространяется она и территоріально, при чемъ не только увеличивается окружность прежняго центра, но образовываются вокругъ него и новые, второстепенные центры съ ихъ окружностями: это — новые отцы и новыя семьи. Эти въ свою очередь даютъ и въ себѣ самихъ мѣсто для новыхъ, третье-степенныхъ центровъ и окружностей, и т. д. и т. д. Этотъ типъ строенія, возникнувъ при самомъ началѣ общества, никогда уже больше не теряется; и какъ бы общество ни разросталось, какія бы цѣли оно себѣ ни предполагало, типъ этотъ сохраняется безпрекословно вездѣ и всегда. Такимъ образомъ вокругъ первоначальнаго центра, Рима, и первоначальной окружности его, Лаціума, мало по малу наращаются новые центры и окружности въ видѣ Этруріи, Самніума, Кампаніи, Великой Греціи, Цизальпинской Галліи и всей вообще Италіи. Вокругъ этой послѣдней какъ новой окружности, появляются со всѣхъ сторонъ другія, дальнѣйшія, какъ Македонія, Греція, Малая Азія, Египетъ, Нумидія, Мавретанія, Испанія, Галлія, Германія, облагая такимъ образомъ всю Италію кругомъ. И сколько

ни видоизмѣняется потомъ это естественное наращеніе, сколько ни разнообразятся способы управленія и распорядка, — типъ ихъ остается все-таки прежній, круговой, а именно концентрическій и вмѣстѣ эксцентрическій. Такъ напримѣръ вокругъ центра, Рима, являются префектуры, вокругъ центровъ префектуръ являются діоцезы, вокругъ центровъ діоцезъ являются провинціи и т. д. и т. д. Равнымъ образомъ вокругъ государствъ осѣдлыхъ снуютъ народы кочевые, вокругъ кочевыхъ дикіе. Въ свою очередь осѣдлыя государства концентрируются вокругъ какого либо одного передоваго, чѣмъ и образуютъ системы государствъ, каковы, напримѣръ, система восточная, система классическая, система нынѣшняя или европейская. Словомъ на какой бы степени территоріальнаго разростанія ни застали мы общество, и какое бы общество ни застали,—явленіе будетъ всегда одно и тоже; и всѣ разницы въ этомъ явленіи будутъ состоять только въ большемъ или меньшемъ наращеніи этихъ общественныхъ клѣточекъ вокругъ первоначальной и въ большемъ или меньшемъ приближеніи всего этого нарощенія къ правильной круговой формѣ. Въ исторіи эти клѣточки извѣстны подъ именами сатрапій, филъ, трибъ, провинцій, комитатовъ, графствъ, государствъ, системъ государственныхъ, штатовъ, департаментовъ, округовъ, воеводствъ, губерній, кантоновъ, уѣздовъ, общинъ и проч. И эта фигура останется одною и тою же, какое бы общество мы ни разсматривали, будетъ ли то іезуитскій орденъ, человѣчество или университетъ. Схема этого всеобщаго механизма можетъ быть представлена слѣдующей фигурою.



Приводя теперь всѣ эти почкованія и новыя въ нихъ дѣленія территоріи въ связь съ ея населеніемъ и съ органами этого населенія, мы встрѣтимся съ самымъ характери-

стическимъ свойствомъ круговаго строенія, съ раздѣленіемъ его на *села*, *города* и *столицы*. Первыя территоріи будутъ составлять резиденцію низшаго класса, большинства насесенія, вторыя — мѣсто-пребываніе средняго, третьи — резиденцію меньшинства, аристократіи, правительства. Интеллигенція опять не имѣетъ спеціальной для себя территоріи, хотя до сихъ поръ и сосредоточивалась въ столицахъ болѣе, чѣмъ въ городахъ и селахъ. Но она не связана никакими кровными узами ни съ тѣми, ни съ другими, ни съ третьими мѣстностями, тогда какъ напримѣръ, правительство совершенно несовмѣстимо съ селомъ, а земледѣліе также точно не совмѣстимо съ столицей. Но такъ какъ до сихъ поръ интеллигенція сгущалась тамъ же, гдѣ и аристократія или правительство, то маркизъ Мирабо и былъ правъ, когда еще въ 1750 году уподоблялъ столицу головѣ и на этомъ основаніи еще тогда предостерегалъ противъ излишняго разростанія Парижа, грозя Франціи въ противномъ случаѣ апоплексіей.

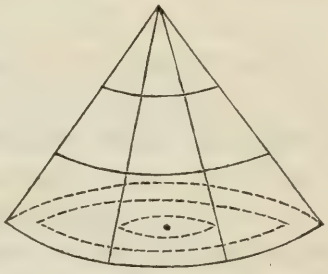
Остается теперь спросить, имѣетъ ли и эта фигура такіе же залоги непреходимости, какъ пирамидальная. Но въ статическомъ отношеніи, т. е. въ смыслѣ устойчивости, равновѣсія, порядка, никакое иное размѣщеніе населенія по территоріи и никакое иное прикрѣпленіе его къ ней не только не желательно, но и не возможно. Ни откуда управленіе территоріею не можетъ быть такъ удобно, какъ изъ всеобщаго для нея центра, ни откуда власть не можетъ быть такъ близка ко всѣмъ точкамъ периферіи, какъ изъ точки центральной, которая находится въ равномъ разстояніи отъ всѣхъ точекъ окружности. А кромѣ этого геометрическаго соображенія къ тому же заключенію ведетъ и физическое. Никакое сосредоточеніе центра тяжести тѣла не обезпечиваетъ такъ равновѣсія этого послѣдняго, какъ то, которое совпадаетъ съ геометрическимъ его центромъ; и ничто, напротивъ, такъ не грозитъ равновѣсію тѣла, какъ перемѣщеніе этого центра тяжести куда либо на периферію. Съ растительной точки зрѣнія то же самое: чѣмъ существеннѣе органъ для жизни, тѣмъ необ-

ходимѣе удалить его отъ периферіи, столь прямо подверженной дѣйствію враждебныхъ окружающихъ силъ, и тѣмъ необходимѣе защитить его отъ этихъ силъ, удаливъ его во внутрь организма: таково именно и есть положеніе сердца, легкихъ, желудка. Съ животной точки зрѣнія самые драгоцѣнные для жизни органы, какъ мозгъ, помѣщаются не только въ центрѣ, но притомъ и на самой высотѣ организма; а таково именно и есть въ обществѣ положеніе власти, когда мы соединимъ механизмъ его круговой съ пирамидальнымъ: самая высшая точка будетъ вмѣстѣ и вершина пирамиды, и центръ круга, служащаго ей основаніемъ. Только одна интеллигенція, подобно нервной системѣ, должна развѣтвляться и дѣйствительно развѣтвляется по всему тѣлу и доходитъ до всѣхъ точекъ его периферіи, безъ чего тѣло не могло бы воспринимать внѣшнихъ впечатлѣній. И такъ лучшаго территоріальнаго устройства общества и вообразить не возможно. Если же можно придумать только иное, хотя бы и худшее, то оно, къ счастію, не осуществимо. Такъ напримѣръ не осуществимо ни помѣщеніе демократіи въ столицахъ, ни помѣщеніе правительства въ селахъ, ни помѣщеніе интеллигенціи въ какой бы то ни было одной и той же мѣстности. И такъ круговое строеніе территоріи въ высшей степени соотвѣтствуетъ всѣмъ статическимъ потребностямъ общества. Но, будучи спеціальнымъ удовлетвореніемъ этихъ послѣднихъ, оно не противорѣчитъ въ то же время и потребностямъ динамическимъ. Напротивъ, мы уже выше видѣли, какъ отлично круговое строеніе согласуется съ пирамидальнымъ и центръ перваго съ вершиною послѣдняго; а чрезъ то и все территоріальное, статическое построеніе общества совершенно совпадаетъ со всѣмъ племеннымъ, динамическимъ: географическій механизмъ совершенно гармонируетъ съ историческимъ.

Если мы захотимъ теперь представить эту гармонію наглядно, захотимъ представить, какимъ образомъ два столь противоположныя построенія, одно вертикальное, а другое горизонтальное, совмѣщаются между собою, то самое лучшее

понятіе о томъ дастъ намъ фигура конуса, основаніемъ котораго служитъ кругъ, а продолженіемъ вверхъ пирамида. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ все общественное построеніе оказывается *коническимъ*.

Эта двоякость построенія и это совмѣщеніе двоякости есть опять не болѣе, какъ дальнѣйшее продолженіе и усовершенствованіе одного изъ явленій природы. Только самыя низшія формы животныхъ, а именно пресмыкающіяся и рыбы, удовлетворяются постоянно, какъ во время бодрствованія такъ и во время покоя, однимъ и тѣмъ же положеніемъ, и именно горизонтальнымъ. И если змѣй или рыба, въ минуты высшаго напряженія своей дѣятельности, пытаются иногда придти въ положеніе вертикальное, то могутъ сдѣлать это только на мгновеніе, вслѣдъ за которымъ падаютъ снова въ свое обычное горизонтальное протяженіе. Птицы и млекопитающія составляютъ второй шагъ. Птицы обнаруживаютъ первую попытку пріискать для покоя одно положеніе, а для дѣятельности другое, почему у нихъ, кромѣ горизонтальнаго летанія и сидѣнія для первой цѣли, есть уже и болѣе постоянное вертикальное для второй,—стояніе и хожденіе. Но первое слишкомъ еще преобладаетъ надъ вторымъ, такъ что оно усвоивается даже для борьбы за существованіе. Животныя четвероногія для послѣдней цѣли усвоиваютъ окончательно и исключительно положеніе вертикальное, при чемъ во время самаго высшаго напряженія жизнедѣятельности обнаруживаютъ даже попытку къ еще большей вертикальности, къ обращенію въ двуногихъ, но это только на очень недолгое время. Равнымъ образомъ положеніе горизонтальное окончательно спеціализируется у нихъ какъ положеніе покоя. Человѣкъ есть третій шагъ по той же дорогѣ. Что было въ животномъ временной попыткою, то здѣсь становится постоянною нормою, т. е. вполь-



пѣ вертикальное положеніе и двуногость. И фигура эта окончательно усвоивается для всякаго, самаго слабаго даже, напряженія жизнедѣятельности, не только для борьбы за существованіе. Но тѣмъ не менѣе положеніе это еще не постоянно въ теченіе всей жизни, и напротивъ періодически смѣняется горизонтальнымъ положеніемъ покоя, такъ что оба перемежаются. А съ другой стороны строеніе остается одно и тоже и перемѣняетъ только положенія свои. Общество есть четвертый градусъ того же явленія. Здѣсь, во-первыхъ, и то, и другое положеніе постоянны, не перемежаются болѣе; мало того, вертикальное даже преобладаетъ надъ горизонтальнымъ, какъ показываетъ это фигура конуса, что и указываетъ на приспособленіе этого новаго тѣла къ самой высшей и самой неустанной жизнедѣятельности. А во-вторыхъ оба положенія не только не смѣшаны, но еще больше спеціализированы, такъ что для каждаго положенія есть здѣсь и свое особое построеніе: для дѣятельности пирамидальное, динамическое, историческое, для покоя круговое, статическое, географическое. При этомъ, то и другое положеніе и строеніе гораздо безусловнѣе, гораздо исключительнѣе: человѣкъ можетъ еще дѣйствовать въ горизонтальномъ положеніи и покоиться въ вертикальномъ или полувертикальномъ; общество же безъ пирамидальности совсѣмъ дѣйствовать не можетъ, а безъ концентричности совсѣмъ не можетъ покоиться. Нечего добавлять объ осложненіи того и другого положенія или строенія въ обществѣ, въ сравненіи съ простотою ихъ въ физіологическомъ организмѣ: оно ясно само собою.

Вотъ въ общихъ чертахъ соціальная анатомія и ея атласъ. Въ атласѣ этомъ недостаетъ, конечно, множества подробностей, множества уклоненій отъ типа, отъ нормы; но, во-первыхъ, всѣ эти уклоненія суть только такія или иныя комбинаціи тѣхъ или иныхъ нормъ, такъ что и могутъ быть объяснены изъ этихъ послѣднихъ. Такъ напримѣръ, преобладающее постронніе власти производитъ общество деспотическое, какъ въ Персіи; преобладаніе строенія сословнаго произво-

дитъ государства кастическія, какъ въ Индіи; преобладаніе средняго класса даетъ оттѣнокъ государства промышленнаго, какъ въ Англіи; преобладаніе центровъ и круговъ семейныхъ, родовыхъ, сообщаетъ обществу строеніе патріархальное, какъ у Евреевъ; преимущественное развитіе круговъ городскихъ производитъ городское государство, какъ у Грековъ; преизобилованіе селъ вноситъ характеръ земледѣльческій, какъ въ Россіи; наконецъ господствующее положеніе центровъ образуетъ централизацію, какъ въ Римѣ и въ новыхъ государствахъ, господствующее же положеніе периферіи даетъ общества децентрализованныя, какъ въ Швейцаріи, въ Америкѣ. А во-вторыхъ всѣ эти и подобныя варьяціи строенія относятся отчасти къ патологической, отчасти къ сравнительной анатоміи общества, которыхъ мы вовсе не имѣемъ въ виду теперь. Равнымъ образомъ не достаетъ въ нашемъ атласѣ ни предшествующихъ, простѣйшихъ, ни послѣдующихъ, сложнѣйшихъ нормъ построенія. Но, во-первыхъ, онѣ отчасти могутъ быть разгаданы по данной средней нормѣ. Такъ напримѣръ, въ зачаточномъ состояніи общества и діаметръ, и высота общественнаго конуса могутъ быть только ничтожны, какъ напримѣръ, въ родовомъ бытѣ; равно и въ обществѣ такого діаметра и такой высоты, какъ напримѣръ, школа, всѣ органы общественные могутъ находиться только въ зачаточномъ состояніи: тамъ не будетъ ни земледѣльцевъ, ни ремесленниковъ, ни торговцевъ, но будетъ ихъ общій типъ—работники, ученики, которые въ высшей школѣ выдѣлятъ изъ себя и производителей сыраго матеріала, и обработывателей его, и его пропагандистовъ. Также точно въ обществахъ будущихъ, въ обществахъ такого діаметра и такой высоты, какихъ еще не видала исторія, каждый изъ нынѣ существующихъ соціальныхъ органовъ выдѣлитъ изъ себя по всей вѣроятности по нѣскольку новыхъ. А во-вторыхъ все это относится къ динамикѣ, а не къ статикѣ общества, къ исторіи политической, а не политикѣ, которую мы имѣемъ въ виду теперь пока одну только.

Если же о всѣхъ этихъ варьяціяхъ мы заговорили теперь, то единственно для того, чтобы показать, что, не смотря на всѣ эти варьяціи строенія, общій планъ его повсюду и всегда одинъ и тотъ же, какое бы общество ни избрали мы для наблюденія. И всевозможныя разницы тутъ сводятся постоянно только къ тому, что тотъ или другой органъ развитъ на счетъ того или другого, или же къ тому, что всѣ органы то недоразвиты въ сравненіи съ нормами нашего атласа, то переразвиты противъ нихъ. Это до такой степени вѣрно, что если мы возьмемъ даже такое, повидимому, вовсе не политическое общество, какъ частное хозяйство, домъ, семью, и возьмемъ ее средняго діаметра и средней высоты, то всѣ безъ исключенія анатомическія опредѣленія, сдѣланныя выше, будутъ къ ней вполнѣ приложимы: для этого стоитъ только дождаться большаго развитія ея. Такъ, напримѣръ, прислуга этого дома состоитъ изъ лакея, горничной, повара, кухарки, судомойки и прачки. Что здѣсь похожаго на нашу пирамиду съ верховной властью, съ законодателями, судьями, администраторами, арендаторами, мануфактуристами, банкирами, производителями, обработывателями, перемѣстителями? Повидимому ничего; повидимому, между тѣмъ и другимъ цѣлая бездна. А между тѣмъ дайте только достаточно разростись прислугѣ этого дома, разростись въ цѣлое населеніе, такъ разростись, какъ это бываетъ при дворахъ, въ видѣ придворнаго штата,—и вы получите въ этомъ послѣднемъвсю вышеозначенную пирамиду верху до низу, со всѣмъ разнообразіемъ частей ея. Вы получите ее съ ея верховной властью — въ лицѣ кубикулярія, майордома, министра двора, съ ея аристократіею — въ видѣ оберъ-гофмаршаловъ, оберъ-камергеровъ, оберъ-гофмейстеровъ, оберъ-церемоніймейстеровъ, съ ея тимократіею — въ видѣ поставщиковъ двора того, другого, третьяго принца, съ ея демократіею — въ видѣ истопниковъ, лейбъ-кучеровъ, лейбъ-лакеевъ, поваровъ и т. д. Мало того, аристократія подраздѣлится на законодателей — въ видѣ совѣта министра, предписывающаго правила поведенія, дающаго инструкціи штату, на судей—въ видѣ тѣхъ, кому ввѣ-

ренъ наемъ, штрафованіе и отпускъ низшей прислуги, на администраторовъ — въ видѣ членовъ исполнительныхъ, церемоніймейстеровъ, каммеръ-геровъ, каммеръ-юнкеровъ. Тимократія придворная также подраздѣлится на поставщиковъ хлѣба въ зернѣ, хлѣба въ мукѣ, хлѣба въ печеньи, овощей, зелени, и вообще сырыхъ матеріаловъ, на поставщиковъ предметовъ мануфактурныхъ и поставщиковъ кредита, бумагъ, займовъ. Демократія въ свою очередь выдѣлитъ изъ себя и производителей, каковы истопники, хлѣбопеки, повара, и обработывателей, каковы стиратели пыли, полотеры, ламповщики, и перемѣстителей, каковы курьеры, кучера, вѣстовые, дежурные, адъютанты. Наконецъ образуется самая интеллигенція прислуги — въ видѣ лейбъ-медиковъ, придворныхъ исторіографовъ, духовниковъ, чтецовъ и т. п., интеллигенція, которая и размѣщена будетъ такъ же, какъ описано выше, т. е. со всѣми слоями штата соприкасаясь, и ни къ одному не принадлежа. Вотъ переразвитіе простого домашняго очага. На оборотъ недоразвитіе его вы получите въ томъ семействѣ, гдѣ прислуга состоитъ изъ одной кухарки. Тутъ еще невозможнѣе, повидимому, сходство съ соціальной пирамидой; тутъ нѣтъ его, повидимому, даже съ прислугою средней семьи. А между тѣмъ кто же не откроетъ въ этой кухаркѣ элементовъ и лакея, и горничной, и повара, и судомойки, и прачки, элементовъ, которые только не раздѣлились еще, которые пребываютъ здѣсь еще въ синтезѣ, но тѣмъ не менѣе пребываютъ, и при томъ всѣ по немногу. Такимъ образомъ въ одинокой кухаркѣ можно разглядѣть мало по малу всѣ признаки будущей пирамиды прислуги, что хозяева ея испытываютъ и на самомъ дѣлѣ: для нихъ она и распорядитель, и исполнитель работъ, для нихъ она и поставщикъ, и интеллигенція служебная. До такой степени человѣкъ есть дѣйствительный микрокосмъ, и до такой степени каждый изъ насъ носитъ въ себѣ всѣ условія того или другого цѣлаго общества и можетъ всегда разрѣшиться въ него. А тѣмъ болѣе всякая малѣйшая группа людей можетъ быть разсматриваема какъ общество въ обществѣ,

какъ status in statu, словомъ совершенно также, какъ государство и какъ человѣчество. Каждая изъ нихъ стремится организоваться по одному и тому же плану, и весь вопросъ каждой состоитъ только въ томъ, какъ далеко успѣла она уйти въ этомъ стремленіи. Потому-то это очень счастливое выраженіе, когда говорятъ о наукѣ не государства и даже не человѣчества, а вообще о наукѣ *общества*.

Это свойство науки, свойство ея равно относиться ко всякому обществу, есть дважды для насъ драгоцѣнное. Во первыхъ оно одно только дѣлаетъ самую науку возможною, такъ что безъ него она рѣшительно была бы не мыслима. Если вы предположите, что у школы — одни, у арміи — другіе, у государства—третьи, у города—четвертые, у артели—пятые, у придворнаго штата — шестые, у человѣчества — седьмые, у семьи—восьмые и т. д. законы, то всякая возможность изученія ихъ всѣхъ по одиночкѣ для насъ окончательно исчезнетъ. Громадное разнообразіе обществъ по объемамъ, по качествамъ, по формамъ, по содержанію, по цѣлямъ, сдѣлаетъ такое изученіе безконечнымъ и недостижимымъ. И только при гипотезѣ, что у всѣхъ у нихъ есть нѣчто общее, изученіе это становится не безнадежнымъ. Слѣдовательно только при аналогическомъ методѣ, и только при этомъ новомъ примѣненіи его, становится возможнымъ самый приступъ къ этому изученію. Съ другой стороны это свойство науки, устраняя вдругъ невозможность, отдаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ руки наши и самое большее положительное удобство изученія: изучать одно общество по другому. Каждый разъ какъ предметъ изученія оказывается неприступнымъ непосредственно, мы можемъ, благодаря этому свойству, приступать къ нему косвенно, чрезъ посредство другого. А посредство это мало-по-малу доходитъ до того, что доставляетъ намъ возможность даже формальныхъ опытовъ, экспериментаціи, обыкновенно признаваемой здѣсь невозможною. Она и дѣйствительно невозможна, пока рѣчь идетъ о человѣчествѣ, о государствѣ, но весьма возможна когда рѣчь идетъ о школѣ, объ арміи. Наконецъ если не прямой

опытъ, то во всякомъ случаѣ наблюденіе въ изолированіи становится ежеминутно возможнымъ. Такъ напр. на государствѣ изучить орудія нравственной власти трудно, потому что власть здѣсь слишкомъ вооружена тысячью другихъ аттрибутовъ, простѣйшихъ, для того чтобы прибѣгать къ этому, вслѣдствіе чего онъ и не произносится здѣсь явно. Въ такомъ случаѣ для изученія его мы можемъ обратиться къ школѣ. Здѣсь нельзя вліять ни подкупомъ, ни орденами, ни даже физическою силою, здѣсь нельзя дѣйствовать ни на холодный разсчетъ, ни на эгоизмъ, ни на любостяжаніе, а потому приходится дѣйствовать только нравственною силою; вслѣдствіе того тамъ эти тайны пуще всего и обнаруживаютъ себя, и часто преподаватель, не имѣющій никакой формальной власти, можетъ невидимо вертѣть всѣмъ заведеніемъ, тогда какъ, вооруженный всею государственною, но невооруженный нравственною властью, начальникъ не въ состояніи ничего сдѣлать. Такимъ же образомъ тайны подчиненности легче всего изучать на арміи, тайны преданности — на семьѣ, тайны духа законности—на судѣ, и т. п.; равнымъ образомъ законы эстетической жизни легче всего открывать на Греціи и отсюда уже переносить и прилагать ихъ и къ человѣчеству, и къ семьѣ, и къ школѣ; законы завоевательной жизни—на Римѣ, а отсюда уже объяснять ими и французскую завоевательность, и англійскую, и нѣмецкую; и т. д. Такимъ путемъ изъ аналогіи въ точномъ смыслѣ мы нечувствительно переходимъ въ простое изолированное наблюденіе; изъ нашего метода въ методъ Бокля, или, пожалуй, изъ аналогіи иножествъ и такождествъ въ аналогію тождествъ. (См. Ист. и Мет. стр. 154). Но положительныя удобства означеннаго свойства науки не ограничиваются и этимъ. До сихъ поръ у аналогическаго метода было то ограниченіе, что если у сходныхъ предметовъ есть сходства, то есть также и разницы, и что этихъ послѣднихъ изучать по аналогіи уже нельзя. Теперь же, послѣ того какъ мы знаемъ круговое строеніе обществъ, исчезаетъ и это ограниченіе. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ общества постро-

ены такъ, что каждое, заключая въ себѣ нѣсколько другихъ, въ то же время и само въ нѣсколькихъ другихъ заключается, то изученіе сходствъ ихъ и разницъ становится только вопросомъ аналогіи въ одну сторону или въ другую, въ обнимаемую или въ обнимающую. Если всякій спеціальнѣйшій способъ бытія непремѣнно предполагаетъ собою всѣ родовые, но кромѣ того и нѣчто свое, и если это свое не можетъ быть изучено по предъидущимъ, родовымъ способамъ, то оно можетъ быть изучено по послѣдующимъ, видовымъ, въ которыхъ оно перестаетъ быть особенностью и становится въ свою очередь общностью. Такимъ образомъ если трудно изучить какое либо общество (напр. государство) не только на немъ самомъ, но и на его обнимающемъ, (напр. на человѣчествѣ), то остается еще возможность изучать это свойство на обнимаемомъ (напр. на арміи). Другими словами, каждое общество есть и явленіе, и среда, явленіе — для однѣхъ, для обнимающихъ, среда— для другихъ, для обнимаемыхъ: отсюда если не легко изучать его какъ явленіе, то можно попробовать изучать какъ среду, и на оборотъ. А такъ какъ этихъ срединъ и этихъ явленій у каждаго общества не одна и не одно, а по нѣскольку, то по столько же возрастаютъ и способы изслѣдованія. Такимъ образомъ предѣлъ примѣненія метода отодвигается, и отодвигается до самаго послѣдняго круга, т. е. до человѣчества: только здѣсь не все можно изучить путемъ аналогіи обществъ, потому что только здѣсь нѣтъ бо́льшаго общественнаго круга, обнимающаго, нѣтъ общественной среды. Но за то здѣсь есть среда природы, и наступаетъ мѣсто аналогіи общества съ окружающимъ міромъ, той, которая описана въ Исторіи и Методѣ [1]).

[1]) Экономія во все не касается вопроса ни о строеніи общества вообще, ни объ экономическомъ въ частности, а если мимоходомъ и задѣваетъ его, то все таки не отдѣляя отъ вопросовъ объ экономическихъ отправленіяхъ. А такое смѣшиваніе такихъ различныхъ предметовъ не можетъ, конечно, способствовать ясности представленій этой науки. Оттого-то, не составивъ себѣ никакихъ понятій ни о числѣ, ни о взаимномъ отношеніи, ни о существенности или несущественности экономическихъ органовъ, ни наконецъ о противоположности ихъ съ политическими, она и принуждена давать у себя мѣсто такимъ химерамъ, какъ упраздненіе торговли, аристократіи, непроизводительныхъ классовъ, и т. п. Вотъ первое пособіе, какое экономія можетъ получить отъ политики.

ПОЛИТИКА.

Переходя отъ политическаго строенія къ политическимъ отправленіямъ, и вѣрные мысли связать и эти послѣднія съ отправленіями физіологическими, мы можемъ начать съ разсмотрѣнія не иныхъ функцій, какъ только тѣхъ, которыя общи и политикѣ, и экономіи, и физіологіи. Потомъ мы должны будемъ перейти къ тѣмъ, какія общи только обѣимъ частямъ соціологіи: экономіи и политикѣ. И наконецъ только въ состояніи будемъ остановиться на чисто политическомъ процессѣ сперва вообще, а потомъ и въ его частностяхъ. Отсюда распаденіе всего нашего трактата на общіе и спеціальные политическіе законы, а именно: общій біологическій, общій соціологическій и общій политическій; а потомъ частный законъ интеллигенціи, частный правительства и частный гражданства.

Общій біологическій законъ.

Органичность обществъ. — Органическая классификація ихъ. — Жизнь и смерть ихъ. — Законъ скрещиванія. — Прогрессъ, застой и регрессъ. — Вырожденіе, перерожденіе и возрожденіе. — Теорія постепенности, или политика какъ искуство.

Мы видѣли выше механизмъ общества; но мы не знаемъ еще, органическій онъ или неорганическій. Дробимость механизма на части не доказываетъ еще ни того, ни другого. И такъ по чомъ же узнается органичность или неорганичность

тѣла? Отличіе организма отъ простого, неорганическаго тѣла составляютъ, вопервыхъ, солидарность, взаимозависимость частей, такъ называемый consensus ихъ, во вторыхъ спеціализація этихъ частей. Другими словами, признакъ органичности есть совмѣщеніе единства съ разнообразіемъ, тогда какъ въ неорганизованныхъ массахъ единство подавляетъ собою разнообразіе. Минералъ можно рубить на сколько угодно частей, нисколько не вліяя тѣмъ на жизнь каждой изъ нихъ и не измѣняя ихъ; въ растеніяхъ это уже труднѣе; въ животныхъ же и совершенно невозможно. Тутъ измѣненіе въ одной части немедленно откликается и на многихъ другихъ, а чрезъ то и на всемъ тѣлѣ. Съ другой стороны отрубленные части минерала ничѣмъ не отличаются между собою, кромѣ случайной формы, произшедшей при отдѣленіи ихъ; въ растеніи его части уже совсѣмъ не одно и то же: листъ не есть кора, кора не корень, корень не стволъ; въ животномъ эта спеціализація частей еще больше, и части еще меньше похожи другъ на друга, такъ что онѣ и составляютъ собою то, что называется органы. Къ какой же изъ двухъ крайнихъ каттегорій болѣе приближается общество?

Выше, во введеніи, мы видѣли составныя части общества; но взаимное отношеніе ихъ не могло быть предметомъ изслѣдованія анатомическаго. Теперь же очередь именно за этимъ отношеніемъ ихъ. Разсматривая это взаимоотношеніе, мы не затруднимся признать, что въ общественномъ цѣломъ не возможно тронуть ни одной его части, безъ того чтобы не произвесть соотвѣтственное измѣненіе во всѣхъ остальныхъ. Стоитъ, напримѣръ, измѣниться только положенію земледѣльца, и оно немедленно откликнется на положеніи арендатора, мануфактуриста, торговца. Мало того, измѣненіе это проберется и до самыхъ высшихъ классовъ, достигнетъ до законодателей, судей, правителей. Такъ освобожденіе рабовъ улучшаетъ нравы не только ихъ самихъ, но и господъ ихъ. Такъ, наоборотъ, бѣдность съ ватагою ея спутниковъ, каковы: уныніе, изнурительная работа, дурная пища, пьянство, не-

опрятность, невѣжество, плохая одежда, сырыя и тѣсныя жилища, равнодушіе, отупѣніе, фатализмъ, вліяетъ на самое здоровье общественное, предрасполагая къ холерѣ; а эпидемія, нашедши себѣ источникъ здѣсь, не замедляетъ пробраться и въ опрятные, сухія, просторныя и веселыя палаты богачей. Такъ, наконецъ, преступность низшихъ классовъ и еще однимъ путемъ угрожаетъ и здоровью, и жизни высшихъ. Далѣе, стоитъ только измѣниться мнѣнію мыслителей, — и тотчасъ послѣдуютъ соотвѣтственныя измѣненія у художниковъ, у публицистовъ, а чрезъ то и у самихъ законодателей, судей, правителей. Стоитъ потерпѣть измѣненіе отношенію законодательной власти къ административной, — и вслѣдъ за тѣмъ не преминетъ измѣниться положеніе ученыхъ, художниковъ, публицистовъ, а чрезъ нихъ и положеніе обоихъ экономическихъ классовъ. Въ строеніи круговомъ довольно измѣниться отношенію между селами и городами, между городами и столицею, чтобы измѣнился и весь пирамидальный строй общества. Словомъ, каждая трапеція или треугольникъ населенія и каждый кругъ и центръ территоріи, прямо или косвенно, быстро или медленно, но неотразимо вліяютъ на всѣ другія части. Справедливое по отношенію къ обществамъ меньшей высоты и меньшаго діаметра справедливо въ этомъ случаѣ и по отношенію ко всѣмъ другимъ. Ирландія мретъ отъ тифа вслѣдствіе голода; но бѣглецы ея заносятъ тифъ и въ сытую Англію, и въ Соединенные Штаты. Въ Америкѣ останавливается, вслѣдствіе междоусобной войны, производство хлопка; — а мирная Европа терпитъ отъ возвышенія цѣнъ на бумажныя ткани, и самое направленіе всемірной торговли измѣняется въ пользу третьей части свѣта, въ пользу азіатской Индіи. Незнаніе этого свойства и, такъ сказать, неорганическій вслѣдствіе того взглядъ на общества постоянно внушалъ историкамъ предположенія, совершенно несовмѣстимыя съ природою обществъ, какъ напримѣръ предположеніе что Китай когда нибудь могъ отрѣзать себя отъ человѣчества такъ, что между однимъ и другимъ порвана была всякая связь,

всякая солидарность. Не находя ее въ документахъ, въ лѣтописяхъ, а другихъ источниковъ для изученія общества не зная, компиляторы и до сихъ поръ увѣрены, что между Китаемъ и человѣчествомъ не было ничего общаго. Между тѣмъ при такой глубокой солидарности человѣческаго общества такое глубокое изолированіе той или другой части его совершенно не мыслимо, какая бы стѣна для этой цѣли ни была построена, и какое бы глубокое море ни лежало на дорогѣ. И дѣйствительно, одно уже существованіе Японіи съ ея китайской литературой опровергаетъ всѣ эти ненаучныя предположенія. А потому и самый Китай не составляетъ исключенія, и онъ не можетъ служить возраженіемъ противъ закона общественной солидарности. И такъ въ этомъ отношеніи общество есть дѣйствительный организмъ, и части его суть дѣйствительные органы.

Въ другомъ отношеніи, въ отношеніи спеціализаціи этихъ частей, сомнѣніе еще менѣе возможно. Что дѣятельность Индіи совсѣмъ не та, что дѣятельность Персіи, что работа Персіи совсѣмъ иная чѣмъ работа Греціи, что отправленіе политическихъ классовъ совсѣмъ не таково какъ отправленіе экономическихъ, что функція правительства совсѣмъ иная, чѣмъ функція интеллигенціи, что органъ мыслителей имѣетъ совсѣмъ другую задачу чѣмъ органъ публицистовъ, — все это вещи, въ которыхъ не усомнится ни натуралистъ, ни историкъ. А если такъ, то не усомнятся они и въ другомъ существенномъ свойствѣ органичности, — въ чрезвычайной спеціализаціи всѣхъ общественныхъ частей, спеціализаціи, доходящей до того, что въ обществѣ каждый даже индивидумъ имѣетъ свою болѣе или менѣе отличную отъ другихъ роль и программу. Такимъ образомъ оба существенныя качества, и единство, и разнообразіе, имѣются, для того чтобы разсматривать общество не какъ простое тѣло, а какъ *организмъ*. Правда, можно возразить, что, не будучи тѣломъ, общество можетъ не быть также и организмомъ. Но въ такомъ случаѣ оно должно составлять что нибудь третье, и притомъ слѣдующее т. е.

не низшее, а высшее организма, должно составить собою новую и особую форму бытія. А эта новая и особая форма не можетъ не соприкасаться съ предшествующею ей, органическою, какъ органическая соприкасается въ свою очередь съ неорганическою. Соприкосновеніе же это состоитъ въ томъ, что высшая форма всегда заключаетъ въ себѣ всѣ условія низшей, какъ напр. животная жизнь подразумѣваетъ подъ собою и всѣ условія жизни растительной. И такъ общество, будучи даже какимъ-то новымъ звѣномъ мірозданія, высшимъ чѣмъ организмъ, тѣмъ не менѣе все таки должно заключать въ себѣ между прочимъ и всѣ условія органическія. А въ этомъ состоитъ пока и все наше утвержденіе, которое и не думаетъ предполагать, что разницы нѣтъ никакой, и что есть одно только сходство.

Обращаясь за симъ, для вящаго уясненія предмета, къ чертамъ различія, мы прежде всего увидимъ, что самыя даже низшія, самыя элементарныя общественныя формы представляютъ собой, однакожъ, гораздо большую сложность, чѣмъ самая высшая изъ формъ чисто-органическихъ, какова организація человѣческая. Эта послѣдняя, напримѣръ, какова бы ни была его собственная сложность и разнообразіе, но, вопервыхъ, всегда представляетъ собою тотъ или другой единственный полъ: гермафродитизмъ есть здѣсь не усовершенствованіе, а уродство; — между тѣмъ самая низшая изъ общественныхъ формъ, семейство, представляетъ уже вполнѣ нормальное совмѣщеніе половъ, совмѣщеніе, слѣдовательно, двухъ величайшихъ противоположностей индивидуальности. Индивидуальная организація каждый разъ представляетъ собою также и тотъ или другой единственный возрастъ; — семейсто же опять совмѣщаетъ ихъ всѣ отъ дѣтства и до старости. Индивидуальный организмъ, каково бы ни было развитіе въ немъ нервной системы, этого спеціальнаго измѣрителя высоты и сложности организаціи, тѣмъ не менѣе представляетъ всего одну только такую систему и одинъ только связанный съ нею темпераментъ, и никакого иного рессурса интеллектуальной жизни

не имѣетъ;—семейство обладаетъ нѣсколькими такими системами и темпераментами, изъ которыхъ каждый можетъ пользоваться всѣми впечатлѣніями и всѣми рефлексами всякого другого, и тѣмъ усиливать богатство своей интеллектуальной жизни. Такимъ образомъ новый организмъ, или, пожалуй, новая форма природы, слѣдующая за органическою, выростаетъ надъ предыдущими въ сложности и въ разнообразіи, ничего въ то же время не теряя въ единствѣ и въ соглашеніи, и, мало того, даже выигрывая и въ этомъ послѣднемъ отношеніи. А именно: когда въ индивидумѣ двѣ противоположности его нервной системы, умъ и чувство, находятся въ спорѣ, онъ дѣйствовать не можетъ, и получаетъ возможность этого дѣйствія только тогда, когда одна изъ противоположностей осилитъ другую или когда онѣ обѣ придутъ въ согласіе между собою; — въ семействѣ же, не смотря на то, что братья и сестры или дѣти и слуги находятся въ личномъ антагонизмѣ, отецъ всегда имѣетъ возможность устремить ихъ къ одной и той же, общей, семейственной дѣятельности, когда, напримѣръ, нужно защищаться отъ нападенія другого семейства. Другими словами, умъ и чувство индивидума ординарны, умъ и чувство семьи двойныя: въ первомъ личныя, во второй и личныя, и общественныя. Вотъ эта-то общественность и даетъ возможность единства даже тогда, когда самыя коренныя составныя части находятся въ своемъ частномъ противоборствѣ, повидимому, устраняющемъ всякую возможность дѣятельности. А между тѣмъ восходя со ступени на ступень, мы дойдемъ до такой, гдѣ нѣсколько милліоновъ воль, изъ которыхъ цѣлыя тысячи ихъ, какъ напримѣръ партіи, находятся въ остервененной и не примиримой враждѣ между собою, встаютъ, однакожъ, иногда какъ одинъ человѣкъ и идутъ на войну согласно и дружно. Итакъ вотъ самая капитальная разница новой формы бытія отъ старой, органической. Но что же это такое? развѣ это разница существенная? развѣ это разница въ родѣ, а не въ степени только? развѣ это не такая же точно разница, какая существуетъ и между всѣми предъидущими органиче-

скими формами?... Возрастающая сложность и разнообразіе строенія и отправленій составляетъ и въ біологіи единственный отличительный признакъ между высшими и низшими организмами. На этомъ различіи основаны и самыя классификаціи біологіи; на немъ построена вся біологическая лѣстница естественной исторіи. И если къ этой лѣстницѣ прибавляется теперь еще одна ступень, то что же тутъ есть не бывалаго на ней прежде? А если эта ступень отличается отъ предъидущихъ гораздо больше, напримѣръ такъ, какъ органическая отличалась отъ послѣдней неорганической, растеніе отъ минерала, то надо же указать это существенное различіе. До тѣхъ же поръ своей инстинктивной вѣрѣ въ сверх-органическое значеніе общества никто давать мѣста не можетъ.

Станемъ, однакожъ, искать за нихъ другого различія, такого, которое перевѣшивало бы сходства. Въ поискахъ нашихъ мы найдемъ между прочимъ такое: въ натуральномъ организмѣ если и велика взаимозависимость частей, то не велика, повидимому, самостоятельность, самобытность каждой изъ нихъ. Желудокъ, легкія, сердце весьма много, конечно, зависятъ другъ отъ друга; вся вообще растительная жизнь имѣетъ огромное вліяніе на всю вообще животную, и, наоборотъ, мозгъ и нервы имѣютъ такое же вліяніе на пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе. Съ другой стороны и самостоятельность каждаго органа и каждаго отправленія также достигается въ извѣстной степени: пищевареніе, напримѣръ, у высшихъ животныыъ никогда не принадлежитъ легкимъ или дыханіе желудку, какъ это бываетъ на низшихъ степеняхъ жизни, гдѣ одинъ и тотъ же органъ служитъ одновременно для нѣсколькихъ отправленій. Но на томъ самостоятельность и оканчивается. Обратиться же легкому въ желудокъ или желудку въ легкое, тамъ гдѣ они однажды уже раздѣлились, нѣтъ никакой возможности. Равно также ни легкое, ни сердце, ни желудокъ, ни самые нервные узлы и мозговые центры, будучи отдѣлены отъ связи съ другими частями, будучи выпуты изъ организма, не могутъ продолжать жизни внѣ его, а тѣмъ

болѣе не могутъ образовать собой новую особь по образу той, изъ которой исторгнуты. Совершенно иное, повидимому, съ организмами соціальными. Тутъ каждый общественный органъ, при нуждѣ, можетъ отправлять обязанности другого, хотя и не такъ совершенно въ началѣ; практика же и опытъ, привычка, устраняютъ и это послѣднее неудобство. Земледѣлецъ, напримѣръ, весьма легко становится ремесленникомъ, ремесленникъ торговцемъ, торговецъ арендаторомъ, арендаторъ заводчикомъ, заводчикъ банкиромъ, банкиръ судьею, судья министромъ, министръ законодателемъ, законодатель верховною властью. Такова, напримѣръ, исторія Сикста V отъ свиноноса до папы. Мало того, даже оставаясь самимъ собою, каждый общественный органъ продолжаетъ носить въ себѣ и нѣкоторыя свойства другихъ, представляя такимъ образомъ, вмѣсто спеціальности, характеръ универсальности. Такъ, напримѣръ, рабочіе, по нашей анатомической схемѣ, составляютъ, въ смыслѣ представителей труда, въ смыслѣ большинства, самый долъ общества; но классъ этотъ простирается и далеко выше, подымается и въ самое меньшинство, гдѣ выражается низшими и средними администраторами, живущими также трудомъ, и также заработною платою. Наоборотъ землевладѣльцы, представители обладанія природой, составляя собою обыкновенно высшій слой пирамиды, тѣмъ не менѣе однакожъ, дробясь все больше и больше, опускаются до самаго низу, и здѣсь являются въ видѣ земледѣльцевъ-собственниковъ, которые живутъ также и рентою. Но еще поразительнѣе другое проявленіе той же, повидимому, самостоятельности общественныхъ частей. Какой бы органъ соціологическаго организма мы ни вынули изъ него, какую бы группу мы ни извергли изъ общества, она заключаетъ въ себѣ всѣ способности немедленно организоваться въ новое цѣлое по образу того же самаго цѣлаго, изъ котораго извергнута, и мало по малу зажить своей новой, особой и самостоятельной жизнью. Такъ жилъ, напримѣръ, Карѳагенъ, исторгнутый изъ Финикіи; такъ живутъ Соединенные Штаты, извергнутые Англіей и Ев-

ропой; такъ живетъ Австралія, выброшенная Англіей въ видѣ самой негодной, потому что самой преступной, части общества. Рѣзче этого отличія соціологическихъ организмовъ отъ біологическихъ трудно что нибудь и найти, и представить. А между тѣмъ что же? вся эта рѣзкость есть только послѣдствіе ошибки въ нашемъ сравненіи. Вся она произошла только оттого, что мы смѣшали органы съ атомами, и соціальные атомы приравняли къ натуральнымъ органамъ, а не такимъ же атомамъ. Земледѣлецъ дѣйствительно можетъ сдѣлаться ремесленникомъ, ремесленникъ торговцемъ и т. д., а легкое дѣйствительно не можетъ сдѣлаться желудкомъ или желудокъ сердцемъ; но земледѣлецъ есть только атомъ, легкое же есть органъ. Личность есть предѣлъ общественной дѣлимости, есть общественное недѣлимое, а потому можетъ составлять здѣсь только то, что называется атомомъ, а не органомъ. А когда мы возьмемъ и въ натуральномъ тѣлѣ дѣйствительный атомъ, а не органъ, то онъ и здѣсь способенъ будетъ ко всѣмъ превращеніемъ, подобнымъ превращенію отъ свинопаса до папы. Одна и таже частица пищи, побывши въ желудкѣ, поступаетъ въ легкое, гдѣ окрашивается новымъ цвѣтомъ, переходитъ въ сердце, откуда поступаетъ въ кровеносную систему, и здѣсь весьма легко можетъ достигнуть до того, что сдѣлается составною частью не мускула и не кости, а самыхъ большихъ полушарій мозга, что и будетъ ея папствомъ. Что же касается дѣйствительныхъ органовъ, то они и въ обществѣ, также какъ въ организмѣ, не могутъ замѣнять собою другихъ. Никакое земледѣліе не можетъ превратиться въ торговлю, никакое законодательство въ администрацію, никакая аристократія въ демократію и обратно. Равнымъ образомъ и та степень универсальности органовъ, какую мы замѣтили въ обществѣ, и какая не существуетъ будто бы въ организмѣ, есть только послѣдствіе новой ошибки, сличенія жизни животной не съ животною же, а съ растительною. Когда же возьмемъ не растительный, а ближайшій къ дѣлу, животный процессъ его, — выводъ тотчасъ же измѣнится. Легкія дѣй-

ствительно не имѣютъ никакихъ отправленій желудка; но осязаніе безпрестанно замѣняетъ собою зрѣніе, обоняніе то и дѣло вознаграждаетъ собою недостатки вкуса, слухъ очень часто восполняетъ собою не совершенства обонянія. Есть также предположеніе, что однѣ массы мозга могутъ до нѣкоторой степени заступать собою параличное состояніе другихъ. Наконецъ и то, что показалось намъ самымъ рѣзкимъ отличіемъ, есть не болѣе какъ результатъ самой нечувствительной ошибки изслѣдованія. Тѣ группы, которыя выбрасываясь въ видѣ колоній, начинаютъ жизнь свою внѣ метрополій, были именно группы неорганизованныя въ средѣ этихъ послѣднихъ. Такія группы атомовъ, будучи выброшены и изъ организма, также получаютъ способность организоваться: въ высушенной крови, напримѣръ, появляются кристалы; изъ органическихъ выдѣленій возникаетъ растеніе; разлагающаяся отрѣзанная рука пораждаетъ червей. Но тѣ части, которыя были дѣйствительно организованы въ своемъ цѣломъ, которыя составляли дѣйствительные его органы, тѣ, будучи выброшены, несутъ и себѣ, и своему цѣлому только смерть. Колонія дѣйствительно живетъ и внѣ метрополіи, но она не была въ метрополіи ни органомъ всей промышленности, ни всѣмъ органомъ земледѣлія, ни организованною аристократіею, ни цѣльною демократіею. И если были примѣры Карѳагена и Австраліи, то не было примѣра ни земледѣлія, ушедшаго прочь изъ общества, ни демократіи, выброшенной цѣликомъ изъ него. Былъ одинъ примѣръ попытки послѣдняго рода, не успѣвшей притти въ исполненіе: это—попытка плебеевъ выдти цѣликомъ изъ Рима и удаленіе ихъ на священную гору. Но попытка эта была остановлена тою же истиною, на которой мы теперь и настаиваемъ, и которую Мененій Агриппа предложилъ тогда въ видѣ басни о ссорѣ желудка съ другими членами тѣла. Истина эта была такъ живо почувствована патриціями, что они предпочли уступить лучше трибунатъ, чѣмъ допустить удаленіе плебеевъ, такъ живо почувствована плебеями, что они согласились лучше возвратиться, чѣмъ требовать всего, чего

они желали. Другого же подобнаго примѣра, хотя бы то и въ видѣ только попытки, исторія вовсе не представляетъ: до такой степени подобный фактъ немыслимъ для общества. Есть примѣръ изгнанія мавровъ изъ Испаніи, гугенотовъ изъ Франціи, т. е. изгнанія значительной части мѣстной промышленности; но и подобный примѣръ повторить едва ли захочетъ впередъ какое либо общество послѣ такого горькаго, и для части, и для ея цѣлаго, опыта. И такъ чѣмъ больше мы ищемъ различій, тѣмъ пуще попадаемъ на сходства; и потому должны, наконецъ, оставить этотъ трудъ тѣмъ, для кого такая истина во чтобы то ни стало должна быть ложью. Для тѣхъ, напримѣръ, чей идеалъ упраздненіе торговли или аристократіи, вымѣтеніе ихъ изъ всѣхъ обществъ, такая истина, безъ сомнѣнія, отвратительна, и никогда не можетъ быть признана ими добровольно. Съ своей стороны, не думая о томъ, что изъ этого выйдетъ, какія послѣдствія будутъ для нашего сердца, мы можемъ сказать только одно: различіе организма и общества есть различіе органической классификаціи. Впрочемъ все это давно и безъ насъ признано общимъ здравымъ смысломъ, который и засвидѣтельствовалъ свое признаніе своимъ обыкновеннымъ путемъ,—языкомъ, т. е. безпрестаннымъ примѣненіемъ къ обществу слова организація. Если же наши теоретики соціальные относятся къ здравому смыслу съ-высока, и поминутно съ нимъ расходятся, думая этимъ стать выше его, то это только потому что они забываютъ, что всякая наука начинается не съ чего иного, какъ съ освященія и подкрѣпленія простыхъ опредѣленій здраваго смысла, что всякая есть только дальнѣйшее и спеціализированное продолженіе его, и что безъ установленія этимъ смысломъ, напр., семи дней въ недѣлѣ, не было бы и всей астрономіи.

Коль скоро же органичность обществъ признана, то и самая *классификація* ихъ можетъ и должна быть только продолженіемъ естественно-исторической классификаціи, т. е. должна быть, какъ и послѣдняя, основана на сложности и солидарности цѣлаго, на спеціальности и самобытности частей.

Разсматриваемыя же съ этихъ четырехъ точекъ зрѣнія, общества даютъ мѣсто четыремъ классификаціямъ. Первая, по степени сложности, производитъ или можетъ еще произвести слѣдующіе организмы: семья, т. е. соединеніе индивидумовъ, самая низшая и самая простая общественная форма; родъ, т. е. соединеніе семей; народъ, т. е. соединеніе родовъ; государство, т. е соединеніе народовъ; племя, т. е. соединеніе одноплеменныхъ государствъ: раса, т. е. соединеніе племенъ; человѣчество, т. е. соединеніе расъ. Послѣдняя форма есть, конечно, самая высшая изъ всѣхъ возможныхъ, а каждая послѣдующая въ только что названномъ рядѣ выше всякой предыдущей въ немъ. Т. е. совершенство общественныхъ формъ прямо пропорціонально объему ихъ (разумѣется, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій). Всякое большое общество дѣйствительно имѣетъ болѣе задатковъ и совершенствованія, и долговѣчности, чѣмъ всякое малое при равенствѣ всѣхъ другихъ условій. Если нельзя утверждать, какъ говоритъ Спенсеръ, чтобы высокая организація всегда сопровождалась и большимъ объемомъ (мышь и крупная медуза), то можно утверждать, что большой объемъ непремѣнно сопровождается высокой организаціей. Вотъ первая классификація, простая количественная. Это—простыя измѣненія пирамидальности, т. е. діаметра и высоты обществъ. Изъ этой классификаціи осуществлены были дѣйствительностью только четыре первые типа: семья, родъ, народъ и государство. Пятый, племя, только въ настоящее время и только пробуетъ еще осуществиться: государства славянскія пробуютъ стянуться въ панславизмъ, германскія въ пангерманизмъ, латинскія въ папромапизмъ. Нѣкоторыя подготовительныя формы уже осуществлены, какъ напримѣръ слитіе всѣхъ итальянскихъ государствъ (въ Римѣ), или всѣхъ средне германскихъ (въ Пруссіи), или всѣхъ восточно-славянскихъ (въ Россіи); нѣкоторыя другія, какъ панибериэмъ и панскандинавизмъ, находятся еще въ видѣ проектовъ, ближайшихъ идеаловъ; окончательное же осуществленіе составляетъ только отдаленный идеалъ. Еще болѣе далекіе

идеалы представляются всѣми остальными формами этой классификаціи. Но при этомъ важно то, что, по такой классификаціи, и имѣя въ рукахъ ея начало, мы можемъ уже предсказать ея конецъ, чего никогда не имѣли возможности сдѣлать натуралисты. Другая классифпкація, по солидарности, т. е. по развитію и распространенію нервной системы, отъ которой зависитъ солидарность, продолжается въ соціологіи преобладаніемъ въ обществѣ то болѣе животныхъ, то болѣе человѣчныхъ побужденій этой системы, то атрибутовъ продолговатаго мозга, то атрибутовъ большого, какъ замѣчено это Контомъ. Въ животномъ царствѣ классы различаются постепеннымъ преобладаніемъ головного мозга надъ спиннымъ, въ царствѣ человѣческомъ они могутъ различаться только преобладаніемъ передней части головного мозга надъ заднею, а это и значитъ—преобладаніемъ интеллектуальныхъ побужденій надъ чувственными. Отсюда три возможные типа обществъ: чувственный, пластическій и нравственный, а съ другой стороны: инстинктивный, мнительный и сознательный. Сообразно съ этимъ должна возвышаться и понижаться и самая солидарность: преобладаніе чувственности и инстинктивности влечетъ, конечно, за собою и эгоистичность, личное начало, отсутствіе солидарности; преобладаніе нравственности и сознательности влечетъ за собою гуманность, духъ общественности, полноту солидарности. Какія изъ этихъ трехъ типовъ пройдены, и какіе остается еще пройти, это задача слишкомъ трудная для рѣшенія ея мимоходомъ; и потому мы оставляемъ теперь вопросъ этотъ открытымъ, тѣмъ болѣе, что ему, между прочимъ, посвящено будетъ слѣдующее сочиненіе наше. До тѣхъ же поръ достаточно будетъ обратить вниманіе читателя на неизбѣжность этихъ трехъ каттегорій, потому что онѣ составляютъ единственный возможный путь совершенствованія, и потому что совершенствованіе это можетъ совершиться только послѣдовательнымъ рядомъ обществъ отъ наиболѣе животныхъ до наиболѣе человѣчныхъ. Такова вторая классификація, качественная. Это — измѣненія съ интеллигенціей въ

общественной пирамидѣ. Третья, по степени спеціальности частей, должна заключать различныя степени однородности и разнородности обществъ или централизаціи и децентрализаціи ихъ. Отсюда опять по крайней мѣрѣ два типа: централизованныя общества и децентрализованныя. Централизація есть форма паращенія обществъ, децентрилизація есть форма сохраненія ихъ. Первая есть типъ наступательный, воинственный, вторая — типъ оборонительный, мирный. Вопросъ о пройденныхъ типахъ и остающихся мы опять отлагаемъ до рѣшенія динамическихъ вопросовъ вообще, которое можетъ имѣть мѣсто только въ исторіи политической, а не въ политикѣ. Теперь же достаточно указать, что это, въ сравненіи съ предыдущими, есть классификація формальная, и что она предполагаетъ разности по преимуществу въ круговомъ строеніи и отправленіи общества. Наконецъ четвертая классификація, по степенямъ самобытности и независимости частей, или, говоря проще, по числу частей обратившихся въ дѣйствительные органы, организовавшихся въ особое цѣлое, представляетъ возможность по крайней мѣрѣ шести рѣзкихъ типовъ, трехъ политическихъ и трехъ экономическихъ, а именно: аристократическаго, тимократическаго и демократическаго, а съ другой стороны недвижимаго, движимаго и трудового. Это— классификація матеріальная; она предполагаетъ всевозможныя разницы какъ въ числѣ треугольниковъ, трапецій и круговъ общественнаго тѣла, такъ и въ отношеніи ихъ между собою, т. е. измѣненія въ сословности, въ корпоративности, въ автономичности.

Соціологическое назначеніе всѣхъ этихъ классификацій состоитъ въ томъ, что по этимъ четыремъ признакамъ: количественному, качественному, формальному и матеріальному, можно всегда съ безошибочностью опредѣлить сравнительное достоинство каждаго даннаго общества въ каждую данную минуту. Чѣмъ общество больше, чѣмъ выше его интеллигенція, чѣмъ полнѣе въ немъ децентрализація при единствѣ, чѣмъ больше въ немъ органовъ и чѣмъ они законченнѣе, тѣмъ оно и выше на соціологической лѣстницѣ, тѣмъ оно и совершеннѣе.

Такъ, напримѣръ, Греціи слишкомъ недоставало для этого величины, а Риму, гдѣ имѣлось это условіе, не доставало интеллигенціи. Такъ Франціи, гдѣ была и достаточная величина, и достаточная интеллигенція, не доставало всегда децентрализаціи, а Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ есть и величина, и децентрализація, недостаетъ интеллигенціи. Одна только Англія обладаетъ и достаточной массой, и высокой интеллигенціей, и значительной децентрализаціей. Оттого-то это и есть общество, выше котораго не подымался до сихъ поръ общій строй человѣческой жизни. Наконецъ всѣмъ вообще прошедшимъ и настоящимъ обществамъ недоставало и не достаетъ или множественности или законченности органовъ: множественности, потому что вся она ограничивается, въ такомъ огромномъ тѣлѣ, шестью, девятью, и, много-много, двадцатью семью органами, [означенными въ нашемъ анатомическомъ атласѣ; законченности, потому что не всѣ даже и въ этомъ числѣ достаточно организованы. Полнѣе всего организовано повсюду правительство, и въ немъ въ особенности войско, что и объясняется тѣмъ, что это самая ранняя, самая древняя и самая необходимая организація, на которую поэтому, какъ на средство самосохраненія, потрачено было и больше всего усилій. Войско есть дѣйствительно идеалъ, образецъ всякой организаціи, какъ впервые указалъ на это Контъ. Въ арміи нѣтъ ни одного атома общественнаго, который бы, съ одной стороны, не имѣлъ своего точно опредѣленнаго положенія, а съ другой точно опредѣленнаго строенія и отправленія. Ни одинъ не оказывается бродящимъ въ тѣлѣ или одинокимъ, но всякій имѣетъ свою спеціальную, маленькую группу, которая въ свою очередь представляется достаточно организованною въ самобытное цѣлое, въ новый органъ. Въ свою очередь всѣ взаимныя отношенія всѣхъ многочисленныхъ органовъ этого корпуса, какъ вверхъ, такъ и внизъ, какъ вправо, такъ и влѣво, установлены съ механической точностью. Словомъ, все разнообразіе живого, разумнаго и нравственнаго существа соединено здѣсь со всѣмъ единствомъ и однообра-

зіемъ мертвой машины. По образцу войска, хотя и менѣе совершенно, устроено также и управленіе гражданское, бюрократія. Еще менѣе совершенно устройство правительства духовнаго, церкви. Но тѣмъ не менѣе организація всѣхъ видовъ правительства все-таки не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ организованностью собственно такъ называемаго общества, гдѣ треугольникъ, пирамидальность строенія, совершенно исчезаетъ и на мѣсто его является только трапеція. Здѣсь ни экономическая дѣятельность, ни интеллектуальная, ни политическая, а въ первой ни капиталъ, ни трудъ, во второй ни наука, ни искусство, въ третьей ни изобрѣтеніе, ни пропаганда, не имѣютъ до сихъ поръ никакой спеціальной для нихъ организаціи. Вотъ это-то отсутствіе организаціи труда, а вовсе не отдѣленіе его отъ собственности, какъ думаютъ многіе, и составляетъ накипѣвшую болѣзнь нашего времени; а вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе къ этой-то организаціи и составляетъ единственное лекарство противъ болѣзни, а вовсе не общеніе имуществъ, женъ и дѣтей. Организація дѣлаетъ чудеса. Организованный трудъ не только въ состояніи бороться съ организованнымъ капиталомъ и природовладѣніемъ, но даже и превзойти ихъ. Примѣръ видимъ на трудѣ драмматическихъ писателей въ Парижѣ, который, единственно благодаря организованности своей, благодаря обществу этихъ писателей и единству его дѣйствій, совершенно повелѣваетъ капиталистами, предпринимателями театровъ. При малѣйшей непокорности общество отказываетъ имъ въ репертуарѣ, — и они должны откупаться во что бы то ни стало. Но въ промышленности, говоря вообще, все еще есть нѣчто, сообщающее ей единство, регулирующее ея дѣятельность: это — банкъ, кредитъ, хотя составныя части его и не централизованы, не сведены въ единство, не достигли своей спеціальной верховной власти; художество же и наука пребываютъ въ состояніи еще худшемъ, почти вовсе неорганизованномъ, въ состояніи хаотичности и броженія, на степени безформенныхъ, аморфныхъ. Здѣсь нѣтъ никакого объединяющаго начала, никакой

власти, никакого управленія. Философія отъ времени до времени берется за эту роль, но оставаясь до сихъ поръ и сама въ видѣ зачаточнаго органа, хотя и вполнѣ способнаго къ развитію, по далеко еще не развившагося. Поэтому всѣ производители, обработыватели и перемѣстители научные и художественные дѣйствуютъ постоянно только врозь, въ-разсыпную, какъ попало, на удачу, кто въ лѣсъ, кто по дрова, повинуясь единственно своимъ смутнымъ, личнымъ инстинктамъ, управляемые единственно случайностью личныхъ предположеній и импульсовъ; общаго же и сколько нибудь преднамѣреннаго плана здѣсь нѣтъ, нѣтъ также и систематическаго исполненія. Слабое исключеніе составляетъ опять одна развѣ Англія съ ея, хотя еще частными, но многочисленными и разнообразными учоными и промышленными обществами и вообще съ ея способностью организоваться. А между тѣмъ что значитъ организація, и на сколько она приращаетъ силу и энергію дѣятельности, видно изъ примѣра арміи, съ котораго и въ десять разъ большая, но неорганизованная, масса бороться не въ состояніи. Идеалъ организаціи состоитъ, поэтому, въ томъ, чтобы неорганизованныхъ массъ не было вовсе, чтобы всѣ мелкія организаціи сливались, смотря по однородности ихъ, въ нѣсколько крупныхъ, чтобы эти послѣднія въ свою очередь слились мало по малу въ одну общую съ своей спеціальной верховной властью. А гдѣ же она теперь у науки, у искусства, хотя бы то и въ самой Англіи? Ни та, ни другое нигдѣ еще не составляютъ своего status in statu. Также точно нѣтъ даже низшихъ степеней организаціи, нѣтъ даже организацій мелкихъ и дробныхъ, ни у новаторовъ, ни у публицистовъ, ни у агитаторовъ. Изъ всѣхъ изъ нихъ сколько нибудь организованы опять только тѣ, которые наиболѣе соприкасаются съ правительствомъ, каковы агитаторы, партизаны, политическія партіи, да и то не вездѣ. Въ Пруссіи, напримѣръ, онѣ даже не обозначились рѣзко, и одна весьма легко переходитъ въ другую, какъ напримѣръ, націоналы и прогрессисты. Во Франціи онѣ и рѣзче очерчены, и не смѣ-

шиваются въ программахъ, но не знаютъ никакой тактики, не имѣютъ никакихъ вождей. И только въ одной Англіи и раздѣленіе партій ясно, и доктрина ихъ точна, и дисциплина строга, и вожди прямо указаны. Новаторы же и публицисты и тамъ не доорганизованы дальше, какъ до множества редакцій и редакторовъ, совершенно разобщенныхъ между собою, подобно всѣмъ ученымъ и всѣмъ промышленнымъ обществамъ. Такова степень организованности собственно такъ называемаго общества въ сравненіи съ организованностью правительства. Но и это не все. Не только публичная, но и самая даже частная, домашняя жизнь общества, гдѣ инціатива организаціи, повидимому, легче, и та остается также мало организованною. Тутъ также нѣтъ никакого признаннаго хозяина, ни даже претендента на хозяйство, въ родѣ философіи посреди интеллектуальной жизни. Мало того, единственный возможный претендентъ на это хозяйничанье, женщина, такъ мало ощущаетъ свое органическое мѣсто въ обществѣ, и пребываетъ въ такомъ слѣпомъ броженіи по организму, что пробуетъ помѣститься не во главѣ частной его сферы, гдѣ она можетъ быть дѣйствительно хозяйкой, а въ средѣ публичной, гдѣ она можетъ быть только слугою. Вслѣдствіе этого изъ всей обширной сферы домашней жизни единственный примѣръ организаціи представляетъ только домашняя прислуга и только при дворахъ, т. е. только тамъ опять, гдѣ она опять попадаетъ въ районъ наибольшей организаціи вообще, въ районъ правительства. А между тѣмъ идеалъ органическій не предполагаетъ ни одной кучки людей, даже увеселительной, ни одного малѣйшаго кружка, даже жирующаго, изолированнымъ отъ всѣхъ ему подобныхъ. Идеалъ органическій не допускаетъ даже и одного только яруса соединеній, а требуетъ ихъ столько, сколько необходимо для того, чтобы всѣ онѣ, сливаясь все больше и больше, могли наконецъ закончиться однимъ, верховнымъ соединеніемъ, если не индивидуальнымъ, то коллегіальнымъ, если не треугольнымъ, то трапеціальнымъ. А между тѣмъ здѣсь-то и обнаруживается самый разительный недостатокъ органи-

зованности въ нашихъ обществахъ, обнаруживается неизобиліемъ и самыхъ этихъ первоначальныхъ кружковъ, этихъ микроскопическихъ завязей организаціи, обнаруживается возможностью полнаго изолированія весьма многихъ индивидумовъ даже въ ихъ частной жизни. Отчасти власть, справедливо полагая, что только неорганизованное общество безсильно предъ организованнымъ правительствомъ, мѣшаетъ этимъ завязямъ, отчасти же, и главнымъ образомъ, пассивность, апатичность самихъ атомовъ общественныхъ удерживаетъ ихъ отъ броженія, а слѣдовательно и отъ возможности встрѣчи съ себѣ подобными. Когда въ обществѣ нарождается дѣйствительная новая сила, когда элементы ея достаточно разсѣяны по обществу, тогда, при энергичности ихъ, они непремѣнно приходятъ въ движеніе, начинаютъ бродить, стремятся встрѣтиться; внѣшнія препятствія могутъ предупреждать эти встрѣчи, могутъ распускать произшедшія, но послѣ каждаго новаго препятствія броженіе становится только энергичнѣе, и, раньше или позже, но оканчивается таки завязями, которыхъ ни предупредить, ни распустить не успѣли. Такимъ образомъ являются частные кружки. Эти взаимопзбранія, естественно имѣя свою частную цѣль и свои частныя средства, тотчасъ же стремятся принять и соотвѣтственную форму, безъ которой они не могутъ такъ успѣшно ни прилагать своихъ средствъ, ни достигать своихъ цѣлей: эта форма и есть правительство кружка. Вотъ этихъ-то даже узелковъ въ современныхъ обществахъ на столько еще недостаточно, что могутъ оказываться личности, не попавшія ни въ одинъ изъ нихъ, между тѣмъ какъ невозможно и предположить, чтобы въ милліонномъ обществѣ какая либо личность не имѣла хотя нѣсколько себѣ подобныхъ. Такимъ образомъ неорганизованность доходитъ до того, что самая общественность теряетъ свое значеніе и становится равносильною жизни внѣ общества. Примѣровъ такой крайней степени неорганизованности въ предѣлахъ частной жизни, конечно, не много: пикники, клубы, охоты, домашніе спектакли, игры и т. п. завязываются повсюду довольно легко и довольно энер-

гично, но, во первыхъ, соединяются между собою очень трудно, а во вторыхъ и самыя первоначальныя соединенія образуются все-таки не вездѣ легко. Такъ шахматный клубъ въ Петербургѣ, будучи закрытъ, не возникъ снова; такъ предпринятый потомъ клубъ интеллигенціи, не сморя на инціативу такой популярности въ ней какъ Тургеневъ, не могъ столковаться ни въ чомъ и не пришолъ ни къ чему. Такимъ образомъ въ Европѣ и до сихъ поръ есть еще одна столица, въ которой все населеніе, которое не желаетъ отъ частной жизни ни картъ, ни танцевъ, ни вина, и желаетъ отъ нея обмѣна мыслей, не умѣло, однакожъ, ни встрѣтиться, ни завязаться, и продолжаетъ сидѣть одиноко по своимъ квартирамъ. — Вотъ всѣ современныя степени органичности европейской, начиная англійскою и оканчивая русскою; таково состояніе нынѣшней множественности и законченности общественныхъ органовъ. Признакъ этотъ, какъ матеріальный, какъ признакъ не количества, не качества и не формы, а самаго содержанія, самой матеріи общественной, есть самый существенный и самый рѣшительный для оцѣнки органичности общества и для правильнаго помѣщенія его въ классификаціи ихъ. Признакъ этотъ даетъ намъ также возможность новаго безошибочнаго предсказанія о томъ, въ чомъ должна въ этомъ отношеніи состоять исторія будущаго.

Установивши такимъ образомъ и органичность, и самую классификацію соціальныхъ организмовъ, мы можемъ теперь приступить къ первому и главному изъ всѣхъ органическихъ вопросовъ, къ вопросу о *жизни* и *смерти* обществъ. Болѣе простаго и болѣе всеобщаго отправленія въ органическомъ бытіи нѣтъ, а потому оно скорѣе всякого другого должно принадлежать каждому вновь открываемому организму, какова бы ни была сложность и спеціальность этого послѣдняго. А потому съ этого только отправленія можетъ и должна начинаться и наука общественныхъ отправленій. И такъ живутъ

ли только общества или также и умираютъ? принадлежитъ ли имъ только отправленіе жизни или также и смерти?

Вопросъ этотъ, какъ онъ ни страненъ въ только что сообщенной ему постановкѣ, тѣмъ не менѣе, однакожъ, требуетъ серьезнаго къ нему отношенія, потому что ходячій и вполнѣ акредитованный отвѣтъ на него есть, какъ бы ни было это невѣроятно, утвердительный: только живутъ, но не умираютъ. Въ этомъ убѣдимся мы тотчасъ, какъ только возстановимъ обычную редакцію вопроса: конечно человѣчество или нѣтъ? конеченъ прогрессъ или безконеченъ? Съ легкой руки метафизики отвѣтъ, сдѣланный ею, и сдѣланный, конечно, въ пользу абсолютности, дожилъ и до сихъ поръ, достался намъ въ наслѣдство, сталъ преданіемъ, такъ что всякій новый отвѣтъ, какъ бы онъ ни казался кому либо истиною банальною, не можетъ, однакожъ, разсчитывать на популярность иначе, какъ послѣ формальной и серьезной борьбы. И такъ надо повести цѣлый рядъ доказательствъ тому, что общество смертно, и почему, какимъ путемъ оно смертно.

Что касается человѣчества, то на немъ самомъ не возможно, конечно, изучать явленіе соціальной смертности, конечности: человѣчество еще не умирало, а потому, ограничиваясь наблюденіемъ его только одного, всякій желающій и имѣетъ поводъ утверждать, что оно и неумретъ; а всякій возражающій, ограничиваясь опять тѣмъ же однимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, не имѣетъ достаточныхъ поводовъ утверждать, что оно умретъ. И такъ надо обратиться къ наблюденію посредственному, къ наблюденію обнимающей среды или обнимаемыхъ явленій.

Обнимающая среда человѣчества есть природа: ближайшая среда — природа органическая, отдаленнѣйшая среда — неорганическая природа. Эта послѣдняя, какъ извѣстно, не имѣетъ въ себѣ никакихъ залоговъ непреходимости. По Гельмгольцу есть условія конечности даже для всей нашей планеты, и при томъ нетолько вслѣдствіе какого нибудь внезапнаго и непредвидѣннаго катаклизма и насилія, въ которомъ и планета, и

ея обитатели могутъ погибнуть преждевременно, а въ силу естественныхъ условій медленной и постепенной смерти, именно въ силу необходимости ранняго или поздняго паденія на солнце. Всей вмѣстѣ органической жизни на этой планетѣ угрожаетъ въ свою очередь прогрессивное охлажденіе этой послѣдней, такъ что и вся органическая жизнь на землѣ не имѣетъ никакихъ ручательствъ безконечности. Если все это суть только еще ожидаемые, а не совершившіеся факты, такъ что желающій можетъ еще не считаться съ ними, то нельзя не считаться съ тѣми, какіе уже совершились въ исторіи органической жизни. Многіе виды растительные и животные вымерли совершенно, такъ что въ классификаціяхъ естественной исторіи образовались пробѣлы, образовались недостатки многихъ переходныхъ звѣньевъ, образовались кажущіеся скачки, какъ напримѣръ и скачокъ между обезьяной и человѣкомъ, пополняемый теперь Дарвиномъ умозрительно. И такъ какое же ручательство, что никогда не вымретъ одинъ только видъ, извѣстный подъ именемъ homo. Но такъ великъ разладъ между положительностью нашихъ взглядовъ естественныхъ и фантастичностью соціальныхъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ, признавая всѣ первые, можетъ вполнѣ искренно не признавать никакихъ послѣдствій ихъ для вторыхъ. Истинный метафизикъ и истинный либералъ готовъ скорѣе допустить, что человѣчество можетъ существовать безъ планеты своей, чѣмъ допустить, что оно конечно, потому что это мѣшаетъ строить ему свои безконечныя утопіи совершенствованія. Не возражайте ему, что если онъ признаетъ безконечность человѣчества, то долженъ допустить и безначальность его, — никакія противорѣчія ума не смущаютъ тамъ, гдѣ слишкомъ громко говоритъ сердце. Что ему логика, когда онъ готовъ разойтись и съ самой наукой природы, если только она мѣшаетъ любимымъ его соціальнымъ теоріямъ; и онъ дѣйствительно расходится съ нею тѣмъ больше, чѣмъ больше она начинаетъ соприкасаться съ наукою общества, и подавать ей помощь, какъ это и случилось уже съ дарвинизмомъ. Дарвинизмъ равно противенъ и

консерваторамъ, и либераламъ, потому что онъ, какъ и все научное, ни тѣхъ, ни другихъ не поддерживаетъ безусловно и равно перечитъ видамъ обоихъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ только и можетъ завязаться нить соціальной научности, либералы и консерваторы устроиваютъ, напротивъ, только разрывъ по мѣрѣ силъ своихъ, и тѣмъ лишаютъ себя и послѣдней возможности стать когда нибудь на научно-соціальную почву. Думая изречь приговоръ Дарвину, они только изрекаютъ его надъ собой.

Возьмемъ теперь явленія, обнимаемыя человѣчествомъ, какъ средою, и на нихъ еще прослѣдимъ условія конечности или безконечности, въ надеждѣ, не будутъ ли эти послѣднія убѣдительнѣе. Ближайшее изъ такихъ явленій къ человѣчеству есть до сихъ поръ явленіе государства. И мы не мало знаемъ уже государствъ, которыя исчезли уже съ лица земли. Правда, это исчезновеніе не матеріальное, а формальное, не уничтоженіе, а перерожденіе: онѣ продолжаютъ жить и до нынѣ въ потомствахъ своихъ; но вѣдь такое же возраженіе можно сдѣлать и противъ дѣйствительности всякой смерти: человѣкъ, напримѣръ, также исчезаетъ не по матеріи, а по формѣ, онъ также не уничтожается, а только перерождается, онъ также продолжаетъ жить въ сынѣ своемъ, но тѣмъ не менѣе отецъ все таки умеръ. Такимъ образомъ и Римъ, живущій въ нынѣшней Италіи, умеръ какъ Римъ, какъ та коллективная личность, которой принадлежали извѣстная религія, извѣстный языкъ, извѣстныя учрежденія, извѣстные нравы, извѣстная исторія съ точно опредѣленнымъ началомъ и точно опредѣленнымъ концомъ. Возьмемъ ли еще болѣе спеціальныя явленія въ средѣ человѣчества, каковы сословіе, городъ, поколѣніе,—истина будетъ становиться только все болѣе и болѣе замѣтною. Все больше и больше будетъ становиться яснымъ, что нѣтъ въ обществахъ ни силы, ни формы, ни учрежденія, ни породы, которая имѣла бы характеръ непреходимости и неистощимости, и что всѣ онѣ, рано или поздно, но подлежатъ неминуемому, въ общественномъ смыслѣ, унич-

тоженію. А между тѣмъ не только теоретики, но даже и самые положительные практики все еще не чужды самыхъ метафизическихъ, самыхъ безусловныхъ воззрѣній на этотъ вопросъ, и еще недавно одинъ почтенный президентъ Сѣверо-американскихъ штатовъ громко провозгласилъ свою вѣру въ вѣчность своего прекраснаго отечества! Но если все вблизи человѣчества не вѣчно, какъ вокругъ него, такъ и внутри его, то какъ же можетъ быть вѣчнымъ оно само? откуда, на чомъ основано это исключеніе? и гдѣ другое тому основаніе, кромѣ общей первоначальной склонности ума къ представленіямъ безначальности, безконечности, безпредѣльности, безусловности, абсолютности, будетъ ли то въ отношеніи души человѣческой или въ отношеніи человѣческаго общества, пока онѣ не тронуты наукой и составляютъ достояніе одной философіи?... Что же касается науки, то для нея, напротивъ, нѣтъ болѣе необходимаго шага, какъ освободиться отъ этихъ представленій и перейти къ представленіямъ начальности, конечности, предѣльности, условности, относительности. Для нея это такъ необходимо, что еслибы конечность человѣчества не существовала, то ее надо было бы выдумать, сочинить, предположить, чтобъ научность стала возможною. При отсутствіи начала и конца явленія нѣтъ возможности никакихъ дальнѣйшихъ научныхъ опредѣленій о серединѣ; нигдѣ нельзя тогда сказать: мы здѣсь или мы тамъ, мы прошли столько-то, намъ остается столько-то, потому что вездѣ будетъ здѣсь и вездѣ тамъ, вездѣ равно далеко и отъ начала, и отъ конца. И такъ, для науки, да здравствуетъ конечность человѣчества! Это можетъ быть немножко непріятно для непосредственнаго человѣческаго чувства; въ силу этихъ-то ощущеній пріятности и непріятности и поддерживается множество лжей, почти очевидныхъ для ума; но ни то, ни другое чувство не есть еще мѣрило истины.

Факта, однакожъ, еще не достаточно, надобно знать еще причину его. А причину эту легче наблюсти на тѣхъ, конечно, общественныхъ явленіяхъ, въ которыхъ и самый фактъ

явнѣе, которыя очевиднѣе преходимы, т. е. на болѣе спеціальныхъ, на такихъ какъ, напримѣръ, аристократія или династія. Вырождаемость аристократическихъ фамилій и династій есть идея довольно популярная, и одна половина соціальныхъ теоретиковъ спорить съ этимъ не будетъ, потому что это либерально и пріятно. Но за то здѣсь ополчатся консерваторы, и потому теперь надо продолжать для нихъ. Всякій аристократическій родъ, какъ бы ни было широко его расплемененіе, какъ бы ни были благопріятны экономическія и политическія условія его продолжительности, тѣмъ не менѣе, однакожъ, рано или поздно, но начинаетъ ослабѣвать, ослабѣвать въ самой производительности физіологической, начинаетъ гаснуть и наконецъ окончательно вымираетъ. Явленіе это помѣчено себя каждымъ законодательствомъ міра подъ именемъ выморочной собственности: у всякой собственности сколько бы она не предоставляла удобствъ для жизни, рано или поздно не оказывается больше ни одного наслѣдственнаго хозяина. Этой физической смерти каждаго рода еще раньше предшествуетъ нравственная. Потомки родовъ, первоначальная исторія которыхъ полна героями, мало по малу исчезаютъ со сцены исторіи еще раньше, чѣмъ исчезли съ лица земли, мельчаютъ умственно и нравственно и, не смотря на всю благопріятность политической обстановки, падаютъ въ неизвѣстность, въ которой и вымираютъ потомъ. Таковы потомки всѣхъ Брутовъ, всѣхъ Катоновъ, всѣхъ Сципіоновъ. Естественная причина этого явленія давно уже была не тайной, но послѣ Дарвина она достигла до осязательности:—это законъ *скрещиванія*. По этому закону скрещиваніе разновидностей усиливаетъ потомство и увеличиваетъ плодовитость, а тѣсное взаимное распложеніе уменьшаетъ и силу, и плодовитость. Скрещиваніе въ близкихъ степеняхъ производитъ однородность качествъ въ потомкѣ, а долгая передача этихъ однородностей по наслѣдству изощряетъ ихъ до крайности, что выражается и въ самой рѣзкости фамильныхъ типовъ, которая иногда давала даже свое названіе фамиліямъ,

какъ напримѣръ Nasones, Buccones, Bruti и т. д. Эта-то однородность и доходитъ, наконецъ, до того, что не можетъ болѣе производить никакихъ новыхъ комбинацій, ни нравственныхъ, ни даже физіологическихъ, а потому родъ и гибнетъ сперва первымъ, а потомъ и вторымъ способомъ. Въ династіяхъ эти причины еще строже наблюдаются, помѣси бываютъ еще рѣже, а потому и послѣдствія еще явственнѣе. Гдѣ теперь всѣ эти многолюдныя потомства Александровъ Македонскихъ, Цезарей, Карловъ Великихъ? какая генеалогія можетъ вамъ указать слѣдъ ихъ? А между тѣмъ, прежде чѣмъ исчезнуть, каждое изъ такихъ потомствъ непремѣнно выродилось. Такъ династія Меровинговъ, просуществовавъ 300 лѣтъ, выродилась до того, что послѣднихъ королей ея надо было отъ времени до времени показывать народу въ удостовѣреніе, что они существуютъ. Личное ничтожество этихъ королей пошло имъ даже въ прозваніе и осталось въ исторіи подъ именемъ les rois fainéants; а самый послѣдній король этого дома, Хильдерикъ III, оказался и положительно слабоумнымъ. Такъ династія Каролинговъ послѣ 200 лѣтъ существованія окончилась Людовикомъ V, за которымъ остался тотъ же историческій титулъ трутня, и который умеръ также бездѣтнымъ. Такъ наши русскіе рюриковичи, просуществовавъ, благодаря постояннымъ мезальянсамъ, постояннымъ помѣсямъ съ народомъ, около 700 лѣтъ, разразились подъ конецъ сперва односторонним бѣшенствомъ, мономаніей Грознаго, а потомъ и полнымъ идіотизмомъ и неспособностью даже къ дѣторожденію Ѳедора. Династія, успѣвавшая замѣщать всѣ княжескіе и великокняжескіе столы, сколько бы ихъ ни было, не могла наконецъ замѣстить и одного. Изъ нынѣ существующихъ династій самыя древнія суть бурбонская и габсбургская, — и вотъ «бурбонскій носъ» и «австрійская губа» заслужили уже извѣстность и въ физіологіи. Т. е. типъ установился до такой степени неподвижно, что онъ уже служитъ залогомъ такой же неподвижности и односторонности нравственной, а слѣдовательно и предвѣстникомъ близкаго окончательнаго вы-

рожденія. Но нигдѣ, быть можетъ, вырожденіе не послѣдовало такъ быстро какъ въ египетской династіи Птоломеевъ. Уже съ третьяго поколѣнія, съ Птоломея III Эвергета, начинается здѣсь рядъ монархическихъ мономаній. Но нигдѣ же и причина не достигала до такой степени: у Птоломеевъ вошли въ постоянный обычай уже не браки съ царскими только родами и даже не съ родственниками только, а просто съ родными сестрами. Такимъ образомъ законъ возводится здѣсь до очевидности. Впрочемъ онъ и весьма естественъ, такъ что могъ бы быть предвидѣнъ безъ фактовъ, а priori. Никакіе два элемента не могутъ давать безчисленныхъ разнообразныхъ соединеній; а чѣмъ они однороднѣе, тѣмъ число возможныхъ комбинацій ограниченнѣе. Отсюда и постоянно продолжающіеся браки между парами, стоящими въ одинакихъ условіяхъ, или такъ называемые равные браки, не могутъ не ограничивать многочисленности, долговременности и разнообразія комбинацій въ потомствѣ ихъ. Рано или поздно запасъ этихъ комбинацій истощается, онѣ начинаютъ повторяться, и, если причина продолжается, повтореніе это дѣлаетъ однообразіе еще болѣе однообразнымъ и наконецъ мономаническимъ. Еще нѣсколько времени, — и такія соединенія непремѣнно должны перестать давать всякій плодъ: отсюда вымираніе. На этомъ-то законѣ скрещиванія основаны и тѣ двѣ классификаціи общественныхъ организмовъ, которыя мы назвали количественною и качественною: количественная — на числѣ скрещиваній, качественная — на однородности или разнородности ихъ. Наконецъ законъ этотъ, гораздо прежде чѣмъ быть сознаннымъ и объясненнымъ, былъ постоянно находимъ ощупью, эмпирично: нѣтъ почти ни одного законодательства, начиная съ еврейскаго, которое бы ни признало его подъ видомъ ограниченія родственныхъ браковъ, и которое бы нарушеній этого закона не возвело въ преступленіе подъ именемъ кровосмѣшенія. — Если же такой законъ существуетъ для династій, для аристократій, для племенъ, то почему же онъ долженъ бы перестать дѣйствовать на всѣхъ другихъ обществахъ? онъ мо-

жетъ и долженъ дѣйствовать здѣсь незамѣтнѣе, и тѣмъ болѣе незамѣтно, чѣмъ общество больше, но дѣйствовать непремѣнно. На среднемъ сословіи нѣсколько позже, на низшемъ еще позже, но однородность крови должна наконецъ также дать себя почувствовать и не производить болѣе никакихъ новыхъ, оригинальныхъ, возрождающихъ сочетаній. То же и относительно сродства не только сословнаго, но также и національнаго, народнаго. И точно, что касается народовъ, то между ними нѣтъ лучшаго экземпляра для наблюденія этого дѣйствія какъ Евреи. Нигдѣ чистота народной крови не поддерживается такъ ревниво, нигдѣ смѣшанные браки не такъ рѣдки, и нигдѣ эта причина не дѣйствуетъ такъ долго и давно какъ у Евреевъ; а потому нигдѣ и послѣдствія не обнаружились такъ ярко, нигдѣ типъ не выработался до такой нескрываемости, нигдѣ способности народныя не дошли до такой односторонности и исключительности какъ у евреевъ. Плодовитость еще существуетъ, но она не производитъ уже ничего кромѣ повтореній, и потому стоитъ на дорогѣ къ тому чтобы и ей ослабѣть. Тотъ же законъ можно теперь наблюсти и на римской исторіи. Когда патриціатъ согласился принять въ себя плебеевъ, жизненность тотчасъ же поднялась и произвела завоеваніе всего міра. Но когда наступила потомъ очередь новаго обновленія меньшинства большинствомъ, обновленія политическихъ классовъ если не экономическими, по идеалу Спартака, то по крайней мѣрѣ бывшими въ запасѣ политическими, по идеалу Гракховъ, тогда оказалось, что это уже поздно. Пятьсотъ или четыреста лѣтъ аристократической жизни Рима, жизни его исключительно оптиматами и нобилями, не обновлявшейся исподволь и мало по малу, произвели то, что аристократическій идеалъ слишкомъ укоренился, дошелъ до исключительности и односторонности, такъ что не въ силахъ уже былъ сдѣлать новой требовавшейся уступки. Отсутствіе же всякаго сознанія о послѣдствіяхъ такого упорства, сознанія, которое и въ наше время еще далеко отъ насъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность открыть глаза этому упорству

единственно посредствомъ простаго чутья, обнаруженнаго Гракхами, окончательно объясняютъ случившійся фактъ. Такимъ образомъ небольшая партія Гракховъ, какъ ни высоко она становится по своему общественному инстинкту въ глазахъ потомка, успѣла только заявить очередной политическій запросъ, но не успѣла найти ему предложеніе со стороны современниковъ. Это неудовлетвореніе такой жизненной, такой насущной потребности изживавшагося общества и было для него смертнымъ его приговоромъ. Съ этого времени прежніе политическіе идеалы могли еще доканчивать свою пѣснь, могли еще повторяться нѣкоторое время однообразно; но никакихъ существенно новыхъ и разнообразныхъ возникнуть уже не могло. Съ этого времени могла также продолжаться и физическая плодовитость римской аристократіи, но производить прежніе энергическія натуры должна была все рѣже и рѣже. Словомъ, съ этихъ поръ, вмѣсто того, чтобъ притокомъ новой крови въ политическіе классы, протянуть активную политическую жизнь еще на неопредѣленное время, она несомнѣнно и положительно была сокращена напередъ. Такъ человѣкъ, не знающій законовъ физіологіи и въ образѣ жизни своей повинующійся однимъ личнымъ инстинктамъ, нерѣдко, самъ того не зная, бываетъ самоубійцей, какъ ни желаетъ жить долго. Ошибка была потомъ исправлена влитіемъ крови германской, но исправленіе это было такъ радикально, что произвело уже совсѣмъ новый, а не поддержало только старый, римскій организмъ. Наконецъ тотъ же законъ не можетъ не дѣйствовать и во всемъ человѣчествѣ. Правда, чѣмъ физіологическое явленіе сложнѣе, тѣмъ оно и измѣнчивѣе, какъ замѣчено было выше, а потому человѣчество и съ этимъ закономъ можетъ бороться дольше, чѣмъ народъ или человѣкъ. Если для человѣка возможность переливанія крови существуетъ только какъ мечта; если для народа эта мечта уже не разъ обращалась въ фактъ и можетъ обращаться въ него до тѣхъ поръ пока есть въ народѣ классы, не входившіе еще въ помѣсь съ другими, то для человѣчества этотъ рессурсъ

обновленія, эти резервы дѣйствующей арміи, несравненно обширнѣе. Одной помѣси всѣхъ европейскихъ націй между собою достало бы, можетъ быть, на удлиненіе жизни ихъ цѣлыми тысячелѣтіями; дальнѣйшіе же источники помѣсей, какъ напримѣръ сліяніе бѣлой расы Европы съ бѣлой расой Америки, а потомъ всевозможныя скрещиванія и самыхъ расъ между собою, обѣщаютъ человѣчеству еще долгую, долгую будущность, хранятъ въ себѣ источникъ комбинацій, новыхъ и разнообразныхъ чуть не до безконечности, но тѣмъ не менѣе все таки не неизсякаемыхъ. Когда нибудь придетъ таки время, что и для этихъ комбинацій настанетъ предѣлъ, что и этотъ источникъ исчерпается, и что новыя сопоставленія и перемѣщенія членовъ станутъ только повтореніемъ старыхъ, и потому окажутся наконецъ безплодны. Наступитъ когда нибудь время, что и самыя расы уединообразятся и отождествятся, и когда имъ все труднѣе и труднѣе станетъ порождать изъ себя новыя, небывалыя сочетанія. Для народа эта возможность остается еще въ перерожденіи его въ другой, для него есть еще спасеніе въ притокѣ новой, всегда готовой крови; для человѣчества же и этой возможности не предвидится. А рядомъ съ истощеніемъ крови изсякнутъ и идеалы; политическое творчество угаснетъ, и начнется простой вопросъ о самомъ существованіи. Какъ разрѣшится этотъ послѣдній вопросъ соціологіи, путемъ ли физическаго вымиранія человѣчества, путемъ ли появленія новыхъ, высшихъ существъ, — въ эту даль заглядывать мы не беремся и передъ нею останавливаемъ науку. Но мы беремся утверждать, что, до разрѣшенія этого вопроса, человѣчеству предстоитъ обратиться въ просвѣщенный, высоко-цивилизованный, глубоко-благоденствующій, но все таки Китай.

И такъ мы знаемъ теперь не только фактъ, но также и его причину; а на основаніи ихъ можемъ знать не только прошедшее, но также и будущее. Что же еще можетъ препятствовать признанію этой, повидимому, столь очевидной истины? Препятствіе это есть то же, что и для всей вообще обще-

ственной науки, т. е. чувство, а не разсудокъ; съ тою только разницею, что здѣсь оно несравненно энергичнѣе чѣмъ на всякомъ другомъ шагу этой науки. Въ каждомъ другомъ изъ своихъ шаговъ она поперемѣнно имѣетъ противъ себя непосредственное чувство, страсть, инстинктъ, эгоизмъ какой нибудь одной изъ политическихъ партій, при чемъ другая можетъ быть еще за нее; здѣсь же всѣ партіи сливаются въ одну, все-человѣческую партію, всѣ страсти, чувства, инстинкты, эгоизмы совокупляются въ одну общую страсть, въ одинъ общій инстинктъ—не умирать во что бы то ни стало. Это то же чувство слѣпого самосохраненія, которое подсказало индійцамъ ихъ идею метампсихоза, которое египтянамъ подсказывало претензію бороться и съ тою смертью, которая всѣхъ очевиднѣе, съ смертью тѣла, и побѣждать ее бальзамированіемъ труповъ, жизнью мумій. Это то же чувство тщеславія и самомнѣнія человѣческаго, которое внушаетъ человѣку увѣренность, что онъ царь природы, что все существующее существуетъ для него, и которое китайцу и всякому невѣжественному народу внушаетъ убѣжденіе, что всѣ другіе суть его данники. Это то же чувство обидчивости человѣка и расположенія его судить истину по ея пріятности или непріятности, которое безпрестанно нашептываетъ намъ: происходить человѣку отъ обезьяны обидно, а потому это ложь! зависѣть душѣ отъ тѣла обидно, значитъ и это ложь! не признавать нравственной отвѣтственности, считать человѣка машиной обидно, слѣдовательно и это пустяки! и т. д. и т. д. Вотъ эти-то возраженія суть самыя трудныя для соціальной науки: будь для оцѣнки ея постоянно только разсудокъ, а не чувство, трудности сократились бы на цѣлую половину. Теперь же у нея есть врагъ, какого не было у науки естественной, или, если былъ, то тамъ онъ появлялся только изрѣдка, отъ времени до времени, здѣсь же становится безотвязнымъ и неотступнымъ. Всего же страшнѣе онъ именно въ эту минуту, именно на этомъ первомъ шагу, на вопросѣ о конечности или безконечности человѣчества: раз-

розненнаго въ другихъ случаяхъ врага вопросъ этотъ соединяетъ внезапно, и корпусъ либераловъ съ корпусомъ консерваторовъ обращается въ одну сплоченную армію метафизиковъ. Метафизикѣ же на столько же нельзя дышать безъ идеи безконечности, какъ наукѣ безъ идеи конечности. А потому кто не захочетъ допустить эту послѣднюю хоть на время, тому нечего и читать дальше.

Если общество смертно, если оно не только живетъ, но и умираетъ, то спрашивается, каковъ же процессъ его жизни и смерти. Въ физіологіи это процессъ слаганія и разлаганія; посмотримъ, не то же ли и въ соціологіи. По физіологіи вся жизнь состоитъ въ непрестанной борьбѣ этихъ двухъ началъ, при чемъ сперва преобладаетъ слаганіе, потомъ оба находятся въ равновѣсіи, и наконецъ начинаетъ преобладать разлаганіе, которое и оканчивается смертью. Въ исторіи самые ненаблюдательные, самые неспособные къ обобщеніямъ историки не могли, однакожъ, не наблюсти и не обобщить явленія совершенно подобнаго. Признаніе ими этого явленія состоитъ въ безпрестанномъ употребленіи ими словъ: возвышеніе, процвѣтаніе и упадокъ. А потому, поймавши ихъ на этомъ словѣ, попробуемъ освободить себя отъ дальнѣйшихъ доказательствъ, и ограничимся только тѣмъ, чтобъ сообщить этимъ тремъ понятіямъ болѣе соотвѣтственную, болѣе соціологичную терминологію. Въ этомъ отношеніи опять не предстоитъ, кажется, возможности для спора: соціологичные термины также уже готовы, если только не предположить безсмысленнаго ихъ употребленія. Эти термины суть: *прогрессъ*, *застой* и *регрессъ*. Въ этихъ словахъ вся исторія, весь жизненный процессъ общества. Прогрессъ есть преобладаніе общественнаго слаганія, застой есть равновѣсіе слаганія съ разлаганіемъ, регрессъ есть преобладаніе разлаганія, которое и оканчивается паденіемъ, смертью. И при томъ прогрессъ есть слаганіе во всѣхъ отношеніяхъ: не только въ политическомъ, въ цивилизированіи, но и въ экономическомъ — въ обогащеніи, не только въ экономическомъ, но и въ физіологическомъ—

въ приращеніи населенія, не только въ физіологическомъ, но и въ физическомъ, т. е. въ расширеніи территоріи, словомъ въ строеніи какъ пирамидальномъ такъ и круговомъ. То же и застой, тоже и регрессъ. Возбудить сомнѣніе можетъ развѣ только средній терминъ; слово застой употребляется болѣе въ смыслѣ упадка, чѣмъ въ смыслѣ процвѣтанія. Но двусмысленность эта тотчасъ устранится, коль скоро вы обратите вниманіе на то, что тотъ застой, который мы называемъ упадкомъ, есть обыкновенно застой долговременный; кратковременный же застой, минуту равновѣсія силъ, мы именно и называемъ процвѣтаніемъ. Такъ въ Китаѣ застой болѣе граничитъ съ упадкомъ, съ регрессомъ, а въ Аѳинахъ застой, время Перикла, болѣе граничилъ съ возвышеніемъ, съ прогрессомъ. Средній терминъ и здѣсь, какъ вездѣ, безпрестанно сливается то съ однимъ, то съ другимъ изъ крайнихъ. И дѣйствительно, если Периклъ былъ послѣдній прогрессистъ аѳинскій, то онъ же былъ и первый регрессистъ Аѳинъ: онъ первый возвелъ въ задачу свою, въ политику, въ принципъ прекращеніе всякаго дальнѣйшаго расширенія внѣшняго и сохраненіе status quo во чтобы то ни стало, не останавливаясь ни предъ какими жертвами. Сицилійскій походъ, эта измѣна и той, и другой политикѣ, поспѣшилъ оправдать Перикла, и, покончивъ вопросъ о застоѣ, открылъ шествіе регресса. Но здѣсь самъ собою напрашивается вопросъ, отчего же для Греціи, для Рима застой былъ такъ кратокъ, такъ скоро обратился въ регрессъ, а для Китая, для Индіи и до сихъ поръ регрессъ не насталъ, а продолжается только застой. Другими словами, напрашивается вопросъ о причинѣ факта, дѣйствительность котораго признана единогласно.—Разрѣшеніе этого вопроса заключается въ томъ же законѣ скрещиванія, какой описанъ выше. Въ Китаѣ многомиліонное населеніе, и притомъ населеніе не разграниченное никакими сословными стѣнами, имѣло и имѣетъ, сравнительно съ какими нибудь двухсоттысячными Аѳинами, такой неистощимый рессурсъ брачныхъ комбинацій, что онъ дѣйствительно могъ поддерживать

повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій цѣлыя тысячелѣтія съ незамѣтными, съ нечувствительными для невооруженнаго глаза видоизмѣненіями, но все таки безъ окончательнаго истощенія ихъ и безъ рѣзкихъ, быстрыхъ и грубыхъ толчковъ регресса. Въ Индіи хотя стѣны сословныя и были, и притомъ самыя непроходимыя, но такое же многомиліонное населеніе дѣлало то, что и каждое изъ сословій, а въ томъ числѣ и правящее сословіе браминовъ, все таки представляло еще резервуаръ для комбинацій несравненно болѣе обширный, чѣмъ какой нибудь кружокъ оптиматовъ и нобилей города Рима. При томъ же, какъ нарочно, у Индійцевъ существовало, въ институтѣ браминовъ, глубокое противорѣчіе съ общимъ режимомъ кастъ, состоявшее въ томъ, что, не смотря на всю строгость этого режима относительно всѣхъ другихъ кастъ, брамину законъ Ману позволялъ безпрестанно обновлять свою касту, потому что требовалъ для него только одной жены той же касты, прочія же могли быть и изъ всѣхъ другихъ. Такимъ образомъ противорѣчіе обращается въ счастливый соціальный инстинктъ браминизма, въ удачный инстинктъ самосохраненія его, болѣе счастливый и болѣе удачный, чѣмъ какимъ онъ оказался у римскихъ оптиматовъ. Наконецъ надо не забыть и то, что въ значительной части населенія Индіи и самый принципъ кастъ былъ подъ конецъ древней исторіи сломленъ, сломленъ буддизмомъ, который открылъ такимъ образомъ источникъ для новаго разнообразія браковъ и помѣсей; чего никогда не было ни въ Греціи, ни въ Римѣ, гдѣ, не смотря на послѣдующее распространеніе гражданства, оно, во первыхъ, никогда не дошло до рабовъ, а во вторыхъ никогда не обратилось въ нравы и въ дѣйствительные браки. А потому Индія и Китай и до сихъ поръ остаются почти тѣми же историческими личностями, какими были въ дни современности ихъ съ Греціей и Римомъ, между тѣмъ какъ отъ Греціи и Рима остались только воспроизведенія ихъ. По срединѣ между этими крайними явленіями быстроты и медленности жизненныхъ отправленій стоитъ явленіе отправленій византійскихъ. Здѣсь

регрессъ отождествляется съ застоемъ нѣсколько больше чѣмъ въ Греціи и Римѣ, но нѣсколько меньше чѣмъ въ Китаѣ и Индіи. Въ силу средняго между тѣмъ и другимъ населенія, въ силу христіанской религіи, открывавшей нѣкоторый доступъ изъ сословія въ сословіе, въ силу наконецъ умѣреннаго притока крови славянской, который совершенно переродить общество еще не могъ, а возрождать и обновлять его могъ весьма достаточно, Византія могла бы протянуть жизнь свою еще на неопредѣленное время, если бы ее не застигла катастрофа и ускорененіе смерти насильственное. Такимъ образомъ всѣ недоразумѣнія на счетъ этихъ перипетій жизни, наблюденныхъ общимъ смысломъ, объясняются тою же причиною, что и самый фактъ этихъ перипетій, тою же, что и самая смерть обществъ, т. е. закономъ скрещиваній. Вся разница тутъ есть только разница степеней дѣйствія закона: меньшая степень производитъ застой, регрессъ, большая — самую смерть. Другая причина, нравственная, есть только необходимое послѣдствіе первой, физической. Вмѣстѣ съ кровью изживаются также и идеалы общественные; жить ни физически, ни психически становится не чѣмъ; а потому опять долженъ наступить застой и потомъ регрессъ. А между тѣмъ, кромѣ этихъ двухъ ближайшихъ и непосредственныхъ причинъ, есть еще отдаленныя и посредственныя: фактъ коренится глубже чѣмъ въ біологіи и въ соціологіи; онъ коренится въ самой физикѣ и въ механикѣ, такъ что необходимость прогресса и регресса становится еще повелительнѣе. По закону физики всякая сила есть не что иное какъ движеніе, такъ что безъ движенія нѣтъ и никакой жизни: общество, какъ и вода, портится когда застаивается; необходимо движеніе, волненіе, чтобъ была жизнь. Отсюда необходимость прогресса. Но по закону механики никакое движеніе не можетъ быть вѣчнымъ, и, хотя по инерціи оно стремится къ тому, но по силѣ сопротивленій, рано или поздно прекращается. Отсюда застой. Наконецъ по прекращеніи даннаго движенія не прекращаются, однакожъ, всѣ другія, окру-

жающія силы, и въ томъ числѣ тѣ, которыя остановили данное движеніе. Продолжая же дѣйствовать въ томъ же направленіи, онѣ рано или поздно выводятъ тѣло и изъ застоя, но на этотъ разъ уже въ сторону противоположную, обратную первоначальному движенію. Отсюда необходимость регресса. Такъ глубоки и неисторгаемы причины трехъ разсматриваемыхъ стадій жизни вообще. Впрочемъ, то согласіе историковъ на счетъ самаго факта этихъ стадій, согласіе, которымъ мы хотѣли облегчить трудъ свой, относилось только къ жизни одной изъ общественныхъ формъ, къ жизни народной, и потому здѣсь только и увольняло насъ отъ доказательствъ факта. Что же касается всѣхъ другихъ общественныхъ формъ, какъ меньшихъ такъ и большихъ, то тѣ же самые историки готовы тутъ спорить, не смотря на самихъ себя; а потому въ этомъ отношеніи нельзя обойтись безъ дальнѣйшей аргументаціи самаго факта. Для этого изъ числа меньшихъ общественныхъ тѣлъ, изъ обнимаемыхъ тѣломъ народнымъ, возьмемъ сперва учрежденіе, какъ обнимающее нѣсколько поколѣній, потомъ поколѣніе, какъ обнимающее нѣсколько индивидумовъ, и наконецъ самый индивидумъ, какъ общественный атомъ. Что касается вообще преходимости учрежденій, то на этомъ смѣшно, конечно, настаивать, вопросъ можетъ быть развѣ только въ перипетіяхъ этой преходимости, въ дѣйствительности прогресса, застоя и регресса учрежденій. Но вотъ передъ вами учрежденіе республики римской, учрежденіе, имѣвшее, очевидно, свое начало (по изгнаніи царей) и свой конецъ (въ учрежденіи имперіи). Что жъ, развѣ здѣсь не бьютъ сами собой въ глаза и прогрессъ учрежденія, и застой его, и регрессъ? Постоянный прогрессъ его отлично представляется борьбою плебеевъ и завоеваніемъ, гдѣ учрежденіе постоянно растетъ и развивается; застой также отлично представляется отказомъ учрежденія отъ дальнѣйшаго движенія, предложеннаго ему Гракхами; и наконецъ регрессъ рельефно обнаруживается постоянными нарушеніями учрежденія то въ лицѣ Марія, то въ лицѣ Помпея, то въ лицѣ Цезаря, то посред-

ствомъ семилѣтняго консульства, то посредствомъ консульства безъ товарища, то посредствомъ безсмѣннаго диктаторства, пока наконецъ учрежденіе не исчезаетъ вовсе въ имперіи. Учрежденіе папства видимо растетъ и крѣпнетъ, словомъ, слагается, прогрессируетъ до временъ Гильдебранда и Иннокентія III; съ Инокентія до реформаціи находится въ застоѣ, который возбудилъ и самую реформацію; съ реформаціи до нашихъ временъ длится положительный регрессъ, который въ наши дни разразился уже и смертью одной половины папства, смертью свѣтской его власти. Учрежденіе рыцарства до крестовыхъ походовъ находится въ порѣ прогресса; въ крестовые походы приноситъ свой лучшій цвѣтъ и лучшій плодъ— духовно-рыцарскіе ордена; и накопецъ въ XV и XVI вѣкѣ разлагается, обращается въ притчу во языцѣхъ, въ донъ-кихотство. Королевская власть съ крестовыхъ походовъ до XVI вѣка въ постоянномъ прогрессѣ; съ XVI до XVIII въ полномъ процвѣтаніи, но и въ полномъ застоѣ; XIX вѣкъ есть формальный регрессъ ея. Среднее сословіе съ XVI до XVIII вѣка прогрессируетъ; въ XIX процвѣтаетъ въ застоѣ; и вотъ не далека уже минута регресса, которую возвѣщаетъ ему движеніе рабочаго класса. Трудно указать учрежденіе, гдѣ бы стадіи эти не были также ясны какъ и въ жизни народовъ; однѣ развѣ только маленькія и кратковременныя учрежденія не дадутъ сразу замѣтить ихъ; но это потому что здѣсь онѣ должны скрадываться ничтожностью размѣровъ и красокъ. Поколѣніе въ началѣ своемъ непремѣнно также прогрессивнѣе, а въ концѣ непремѣнно регрессивнѣе, что ярче всего можно видѣть на такихъ поколѣніяхъ, какъ напримѣръ то, которое произвело во Франціи сперва великую революцію національнаго собранія, конвента и комитета спасенія, а потомъ великую контръ-революцію директоріи, консульства и имперіи. Наконецъ кому же не знакомъ фактъ, что и каждый индивидумъ въ молодости бываетъ непремѣнно прогрессивнѣе, а въ старости непремѣнно регрессивнѣе. А причина всѣхъ этихъ фактовъ все одна и та же, все истощеніе, все ослабленіе, все

усталость. Остаются теперь общества обнимающія, большія чѣмъ народъ, каковы напримѣръ система государствъ, человѣчество. Но относительно первыхъ, системъ государственныхъ, мы имѣемъ въ рукахъ факты, каковы прогрессъ, застой и регрессъ древняго востока или прогрессъ, застой и регрессъ классической системы государствъ, и только для нынѣшней системы государствъ, да для человѣчества не имѣемъ еще такого факта въ рукахъ. Но такъ какъ причина остается и здѣсь, то не понятно, почему бы не оставались послѣдствія ея. И если остаются послѣдствія физическія, то невозможно, чтобы не остались и нравственныя. Идеалы человѣчества, какъ они ни широки, по все таки не заключаютъ въ себѣ ничего неисчерпаемаго. Доступное при нашихъ познавательныхъ органахъ знаніе, доступная при этомъ знаніи свобода и равенство могутъ быть достигнуты даже прежде, чѣмъ истощится запасъ обновленія крови. Силы физическія могутъ пережить нравственныя, но эти послѣднія и сами по себѣ въ состояніи положить предѣлъ всякимъ стремленіямъ, всякимъ идеаламъ. А потому, хотя и безъ факта въ рукахъ, но по неотразимой аналогіи заключаемъ, что и человѣчеству, какъ цѣлому, не избѣжать ни поры прогресса, ни поры застоя, ни поры регресса.—Получивъ же это заключеніе, мы получаемъ, наконецъ, и возможность сколько нибудь орьентироваться въ исторіи, возможность указать, гдѣ мы и что мы. Глядя на все прошедшее и все настоящее человѣчества, нѣтъ возможности не заключить въ такомъ случаѣ, что человѣческій родъ, какъ цѣлое, находится въ періодѣ несомнѣннаго прогресса, потому что слаганіе въ немъ постоянно преобладаетъ до сихъ поръ надъ разлаганіемъ. Физіологически оно преобладаетъ потому что число рожденій безусловно преобладаетъ надъ числомъ смертей: нѣсколько тысячелѣтій уже человѣческій родъ вымираетъ, а между тѣмъ онъ только все болѣе и болѣе увеличивается. Экономически слаганіе преобладаетъ потому что, не смотря на это постоянное приращеніе населенія нашей планеты, населеніе это тѣмъ не менѣе богаче всякаго перво-

бытнаго, рѣдкаго населенія, и несравненно лучше удовлетворяетъ свои многочисленныя потребности, чѣмъ то удовлетворяло свои малочисленныя. (Такъ наблюденіе на большихъ пространствахъ мѣстности и большихъ промежуткахъ времени сразу уничтожаетъ выводы, полученные изъ узенькихъ, хотя и кропотливыхъ, наблюденій, каковы мальтусовскія, и сразу даетъ противъ нихъ оружіе, какого также не даютъ выводы, почерпнутые изъ такихъ же узенькихъ наблюденій противной стороны, каковы всѣ возраженія противъ Мальтуса). Политически это преобладаніе слаганія явно изъ постояннаго до сихъ поръ возрожденія учрежденій, націй, племенъ, при чемъ онѣ все больше и больше слагаются, а не разлагаются, объединяются, а не разъединяются. При томъ же и формальное выраженіе прогресса, прогрессивныя партіи политическія, до сихъ поръ въ сложности постоянно преобладаютъ надъ регрессивными, и всѣ эвпатриды, патриціи и палаты лордовъ до сихъ поръ только и знали, что, не соглашаясь никогда въ мысли съ демосомъ, съ плебеями, съ палатами общинъ, соглашаться съ ними, однакожъ, постоянно и волей-неволей на дѣлѣ. Ясное же сознаніе прошедшаго и настоящаго тотчасъ же сообщаетъ бо́льшую ясность и взгляду на будущее, такъ что уже и теперь оно даетъ возможность предсказанія, что не только регрессъ, но и самый застой несказанно далекъ еще отъ человѣчества, и что ему долго и долго еще предстоитъ одна стадія прогресса. При такомъ взглядѣ на всю вообще соціальную жизнь, тотчасъ и легко разрѣшаются и всѣ тѣ недоумѣнія и споры, какіе имѣютъ предметомъ своимъ постоянство или непостоянство прогресса, прерываемость или непрерывность его. Каждый разъ когда мы разсматриваемъ человѣчество какъ цѣлое, — прогрессъ больше приближается къ характеру непрерывности; каждый разъ, когда разсматриваемъ его части, — онъ больше походитъ на перемежаемый. Такъ все прошедшее, разсматриваемое какъ цѣлое, обнаруживаетъ, конечно, непрерывный прогрессъ, потому что непрерывное преобладаніе слаганія, не смотря на всѣ акты разла-

ганія. Но когда мы станемъ разсматривать часть этого прошедшаго, напримѣръ римскую часть, то она окажется, конечно, съ характеромъ перемежаемости, потому что тамъ прогрессъ уже смѣнялся и застоемъ, и регрессомъ. Въ римскомъ прогрессѣ, разсматриваемомъ какъ цѣлое, въ свою очередь также характеристично постоянство; но въ исторіи каждаго поколѣнія римской поры прогресса характеристична, напротивъ, перемежаемость, потому что уступки патриціевъ постоянно перемежаются уступками плебеевъ, побѣда въ борьбѣ за трибунатъ перемежается пораженіемъ въ борьбѣ за аграрные законы, и lex Valeria смѣняется сверженіемъ Спурія Кассія съ тарпейской скалы. Правда, есть возраженіе и противъ постоянной прогрессивности прошедшаго какъ цѣлаго: возраженіе это — періодъ перехода изъ древняго міра въ новый, тьма среднихъ вѣковъ. Но физіологическій взглядъ на исторію разрѣшаетъ и это недоразумѣніе. Когда въ физіологіи говорятъ о молодомъ организмѣ, въ которомъ слаганіе и ростъ преобладаютъ постоянно надъ разлаганіемъ, сомнѣваются ли въ этомъ потому только, что въ организмѣ этомъ за днями бодрствованія слѣдуютъ ночи сна? Ничуть. Напротивъ физіологи знаютъ, что въ ночи и во снѣ процесъ слаганія кипитъ еще живѣе чѣмъ днемъ, дневныя утраты вознаграждаются еще дѣятельнѣе, организмъ обновляется еще рѣшительнѣе. Чѣмъ дольше и крѣпче спитъ созидающійся организмъ, тѣмъ лучше. Таково же точно и значеніе среднихъ вѣковъ въ исторіи человѣчества, какъ цѣлаго. Здѣсь во тьмѣ и въ тиши, незамѣтно для глаза и безъ вѣдома сознанія, происходило такое слаганіе въ общественномъ организмѣ, которое обусловило собою весь будущій свѣтлый день его, обусловило всю характеристику всей новой исторіи: это — превращеніе римскихъ рабовъ въ колоновъ, а колоновъ въ крѣпостныхъ. Когда, какъ, гдѣ и почему это началось, историки и до сихъ поръ о томъ не знаютъ, исторія проглядѣла это, сонный міръ не спохватился объ этомъ. А между тѣмъ, когда онъ проснулся, оказалось, что промежуточная мѣра между рабствомъ и сво-

бодой уже сложилась, что путь перехода отъ одного къ другому уже образовался, и что вчерашній рабъ то тамъ, то сямъ оказывается сегодня половникомъ, фермеромъ, йоменомъ, чего никто не подготовлялъ, никто не ожидалъ, никто не предвидѣлъ. Такая же точно ночь лежитъ и между восточнымъ міромъ и классическимъ, но она также не возраженіе противъ постоянства до сихъ поръ прогресса въ человѣчествѣ какъ цѣломъ. Эта ночь есть IX, VIII и VII вѣка до Р. Хр., когда восточныя цивилизаціи уже разлагались, а классическія еще не сложились. Но въ эту ночь, также неощутительно для исторіи, также слагался въ человѣческомъ тѣлѣ такой же новый элементъ, какого не сложилъ и весь долгій восточный день: это—вмѣсто монархій—аристократіи и вмѣсто кастъ—сословія. Базилейсы нечувствительно переходили въ деспотовъ, въ тирановъ, въ эзимнетовъ, въ архонтовъ, а кастическіе гоплиты, эгикореи, аргадеи и гелеонты—въ сословныхъ пентакосіомедимновъ, всадниковъ, зевгитовъ, и тэтовъ. Почему, отчего, какъ, когда,—все это опять нигдѣ въ исторіи не помѣчено, все это слагалось въ пору безсознательной миѳической жизни Грековъ, а между тѣмъ это такія два слаганія, которыя опять составили собою всю тему всего слѣдующаго историческаго дня. И такъ эти историческія ночи только еще больше доказываютъ собою постоянную прогрессивность минувшей исторіи, больше чѣмъ самые дни ея, больше чѣмъ эти минуты бодрствованія и потребленія сложившихся въ ночи силъ, минуты блестящихъ варьяцій на эти монотонныя темы, минуты, гдѣ человѣчество помнитъ всѣ свои шаги и поступки. Только въ порѣ регресса промежутки отдыха и сна становятся кратче, а періоды бодрствованія и дѣятельности продолжительнѣе, но за то и непроизводительнѣе оба; въ періодъ же преобладанія слаганія надъ разлаганіемъ и самыя ночи бываютъ производительнѣе чѣмъ впослѣдствіи дни. И такъ сомнѣніе въ постоянствѣ прогресса до нынѣшней исторіи приводитъ насъ только къ большему убѣжденію въ этомъ постоянствѣ. Таково же должно быть въ свою очередь и по-

стоянство регресса, когда наступитъ преобладаніе разлаганія надъ слаганіемъ. И если возможно допустить въ исторіи, какъ характеристику, непостоянство, принципъ дрожанія, перемежаемость, положеніе колебательное, нерѣшительное, то это только въ ту пору, которую мы назвали застоемъ. Вотъ характеристика каждой изъ этихъ трехъ обще-біологическихъ стадій жизни.

Опредѣливъ три эти фазиса всякой общественной жизни, можно, какъ кажется, подсмотрѣть и самый способъ перехода изъ одного изъ нихъ въ другой. Въ самомъ дѣлѣ, переходъ этотъ совершается вездѣ и всегда извѣстнымъ и совершенно одинаковымъ образомъ. Что касается перехода отъ прогресса къ застою, то онъ всегда знаменуется прекращеніемъ дальнѣйшихъ потребностей: въ силу ли истощенія жизненнаго идеала или же въ силу невозможности удовлетворенія его, но прекращеніе это непременно предшествуетъ застою. Послѣдній случай въ исторіи чаще чѣмъ первый, и въ этомъ случаѣ процессъ состоитъ въ томъ, что и разъ, и два заявляется какая либо новая жизненная потребность, но и разъ, и два не находитъ себѣ удовлетворенія; обнаруживается данный спросъ жизни, но не встрѣчаетъ соотвѣтственнаго предложенія. Прогрессивная партія, которая до сихъ поръ постоянно торжествовала, начинаетъ испытывать неудачи; а консерваторы, которые до сихъ поръ постоянно уступали, начинаютъ теперь торжествовать. Въ послѣднія минуты этой роковой борьбы происходитъ одно изъ двухъ: заявленная потребность, смотря по степени энергіи своей и энергіи препятствій, или напрягается до nec plus ultra, производитъ революцію, и только такъ одолѣваетъ препятствія, — и тогда прогрессъ протягивается еще на нѣкоторое время, хотя и безъ ручательствъ за новые шаги его въ будущемъ, потому что самое напряженіе, самая крайность только что сдѣланнаго усилія не можетъ не истощать запаса силъ; или же одолѣваютъ, напротивъ препятствія, потребность, оставшись безъ удовлетворенія, заглушается, впадаетъ въ апатію, — и тогда

начинается формальный застой. Новыхъ потребностей болѣе непредъявляется, да и предъявлено быть не можетъ, потому что между потребностями есть своя естественная очередь, такъ что удовлетвореніе каждой послѣдующей изъ нихъ обусловливается только удовлетвореніемъ каждой предъидущей. Экономическія, напримѣръ, потребности всѣ вообще обусловлены физіологическими: голодомъ, холодомъ, наготою; политическія всѣ вообще обусловлены экономическими: потребностью въ природѣ, въ искуствѣ, въ трудѣ. Въ свою очередь каждая степень удовлетворенія экономическаго вызываетъ соотвѣтственную степень удовлетворенія политическаго, знанія, власти, свободы, а это послѣднее, мало-по-малу дѣлаясь недостаточнымъ, вызываетъ опять новую дозу удовлетворенія экономическаго, для того чтобы стала возможною новая доза политическаго удовлетворенія и т. д. безпрестанно. Отсюда задержка одной какой либо задерживаетъ и всѣ послѣдующія, и непредъявленіе одной очередной равносильно непредъявленію больше никакихъ вообще. Непредъявленіе же это и есть недостатокъ дальнѣйшей жизненности вообще, въ самомъ источникѣ ея. Процессъ этотъ, по отношенію къ явленіямъ физіологіи и экономіи, довольно фамиліаренъ для всѣхъ и каждаго, такъ что на него достаточно только намекнуть. Въ физіологическомъ, напримѣръ, смыслѣ такое явленіе видимъ мы каждый разъ, когда въ животномъ организмѣ, въ извѣстную пору его слаганія, образовались, напримѣръ, и развились уже половые органы, созрѣли уже сѣменные соки, обнаружилась уже потребность воспроизведенія, а между тѣмъ удовлетворенія по чему либо она не встрѣчаетъ. Тогда, послѣ долгаго безмолвія, она или разражается злоупотребленіемъ половыхъ силъ или же, при долгомъ угнѣтеніи ихъ, оканчивается атрофіею ихъ. Подобное же явленіе представляетъ долговременный голодъ съ слѣдующимъ за нимъ или смертельно опаснымъ аппетитомъ или также смертельнымъ изнеможеніемъ. Въ мірѣ экономическомъ такое явленіе образуется всею вообще системою спроса и системою предложенія; при чемъ

если послѣдняя не соотвѣтствуетъ первой, то первая или замираетъ или идетъ на преступленіе и удовлетворяетъ себя насильственно. Въ томъ и другомъ случаѣ жизненность равно ослабляется. Гораздо менѣе общензвѣстенъ такой процессъ въ мірѣ политики; а потому здѣсь только и надо разсмотрѣть его подробнѣе. Для этого возьмемъ тѣ въ особенности примѣры, на которыхъ мы разсмотрѣли уже самыя стадіи прогресса. Такъ въ аѳинскомъ обществѣ, пока, въ его движеніи отъ монархіи къ аристократіи и отъ аристократіи къ демократіи, идеалъ его не исчерпался, пока потребности, формулированныя поочередно его прогрессистами, постоянно и возникали одна за другою, и удовлетворялись болѣе или менѣе легко, пока прогрессисты Килонъ, Солонъ, Пизистратъ, Клисѳенъ, Ѳемистоклъ, Периклъ, Эфіальтъ постоянно торжествовали надъ консерваторами Мегакломъ, Ликургомъ, Исагоромъ, Аристидомъ, Кимономъ, Аристодикомъ, до тѣхъ поръ и прогрессивность общества была безспорна. Но когда, вмѣстѣ съ Перикломъ и Эфіальтомъ истощились самыя чаянія общества, когда демократическій идеалъ въ древнемъ его смыслѣ былъ исчерпанъ до дна, когда политическія права распространены были на всѣхъ гражданъ, не исключая и тэтовъ, и всѣ, не исключая и права архонства, когда равенство свободнаго класса дошло до олицетворенія его въ принципѣ жребія, а разспространеніе этого равенства и этой свободы за предѣлы класса гражданъ было для грека не мыслимо, непомѣщалось въ головѣ его, (какъ видно это даже изъ позднѣйшихъ философовъ, неисключая и такихъ умовъ какъ Аристотель), тогда жить аѳинянамъ стало больше не чѣмъ, и они неминуемо погибли бы и безъ пелопонезской войны, и безъ Македоніи. Потому-то за Перикломъ непремѣнно долженъ былъ наступить застой, хотя бы Аѳины оставались въ мирѣ и въ полной безопасности отъ сосѣдей. А между тѣмъ даже такіе историки какъ Гротъ все еще приписываютъ паденіе Греціи то тѣмъ, то другимъ причинамъ внѣшнимъ и случайнымъ; и въ томъ числѣ самъ Гротъ не только главною, но

даже единственною причиною этого паденія считаетъ неудачный сицилійскій походъ. Другой типическій случай перехода отъ прогресса къ застою имѣлъ мѣсто въ Римѣ. Тамъ послѣ цѣлаго ряда предъявленныхъ прогрессистами и удовлетворенныхъ консерваторами потребностей общества представляется не истощеніе ихъ, а только невозможность удовлетворенія тѣхъ, которыя пришли послѣдними. Перешедши отъ монархіи къ аристократіи и отъ аристократіи къ демократіи, римскій общественный идеалъ, или, точнѣе, идеалъ прогрессистовъ римскихъ, оказался нѣсколько шире и выше греческаго, какъ доказываетъ это партія Гракховъ, подобной которой Греція никогда не могла выставить. Идеалъ этотъ допускалъ распространеніе политическихъ правъ, распространеніе мѣстной свободы и равенства, за предѣлы класса гражданъ города Рима; идеалъ этотъ допускалъ возможность пріобщенія къ полноправному обществу не только всѣхъ бѣдныхъ гражданъ города Рима, но даже всѣхъ итальянскихъ союзниковъ, и притомъ не только политическимъ, но даже и экономическимъ путемъ, путемъ аграрныхъ законовъ. Это размахъ общественности и человѣчности дѣйствительно до тѣхъ поръ не бывалый. И выразился онъ не въ видѣ простой религіозной или философской мечты, а въ реальной политической партіи, сложившейся изъ лучшихъ людей Рима. Но этотъ высшій изъ всѣхъ прогрессивныхъ помысловъ всей древности, заявленный и разъ, и два, и Тиверіемъ Гракхомъ, и Каемъ Гракхомъ, ни разу не могъ найти себѣ удовлетворенія. Не смотря на то, что потребность была крайне энергична, такъ что произвела даже революцію, сопротивленіе оказалось еще энергичнѣе, и потребность должна была атрофироваться, замолкнуть. А вмѣстѣ съ нею замолкъ и весь вообще прогрессъ, и настало время застоя. А потому не нужно было ни гражданскихъ войнъ, ни нашествія Кимвровъ, ни имперіи, для того чтобы дальнѣйшая жизнь была уже парализована. Все это только подслужилось, пришло кстати парализаціи коренной, внутренней, и даже пришло скорѣе какъ прямое послѣдствіе ея чѣмъ

какъ причина, хотя бы то даже косвенная. Третій примѣръ представляетъ Франція. Здѣсь политическій идеалъ былъ еще шире чѣмъ въ Римѣ: онъ допускалъ распространеніе политическаго права не только внѣ меньшинства, не только на среднее сословіе, но даже на все большинство, (такъ какъ допускалъ освобожденіе рабовъ и возведеніе ихъ въ гражданство). Но и тотъ, и другой новый шагъ достался и Франціи также не легко, какъ Аѳинамъ досталось инкорпорированіе въ общество зевгитовъ и тэтовъ, а Риму инкорпорированіе плебеевъ. Оба были взяты только съ бою, и только съ отчаяннаго бою. Первая изъ двухъ потребностей, задержанная тремя Людовиками сверхъ всякой мѣры, достигла такой же напряженности какъ и Гракховская въ Римѣ, и произвела такую же революцію и такія же междоусобія какъ и та. Искуственно раздражонная до послѣдней степени раздраженія, она могла быть и удовлетворена только также искуственно и также неумѣренно и неестественно: отсюда вдругъ и конституціонная монархія, и республика жирондистовъ, и якобинская республика. Потребность была такъ пересыщена, и такъ внезапно, что потребовалось два поколѣнія, имперское и реставраціонное, для того чтобы разсыщать ее, чтобы и потребность, и ея удовлетвореніе ввести въ ихъ естественныя берега, въ іюльскую монархію. Только іюльская монархія была естественнымъ и равномѣрнымъ удовлетвореніемъ дѣйствительно очередной потребности, потребности средняго сословія на жизнь. Но безпорядочность и несвоевременность этого насыщенія, которое должно бы послѣдовать еще при Людовикѣ XIV или покрайней мѣрѣ при XV, произвела то, что теперь уже и на этомъ правомѣрномъ насыщеніи остановиться надолго и дать ему устояться было невозможно. Искуственная задержка перваго изъ двухъ спросовъ искуственно задержала и тотъ, который непосредственно за нимъ слѣдуетъ, спросъ большинства на право политической жизни. А потому и эта послѣдняя потребность должна была въ свою очередь извратиться, въ свою очередь разразиться болѣзненно:

и вотъ передъ нами февральская революція, республика и въ концѣ концовъ всеобщая подача голосовъ. Такимъ образомъ и другая очередная потребность, другой естественный спросъ общественной жизни, могъ и высказаться, и удовлетвориться не иначе какъ судорожно, болѣзненно, несвоевременно и не пропорціонально. То, на что въ Англіи употребляется нѣсколько царствованій и поколѣній, переходъ отъ власти средняго класса къ власти большинства, то здѣсь совершилось въ одно царствованіе и въ одно поколѣніе — Людовика-Филиппа. Впрочемъ, какъ ни анормально, какъ ни потрясающе было и это второе насыщеніе этого втораго политическаго голода Франціи, но идеалъ ея и на этомъ не остановился. Онъ остановился только на третьемъ очередномъ спросѣ, на спросѣ равенства не политическаго. Политическое равенство въ suffrage universelle исчерпано до дна, и если оно не удовлетворяетъ общества, то дальнѣйшій спросъ можетъ быть только равенство экономическое, какъ единственно дѣйствительная гарантія дальнѣйшаго политическаго. Но и этотъ спросъ не могъ конечно ни наступить своевременно, ни разрѣшиться своемѣрно. Коль скоро однажды уже море вышло изъ береговъ, коль скоро однажды уже поднялась первая буреносная волна, то она неминуемо гонитъ и торопитъ передъ собою и другую, и третью и такъ далѣе, потрясая стихію отъ края до края и отъ поверхности до дна. Такъ и волна коммунистическая набѣжала еще съ первою революціею, въ видѣ Бабефа и бабувистовъ. Въ революціи 1830 года надо опять отличать сліяніе двухъ потребностей, буржуазной и рабочей. Буржуазная знала уже, за что борется она, собираясь въ своихъ типографіяхъ и редакціяхъ, но ни та, ни другая не знали еще, за что борется рабочая, собираясь на улицахъ и площадяхъ. Когда борьба кончилась, обѣ арміи думали, что они боролись за потребность буржуазную, а потому вопросъ и разрѣшился іюльскою монархіею. Въ 1848 году опять напрягается потребность рабочаго, опять выходитъ на улицу, опять борется, но теперь уже сознавая,

что борется за себя, а не за буржуазію; теперь и буржуазія уже видитъ, что недавній союзникъ ея есть не кто иной какъ неузнанные ею бабувисты, и что бабувизмъ теперь все рабочее населеніе. Заткнуть ему глотку всеобщею подачею голосовъ,—на это еще достало духа у буржуазіи; но на переходъ отъ чисто-политическаго идеала къ какому либо другому, радикально новому, и на переходъ опять такой же быстрый, такой же внезапный, никакой жизненности общества уже не хватило. Да и не мудрено. Надо предположить возможность какой-то метафизической неистощимости народныхъ силъ, для того чтобъ допустить, что никакая растрата ихъ ничего не значитъ, и что и послѣ такого напряженія и такой растраты ихъ какъ во Франціи, онѣ все-таки могутъ оставаться вѣчно свѣжи, вѣчно юны, вѣчно готовы для удовлетворенія всякой вновь возникающей потребности, для исцѣленія всякой вновь открывающейся болѣзни. Нужно было бы предположить, что чѣмъ больше и чаще организмъ болѣетъ, чѣмъ больше и чаще онъ успѣвалъ до сихъ поръ возстановлять себя, тѣмъ онъ становится сильнѣе, долговѣчнѣе, жизненнѣе, способнѣе къ новымъ и новымъ возстановленіямъ. Увы! у общественнаго организма, какъ и у всякаго другого, есть извѣстный, точно опредѣленный запасъ силъ, который, даже при отсутствіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, рано или поздно изсякаетъ. Если же онъ къ тому же долженъ потребляться то и дѣло неумѣренно, то и дѣло не на жизнь, а только на возстановленіе возможности жизни, здоровья, то никакое богатство натуры долго справляться съ такой задачей не въ состояніи. А потому-то не нужно было ни Наполеона III, ни войны съ Германіей, для того чтобы участь Франціи была рѣшена: все это явилось только какъ подспорье къ рѣшенію, для того чтобы сдѣлать его только какъ можно каттегоричнѣе. Мудрено ли послѣ этого, что, когда безсильная потребность заявила себя еще разъ, въ 1870 году, въ видѣ парижской коммуны, то она могла найти только еще меньшее признаніе, чѣмъ прежде, и могла произвести только еще пущее отвращеніе

отъ этого признанія. И дѣйствительно, нѣмцы, англичане, итальянцы приняли урокъ къ свѣдѣнію; два императора совѣтуются объ этомъ урокѣ въ Гаштейнѣ; англійскіе лорды и тори входятъ въ союзъ съ Совѣтомъ рабочихъ; одна только Франція считаетъ излишнимъ принимать мѣры удовлетворенія, и все, что она предпринимаетъ, есть только пресловутый циркуляръ Жюля Фавра, приглашающій всю Европу къ какой-то универсальной облавѣ на международное общество рабочихъ. Циркуляръ этотъ есть циркуляръ Сципіона Назики, закинувшаго себѣ тогу на голову, и рпнувшагося на партію Гракха; циркуляръ этотъ есть вывѣска надъ домомъ Франціи, понятная для всякаго проходящаго мимо, и только къ самому хозяину обращенная постоянно спиною; циркуляръ этотъ есть эпитафія на могилѣ прогресса Франціи. Съ этихъ поръ ей остается только застой, и застой тѣмъ болѣе кратковременный, чѣмъ чаще или энергичнѣе будетъ новое напряженіе послѣднихъ силъ внутри или во внѣ; а это послѣднее, внѣшнее напряженіе, обѣщается единодушіемъ того оскорбленнаго самолюбія и того чувства мести, которое теперь пожираетъ и одно только соединяетъ всѣ партіи Франціи. Застой въ учрежденіяхъ приходитъ тѣмъ же путемъ что и въ націяхъ. Уже съ XI вѣка начинаютъ заявляться такія новыя требованія отъ папства, какихъ оно все больше и больше не рѣшается удовлетворять. Сперва отдѣльныя лица, потомъ секты, потомъ общественное мнѣніе и наконецъ самыя правительства заявляютъ эти требованія. Требуется то право чтенія библіи, то богослуженіе на родномъ языкѣ, то искорененіе богатства и разврата духовенства, то упраздненіе свѣтской власти папства, то отмѣна злоупотребленій духовною, каковы индульгенціи, то освобожденіе національныхъ церквей и т. п.; словомъ требуется преобразованіе церкви во главѣ и въ членахъ. Абелляры, Арнольды Бресчіанскіе, Кола-де-Ріензи, Савонароллы, Виклефы, Гуссы возникаютъ со всѣхъ сторонъ; вослѣдъ за ними идутъ цѣлыя партіи альбигойцевъ, лоллардовъ, гусситовъ, братьевъ бѣлыхъ капюшоновъ, фландрскихъ

пастушковъ, катаристовъ, пикардовъ, мецкихъ обществъ и проч. и проч.; подымаются наконецъ и самые правительства въ лицѣ Генриха II въ Англіи, Людовика IX и Филиппа IV во Франціи, Фридриха II въ Германіи, Владислава въ Неаполѣ; но папство не находитъ никакой возможности сдвинуться съ мѣста. До Иннокентія III прогрессивныя способности его еще замѣтны; но съ этихъ поръ и до временъ самой реформаціи оно не находитъ уже возможности удовлетворить ни одного изъ возрастающихъ вокругъ него требованій. Мало того, съ этихъ поръ оно приходитъ въ прямое противорѣчіе со всѣми современными запросами окружающей жизни, съ этихъ поръ оно поставляетъ себѣ цѣлью только прямую борьбу со всѣми ими, которая и выражается прежде всего въ учрежденіи инквизиціи и монашескихъ орденовъ, учрежденіи, принадлежащемъ тому же самому папѣ, съ которымъ оканчивается прогрессивность папства. Учрежденіе инквизиціи есть для папства то же, что циркуляръ Жюля Фавра для Франціи: это— объявленіе войны тому спросу, который нуждался, напротивъ, въ замиреніи, это — декларація о разрывѣ съ наступающими идеалами общества, это—верстовой столбъ и вывѣска застоя. То же самое явленіе повторяется и на исторіи королевской власти. Послѣ долгаго ряда удовлетворенія ею потребностей общества, послѣ удовлетворенія потребностей мира, національнаго единства, уравновѣшенія власти духовной, укрощенія аристократіи, настаетъ наконецъ потребность признанія средняго сословія, потребность признанія общественныхъ правъ рядомъ съ правительственными, — и вотъ королевская власть уже отказывается отъ этого признанія. Не отказаться ей отъ этого признанія значитъ обратиться къ укрощенію самой себя, поднять на самоё себя руки, и тѣмъ если и обеспечить дальнѣйшую свою жизненность, то гораздо менѣе богатую и роскошную; отказаться же значитъ осудить себя на роскошный и богатый застой. И дѣйствительно, она выбираетъ послѣднее, а не первое. И разъ, и два, и три заявляются новыя требованія современности; но и разъ, и два, и три онѣ не нахо-

дятъ въ ней никакого отклика. И états généraux, и парламенты, и литература, и лига высказываютъ новыя потребности общества; но и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ, и четвертымъ королевская власть постоянно отвѣчаетъ non possumus, всѣ ихъ считаетъ капризомъ, прихотью, незаконностью, и всѣ ихъ заставляетъ умолкнуть то путемъ распущенія, то путемъ юстиціи, то путемъ прямого насилія, полагая при этомъ, что коль скоро не слышно будетъ выраженія, то не останется больше и спроса. Такимъ образомъ думая обречь на неподвижность общество, она обрекаетъ на неподвижность только себя: это и есть застой ея, за которымъ она никакъ не предполагаетъ грядущаго регресса. То же и съ учрежденіемъ рыцарства. Приходитъ время, когда отъ личнаго достоинства требуется также и умственное, требуется образованіе, а рыцарство, привычное къ праздности, переломить себя оказывается не въ состояніи. Приходитъ время, когда отъ личнаго достоинства человѣка требуется также признаніе его и въ другихъ, какъ напримѣръ, въ горожанахъ, а воспитанный на высокомѣріи духъ рыцарства сдѣлать эту уступку вилану, ротюрьеру не можетъ. И такимъ образомъ, думая сохранить себя неповрежденнымъ, рыцарство также осуждаетъ себя только на застой, и также неподозрѣвая, что это предвѣстникъ регресса, разложенія и смерти. Нужно ли говорить еще о поколѣніи, объ индивидумѣ? Нужно ли прибавлять, что и у нихъ способъ перехода отъ прогресса къ застою есть не что иное, какъ отсутствіе или угнетеніе дальнѣйшихъ потребностей? И поколѣніе, и человѣкъ застаиваются, безъ сомнѣнія, только тамъ, и только тогда, гдѣ и когда считаютъ себя удовлетворенными, и гдѣ новыхъ потребностей или не ощущаютъ, или не могутъ удовлетворить, если ощутятъ. Таковъ всеобщій фактъ, всеобщій процессъ. Но гдѣ же причина этого бросающагося въ глаза факта и гдѣ неустранимость его? гдѣ неизмѣнность этого процесса для всей жизни человѣчества? Причина этого явленія безъ сомнѣнія та, что нѣтъ ничего на землѣ вѣчнаго, а потому и никакое прогрессивное начало не можетъ быть прогрессивнымъ вѣчно. Напротивъ каждое изъ нихъ,

будетъ ли это ѳеты, или плебеи, или папство, или королевская власть, или рыцарство, или буржуазія, или даже рабочіе, всякое до тѣхъ только поръ бываетъ и можетъ быть прогрессивно, пока оно находится въ борьбѣ съ прежнимъ прогрессивнымъ началомъ, пока у него есть оппозиція, препятствіе для достиженія господства. Только этотъ стимулъ способенъ возбуждать всѣ лучшія силы пробивающагося начала, только онъ способенъ заставлять его приспособляться къ окружающей средѣ, только для цѣли господства оно готово на всѣ жертвы и на все соединеніе своихъ собственныхъ интересовъ съ интересами окружающей среды. Но коль скоро однажды уже оно добилось своей цѣли, коль скоро однажды взошло во власть и воцарилось, коль скоро однажды оппозиція устранена, тогда каждое начало стремится воспользоваться теперь своей властью, насладиться ею всласть, насладиться для себя, а не для другихъ, не для окружающей среды, и такимъ образомъ мало по малу приходитъ въ противорѣчіе съ этими другими началами, съ этою окружающею средою. Прежде оно было общественнымъ началомъ, теперь оно становится эгоистичнымъ; прежде самосохраненіе его и своекорыстіе его совпадало съ общимъ самосохраненіемъ и общею корыстью, теперь оно приходитъ въ противорѣчіе съ ними; прежде оно прислушивалось къ чужимъ интересамъ и потребностямъ, ловило ихъ на лету, усвоивало ихъ, теперь эти интересы и потребности только мѣшаютъ ему, теперь оно старается только игнорировать ихъ, теперь только въ этомъ все его самосохраненіе. Отсюда, будучи сначала прогрессивнымъ, оно непремѣнно становится мало по малу лишь консервативнымъ; а потому, если среда продолжаетъ быль прогрессивною, то она и отвергаетъ его безжалостно, осуждаетъ его на застой, на регрессъ и на смерть. Вотъ причина, почему тотъ всеобщій фактъ, который обозрѣвали мы въ прошедшемъ, останется такимъ же всеобщимъ и въ исторіи будущаго; вотъ причина, почему описанный выше процессъ есть дѣйствительный законъ общественнаго организма. Причина эта не разъ

уже была сознана историками и политиками по поводу того или другого случая, и не одинъ уже изъ нихъ имѣлъ случай дѣлать замѣчанія, подобныя слѣдующему наблюденію Маколея: «Это общая участь сектъ — пользоваться высокою славою святости въ періодъ угнѣтенія, и терять ее съ достиженіемъ могущества.» — «Вмѣсто того, говоритъ въ свою очередь Милль, чтобы быть, какъ въ первое время, въ постоянномъ напряженіи для защиты себя или для достиженія преобладанія, онѣ впадаютъ въ инерцію, не слушаютъ, если только могутъ неслушать, никакихъ противъ себя аргументовъ. Съ этого момента и начинаетъ вымирать бывшая въ нихъ живая сила. Когда въ полѣ нѣтъ болѣе враговъ, то обыкновенно бываетъ такъ, что и учители, и ученики засыпаютъ на своемъ посту.» И въ другомъ мѣстѣ: «вся исторія есть не что иное какъ рядъ такихъ превращеній, гдѣ обычаи, учрежденія, признававшіяся необходимыми для существованія общества, становятся предметомъ общаго осужденія, какъ несправедливость и тиранія. Такъ было съ раздѣленіемъ людей на рабовъ и свободныхъ, на дворянъ и крѣпостныхъ, на патриціевъ и плебеевъ; такъ будетъ современемъ, а отчасти есть уже и теперь, съ аристократіей цвѣта, расы, пола.» И дѣйствительно, ничто, ни даже самое накопленіе знанія, не можетъ уйти отъ дѣйствія этого закона. Какое общественное начало можетъ быть болѣе прегрессивнымъ чѣмъ начало знанія, а между тѣмъ приходитъ время, когда и оно становится регрессивнымъ, и когда всякое дальнѣйшее накопленіе знанія обращается вовредъ и тѣхъ самыхъ классовъ, которымъ принадлежитъ оно. Таковъ именно настоящій моментъ человѣчества. До сихъ поръ мы довольствовались и могли довольствоваться однимъ накопленіемъ знаній; но вотъ теперь все болѣе и болѣе наблюдается, что, чѣмъ больше оно накопляется, тѣмъ большую образуетъ пропасть между надѣленными имъ и ненадѣленными. Эти послѣдніе, благодаря такой пропасти, все рѣзче и рѣзче расходятся въ своихъ интересахъ съ первыми, такъ что то, что есть святыня для однихъ, (свобода слова,

свобода печати, наука, искусство, самоуправленіе), то вздоръ и пустяки для другихъ. А потому, когда въ силу политической обстановки общества приходится допустить этихъ обдѣленнылъ къ вотированію, то дѣло оканчивается тѣмъ, что не только большинство, но и самое меньшинство лишается всѣхъ этихъ святынь своихъ. Отсюда дальнѣйшее накопленіе знаній становится все больше и больше регрессивнымъ, а все больше и больше прогрессивнымъ становится только распространеніе ихъ, что Германія и доказала недавно Франціи на весь міръ.

Процессъ перехода отъ застоя къ положительному регрессу также всеобщъ, также однообразенъ повсюду, какъ и предъидущій. Если предыдущій характеризовался отсутствіемъ дальнѣйшихъ новыхъ общественныхъ идеаловъ, то этотъ характеризуется стремленіемъ къ воскрешенію старыхъ. Не только прогрессъ, но даже и самое самосохраненіе, застой, становится все больше и больше затруднительнымъ, даже помимо всякой внѣшней борьбы со всякимъ другимъ началомъ. Поддержаніе status quo, которое было такъ легко во время застоя, которое давалось тогда само собою, теперь составляетъ формальную и единственную задачу, требуетъ особыхъ и постоянныхъ мѣръ и усилій, нуждается въ насиліи надъ собственнымъ своимъ организмомъ: отсюда мечты объ идеалахъ прошедшаго. Какъ прежде прогрессисты были передовымъ и руководящимъ показателемъ общества, какъ потомъ были имъ консерваторы, такъ теперь становятся имъ ретрограды. Героемъ и вождемъ исторіи становятся такимъ образомъ не люди будущаго и не люди настоящаго, а воздыхатели о прошедшемъ, о добромъ старомъ времени. Внутренняя борьба въ народѣ или въ учрежденіи идетъ уже не о томъ, двигаться ли впередъ или стоять на мѣстѣ, а только о томъ, стоять ли на мѣстѣ или двинуться назадъ. И вопросъ этотъ разрѣшается все болѣе и болѣе не въ первомъ смыслѣ, а все болѣе и болѣе во второмъ. Проводить этотъ принципъ въ примѣрахъ физіологіи и экономіи мы не будетъ, оставляя этотъ трудъ читателю и его догадливости на счетъ, напримѣръ, старости

человѣческой и упадка какого нибудь любого производства; сами же поспѣшимъ къ фактамъ политики, и, по преимуществу, опять къ тѣмъ же, на которыхъ слѣдили прогрессъ и застой. Возвращеніе къ старымъ идеаламъ въ исторіи Греціи удостовѣряется слѣдующими фактами. Уже вслѣдъ за смертью Перикла, во время и подъ благопріятнымъ вліяніемъ пелопонезской войны, вдругъ оживаетъ старый олигархическій идеалъ,—и крайняя аѳинская демократія, благодаря Писандру и его партіи, вдругъ превращается въ крайнюю аристократію подъ правленіемъ Четырехсотъ. Возвращеніе назадъ продолжается на этотъ разъ, правда, не долго; черезъ четыре мѣсяца демократія возстановлена снова; Тераменъ и его партія торжествуютъ. Но что же это за торжество: кто и надъ кѣмъ торжествуетъ? Это уже не прогрессистъ надъ консерваторомъ, а консерваторъ надъ ретроградомъ. Вопросъ идетъ уже не о томъ, стоять или идти впередъ, а о томъ, идти назадъ или стоять. И это послѣднее рѣшеніе считается уже успѣхомъ жизненности общества. Но и этого мало: и такой успѣхъ достигается уже не вполнѣ, а съ нѣкоторою уступкою, съ ограниченіемъ народнаго собранія цифрою пяти тысячъ гражданъ; однакожъ и то уже счастіе для общества, и то уже торжество его жизненности, и то побѣда, побѣда... надъ разлаганіемъ. Еще нѣсколько лѣтъ,—и задній идеалъ подымаетъ голову снова: по поводу новыхъ военныхъ неудачъ онъ воскресаетъ въ еще ужаснѣйшемъ видѣ—въ видѣ Критія и тридцати тирановъ. Герой застоя, Тераменъ, теперь уже долженъ погибнуть въ пользу героя разлаганія, и онъ дѣйствительно выпиваетъ свой ядъ, приговаривая: «Критію на здоровье!» Правда, новый представитель застоя, Тразибулъ, еще разъ успѣваетъ возстановить status quo; олигархическіе тираны еще однажды изгнаны, демократія, хотя и обрѣзанная, еще разъ возстановлена; но, во-первыхъ, она возстановлена съ усиленіемъ власти ареопага всей властью недавнихъ избирательныхъ номофилаковъ, и съ ограниченіемъ права гражданства гражданствомъ обоихъ родителей, а не одного отца, а во-вторыхъ въ числѣ самихъ возстановителей этихъ были

взгляды и еще дальше обращенные назадъ, какъ напримѣръ взглядъ Формизія, состоявшій въ ограниченіи права гражданства однимъ поземельнымъ владѣніемъ и именно владѣніемъ въ Аттикѣ: до такой степени и самый консерватизмъ теперешній окрашивается регрессивнымъ цвѣтомъ. И не только Формизій, но и самые лучшіе люди Греціи, самое высшее личное и гражданское достоинство тогдашняго грека, не можетъ найти себѣ никакого иного выраженія, кромѣ упорнаго, пассивнаго консерватизма во чтобы то ни стало, кромѣ бездѣйствія даже тамъ, гдѣ какъ нибудь, но дѣйствовать, повидимому, необходимо, чѣмъ въ концѣ концовъ консерватизмъ и совпадаетъ съ положительнымъ и намѣреннымъ регрессизмомъ. Такъ консерватизмъ Фокіона совпалъ цѣликомъ съ ретроградностью Эсхина. Фокіонъ былъ послѣ Перикла популярнѣйшій человѣкъ, какого когда либо знали Аѳины; онъ пользовался почотомъ, повидимому, большимъ чѣмъ самъ Периклъ, потому что сорокъ пять разъ былъ избираемъ въ стратеги, чего никогда ни съ кѣмъ не случалось во всей исторіи Греціи; онъ былъ безусловно честенъ и неподкупенъ, былъ безусловно лучше своего вѣка и своего поколѣнія, почему и презиралъ ихъ такъ, что, когда слишкомъ начинали хвалить его, то спрашивалъ, не сдѣлалъ ли онъ чего нибудь дурного. И на что же онъ употребилъ всю свою энергію, всю популярность, все вліяніе между согражданами? На то, чтобъ бороться противъ Демосѳена, на то, чтобъ осыпать своими сарказмами всякаго, кто предвидѣлъ бѣду и указывалъ на нее въ отдаленіи, на то, чтобъ обзывать крикунами и трусами, желающими поживиться на счетъ казны, тѣхъ, кто совѣтовалъ встрѣтить эту бѣду лицомъ къ лицу и тѣмъ предупредить катастрофу. И такимъ-то образомъ неподкупный и консервативный, вѣрный конституціи, Фокіонъ цѣликомъ сходился съ продажными, ретроградными или измѣнническими Демадами, Эсхинами и Эвбулами. Демосѳенъ также не могъ быть ничѣмъ больше какъ только человѣкомъ застоя, сохраненія statu quo, потому что этимъ-только и могли тогда ограничиваться всѣ идеалы; но тѣмъ-то и замѣ-

чательно время, что теперь и этихъ людей прошла уже пора. И дѣйствительно, еще одно поколѣніе, — и идеалъ олигархическій замѣняется еще болѣе давнимъ, еще болѣе прошлымъ, монархическимъ, герои-консерваторы смѣняются героями-ретроградами, и лучшими людьми эпохи становятся Димитріи Фалерейскіе и Стратоклы, внушающіе покорность какъ добродѣтель, а достоинство какъ порокъ. Демосѳенамъ не остается ничего больше какъ выпить въ свою очередь ядъ, но на этотъ разъ уже на здоровье не олигархіи, а деспотизма. И вотъ онъ дѣйствительно начинаетъ здравствовать: Поліоркетъ провозглашенъ не только спасителемъ и царемъ, но богомъ; имя его и подвиги должны быть поставлены рядомъ съ именами Зевеса и Аѳины; мѣсто, гдѣ онъ сошолъ съ колесницы, обозначается алтаремъ; каждый годъ будетъ избираться первосвященникъ новаго бога; алтари и храмы будутъ равномѣрно воздвигнуты и женѣ его, Филѣ, и даже двумъ любовницамъ его, Леэнѣ и Ламіи; словомъ, Стратоклы превзойдутъ самихъ себя въ изобрѣтательности лести и самоуниженія, а послѣдняя оппозиція имъ, Демохары, будутъ счастливы, если дѣло окончится для нихъ изгнаніемъ. Такимъ образомъ новый и послѣдній идеалъ прошедшаго возвращенъ; а съ нимъ регрессъ и разложеніе находятся на полномъ ходу своемъ. Провѣримъ теперь тотъ же процессъ подъ римскими его формами и именами. Предавши память Гракховъ проклятію, запретивши носить по нихъ трауръ, Римъ открылъ свою эру застоя. Это былъ застой, а не регресъ, потому что было еще равновѣсіе прогресса и регресса. Равновѣсіе это выразилось въ томъ, что, спустя еще двадцать и даже тридцать лѣтъ послѣ Гракховъ, прогрессивное начало могло и еще одинъ разъ ожить, дѣйствительно ожило; и при томъ ожило не только въ поддѣльномъ, эгоистичномъ демократизмѣ Маріевъ, Сатурниновъ и Главціевъ, но также и въ искреннемъ, патріотичномъ увлеченіи Ливія Друза-сына, истиннаго послѣдователя Гракховъ, и наконецъ въ цѣлой союзнической войнѣ. Но что это было уже время не прогресса, а застоя, доказательствомъ служитъ

то, что и эта попытка, какъ она ни была энергична, не повела ни къ чему. Друзъ предательски зарѣзанъ консерваторами; возставшіе за своего заступника союзники итальянскіе, какъ ни удалось имъ напугать и всполошить Римъ, были, однакожъ, послѣ ряда кровавыхъ битвъ, побѣждены; и застой торжествуетъ снова. Но и на этотъ разъ торжествуетъ онъ еще не вполнѣ, потому что принужденъ все таки уступить хоть полумѣру — право гражданства хоть нѣкоторымъ союзникамъ и хотя со множествомъ ограниченій. И только тогда, когда аристократія нашла себѣ вождя въ Суллѣ, только тогда поворотъ совершился окончательно, и Римъ всѣмъ своимъ тѣломъ перевалился изъ застоя въ формальный регрессъ. Тотчасъ же воскресаетъ впервые идеалъ прошедшаго, вмѣсто не только будущаго, но и настоящаго; тотчасъ же оптиматы мѣняютъ свой фронтъ изъ консервативнаго въ ретоградный; — и вотъ передъ нами аристократическія учрежденія Суллы, эти leges Corneliae, превращающіе демократическую республику въ олигархію, отымающіе и тѣ полугражданскіе права, какіе только что были даны, и преслѣдующіе всѣхъ консерваторовъ проскрипціями. Слѣдуетъ рядъ политическихъ самоубійствъ, плодъ политическаго отчаянія и безнадежности сохранить status quo: гибнетъ Фимбрій, гибнетъ Марій младшій; а кто не успѣваетъ самъ наложить на себя руки, кто еще вѣритъ въ status quo какъ Цинна, какъ Серторій, для тѣхъ находятся руки чужія. Но вотъ мѣсто Суллы заступаетъ Помпей,—и регрессъ дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ, попятные идеалы еще дальше возвращаются назадъ. Теперь уже вопросъ идетъ не между демократіей и огигархіей, а между олигархіей и единодержавіемъ. Съ Помпея тѣ или другія партіи, знамена и девизы становятся только прикрытіемъ, мертвою маскою, подъ которою живо дѣйствительно одно только знамя, — знамя властолюбія и своекорыстія, знамя лицъ, а не партій. Лучшіе люди эпохи, консерваторы, какъ Катонъ, Брутъ, Кассій, Порція, бросаются на мечь, велятъ прокалывать себя рабамъ, глотаютъ горячія уголья, а если, какъ Цицеронъ, не успѣваютъ этого сдѣлать,

то голова ихъ выставляется на ораторской каѳедрѣ. Героями же эпохи окончательно становятся ретрограды, Помпей, Цезарь, Октавіанъ: отнынѣ здѣсь все величіе, отнынѣ въ нихъ вся исторія. Наконецъ процесъ довершается, также какъ и въ Греціи, не только воцареніемъ, но и обожествленіемъ одного. Идеалъ царскій, идеалъ Тарквинія Гордаго, возвращенъ вновь. Исторія жизни кончена, начинается исторія смерти. На современныхъ обществахъ прослѣдить этотъ процессъ съ такой ясностью трудно, потому что ни одно изъ нихъ не свершило еще всего своего пути. Тѣмъ не менѣе, однако-жъ, на одномъ, самомъ древнемъ, это уже не невозможно: это—Франція. Для науки же всякій подобный опытъ еще драгоцѣннѣе, чѣмъ всѣ предъидущія примѣненія теоріи, потому что всякій служитъ къ удобнѣйшей повѣркѣ этой теоріи. Во Франціи идеалы прошедшаго начинаютъ возникать все явственнѣе и явственнѣе. Въ теоріи они возникли еще въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія. Жозефъ де Местръ и Шатобріанъ—вотъ первые ихъ воскресители. Возрожденіе католицизма, воскрешеніе папства, возстановленіе королевскаго абсолютизма—вотъ ихъ идеалы. Да и весь вообще романтизмъ былъ не что иное какъ взглядъ, обращенный вспять, не что иное какъ мечта о добромъ старомъ времени. Наконецъ и практически мечта эта выразилась уже однажды, выразилась вслѣдъ за самымъ высшимъ процѣтаніемъ Франціи во время Луи-Филиппа, выразилась возвращеніемъ къ недавно прошедшему, къ имперіи. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, этотъ позывъ назадъ не пріобрѣлъ еще увѣренности, систематичности, и вслѣдствіе этого второй его шагъ, къ легитимизму, къ Бурбонамъ, весьма можетъ быть на нѣкоторое время задержанъ, и Франція можетъ остаться на время еще при имперіи. Но за то и всякій прогрессивный шагъ до того потерялъ здѣсь всякую увѣренность, что нѣтъ теперь такого чудака въ Европѣ, который бы вѣрилъ въ нынѣшнюю республику французскую: всякій знаетъ, что рано или поздно, но изъ нея надо вытти куда нибудь, и весь вопросъ только въ томъ: куда? т. е. по ближе назадъ, въ имперію? или по

дальше назадъ, въ королевство? Словомъ это еще не формальный регресъ, но это уже и не прогресъ. Такимъ образомъ состояніе это можетъ быть только серединой между тѣмъ и другимъ. И дѣйствительно, это не что иное какъ именно борьба между прогрессомъ и регрессомъ: идеалы будущаго отъ времени до времени еще возникаютъ, но осуществленія они уже ненаходятъ; Гракхи, Друзы, Серторіи не перестаютъ еще подымать свое знамя, но оно то и дѣло втаптывается въ грязь ихъ противниками. Лучшіе люди эпохи, Прудоны, Луи-Блаы, Гамбетты, еще не налагаютъ на себя рукъ, но не они уже и герои исторіи; а герои эти только консерваторы, Наполеоны III, Жюль Фавры, Тьеры. Господствующій и торжествующій идеалъ есть не идеалъ будущаго, а только настоящаго, идеалъ statu quo. Но, скажутъ, если онъ не торжествуетъ сегодня, то почему бы ему не восторжествовать завтра, послѣ завтра? Да просто потому что онъ слабѣе противника. А въ политикѣ разсчитывать на милость нельзя, и можно только на силу. Но изъ чего же видно, что онъ непремѣнно слабѣе? Да просто изъ того, что онъ побѣжденъ; и при томъ побѣжденъ не разъ и не два, а три уже раза: въ 1830, въ 1849, въ 1871 году; побѣжденъ въ то даже время, когда онъ достигъ наибольшей энергіи, чѣмъ когда либо прежде, и когда онъ окружонъ былъ такими благопріятными обстоятельствами, какъ никогда прежде. Когда онъ явился въ видѣ парижской коммуны, тогда общество было обезсилено такою войною какъ германская, а онъ, напротивъ, былъ укрѣпленъ тѣмъ, что въ распоряженіи его оказалась цѣлая армія, арсеналы, казна и самая столица Франціи; и однакожъ онъ все таки былъ побѣжденъ. Но, не побѣдивъ три раза, онъ можетъ побѣдить въ четвертый, въ 1890 году.? если онъ возрасталъ въ энергіи до сихъ поръ, то почему не возрастать бы ему и впредь? Такъ; но дѣло въ томъ, что въ той же прогрессіи возрастало и противодѣйствіе: въ 1830 году буржуазія и рабочіе еще были кажущіеся друзья, и еще думали одинъ другому помогать; въ 1848 и 1849 они уже узнали, что ихъ инте-

ресы не тождественны, но буржуазія тогда еще уступила врагу кое что, — suffrage universel; а въ 1871 не только не уступила ни крохи, но еще призываетъ на него проклятія всей Европы. Въ первый разъ они дрались еще вмѣстѣ, стояли еще рядомъ, думая извлечь изъ побѣды пользу и для тѣхъ, и для другихъ, и потому немудрено, что обманувшіеся были побѣждены; но въ 1849 году они уже дрались отдѣльно, стояли уже другъ противъ друга, и рабочіе были все таки побѣждены. Въ 1849 году они дрались въ одной только, хотя четырехдневной битвѣ, дрались неприготовленные, въ 1871 это было уже не сраженіе, а рядъ битвъ, война, и не внезапная, а хорошо подготовленная, но рабочій и тутъ все таки побѣжденъ. Такимъ образомъ паралельно напряженію новой потребности напрягалась и старая, и, пропорціональнно съ успѣхомъ, была, какъ и въ Римѣ, все болѣе и болѣе неумолима. Приравнивать же такую борьбу къ тѣмъ, какія идутъ и въ стадіи прогресса, не возможно; невозможно потому, во первыхъ, что въ этой послѣдней стадіи ни остервѣненіе, ни продолжительность каждой схватки не бываютъ такъ велики, а во вторыхъ потому что тогда каждая изъ этихъ схватокъ чѣмъ нибудь, какою нибудь уступкою и сдѣлкою, но оканчивается, и старый идеалъ, борясь и противясь, постоянно однакожъ что нибудь да уступаетъ новому. Здѣсь же ничего подобнаго нѣтъ, здѣсь удовлетвореніе не ростетъ съ каждой новой схваткой, а съ каждою дѣлается безнадежнѣе; и такъ это борьба Гракховъ, но никакъ не борьба плебеевъ. Но есть у французскихъ гракховъ нѣчто еще худшее, еще безнадежнѣйшее чѣмъ у римскихъ: это—неопредѣленность самаго идеала ихъ. Римская потребность была сознана ясно: это—надѣлъ землею гражданъ обѣднѣвшихъ, и надѣлъ правомъ гражданства людей разбогатѣвшихъ. Какой же идеалъ у французскихъ? Потребность и здѣсь та же, что вездѣ и всегда. Каждый новый шагъ политическій требуетъ соотвѣтственнаго ему экономическаго, и, на оборотъ, экономическій—политическаго. Ходить можно только обѣими ногами, а не одною. Во Франціи но-

вымъ политическимъ шагомъ есть Suffrage universel, но никакого соотвѣтственнаго экономическаго нѣтъ. А между тѣмъ потребность въ немъ чувствуется сильно, потому что безъ него и самый suffrage ни что. Куда тутъ думать о политикѣ, когда надо думать о кускѣ хлѣба! отсюда потребность рабочаго, не исключая и интеллигентнаго, въ новомъ экономическомъ шагѣ, потребность, которая и соединила ихъ обоихъ. Съ другой стороны крестьянинъ если и обезпеченъ сколько нибудь экономически, то нуждается въ соотвѣтственномъ обезпеченіи политическомъ, обезпеченіи по крайней мѣрѣ грамотностью, безъ чего онъ также расположенъ къ злоупотребленію своимъ политическимъ правомъ, какъ тотъ къ неупотребленію его. Вотъ двулицая потребность Франціи. Но каковъ же проэктъ ея удовлетворенія у лучшихъ людей страны, у представителей потребности, у гракховъ французскихъ? національныя мастерскія? народный банкъ? фаланстеръ? децентрализація? коммуна? У однихъ одно, у другихъ другое. Или все это вмѣстѣ? Но все вмѣстѣ составляетъ такъ много, что выходитъ ничто. Да и какимъ образомъ сложить все это вмѣстѣ, объ этомъ еще не согласились. Словомъ проэкта удовлетворенія, не только ясно сознаннаго, но и какого бы то нибыло, нѣтъ вовсе. И такъ не только потребность не находитъ удовлетворенія и должна атрофироваться, но и самые идеалы удовлетворенія ея изсякли, и жизнь, слѣдовательно, подрѣзана въ самомъ своемъ корнѣ. Партія будущаго знаетъ только то, что она чего-то хочетъ; но чего именно,—она и сама не знаетъ. Что-жъ послѣ этого мудренаго, если все остальное общество видитъ въ такомъ идеалѣ только источникъ анархіи и больше ничего, и если оно находитъ въ себѣ и въ чувствѣ самосохраненія своего всегда достаточно силъ, для того чтобы задушить этотъ анархическій идеалъ. Консерваторы имѣютъ по крайней мѣрѣ точную и опредѣленную программу, прогрессисты же никакой; а потому у первыхъ только и есть будущее, или точнѣе, настоящее, у вторыхъ же ни того, ни другаго. Такимъ образомъ заключеніе, что подобное время есть время

застоя, становится не отвратимымъ. Время это можетъ, конечно, протянуться и больше, и меньше: больше, когда меньше будетъ внутренняго и внѣшняго напряженія и истощенія силъ, меньше—когда этого напряженія и истощенія будетъ больше. Каждая новая революція или война только придвинетъ время регресса, каждая минута бездѣйствія и покоя только отодвинетъ его. Въ этой печальной дилеммѣ предстоитъ только жить какъ можно меньше, для того чтобъ жить какъ можно дольше, всякая же интенсивность жизни еще пуще чѣмъ когда нибудь обратится на счетъ экстенсивности. Таковы трагическія послѣдствія предшествовавшей исторіи Франціи и той задержки потребностей, какая произведена царствованіями двухъ Людовиковъ и одного Филиппа Орлеанскаго. Въ силу задержки этой демократическая потребность пришла слишкомъ быстро вслѣдъ за буржуазною, пришла прежде чѣмъ та успѣла насладиться господствомъ, удовлетвориться, отжить, и прежде даже чѣмъ сама демократическая потребность успѣла орьентироваться и опознаться. Удовлетвореніе обоихъ пришло въ смертельное противорѣчіе между собою, такъ что жизнь одной есть смерть другой и обратно, и никакого третьяго, средняго термина, ни какого компромиса нѣтъ. Добровольное принесеніе себя въ жертву ни для той ни для другой невозможно; если же должно быть совершено насильственное, то оно можетъ совершиться, конечно, только въ пользу той, которая болѣе очередная, болѣе точна, опредѣлена и сознана. Это простая необходимость положенія; а въ политикѣ разсчитывать на случай можно также мало, какъ и на милость, и можно разсчитывать только на необходимость, также много какъ и на силу. Необходимость же тутъ въ томъ, что втораго шагу ни какъ нельзя сдѣлать прежде перваго. И не далеко уже отъ Франціи то роковое время, когда на мѣсто самыхъ идеаловъ настоящаго станутъ смѣло и самоувѣренно подымать свою сѣдую голову одинъ за другимъ идеалы прошедшаго, какъ напр., возвращеніе къ избирательному цензу, возвращеніе къ Шамбору, возвращеніе къ папству, возвращеніе къ абсолютизму, когда

для всего, что еще вѣрило въ будущность своего отечества, наступитъ эпоха разочарованія и отчаянія, и когда одно за другимъ пойдутъ политическія самоубійства. — Для учрежденій процесъ перехода отъ застоя къ регрессу не отличается ни чѣмъ кромѣ этихъ самоубійствъ. Онѣ и для націй замѣняются иногда бѣгствомъ, коль скоро есть куда бѣжать, какъ напр., нынче въ Америку; для учрежденій же всегда есть эта возможность бѣжать изъ однѣхъ въ другія, изъ разлагающихся въ слагающіяся; а потому здѣсь процесъ ограничивается только возстаніемъ изъ гроба образовъ прошедшаго. Таковъ былъ и переходъ папства отъ застоя къ регрессу. Застой его кончился и начался регрессъ въ реформаціи. Но что же такое эта реформація, какъ не возвращеніе къ старинѣ, къ первобытному христіанству? что она какъ не отрицаніе всего средневѣковаго развитія христіантства, съ тѣмъ чтобы возвратиться къ древнему? Здѣсь надо, однакожъ, предотвратить читателя отъ соблазна, внушаемаго сопоставленіемъ словъ: реформація и регресъ. Какъ, скажетъ онъ, реформація, это величайшее прогрессивное движеніе новаго времени, есть регрессъ? Да; но надо отличать, какъ выше замѣчено, часть отъ цѣлаго. Для общества реформація величайшій прогрессъ, но для учрежденія, для католицизма, для папства положительный регресъ уже потому что отрываетъ половину тѣла его, разлагаетъ это тѣло. Регрессъ всякой части всегда будетъ прогрессомъ ея цѣлаго, такъ точно какъ регресъ Рима и среднихъ вѣковъ есть прогрессъ съ точки зрѣнія человѣчества. Оговоривши это обстоятельство, мы можемъ указать теперь и на другой признакъ регресса, совершившійся въ другой половинѣ католицизма, оставшейся католицизмомъ; но это будетъ все таки не что иное какъ жизнь заднимъ числомъ, жизнь воспоминаніями. Органъ этихъ воспоминаній и этой жизни есть параллельный реформаціи іезуитскій орденъ. Теперь уже мало однихъ людей застоя, теперь нужны папству не консерваторы, а положительные ретрограды, и могло ли оно найти лучшихъ героевъ ретроградности какъ эти. Было когда то время, что

героизмъ папства былъ прогрессивный, какъ въ Гильдебрандѣ; было другое, когда онъ быль консервативный, какъ въ Иннокентіи; но вотъ теперь у него нѣтъ никакого иного героя какъ іезуитъ, никакого иного героизма, какъ героизмъ Альмавивы. Іезутизмъ заслоняетъ собою самое папство, онъ наполняетъ собою всю новую исторію, и ея дворы, и ея школы, и ея литературу; онъ просачивается всюду въ общество, стремясь растлить его все; это настоящій героизмъ по отношенію къ разстленію. Все окружающее общество признаетъ за нимъ эту характеристику, но для своего учрежденія, для папства, онъ представляется, напротивъ, единственнымъ источникомъ жизни, а не смерти. Такимъ образомъ жизнь части и жизнь цѣлаго приходятъ въ противорѣчіе, становятся несовмѣстимы. Въ такой же мѣрѣ какъ іезуиты подымаются, консерваторы папства стушовываются; первые болѣе или менѣе отождествляются съ нимъ, вторые болѣе или менѣе съ нимъ раздѣляются, и если послѣдніе не палагаютъ на себя рукъ, то только потому что имѣютъ возможность бѣгства изъ учрежденія, какъ Ламене, Лакордеръ, отецъ Пассалья и др., Но если до сихъ поръ идеаломъ ретроградпаго папства былъ только идеалъ средневѣковой, то вотъ на нашихъ глазахъ онъ ступилъ и еще одинъ шагъ назадъ, въ самую глубокую и невѣжественную древность, незнающую признанія безъ обоготворенія; и то, чего не рѣшались формально признавать и средніе вѣка, и что могло признавать только безграничное суевѣріе древности, то возведено теперь въ догматъ, отождествлено съ религіей: это непогрѣшимость. Тотъ самый папа, который началъ понтификатство свое поблажкой революціи и конституціонной попыткѣ своихъ подданныхъ, окончилъ возведеніемъ себя во святые. Этотъ послѣдній шагъ выбрасываетъ теперь изъ католицизма и послѣднихъ лучшихъ людей его, какъ Деллингеръ и какъ вся оппозиція римскаго собора, и оставляетъ при немъ только разнузданное и завязавшее себѣ глаза ретроградство и обскурантизмъ. Учрежденіе окончательно разошлось съ обществомъ и тѣмъ, думая изречь приговор

ему, изрекло его только себѣ. Подобная же исторія произошла и съ королевской властью новой Европы. Какъ только возникновеніе въ ней новыхъ потребностей прекратилось, какъ только она нашла себя довлѣющею себѣ, какъ только застой оказался для нея самымъ вожделѣннымъ для нея положеніемъ, минута эта длилась недолго, и регресъ не заставилъ себя ждать. Еще въ XVI вѣкѣ цвѣтущая и знающая подчасъ новыя для себя идеалы и потребности, еще въ XVII могшая удовлетворяться своимъ настоящимъ, въ XVIII она не могла уже довольствоваться и этимъ, и должна была уже обратить очи вспять, къ идеаламъ прошедшаго, и въ нихъ однихъ искать жизни и силы. Еще у Генриха IV есть идеалъ будущаго, идеалъ христіанской республики и всеобщаго мира; у Людовика XIII и XIV нѣтъ уже иного идеала, какъ самосохраненіе и само наслажденіе, какъ status quo и l'etat c'est moi; регентство-же и царствованіе Людовика XV превращаются въ настоящую оргію и сатурналію монархизма, всѣ помыслы котораго обращены только назадъ, къ этой плѣнительной безконтрольности, къ этому доброму старому времени. Отсюда и борьба съ лучшими людьми учрежденія, съ консерваторами королевской власти, Флери, С. Симонами, Шуазелями, для того чтобъ отдаться растлителямъ ея, Бель-Илямъ, Субизамъ, Ришліе, Помпадуръ, Дюбари. Оргія lits de justice и lettres de cachet дополняетъ собою оргію parc aux cerfs. Учрежденіе опять разошлось съ обществомъ, регресъ перваго сталъ опять прогрессомъ втораго, и смерть части стала необходимостью жизни цѣлаго. Такимъ образомъ королевская власть Франціи и сама себя не спасла, и общество погубила. — Не уклоняется отъ того-же процесса и исторія каждаго поколѣнія. Вотъ передъ вами поколѣніе французской революціи, прошедшее и ступень національнаго или учредительнаго собранія, и ступень законодательнаго собранія, и ступень конвента; вотъ оно остановилось на комитетѣ спасенія. Это точка его безразличія, точка колебанія между возврастающей, прогрессивной и убывающей, регрессивной революціей. Робеспьеръ—это Периклъ революціи:

онъ и послѣдній прогрессистъ, и первый регрессистъ ея. Онъ дошолъ туда, дальше чего итти некуда, гдѣ собственный идеалъ его истощился, гдѣ вся программа средняго сословія оказалась исчерпанною. Никакого новаго будущаго, никакой дальнѣйшей потребности не предвидится, а возвращаться къ прошедшему еще рано; и потому мгновеніе застоя наполняется самохраненіемъ революціи, самохраненіе-же революціи есть терроръ. Поддержаніе status quo есть здѣсь безсмѣнная гильйотина, въ качествѣ нормальнаго учрежденія. Но застой поколѣнія еще кратковременнѣе, чѣмъ застой учрежденія или націи,—и вотъ слѣдуетъ объявленіе о бытіи бога и о безсмертіи души. Первое слово регресса произнесено, и съ этихъ поръ онъ идетъ правильными шагами, изъ которыхъ каждый есть не что иное какъ повтореніе предшествующихъ въ обратномъ порядкѣ. Такъ съ уничтоженіемъ комитета спасенія повторяется—конвентъ; слѣдующая за нимъ директорія есть повтореніе законодательнаго собранія; слѣдующее за нею консульство есть повтореніе національнаго собранія; слѣдующая за нимъ имперія есть повтореніе Людовика XVI. Революція кончена, и конецъ этотъ есть повтореніе ея начала. Послѣ нея исторія продолжается именно такъ, какъ она продолжалась-бы и безъ нея при нормальномъ ходѣ вещей, т. е. тою-же королевскою властью, тѣми же бурбонами, но только съ хартіею. Хартія есть такимъ образомъ единственный органическій продуктъ, оставленный въ тѣлѣ революціей и дѣйствительно интегрированный въ общество. — Наконецъ жизнь всякаго индивидума представляетъ тотъ-же самый процессъ, какъ мы только что видѣли это на Периклѣ, на Робеспьеррѣ, на Піѣ IX.—Изъ всего этого слѣдуетъ, что процессъ этотъ не есть ни вымыслъ, ни натяжка; и если подтверждающему его обобщенію фактовъ недостаетъ чего нибудь, то развѣ объясненія причиной. Но причина эта отчасти объяснена уже въ объясненіи первой половины процесса, въ объясненіи способа перехода отъ прогресса къ застою, такъ что здѣсь остается добавить только нѣсколько словъ. Когда данное общественное начало, сила или

форма, пробившись на свѣтъ, достигаютъ до своего апогея, до власти, до господства, до вліянія, и когда, достигши его, хотятъ его сохранить, удержать за собой навсегда, то это, какъ описано выше, происходитъ отъ того, что новыхъ стремленій у нихъ уже нѣтъ. Жить безъ новыхъ стремленій еще возможно, но жить безъ всякихъ стремленій вообще—рѣшительно невозможно: это значило-бы отсутствіе всякаго движенія, т. е. смерть, а не жизнь. И такъ стремленія остаются необходимы для всякой формы, силы, начала, общества, даже и тогда когда новыя стремленія невозможны. Но за невозможностью новыхъ остается только повтореніе старыхъ стремленій,—и вотъ та необходимость, по которой застой непремѣнно обращается въ регрессъ, и почему регрессъ состоитъ не въ чемъ другомъ какъ непремѣнно въ воспоминаніи, въ повтореніи задовъ, въ воскрешеніи древнихъ идеаловъ. Но такъ какъ древніе идеалы всякой части всегда расходятся съ новыми идеалами ея цѣлаго, то слугами первыхъ являются только худшіе, мертвые члены втораго, а всѣ лучшіе и живые силы и способности отъ него отступаются. Отсюда такое или иное торжество регрессистовъ въ разсматриваемой части надъ консерваторами. Эти двѣ необходимости дѣлаютъ такой процессъ неизбѣжнымъ, дѣлаютъ его природою общества, и, слѣдовательно, закономъ соціологіи.

Покончивши съ функціями жизни, остается обозрѣть хотя вкратцѣ такія-же главные функціи смерти: *вырожденіе*, *перерожденіе* и *возрожденіе*. Всѣ вмѣстѣ онѣ отличаются отъ всѣхъ вмѣстѣ предъидующихъ тѣмъ, что если однѣ были исторіей по преимуществу внутренней, то другія составляютъ исторію по преимуществу внѣшнюю; если отправленія жизни относились болѣе къ самому организму чѣмъ къ окружающей средѣ, то отправленія смерти относятся болѣе къ окружающей средѣ чѣмъ къ организму. Тамъ организмъ пересиливалъ среду, здѣсь среда пересиливаетъ организмъ, въ чемъ и состоитъ его разрушеніе, смерть. Въ частности вырожденіе есть не что иное какъ дальнѣйшее продолженіе регресса, но продолженіе, знаменующееся не только тѣмъ, что здѣсь оно происходитъ подъ

вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей, но и тѣмъ еще, что оно состоитъ именно въ раздѣленіи, въ распаденіи, въ разложеніи формальномъ. Данная единица общественная извращается при этомъ еще больше, еще больше мѣняетъ свой существенный характеръ, словомъ, измѣняется не только внутренно, но и наружно. Такъ вырожденіемъ Греціи есть Македонія; вырожденіемъ Рима—имперія; вырожденіе паптства—протестантизмъ; вырожденіе рыцарства—кавалерія; вырожденіе королевской власти—полномочіе министровъ; вырожденіе поколѣнія—консерватизмъ; вырожденіе индивидума—старость. Во всѣхъ этихъ случаяхъ упадокъ совершается подъ вліяніемъ уже не столько внутреннихъ факторовъ, сколько внѣшнихъ: македонянъ, германцевъ, еретиковъ, виллановъ, средняго сословія, молодого поколѣнія, природы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вырождающійся элементъ раздѣляется также: Македонія—на множество царствъ, римская имперія—на западную и восточную; протестантизмъ—но множество сектъ, рыцарство—на національныя аристократіи, королевская власть—на министерстія власти, консерватизмъ—на личные эгоизмы, старое тѣло—на свои составныя части. А между тѣмъ не перестаетъ усиливаться и типическій признакъ регресса—возвращеніе къ старымъ идеаламъ. Если въ началѣ македонскаго періода Греція возвращается только ко временамъ Кодра, т. е. первыя времена новаго монархизма возстановляютъ нѣчто подобное только послѣднимъ временамъ монархизма древняго, то въ теченіи македонскаго и римскаго періода она возвращается по своимъ идеаламъ еще дальше назадъ, такъ что, достигнувъ до византизма, достигаетъ въ немъ до первыхъ временъ древняго, гомерическаго, патріархальнаго деспотизма. Въ Римѣ если Августъ возстановляетъ идеалъ умѣренной монархіи, подобный идеалу Тарквинія Гордаго, то Діоклеціанъ возвращаетъ его еще дальше назадъ, до Ромула и Нумы Помпилія. Въ протестантизмѣ реформація возстановляетъ только идеалъ до-папскій, въ дальнѣйшихъ же сектахъ онъ достигаетъ до идеала первобытныхъ, апостольскихъ христіанъ съ ихъ общностью имущества и братствомъ. Въ

рыцарствѣ распаденіе орденовъ если возвращаетъ его къ X вѣку, то кавалерія возвращаетъ къ самымъ временамъ Карла Великаго, когда рыцари были также не что иное какъ кавалеристы. Въ королевской власти если министерская система возвращаетъ ее сперва ко временамъ только Сюлли и Генриха IV, ко временамъ Людовика XI и его Тристановъ пустынниковъ, то фаворитизмъ возвращаетъ ее до королей-трутней и до палатныхъ меровъ. Въ вырожденіи поколѣнія, напримѣръ революціоннаго французскаго, если сначала возвращается только идеалъ дореволюціонный, имперія, монархія, то во время этой монархіи романтики начинаютъ оглядываться даже до настоящаго легитимизма. Въ старости индивидумъ сперва начинаетъ жить воспоминаніями своего мужества, молодости, а потомъ доходитъ и до идеаловъ дѣтства. Такимъ образомъ въ стадіи вырожденія всякое общественное цѣлое, въ своемъ обратномъ стремленіи, доходитъ наконецъ до того, что его конецъ по сущности своей сходится съ его началомъ, различаясь только своими формами и проявленіями.—Другая стадія смерти, перерожденіе, и есть именно не что иное какъ окончательное связываніе этого конца съ этимъ началомъ и регрессивнаго разложенія съ прогрессивнымъ броженіемъ разложившихся частей. Отправленіе это совершается также подъ вліяніемъ внѣшняго тѣла, но характеризуется это отправленіе и отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что внѣшній факторъ дѣйствуетъ уже не издали, какъ тамъ, а вблизи, внѣдрившись въ самый организмъ, перемѣшавшись съ самыми разложившимися частями его, словомъ какъ творило или бродило. Такое перерожденіе Греціи составляетъ ея періодъ византійскій, гдѣ твориломъ являются поперемѣнно Готы, Аланы, Славяне, Варяги, Латиняне, Турки. Они дѣйствуютъ не издали, какъ прежніе побѣдители, македоняне и римляне, а вблизи, внѣдряясь въ самое населеніе, смѣшиваясь съ нимъ и производя въ немъ броженіе. Такой конецъ Греціи потому соединяется съ началомъ ея, что представляетъ собою тоже явленіе какое нѣкогда Кадмъ, Кекропсъ и т. п., т. е. представляетъ

тотъ-же процессъ иммиграцій, но только не египетскихъ, финикійскихъ, малоазійскихъ и т. д., а германскихъ, романскихъ, славянскихъ и т. д., которые и перерождаютъ собою византійскихъ грековъ, какъ тѣ переродили пеласговъ. Перерожденіе Рима начинается также съ поселенія варваровъ въ его провинціяхъ, какъ вольнаго со стороны римлянъ, такъ и невольнаго; а оканчивается это перерожденіе тогда, когда на мѣстѣ римской имперіи образовались новые языки,—лучшій признакъ совершившейся новой органической смѣси разложившихся частей и примѣси къ нимъ творила. Перерожденіе папства составляетъ недавно совершившееся превращеніе его изъ свѣтской власти въ духовную, при чомъ превращеніе это совершено также извнѣ, отъ Виктора Эммануила, также посредствомъ внѣдренія въ него посторонняго начала, и также равнозначительно самому началу этого учрежденія, гдѣ папа былъ также не монархомъ, а епископомъ. Перерожденіе рыцарства, т. е. самой кавалеріи, еще не состоялось, но, по всей вѣроятности, скоро состоится, въ силу новой организаціи военной. Перерожденіе королевской власти въ большей части европейскихъ странъ уже состоялось, и изъ абсолютизма она перешла уже тамъ въ конституціонализмъ, чѣмъ и возвратила свой идеалъ, какъ-бы ни были различны формы и проявленія его, къ типу феодальнаго идеала королевской власти. А совершилось это перерожденіе опять подъ давленіемъ внѣшнихъ началъ, а никакъ не собственной ея инициантвы. Перерожденіе поколѣнія есть смѣна отцовъ дѣтьми.—Наконецъ возрожденіе есть окончательное образованіе новаго тѣла, новаго органа, новаго организма, способнаго къ новой дѣятельности, къ новой жизни, къ новымъ потребностямъ и идеаламъ. Таково возрожденіе Греціи въ видѣ Турціи, возрожденіе Рима въ видѣ романскихъ народностей, возможное возрожденіе папства въ видѣ нравственной международной власти, въ видѣ трибуната Европы, возрожденіе рыцарства въ видѣ джентльменства, близкое возрожденіе королевской власти въ видѣ человѣческой, а не божественной и избирательной, а не наслѣдственной. Причина

всѣхъ этихъ вырожденій, перерожденій и возрожденій понятна сама собою: это—все тотъ же законъ скрещиваній, изсякающій въ эпохи вырожденій, возобновляющійся въ эпохи перерожденій и производящій слѣдствія свои въ эпохи возрожденій.

Ближайшее разсмотрѣніе самыхъ способовъ перехода отъ одной изъ этихъ стадій къ другой обнаруживаетъ слѣдующіе процессы. Что касается перехода изъ вырожденія въ перерожденіе, то онъ совершается непремѣнно слѣдующимъ путемъ. Во первыхъ, сильнѣйшій пунктъ всякой данной силы, такъ или иначе, но непремѣнно обращается въ слабѣйшій. Источникомъ наибольшей слабости, больнымъ мѣстомъ органа или организма, оказывается здѣсь то, что было, напротивъ, источникомъ наибольшей силы, самымъ здоровымъ мѣстомъ его. Отсюда для окружающей среды открывается удобный пунктъ нападенія. Съ другой стороны никто такъ хорошо не знаетъ слабостей какъ врагъ, никому это такъ не нужно какъ ему, и никто не изучаетъ ихъ такъ спеціально какъ онъ. Отсюда все, что есть въ окружающей средѣ враждебнаго, и что только ждало удобной минуты, теперь набрасывается на открывшееся больное мѣсто. А чѣмъ больше рана раскрывается и обнаруживается, тѣмъ больше умножаются враги, и, какъ вороны, слетаются на падаль. При этомъ процессъ непремѣнно осложняется союзами, то безмолвными, то явными. Какъ старое, падающее начало, чувствуя свою слабость, ищетъ союзовъ, такъ ищетъ ихъ и новое, но еще неувѣренное въ себѣ. При этомъ обѣ стороны не разбираютъ, конечно, кому подать руку, своему ли брату или чужому, а потому безпрестанно случается, что падающее учрежденіе подаетъ руку не тому, которое раздѣляло съ нимъ господство, а тому, которое еще ищетъ только этого господства, и такимъ образомъ оно воспитываетъ и укрѣпляетъ новаго врага себѣ. Съ своей стороны для каждаго новаго начала также выгодно подать руку каждому старому противъ другого такого же, съ тѣмъ чтобы, побѣдивъ одно, тѣмъ тегче потомъ низложить и другое, хотя бы то уже и въ борьбѣ одинъ на одинъ. И такъ: слабая сторона, врагъ и союзъ

—вотъ три момента процесса, переводящаго вырожденіе въ перерожденіе. Безъ слабости нѣтъ врага, безъ врага нѣтъ союза. Въ Греціи эти три момента представляются въ слѣдующемъ видѣ. Всю силу Греціи составляла, конечно, умственная и эстетическая утонченность ея сравнительно съ древними народами. Но утонченность эта не долго ужилась съ физической, военной энергіей. Получивши вкусъ къ политикѣ, къ философіи, къ театру, къ ваянію трудно было сохранить такой-же вкусъ и къ механической военной службѣ. Слушать ораторскую рѣчь, смотрѣть трагедію Софокла, засѣдать въ пританеѣ, балагурить въ академіи, словомъ жить нервами, все это было, конечно, гораздо привлекательнѣе, чѣмъ упражняться въ трудностяхъ и лишеніяхъ войны, жить мускулами. Отсюда мало по малу сдача этого непріятнаго труда и ремесла наемникамъ. Отвычка же этимъ путемъ отъ этого труда и еще больше укрѣпила и распространила нерасположеніе къ нему, еще больше укрѣпивъ и распространивъ въ то же время другую, привычную сторону жизни. Отсюда новая ступень утонченности—изнѣженность, т. е. односторонность, злоупотребленіе нервной жизни. «Мы любимъ изящное съ мѣрою, и мудрость любимъ безъ изнѣженности!» говаривалъ Периклъ; и такъ это было и на самомъ дѣлѣ въ его время. Но не такъ стало послѣ: исчезла именно эта мѣра, это равновѣсіе; и вотъ эта мудрость и изящество обратились изъ силы въ слабость. Грекъ былъ расположенъ сколько угодно рукоплескать филиппикѣ Демосѳена, но не расположенъ былъ шевельнуть въ ея духѣ и пальцемъ. Отсюда и первый открытый врагъ внѣшній, первое нападеніе. А какъ пристально изучалъ онъ открывшуюся слабость и какъ хорошо изучилъ ее, это видно изъ того, что онъ долго жилъ между греками, и что онъ первый сказалъ о нихъ: «нѣтъ неприступнаго города, пока въ ворота его можно провести осла, навьюченнаго золотомъ.» Тѣмъ не менѣе, однако-жъ, хорошо извѣстно, съ какой осторожностью, съ какой неувѣренностью въ себѣ подступалъ онъ къ нападенію. Онъ входилъ сперва съ одними

греками въ союзъ противъ другихъ, прикидывался защищающимъ ихъ собственныя святыни, прежде чѣмъ открылъ свое сердце подъ Херонеей и проплясалъ свой херонейскій танецъ, «какъ Ѳирситъ, а не какъ Агамемнонъ.» Новое завоеваніе, римское, становится уже ни по чомъ, и не стоитъ ни труда, ни ухищреній. А обращеніе Греціи въ Восточную римскую имперію открываетъ широкій путь полному перерожденію. Сила Рима была, напротивъ, именно въ войнѣ и въ завоевательной политикѣ; но тѣмъ не менѣе и тутъ слабость открылась именно въ томъ, въ чомъ была сила. Завоеваніе и грабежъ перешли опять мѣру, или, пожалуй, не были ни чѣмъ достаточно уравновѣшиваемы по мѣрѣ скопленія. Отсюда, съ одной стороны, скопленіе богатствъ у оптиматовъ, заглушившее собою всѣ прочія страсти, а съ другой стороны бездѣлье и бездомность легіоновъ, образовавшія праздный и тщеславный пролетаріатъ, не способный ни къ чему кромѣ подкупа и требованія panem et circenses: двѣ язвы, бывшія обратной стороной завоеванія. Слабость эта не долго оставалась не подмѣченною внѣшними врагами,— и съ нашествія Кимвровъ и Тевтоновъ еще при Маріѣ наступленіе это уже не прекращается. Наступательная война римской республики переходитъ въ несмолкающую оборонительную войну имперіи; враги умножаются съ каждымъ днемъ и облѣпливаютъ имперію какъ пчолы. А все большая и большая необходимость обороны производитъ все большее и большее вырожденіе, которое при Діоклеіанѣ достигаетъ до того, что имперія обращается въ формальную восточную деспотію. Мало этого, необходимость отводить земли для поселенія варварамъ, допущеніе ихъ въ легіоны, въ администрацію, на самый тронъ, все это внѣдряетъ новые элементы въ самое тѣло Рима и такимъ образомъ опять открываетъ путь къ перерожденію. Съ учрежденіями снова та же исторія. Нигдѣ папство не нашло и не могло найти такой силы, какъ въ своемъ оторванномъ отъ міра, сплочонномъ воедино и обновляемомъ ежеминутно духовенствѣ; духовенство же въ свою очередь профильтровано въ монашество, а мо-

нашество, наконецъ, въ іезуитство. Іезуитство есть трипль-экстрактъ, квинтъ-эссенція католицизма. Если духовентство есть армія папства, если духовные и духовнорыцарскіе ордена—гвардія его, то іезуиты—его тѣлохранители. Сила эта была такова, что она нѣкоторое время даже усиливалась по мѣрѣ регресса учрежденія. Съ Григоріемъ VII—целибатство, съ Иннокентіемъ III—монашескіе ордена, съ Павломъ III—іезуитскій орденъ. Тѣмъ не менѣе самое усиленіе это не могло не вести къ крайнему сосредоточенію этой силы; а сосредоточеніе это тѣмъ болѣе облегчало, съ одной стороны, путь къ слабости, а съ другой пунктъ для нападенія. И дѣйствительно, пока уставы іезуитскіе оставались тайною, махіавелизмъ ордена хотя и чувствовался, но былъ неприступенъ для нападенія; коль скоро же случай открылъ тайны ордена, — ахиллесова пята папства выставилась наружу и, что еще важнѣе, вся оказалась въ одной сильно сгущенной и концентрированной точкѣ, такъ что поразить ее здѣсь значило поразить все монашество, все духовентство, весь католицизмъ и папство. И окружающая среда точно не пропустила случая. И сретики, и янсенисты, и философія, и протестантизмъ, все ринулось на слабый пунктъ. Враги поспѣшили войти въ союзъ съ также ненавистною имъ древнею силою, также раздѣлявшею съ папствомъ господство въ мірѣ, но тѣмъ не менѣе нужною пока для нихъ—съ королевскою властью; и дѣйствительно, имъ удалось отдѣлить одного врага отъ другого посредствомъ обнаруженія іезуитской теоріи цареубійства, и съ однимъ изъ нихъ напасть на другого. При такомъ союзѣ, при такомъ дружномъ напорѣ немудрено, что іезуиты по всюду изгнаны, и самый орденъ ихъ уничтоженъ. Этимъ открытъ папству путь изъ вырожденія въ перерожденіе. И первый шагъ перерожденія состоитъ въ томъ, что, до сихъ поръ гордое и независимое, папство теперь начинаетъ пресмыкаться около королевской власти, изъ противника и регулятора ея переходитъ въ союзника, изъ повелителя въ слугу. Такимъ путемъ оно достигаетъ даже возстановленія своего дорогого ордена, и дѣйствительно успѣ-

ваетъ задержать на время свое перерожденіе; но за то дѣлаетъ его тѣмъ вѣрнѣе впослѣдствіи, потому что алтарю своему оно интегрировало троны, врага впустило къ себѣ домой, въ свое святилище. Аристократія и сама королевская власть шли отъ вырожденія къ перерожденію все тѣмъ же путемъ. Та же привиллегія и тотъ же абсолютизмъ, которые составляли нѣкогда силу и славу ихъ, съ теченіемъ времени сдѣлались, напротивъ, величайшею слабостью обѣихъ. Но пока она была не явна, врагъ ихъ—среднее сословіе—еще робкій и неувѣренный въ себѣ, то и дѣло что входитъ въ союзъ съ одною изъ нихъ противъ другой. Борясь противъ папства или противъ аристократіи, онъ входитъ въ союзъ съ королями, въ видѣ городскихъ граматъ, въ видѣ университетовъ, въ видѣ легистовъ съ ихъ теоріями свѣтской и центральной власти, какъ это было во Франціи; борясь съ католицизмомъ, какъ вѣрою, среднее сословіе еще разъ нуждается въ короляхъ, и еще разъ соединяется съ ними то посредствомъ еретиковъ и ихъ теорій догматическихъ, какъ въ протестантизмѣ, то посредствомъ философовъ и ихъ теорій гуманическихъ, какъ въ янсенизмѣ. Напротивъ, когда среднее сословіе борется съ королевской властью, тогда оно вступаетъ въ союзъ то съ папствомъ, какъ въ Италіи и Германіи, въ видѣ Гибеллиновъ, то съ аристократіею, какъ въ Англіи. И только наконецъ, когда оно окрѣпло въ этихъ союзахъ и почувствовало силу свою, и когда у каждой изъ старыхъ властей оказалась слабость своя, тогда только рѣшилось оно стать на собственныя ноги и вступить съ прежними союзниками въ борьбу одинъ на одинъ и даже со всѣми ими вмѣстѣ, какъ во Франціи, въ революцію. Въ борьбѣ этой какъ аристократія такъ и монархизмъ дѣйствительно начинаютъ перерождаться, одна—въ тимократію, другой—въ конституціонализмъ, и перерожденіе это опять состоитъ не въ чомъ иномъ какъ въ интегрированіи себѣ внѣшняго врага. На вырождающемся поколѣніи переходъ въ перерожденіе знаменуется тѣми же процессуальными чертами. Революціонное, напримѣръ, французское поколѣніе

нигдѣ и ни въ чемъ не проявило столько мощи, какъ въ защитѣ революціи отъ иностранцевъ. Десятки армій выростали у него изъ подъ земли; всѣ способности, всѣ таланты и геніальности притекали сюда; нѣсколько коалицій всей Европы разсѣяны въ прахъ. И кто же незнаетъ, что во время вырожденія поколѣнія, въ послѣдніе годы имперіи, сила эта обратилась въ существенную слабость. Наборъ, наборъ и наборъ истощили все населеніе Франціи; трауръ жонъ, сестеръ и матерей покрылъ всю Францію крепомъ; самые лавры побѣды потеряли благоуханіе, самая слава пріѣлась. А между тѣмъ онѣ сдѣлались условіемъ существованія имперіи: чѣмъ больше побѣда отождествлялась съ нею, тѣмъ больше пораженіе и имперія становились несовмѣстными. Эту-то слабость и не приминулъ почуять врагъ какъ иностранный, такъ и мѣстный. И какъ только первая неудача случилась, оба тотчасъ же почувствовали, что ею можно воспользоваться. Такимъ образомъ составился странный союзъ коалиціи съ самой Франціей противъ выродившейся революціи и имперіи. Извѣстно, съ какимъ почотомъ побѣдители приняты были французами при вступленіи первыхъ въ Парижъ; извѣстно, съ какимъ единодушіемъ Александръ и Талейранъ низлагали имперію. И вотъ поколѣніе войны и революціи окончательно переродилось въ поколѣніе мира и реакціи. Таковы обычные симптомы, связывающіе вырожденіе съ перерожденіемъ. Причина же, почему они таковы, есть, конечно, та, что всякая сила, достигши господства и, слѣдовательно, безконтрольности, и привыкши къ нимъ, не можетъ не злоупотреблять собою, не можетъ не эксплуатировать всѣхъ другихъ силъ, ибо безъ этого не было бы и господства, и тѣмъ не можетъ не плодить себѣ враговъ. А съ другой стороны злоупотребленія могущественной силы и сами оказываются столь же могущественными, такъ что непремѣнно обращаютъ ее въ слабость. Да если-бъ она даже и не злоупотребляла собою завѣдомо, то самое развитіе ея, которое ведетъ ее ко все большей и большей односторонности и исключительности, само уже по себѣ

есть злоупотребленіе или по крайней мѣрѣ несовмѣстимость со всѣми иными притязаніями жизни. Отсюда и слабость непремѣнно, и враги непремѣнно. Враги эти всегда внѣшніе, а не внутренніе, потому что только для первыхъ эта слабость и эти злоупотребленія тятостны, для вторыхъ же онѣ суть наслажденіе, а не тягость. Союзы внѣшнихъ враговъ суть необходимость потому, что старая сила, до побѣды надъ нею, не можетъ не сохранять обаянія своего и не быть внушительною, какъ бы она ни была уже въ дѣйствительности слаба. Наконецъ интегрированіе врага въ самый составъ побѣжденнаго составляетъ необходимость потому, что безъ этого, по закону скрещиванія, нѣтъ и перерожденія. Словомъ, это тѣ же законы войны, но только подъ формами мира: дождись случая, открой слабый пунктъ, соединись, и тогда нападай! Вотъ почему таковъ есть и таковъ только и можетъ быть процесъ образованія всякаго новаго поколѣнія, учрежденія, общества, народа, государства, племени и т. д. Только путемъ колонизаціи, завоеванія, переселеній, внѣдренія, эмиграцій и иммиграцій образуется всякое новое общественное цѣлое; а все это есть не что иное какъ интегрированіе внѣшняго во внутреннее.—Процесъ перехода отъ перерожденія къ возрожденію осязателенъ не менѣе предъидущаго. Это, во первыхъ, окончательная побѣда новаго надъ старымъ; во вторыхъ непосредственная реорганизація послѣдняго первымъ; и, въ третьихъ, воспроизведеніе новаго политическаго тѣла или продукта. Въ процессѣ побѣды характеристично всегда то, что побѣждаемый элементъ, хватаясь, въ инстинктѣ слѣпого и отчаяннаго самосохраненія, за каждую соломенку, хватается, наконецъ, за такія, прибѣгаетъ наконецъ къ такимъ мѣрамъ, которыя, напротивъ, только добиваютъ его самаго, только помогаютъ побѣдителю и только дѣлаютъ побѣду двойною и рѣшительною: убійству помогаетъ здѣсь самоубійство, хотя и нечаянное. Съ другой стороны побѣда характеризуется также вольнымъ или невольнымъ раздѣленіемъ побѣждаемаго: то онъ самъ раздѣляется въ слѣпотѣ самосохраненія и въ растерянности, то его

раздѣляетъ намѣренно врагъ, чтобы борьбою по частямъ облегчить себѣ побѣду. Въ томъ и другомъ случаѣ подъ побѣдою разумѣется конечно, не военная, а историческая, не та, которая и побѣдителя, и побѣжденнаго можетъ оставлять на ихъ прежнихъ мѣстахъ, а только та, которая ставитъ перваго изъ нихъ на мѣсто послѣдняго и однимъ замѣщаетъ другого въ мірѣ. За такою побѣдою слѣдуетъ намѣренная реорганизація побѣжденнаго побѣдителемъ, реорганизація по плану и по идеалу послѣдняго. Въ результатѣ же этой реорганизаціи происходитъ мало по малу то, что ни побѣдителя, ни побѣжденнаго не остается больше, что оба они, подъ господствомъ перваго, сливаются въ нѣчто третье, новое, равно отличное и отъ того и отъ другого, способное къ своей новой, непохожей на обѣ предъидущія, дѣятельности, къ своимъ повымъ потребностямъ и идеаламъ. Византія прошла этотъ процессъ слѣдующимъ образомъ. Въ числѣ мѣръ самосохраненія ея, кромѣ поселенія ею варваровъ въ своихъ провинціяхъ, была и еще одна такая же: она откупалась отъ нихъ деньгами. На минуту, для настоящаго, эта мѣра была дѣйствительна; но она отдаляла одного врага, для того чтобъ привлечь на мѣсто его новаго, и такимъ образомъ къ убійству присоединяла самоубійство. Раздѣленіе, предшествовавшее завоеванію Константинополя также хорошо извѣстно: туркамъ пришлось забирать Византію по частямъ, а не цѣликомъ. Побѣда состояла въ томъ, что побѣдитель занялъ мѣсто побѣжденнаго. Реорганизація Византіи Турціей оканчивается тѣмъ, что господствующій элементъ, въ теченіи четырехъ столѣтій, оказался не въ состояніи произвести изъ себя и изъ побѣжденнаго нѣчто цѣльное третье, хотя въ то же время не осталось тамъ ни Византіи, ни Турціи. Но если не произошло третьяго компактнаго, то произошла аггломерація: отстоялись три совершенно различныя цѣльности—греческая, славянская и турецкая съ различными переливами и оттѣнками между ними, переливами и оттѣнками, которыя такъ однакожъ спаяли и сплотили три главныя цѣлыя, что ихъ едва-ли можно когда нибудь разорвать между

собой. Правда, это есть воспроизведеніе пока еще чисто формальное, ничѣмъ внутреннимъ и существеннымъ не связанное; но стоитъ только, чтобы выработался какой нибудь новый и общій для всей аггломераціи идеалъ, — и возрожденіе непремѣнно состоится. А единственный идеалъ, который для нихъ теперь возможенъ, и который одинъ можетъ составить приспособленіе этой аггломераціи къ окружающей средѣ, есть идеалъ не государственный, а федеративный, не централизація, а децентрализація, и не сліяніе, а національная автономія. Физіологическое сліяніе уже невозможно; остается, слѣдовательно, экономическое и политическое. Такой именно идеалъ и предложенъ былъ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ его депешѣ къ нашему послу въ Парижѣ отъ 6 апрѣля 1867 г., и въ приложенномъ къ этой депешѣ меморандумѣ. У западной Римской имперіи самораздѣленіе, предшествовавшее побѣдѣ, состояло сперва въ вице-императорствахъ, въ цезарствахъ, а потомъ въ полной почти независимости намѣстниковъ всѣхъ провинцій. Въ числѣ же мѣръ, составлявшихъ собственное наложеніе на себя рукъ, было, кромѣ поселенія у себя варваровъ и допущенія ихъ въ армію и въ администрацію, еще и выводъ войскъ изъ отдаленныхъ провинцій, для того чтобъ лучше охранять центральныя. Такимъ образомъ Британія, напримѣръ, оставлена была самими римлянами на произволъ судьбы, и враги не замедлили, конечно, воспользоватся такой помощью со стороны самаго Рима, и показать первый примѣръ занятія римскихъ провинцій. Вслѣдъ за Британіей онѣ дѣйствительно одна за другой переходятъ въ руки варваровъ, и побѣдитель занимаетъ все мѣсто побѣжденнаго. Реорганизація послѣдняго первымъ, и именно по идеаламъ германскимъ, есть аллодіальная система. Но скоро ни римская, ни германская система не уцѣлѣваютъ, ни муниципіи, ни аллодіальность не даютъ своего тона обществу, а вмѣсто нихъ обоихъ воспроизводится нѣчно третье, которое, также какъ и языкъ, не есть ни то, ни другое, ни римское, ни германское, а романское, ни муниципальность, ни аллодіальность, а фео-

дализмъ. Перерожденіе кончено, и возрожденіе на всемъ ходу. Въ исторіи папства также успѣли уже свершиться всѣ эти черты на нашихъ глазахъ. Тутъ есть и такое наложеніе имъ самимъ рукъ на себя, какъ энциклика 8 декабря 1864 года, эта исповѣдь папства во всеуслышаніе о дальнѣйшей несовмѣстности своей съ окружающей средою, исповѣдь, которая могла только въ высшей степени облегчить и оправдать безпрепятственное наложеніе рукъ Виктора Эммануила. Тутъ есть также и предварительное раздѣленіе себя папствомъ, для того чтобъ снова облегчить надъ собою побѣду: это—раздѣленіе его послѣднимъ римскимъ соборомъ и несчастнымъ догматомъ непогрѣшимости. Тутъ есть и вступленіе побѣдителя на мѣсто побѣжденнаго: это—вступленіе Итальянскаго короля въ Римъ. Реорганизація, которую побѣдитель сообщаетъ побѣжденному по своему собственному идеалу, есть, конечно, временная: изъ него и изъ древняго идеала папства долженъ или по крайней мѣрѣ можетъ выдти третій, отличный и отъ того, и отъ другого, коль скоро только время и привычка примирятъ папство съ новымъ его положеніемъ, изъ пассивности перенесутъ его въ активность, и волей-неволей заставятъ подумать о самобытномъ приспособленіи себя къ окружающей средѣ. Нѣтъ, по этому, ничего мудренаго, если въ такомъ фазисѣ папской власти кроется зародышъ какого нибудь новаго популярнаго учрежденія, какой нибудь новой нравственной международной силы, какого нибудь трибуната человѣчества. Тогда возрожденіе и новая жизнь учрежденія обезпечены. Королевская власть, также уже перерожденная, но также еще не возродившаяся, находится однакожъ на пути уже къ этому возрожденію. Какъ и папство она приняла свое насильственное перерожденіе сперва не охотно и вопреки себѣ; какъ папство желая освободиться отъ этого принужденія, и въ порывѣ самохраненія, она прибѣгала къ такимъ мѣрамъ, которыя должны были сдѣлать ея мечту только безвозвратнѣе: это—измѣны ея нѣсколько разъ обязательствамъ и клятвамъ своимъ. За тѣмъ дальнѣйшее раздѣленіе ея врагомъ, раздѣленіе на корону

и отвѣтственное министерство, раздѣленіе, выраженное въ теоріи: «король царствуетъ, но не управляетъ!» положило конецъ и послѣднимъ ея попыткамъ, дѣлая ихъ все болѣе и болѣе невозможными. Въ Англіи достигнута, наконецъ, и послѣдняя степень побѣды—замѣщеніе короны министерствомъ, занятіе послѣднимъ мѣста первой въ мірѣ. А потому немудрено, что время и привычка сдѣлали свое, что приспособленіе къ средѣ проявилось уже то тамъ, то сямъ добровольное и активное, и что оно выразилось въ такихъ популярныхъ проявленіяхъ какъ королевская власть Викторіи, Леопольда I, Луи-Филиппа, Виктора-Эммануила. Въ этомъ идеалѣ королевской власти, и только въ этомъ, весь источникъ ея возрожденія, ея популярности, ея новой жизненности въ обществѣ. Завершимъ всѣ эти образцы процесса однимъ изъ свершающихся на нашихъ глазахъ, образцомъ Австріи. Перерожденіе здѣсь состояло въ томъ же, въ чомъ и въ Турціи: не смотря на гораздо высшую господствовавшую силу, составныя части не слились, но, напротивъ, только отстоялись въ особыя цѣлыя, въ различныя національности; и за тѣмъ переходъ къ возрожденію или, что тоже, къ погибели Австріи какъ Австріи, ознаменовался уже всѣми своими характеристическими чертами. Во первыхъ мѣры самосохраненія, принятыя ею, обращались только па ея же голову: ради самохраненія она держала двусмысленный нейтралитетъ въ восточной войнѣ и тѣмъ отдалила отъ себя Россію; ради самосохраненія воевала она съ Франціею, и тѣмъ только лишила себя нѣсколькихъ провинцій; ради самосохраненія воевала она съ Даніей, и за то получила только Садову; ради самосохраненія порывалась она къ союзу съ Франціею, и за то заплатила только самоуниженіемъ; ради самосохраненія дружитъ теперь съ унизившей ее Пруссіей, и тѣмъ только приготовляетъ господина себѣ. Что она ни предприметъ, что ни сдѣлаетъ, все обращается ей въ погибель. Другой признакъ, раздѣленіе, идетъ также широкими шагами. Еще недавно она раздѣлилась или была раздѣлена съ Германіей, лишившись предсѣдательства въ Германскомъ союзѣ, и

вотъ ужъ мы видали раздѣленіе ея и въ самой себѣ на двое: на Австрію и Венгрію. Еще недавно только состоялся дуализмъ, а вотъ ужъ она пришла было къ мысли разложиться и еще дальше. Третій признакъ, занятіе мѣста ея другими, также приближается по маленьку, потому что мѣсто ея въ Германіи и въ Ломбардо-Венеціи уже занято. Окружающая среда вся наполнена врагами; всякій сосѣдъ, Италія, Германія, Россія, видитъ въ ней что нибудь, ей не принадлежащее; интересы каждаго изъ нихъ противорѣчатъ самому жизненному изъ всѣхъ интересовъ ея. Приспособленіе же къ этой окружающей средѣ есть только отреченіе отъ себя. Такимъ роковымъ и безъисходнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ дѣйствуетъ исторія; и нѣтъ ни силы, ни мудрости, которая могла бы противустоять этому фатальному теченію событій. Всѣ мѣры самосохраненія въ этомъ положеніи таковы, что онѣ могутъ только или отдалить или приблизить опасность, но не отвратить ее; при этомъ каждая мѣра, отдаляющая паденіе во времени, облегчаетъ его въ процесѣ, а каждая затрудняющая процессъ приближаетъ его во времени. Превосходнѣйшій образчикъ этого положенія представляетъ чешскій вопросъ. Въ какую сторону ни разрѣши его — погибель всегда идетъ съ другой. Разрѣшеніе его по плану Гогенварта дѣйствительно отдаляетъ катастрофу, въ тоже время и смягчая ее, но за то оно дѣлаетъ ее вѣрнѣе, очевиднѣе; разрѣшеніе по плану Бейста дѣйствительно затрудняетъ катастрофу, но за то угрожаетъ ускореніемъ и рѣшительностью ея. Идеалъ федеративный самъ устраиваетъ предварительно и выдѣляетъ каждому сосѣду слѣдуемую часть, такъ что разборъ ихъ потомъ, путемъ ли войны или путемъ простого трактата, во всякомъ случаѣ облегчается; идеалъ централизаціонный дѣйствительно затрудняетъ этотъ разборъ, требуя непремѣнно войны, но за то грозитъ немедленной революціей внутри, а вмѣстѣ съ тѣмъ и войною внѣ. Мудрено ли, что бѣдные государственные люди Австріи потеряли всю свою голову, что она мечется изъ плана въ планъ, изъ министерства въ министерство какъ угорѣлая, и что нигдѣ не

находитъ отрады и надежды. Это обреченіе на погибель имѣетъ въ себѣ что-то ужасающее. Какъ Франціи предстоитъ одна диллема: или застой или регресъ, такъ для Австріи эта диллема: погибнуть по методу Бейста или по методу Гогенварта; ни какого иного выбора нѣтъ. Мудрено ли послѣ этого, что и бѣдная интеллигенція австрійская сама себя не помнитъ отъ чувства отчаянія и злобы. Видя стоящаго надъ одромъ своимъ равнодушнаго наслѣдника, какъ мы, можетъ ли она не скрежетать на насъ, не изрыгать проклятій, не представлять насъ людьми, которые завтракаютъ сальными свѣчами, которые не умываются каждый день, которые молятся на кнутъ. Они имѣютъ полное право быть несправедливыми, какъ мы имѣемъ полную обязанность быть къ нимъ снисходительными, потому что они слишкомъ для этого несчастны. Таковъ конецъ соціологическаго процесса, и такова драма исторической смерти. А причина, почему она такова, состоитъ въ условіяхъ всякой побѣды. Если условіемъ первой половины процесса, процесса борьбы, были непремѣнно союзы, было правило: соединись и нападай! то такимъ же условіемъ второй половины процесса, процесса побѣды, есть непремѣнно раздѣленіе, есть правило: раздѣли и побѣждай! Словомъ, этотъ процессъ идетъ такимъ путемъ потому, что онъ есть опять не что иное какъ процессъ войны подъ формами мира. Отсюда—и слѣдующая за всякой побѣдой реорганизація отношеній, приспособленіе ихъ къ новому положенію побѣдителя и побѣжденнаго, словомъ облеченіе результатовъ войны въ формальный трактатъ. Отсюда наконецъ и продолженіе новой жизни на новыхъ, установленныхъ реорганизаціей, основаніяхъ, а, слѣдовательно, воспроизведеніе, возрожденіе.

Если теперь всѣ эти вмѣстѣ процесы смерти мы противопоставимъ такимъ же процессамъ жизни въ ихъ совокупности, то увидимъ, что тѣ и другіе суть одни и тѣже, но только порядокъ ихъ въ томъ и другомъ случаѣ различенъ, а именно совершенно обратный. Въ жизни идетъ сперва слаганіе, потомъ равновѣсіе, и наконецъ разлаганіе, а въ смерти сперва

разлаганіе (это—вырожденіе), потомъ равновѣсіе (это—перерожденіе), и наконецъ слаганіе (это—возрожденіе). Такимъ образомъ жизнь соединяется съ смертью, а смерть съ жизнью, и только обѣ вмѣстѣ составляютъ полный законченный кругъ процесса, гдѣ начало сходится съ концомъ и конецъ съ началомъ. Изъ цѣпи такихъ оборотовъ и состоитъ вся исторія. Вотъ фигура этого оборота. (Само собою разумѣется, что всѣ соціологическіе процессы, также какъ и всѣ физіологическіе, тѣмъ менѣе бываютъ рѣзки и отчотливы, чѣмъ они подчиненнѣе и второстепеннѣе. Каждый изъ нихъ то и дѣло заходитъ въ другой, и при томъ одинъ больше, другой меньше, такъ что одинъ почти совсѣмъ совпадаетъ съ другимъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые едва зацѣпляются за другіе. При томъ опять одинъ и тотъ же въ одномъ случаѣ можетъ переходить почти цѣликомъ въ предшествующій ему, а въ другомъ случаѣ также цѣликомъ въ послѣдующій. Наконецъ между двумя послѣдовательными процессами, въ пору перехода изъ одного въ другой, можетъ вталкиваться какой-то третій, что-то въ родѣ колебанія, въ родѣ нерѣшительности совершить переходъ, что и образуетъ кажущійся скачокъ или нѣсколько впередъ или нѣсколько назадъ. Но все это, если и не можетъ иногда не затруднять распознаваніе стадій, то тѣмъ нисколько еще не мѣшаетъ ихъ дѣйствительности. Осложненія во всякой наукѣ составляютъ свою трудность). Съ другой стороны, противопоставляя жизнь смерти, мы увидимъ еще, что жизнь дѣйствительно была не что иное, какъ преобладаніе организма надъ окружающей средою (отсюда процессы ея суть преимущественно внутренніе процессы), а смерть есть дѣйствительно не что иное какъ преобладаніе среды надъ организмомъ (отсюда и процессы ея суть по преимуществу процесы внѣшніе). Соединяя же оба эти сопоставленія вмѣстѣ, мы увидимъ, что онѣ оба состав-

ляютъ не что иное какъ всѣ черты борьбы за существованіе, гдѣ всякій общественный организмъ борется и съ другими организмами и съ средою, гдѣ во время господства своего онъ широко расплеменяется по землѣ и заглушаетъ собою всѣ иныя жизни, гдѣ всякій видъ, родъ и семейство, просуществовавъ такимъ образомъ въ изобиліи и въ разнообразіи, истощается, приходитъ въ упадокъ, исчезаетъ, гдѣ однажды вымершіе виды никогда потомъ не появляются снова, гдѣ отъ полнаго вымиранія и истребленія спасаетъ только приспособленіе къ средѣ, подборъ родичей, гдѣ однажды пріобрѣтенныя качества передаются потомъ наслѣдственно и тѣмъ еще болѣе изощряются, гдѣ изощреніе это доходитъ до того что становится несовмѣстнымъ съ остальной жизнью, изъ силы обращается въ слабость, и гдѣ такимъ образомъ господство безпрестанно переходитъ отъ старой ослабѣвшей силы къ укрѣпившейся новой, или, короче, отъ слабости къ силѣ и отъ низшей силы къ высшей. Біологія и соціологія совпадаютъ такимъ образомъ въ этомъ законѣ такъ плотно, что каждое слово одной есть въ то же время слово другой. Совпаденіе это почувствовано всѣми такъ живо, оно напрашивается уму такъ насильственно, что либералы, еще прежде чѣмъ эта теорія приложена къ обществу, уже поспѣшили на нее накинуться, чтобъ предупредить, дескать, приложеніе. И не мудрено: имъ стало страшно за свои на вѣру принятые догматы, за весь катихизисъ свой; въ виду такой грозы какъ положительная наука не могло не смутиться ихъ религіозное вѣрованіе.

Заключимъ теперь всю эту теорію однимъ практическимъ изъ нея выводомъ, собственно вовсе не относящимся къ нашей наукѣ, но очень важнымъ для нуждъ дѣйствительной жизни. Какъ ни строго мы отдѣляемъ здѣсь политику какъ науку отъ политики какъ искуства, но мы не можемъ не указать здѣсь на путь, какимъ послѣдняя можетъ получаться изъ первой. Идея, напримѣръ, процессовъ политической жизни, идея точной и опредѣленной смѣны одного изъ нихъ другимъ, идея неза-

мѣтности ихъ переходовъ изъ одного въ другой, ведетъ насъ къ тому неотразимому выводу политики какъ искуства, который помѣченъ еще Аристотелемъ, и который ежедневно на каждомъ шагу даетъ намъ себя чувствовать, — къ выводу о значеніи постепенности и непостепенности въ общественной жизни. Если нуженъ кому либо самый грубый признакъ для оцѣнки нормальности или анормальности, законности или незаконности, естественности или неестественности политической, то онъ именно этотъ. И если послѣ всего предыдущаго нуженъ еще спеціальный образчикъ исторической постепенности, то это есть исторія Греціи и въ ней въ особенности исторія формы ея правительствъ. Греція есть страна, на развитіе которой меньше всего вліяли постороннія обстоятельства, гдѣ развитіе совершалось по этому всего проще, непринужденнѣе и безъ особенныхъ осложеній, а потому на ней только всего видпѣе и поразительный законъ постепенности. Какая поразительная повсюду нечувствительность, незамѣтность, ничтожность и какъ бы несущественность переходовъ! Начинается, напримѣръ, форма правленія также какъ и на востокѣ, деспотіею. Да ничего иного колонисты Египта и Малой Азіи и принесть не могли. Но вотъ во времена Гомера царь уже является окружонный какою-то агорою, агорою, но еще безмолвною, собираемою только для выслушиванія; и нѣтъ сомнѣнія, что это были только старѣйшины, отцы будущихъ эвпатридовъ. Кончается царская власть вовсе не въ видѣ переворота, какимъ этотъ фактъ бываетъ вездѣ и всегда, вовсе не въ видѣ ненависти къ ней, а напротивъ въ силу уваженія, въ силу недостоинства занять кому либо престолъ послѣ такого царя какъ Кодръ. И дѣйствительно, архонтъ Медонъ есть тотъ же царь, съ тою же властью, также на всю жизнь, и даже изъ той же фамиліи, но только избранный, а не наслѣдственный; да и тутъ избранный не кѣмъ инымъ какъ семействомъ же Кодридовъ и изъ среды самихъ же себя. Можетъ ли быть переходъ нечувствительнѣе? что это: монархія или аристократія? по видимому вся перемѣна только въ имени, а между тѣмъ перемѣна свер-

шилась коренная и въ высшей степени чреватая будущимъ, потому что агора, старѣйшины, эвпатриды сдѣлались нѣсколько самостоятельнѣе. И опять идетъ вѣкъ или полтора, пока эти эвпатриды сокращаютъ срокъ архонства медонтидовъ изъ пожизненнаго въ десятилѣтній. Еще вѣкъ или полтора,—и слѣдуетъ сокращеніе его въ одногодный, но все еще архонтъ не кто иной какъ Кодридъ и Медонтидъ. И только наконецъ, послѣ Алкмеона, санъ архонта дѣлается доступнымъ и для всѣхъ эвпатридовъ; при чомъ фамилія алкмеонидовъ есть между ними все таки первая. Не это ли наконецъ аристократія вмѣсто монархіи? Но оказывается, что она уже давно существуетъ, потому что давно уже властвуетъ не кто иной какъ эвпатриды. Такимъ образомъ она подошла такъ, что нельзя было и спохватиться. Слѣдуетъ за тѣмъ по видимому еще большее развитіе аристократіи, а между тѣмъ оно ведетъ опять не къ тому. Вотъ уже у нея не одинъ архонтъ въ году, а цѣлыхъ девять, вотъ ужъ вся почти аристократія успѣваетъ въ теченіи жизни своей побывать въ архонтствѣ; казалось бы, это есть только полновластіе ея, а между тѣмъ это уже ея смѣна: подъ крыломъ у нея развилась уже за это время тимократія. Тѣ волненія, которыя описываются въ этомъ мѣстѣ историками подъ видомъ волненій бѣднаго класса, были именно волненія тимократіи, употребившей въ свою пользу массы, и знаменуютъ въ то же время первую, нечувствительную непостепенность, первую задержку аристократіей потребностей тимократіи. И дѣйствительно, законодательство Солона есть не что иное какъ освященіе принципа этой послѣдней, потому что на мѣсто эвпатридовъ стали простые пентакосіомедимны, богачи, которые могли быть и не эвпатридами. И вотъ тутъ-то наконецъ, при переходѣ изъ аристократіи въ тимократію, является вторая, чувствительная непостепенность, является скачокъ въ прошедшее во имя будущаго, является опять пожизненное и одинокое архонтство, которое грозитъ даже обратиться въ наслѣдственное: это—тиранія Пизистратидовъ. Произведенная нѣкоторой запоздалостью тимократіи,

и, слѣдовательно, задержкою и потребностей бѣднаго класса, тиранія эта, основанная на этой послѣдней, демократической потребности, и думавшая удовлетворить ее прежде предшествующей, тимократической, непремѣнно должна была сѣсть на мель. И она дѣйствительно взята скоро назадъ, какъ берется всякая непостепенность и безплодность. Клисѳенъ начинаетъ именно тамъ, гдѣ кончилъ Солонъ, а не Пизистратъ. Вмѣсто одного богатѣйшаго класса, пентакосіомедимновъ, во власть приходятъ теперь и два среднie, всадники и зевгиты, остаются за штатомъ только тэты. Это опять что такое: тимократія или демократія? И то, и другое, или, пожалуй, ни то, ни другое. Наконецъ съ Аристидомъ и Перикломъ инкорпорируются во власть и тэты,—и царитъ полная демократія. Вотъ путь отъ привычной до сихъ поръ для общества восточной деспотіи къ совершенно небывалой еще въ исторіи формѣ правленія. Продуктъ полученъ совершенно новый, а между тѣмъ изъ совершенно древняго. Можно ли представить себѣ большую органичность! Эта-то органичность и получаетъ въ постепенности тотъ грубый, для всякаго явный и понятный признакъ, по которому всякій можетъ судить о годности или негодности въ данную минуту даннаго идеала. Коль скоро мѣра, проэктъ, программа оказываются внезапностью, разрываютъ всякую связь съ прошедшимъ и съ настоящимъ,—это вѣрный признакъ, что они не имѣютъ никакихъ залоговъ прочности, что будущее разорветъ всякую связь съ ними самими, и что они не сегодня-завтра погибнутъ. Чѣмъ непостепенность круче и радикальнѣе, тѣмъ этотъ рокъ ея вѣрнѣе и неотвратимѣе. На оборотъ чѣмъ мѣра постепеннѣе, тѣмъ она неотвратимѣе отъ осуществленія, такъ что если она не будетъ осуществлена въ свое время добровольно, то она осуществится въ чужое и съ бою. А между тѣмъ и у публики, и у правительствъ нѣтъ ничего популярнѣе, какъ именно догматы діаметрально противуположные этимъ выводамъ науки. Такъ, напримѣръ, что такое наша либеральная исторія привыкла считать съ своей точки зрѣнія великими событіями, и при

томъ великими именно въ смыслѣ прогрессивномъ, а не регресивномъ? какъ разъ все то, что составляетъ собою самую великую непостепенность, самое великое страданіе общества, самую великую безплодность, и идеаломъ чего служитъ обыкновенно французская революція. Но вѣдь съ точки зрѣнія консерватора великимъ событіемъ будетъ въ такомъ случаѣ всякая контръ-революція, всякая реакція, всякое царствованіе Людовика XV, Наполеона I и т. п.! Отсюда то и происходитъ, что политикъ, также точно какъ и экономій, собственно говоря, есть двѣ: одна—либеральная, другая—консервативная. А вслѣдствіе этого мы и не имѣемъ ни одной достовѣрной политики. Великое событіе въ самомъ дѣлѣ есть переходъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой и земледѣльческой, т. е. то, которое стоитъ на самомъ порогѣ всей исторіи; великое событіе есть учрежденіе рабства, вмѣсто пожиранія военно-плѣнныхъ, т. е. то, которое осуществлено древнимъ востокомъ; великое событіе есть смѣна деспотій аристократіями, т. е. то, которое стоитъ на рубежѣ между востокомъ и классическимъ міромъ; великое событіе есть обращеніе рабовъ въ крѣпостныхъ, которое отдѣляетъ древній міръ отъ новаго; великое событіе есть эманципація крѣпостныхъ, т. е. то, что отдѣляетъ настоящее отъ будущаго. Велики наконецъ тѣ два событія, которыя совершаются нынѣ подъ нашими глазами, и которыя отдѣляютъ ближайшее будущее отъ отдаленнаго; это — одно экономическое, ассоціаціи производителей и потребителей, другое политическое—народная школа, разспространеніе грамотности. Но всѣ эти событія приходили или приходятъ непримѣтно и долго, а не вдругъ и не такъ какъ снѣгъ на голову; всѣ онѣ такъ коренились въ предыдущемъ и такъ вязались съ настоящимъ, что ихъ ни отъ того, ни отъ другого нельзя отдѣлить чертою; всѣ они пришли съ утѣшеніемъ, а не съ страданіемъ; и наконецъ ни одного изъ этихъ событій нельзя было потомъ взять назадъ, экскорпорировать изъ общества, какъ берутся назадъ всѣ революціи и контръ-революціи, всѣ заговоры и реакціи и всѣ

вообще великія событія въ либеральномъ и консервативномъ смыслѣ. Не имѣя возможности защитить ихъ величіе осязательностью непосредственныхъ плодовъ ихъ, либералы прибѣгаютъ обыкновенно къ защитѣ ихъ въ смыслѣ великой пропаганды, великой популяризаціи идей. Но такая игра не стоитъ такихъ свѣчь. Для распространенія идей есть способы болѣе дешовые; и идеи Монтескье, Вольтера, энциклопедистовъ могли разспространиться на Европу тѣмъ же путемъ, какимъ онѣ разспространились и на самую Францію изъ Англіи. Говорятъ также, что великія жертвы и великія страданія служатъ великимъ образцомъ для потомковъ, вдохновляющимъ ихъ на борьбу за идеи этихъ жертвъ и страданій; и въ этихъ видахъ, напримѣръ, на заглавномъ листкѣ Полярной Звѣзды нашего Герцена печатались пять портретовъ нашихъ несчастныхъ декабристовъ. Но, увы! какимъ образомъ мы могли имъ слѣдовать, могли вдохновляться ими, когда мы и до сихъ поръ порядкомъ незнаемъ, за что они жертвовали и страдали, и когда архивы, гдѣ хранятся ихъ, можетъ быть, и вдохновительныя идеи и мечты, и до сихъ поръ для насъ недоступны? И такъ вдохновительность этихъ великихъ жертвъ остается призрачною, а между тѣмъ реакціонное вліяніе ихъ на правительство, а между тѣмъ пониженіе уровня интеллигенціи съ экспропріаціей ихъ изъ нея, все это далеко не призракъ; и, оставшіяся въ обществѣ, онѣ далеко вѣрнѣе двинули бы его впередъ, хотя и безъ шуму, чѣмъ двинули выброшенныя изъ него, хотя и съ шумомъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, согласно съ такими теоріями, съ такою конспираторскою соціологіею, идетъ и современная практика. Чѣмъ нелѣпѣе политическій проэктъ, чѣмъ оторваннѣе отъ прошедшаго и настоящаго, чѣмъ болѣе весь онъ въ будущемъ, тѣмъ онъ плѣнительнѣе, тѣмъ привлекательнѣе, тѣмъ популярнѣе, потому что тѣмъ онъ дѣйствительно болѣе можетъ совмѣстить въ себѣ розовыхъ мечтаній. Съ своей стороны чѣмъ либералъ искреннѣе, самоотверженнѣе, героичнѣе, тѣмъ онъ болѣе расположенъ именно къ такимъ проэктамъ, потому что въ нихъ тѣмъ

болѣе мѣста его богатымъ инстиктамъ, не освѣщеннымъ сознаніемъ. Отсюда всѣ наши фаланстеры, икаріи, выметанія аристократій, всѣ революціи, заговоры, политическія преступленія, фанатизмы и т. п. И современному либералу ни за что уже не втолкуешь, что все это великія болѣзни, великія несчастія великія невѣжества, великія истощенія даромъ, но никакъ не великія событія, что все это, наконецъ, великія, пожалуй, событія въ регрессивномъ смыслѣ потому что великая растрата силъ общества, но никакъ не въ прогрессивномъ. Современный либералъ и умретъ уже съ своей конспираторской вѣрою, потому что для новаго вина нужны и мѣхи новые. Съ другой стороны тоже презрѣніе къ органичности, къ постепенности движенія обществъ, имѣютъ, какъ это ни парадоксально, и сами правительства. Разница только въ томъ, что эти презираютъ ее во имя ея самой. Въ самомъ дѣлѣ, постоянно исповѣдуя ея принципъ, постоянно держа на устахъ въ готовности: еще рано, еще не созрѣло, онѣ то и дѣло, вслѣдствіе той же неосвѣщонности принципа сознаніемъ, подвергаютъ себя опасности убѣждаться, что уже поздно, что уже перезрѣло. Въ грандіозныхъ размѣрахъ, въ такихъ какъ то, которое произвело французскую революцію, это презрѣніе и это невѣжество случается рѣдко въ исторіи; но въ миніатюрныхъ, въ такихъ какъ то, которое производитъ заговоры, манифестаціи, демонстраціи, оно разсыпано по исторіи сплошь и рядомъ. Реформаторы, также какъ и революціонеры, имѣютъ страсть къ великимъ дѣламъ и великимъ царствованіямъ, т. е. также къ тѣмъ, гдѣ больше ломки, трескотни и шума. Отсюда даже самые благонамѣренные изъ нихъ, самые расположенные къ движеніямъ и реформамъ, обыкновенно ждутъ пока потребность скопится въ такомъ количествѣ, чтобъ дать мѣсто реформѣ en grand, въ цѣломъ, дать мѣсто великому дѣлу, великому царствованію; вслѣдствіе чего они обыкновенно и перехватываютъ черезъ край, коль скоро реформа однажды уже рѣшена, такъ что призываютъ къ ней и тѣхъ, кто ее не проспалъ, чѣмъ и созидается новая барщина, новая тяжелая

повинность, новое принужденіе, хотя и во имя свободы. Дѣлается все это, конечно, не изъ одного эгоизма и тщеславія, но отчасти вслѣдствіе массы предшествовавшихъ непостепенностей, обязывающихъ къ новымъ, а отчасти, и больше всего, просто въ силу невѣденія, въ силу такого представленія о потребностяхъ и объ удовлетвореніи ихъ, по которому первыя могутъ немножко подождать или поторопиться, а второе должно быть прилагаемо только вдругъ ко всему данному обществу. Отсюда, напримѣръ, всеобщее нелѣпое постановленіе всѣхъ совѣщательныхъ собраній о дѣйствительности и недѣйствительности ихъ рѣшеній. Если въ рѣшеніи участвовало $^3/_4$ или $^2/_3$ всѣхъ голосовъ, оно дѣйствительно; если участвовала только $^1/_2$, оно недѣйствительно. Т. е. если такое или иное самоуправленіе однажды уже предоставлено кому нибудь, то пользуйся уже имъ во чтобы то ни стало, и не смотря на то, имѣешь внутреннюю потребность или нѣтъ. И если нѣкоторая часть не имѣетъ этой потребности, то пусть потребность умолкнетъ и во всей остальной части, какъ будто немногіе заинтересованные люди обсудятъ вопросъ хуже, чѣмъ множество незаинтересованныхъ. Вслѣдствіе этого есть множество собраній, которыя никогда не могутъ достигать рѣшеній, хотя, казалось бы, не только 100, 50, 10, 5, но даже и 2 ума, искренно заинтересованныхъ, все таки лучше чѣмъ одинъ. Отсюда же если, напримѣръ, запросъ на свободу мысли или на самоуправленіе обнаруживается тамъ, гдѣ формъ удовлетворенія его еще вовсе нѣтъ, и если при этомъ, какъ бываетъ всегда, онъ обнаруживается лишь въ ничтожной кучкѣ общества, то такъ какъ удовлетвореніе такаго спроса не приложимо ко всему обществу и очевидно несвоевременно для него всего, то въ немъ отказывается и названной кучкѣ; какъ будто нѣтъ ни какой человѣческой мудрости, для того чтобъ удовлетворить нуждающихся, неудовлетворяя тѣхъ, кто пока не нуждается. Все это происходитъ единственно отъ цѣльности и грандіозности идеаловъ реформъ; во всемъ этомъ постоянно предполагается, что такое требованіе должно быть удовлетворено

какою нибудь радикальною перестройкою, а такъ какъ большинство для нея дѣйствительно не созрѣло, то и считается основательнымъ заставить молчать и меньшинство. Отсюда— конспираціи этого меньшинства, которому прогнать свою, такъ называемую, несвоевременную потребность не такъ легко, какъ правительству заставить ее подождать. Между тѣмъ нѣтъ такой минуты и нѣтъ такого спроса въ обществѣ, который бы не могъ быть удовлетворенъ въ ту же минуту и въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ обнаруживается, если только это принято за правило съ самаго начала. Для этого стоитъ только каждымъ двумъ-тремъ первымъ голосамъ, въ ту самую минуту какъ они сдѣлались извѣстны, дать такое или иное законное существованіе въ обществѣ, то въ видѣ участія во власти, то въ видѣ участія въ совѣтахъ страны, то въ видѣ, наконецъ, участія въ простомъ общественномъ мнѣніи ея. Нѣтъ возможности, чтобы потребность въ такомъ случаѣ не разрядилась; даже полуудовлетворенная, но только своевременно, она потеряла бы половину своей остроты и интенсивности и тѣмъ обезпечила бы спокойствіе и общества, и правителя. Кто напримѣръ теперь сомнѣвается, что такія событія какъ французская революція могутъ быть предъупреждаемы, и кто теперь, послѣ горькаго опыта, не съ умѣлъ бы предупредить ихъ? По мѣрѣ же накопленія новыхъ и новыхъ недовольныхъ голосовъ, ропщущихъ на привиллегію первыхъ, тогда осталось бы только и ихъ допустить къ той же привиллегіи, недопуская однакожъ всѣхъ остальныхъ, довольныхъ и безмолвствующихъ. Такимъ образомъ новыя учрежденія созидались бы съ постепенностью, которую трудно было бы и обозначить днями и числами, созидались бы тихо, безъ шума, безъ революцій и заговоровъ, но, правда также, и безъ великихъ реформъ, великихъ мѣръ и великихъ царствованій. Но такъ еще велика дѣтскость нашихъ взглядовъ на исторію, что гдѣ побольше огня, яркости и треска, туда тянутся и ручонки; и такъ мала еще политическая мудрость наша, что дѣйствительная постепенность развитія, развитія безъ заговоровъ, экспортацій, политическихъ процессовъ

и вообще безъ личныхъ страданій меньшинства, равно какъ и безъ великихъ дней и реформативныхъ праздниковъ, представляется чѣмъ-то превосходящимъ всякій человѣческій разумъ. Вотъ эти-то дѣтскія представленія о величіи власти и эти-то ненаучныя воззрѣнія на потребности общественныя производятъ потомъ и тѣ теоріи, по которымъ безъ революцій и заговоровъ движеніе невозможно, и которыя приходится потомъ казнить тѣмъ же, кто самъ ихъ и вызвалъ къ бытію. Такимъ образомъ правительства своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ потребностямъ меньшинства также точно отрицаютъ исповѣдуемый ими принципъ постепенности, какъ революціонеры своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ потребностямъ большинства отрицаютъ неисповѣдуемый ими. А взаимное невѣденіе оплачивается и взаимнымъ страданіемъ: одни гибнутъ подъ рукой палача, другіе подъ рукой фанатика. Въ подобномъ положеніи нѣтъ больше спасенія ни откуда какъ только отъ большей научности взглядовъ; а потому къ ней только и простираемъ мы всѣ наши чаянія. Когда-то вѣдь и астрономія вѣрила въ возникновеніе міра внезапное, пока научность не показала что для этого нужны были не дни, а тысячелѣтія. Когда-то и геологія вѣрила во всемірные катаклизмы и потопы, пока научность не показала, что все дѣлается простымъ просачиваніемъ, осажденіемъ, подмываніемъ. Когда-то и физіологія вѣрила въ возобновленіе организмовъ посредствомъ двухъ-трехъ лекарственныхъ пріемовъ, пока научность не доказала, что такихъ возобновленій можно ждать только отъ скучной и незамѣтной гигіены. Такъ и въ политикѣ только научность можетъ отучить людей отъ ихъ вѣры въ чудесное.

Полнота излагаемой нынѣ науки требовала бы, въ дальнѣйшемъ изложеніи, подробнаго анализа каждаго изъ шести описанныхъ выше процессовъ жизни и смерти обществъ; но такая задача далеко превосходитъ силы автора. Во первыхъ, онъ не видитъ, какъ замѣчено уже выше, достаточныхъ методовъ излѣдованія для изученія процессовъ вырожденія, пе-

рожденія и возрожденія по отношенію ко всему человѣчеству, ибо аналогія обнимающихъ обществъ здѣсь исчезаетъ, аналогія же природы не даетъ здѣсь достаточныхъ указаній; а между тѣмъ самое лучшее изученіе всякаго процесса было бы изученіе его именно на человѣчествѣ, ибо здѣсь они представляются въ громадныхъ размѣрахъ, тогда какъ въ маленькихъ обществахъ они измельчаются, теряются одинъ въ другомъ и тѣмъ исчезаютъ изъ виду. Во вторыхъ, если бы методы эти и были, то все таки едва-ли было бы благоразумно задаваться сразу такой задачей, которую и сама физіологія по большей части для себя сокращаетъ, ограничиваясь одними процесссами жизни. И такъ остается лучше ограничить и задачу политики, лишь бы только исполнить ее отчетливѣе. А потому въ дальнѣйшихъ главахъ этой книги рѣчь будетъ только объ одной жизни обществъ, съ исключеніемъ процессовъ смерти, а въ слѣдующей книгѣ даже объ одномъ только изъ всѣхъ процессовъ жизни, именно о прогрессѣ, съ исключеніемъ и застоя, и регресса *).

---

*) Экономія считаетъ возможнымъ обходиться безъ всякихъ біологическихъ опредѣленій. Она не обращаетъ до сихъ поръ никакого вниманія на различіе эпохъ общественной жизни, и всѣ свои опредѣленія относитъ ко всѣмъ состояніямъ общества безразлично, такъ какъ будто онѣ не мѣняются или, если и мѣняются, то не вліяютъ на бытъ экономическій. Мудрено ли, что при такой философской безусловности ея законовъ, они то и дѣло оказываются то тамъ, то здѣсь не примѣнимыми, оказываются, слѣдовательно, ненаучными. Такова, напримѣръ, судьба ея закона свободной торговли, который она старается примѣнять сплошь какъ ко всякому едва слагающемуся экономическому быту, такъ и ко всякому уже разлагающемуся, такъ что протекціонизмъ она считаетъ повсюду одной ошибкою правителей и нигдѣ природою общества. Это таже либеральная закваска всѣхъ нашихъ теорій, которая и въ политикѣ заставляетъ смотрѣть какъ на нормальное состояніе общества только на республику, монархизмъ же слагающейся жизни или монархизмъ разлагающейся—считаетъ однимъ злоупотребленіемъ и узурпаціей. Видя умѣстность свободной торговли въ теперешнихъ наиболѣе развитыхъ обществахъ, экономія полагаетъ, что такъ должно быть и вездѣ, и всегда. Это вездѣ и всегда и составляетъ самую слабую пяту ея, потому что дѣлаетъ изъ нея абсолютную философію экономическаго быта, а не относительную и условную науку его. Такимъ же точно образомъ обходится она и безъ всякихъ классификацій экономической организаціи, какъ будто онѣ также не имѣютъ никакого значенія для науки, и безразлично относитъ всѣ свои опредѣленія опять ко всякому возможному экономическому устройству, будетъ ли то

Общій

соціологическій законъ.

Переходъ отъ біологіи къ соціологіи. — Законъ Соединенія и Раздѣленія Труда. — Акція и реакція. — Общественныя партіи. — Теорія общественныхъ болѣзней или Политика какъ патологія.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду общество во всѣхъ его смыслахъ, не исключая и физіологическаго; теперь же этотъ послѣдній смыслъ его исключаемъ, и ограничиваемъ изслѣдованіе только отправленіями чисто-общественными, но все еще не отличая между ними экономическихъ и политическихъ, и слѣдя именно тѣ только фунціи, которыя безразлично относятся и къ тоту строенію, и къ другому, которыя общи для нихъ обоихъ, и только для нихъ, и которыя составляютъ по этому соціологію въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Слаганіе и разлаганіе въ самомъ обширномъ значеніи этого процесса составляло, какъ мы видѣли, то, что называется жизнью и смертью обществъ; слаганіе и разлаганіе въ болѣе тѣсномъ значеніи, по отношенію къ жизни только, составляло то, что называется прогрессъ и регрессъ; но есть и еще одинъ

основанное на недвижимой собственности, на движимой или на движущей, будетъ ли то земледѣльческое, промышленное или торговое, будетъ ли то мѣновое, денежное или кредитное и т. д. Мудрено ли, что при такихъ радикальныхъ погрѣшностяхъ, при такомъ отсутствіи самыхъ элементарныхъ научныхъ пріемовъ, наука эта и послѣ ста лѣтъ существованія все еще не могла сдѣлаться наукою, и все еще остается или философскою системою, (на примѣръ системою то либр-эшанжизма, то протекціонизма, системою то соціализма, то лессеферства) или же простою экономическою программою политическихъ партій (программою то либеральною, какъ либръ-эшанжизмъ, то консервативною, какъ протекціонизмъ). Все это есть не что иное какъ повтореніе въ области экономіи и политики того же, что практиковалось когда-то въ области природы подъ именемъ спиритуализмовъ и матеріализмовъ, пантеизмовъ и атеизмовъ и т. д. Наконецъ экономія не только не старается обособить себя отъ экономическаго искусства, но, напротивъ, совершенно отождествляетъ себя съ нимъ, и даже болѣе: она есть скорѣе именно экономія, какъ искусство, чѣмъ экономія какъ наука, потому что прикладные и частные вопросы, какъ напримѣръ теоріи банка, податей, тарифовъ, протекціонизма, свободы, поглощаютъ въ ней общіе и теоретическіе.

видъ слаганія и разлаганія, еще болѣе спеціализированный и относящійся только къ той или другой стадіи жизни, составляющій процессъ одной и той же стадіи: это и есть то, что называется соединеніемъ и раздѣленіемъ труда или, точнѣе, общества. Соединеніе преобладаетъ надъ раздѣленіемъ во время слаганія, во время прогресса, раздѣленіе преобладаетъ надъ соединеніемъ во время разлаганія, регресса; но, за исключеніемъ этого, оба онѣ дѣйствуютъ по однѣмъ и тѣмъ же законамъ, и дѣйствуютъ непрерывно, какъ во времена прогресса, такъ и во времена регресса.

Законъ соединенія и раздѣленія труда не новость въ соціальной наукѣ. Но до сихъ поръ онъ разсматривался только по отношенію къ однѣмъ явленіямъ экономическимъ, а не общественнымъ вообще; а кромѣ того, и отчасти вслѣдствіе того, не могъ получить и правильной постановки. Наблюдаемый на небольшомъ выборѣ явленій, а не на всемъ томъ ихъ количествѣ, къ которому онъ дѣйствительно относится, онъ, весьма естественно, не могъ и показать наблюдателю всѣхъ своихъ сторонъ, а потому и остается до сихъ поръ съ обликомъ крайне общимъ, расплывающимся и неотчотливымъ. Это какой-то темный сплуэтъ дѣйствительности, а не портретъ ея, намекъ на существованіе закона, а не ясное сознаніе послѣдняго. Начать съ того, что у экономистовъ по счастливилось второй половинѣ закона гораздо болѣе, чѣмъ цѣлому. Первая половина хотя и извѣстна тамъ подъ именами кооперацiи, сотрудничества, ассоціаціи, сообщничества, но особенное вниманіе привлекала только вторая, раздѣленіе труда. Тѣмъ не менѣе однакожъ формулированіе и этой половины закона ушло не далеко; а именно оно и до сихъ поръ стоитъ на степени только понятія: раздѣленіе труда — вотъ и все тутъ, вотъ и весь законъ. Но дѣйствительная формула закона требуетъ сужденія, какого бы то ни было, но сужденія, а не понятія. Понятіе утверждаетъ только фактъ, утверждаетъ существованіе его, но ничего не говоритъ о способѣ этого существованія; оно даетъ подлежащее, но не даетъ

никакого сказуемаго. Правда, рѣшительнѣйшіе изъ экономистовъ формулируютъ законъ свой и въ формѣ сужденія; но что же это за сужденіе: чѣмъ больше раздѣленія труда, тѣмъ лучше! вотъ все изученіе закона, до какого достигла экономія. Не дальше этого довелъ разработку закона и самъ Спенсеръ, подъ именемъ своего интегрированія и дифференцированія.

Но если бы это была даже и правда, то она была бы правда безполезная. Въ самомъ дѣлѣ, какое изъ нея можно сдѣлать примѣненіе? Можно ли изъ нея знать, когда, какъ, въ какомъ порядкѣ и до какой степени можно продолжать раздѣленіе труда? Или же въ самомъ дѣлѣ его можно продолжать безусловно, какъ ни попало, и оно все таки будетъ хорошо. Но вѣдь въ такомъ случаѣ оно можетъ дойти до того, что самое соединеніе труда потеряется, а въ такомъ случаѣ раздѣленіе будетъ тѣмъ хуже, а не тѣмъ лучше. Словомъ, ни принципъ раздѣленія труда, ни его отношенія къ принципу соединенія до сихъ поръ еще экономистами не выработаны. А между тѣмъ если объ этомъ нѣтъ у нихъ и помину, то давно уже есть поминъ у О. Конта; но такъ какъ они предпочитаютъ читать своихъ Сеевъ, Рикардо, Бастіа, а не Конта, то и остаются далеко позади своихъ возможностей. Итакъ въ чомъ же этотъ принципъ соединенія и раздѣленія общества, и каковы отношенія между собой того и другого?

Первый, указанный, какъ выше замѣчено, уже Контомъ, принципъ есть еще, правда, принципъ слишкомъ элементарный, но тѣмъ не менѣе такой, безъ котораго невозможно итти дальше. Это принципъ соединенія частностей въ непосредственно слѣдующую за ними общность и принципъ раздѣленія общностей на непосредственно слѣдующія за ними частности. Другими словами, скачки и здѣсь невозможны: никакіе подвиды не могутъ соединиться въ родъ, пока не соединились въ виды, и на оборотъ никакой родъ не можетъ раздѣлиться на подвиды, прежде чѣмъ пройдена ступень раздѣленія на виды. Вотъ самое азбучное объусловленіе того, что въ экономіи до сихъ поръ остается безусловнымъ. Но

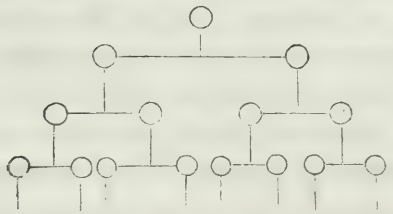
какъ ни просто такое обусловленіе, а оно тѣмъ не менѣе объясняетъ тысячи явленій, безъ того кажущихся безпорядочными, и такимъ образомъ сразу освѣщаетъ однимъ общимъ свѣтомъ весь хаосъ какъ соединенія такъ и раздѣленія труда, позволяя уже съ самаго перваго шагу значительно орьентироваться и въ томъ, и въ другомъ. Такъ, напримѣръ, въ мірѣ идей должны, слѣдовательно, соединяться сперва самыя первообразныя, самыя индивидуальныя и конкретныя идеи, прежде чѣмъ могутъ получиться болѣе или менѣе видовыя и абстрактныя. И дѣйствительно, въ религіи представленія фетишизма предшествуютъ по этому всякимъ другимъ религіознымъ представленіямъ, такъ какъ это суть простыя идеи единичныхъ предметовъ: священнаго дуба, урочища, горы, рѣки. Обожаніе рощи, лѣса, неба, рода есть уже нѣсколько высшее соединеніе понятій, потому что это уже идеи собирательныя. И только послѣ этого саббеистическаго перехода идутъ дѣйствительно отвлеченныя идеи, каковы: мудрость (Афина), красота (Афродита), правосудіе (Ѳемида), война (Марсъ), что и составляетъ такъ называемый политеизмъ. Изъ этихъ видовыхъ соединеній образуются мало по малу родовыя, которыя олицетворяются то въ теогоніи, въ родословіи божествъ, (Зевесъ и Гера, Уранъ и Гея) то въ представленіяхъ о рокѣ, о судьбѣ, о фатализмѣ (фатумъ, апанке), что и составляетъ переходъ къ монотеизму. И только монотеизмъ наконецъ составляетъ всеобщее и верховное міровоззрѣніе религіозное. Точно тоже и въ философіи. Всѣ умствованія начинаются здѣсь не съ чего иного какъ съ отрывочныхъ изреченій, съ афоризмовъ, съ пословицъ. Отсюда, напримѣръ, семь мудрецовъ Греціи. Потомъ, когда является писанная, книжная философія, системы ея бываютъ сперва болѣе или менѣе отрывочныя и неполныя, какъ напримѣръ системы іонійской школы. И только наконецъ достигается возможность системъ всеобъемлющихъ, какъ въ древности Аристотеля, а въ новое время Гегеля. Въ наукѣ опять тотъ же порядокъ. Всякая изъ нихъ начинается съ обобщеній самыхъ узкихъ и самыхъ многочисленныхъ, какъ напримѣръ физика

со временъ Галлилея; чѣмъ дальше, тѣмъ обобщенія дѣлаются все шире и шире, а числомъ все меньше и меньше; и наконецъ въ наше время онѣ достигаютъ до столь широкихъ и столь немногихъ, какъ напримѣръ въ физикѣ идея единства силъ, идея перехода силъ изъ однѣхъ въ другія, идея всеобщности движенія. Это такъ называемыя у Бэкона axiomata minora, media et superiora (generalissima), которыя соотвѣтствуютъ такой же іерархіи причинъ событій. Причины эти суть тоже или ближайшія и непосредственныя, которыхъ всегда больше, или посредственныя и отдаленныя, которыхъ всегда меньше, при чомъ изучить событіе значитъ изучить цѣлую іерархію тѣхъ и другихъ причинъ его. И дѣйствительно, искусство обыкновенно задается мыслью изучить первыя, ближайшія причины, наука задается мыслью изучить преимущественно вторыя, отдаленныя. Въ порядкѣ чувствъ, этого перехода отъ созерцательной жизни къ дѣятельной и отъ дѣятельной къ созерцательной, опять тоже самое. Міръ внѣшній тѣснится въ душу, въ сознаніе, посредствомъ внѣшнихъ, совершенно конкретныхъ чувствъ, каковы: зрѣніе, осязаніе, слухъ, вкусъ, обоняніе; а внутренній міръ тѣснится изъ мышленія въ дѣятельность посредствомъ чувствъ внутреннихъ, абстрактныхъ, каковы: зависть, злоба, любовь, ревность, мщеніе, благодарность и т. п. Отсюда и идеалы внѣшнихъ чувствъ, т. е. искуства пластическія, какъ болѣе простые, предшествуютъ идеаламъ внутреннихъ чувствъ, т. е. искуствамъ тоническимъ, какъ болѣе сложнымъ. Но нигдѣ этотъ принципъ закона соединенія не получаетъ такого обширнаго и вмѣстѣ нагляднаго примѣненія, какъ въ мірѣ дѣятельномъ, практическомъ. Первымъ проявленіемъ этого закона и этого принципа въ порядкѣ политическомъ была семья. Были, конечно, и прежде того индивидуальныя соединенія, но это были соединенія крайне частныя, случайныя и непрочныя. Еще въ безразличной, хаотической массѣ людей, подобной стаду, происходили уже поминутно общественныя соединенія: та или другая единица въ броженіи своемъ приходила въ соприкосновеніе съ другою, и чаще всего

съ соотвѣтственною ей половою единицею; но всѣ эти взаимоизбранія были временныя и тотчасъ же распадались, такъ что въ неорганической массѣ общества не образовывалось еще никакого органическаго тѣльца. Только тогда, когда два атома, однажды пришедшіе въ соединеніе, остались въ немъ на болѣе или менѣе продолжительное время, (что на общественномъ языкѣ называется бракомъ), тогда только по всей безразличной до сихъ поръ массѣ общества завязались дѣйствительные общественные узлы, — семьи, эти клѣточки, эти ячейки всякаго дальнѣйшаго общества. Съ тѣхъ поръ соединенія конкретныя и непосредственныя все больше и больше совокупляются въ абстрактныя и посредственныя: семьи соединяются въ роды, роды въ народы, народы въ государства, государства въ системы, и т. д. И послѣднимъ соединеніемъ этого рода можетъ быть, какъ и вездѣ, только одно: это — соединеніе людей въ человѣчество, объединеніе и направленіе къ общей цѣли усилій всѣхъ обитателей земного шара. Наконецъ, выдѣляя изъ общаго соціологическаго порядка порядокъ экономическій, мы и здѣсь увидимъ тотъ же законъ и съ тѣмъ же его принципомъ. Сперва отдѣльные два-три рабочіе соединяются во-едино, и получается мастерская, — экономическій подвидъ; потомъ нѣсколько мастерскихъ соединяются во-едино, и получается то, что называется кустарнымъ производствомъ, — экономическій видъ; наконецъ кустарная промышленность соединяется во-едино, и получается фабрика, — экономическій родъ, и т. д. Тотъ же самый принципъ, но только въ обратномъ направленіи, господствуетъ и надъ раздѣленіемъ общества и труда. Религіи раздѣляются сперва на родовыя, и потомъ на непосредственно слѣдующія видовыя, и еще дальше на подвидовыя. Такъ, напримѣръ, монотеизмъ раздѣлился сперва на два монотеизма: древній и новый. Новый въ свою очередь раздѣлился также на два: азіатскій — магометанство, и европейскій — христіанство. Христіанство раздѣлилось потомъ на западно-римское и греко-восточное. Западно-римское подраздѣлилось опять на католическое и протестантское. Это послѣд-

нее дробится снова на множество сектъ. Философія раздѣлилась сначала на философію природы и философію человѣка; философія природы подраздѣлилась потомъ на неорганическую и органическую; философія человѣка на общественную и индивидуальную. Наука, напримѣръ неорганическая, раздѣлилась сначала на физику и химію; потомъ физика подраздѣлилась на акустику, оптику, термотику и т. д. Искуство пластическое раздѣляется непосредственно на роды: архитектурный, скульптурный, живописный; родъ живописный дѣлится на виды или школы: римскую, флорентинскую, фламандскую, и т. д.; искуство тоническое дѣлится на музыку, пѣніе и поэзію и т. д. Система государствъ дѣлится на великія державы, среднія и малыя. Каждое отдѣльное государство дѣлится на свои непосредственныя части: правительство и народъ. Народъ въ свою очередь подраздѣляется на сословія, классы. Классъ дробится на корпораціи. И въ концѣ концовъ раздѣленіе приходитъ туда, гдѣ началось первое соединеніе, т. е. къ семьѣ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь было исторически первое соединеніе, здѣсь же есть соціологически и послѣднее раздѣленіе труда. Послѣднимъ же возможнымъ развитіемъ іерархическаго принципа раздѣленія труда будетъ то, когда трудъ будетъ раздѣленъ между всѣми обитателями земли при соединеніи всего его въ одной общей цѣли. Выдѣляя изъ общаго соціологическаго порядка экономическій, мы и здѣсь получимъ возможность убѣдиться, что не можетъ появиться раздѣленіе портныхъ на брючниковъ, фрачниковъ, жилетниковъ, прежде чѣмъ появилось дѣленіе, напримѣръ, на военныхъ и партикулярныхъ. Здѣсь наконецъ получимъ то раздѣленіе труда, которое такъ бросается въ глаза на фабрикѣ, вслѣдствіе чего здѣсь именно и было раньше всего замѣчено. Вотъ первый принципъ соединенія и раздѣленія труда. Въ смыслѣ соединенія онъ ведетъ снизу вверхъ, отъ множества къ единству, и отъ частностей къ общностямъ; въ смыслѣ раздѣленія онъ ведетъ сверху внизъ, отъ единства къ множеству и отъ общностей къ частностямъ. Первый есть общественный синтезъ, второй — общественный

анализъ. Тотъ и другой представляютъ совершенно одну и туже фигуру, но только разсматриваемую одинъ разъ снизу, а другой разъ сверху. А совершеннѣйшій типъ этой фигуры есть генеалогическое или родословное дерево, представляемое обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Вотъ эта-то іерархическая фигура соединенія и раздѣленія общественнаго и есть та новая причина неизбѣжной пирамидальности общества, которую мы возвѣщали во введеніи. Все строеніе общества есть не что иное какъ соединеніе и раздѣленіе его, а сумма соединеній и раздѣленій есть не что иное какъ строеніе, организація. Степень и способъ этихъ соединеній и раздѣленій и производитъ тѣ двѣ классификаціи обществъ, которыя мы называемъ формальною и матеріальною. А такъ какъ общихъ операцій всегда будетъ меньше чѣмъ частныхъ, родовыхъ дѣятельностей всегда будетъ меньше чѣмъ видовыхъ, то первыя всегда будутъ выше чѣмъ вторыя и всегда будутъ управлять ими. Правительство, въ обширномъ смыслѣ слова, какъ вліяніе цѣлаго на части, и подчиненіе въ такомъ же смыслѣ, т. е. какъ зависимость спеціальностей отъ универсальностей, всегда, слѣдовательно, было, есть и будетъ условіемъ, sine qua non. Идею эту Контъ называетъ идеей-матерью, и она дѣйствительно есть такая идея, безъ которой нельзя дальше сдѣлать ни шагу въ изученіи общественныхъ функцій, потому что она есть идея кореннаго строенія обществъ. Іерархичность въ соединеніяхъ и іерархичность въ раздѣленіяхъ есть по этому не только фактъ, но и на всегда неизбѣжный фактъ исторіи, такъже неизбѣжный какъ само пирамидальное построеніе обществъ.



Кромѣ этого принципа подчиненія, есть еще такой же характеристическій принципъ соподчиненія. Принципъ іерархичности показалъ намъ, какъ и въ какомъ порядкѣ части

подчиняются цѣлому, а цѣлое подчиняетъ себѣ части; теперь надо еще показать, какъ и въ какомъ порядкѣ части соподчиняются между собою, какъ идетъ соподчиненіе ихъ относительно другъ друга. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что философія не можетъ раздѣлиться на органическую, неорганическую, индивидуальную и общественную, прежде чѣмъ не раздѣлилась на философію природы и философію человѣка; но изъ этихъ двухъ послѣднихъ какая же въ свою очередь начинаетъ подраздѣляться прежде другой и какая послѣ? И наоборотъ: мы знаемъ, напримѣръ, что въ наукѣ axiomata minora не могутъ соединятся въ axiomata superiora прежде, чѣмъ соединятся въ axiomata media; но какія же minora начинаютъ соединяться раньше и какія позже? Словомъ, какія изъ соподчиняемыхъ соединеній и раздѣленій предшествуютъ другимъ и какія слѣдуютъ за другими? Вопросъ этотъ разрѣшается примѣромъ собственной теоріи Конта. А именно стоитъ только обобщить его исторію наукъ, стоитъ только принципъ соединенія и раздѣленія ихъ провѣрить на всѣхъ остальныхъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ — и отвѣтъ будетъ готовъ. Провѣримъ сперва раздѣленіе. На исторіи науки методъ этого раздѣленія дѣйствительно всего явственнѣе, почему здѣсь и могъ быть наблюденъ раньше всего. А именно науки, по принципу Конта, опережаютъ одна другую въ развитіи, смотря по степени своей простоты и въ то же врема общности. Чѣмъ наука проще и общѣе, тѣмъ она раньше и развивается или, что тоже, раздѣляется; а чѣмъ наука сложнѣе и спеціальнѣе, тѣмъ она развивается и раздѣляется позже. Такимъ образомъ между двумя соподчиненными родами: наукою природы и наукою человѣка, должна была подраздѣлиться и дѣйствительно подраздѣлилась сперва первая, а не вторая, и раздѣлилась именно на неорганическую и органическую. Изъ этихъ двухъ соподчиненныхъ видовъ опять раздѣляется сперва видъ неорганическій, а потомъ органическій, и первый раздѣляется именно на науку математическую и науку естественную. Изъ числа этихъ двухъ подвидовъ раздѣляется снова

прежде подвидъ математическій, и раздѣляется именно на науку времени, числа (ариѳметику) и науку пространства, фигуры (геометрію). И дѣйствительно, эти двѣ науки начались еще на древнемъ востокѣ, между тѣмъ, какъ первое подраздѣленіе науки естественной можно относить только къ Греціи, гдѣ она впервые раздѣлилась на науку силы (физику) и науку вещества (химію), причемъ изъ нихъ двухъ опять только первая получила въ Греціи право гражданства, вторая же начала получать его не раньше среднихъ вѣковъ. Еще далѣе органическая наука начала подраздѣляться еще позднѣе, не раньше новой исторіи; при чемъ, подраздѣлившись на науку организмовъ вообще и науку человѣческаго организма въ частности, опять разработала сперва первую, въ видѣ естественной исторіи, и только потомъ вторую, въ видѣ физіологіи. Такимъ образомъ вся наука природы уже подраздѣлилась, какъ во всѣхъ подчиненіяхъ, такъ и во всѣхъ соподчиненіяхъ, и въ подраздѣленіяхъ этихъ дошла до науки человѣка, т. е. до второго изъ двухъ самыхъ первоначальныхъ родовъ. Наука же человѣка во все это время пребывала въ своемъ хаотическомъ синтезѣ, какъ въ древности такъ даже и въ наши времена, доказательство чему въ древности Политика Аристотеля, гдѣ трактуется все человѣческое: и общество, и собственно человѣкъ; а въ наши времена доказательство тому имя соціологіи, подъ которымъ разумѣется все, что можно отнести къ общественной наукѣ. Но если эта послѣдняя до сихъ поръ еще не подраздѣлилась въ себѣ самой, то по крайней мѣрѣ она уже отдѣляется отъ науки человѣка, психологіи, и тѣмъ совершаетъ первое распаденіе всей вообще гуманической науки. Только послѣ этого перваго распаденія, и только опять отложивъ на долго психологію, мы могли и можемъ приступить къ дальнѣйшему подраздѣленію науки общества, что впервые и совершено Контомъ въ его раздѣленіи на статику и динамику. Наконецъ, въ предыдущей книгѣ автора настоящей книги впервые предложено подраздѣленіе и самой статики и динамики Конта, при чемъ заявлено также, что статика опять имѣетъ

всѣ шансы предварительнаго развитія въ сравненіи съ соподчиненною динамикою. Статистика и географія оправдали уже это, а экономія и политика оправдываютъ въ настоящую минуту, такъ какъ безъ нихъ невозможно было бы приступить ни къ какимъ подраздѣленіямъ исторіи (т. е. динамики). Вотъ принципъ соподчиняемыхъ общественныхъ явленій. Если принципъ подчиненія можно было уподобить отношенію отцовъ и дѣтей, предковъ и потомковъ, то этотъ можно уподобить отношенію братьевъ и сестеръ и вообще боковыхъ родственниковъ. Если въ первомъ случаѣ господствовало начало іерархичности, то въ этомъ господствуетъ начало старѣйшинства, начало первородства: на престолъ постоянно вступаютъ и проявляютъ себя сперва старшіе братья и все ихъ потомство, и только потомъ, по нѣкоторомъ раскрытіи первыхъ, начинаютъ раскрывать себя младшіе и потомства ихъ, которыя и восходятъ на престолъ по истощеніи первыхъ. Приложимъ теперь этотъ принципъ старѣйшинства къ другимъ областямъ общежитія, кромѣ науки, и провѣримъ его на нихъ. Въ религіи и философіи, какъ въ такихъ же областяхъ идей, областяхъ созерцательныхъ, теоретическихъ, принципъ этотъ оказывается не только подобнымъ, но тѣмъ же самымъ. А именно, религія подраздѣляется первоначально на тѣ же самые два рода, что и наука: на религію объективную и субъективную или на религію природы и религію человѣка. И что же? Изъ этихъ двухъ сестеръ раскрывается и раздѣляется сперва дѣйствительно первая—фетишизмъ, обожаніе природы, а потомъ вторая—монотеизмъ, обожаніе человѣка. Политеизмъ есть не что иное какъ облегчительная ступень изъ объективной религіи въ субъективную: онъ облегчаетъ этотъ переходъ какъ антропоморфизмъ. Въ качествѣ антропоморфизма онъ есть уже религія человѣка, потому что боготворитъ уже человѣческія формы; въ качествѣ антропоморфизма же онъ продолжаетъ быть и религіею природы, потому что продолжаетъ еще боготворить только формы, только плоть, тѣло, внѣшнюю, а не внутреннюю природу человѣка. За тѣмъ что касается

подраздѣленій и раскрытій фетишизма, каковы: собственно такъ называемый фетишизмъ, саббеизмъ и религія рода, племени, домашнихъ боговъ, то нечего и доказывать, что всѣ онѣ предшествовали и всегда предшествуютъ всѣмъ подраздѣленіямъ и всѣмъ раскрытіямъ монотеизма. Въ свою очередь изъ двухъ монотеизмовъ раскрывается сперва опять старшій, древне-іудейскій, и раскрывается въ фарисействѣ и саддукействѣ. Далѣе раскрывается новый, и раскрывается въ христіанствѣ и въ магометанствѣ. Еще дальше раздѣляется въ XI вѣкѣ и христіанство на западное и восточное, при чемъ предварительно раскрывается снова старѣйшее, т. е. западно-римское, а именно въ XVI вѣкѣ, и раскрывается разнообразіемъ протестантизма. И только послѣ того слѣдуетъ очередь греко-восточнаго, что и обнаружилось нашими расколами прошедшаго и настоящаго вѣка. Въ философіи таже исторія. Когда она также раздѣлилась на философію космическую и философію гуманическую, то изъ этихъ двухъ сперва раскрылась первая во множествѣ школъ: пиѳагорейской, іонійской, элеатской, а потомъ уже раскрылась вторая въ такомъ же разнообразіи школъ: стоическихъ, эпикурейскихъ. Въ новое время, за исчерпаніемъ философіи природы, явилось исчерпываніе философіи духа, которая тотчасъ же и раздѣлилась на философію общества и философію человѣка. Изъ этихъ двухъ на западѣ Европы развилась предварительно старѣйшая, философія общества, что и выразилось появленіемъ и популярностью небывалой въ древности философіи исторіи. Но такъ какъ въ наши дни философія исторіи раскрылась уже до того, что дала изъ себя возможность самой науки общества, а не философіи только, то предстоящее новое раздѣленіе гуманической философіи есть только раздѣленіе младшей сестры, т. е. философіи человѣка, или психологіи, попытка чего и сдѣлана въ Исторіи и Методѣ. Въ области эстетической принципъ старѣйшинства остается все также принципомъ. Сперва дробится старѣйшее, самое простое и самое общее искусство пластическое, а тоническое только впослѣдствіи. Изъ пласти-

ческихъ въ свою очередь раскрывается предварительно также старѣйшее, архитектура, во множествѣ стилей: китайскомъ, индійскомъ, египетскомъ, а потомъ скульптура, въ стилѣ греческомъ и римскомъ, и наконецъ живопись—въ школахъ возрожденія. Тоническое искусство, повидимому, не выдерживаетъ примѣненія этого принципа, потому что музыка и поэзія, повидимому, древнѣе всей пластики. Но если онѣ существовали уже и во времена Гомера, то существовали на столько синтетически, что даже самая музыка не отдѣлялась еще отъ пѣнія, а пѣніе не отдѣлялось еще отъ поэзіи. И если это раздѣленіе послѣдовало современемъ, то никакъ не раньше раздѣленій пластики, а тѣмъ болѣе не могли ранѣе послѣдовать подраздѣленія самой музыки и самой поэзіи. И дѣйствительно, драма, напримѣръ, начала выдѣляться изъ эпоса и изъ лирики не ранѣе Тесписа, и даже Эсхила, т. е. когда скульптура совсѣмъ уже не смѣшивалась ни съ архитектурой, ни съ живописью. И такъ искусство на столько же подтверждаетъ принципъ старѣйшинства, на сколько и вся созерцательная, теоретическая область жизни. Въ дѣятельной, практической ея области принципъ старѣйшинства несомнѣннѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другой. Возьмите какую угодно общественную группу, онъ вездѣ будетъ одинъ и тотъ же. Если группа эта есть родъ, то здѣсь мы встрѣчаемся съ самою типическою формою старѣйшинства, потому что это есть старѣйшинство въ собственномъ смыслѣ слова, гдѣ старшіе братья въ обыкновенномъ порядкѣ вещей непремѣнно упреждаютъ меньшихъ своимъ расплемененіемъ. Если группа эта есть нація, государство, то изъ двухъ его половинъ, управляющеей и управляемой, прежде подраздѣляется первая, правительство, какъ это было въ Китаѣ, и какъ это бываетъ въ началѣ исторіи каждой націи, гдѣ предводители, вожди, правители образуютъ уже нѣсколько степеней, тогда какъ масса народа долго еще остается нерасчлененною. Если группа эта есть правительство, то изъ трехъ его родовъ, монархическаго, аристократическаго и демократическаго, раскрываются виды сперва мо-

нархическаго, какъ старѣйшаго и въ то же время простѣйшаго, и только впослѣдствіи могутъ раскрыться два другіе, при чемъ снова не иначе какъ по принципу старѣйшинства, т. е. аристократическій все-таки прежде демократическаго, какъ это и было, напримѣръ, въ Греціи, въ Римѣ. Въ свою очередь и тотъ, и другой, и третій видъ правительства, раздробляясь на свои подвиды: администрацію, судъ и законодательство, дробятъ прежде всего подвидъ старѣйшій по времени и простѣйшій по существу, т. е. административный, который и до сихъ поръ даже повсюду въ правительствахъ раздробленъ гораздо больше чѣмъ видъ судебный и еще больше чѣмъ законодательный. Если разсматриваемая группа есть общество, то его родовыя дѣленія, сословія, подраздѣляются снова по старшинству во времени и по простотѣ въ качествѣ и количествѣ, т. е. прежде всего раздробляется аристократія, какъ сословіе, выдѣляющееся изъ массы народа раньше всѣхъ другихъ сословій, и какъ самое малочисленное и несложное. И дѣйствительно, оно представляется и до сихъ поръ повсюду гораздо болѣе подраздѣленнымъ на виды, чѣмъ какое бы то ни было другое; такіе виды суть: въ одномъ мѣстѣ — пентакосіомедимны, всадники, зевенты, тэты, въ другомъ — патриціи, всадники, кліенты, въ третьемъ—герцоги, маркизы, графы бароны; тогда какъ низшія сословія не только въ древности, но и до сихъ поръ еще оказываются сплошными, политически нераздѣленными. Если разсматриваемая группа есть человѣчество, то его родовыя дѣленія, государства, расчленяются снова въ порядкѣ древности и простоты ихъ: восточные народы прежде классическихъ, классическіе прежде новыхъ. Наконецъ, выдѣляя изъ общесоціологическихъ явленій экономическія, и въ нихъ получимъ тотъ же принципъ соподчиненнаго труда. Раньше всякаго иного производства дробится во всякомъ народѣ самое древнее производство, добывающее, потомъ слѣдуютъ дробленія обработывающаго производства и наконецъ обмѣнивающаго, какъ самаго поздняго и самаго сложнаго. Въ добывающемъ прежде всего идетъ раскрытіе жи-

вотнаго хозяйства (рыболовство, охота, скотоводство), потомъ растительнаго (добываніе травъ и сѣмянъ, земледѣліе,) и наконецъ минеральнаго (добываніе камня и желѣза, горнодѣліе). Въ обработывающей промышленности раскрывается сначала ручная обработка, какъ самая древняя и простая, потомъ расчленяется обработка съ помощью животныхъ, въ видѣ приводовъ, и наконецъ самая сложная и позднѣйшая—машинная. Въ обмѣнивающей промышленности обнаруживаетъ всю полноту своихъ видовъ первоначально мѣновая торговля, потомъ денежная и наконецъ только кредитная. Словомъ, принципъ старѣйшинства, или принципъ простоты, въ порядкѣ раздѣленія соподчиненныхъ цѣлыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Остается, слѣдовательно, дополнить его только соотвѣтственнымъ принципомъ соединенія соподчиняемыхъ цѣлыхъ. Выше мы видѣли принципъ соединенія, состоящій только въ томъ, что два соединяются въ одно, что многое соединяется въ малое, что цѣлыя обращаются въ части, что самостоятельности приходятъ въ подчиненіе, и что все это можетъ происходить только непосредственно и безъ всякихъ скачковъ вверхъ. Теперь надобно прослѣдить самый порядокъ соподчиненія, прослѣдить, какія именно цѣлыя соединяются въ одно, и какія изъ такихъ соединеній предшествуютъ другимъ такимъ же. Ключь къ отвѣту на этотъ вопросъ надо искать на какомъ либо наипростѣйшемъ, наиболѣе знакомомъ для каждаго, явленіи жизни, каково напримѣръ соединеніе идей (associatio idearum). Соединеніе это состоитъ въ томъ, что если я видѣлъ когда нибудь въ дѣтствѣ пальму, то потомъ, увидѣвши другую пальму въ молодости, я непремѣнно вспоминаю о первой; т. е. представленіе второй пальмы непремѣнно вызываетъ представленіе первой, присоединяетъ его къ себѣ, и такимъ образомъ формируетъ понятіе о пальмѣ вообще. Третья, увиданная мною, пальма напомнитъ мнѣ опять двѣ прежнія, и притомъ сперва вторую, какъ болѣе близкую по свѣжести впечатлѣнія, а потомъ и первую. А чѣмъ больше впослѣдствіи увижу я пальмъ, тѣмъ больше буду и вспоминать прежнія,

присоединять представленіе о нихъ къ новымъ представленіямъ, и тѣмъ понятіе мое о пальмѣ вообще будетъ полнѣе и совершеннѣе. Такимъ образомъ это опять не что иное какъ принципъ старѣйшинства, но съ тою разницею, что соединеніе проходитъ путь обратный въ сравненіи съ принципомъ раздѣленій; раздѣленіе, по этому принципу, шло отъ старѣйшихъ членовъ къ младшимъ, съ лѣва на право; соединеніе же идетъ отъ младшихъ къ старшимъ, справа на лѣво, и соединяетъ ихъ въ обратномъ порядкѣ. Дѣйствительно, исторія вполнѣ подтверждаетъ такой процессъ. Мы видѣли выше три фетишизма: земной, небесный и племенной. Но что же такое представляетъ собою, напримѣръ, фетишизмъ китайскій какъ не соединеніе назадъ, соединеніе всѣхъ этихъ фетишизмовъ до-историческихъ въ одномъ новѣйшемъ? Китай есть въ самомъ дѣлѣ превосходное олицетвореніе этого ретроспективнаго соединенія. Богдыханъ есть прежде всего патріархъ, родоначальникъ, отецъ своихъ подданныхъ, (фетишизмъ родовой); но онъ также есть сынъ Неба, (саббеизмъ); онъ есть также и первый земледѣлецъ своей страны (обожаніе земли). Равнымъ образомъ политеизмы древняго востока подъ конецъ соединились въ Индіи всѣ, (и двубожіе, и требожіе, и многобожіе, и пантеизмъ, и атеизмъ). Въ свою очередь греческій и римскій политеизмъ соединились въ общій классическій, и соединились въ младшемъ, а не въ старшемъ. Наконецъ во времена римской имперіи и всѣ вообще политеизмы, какъ восточный такъ и греческій, соединились въ одинъ всеобщій древній политеизмъ,—и Геліогабалъ поставилъ въ своемъ пантеонѣ всѣхъ боговъ всего извѣстнаго тогда міра. Соединеніе всѣхъ состоявшихся доселѣ дроблений монотеизма еще не состоялось, но однакожъ уже начинается, и при томъ въ порядкѣ обратнаго старѣйшинства: католичество и протестантство въ наши дни пробуютъ уже соединиться, и соединиться не въ иномъ монотеизмѣ какъ въ младшемъ, т. е. нашемъ, какъ видно это изъ усиливающагося тяготѣнія къ нему не только англійскихъ и американскихъ протестантовъ, но также и мюн-

хенскихъ старо-католиковъ. Отсюда если настанетъ пора соединенія всѣхъ монотеизмовъ, то оно возможно будетъ только въ нашемъ. Въ философіи соединенія идутъ тѣмъ же путемъ. Старѣйшія философія, каковы, напримѣръ, Ѳалесова, Анаксименова, Анаксимандрова, соединяются въ младшую, Эмпедоклову (четыре стихіи), а не въ Ѳалесову (воду); за тѣмъ сократическая и софистическая въ Платонову; и наконецъ всѣ въ одну наимладшую, Аристотелеву. Также точно французская философія природы и англійская философія мышленія соединились въ одну общую германскую философію. А обѣ вмѣстѣ философіи, древняя и новая, стремятся теперь соединиться въ позитивизмѣ. Въ наукѣ соединенія эти идутъ еще осязательнѣе. Ариѳметика и геометрія соединяются въ физикѣ и химіи, т. е. въ младшихъ себя наукахъ. Физика и химія соединяются въ естественной исторіи и въ физіологіи. Стремленіе же къ общему ихъ всѣхъ соединенію обнаруживается въ зачаткахъ наимладшей изъ всѣхъ нихъ науки общественной. На этомъ-то законѣ и основанъ предложенный нами для обществознанія методъ, т. е. аналогика или соединеніе въ обществознаніи всѣхъ предшествующихъ ему наукъ. Въ эстетическомъ мірѣ соединеніе слѣдуетъ тому же принципу: младшее изъ пластическихъ искуствъ—живопись соединяетъ въ себѣ оба старшія, т. е. соединяетъ и скульптурность, и архитектурность. Младшее изъ тоническихъ, поэзія, соединяетъ въ себѣ и пластичность, и музыкальность. Переходя къ практической общественной жизни, найдемъ этотъ принципъ и тамъ. Подраздѣленія человѣчества, народы, входятъ въ соединенія не иначе какъ по историческому старѣйшинству своему. Первое замѣтное международное соединеніе представляетъ въ исторіи Персія;—и Персія есть не что иное какъ соединеніе именно старѣйшихъ историческихъ народовъ, соединеніе древняго востока. Дальнѣйшее соединеніе, македонское, есть соединеніе также предшествовавшихъ Македоніи историческихъ братьевъ, т. е. государствъ греческихъ и восточныхъ, при чомъ соединеніе первыхъ, какъ, ближайшихъ, непремѣнно пред-

шествовало соединенію вторыхъ, какъ отдаленнѣйшихъ. Еще младшее общество, римское, представляетъ собою еще обширнѣйшее соединеніе старѣйшихъ, при чомъ опять оно входитъ въ соединеніе съ двумя предъидущими неиначе какъ въ обратномъ порядкѣ, т. е. сперва съ непосредственно-предъидущимъ греко-македонскимъ, и наконецъ съ посредственно-предидущимъ, восточнымъ. Сословія поглощаются другъ другомъ въ томъ же порядкѣ, т. е. не старшее сословіе, не аристократія поглощаетъ въ себѣ младшее, демократію, а наоборотъ, и притомъ такъ, что демократія поглощаетъ въ себѣ прежде только тимократію, а аристократію впослѣствіи, какъ мы видѣли это на греческомъ примѣрѣ постепенности. Выдѣляя изъ общаго соціологическаго порядка экономическій, найдемъ, что и тутъ наимладшее изъ всѣхъ соподчиненныхъ производствъ, торговля, поглощаетъ въ себѣ оба старшія, промышленность и земледѣліе, и поглощаетъ ихъ снова въ обратномъ порядкѣ ихъ старѣйшинства, т. е. сперва мануфактуру, а потомъ земледѣліе. Таковъ фактъ. Причина же, почему онъ таковъ, и почему онъ неможетъ быть инымъ, есть та, что въ лѣстницѣ іерархичности никакимъ другимъ путемъ нельзя нисходить сверху внизъ, отъ вершины къ основанію, какъ только идя постоянно отъ старшихъ звѣньевъ къ младшимъ, и наоборотъ никакимъ инымъ путемъ нельзя восходить снизу вверхъ, отъ основаній къ вершинѣ, какъ только идя постоянно отъ младшаго къ старшему. Только первый путь можетъ низводить насъ окончательно къ каждому низшему ярусу, и только второй можетъ возводить насъ окончательно въ каждый высшій ярусъ. Отсюда для раздѣленій, какъ нисхожденія внизъ, есть только первый путь, а для соединеній, какъ восхожденія вверхъ, есть только второй. Возьмите, напримѣръ, іерархію войска, —и вы увидите, что власть его, когда она раздѣляется, непремѣнно идетъ отъ старшихъ къ младшимъ, а когда соединяется, непремѣнно, идетъ отъ младшихъ къ старшимъ. Главнокомандующій передаетъ свою власть въ низшій ярусъ, въ ярусъ корпусныхъ командировъ, не иначе какъ по старшинству

между ними, и такъ же точно дѣлаютъ и они; напротивъ прапорщикъ, восходя въ главнокомандующаго, соединяетъ въ себѣ власти отъ младшей къ старшей и только прошедши такимъ образомъ весь ярусъ оберъ-офицерства, переступаетъ въ ярусъ штабъ-офицеровъ, гдѣ, выдержавши новое передвиженіе отъ младшаго къ старшему, восходитъ въ новый ярусъ, ярусъ генеральства, и такъ далѣе доходитъ до послѣдняго и единственнаго соединенія власти въ качествѣ главнокомандующаго. Для народовъ и вообще обществъ обширныхъ такіе два пути необходимы вслѣдствіе простыхъ и естественныхъ условій времени. Что въ арміи выслуга и отличіе, то здѣсь время и достоинство. Если народъ, пришедшій въ исторію раньше другихъ, начинаетъ раздѣляться, раскрываться, развиваться позже ихъ, или, начавши позже, не успѣваетъ догнать ихъ, то онъ и не можетъ сдѣлаться народомъ историческимъ, т. е. имѣющимъ мѣсто въ исторической преемственности. Естественный же способъ употребленія времени состоитъ въ томъ, чтобъ воспользоваться имъ, чтобъ не пропустить безплодно авансовъ его въ свою пользу, а потому древнѣйшій народъ и развивается, въ смыслѣ раздѣленія, обыкновенно раньше новѣйшаго. Наоборотъ, въ смыслѣ соединенія народовъ, можетъ дѣйствовать успѣшно только новѣйшій, позднѣйшій въ одной и той же системѣ, въ одномъ и томъ же ярусѣ народовъ, потому что безъ предшественниковъ ему нечего было бы и соединять, или же пришлось бы соединять то, что еще не раздѣлено, и что въ соединеніи еще не нуждается. Какъ трудъ раздѣленія выпадаетъ на долю старѣйшихъ, такъ трудъ соединенія можетъ выпадать только на долю младшихъ, иначе оба пришлось бы совмѣщать, смѣшивать и потому ни одного не исполнить удачно. Перемѣнить же между ними эти роли невозможно, потому что соединеніе не раскрывшихся еще цѣлыхъ не давало бы никакого основанія восходить въ новый ярусъ, что составляетъ единственную и неотъемлемую цѣль всякаго новаго соединенія. Вотъ фактъ и причина принципа старѣйшинства. — Приводя теперь его въ параллель, и стараясь отли-

чить его отъ принципа іерархичности, мы увидимъ, что одинъ, іерархичность, дѣйствительно представляетъ систему подчиненія, а другой, старѣйшинство, — дѣйствительно систему соподчиненія. Принципъ іерархичности ведетъ насъ въ общественной пирамидѣ или снизу вверхъ (если это принципъ соединенія) или сверху внизъ (если это принципъ раздѣленія); принципъ же старѣйшинства ведетъ насъ или съ лѣва на право, отъ старшаго къ младшему (если это принципъ раздѣленія) или справа на лѣво, отъ младшаго къ старшему (если это принципъ соединенія). Такимъ образомъ первый есть принципъ восходящій и нисходящій, а второй есть принципъ боковой. Первый въ выше-приведенной фигурѣ изображается продольными линіями, второй — поперечными. Т. е. и въ томъ, и въ другомъ случаѣ прототипомъ соединенія и раздѣленія остается все таки генеалогія, все таки соединеніе и раздѣленіе простое физіологическое. А причина, почему это такъ, есть та, что никакого другого типа, никакого другого ближайшаго образца для общественныхъ соединеній и раздѣленій нѣтъ и быть не можетъ, какъ только типъ и образецъ физіологическій. Только по этому типу могли больше всего строиться и организоваться всѣ дальнѣйшія органическія тѣла и отправленія, такъ какъ только это есть коренной, элементарный органическій типъ; по химическому же типу соединеній и раздѣленій строеніе это гораздо меньше возможно, а по механическому и еще меньше. Отсюда закономъ здѣсь могъ быть только законъ того, что называется родствомъ, а не того, что называется сродствомъ, или сцѣпленіемъ. Конечно, есть и въ типѣ родства свои отличія, такъ что соціологическое родство не безусловно то же, что физіологическое; но объ этихъ отличіяхъ, объ этомъ спеціализированіи общаго физіологическаго типа въ соціологіи, и рѣчь будетъ впереди. Теперь же для насъ нужны пока только сходства обоихъ типовъ, а не различія ихъ. А всѣ эти сходства коренятся въ томъ неотвратимомъ фактѣ, что у общества не было и нѣтъ иного прототипа, какъ семья, у правительства не было и не могло быть

иного прототипа, какъ отцовская власть, у соединеній и раздѣленій того и другаго нѣтъ иной модели какъ половыя соединенія и раздѣленія, у преемственности и совмѣстности соціальныхъ соединеній и раздѣленій нѣтъ иного подлинника какъ наслѣдственность и боковое родство. Отсюда и необходимость принципа іерархичности и принципа старѣйшинства.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ, въ какомъ направленіи и въ какомъ порядкѣ послѣдовательности идетъ одно соединеніе въ отношеніи другого или одно раздѣленіе въ отношеніи другого такого же; но есть и еще одинъ вопросъ, безъ разрѣшенія котораго законъ все таки остается смутнымъ: это — вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся между собой каждое данное соединеніе къ каждому соотвѣтственному раздѣленію и обратно. Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ составить третій и послѣдній существенный принципъ закона. Нѣтъ сомнѣнія, что соединяться можетъ только то, что раздѣлено, а раздѣляться можетъ только то, что соединено; но чѣмъ это очевиднѣе, тѣмъ интереснѣе становится вопросъ, не есть ли все это простая тавтологія, не есть ли это небольше какъ топтаніе на одномъ мѣстѣ, гдѣ двѣ $^1/_2$ соединяется въ 1, а 1 опять раздѣляется на тѣ же двѣ $^1/_2$, чтобъ снова соединиться въ ту же 1 и снова раздѣлится на тѣ же $^1/_2$, Въ самомъ дѣлѣ, могутъ двѣ или три величины соединиться вверхъ, изъ цѣлыхъ сдѣлаться частями; но если вслѣдъ за тѣмъ новое цѣлое должно опять раздѣлиться на двое или на трое, то такимъ образомъ оно какъ бы возвращается въ первобытное состояніе. Съ другой стороны, если старшіе соединенія раздѣляются раньше младшихъ, то вѣдь и происходятъ онѣ также раньше этихъ, и слѣдовательно опять таки одновременно и въ одномъ и томъ же мѣстѣ совершаются два такіе процесса, которые прямо какъ бы уничтожаютъ другъ друга. Но совмѣщеніе такихъ несовмѣстимостей, дѣйствительно невозможное не только для механическихъ, не только для химическихъ, но даже и для физіологическихъ соединеній и раздѣленій, вполнѣ, однакожъ, возможно для соціологическихъ; и

въ этомъ-то и состоитъ соціологическое видоизмѣненіе и спеціализація типа процесса. Видоизмѣненіе это состоитъ именно въ слѣдующемъ. Когда соціологическія части соединяются въ соціологическое цѣлое, то это не значитъ что онѣ перестаютъ быть самими собою, что онѣ исчезаютъ въ своемъ цѣломъ, какъ въ химіи, ни даже что одно исчезаетъ въ другомъ, какъ въ бракѣ, гдѣ жена исчезаетъ въ мужѣ, а значитъ только то, что, кромѣ своихъ особыхъ и до сихъ поръ отдѣльныхъ цѣлей, онѣ усвоиваютъ себѣ еще и одну общую, до сихъ поръ чуждую цѣль. Равнымъ образомъ когда вслѣдъ за тѣмъ тоже самое соединеніе раздѣляется, и раздѣляется на столько же частей, изъ сколькихъ соединилось, то это не значитъ ни того, что она раздѣляется на тѣ же самыя части, какъ въ химіи, ни того, что при этомъ раздѣленіи цѣлость его теряется или созидается внѣ ея новая цѣлость, какъ у родителей дѣти; а значитъ это только то, что оно усвоиваетъ себѣ новыя, до тѣхъ поръ неимѣвшіяся въ виду, средства для общей цѣли, и ихъ-то только распредѣляетъ между своими частями. Вотъ это-то привхожденіе элемента цѣли и элемента средствъ въ соціологическомъ процессѣ и отличаетъ его существенно не только отъ механическаго, отъ химическаго, но и отъ процесса физіологическаго, гдѣ такихъ разумныхъ элементовъ ни въ соединеніяхъ, ни въ раздѣленіяхъ нѣтъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ это-то соединеніе не въ чемъ иномъ, какъ въ цѣли, и это-то раздѣленіе не въ чемъ другомъ, какъ въ средствахъ, и дѣлаетъ совмѣстимымъ соединеніе и раздѣленіе одного и того же цѣлаго, въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, однимъ почти и тѣмъ же порядкомъ. Оно-то устраняетъ это кажущееся топтаніе на мѣстѣ, это кажущееся взаимоуничтоженіе двухъ противуположныхъ процессовъ, это кажущееся возвращеніе въ первобытное состояніе. Напротивъ, съ каждымъ новымъ соединеніемъ и раздѣленіемъ ростетъ только видоизмѣненіе и цѣлаго и частей, ростетъ поразительное разнообразіе, потому что у каждой части, вмѣсто двухъ, получаются уже три, четыре, десять, двадцать цѣлей, а у каж-

даго цѣлаго, вмѣсто двухъ, получаются три, десять, двадцать новыхъ средствъ. Изъ этого слѣдуетъ, что оба процесса даже необходимо должны происходить одновременно и одномѣстно; а потому и немудрено, если одно и тоже сопоставленіе, только что поднявшись, по принципу іерархичности, вверхъ, или соединившись, вслѣдъ за тѣмъ, по тому же принципу, опускается внизъ, или раздѣляется; не мудрено также, если однѣ и тѣже сопоставленія, раздѣлившись, по принципу старѣйшинства, отъ старшаго къ младшему, потомъ, по такому же принципу, возвращаются какъ бы назадъ и соединяются отъ младшаго къ старшему. Фактически это яснѣе всего оправдается на тѣхъ же историческихъ событіяхъ, какія разобраны выше. Соединеніе нѣсколькихъ фетишей, такихъ какъ: a., гора, b., дубъ, c., оврагъ, d., рѣка, въ общій земной фетишизмъ A, есть только усвоеніе новой, общей цѣли фетишистами, цѣли обожанія земли вообще; а послѣдующее умноженіе фетишей, прибавленіе къ нимъ e., священной рощи, f., лѣса, g., грома, h., солнца, k., звѣздъ, доводящее мало по малу отъ земли до неба, есть только усвоеніе тѣми же фетишистами новыхъ, многочисленнѣйшихъ и лучшихъ средствъ для только что усвоенной цѣли. Соединеніе же всѣхъ старѣйшихъ фетишей въ младшемъ изъ нихъ, въ громѣ и молніи, въ солнцѣ и звѣздахъ, есть только переходъ въ новый родъ фетишизма, въ саббеизмъ, въ B, гдѣ начинается и новое раздѣленіе: l., m., n., и новое соединеніе: C; т. е. небесный фетишизмъ приводитъ путемъ такихъ же соединеній и раздѣленій къ человѣческому, родовому. Таже исторія повторяется съ политеизмомъ, который есть итогъ всѣхъ фетишизмовъ, и составляетъ новый ярусъ A′ B′, и съ монотеизмомъ, который есть сумма всѣхъ политеизмовъ, и составляетъ послѣдній ярусъ A″. Эмпедоклъ соединяетъ всѣ философскія системы о водѣ, воздухѣ, землѣ и огнѣ въ одну общую систему природы, и тѣмъ усвоиваетъ себѣ новую цѣль, которая нуждается и въ новыхъ средствахъ; а потому вслѣдъ за соединеніемъ необходимо для него раздѣленіе, вслѣдствіе чего въ природѣ его, сложенной изъ четырехъ стихій,

является элементъ Любви, начало эстетическое; къ Любви Эмпедокла естественно прибавляется Судьба Демокрита, Рокъ Гераклита, начала дѣятельныя; а къ этимъ послѣднимъ—Умъ Анаксагора, начало созерцательное, т. е. то именно, которое соподчинимо съ дѣятельнымъ и эстетическимъ; и такимъ образомъ философія природы, въ младшей изъ всѣхъ системъ, переходитъ въ философію божества, и тѣмъ восходитъ въ новый родъ для новыхъ раздѣленій. Когда алгебра и геометрія соединяются между собою, то это обобщеніе цѣлей вызываетъ умноженіе средствъ сравнительно съ предъидущими: отсюда вслѣдъ за соединеніемъ еще большее раздѣленіе, но раздѣленіе методовъ и путей, потому что алгебраическіе переходятъ и въ геометрію, а геометрическіе и въ алгебру. Въ свою очередь въ физикѣ и химіи цѣль становится болѣе общею и широкою чѣмъ въ математикѣ, а средства становятся напротивъ болѣе частными чѣмъ тамъ, потому что кромѣ физическихъ и химическихъ остаются также и математическія. То же въ физіологіи и потомъ въ соціологіи. Вотъ между прочимъ причина того, замѣченнаго Контомъ, факта, что вмѣстѣ съ трудностью научныхъ задачъ ростутъ и средства для ихъ разрѣшенія. Трудность есть не что иное какъ новость соединенія, а разрѣшеніе ея есть не что иное какъ послѣдующее раздѣленіе. Когда новая цѣль уже есть, а средствъ для нея еще нѣтъ, тогда нельзя, конечно, обойтись безъ затрудненія. Въ этомъ-то затрудненіи и находится теперь общественная наука. Цѣль, т. е. познаніе общества, глубоко уже ощущается, а средства для этой новой цѣли еще не сознаны. Соединеніе уже состоялось, а раздѣленій его еще не найдено. Этихъ-то раздѣленій и ищетъ наша Исторія и Методъ въ классификаціяхъ и въ способахъ наблюденія и вывода. Когда три тоническія искуства соединяются въ оперу, то это усвоеніе ими общей цѣли ведетъ непосредственно и къ взаимности средствъ, откуда новое ихъ раздѣленіе: въ пѣніе вносится изъ поэзіи речитативъ, котораго у него не было, въ поэзію вносятся размѣры, которыхъ безъ того у нея не было, въ музыку вно-

сится сюжетъ, котораго до того у нея не было. Если народы соединяются въ союзъ или въ систему государствъ, то вслѣдъ за этимъ обобщеніемъ цѣли слѣдуетъ еще большая спеціализація средствъ каждаго народа: однѣ нужны для его частной цѣли, другія для общей. Отсюда необходимость новаго раздѣленія тотчасъ послѣ соединенія. Когда же мы представимъ, что кромѣ союзной и національной цѣли и соотвѣтственныхъ имъ средствъ, у каждаго народа есть еще цѣль правительственная и цѣль общественная, у каждаго общества цѣль одного сословія и цѣль другого, у каждаго сословія цѣль одной корпораціи и цѣль другой, а у каждой личности слѣдовательно, цѣль личная, корпоративная, сословная, общественная, правительственная, національная и союзная, то мы и поймемъ все разнообразіе, всю современность и всю совмѣстность безчисленныхъ раздѣленій и соединеній общественныхъ. Вотъ третій и послѣдній принципъ закона: это — принципъ парности его, принципъ непремѣннаго сопровожденія одного его акта соотвѣтственнымъ другимъ, принципъ такой же его неразрывности, какова неразрывность цѣли и средствъ. По этому принципу узнается и соціологическое родство, какъ наоборотъ по соціологическому родству можно узнавать принципъ. Соединеніе труда производится только общностью цѣлей, а раздѣленіе — только разностью средствъ; тамъ единство стремленія, тутъ разнообразіе достиженія; соединяетъ труды, личности, усилія, группы, общества только цѣль, а разъединяютъ ихъ только средства. Цѣль реформаціи — отрицаніе папской власти, — здѣсь же и соединеніе; средства реформаціи суть: англійское — отрицаніе епископальное, нѣмецкое — отрицаніе лютеранское, швейцарское — отрицаніе кальвинистское, — здѣсь же и раздѣленіе реформаціи. Такимъ образомъ непосредственное соединеніе невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ еще общей цѣли, а непосредственное раздѣленіе невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ еще частныхъ средствъ; и на оборотъ какъ только оказались эти средства — раздѣленіе послѣдуетъ, хотя бы ему, по видимому, и не предшествовало

соединеніе, а какъ только оказалась общая цѣль, — она непремѣнно окажется и новымъ соединеніемъ, хотя бы, повидимому, ему не предшествовало никакое раздѣленіе. Стремленіе родства къ соединенію также неудержимо какъ и стремленіе сродства или сцѣпленія, а несовмѣстность чуждаго также неодолима какъ отталкиваніе или какъ отсутствіе сродства и сцѣпленія: чуждые элементы можно сколько угодно сближать, сопоставлять между собою, но соціологическаго соединенія не произойдетъ между ними; родственные элементы можно сколько угодно отдалять другъ отъ друга, уединять, но рано или поздно они найдутъ одинъ другого. По этому же принципу можно узнавать также нормальное или ненормальное состояніе труда и общества, здоровье его или болѣзненность. Чѣмъ больше равновѣсія между обоими парными процессами, чѣмъ пропорціональнѣе каждый послѣдующій изъ нихъ каждому предыдущему, тѣмъ организмъ чувствуетъ себя бодрѣе; а чѣмъ больше излишество и перевѣсъ какого либо послѣдующаго процесса въ сравненіи съ его предъидущимъ, тѣмъ болѣе оказывается возмущоннымъ и весь организмъ. Такъ за каждымъ соединеніемъ патриціевъ съ плебеями въ Римѣ слѣдовало потомъ соотвѣтственное раздѣленіе ихъ; и, если это раздѣленіе было несоразмѣрно, являлось волненіе, отшествіе на священную гору и т. п. Тоже и въ отношеніи совмѣстности, не только послѣдовательности: чѣмъ больше раздѣлена одна какая либо часть цѣлаго, тѣмъ болѣе бываетъ сонена другая; и если этого равновѣсія нѣтъ — цѣлое опять страдаетъ. Такъ во время римской республики народъ былъ крѣпко соединенъ, за то сильно было раздѣлено правительство; во время же имперіи правительство было возсоединено, за то все больше раздѣлялось общество. И когда все вообще раздѣленіе пересилило все вообще соединеніе, тогда имперія пала. А потому если и нельзя сказать, какъ сказали бы экономисты, всегда предпочитающіе экономію—искуство экономіи —наукѣ, что это равновѣсіе есть законъ обществъ, то можно говорить, что оно хорошее практическое правило, хорошій

идеалъ, основанный на законѣ обществъ. И если можно послѣ этого говорить, какъ любятъ говорить экономисты, что чѣмъ больше раздѣленія труда, тѣмъ лучше, то можно также говорить: чѣмъ больше раздѣленія труда, тѣмъ хуже. И то, и другое будетъ, пожалуй, правильно. Впрочемъ та же природа общества, которая допускаетъ болѣзненность, заключаетъ въ себѣ самой и средства противъ нее, и каждый разъ, какъ тотъ или другой процессъ продолжается слишкомъ долго или слишкомъ напряженно въ сравненіи съ предъидущимъ, это бываетъ знакомъ, что тѣмъ ближе и тѣмъ неотвратимѣе становится наступленіе процесса противоположнаго, отвѣтнаго, парнаго. По этому-то принципу, наконецъ, мы можемъ угадывать каждый разъ и средство исцѣленія противъ того или другого недуга. Съ закономъ природы можно бороться только посредствомъ другого такого же закона ея, и именно посредствомъ того, который самъ находится съ первымъ въ антагонизмѣ; а потому коль скоро этотъ антагонизмъ открытъ,—средство находится въ нашихъ рукахъ. А такой антагонизмъ, такая обратная пропорціональность соединенія и раздѣленія труда едва ли подлежитъ сомнѣнію. Раздѣленіе труда стремится довести разнообразіе до уничтоженія всякаго единства, соединеніе труда также точно стремится довести единство до исчезновенія всякаго разнообразія. Одинъ процессъ есть разсѣевающій, разсыпающій, разобщающій всѣ части общества во всѣ стороны, другой есть процессъ постоянно собирающій, связывающій, сдерживающій. Первый есть процессъ общественный, второй есть процессъ правительственный, (т. е. разумѣя тутъ не только короля среди народа, но также и пастуха въ средѣ стада, и философію въ средѣ наукъ). Въ этихъ двухъ процессахъ и два лекарства въ нашихъ рукахъ: одно разрѣшающее, а другое связывающее. Когда излишество раздѣленія угрожаетъ забвеніемъ общей цѣли, угрожаетъ разжиженіемъ и разлитіемъ, тогда нашими слабыми усиліями надо прибавить тотъ ничтожный скрупулъ, который недостаетъ могущественной силѣ готоваго наступить процесса

соединенія, для того чтобы онъ поторопился наступленіемъ. А когда наоборотъ излишество соединенія угрожаетъ уплотненіемъ, окостенѣніемъ тѣла, тогда можетъ быть не безполезенъ нашъ бѣдный скрупулъ, содѣйствующій наступленію, хотя одной минутою раньше, процесса раздѣленія. И то, и другое, конечно, капля въ морѣ, но бываетъ время, когда и одна капля переполняетъ стаканъ. Таково именно состояніе современнаго намъ общества, взятаго во всей его цѣлости. Какъ къ концу среднихъ вѣковъ преобладало до болѣзненности единство: единство религіи, философіи, науки, искуства, экономіи и политики, такъ теперь къ концу новой исторіи преобладаетъ до болѣзненности раздѣленіе. Какъ средневѣковой бытъ вышелъ изъ затрудненія раздробленіемъ своего единства, такъ нашъ выйдетъ изъ затрудненія только соединеніемъ своего разнообразія. Въ вѣрѣ нашихъ современниковъ раздѣленіе дошло до того, что каждый почти человѣкъ есть новая религія; въ философіи распаденіе послѣдовало такое, что никакой признанной, никакой господствующей школы вовсе нѣтъ, а между всѣми доживающими свой вѣкъ нѣтъ никакого общенія; въ наукѣ спеціализація дошла также до своего апогея, такъ что акустика не знаетъ и знать нехочетъ, что дѣлается въ оптикѣ, и такъ что каждая попытка сближенія частей считается даже поверхностностью, а глубиною, единственно достойною уваженія, почитается только дробная, мелочная ученость, которая и сдѣлалась по этому академическою; въ искуствѣ это разжиженіе и расплываніе выразилось господствомъ техники, господствомъ и обработкою средствъ, а не цѣлей, механизма исполненія, а не творчества замысловъ; въ политикѣ разобщеніе спеціальныхъ интересовъ дошло до теоріи невмѣшательства, т. е. до возведенія въ догматъ отсутствія всякой общей цѣли государствъ; въ экономіи то же разсѣяніе подъ вліяніемъ частныхъ интересовъ достигло до теоріи laissez faire, laissez passer; на фабрикѣ, наконецъ, спеціализація работы домчалась до машинальности, до отупѣнія и до идіотизма работника. Но чѣмъ интенсивнѣе совершающееся теченіе, тѣмъ ближе и неотразимѣе становится по-

токъ противоположный. И онъ дѣйствительно уже собирается съ силами, дѣйствительно напрягается. А потому каждый, кто поймет первое, и кто замѣтитъ, въ чемъ состоитъ второе, можетъ помочь этому послѣднему не такъ, какъ помогаютъ ему коммунисты, а съ открытыми глазами и навѣрное, хотя и мало по малу, а не вдругъ. Отсюда-то возможность для каждаго изъ насъ, а въ особенности для русскихъ и для славянъ, помочь и тому стремленію къ единству вѣры, какое ферментируется на западѣ, и тому стремленію къ созданію философіи, которое возвѣщено позитивизмомъ, и тому стремленію къ объединенію наукъ, какое обнаруживается въ Гумбольдтѣ, въ Бюхнерѣ, въ Дарвинѣ; отсюда возможность помогать по мѣрѣ силъ и тѣмъ попыткамъ искуства, какія пробуютъ перейти отъ выработанной техники къ невыработаннымъ идеаламъ, и какія возвѣщаются по всей Европѣ отъ края до края и отъ французскаго Курбе до нашихъ Гартмана, Ге, Антокольскаго, Даргомыжскаго, Глинки, Некрасова; отсюда, наконецъ, возможность наша содѣйствовать новымъ объединеніямъ и новымъ цѣлямъ въ политикѣ, которыя заявлены уже панитальянизмомъ, пангерманизмомъ и панскандинавизмомъ, содѣйствовать и тѣмъ тенденціямъ, какія поставлены уже экономическими ассоціаціями, содѣйствовать и тому геніальному инстинкту, какой обнаружился воскресными школами. — Вотъ весь законъ соединенія и раздѣленія труда, со всѣми его тремя принципами: іерархичностью, старѣйшинствомъ и парностью, и съ самымъ всеобщимъ приложеніемъ его къ жизни. Чтобъ возобновить его во всей его совокупности въ памяти читателя, припомнимъ какой нибудь одинъ и тотъ же примѣръ всѣхъ соединеній и всѣхъ раздѣленій. Такъ соединеніе по принципу іерархичности ведетъ отъ двухъ-трехъ соединенныхъ семей къ соединенному человѣчеству. Раздѣленіе по тому же принципу ведетъ отъ человѣчества къ системамъ государствъ, къ національностямъ, къ сословностямъ, къ корпоротивностямъ и наконецъ опять къ семьямъ. Раздѣленіе по принципу старѣйшинства ведетъ къ раскрытію сперва

восточнаго человѣчества, потомъ классическаго, и наконецъ ново-европейскаго. Соединеніе по тому же принципу ведетъ сперва къ соединенію востока въ персидской монархіи, потомъ къ соединенію востока и Греціи въ македонской, потомъ къ соединенію всѣхъ ихъ въ римской. По цѣли всѣ соединенія того и другого рода ведутъ къ наибольшей общечеловѣчности; по средствамъ всѣ раздѣленія того и другого рода ведутъ къ наибольшей индивидуализаціи.

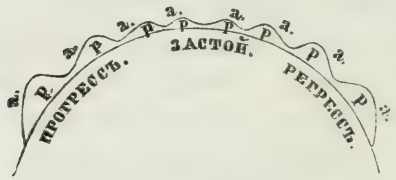
Какъ на законѣ скрещиванія основано то общественное явленіе, которое называется прогрессомъ и регрессомъ, такъ въ законѣ соединенія и раздѣленія труда коренится источникъ характеристическаго явленія акціи и реакціи, дѣйствія и противодѣйствія, силы и сопротивленія. Прогрессъ и регрессъ относились, каждый, къ цѣлой половинѣ всей общественной жизни; акція же и реакція составляютъ части какой нибудь одной только изъ этихъ стадій: или прогресса, или регресса; такъ что каждая изъ этихъ стадій есть сама по себѣ длинный рядъ акцій и реакцій, безспрестанно смѣняющихъ другъ друга; и такъ что въ жизни, напримѣръ, государства каждая акція съ соотвѣтствующею ей реакціею успѣваетъ обыкновенно совершиться въ теченіе одного и того же поколѣнія и, много-много, двухъ послѣдовательныхъ поколѣній. Акція есть дѣйствіе въ смыслѣ и въ направленіи главнаго, общаго теченія жизни, реакція есть дѣйствіе въ противномъ направленіи этому теченію. Это двѣ стороны одной и той же волны, изъ которыхъ первая идетъ по теченію, а другая противъ него. Изображеніе ихъ см. ниже. Это два періодическіе припадка, два непремѣнные пароксизма, какими идетъ всякая стадія жизни и всякая стадія смерти. Это не что иное какъ синтезъ жизни, смѣняющійся анализомъ ея, и, обратно, анализъ синтезомъ. Поступь историческая состоитъ не изъ шаговъ то впередъ, то назадъ, какъ это обыкновенно думаютъ, и даже не изъ шаговъ то вправо, то влѣво, а только изъ шаговъ то вверхъ, то внизъ, то въ высоту, то

въ глубину. Линія этой поступи есть не линія индійскаго ванапрасты, идущаго на богомолье, и на каждые два шага впередъ дѣлающаго одинъ шагъ назадъ, а только линія бури, океана, линія корабля, несущагося по волнамъ, то подымающагося вверхъ, то опускающагося внизъ, но во всякомъ случаѣ движущагося впередъ, къ жизни или къ смерти, но непремѣнно впередъ. Если въ наше время подъ именемъ реакціи разумѣется обыкновенно нѣчто регрессивное, то это потому только что мы живемъ пока въ стадіи прогресса; реакція же общему теченію дѣлъ во времена регресса была бы, напротивъ, прогрессивна. Также и на оборотъ: если теперь всякая политическая акція равнозначительна прогрессіи, то въ стадіи регресса она была бы равнозначительна регрессіи. И только въ промежуточныхъ стадіяхъ застоя акція и реакція становятся безразличны. Но отчего же считаетъ мы, что эти два новыхъ процесса основаны на законѣ соединенія и раздѣленія? Оттого что они сами суть ни больше, ни меньше какъ процессъ соединенія и раздѣленія, но только въ микроскопическомъ видѣ. Если соединеніе труда вообще есть принадлежность и преобладающая характеристика всей стадіи прогресса, а раздѣленіе — принадлежность и характеристика регресса, то акція выражаетъ собою только усиліе, напряженіе по временамъ господствующаго теченія, а реакція — только напряженіе, по временамъ, противоположнаго. Въ самомъ дѣлѣ, акція въ борьбѣ патриціевъ и плебеевъ есть пріобрѣтеніе послѣдними то права на земли, то права на должности, то права на браик, другими словами, есть соединеніе плебеевъ съ патриціями то одною связью, то другою, то третьею, — есть соединеніе плебеевъ и патриціевъ въ одно цѣлое. Напротивъ реакція, каждый разъ слѣдующая за каждою такою акціею, есть раздѣленіе ихъ новыми спорами, то о способѣ примѣненія пріобрѣтенныхъ правъ, то о необходимомъ дополненіи ихъ слѣдующими новыми, т. е. опять разъединеніе цѣлаго на части. Въ свою очередь, въ стадіи регресса, акцію, великое дѣло, событіе составляютъ только акты раздѣленія, какъ напримѣръ

актъ Діоклеціана или актъ Ѳеодосія; реакцію же составляютъ соединенія, какъ напримѣръ возсоединеніе имперіи Константиномъ. Отсюда къ акціи и реакціи примѣнимы и всѣ принципы основного закона: и іерархичность, и старѣйшинство, и парность. Іерархичность примѣнима потому, что всякая акція прогресса есть дѣйствіе вверхъ, въ высоту, въ соединеніе, а всякая реакція есть дѣйствіе внизъ, въ глубину, въ раздѣленіе. Старѣйшинство примѣнимо потому что всякая прогрессія соединяетъ старшихъ членовъ въ младшемъ, напримѣръ патриціевъ и всадниковъ — въ плебеяхъ; а всякая регрессія разъединяетъ соподчинимыхъ членовъ отъ старшаго къ младшему, какъ напримѣръ императорскія регрессіи Рима разъединяли прежде всего придворныхъ, потомъ сенаторовъ и наконецъ уже гражданъ. Принципъ парности примѣнимъ сюда потому что нѣтъ акціи безъ реакціи и обратно. Если мы обыкновенно считаемъ реакцію чѣмъ-то лишнимъ, ненужнымъ, случайнымъ, какою-то напрасною и произвольною задержкою, то это потому что мы вообще имѣемъ только общественные инстинкты, а не сознаніе общественное. Въ сущности же реакція также необходима и полезна для прогресса какъ и самая акція, потому что она есть не что иное какъ раздѣленіе, по необходимости противополагаемое предшествовавшему усиленному соединенію. Въ волнообразномъ теченіи жизни за всякой волной генерализаціи непремѣнно должна наступать волна спеціализаціи, за всякимъ подъемомъ, вздыманіемъ волны должно слѣдовать опаденіе, опусканіе ея. Она также необходима какъ покой послѣ движенія, какъ день субботній послѣ недѣли, какъ ночь послѣ дня. Въ это время, конечно, новыхъ дѣлъ не дѣлается, но за то старые передѣлываются до конца. Въ это время движеніе, сообщенное цѣлому, передается ко всѣмъ частямъ, общіе новые виды раскрываются въ частныхъ, порожденныхъ ими, и такимъ образомъ пройденная прогрессія, только глубже внѣдряется во всѣ изгибы общественнаго тѣла и только еще больше инкорпорируется въ него. Грандіозность прогрессіи, общность мѣръ, широта видовъ дѣйствительно исчезаетъ, работа обращенія

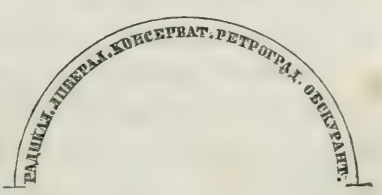
ихъ въ жизнь есть дѣйствительно работа скучная и кропотливая, она не нуждается болѣе въ могучихъ силахъ и часто ихъ отметаетъ, довольствуясь скромными, словомъ, строй жизни дѣйствительно мельчаетъ; но безъ этого измельченія его невозможно было бы и самое разжеваніе и усвоеніе всѣхъ помысловъ прогрессіи. Чтобъ преподанная цѣльная пища, хотя бы то и подготовленная поваромъ, могла перейти въ дѣйствительное питаніе, нужно, чтобъ она предварительно была все еще раздроблена, измельчена, нужно, чтобъ изъ широкихъ и общихъ органическихъ путей она поступила въ спеціальные, для того чтобъ могла перевариться, нужно, чтобъ оттуда она перешла въ безчисленные еще болѣе мелкіе пути и каналы, для того чтобъ могла быть разнесена по всему тѣлу и тамъ была обращена въ плоть и кровь его, и тѣмъ дѣйствительно увеличила и вѣсъ, и ростъ его. Требованіе постоянной прогрессіи безъ реакцій, ропотъ на прерываніе первой послѣднею, похожи, слѣдовательно, на сожалѣніе о невозможности постоянной ѣды, похожи на досаду, что необходимо выжидать пищеваренія, прежде чѣмъ станетъ возможнымъ новый пріемъ пищи. Я не привожу здѣсь историческаго примѣра, потому что мой русскій читатель весь живетъ среди него. Примѣнимо, наконецъ, къ прогрессіи и реакціи, равно какъ къ регрессіи и реакціи, и то правило политическаго искуства, какое основано на принципѣ парности и антагонизма этой пары. Между акціей и реакціей существуетъ та же необходимая пропорціональность, какая существуетъ между соединеніемъ и раздѣленіемъ. Но вычисленіе этой пропорціональности, вслѣдствіе большей дробности и сложности процесса, здѣсь еще труднѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Во первыхъ пропорціональность эта не вездѣ одинакова. Только въ стадіи застоя можно предположить совершенное равенство активности и реактивности какъ въ отношеніи напряженія, такъ и въ отношеніи продолжительности. Что же касается прогресса и регресса, то здѣсь пропорціональность акціи съ реакціей требуетъ извѣстной степени именно непропорціональности. Стадія прогресса,

слаганія, соединенія перестала бы быть такою, еслибъ каждая прогрессія ея не превосходила въ извѣстной мѣрѣ каждую реакцію или въ интенсивности или въ экстенсивности. А сверхъ того и самая непропорціональность эта все еще не можетъ быть одна и та же для всей прогрессивной стадіи, и напротивъ по мѣрѣ приближенія къ концу ея должна измѣняться въ пользу реакцій, а по мѣрѣ близости къ началу, должна сильно измѣняться въ пользу акцій. Тоже и въ стадіи регресса. Разнообразіе, это можетъ быть выражено слѣдующіею линіею: т. е. по мѣрѣ приближенія къ застою акція и реакція уравниваются, а по мѣрѣ удаленія отъ застоя акція и реакція выходятъ изъ равенства,и только во время застоя обѣ равны; при чемъ на вершинѣ застоя мѣняется фронтъ теченія, и если первая волна застоя состояла изъ акціи и реакціи, то вторая состоитъ изъ реакціи и акціи, вслѣдствіе чего регрессія и начинаетъ постоянно превосходить прогрессію. Во вторыхъ самая измѣримость такихъ предметовъ какъ интенсивность и экстенсивность соціальныхъ функцій до сихъ поръ недоступна ни для какихъ опредѣленій, кромѣ развѣ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ, такъ что она составляетъ исключительный удѣлъ политическаго такта, искуства, а никакъ не науки. Революціонная прогрессія и террористическая реакція — вотъ единственныя двѣ грубыя вѣхи, которыя стоятъ предъ политикомъ для предупрежденія его отъ подводныхъ камней; но съ такими показателями трудно далеко уплыть. Остается инстиктъ, и больше ничего кромѣ инстикта.—Но если такъ, то самый инстинктъ политическій, къ которому намъ такъ часто приходится возвращаться, и на которомъ постоянно приходится останавливаться, есть, слѣдовательно, предметъ, котораго не можетъ обходить соціологія. Какъ онъ ни слѣпъ, но и слѣпота имѣетъ свои законы, по которымъ то заблуждается,



то попадаетъ на дорогу, и вообще дѣйствуетъ опредѣленнымъ образомъ; а потому становится необходимымъ и въ высшей степени интереснымъ изслѣдовать этотъ первоначальный, изъ чисто-общественныхъ, источникъ всякой соціальной дѣятельности, этотъ животно-человѣческій источникъ и акцій, и реакцій, и соединеній, и раздѣленій, и прогресса, и регресса, и слаганія, и разлаганія. А потому къ этому изслѣдованію теперь и обратимся, имъ и закончимъ всю соціологическую главу книги.

Выраженіемъ политическихъ инстинктовъ служатъ *политическія партіи*. Элементарныхъ, неразложимыхъ болѣе, общественныхъ инстинктовъ только два; отсюда и двѣ коренные партіи: прогрессисты и регрессисты. Но, во первыхъ, между тѣмъ и другимъ инстинктомъ помѣщается средній, заимствующій свои свойства то отъ того, то отъ другого: это — инстиктъ консервативный, охранительный; а отсюда и третья партія, партія консерваторовъ. Если первыя двѣ соотвѣтствуютъ стадіямъ прогресса и регресса, то эта соотвѣтствуетъ стадіи застоя. Само собою разумѣется, что она можетъ заходить далеко и въ предыдущую стадію, и въ послѣдующую. Во вторыхъ каждая изъ двухъ основныхъ партій можетъ проявляться въ двухъ видахъ, смотря по степени интенсивности инстинкта. Такимъ образомъ прогрессисты являются то въ видѣ радикаловъ (крайнее напряженіе инстикта), то въ видѣ либераловъ (умѣренное напряженіе того же инстинкта); въ свою очередь и регрессисты бываютъ и могутъ быть то простыми регротрадами (умѣренный инстинктъ), то положительными обскурантами (радикализмъ регрессивности). Радикалы соотвѣтствуютъ началу стадіи прогресса, либералы—концу ея, ретрограды—началу стадіи регресса, обскуранты—концу ея. Такимъ образомъ на дугѣ жизни они располагаются въ порядкѣ, указанномъ на фигурѣ. И такъ всѣхъ партій оказывается пять.



Дальнѣйшія комбинаціи старыхъ и простыхъ партій и образованіе новыхъ и сложныхъ хотя и возможны, но онѣ могутъ быть не принимаемы въ разсчетъ при научномъ изслѣдованіи. Изслѣдованіе это можетъ ограничиваться тремя и даже двумя коренными партіями. Считаемое на западѣ остроумнымъ ученіе Ромера о политическихъ партіяхъ допускаетъ четыре типическихъ партіи, которыя авторъ называетъ радикальною, либеральною, консервативною и абсолютною. Очевидно, что здѣсь недостаетъ только подраздѣленія абсолютной партіи на двѣ, чтобъ получить всѣ наши пять. Равнымъ образомъ и роль каждой изъ нихъ Ромеръ приписываетъ туже, какая объяснена выше, хотя онъ опредѣляетъ эти роли по личной, а не по общественной жизни. Такъ радикализмъ онъ приписываетъ юности человѣка, либерализмъ —молодости, консерватизмъ — мужеству, абсолютизмъ — старости. Словомъ, эта спеціально выработанная и обработанная теорія партій совершенно совпадаетъ со всѣми, изложенными здѣсь выше, теоріями. — Что всѣ эти партіи суть органы именно инстинктовъ и ничего больше, доказательствомъ служитъ уже то, что знанія общественнаго и до сихъ поръ нѣтъ, а партіи были съ самаго начала исторіи. Если же всегда былъ органъ, то всегда было и его отправленіе, а потому и вопросъ соціологіи здѣсь можетъ быть только тотъ, каковы эти отправленія, и въ чемъ состоитъ процессъ радикализма, либерализма, консерватизма, ретроградства и обскурантизма. Начинается этотъ процессъ непосредственнымъ, совершенно безотчетнымъ предрасположеніемъ общественнымъ, въ которомъ недостатокъ сознанія замѣняется пробами, опытами, точно также какъ у слѣпого недостатокъ зрѣнія вознаграждается осязаніемъ, ощупью. А такъ какъ всякая проба непремѣнно предполагаетъ по крайней мѣрѣ два какихъ нибудь совершенно противоположныхъ опыта, то отсюда и два съ самаго начала противоположныхъ инстинкта. И такъ какъ противоположность эта не можетъ объусловливаться сначала ничѣмъ инымъ какъ молодостью или старостью людей, то

отсюда два эти инстинкта суть первоначально: предрасположеніе къ новизнѣ и предрасположеніе къ старинѣ. Вотъ элементарныя функціи всѣхъ возможныхъ политическихъ партій, и вотъ элементарные органы всѣхъ возможныхъ политическихъ инстинктовъ. Однимъ органомъ и отправленіемъ общество пробуетъ жить по одному способу, другимъ—по діаметрально противоположному. Но такъ какъ ни та, ни другая сторона не имѣетъ возможности слиться съ противною въ одно общее предрасположеніе, и такъ какъ оба предрасположенія равно живы, энергичны и вѣрующи въ себя, то между ними необходима борьба. Вотъ второй моментъ процесса. А такъ какъ ни одна изъ двухъ борющихся партій не можетъ убѣдить другую, не можетъ бороться мыслью и сознаніемъ, то отсюда необходимость борьбы другими силами, какъ напримѣръ, и прежде всего, физическою силою, руками, оружіемъ. Таковъ третій моментъ отправленія. Если впослѣдствіи эта борьба преображается въ борьбу числомъ, то это только потому, что по численности сражающихся можно опредѣлять напередъ, которая сторона сильнѣе, которая побѣдитъ, а потому нечего и доводить дѣло до формальной рукопашной битвы. Принципъ численности есть и всегда принципъ физической силы, а тѣмъ болѣе былъ онъ имъ при своемъ происхожденіи: извѣстно что въ нѣкоторыхъ древнихъ обществахъ, какъ напримѣръ въ спартанскомъ, численность даже не мотивировала себя, просто говоря да или нѣтъ, и просто переходя только ногами на одну сторону или на другую, чтобъ можно было только сосчитать удобнѣе. Это четвертый моментъ процесса. Когда инстинктивные да и нѣтъ начинаютъ мотивировать себя, подводить подъ себя разумныя основанія, тогда инстинктъ превращается въ нѣчто, повидимому, совершенно иное, въ мнѣніе; и партіи изъ органовъ животнаго инстинкта обращаются въ органы человѣческаго общественнаго мнѣнія. Вотъ пятый моментъ процесса. Тутъ новаго дѣйствительно много, и самая главная новость здѣсь та, что въ этихъ мотивированіяхъ впервые начинаетъ ферментиро-

ваться общественное сознаніе, впервые зарождается тотъ обыкновенный житейскій починъ всякаго знанія, изъ котораго выходитъ потомъ всякая наука. Но много здѣсь остается и стараго, и инстинктивности остается въ мнѣніи все таки больше чѣмъ сознательности. Это видно изъ того, что когда инстинктъ уже образовался, то онъ непремѣнно подберетъ для себя какую нибудь разумность, какой нибудь raison d'être, такъ что не инстинктъ направляется посредствомъ разсужденія, а разсужденіе посредствомъ инстинкта. Съ другой стороны, не смотря на всѣ мотивированія, единомысліе все таки никогда не достигается, и борьба мотивовъ въ концѣ концовъ разрѣшается все таки борьбою чиселъ. Наконецъ и самое это подбираніе разумности и набираніе чиселъ продолжается только до тѣхъ поръ, пока инстинкты находятся на степени простыхъ чувствъ, и пока борьба ихъ происходитъ по этому въ умѣренномъ видѣ. Но когда инстинктивное чувство напрягается до инстинктивной страсти, тогда тотчасъ же отлагаются въ сторону не только мотивированія, но и самый принципъ численности, и вмѣсто того и другого берется въ руки оружіе физическое. Оружіемъ этимъ бываетъ или война, междоусобіе, если борющіеся инстинкты болѣе или менѣе равны численно, или преступленіе, если одинъ изъ борющихся инстинктовъ находится въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ мнѣніе рано или поздно опять таки возвращается въ инстинктъ, что, какъ извѣстно, практикуется отъ времени до времени и до сего дня, практикуется даже тамъ, гдѣ мнѣніе достигло, повидимому, полнаго господства, какъ въ Англіи. «Сотни тысячь людей, говоритъ Маколей, которыхъ страхъ, наведенный папистскимъ заговоромъ, бросилъ въ вигизмъ, бросились обратно въ торизмъ вслѣдствіе ужаса, наведеннаго райгаусскимъ заговоромъ.» А коль скоро такой источникъ дѣйствій какъ слѣпота инстинктовъ, остается неискоренимымъ, то неискоренимою остается и соотвѣтственная борьба. Доказательства тому разсыпаны щедро по всей исторіи. Прогрессивная партія Килона въ Греціи и консервативная партія

Мегакла отъ препирательствъ переходятъ мало по малу въ рукопашный бой, такъ какъ обѣ разсчитываютъ на свою численность. Напротивъ прогрессисты Гармодій и Аристогитонъ, не полагаясь на числительность своей партіи, какъ это и оправдалось послѣ ихъ дѣла, прибѣгаютъ къ убійству Пизистратидовъ. Прогрессисты римскіе, привыкшіе разсчитывать на свое превосходство или по кр. м. равенство съ консерваторами во время борьбы патриціевъ и плебеевъ, долго еще не могутъ перестать на него разсчитывать, и потому какъ только встрѣтили первый упорный отказъ во времена Гракховъ, съ тѣхъ поръ и подняли цѣлый рядъ междоусобій, длившихся до временъ Марія и Суллы. Со временъ Суллы прогрессисты должны наконецъ убѣдиться, что ихъ время прошло; но за то занявшіе ихъ мѣсто консерваторы все еще надѣются на численность по крайней мѣрѣ консерватизма, и потому въ свою очередь вступаютъ въ борьбу съ регрессистами,—тріумвирами. А когда и самый консерватизмъ оказывается безсильнымъ, и самъ познаетъ свою слабость, тогда, въ лицѣ Брута и Кассія, онъ прибѣгаетъ къ обыкновенному оружію безсилія, къ неразборчивости средствъ, къ простому предательскому убійству сильнаго и геніальнаго регрессиста. Новая исторія не менѣе древней полна такими исходами борьбы партій, при чемъ на долю каждой изъ нихъ выпадаетъ отъ времени до времени не только нарушеніе мира, но и самое злодѣяніе. Численное безсиліе консерваторовъ, при страстности въ тоже время консервативнаго инстинкта ихъ, выражается, напримѣръ, убійствами Генриха III, Генриха IV, Вильгельма Оранскаго, и всею іезуитскою теоріею цареубійства и оправданія всякихъ средствъ цѣлью; а численное безсиліе прогрессистовъ, при страстности въ то же время прогрессивнаго инстинкта ихъ, выражается, напримѣръ, злодѣяніями Зандта, Лувеля, Беккера, Орсини, Досіоса, Каракозова, Березовскаго и всею прогрессивною іезуистикою, всею революціонною метафизикою нашихъ дней. Такимъ образомъ мнѣніе, мотивированіе инстинктовъ, какъ оно ни кажется подвинувшимся да-

леко въ наше время, въ концѣ концовъ остается все тѣмъ же грубымъ и дикимъ инстинктомъ какъ и во времена Каина и Авеля съ тою только разницею, что повторяется рѣже. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, изслѣдовать здѣсь въ подробности борьбу партій въ смыслѣ физической и инстинктивной борьбы или даже въ смыслѣ субститута ея, борьбы простою численностью, — не представляетъ ни интереса, ни достаточнаго содержанія; а потому остается подробно разсмотрѣть только процессъ мотивированія, только дѣйствительную борьбу мнѣній, какъ самую богатую по содержанію и самую нормальную по практикѣ ея въ исторіи. Страстность, фанатизмъ инстинкта есть все таки состояніе исключительное, а нормальное составляетъ только умѣренность инстинктовъ и, слѣдовательно, мотивированіе ихъ, борьба мнѣніями. Самымъ всеобщимъ и самымъ замѣчательнымъ колоритомъ этой борьбы повсюду есть постоянное уклоненіе ея отъ прямаго вопроса борьбы. Вопросъ обыкновенно заключается въ какомъ либо общественномъ интересѣ минуты, въ какомъ либо проэктѣ, мѣрѣ, спросѣ общественномъ; а отвѣтъ постоянно оказывается частнымъ, личнымъ. Начинается споръ, какъ и слѣдуетъ ожидать, съ прямыхъ доказательствъ, съ аргументовъ pro и contra, словомъ, съ дѣйствительнаго мотивированія инстинктовъ, съ дѣйствительныхъ мнѣній, съ дѣйствительнаго анализа предмета спора; а оканчивается онъ постоянно взаимнымъ анализомъ самихъ спорящихъ, анализомъ личнаго состава партій и личнаго достоинства этого состава, какъ доказываютъ это уже и самыя прозвища партій, всегда презрительныя: тори, виги, гэзы, гугеноты, кавалеры, круглоголовые, стриженые, санкюлоты, нигилисты и т. п. И, что еще замѣчательнѣе, по этому именно анализу персонала, а не принципа, рѣшается и самый исходъ спора, направляется самое рѣшеніе борьбы, слагается побѣда и пораженіе. Въ образецъ наиболѣе нормальной, т. е. мирной и умѣренной, борьбы мнѣній мы не можемъ выбрать лучшихъ примѣровъ какъ въ Греціи время Перикла, въ Римѣ время борьбы патриціевъ и плебеевъ, а въ новой исторіи борьба

мнѣній въ Англіи; т. е. въ каждомъ изъ трехъ случаевъ борьбу именно либераловъ и консерваторовъ, а не какихъ либо иныхъ болѣе крайнихъ партій. Крайность партій или регрессивность стадіи развитія, внося, съ одной стороны, стремительность, увлеченіе въ борьбу, а съ другой — подержанность силъ и по этому болѣзненный характеръ развитія, искажаетъ борьбу, лишаетъ ее типичности; а намъ именно нуженъ типъ этой борьбы. И такъ разсмотримъ же три вышеприведенные типа. Время Перикла есть время застоя, время высшаго благополучія, какого Греція достигала когда нибудь, и вмѣстѣ съ тѣмъ время наименьшей рѣзкости борющихся партій, такъ что Периклъ, какъ найдено выше, былъ самъ послѣдній либералъ и первый консерваторъ: либералъ во внутренней и консерваторъ во внѣшней политикѣ. Вопросъ внутренней политики состоялъ въ окончательномъ довершеніи демократическихъ учрежденій Аѳинъ, т. е. въ добавкѣ подробностей готоваго уже строенія, въ добавкѣ наименѣе радикальныхъ и наиболѣе деликатныхъ тѣней и колоритовъ картины, каковы: жалованье за присутствіе въ народномъ собраніи и въ геліэйѣ, учрежденіе номофилаковъ и номотэтовъ, введеніе графэ параномонъ и т. п. Да и всѣ эти ново-введенія Периклу приписываются только Гротомъ, прочіе же историки сокращаютъ ихъ еще больше. Во всякомъ случаѣ, если жалованье дикастамъ дѣлало дѣйствительно судъ народнымъ, демократическимъ, если учрежденіе номофилаковъ дѣйствительно ослабляло власть ареопага и, слѣдовательно, аристократичность, то номотэты и графэ параномонъ были учрежденія чисто охранительныя, предупреждающія увлеченіе и произволъ какъ со стороны народныхъ собраній, такъ и со стороны его ораторовъ и новаторовъ. Борьба, слѣдовательно, съ консерваторами шла въ самомъ умѣренномъ духѣ; и вотъ этотъ-то духъ борьбы и составляетъ теперь интересъ нашъ. Что же мы видимъ? Начинаясь на площади дѣйствительно борьбою за и противъ принциповъ, — внѣ площади, за кулисами сцены, она обращается въ борьбу за и противъ лицъ, представителей принциповъ, что мало по малу выходитъ и

на самую площадь и сцену. Нападенію подвергаются уже не жалованье, не учрежденіе номофилаковъ, а личность Анаксагора, Фидія, Эфіальта, Аспазіи, Перикла и всѣхъ вождей либераловъ, всѣхъ сторонниковъ Перикла. Вмѣсто вопроса ума выступаетъ на сцену вопросъ нравственности, и вмѣсто возраженій и опроверженій — обвиненія и оправданія. И вотъ греческіе охранители считаютъ за самое лучшее — обвинить, напримѣръ, Фидія въ безчестномъ дѣлѣ, въ уголовномъ преступленіи, а именно въ утайкѣ золота, назначеннаго для отлитія плаща Паллады. А когда это не удается, и наглость завѣдомо лживаго обвиненія доказывается очевидно, тогда обращаются (если не къ болѣе безчестному, то къ неменѣе опасному обвиненію религіозному, и находятъ, что на щитѣ той же Паллады есть два изображенія, изъ которыхъ одно очень сходно съ Фидіасомъ, а другое съ Перикломъ; а это, конечно, есть оскорбленіе святыни, богохульство, подрывъ вѣры. Въ этомъ оправдаться было труднѣе, какъ потому что либералы дѣйствительно падки къ такимъ грѣхамъ, такъ и потому, что если подозрительность этого рода уже существуетъ, то она всегда найдетъ искомое сходство въ двухъ человѣческихъ фигурахъ; и такимъ путемъ дѣйствительно успѣли доконать Фидія. За тѣмъ жрецъ Діопетъ, этотъ древній мастеръ запугивать общество, провелъ, угрожая паденіемъ вѣры, цѣлый законъ объ отождествленіи религіознаго преступленія съ политическимъ, чѣмъ открытъ былъ путь для цѣлой системы обвиненій; и на основаніи этого закона осужденъ другой партизанъ Перикла, Анаксагоръ. Еще далѣе Гермиппъ и тотъ же Діопетъ обвинили и самое Аспазію въ ереси, и олимпійцу-оратору еле-еле удалось спасти ее. Еще хуже случилось съ Эфіальтомъ. Не успѣвши выставить его нововведенія святотатственными и преступными, къ нему просто подослали наемнаго убійцу изъ Танагры, и либералъ погибъ подъ рукой Аристодика. Только до самого Перикла не дошла очередь, хотя и подступала давно; но не дошла, можетъ быть, потому только что онъ поторопился умереть. Какова была отвѣтная

система либераловъ въ подобной косвенной борьбѣ, объ этомъ мы не имѣемъ такихъ крупныхъ свѣдѣній, кромѣ свѣдѣнія объ изгнаніи главы консерваторовъ, Кимона, путемъ остракизма. Впрочемъ, по аналогіи мы должны предположить, что они въ свою очередь обвиняли консерваторовъ въ эгоизмѣ, въ узкомъ себялюбіи, въ тупости, въ недоброжелательствѣ, въ недостаткѣ патріотизма, въ сикофанствѣ и т. п. Съ той и съ другой стороны пускались, конечно, въ ходъ всѣ соотвѣтственныя средства унизить противника, заподозрить его, лишить довѣрія и авторитетности; разница только въ томъ, что консерваторы обращаются при этомъ къ идоламъ заходящимъ, но которыхъ никто еще не смѣетъ признать зашедшими, а либералы — къ восходящимъ, но еще не признаннымъ; первые призываютъ на помощь власть, предразсудки, силу, вторые — общество, разумъ, добродѣтель; одни прибѣгаютъ къ инсинуаціи предъ первыми, другіе — предъ вторыми. Плата идетъ тою же монетою, но справедливость требуетъ сказать, что неравною. Съ одной стороны идолы, предъ которыми наушничаютъ либералы, выше и нравственнѣе идоловъ консерватизма, а съ другой и сами таки Периклы, Эфіальты, Фидіи, Анаксагоры, нѣтъ никакого сомнѣнія, честнѣе и нравственнѣе Кимоновъ, Германповъ, Діопетовъ, Аристодиковъ. Въ этомъ-то, между прочимъ, и состоитъ ихъ сила. Въ римской борьбѣ патриціевъ и плебеевъ во всей точности повторяется та же исторія, начиная съ перваго ея шагу и до послѣдняго. Первымъ провозвѣстникомъ демократическаго начала, первымъ либераломъ или даже радикаломъ римской стадіи прогресса, явился еще царь Сервій Туллій. Съ этихъ поръ былъ впервые поставленъ тогда совершенно еще новый вопросъ поднятія плебеевъ до патриціевъ; съ этихъ же поръ началась и описанная выше тактика двухъ партій. Вопросъ общественный и умственныя средства его разрѣшенія постоянно разнообразились, переходя въ частные вопросы то о томъ, то о другомъ правѣ и уравненіи; но личный вопросъ и нравственныя средства его рѣшенія постоянно были однѣ и тѣ

же. Сервій Туллій первый заплатилъ жизнью за поднятое имъ знамя. Не имѣвши возможности предотвратить ни его ценза, ни его плебейскихъ комицій, консерваторы, принявши ихъ, сочли долгомъ по крайней мѣрѣ отмстить за нихъ. Спурій Кассій, предложившій потомъ впервые аграрный законъ, сказать противъ котораго консерваторы также ничего не имѣли, и который также былъ въ принципѣ принятъ ими, поплатился, однакожъ, и за то мнѣніе, съ которымъ согласились: онъ былъ обвиненъ патриціями въ государственной измѣнѣ, и не только обвиненъ, но и признанъ, не смотря на свои два тріумфа, виновнымъ, и сброшенъ съ тарпейской скалы; а память его признана подлежащею проклятію. Генуцій, жаловавшійся на плохое исполненіе Кассіева закона, и уже достигшій назначенія суда надъ консулами, наканунѣ суда этого былъ найденъ мертвымъ въ собственномъ домѣ. Весьма популярный между плебеями Сп. Мелій обвиненъ былъ въ стремленіи къ царской власти и вслѣдствіе того изрубленъ въ куски на улицѣ, среди бѣлаго дня и безъ всякаго протеста; домъ его разоренъ, житницы разграблены, друзья пропали безъ вѣсти. Съ тѣхъ поръ, благодаря достаточно уже укоренившемуся республиканскому духу, обвиненіе, употребленное противъ Мелія, стало самымъ популярнымъ и надежнымъ оружіемъ противъ друзей народа, такъ что оно отталкивало отъ заподозрѣннаго даже тѣхъ, за кого рисковалъ онъ. Самъ спаситель капитолія, самъ Манлій Капитолійскій не уполъ отъ дѣйствія этого могущественнаго предлога, и также приговоренъ къ смерти, и также сброшенъ съ тарпейской скалы. Наконецъ Тиберію Гракху стоило только указать рукой на свою голову, въ знакъ того что ей грозитъ опасность, для того чтобы дать противъ себя достаточное доказательство въ требованіи короны и также погибнуть. А между тѣмъ, на оборотъ, либералы ни одного разу за все это время не употребили того же оружія противъ консерваторовъ. и исторія не донесла къ намъ ни одного злодѣянія ихъ надъ ними. Напротивъ всѣ эти люди были въ нравственномъ отношеніи

дѣйствительно лучшіе люди эпохи. Одно уже то, что всѣ они сами принадлежали къ патриціямъ, что всѣ они сами что нибудь проигрывали при выигрышѣ плебеевъ, что всякій изъ нихъ имѣлъ наконецъ передъ собою опасный примѣръ, одно это достаточно говоритъ въ пользу ихъ риска, ихъ самоотверженія, ихъ великодушія, чистоты ихъ намѣреній. Манлій Капитолійскій, выкупивъ одного заслуженнаго плебея отъ тюрьмы за долги, объявилъ, что пока у него есть хоть одна пядень земли, подобная несправедливость больше не повторится. Генуцій, Кай Гракхъ шли вслѣдъ за Манліями, Тиверіями Гракхами, хотя примѣръ у нихъ былъ передъ глазами. Когда противъ Тиберія Гракха выступилъ подкупленный трибунъ Октавій, когда всѣ убѣжденія Тиберія оказались напрасны, когда онъ увидѣлъ необходимость или отказаться отъ своего призванія или устранить противника, и когда онъ рѣшилъ это послѣднее, то исполнилъ онъ это устраненіе не тѣмъ, порядкомъ какъ до сихъ поръ консерваторы, а только тѣмъ что лишилъ его должности трибунской. Въ новыя времена эта личная борьба теряетъ свою крутость, становится мягче, но принципъ ея все таки остается. и всякій споръ все таки переходитъ въ ссору, въ личное преслѣдованіе, въ заподазриваніе, словомъ въ борьбу косвенную. Нигдѣ она не совершается менѣе страстно, чѣмъ въ Англіи, но и тамъ она не теряетъ этого характера. Такъ палата лордовъ, возставая противъ ирландскаго билля, ищетъ противъ него доказательствъ не въ немъ самомъ, а непремѣнно внѣ его: она называетъ его революціоннымъ и творцовъ его революціонерами (инсинуація къ идолу порядка), святотатственнымъ (инсинуація къ суевѣріямъ), посягающимъ на священный принципъ собственности (инсинуація къ корысти), нарушающимъ присягу коронѣ (инсинуація къ монархическимъ чувствамъ) и т. п. А лордъ Горроуби, въ третій разъ уже въ своей жизни, грозитъ при этомъ случаѣ страшными бѣдствіями странѣ, какъ въ первый разъ грозилъ по поводу хлѣбныхъ законовъ, а другой разъ по поводу реформы парламента. И какъ ни избиты

эти пріемы, какъ ни часто они повторяются въ жизни каждаго поколѣнія и даже иногда одного человѣка, но ихъ все таки не сосчитываютъ, и они все таки болѣе или менѣе производятъ свое дѣйствіе. На оборотъ либералы, хотя также продолжаютъ бороться подобнымъ оружіемъ, но опять далеко не равнымъ, и довольствуются, напримѣръ, какъ Милль, обвиненіями въ родѣ того, что если нельзя сказать, что всѣ консерваторы тупы, то можно сказать, что всѣ тупые люди непремѣнно консерваторы. Какая же тутъ раціональность, какъ въ этой косвенности борьбы мнѣній, такъ и въ этой сравнительной нравственности и безнравственности ея? Раціональность тутъ состоитъ въ отсутствіи, въ невозможности всякихъ иныхъ средствъ для борьбы. При отсутствіи положительныхъ познаній объ обществѣ, умственные рессурсы борьбы у обѣихъ партій одинаковы. Оставаясь въ предѣлахъ чисто-общественнаго вопроса, какъ та такъ и другая партія всегда можетъ подобрать въ свою пользу мотивы, болѣе или менѣе благовидные, и рѣшительный теоретическій перевѣсъ между которыми дѣйствительно невозможенъ. Отъ этого ни одна изъ партій не имѣетъ никакой возможности убѣждать другую, и каждая если наращается, то только изъ среды посредствующей между партіями, безразличной, а никакъ не изъ противоположной. Отсюда, чувствуя свое теорическое безсиліе въ предѣлахъ теоретическаго вопроса, чувствуя свою невозможность ни доказать что нибудь, ни убѣдить въ чемъ нибудь, каждая изъ партій волей-неволей должна обращаться за предѣлы теорій; и потому отъ вопроса общественнаго переходитъ къ вопросу личному. Здѣсь опять, перешедши къ вопросамъ личнымъ, все, что можно противопоставлять одно другому, и чѣмъможно восполнять недостатокъ умственной силы есть или сила физическая или сила нравственная; такъ что въ помощь умственному безсилію надо взять или то, или другое. И вотъ дѣйствительно консерваторы берутъ первое, либералы второе, консерваторы силятся отнять у противниковъ жизнь, благополучіе, авторитетъ оффи-

ціальный, либералы силятся отнять у консерваторовъ умственныя и нравственныя качества, авторитетъ моральный; и на сколько тѣ и другіе въ томъ и другомъ успѣваютъ, настолько успѣваютъ и въ побѣдѣ. Но отчего же дѣлежъ происходитъ именно такъ, а не иначе? Это опять не непонятно. Консерваторы борются за существующій, за господствующій порядокъ и во имя его, либералы же за несуществующій и далеко не за господствующій. А всякая господствующая сила имѣетъ меньше надобности стѣсняться и разбирать средства чѣмъ та, которая только еще добивается господства, и которая должна еще заслужить себѣ популярность. Отсюда возможность для консерваторовъ меньше стѣсняться въ выборѣ средствъ для борьбы, и напротивъ необходимость для либераловъ стѣснятъся въ этомъ какъ можно больше; а отсюда и выборъ физической силы скорѣе консерваторами, а нравственной скорѣе либералами. Наконецъ и условія окружающей среды влекутъ обѣ партіи къ тому же. Люди неполитическіе, не принадлежащіе ни къ той, ни къ другой партіи, толпа, еще меньше чѣмъ политическіе, способны убѣждаться въ дѣлѣ общественныхъ вопросомъ путемъ ума: единственный путь убѣжденія для нихъ есть сердце, т. е. страхъ, любовь, опасеніе, уваженіе, суевѣріе и т. п. Довѣріе къ лицамъ влечетъ для нихъ за собою и довѣріе къ ихъ мнѣніямъ. Чѣмъ больше выгодъ несетъ за собою защита мнѣнія, тѣмъ больше увлекаются имъ одни, чѣмъ больше риска и опасности несетъ за собой защита другаго мнѣнія, тѣмъ больше довѣряютъ имъ другіе. А потому на какія изъ этихъ чувствъ сподручнѣе дѣйствовать для партіи, на тѣ она и дѣйствуетъ, тѣми и убѣждаетъ. Вслѣдствіе всего этого борьба мнѣній, которая по существу своему есть борьба чисто умственная, и которая всегда такъ и начинается, въ концѣ концовъ непремѣнно обращается въ борьбу нравственную, и только ею всегда и рѣшается споръ. Здѣсь-то великое значеніе нравственности въ исторіи. И здѣсь же счастливая разумность инстинкта общественнаго. Тамъ, гдѣ у человѣчества не достаетъ

истины, на мѣсто ея становится по крайней мѣрѣ добродѣтель, и за невозможностью вести исторію посредствомъ первой, ведетъ ее до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ вторая. Но такъ какъ исключительное руководство нравственностью на всегда могло бы удалить насъ отъ руководства истиною, то борьба только заканчивается первою, а начинается всегда второю, гдѣ мало по малу и выработывается если не самая истина, то по крайней мѣрѣ умъ, логика, способы исканія истины. И если при этомъ, не смотря на то, что обѣ стороны равно утверждаютъ ложь, но одна утверждаетъ ее ловче, правдоподобнѣе, а другая слабѣе, то этимъ первая свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ о превосходствѣ своихъ умственныхъ способностей, если не тезисовъ, а тѣмъ пріобрѣтаетъ и еще одно косвенное доказательство въ пользу самыхъ тезисовъ, пріобщая его, смотря по партіи, то къ силѣ физической, то къ силѣ нравственной. По большей части, если мы не ошибаемся, этотъ новый союзникъ оказывается на той же сторонѣ, гдѣ и нравственность т. е. по видимому на сторонѣ либераловъ, какъ думаетъ объ этомъ и Милль. Но мы предупреждаемъ читателя, что нигдѣ въ общественной наукѣ не нужна такая крайняя осторожность какъ въ анализѣ партій, въ анализѣ всего, что можетъ льстить имъ или можетъ омрачать ихъ. Здѣсь соціологу можетъ не рѣдко приттись прямо и непосредственно подымать на себя руки, если не на себя сегодняшняго, то на себя вчерашняго. Не мудрено при этомъ, если онъ будетъ не въ силахъ исполнить это со всѣмъ необходимымъ хладнокровіемъ. А потому всегда можетъ случиться, что старая закваска либерализма, съ которою раздѣлываться не такъ легко какъ кажется, исказитъ въ наблюдателѣ его способность къ объективному наблюденію и только потому склонитъ его къ традиціонному представленію, что умъ преобладаетъ на сторонѣ либераловъ. По крайней мѣрѣ если онъ дѣйствительно преобладаетъ здѣсь, то постоянная въ стадіи прогресса побѣда либерализма надъ консерватизмомъ становится еще понятнѣе, ибо имѣетъ за себя если не превосходство истины, то по крайней мѣрѣ превосходство ума и

сердца, т. е. превосходство во всякомъ случаѣ достоинства человѣческаго. Но если этотъ новый союзникъ становится иногда, чего нельзя отвергать, и союзникомъ силы физической, т. е. на сторонѣ консерваторовъ, то этимъ, хотя борьба и затрудняется, и осложняется, но она во всякомъ случаѣ весьма справедливо уравновѣшивается. Говоря вообще, можно, какъ кажется, сказать, что во времена прогрессивныхъ акцій умственная сила преобладаетъ на сторонѣ либераловъ, а во времена реакцій на сторонѣ консерваторовъ, и тѣмъ въ первомъ случаѣ усиливаетъ нравственную силу, а во второмъ физическую, чѣмъ и поддерживаетъ ту постоянную перемежаемость этихъ двухъ политическихъ волнъ жизни, изъ которой состоитъ всякая стадія ея. Такъ напримѣръ въ томъ примѣрѣ прогресса и регресса въ одномъ и томъ же поколѣніи, который мы разбирали въ предъидущей главѣ, и который вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы теперь называемъ акціей и реакціей, а именно въ примѣрѣ французской революціи, мы видимъ, что умственныя способности сперва дѣйствительно находятся на сторонѣ либераловъ, какъ Мирабо, какъ Сьейзъ, какъ жирондисты, между тѣмъ впослѣдствіи онѣ переходятъ на сторону реакціонеровъ, какъ Бонапартъ, Моро, Талейранъ, и т. д. И такъ если физическая сила стоитъ постоянно за консерваторовъ и, обратно, они за нее, если нравственная всегда на сторонѣ либераловъ и, обратно, они всегда на ея сторонѣ, то умственная то и дѣло перебѣгаетъ со стороны на сторону, чѣмъ и составляетъ косвенное доказательство того, что, по всей вѣроятности, и самая истина бываетъ то на той, то на другой сторонѣ, не принадлежа ни одной исключительно. Это еще болѣе объусловливается тѣмъ состояніемъ нападенія и обороны, въ которое попеременно становятся обѣ партіи. Сперва въ наступательное положеніе приходитъ одна, напримѣръ либерализмъ; а потому ей, какъ наступающей, необходимо и наибольшее напряженіе умственныхъ силъ; а потомъ въ то же положеніе приходитъ другая, консерватизмъ, и потому теперь это напряженіе необходимо вызывается болѣе въ ней, чѣмъ въ торжествующей и

удовлетворенной партіи. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, такъ какъ въ теченіи стадіи прогресса активность преобладаетъ надъ реактивностью, то въ общемъ выводѣ оказывается, что мы были, кажется, правы, когда сказали, что по большой части умственный союзникъ бываетъ все таки на сторонѣ либерализма въ разсматриваемой теперь половинѣ жизни. Что касается за тѣмъ другой, т. е. конца застоя и всей стадіи регресса, то выводы о борьбѣ партій здѣсь можно сдѣлать уже a priori, если только предъидущіе наши выводы вѣрны. A priori можно угадать, во первыхъ, что тамъ борьба идетъ между консерваторами и ретроградами; во вторыхъ, что консерваторы играютъ тамъ роль либераловъ, а потому на ихъ сторонѣ тамъ нравственность, ретрограды же играютъ теперь роль прежнихъ консерваторовъ, а потому въ союзѣ они съ силою; въ третьихъ, что умственный вѣсъ переходитъ отъ одной партіи къ другой, смотря по тому, идетъ ли регрессія или же реакція: въ первой онъ поддерживаетъ ретроградовъ, во второй — консерваторовъ; но такъ какъ общее теченіе времени совершается въ пользу первыхъ, и такъ какъ интенсивность и экстенсивность регрессій перевѣшиваетъ интенсивность и экстенсивность реакцій, то въ общемъ выводѣ умственный элементъ оказывается за ретроградовъ; наконецъ, что система борьбы продолжается та же самая, и что теперь ретрограды платятъ консерваторамъ тѣмъ же, чѣмъ консерваторы разсчитывались недавно съ либералами. Самое художественное воплощеніе этой исторіи представляетъ исторія Брута и Цезаря. Брутъ — консерваторъ, Цезарь — ретроградъ; Брутъ — весь нравственность, весь преданность, Цезарь — весь геній; Брутъ — слабость и безсиліе, Цезарь — могущество; Брутъ, хотя бы и не убилъ себя, былъ бы убитъ на всегда; Цезарь, — хотя и убитый, воскресаетъ въ Августѣ, и дѣло его увѣковѣчивается. Вотъ теорія борьбы между тремя главными общественными мнѣніями. Что касается остальныхъ двухъ партій, полярныхъ, т. е. радикаловъ и обскурантовъ, то они при нормальномъ теченіи жизни встрѣчаться не могутъ, какъ видно это изъ самаго размѣщенія ихъ на дугѣ

жизни. При нормальномъ состояніи вещей радикалы потому только радикалы, что они впервые открываютъ инстинктъ либерализма, какъ Сервій Туллій или нашъ Петръ Великій; а это не можетъ, конечно, не представляться радикальнымъ шагомъ въ жизни. Также точно обскуранты, при нормальномъ теченіи жизни, потому только обскуранты, что послѣдніе ретрограды, какъ Діоклеціанъ, какъ Юліанъ. И если тѣмъ или другимъ приходиться бороться, то только со смежными партіями: радикаламъ съ либералами, обскурантамъ съ ретроградами. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, бываютъ случаи, гдѣ радикалы и обскуранты, такъ сказать, перескакиваютъ черезъ сосѣдей и сталкиваются лицомъ къ лицу, или, точнѣе, гдѣ либерализмъ и ретроградство напрягаются до радикализма и обскурантизма, и тѣмъ какъ бы перемѣщаютъ двѣ крайнія партіи съ мѣстъ ихъ, и вообще извращаютъ обыкновенный порядокъ жизни. Въ однихъ изъ этихъ случаевъ радикалы и обскуранты, несмотря на все противорѣчіе ихъ, бросаются въ объятіи другъ друга, встрѣчаются для дружбы и союза: это тогда, когда между ними стоятъ многочисленные консерваторы, т. е. стоитъ врагъ, равно ненавидимый обоими, и въ отдѣльности пересиливающій каждаго изъ нихъ; въ другихъ случаяхъ они тоже бросаются въ объятія другъ друга, но уже не для дружбы и союза, а для того чтобы другъ друга задушить: это бываетъ тогда, когда они встрѣчаются непосредственно и нераздѣляемые никакимъ третьимъ врагомъ. Этотъ послѣдній случай предполагаетъ совершенно уже анормальное теченіе жизни и тѣмъ, собственно говоря, исключаетъ себя изъ науки нормальныхъ общественныхъ отправленій. Здѣсь начинается уже патологія, а не физіологія общества. Но потому-то именно мы и обозримъ этотъ случай вкратцѣ, чтобы такимъ образомъ на примѣрѣ и въ другой разъ показать, чего не должно отождествлять съ политикой, показать другой существенный предѣлъ этой науки, тотъ, гдѣ начинается наука анормальныхъ отправленій общества.

Случай столкновенія радикализма съ обскурантизмомъ есть

Читальная зала

то, что можно назвать *общественной болѣзнію*, потому что онъ никогда не проходитъ на столько же благополучно какъ столкновеніе прочихъ инстинктовъ и всегда, напротивъ, разражается катастрофою. Возникать этотъ случай можетъ съ обоихъ его концовъ, какъ съ радикальнаго такъ съ обскурантнаго. Каждый разъ какъ только напрягается почему бы то нибыло и какой бы то нибыло одинъ инстинктъ, вслѣдъ за тѣмъ на столько же напрягается и противоположный ему, и напрягается уже потому что напряженъ первый и на столько же, на сколько напряженъ тотъ. Самая же естественная причина всякаго первичнаго напряженія того или другого инстинкта есть долгая и насильственная сдержанность его. Въ природѣ нѣтъ никакого тѣла, которое обладало бы большею упругостью, чѣмъ духъ человѣческій; а потому здѣсь, больше чѣмъ гдѣ нибудь, сила упругости пропорціональна силѣ давленія. Чѣмъ сильнѣе было давленіе, тѣмъ пуще потомъ отпрыгиваетъ сдавленный инстинктъ, и тутъ-то, вырвавшись наконецъ въ пространство, не знаетъ уже мѣры своему расширенію. Если до сихъ поръ мы видѣли, что инстинктивность очень не мало совпадаетъ съ разумностью, такъ что даже могла до сихъ поръ весьма часто замѣнять ее намъ, то теперь мы увидимъ всю слѣпоту и все безуміе разнузданнаго и разъяреннаго инстинкта. Въ инстинктѣ обскурантизма слѣпота эта обнаруживается тремя степенями: политическимъ угнетеніемъ, тираніей и терроромъ, въ радикализмѣ — политическимъ преступленіемъ, бунтомъ, революціей, т. е. такъ называемыми у современныхъ либераловъ великими событіями. Великія событія съ точки зрѣнія регрессивной, т. е. угнетеніе, тиранія, терроръ, никогда не восходятъ съ одной степени своей на другую произвольно; также точно и либерально-великія событія; но каждая новая степень тѣхъ и другихъ обусловливается и можетъ вызываться только соотвѣтственной степенью противоположнаго ряда. Такимъ образомъ политическое преступленіе вызываетъ политическія угнетенія, угнетенія вызываютъ бунтъ, бунтъ вызываетъ тиранію, тиранія — революцію, революція —

терроръ; и на оборотъ: угнетеніе вызываетъ преступленіе, преступленіе—тиранію, тиранія—бунтъ, бунтъ—терроръ, терроръ—революцію. Но чѣмъ же вызывается первый съ той или съ другой стороны шагъ? Первый шагъ вызывается какою либо анормальностью микроскопическою, почти незамѣтною и нечувствительною. Такъ, напримѣръ, революція, низвергнувшая римское царство и превратившая его въ республику, вызвана была первоначально фактомъ, собственно не касавшимся самаго общества, и касавшимся только домашней жизни одного лица въ этомъ обществѣ. Такіе факты какъ оскорбленіе Тарквиніемъ Лукреціи и Коллатина тысячу разъ проходятъ даромъ; но при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и малѣйшая анормальность производитъ первый шагъ къ цѣлой патологической исторіи. Полный же примѣръ такого патологическаго процесса можно видѣть на исторіи англійской революціи. Здѣсь есть, вопервыхъ, предварительное угнетеніе. Іаковъ I, продолжая царствовать точно также какъ и Елисавета, оказывается, однакожъ, самъ того неподозрѣвая, угнетателемъ, единственно потому что народъ и парламентъ теперь уже не тѣ, что были прежде, т. е. единственно потому что есть теперь новыя потребности, которыя, однакожъ, не удовлетворяются и даже угнетаются. Такъ потребность пресвитеріанская и пуританская испытываетъ формальное насиліе надъ собой: въ Шотландіи навязываніемъ ей епископства, въ Англіи—отрѣшеніемъ должностныхъ лицъ пуританской церкви; потребность католическая, потребность вѣротерпимости, признанная сначала и самимъ Іаковомъ, встрѣчаютъ потомъ преслѣдованіе, то въ видѣ поголовной пени, то въ видѣ конфискаціи земель и раздачи ихъ протестантамъ; парламентская потребность находитъ себѣ постоянное противодѣйствіе въ теоріи короля о своей власти. Здѣсь есть, во вторыхъ, и рядъ политическихъ преступленій, вызванныхъ угнетеніемъ. Пуритане протестуютъ бѣгствомъ, эмиграціей въ Америку; парламентъ протестуетъ своими протоколами и прошеніями о правахъ; католики протестуютъ пороховымъ заговоромъ. Здѣсь есть, въ третьихъ, и быстро вы-

ростающая тиранія, вызванная этими преступленіями, и которая, начавшись собственноручнымъ королевскимъ вырываніемъ протестовъ изъ книги парламентскихъ протоколовъ, оканчивается хватаніемъ членовъ парламента, заключеніемъ ихъ въ тоуэръ, произвольными налогами, беспрестаннымъ распусканіемъ парламентовъ и фаворитизмомъ Боккингамовъ и Страффордовъ. Здѣсь есть, въ четвертыхъ, и вызванный тираніею призывъ къ непокорности, къ бунту, а именно объявленіе со стороны парламента измѣнникомъ всякаго плательщика произвольно наложенныхъ податей, а наконецъ и самый бунтъ, то въ видѣ сопротивленія Джона Гемидена, то въ видѣ насильственнаго освобожденія заключенныхъ и торжественнаго возвращенія ихъ въ парламентъ, то въ видѣ формальнаго возстанія какъ шотландскій ковенантъ. Здѣсь есть, въ пятыхъ, и порожденный всѣмъ этимъ терроръ въ видѣ пепстовствъ то Верховной Коммисіи, то знаменитой Звѣздной Камеры. Здѣсь есть, наконецъ, въ шестыхъ, и настоящая междуусобная война, революція. Таково обыкновенное теченіе самой обыкновенной общественной болѣзни. Оно всегда и непремѣнно состоитъ въ томъ, что либеральные инстинкты искуственно напрягаются до радикальныхъ, а ретроградные до обскурантныхъ, при чемъ послѣдніе изъ каждыхъ двухъ встрѣчаются между собою и выражаются, съ одной стороны, въ какомъ нибудь Карлѣ I и кавалерахъ, а съ другой въ какомъ нибудь Кромвелѣ и индепендентахъ или даже левеллерахъ (тогдашнихъ коммунистахъ). Что же касается обыкновеннаго исхода катастрофы, то онъ, при злокачественности, разрѣшается регрессомъ, а при доброкачественности, возвращаетъ къ прогрессу. Въ первомъ случаѣ кризисъ затягивается на долго, возмущенное состояніе общества безпрестанно возобновляется и повторяется, какъ это было въ Римѣ со временъ Гракховъ и до временъ Августа, и какъ это есть во Франціи современъ Людовика XVI и до временъ Тьера. Во второмъ случаѣ кризисъ проходитъ быстро; вслѣдъ за нимъ радикализмъ ослабляется до либерализма и даже до консерватизма, а обскурантизмъ въ свою очередь опадаетъ до ретрог-

радства и также до консерватизма; прежній до-революціонный порядокъ вещей возстановляется, и жизнь начинаетъ течь снова съ того мѣста, на которомъ она остановлена была революціей. Такъ въ Англіи послѣ кризиса, состоявшаго въ республикѣ, наступила реставрація Стюартовъ, и Карлъ II сталъ продолжать исторію оттуда, гдѣ ее кончилъ Карлъ I. Другими словами, доброкачественность исхода именно въ томъ и состоитъ, чтобъ возвратиться назадъ, чтобъ возстановить нарушенное равновѣсіе организма, и тѣмъ получить возможность снова итти впередъ. Сами же революціи никогда и нигдѣ не составляютъ никакого шага впередъ, да и немогутъ составлять его, потому что съ нихъ весьма достаточно бываетъ и того уже успѣха, если онѣ успѣваютъ побороть болѣзнь, востановить здоровье. Силы же, уходящія на возстановленіе здоровья, никакимъ образомъ не могутъ въ тоже время быть обращены и на активную жизнь; для такой жизни онѣ всегда составляютъ утрату, и всегда сокращаютъ эту жизнь ровно на столько же, сколько ихъ пошло на одолѣніе болѣзни. Оттого-то и Ромеръ въ своей теоріи партій не могъ не наткнуться на наблюденіе, что борьба радикаловъ и обскурантовъ никогда ничего не созидаетъ, и что политическое творчество, въ самомъ даже обширномъ смыслѣ, принадлежитъ только борьбѣ сосѣднихъ между собою партій, а въ тѣсномъ смыслѣ только борьбѣ либераловъ и консерваторовъ. И дѣйствительно, здѣсь, въ этой катастрофической, болѣзненной борьбѣ, отступаются отъ обѣихъ борющихся сторонъ всѣ тѣ творческія политическія силы, какія въ вышеописанныхъ нормальныхъ борьбахъ принадлежали то одной сторонѣ, то другой, то переходили со стороны на сторону. Такъ физическая сила, которая тамъ была явно преобладающею на одной изъ сторонъ, здѣсь не становится ни на ту, ни на другую исключительно, отчего и происходитъ возможность междоусобія, гдѣ обѣ стороны разсчитываютъ на равенство физическихъ силъ. Такъ нравственная сила, которая тамъ была также преимущественно на одной сторонѣ здѣсь опять не стоитъ ни на какой изъ двухъ, и радикалы знаменуютъ себя ровно

такою же безнравственностью и такими же злодѣяніями какъ и обскуранты, такъ что на всякаго Боккингама и Страффорда найдется по Гей Фоксу и Фельтону, и на каждую Звѣздную Камеру однихъ найдется bill of attainder или продажа и казнь короля у другихъ. Другими словами, фанатизмъ, будетъ ли онъ радикальный или обскурантный, всегда есть фанатизмъ, всегда неразбирающій средствъ для цѣли, всегда іезуитизмъ. Если мы видѣли между настоящими, обскурантными іезуитами Клемановъ, Жераровъ, Равальяковъ, Шателей, то между іезуитами радикальными было не меньше Кадудалей, Зандтовъ, Лувелей, Орсини, Досіосовъ, Беккеровъ, Каракозовыхъ, Березовскихъ, Нечаевыхъ. Такъ, наконецъ, и третья сила, умственная, которая въ нормальной борьбѣ партій переходила съ одной стороны на другую, смотря по активности или реактивности эпохи, здѣсь, не смотря ни на какой періодъ борьбы, не сопутствуетъ ни радикализму, ни обскуратизму. Кто изъ только что вычисленныхъ героевъ того и другого геніальнѣе или тупѣе прочихъ — это было бы очень не легко рѣшить. Въ революціяхъ геніальность если являлась, то всегда только съ кризисомъ или послѣ кризиса, т. е. именно послѣ поворота отъ борьбы крайнихъ партій къ борьбѣ среднихъ, какъ напримѣръ Кромвель или Наполеонъ, до того же времени, предъ наступленіемъ кризиса, т. е. въ самый разгаръ радикально-обскурантной борьбы, умственной разницы между Маратами, Дантонами, Робеспьерами, съ одной стороны, и Лодами, Боккингамами, Страффордами съ другой, искать очень трудно. Да это и весьма понятно: фанатизмъ есть самая могущественная изъ страстей; а страсть также хорошо заслоняетъ собою разсудокъ, какъ она заслоняетъ и совѣсть, и фанатики, всегда бываютъ тѣмъ тупѣе и безнравнѣе, чѣмъ болѣе они страстны. Отсюда борьба радикализма съ обскурантизмомъ носитъ на себѣ всѣ признаки вполнѣ слѣпаго инстинкта, т. е. и безсильнаго, и безнравственнаго, и безумнаго. И тутъ-то, въ томъ самомъ общественномъ инстинктѣ, въ которомъ мы видѣли выше столько разумности,

хотя и безсознательной, видимъ мы теперь также всю его сторону неразумную; тутъ-то къ счастливымъ и благопріятнымъ для насъ непосредственнымъ побужденіямъ его, влекущимъ насъ безсознательно къ истинѣ и благу, присоединяются несчастливыя и неблагопріятныя, влекущія къ заблужденію и ко злу; тутъ, однимъ словомъ, восполненіе всего того, что разумѣется подъ точнымъ смысломъ слова инстинктъ. А вслѣдствіе того здѣсь же, больше чѣмъ гдѣ нибудь, обнаруживается вся опасность и вся недостаточность такого руководства для общественной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся потребность и вся благотворность науки.—Переходя теперь ко всѣмъ остальнымъ общественнымъ болѣзнямъ, нельзя не замѣтить, что всѣ онѣ суть не что иное какъ та или другая часть вышеописанной, т. е. разница только въ томъ, что эта была общая, всеорганическая, а тѣ суть частныя, мѣстныя. Такимъ образомъ бываетъ отдѣльное политическое преступленіе, отдѣльный заговоръ, отдѣльный бунтъ, а съ другой стороны отдѣльное насиліе, (т. е. произволъ) отдѣльная тиранія (т. е. диктатура) и отдѣльный терроръ (т. е. деспотизмъ). Первые три представляются въ видѣ острыхъ страданій, послѣднія три всегда имѣютъ наклонность перейти въ хроническія. Но начало, теченіе и исходъ каждаго изъ этихъ процессовъ суть совершенно тѣ же, что и въ предъидущемъ случаѣ. Начало—всегда какая нибудь сдавленная потребность, какой нибудь рвущійся на волю инстинктъ: оттого преступленіе, заговоръ, бунтъ всегда начинаются въ эпохи реакцій, и тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ реакція несоразмѣрнѣе; а насиліе, диктатура, деспотизмъ — всегда въ эпохи акцій, и тѣмъ больше, чѣмъ самая акція была не умѣреннѣе. Теченіе этихъ катастрофъ всегда состоитъ, во-первыхъ, въ радикализированіи подлежащаго инстинкта, во-вторыхъ въ кризисѣ, т. е. сшибкѣ его съ противоположнымъ инстинктомъ, и въ третьихъ въ ослабленіи, въ умѣреніи перваго вторымъ и въ пользу второго: оттого кризисы всегда бываютъ по срединѣ между акціей и реакціей, и всегда для одной изъ нихъ возвѣщаютъ наступленіе другой. Исходомъ

бываетъ непремѣнно возвращеніе къ точкѣ отправленія, — и въ этомъ единственная разница мѣстныхъ катастрофъ отъ общей. Мѣстная никогда не оканчивается регрессомъ, а всегда возвращается раньше или позже къ прогрессу, къ новой и умѣренной смѣнѣ акцій реакціями; такъ что всякая частная и мѣстная катастрофа общественная имѣетъ всегда характеръ только частнаго и несвоевременнаго застоя, никогда не оканчивающагося регрессомъ, какъ оканчивается застой общій и своевременный или катастрофа общая и продолжительная. Для анализа выберемъ по одному процессу изъ числа острыхъ и изъ числа хроническихъ и именно по одному среднему: изъ числа острыхъ—заговоръ, изъ числа хроническихъ—диктатуру. Заговоръ начинается обыкновенно съ того, что, въ силу пригнетенія, по фальшивой системѣ постепенности, какой либо зарождающейся потребности, разсѣянные по обществу элементы недовольства,всегда малочисленные, приходятъ въ броженіе, и въ броженіи этомъ рано или поздно встрѣчаются. Встрѣтившись, они, въ силу сродства своего, непремѣнно льнутъ одинъ къ другому, и такимъ образомъ организуется кружокъ недовольныхъ. Кружокъ этотъ, находя единственную отраду и единственное самоудовлетвореніе въ сѣтованіяхъ, все чаще и чаще собирается для этой цѣли, и такимъ образомъ уплотняется. Уплотнившись же, и постоянно питая себя одною и тою же идеею, постоянно раздражая и возбуждая себя ею, кружокъ мало по малу приходитъ къ такой напряженности этой идеи, что не онъ ею, а она имъ начинаетъ повелѣвать, и прежде всего просится наружу, за предѣлы кружка. Этотъ выходъ ея наружу состоитъ обыкновенно сначала въ стремленіи организировать пропаганду свою; и, такъ какъ ни организація, ни пропаганда не могутъ быть въ такихъ обстоятельствахъ явны, то и одна, и другая принимаютъ характеръ тайны. Отсюда тайное общество и тайный наборъ членовъ. Но и самый наборъ удовлетворяетъ до тѣхъ поръ только, пока онъ не исчерпанъ, пока условія мѣста и времени не положатъ ему предѣлъ. Коль скоро же предѣлъ этотъ достигнутъ, то общество

опять остается само съ собою, опять живетъ только внутренней жизнью, опять питается самимъ собою, и по этому снова нуждается въ новомъ выраженіи, въ новой внѣшней жизни. Но послѣ того какъ мысль перешла уже въ слово, и какъ это выраженіе ея достаточно уже истощилось, единственное новое для нея выраженіе есть переходъ изъ слова въ дѣло. Такимъ образомъ возникаетъ какой либо практическій проектъ. Но и самый этотъ проектъ первоначально бываетъ весьма умѣренъ, и вполнѣ соотвѣтствуетъ самой слабости зародившейся потребноси. Онъ ограничивается какою либо законною, но съ новымъ оттѣнкомъ въ ней, дѣятельностью, которою и удовлетворяется опять до тѣхъ поръ, пока дѣятельность эта или будетъ истощена, или, встрѣчая на каждомъ шагу затрудненія, не станетъ невозможною. Невозможность эта не преминетъ внести новое раздраженіе въ самую идею, укажетъ на ея безплодность, потребуетъ отъ нея большей рѣшительности, необходимой для устраненія встрѣченныхъ препятствій, и такимъ образомъ поведетъ ее на одну степень глубже. Извѣстное число членовъ, съ одной стороны, вѣрныхъ первоначальной идеѣ, а съ другой болѣе робкихъ и нерѣшительныхъ, при этомъ случаѣ непремѣнно отстанетъ; оставшіеся же сдѣлаются по этой причинѣ, еще смѣлѣе и рѣшительнѣе; а потому идея не замедлитъ взойти и еще на одну степень радикализаціи дальше. Равнымъ образомъ и внутри, между частями конспираціи, будетъ происходить то же, что снаружи; т. е. менѣе рѣшительные, хотя и не вышедшіе, члены станутъ оставаться на поверхности, на периферіи общества, а болѣе рѣшительные, по общему закону соединенія частицъ, станутъ осѣдать къ центру его, подобно самымъ тяжелымъ частицамъ физическаго тѣла, и станутъ овладѣвать властью, вліяніемъ, господствующимъ вѣсомъ въ обществѣ. И этимъ путемъ во главѣ всего общества окажется непремѣнно самый рѣшительный, самый нетерпѣливый и самый фанатическій членъ, который и сдѣлается центромъ тяжести всего тайнаго общества. Здѣсь, озираясь назадъ, заговорщики всегда могутъ

увидѣть, что они пришли далеко дальше того, чѣмъ куда въ началѣ хотѣли придти, но повернуть назадъ они все таки не могутъ: никакое общество не переходитъ ни къ регрессу, ни къ застою прежде, чѣмъ жизненность его истощилась; а тайныя общества, по самому составу своему, слишкомъ переполнены жизненностью, для того чтобы останавливиться и не идти впередъ. Но идти въ самомъ себѣ больше нельзя, а внѣ идти впередъ больше некуда, какъ на площадь, какъ изъ тьмы на свѣтъ, изъ тайны въ явность: отсюда катастрофа, отсюда преступленіе, бунтъ, т. е. или личный бунтъ, или массивное преступленіе. Прослѣдимъ теперь такой же необходимый процессъ послѣ этого кризиса. Если уже раньше, если уже въ самомъ началѣ конспирація разошлась съ окружающимъ обществомъ, сдѣлалась несовмѣстима съ нимъ, почему и уединилась отъ него, то что же сказать теперь, послѣ того какъ она растравила себя до послѣднихъ предѣловъ возможности? Весьма естественно, что на площади можетъ ожидать ее только изумленіе, только ужасъ и, въ самомъ счастливомъ для нея случаѣ, только равнодушіе. Если бы публика могла сочувствовать вышедшему на площадь заговору, то и заговариваться было бы не зачѣмъ: тогда неотразима была бы реформа, революція, наконецъ, но не заговоръ. А коль скоро сдѣлался неотразимымъ заговоръ, то тѣмъ самымъ онъ уже призналъ, что у него нѣтъ никакой солидарности съ окружающимъ міромъ. Такимъ образомъ еще въ утробѣ матери, еще при зачатіи, всякій заговоръ обреченъ уже на погибель, и въ этомъ-то и вся трагедія его: не рождаться онъ не могъ, когда оказались элементы зачатія; а едва онъ родился, какъ надъ нимъ уже тяготѣетъ рокъ, виситъ проклятіе и смерть. Исходъ заговора извѣстенъ: это—въ самомъ лучшемъ даже случаѣ, въ томъ случаѣ, который часто называется у него успѣхомъ—есть полнѣйшій неуспѣхъ, полнѣйшее фіаско. И для общества, и для себя заговорщики не получаютъ ничего кромѣ распятія: ихъ распинаютъ обыкновенно буквально, общество же бываетъ, благодаря имъ, распинаемо непремѣнно слѣдующей за тѣмъ реакціей, удвоеніемъ

ея. Чѣмъ радикальнѣе была эта попытка акціи, тѣмъ непремѣнно энергичнѣе и дальнѣйшая реакція. Зрячее, сознающее недовольство должно бы скорѣе хлопотать объ усиленіи того порядка вещей, которымъ оно недовольно, въ полной увѣренности, что тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе наступитъ иной порядокъ, иная волна, дополнительная, противоположная. Недовольство же слѣпое, возставая непосредственно противъ непріятнаго для него порядка, тѣмъ только больше его увѣковѣчиваетъ, и, вмѣсто приближенія новой волны, только отдаляетъ ее. Но, можетъ быть, оно сдѣлало дѣло и тою уже пропагандою, какую успѣло осуществить въ обществѣ? Ничуть; напротивъ, оно и самой пропагандѣ помѣшало; оно, напротивъ, искоренило изъ общества то, что хотѣло вкоренять въ него. Въ самомъ дѣлѣ, пропагандируя гораздо больше внутри себя, чѣмъ внѣ, а если и внѣ, то тотчасъ же обращая новыхъ прозелитовъ въ себя самого, тайное общество извлекаетъ главнымъ образомъ изъ окружающей среды всѣ соотвѣтственные соки ея, всасываетъ ихъ всѣ въ одно себя, сосредоточиваетъ ихъ здѣсь, и этой предупредительностью даетъ только возможность вырвать ихъ всѣ съ корнемъ и за одинъ разъ, такъ что послѣ этого уровень среды понижается на всю начинавшую зарождаться потребность, и пропагандировать ее въ ней надо опять сначала. Такъ-то заговоръ возвращаетъ общество назадъ, и дѣлаетъ самого себя не только безплоднымъ, но всегда плодовитымъ въ иномъ направленіи, чѣмъ какое онъ имѣлъ въ виду. За примѣромъ всего этого процесса русскому читателю ходить далеко не зачѣмъ, потому что процессъ этотъ списанъ съ его родныхъ воспоминаній. А списанъ онъ съ нихъ потому что нигдѣ во всей исторіи процессъ заговора не развивался съ такой естественностью и такою полнотою, какъ заговоръ декабристовъ. Всѣ прочіе заговоры были застигнуты то въ началѣ, то въ серединѣ, то предъ концомъ своего развитія, и тѣмъ образцовость ихъ, типичность нарушена; нашъ же, благодаря особенно благопріятнымъ обстоятельствамъ, благодаря неприкосновенности и безпре-

пятственности своей, шелъ со ступени на ступень по всѣмъ правиламъ естественнаго процесса, длился и развивался цѣлое десятилѣтіе, и обнаружилъ себя только тогда, когда самъ того захотѣлъ, слѣдовательно когда созрѣлъ въ совершенствѣ. Эти-то условія и дѣлаютъ изъ него самый счастливый для науки и какъ бы нарочитый случай изолированія этого явленія, случай, по которому мы можемъ легко потомъ изучать всѣ другіе подобные, но чѣмъ нибудь извращенные. И дѣйствительно, каждый изъ остальныхъ заговоровъ подтверждаетъ и развиваетъ собой только ту или другую частность описаннаго выше процесса. Такъ, напримѣръ, масонство и тугендбундъ представляютъ собой широкое развитіе начальнаго періода тайныхъ обществъ, гдѣ цѣли еще умѣренны и непротивозаконны, гдѣ потребность общества, хотя и не популярна еще, но тѣмъ не менѣе удобопрактикуема, и гдѣ поэтому развивается больше только форма тайны, чѣмъ самая сущность ея. Такъ всѣ тайныя общества небольшія, немногочисленныя, тѣ, которыя состоятъ изъ нѣсколькихъ лицъ, и которыя оканчиваются политическимъ преступленіемъ, а не бунтомъ, представляютъ обыкновенно примѣръ крайне быстрой радикализаціи, т. е. чрезвычайное напряженіе и развитіе средняго періода. Два-три человѣка, начавъ болтовней, въ два-три мѣсяца оканчиваютъ здѣсь убійствомъ. Таковы всѣ эти заговоры Орсини, Кадудаля, Фіэски одного и другого Сенъ-Марса, и т. п., не говоря уже о всѣхъ единоличныхъ заговорщикахъ, какъ Лувель, какъ Равальякъ, какъ Анкарштремъ и др. Наконецъ только относительно исхода своего всѣ тайныя общества не представляютъ никакихъ различій, т. е. всѣ равно никогда не достигаютъ своей цѣли, и всѣ же и всегда достигаютъ противоположной. Если даже они достигнутъ цѣли своей формально, то и тогда не достигаютъ ее существенно. Заговоръ Гармодія и Аристогитона, повидимому, удался: Гиппархъ убитъ; но чѣмъ же сдѣлался потомъ Гиппій? на сколько выросла, благодаря этому убійству, тиранія? чѣмъ заплатили за него не только заговорщики, не только ихъ друзья и подруги, но и все госу-

дарство? Правда, интенсивность реакціи Гиппія, по всей вѣроятности, сократила по крайней мѣрѣ экстенсивность ея, сократила ее до четырехъ лѣтъ, и, слѣдовательно, ускорила акцію и изгнаніе Гиппія; и если бы это напряженіе реакціи ради сокращенія продолжительности ея было цѣлью заговорщиковъ, то дѣло ихъ дѣйствительно нельзя было бы не считать удавшимся. Но въ такомъ случаѣ возникалъ бы неразрѣшимый вопросъ: что лучше, интенсивность или экстенсивность? и почему именно надо было предпочесть первую второй или вторую первой, коль скоро онѣ непремѣнно вознаградятъ одна другую не мытьемъ такъ катаньемъ? Заговоръ Брута и Кассія, говоря привычнымъ языкомъ, также удался, потому что Цезарь убитъ. Но не тѣмъ вѣрнѣе ли подготовленъ новый цезарь и еще худшій? Личность поражена, но не укрѣпленъ ли принципъ? Заговоръ Пацци опять удался: Юліанъ Медичи опять мертвъ. Но мертва ли система въ лицѣ Лаврентія? Что же касается всѣхъ такъ называемыхъ неудавшихся заговоровъ, то они считаются такими потому, что не достигли цѣли своей даже и по формѣ, не только по содержанію. Такимъ образомъ всякій возможный заговоръ неминуемо безплоденъ; и если оставляетъ послѣ себя плодъ, то совсѣмъ не тотъ, котораго добивался. Самый умный изъ всѣхъ заговоровъ былъ пороховой заговоръ въ Англіи. Дождись Гюй-Факсъ благополучно условной минуты,—и онъ дѣйствительно могъ бы покончить за одинъ разъ и съ королемъ, и съ его семействомъ, и съ лордами, и съ депутатами. Но, вырвавши такимъ образомъ изъ общества всѣхъ представителей его, пришлось бы имѣть счеты съ тѣми, кто былъ представляемъ ими. И такъ гдѣ же тутъ дѣйствительная перемѣна! А потому даже самый умный, самый рѣшительный заговоръ все таки долженъ былъ не удаться, если бы, по понятію заговорщиковъ, онъ и удался имъ. Да иначе это и быть не можетъ, потому что заговорщикъ, также какъ и современный историкъ, разсчитываетъ больше на лица, чѣмъ на системы и принципы; потому что заговорщикъ, также какъ и современный историкъ, даетъ

цѣну только власти, и не даетъ ее обществу; потому что заговорщикъ, также какъ и современный историкъ, гораздо больше вѣритъ въ произволъ свой, въ человѣческую волю, чѣмъ въ законы общества и въ необходимость историческую. Одинъ мыслитъ плохо, а другой плохо дѣйствуетъ, и до тѣхъ поръ пока первый будетъ продолжать такъ мыслить, второй будетъ продолжать такъ дѣйствовать. Они оба союзники, оба заговорщики; но что теоретическому заговорщику обходится одними чернилами, то у практическаго выходитъ кровью. Наша конспираторская исторія, умѣющая только живописать великіе образы, да разстилаться предъ великими героями, но ничего не умѣющая понимать въ этихъ изящныхъ образахъ и герояхъ, не исключая и того, что въ нихъ велико и что мало, тѣмъ пущаго заслуживаетъ омерзѣнія, что, постоянно толкая своихъ лучшихъ учениковъ на погибель, сама умѣетъ только умывать себѣ руки. А между тѣмъ она толкаетъ ихъ еще и другимъ путемъ: съ одной стороны, восхваляя Брутовъ и Аристогитоновъ, съ другой, она направляетъ своихъ читателей на Пизистратовъ и Тиберіевъ, нисколько не подозрѣвая, что для науки ни въ первыхъ нѣтъ предмета для похвалы, ни во вторыхъ нѣтъ предмета для проклятій. Плоха та наука, которая то входитъ въ кумовство съ предметами наблюденія, то вцѣпляется имъ въ волоса.—Тиранія есть такая же точно необходимость находящейся подъ ней почвы, какъ и самый заговоръ; и если одинъ изъ этихъ цвѣтовъ извлекаетъ лучшіе соки изъ своей почвы и пахнетъ лучше, а другой, извлекая худшіе соки, и пахнетъ хуже, то гдѣ же тутъ основаніе для ботаническаго или историческаго вмѣненія? Начало тираніи, также какъ и начало заговора, есть всегда неудовлетвореніе какой либо возникающей потребности, съ тѣмъ впрочемъ преимуществомъ, что между тѣмъ какъ потребность, представляемая заговоромъ, была непремѣнно потребность меньшинства, потребность, представляемая тиранiей, есть всегда потребность большинства. Если большинство ощущаетъ уже новую потребность, но не можетъ еще само по себѣ удовлетворить ее, если

она не имѣетъ для того ни умственной, ни нравственной силы и имѣетъ только физическую, которая безъ первыхъ двухъ равна нулю, тогда наступаетъ мѣсто и почва для тираніи. Оттого-то тиранія и появляется всегда въ кризисы между двумя какими либо періодами, когда одинъ еще не можетъ окончиться, а другой еще не можетъ начаться. Какой либо представитель умственной или нравственной силы, недостающей большинству, нуждающійся въ свою очередь въ силѣ физической, недостающей ему самому, объявляетъ себя перешедшимъ на сторону большинства, и тѣмъ переводитъ и самое большинство на свою сторону. Союзъ, заключенный такимъ образомъ, и есть тиранія. На первыхъ порахъ тиранъ не только объявляетъ себя на сторонѣ большинства, но и дѣйствительно бываетъ на его сторонѣ, безъ чего онъ не могъ бы пріобрѣсть довѣрія, популярности, а, слѣдовательно, и нужной ему физической силы; но потомъ, когда сила эта получена и забрана въ руки, когда только съ нимъ имѣетъ она единство, а безъ него теряетъ его, тогда у тирана дѣйствительно нѣтъ больше никакого побужденія оставаться на сторонѣ большинства, и онъ весьма легко забываетъ о немъ. Но такъ какъ источникомъ этой власти, какъ видно изъ самаго ея происхожденія, было личное честолюбіе, то тиранъ не возвращается также и къ тому меньшинству, изъ котораго самъ вышелъ, и старается держаться выше ихъ обоихъ. Отсюда необходимость подавлять одно изъ нихъ другимъ, необходимость безпрестаннаго компромисса, что и согласуется такъ отлично съ потребностями той переходной, критической минуты, которая дала мѣсто для тираніи. Наконецъ когда въ практикованіи этого компромисса потребность большинства болѣе или менѣе созрѣла, когда оно само уже болѣе или менѣе въ состояніи удовлетворять ее, когда новый періодъ окончательно становится возможнымъ, тогда тиранія снимается тотчасъ же и легко, и жизнь начинаетъ идти снова нормальнымъ порядкомъ. Такова была тиранія Пизистратидовъ на рубежѣ между тимократическимъ періодомъ Аѳинъ и

демократическимъ; такова была тиранія Медичисовъ во Флоренціи при переходѣ отъ республиканскихъ формъ къ монархической; такова была диктатура Наполеона I при кризисѣ между аристократіей и буржуазіей; такова же и тиранія Наполеона III при кризисѣ между буржуазіей и демократіей. Всѣ онѣ вначалѣ основаны были, съ одной стороны, на потребности большинства, а съ другой—на личномъ честолюбіи; всѣ сначала и дѣйствовали во имя большинства, пока не сочли себя достаточно укрѣпленными его физическою силою; всѣ, по минованіи кризиса, исчезли и замѣнились другими формами: одна — демократіей, другая — монархіей, третья—буржуазіею, четвертая—демократіею по мѣрѣ силъ. И такъ если заговоръ, начинаясь во имя интересовъ меньшинства, оканчиваетъ усиленіемъ большинства, то тиранія, начинаясь во имя интересовъ большинства, оканчивается интересами меньшинства и даже личности, и стремится превратиться въ терроръ. Если заговоръ можно хвалить или порицать въ началѣ или въ концѣ, то справедливость требовала бы дѣлать то же самое и съ тираніей, коль скоро ужъ кто нибудь задался похвалою и порицаніемъ тѣхъ или другихъ болѣзней. Анализа всѣхъ остальныхъ видовъ мѣстныхъ страданій общественныхъ, каковы: насиліе и терроръ, съ одной стороны, и преступленіе и бунтъ, съ другой, мы не приводимъ, полагая, что онъ можетъ быть сдѣланъ по анализу среднихъ между этими крайними формъ. И потому предупредимъ одно только въ этомъ отношеніи сомнѣніе, котораго нельзя непредвидѣть. Если нѣкоторые изъ нынѣшнихъ метафизическихъ теоретиковъ и конспираторскихъ историковъ и согласятся на нашу теорію заговора, то они никакъ уже не согласятся, конечно, на подобную же исторію бунта. Въ опроверженіе непремѣнной безплодности его они, конечно, приведутъ, что возстаніе Брута и Коллатина было не безплодно и не лишено творчества, коль скоро оно открыло новый и лучшій періодъ жизни, и на мѣстѣ разрушенной монархіи создало республику. Но дѣло въ томъ, что коль скоро общество созрѣло для извѣстной реформы, то она тѣмъ или

другимъ путемъ, не въ дверь, такъ въ окно, но влетитъ въ общество; а потому если республика влетѣла въ римскую жизнь болѣзненно, то это еще не значитъ, что она не влетѣла бы, и даже около того же самого времени, здорово. Если причина готова, то предлогъ всегда найдется; разница здѣсь только въ томъ, сегодня онъ найдется или завтра. Въ Греціи въ подобную же пору общества, созрѣвшаго для разрушенія монархизма и для созданія республики, Кодръ не оскорблялъ никакой Лукреціи; напротивъ онъ совершилъ геройскій и патріотическій подвигъ: тѣмъ не менѣе, однакожъ, Аѳиняне и въ этомъ нашли достаточный предлогъ, для того чтобы не имѣть больше царей. Неужели же причиной паденія монархій историкъ сочтетъ по этому добродѣтели монарховъ? А если нѣтъ, то и никакого бунта здѣсь также не нужно; и если онъ подвертывается случайно, то нѣтъ никакого основанія относить къ этому предлогу тѣ послѣдствія, которыя принадлежатъ только причинѣ. Таковы же точно были въ новое время всѣ конституціонные бунты Италіи, Германіи, Испаніи, Бельгіи, и т. п.; и считать всѣ нынѣшнія конституціи Европы послѣдствіемъ и священнымъ даромъ именно этихъ уличныхъ бунтовъ Вѣны, Берлина, Дрездена, Брюсселя, Кадикса, Рима,— было бы, можетъ быть, очень либерально, но не очень научно.—Таковъ рядъ тѣхъ соціальныхъ катастрофъ, которыя всѣ можно относить къ одному и тому же виду, а именно къ перевершенію естественнаго процесса активности и реактивности. Но есть еще другой, совершенно противоположный видъ, на который, впрочемъ, мы только намекнемъ здѣсь, не анализируя его: это—недовершеніе того же процесса. Этотъ видъ проявляется въ формахъ, съ одной стороны, абсолютизма, а съ другой апатіи. Въ томъ и другомъ случаѣ активность и реактивность упадаетъ, а не возвышается, партіи исчезаютъ, а не накопляются, и ослабляются, а не напрягаются. Бываетъ же это тогда, когда насиліе, тиранія, терроръ длились слишкомъ долго и успѣли обратиться въ хроническій деспотизмъ, какъ было это напримѣръ въ Испаніи со временъ трехъ Филипповъ

ея и инквизиціи до конца прошедшаго вѣка. Впрочемъ еще чаще этотъ видъ страданій встрѣчается въ стадіяхъ регресса, а не прогресса, какъ напримѣръ въ римской имперіи, въ Византіи. Наконецъ оба ряда анормальностей составляютъ не что иное какъ нарушеніе равновѣсія акцій и реакцій, въ ту или другую сторону. Этимъ мы и заключимъ нашу теорію общественныхъ катастрофъ, далеко не исчерпывая ее.

Для полноты не только соціальнаго, но и въ частности политическаго знанія въ высшей степени необходима была бы, конечно, подробная теорія всѣхъ общественныхъ страданій; но потому-то мы и оставляемъ ее въ сторонѣ, что для такой теоріи нужна цѣлая особая наука, какъ это и предположено нами въ Исторіи и Методѣ *).

---

*) Экономія изучаетъ изъ числа всѣхъ соціологическихъ предметовъ только одинъ, — законъ соединенія и раздѣленія труда; хотя какъ она его изучаетъ,— это мы видѣли выше, въ началѣ главы. Что же касается всѣхъ другихъ вопросовъ соціологіи, то она и вовсе ихъ не затрогиваетъ. Такъ она ничего не знаетъ объ экономическихъ акціяхъ и реакціяхъ, хотя онѣ столь же дѣйствительны, какъ и политическія, что въ особенности, напримѣръ, замѣтно на приливахъ и отливахъ спроса и предложенія. Она также ничего не знаетъ о существованіи экономическихъ партій и инстинктовъ, хотя это познаніе могло бы сразу освѣтить все значеніе различныхъ экономическихъ теорій, которыя оказались бы не наукой, какъ всѣ онѣ на то претендуютъ, а простыми программами экономическаго либерализма или консерватизма. Въ практикѣ происходитъ борьба между буржуазіей и демократіей,—и вотъ, перенесенная въ теорію, она оказалась здѣсь борьбою между экономистами и соціалистами. Экономисты, слѣдовательно, суть только представители буржуазіи въ наукѣ, а соціалисты — представители въ ней только демократіи; но ни тѣ, ни другіе не представители науки. Она также не касается экономической стороны соціологическихъ анормальностей, совсѣмъ упуская изъ виду экономическое значеніе бунтовъ, революцій, терроровъ, тираній, заговоровъ, и нисколько не анализируя соотвѣтственныхъ имъ потрясеній экономическаго порядка, каковы напримѣръ: парализація экономическихъ отправленій по мѣрѣ напряженія политическихъ, и, обратно, возбужденіе экономическихъ по мѣрѣ паралиэаціи политическихъ. Словомъ, будучи одною изъ частей соціологіи, экономія вовсе не подозрѣваетъ ничего о томъ цѣломъ, котораго она составляетъ часть. Удивительно ли, что при такой новой капитальной погрѣшности она можетъ бродить только ощупью, никакъ не попадая на почву науки? Гораздо удивительнѣе было бы, напротивъ, еслибъ она при такихъ условіяхъ попала на эту почву. Она родилась преждевременно, а потому и не могла быть ничѣмъ больше какъ недоноскомъ.

Общій политическій законъ.

Переходъ отъ соціологіи къ политикѣ. — Законъ Впечатлѣнія и Рефлекса. — Инкорпорація и экскорпорація.—Политическіе органы.—Общее ихъ отправленіе.—Общій продуктъ ихъ.—Анормальности ихъ.—Предѣлъ политическаго творчества.—Политика какъ исторія.

До сихъ поръ мы слѣдили жизнь общества, общую какъ для экономической такъ и для политической его организаціи; теперь мы откладываемъ въ сторону всѣ явленія экономическія и ограничиваемся только чисто политическими. Но переходя такимъ образомъ къ политикѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, мы все таки сначала разсмотримъ въ этой главѣ только тѣ явленія, которыя общи для всей вообще политической жизни, и только потомъ уже, въ слѣдующихъ главахъ, перейдемъ къ каждому изъ спеціальныхъ ея элементовъ.

Какъ вся біологія исходитъ изъ закона скрещиванія, а вся соціологія изъ явленій соединенія и раздѣленія труда, такъ вся политика отправляется отъ психологическаго феномена *впечатлѣнія* и *рефлекса*. По этому закону безъ впечатлѣнія и безъ рефлекса нѣтъ никакой нравственной жизни, и на оборотъ всякая нравственная жизнь состоитъ изъ длиннаго ряда впечатлѣній и рефлексовъ. То же и въ обществѣ, но только въ обширныхъ размѣрахъ: впечатлѣніе и рефлексъ суть здѣсь не что иное какъ дѣйствіе нравственной среды на нравственный организмъ и воздѣйствіе этого организма на эту среду. Что въ біологіи мужескій полъ и женскій, семья и семья, родъ и родъ и т. д., что въ соціологіи подвиды и виды, виды и роды, роды и классы и т. д., то въ политикѣ окружающее и окружаемое. Законъ скрещиванія переработываетъ каждыя двѣ свои противоположности въ нѣчто третье, отличное отъ нихъ, и въ которомъ онѣ исчезаютъ; законъ соединенія и раздѣленія только совмѣщаетъ каждыя двѣ свои противоположности въ нѣчто третье, тождественное съ ними,

и въ которомъ противоположности не перестаютъ быть собою; законъ впечатлѣнія и рефлекса только сводитъ каждыя двѣ свои противоположности, не претворяя и даже не совмѣщая обоихъ, а только противопоставляя ихъ одну другой. Въ первомъ случаѣ происходитъ полное сліяніе, во второмъ только сближеніе, въ третьемъ только вліяніе. Въ одномъ случаѣ было со-чиненіе, въ другомъ — сопод-чиненіе, въ третьемъ — причиненіе. Вотъ это-то причиненіе, это взаимодѣйствіе двухъ самостоятельныхъ противоположностей, это взаимовліяніе среды и организма, и составляетъ первый и существенный принципъ закона впечатлѣнія и рефлекса. Впечатлѣніе есть, по этому, вліяніе среды на организмъ, воздѣйствіе окружающаго на окружаемое; а рефлексъ есть обратное вліяніе организма на среду, взаимодѣйствіе окружаемаго на окружающее. Сумма впечатлѣній, дѣйствій среды, причинъ, составляетъ то, что называется созерцательной жизнью; сумма рефлексовъ, воздѣйствій организма, слѣдствій, составляетъ все то, что называется дѣятельною жизнью. Изъ этихъ двухъ сферъ и состоитъ главнымъ образомъ вся духовная жизнь какъ общества такъ и человѣка. Пока пересиливаетъ вліяніе среды до тѣхъ поръ пересиливаетъ и созерцательная жизнь; когда взаимодѣйствіе среды и организма уравновѣшиваются, тогда уравновѣшиваются и созерцательная жизнь съ дѣятельною; когда организмъ пересиливаетъ среду, тогда пересиливаетъ и дѣятельная жизнь; когда организмъ и среда снова приходятъ въ равновѣсіе, приходятъ въ равновѣсіе и обѣ жизни; когда среда снова одолѣваетъ организмъ, созерцательная жизнь снова беретъ перевѣсъ надъ дѣятельною; когда среда окончательно торжествуетъ надъ организмомъ, слѣдуетъ смерть. Другой, еще болѣе сложный и спеціальный, принципъ закона опредѣлится тогда, когда опредѣлимъ, въ чемъ же именно состоитъ это взаимодѣйствіе и взаимовліяніе. Но вліяніемъ не можетъ быть ничто другое какъ уподобленіе себѣ, дѣланіе похожимъ на себя, приноровленіе къ себѣ другого. По этому если такое дѣйствіе происходитъ взаимно между двумя противоположностями, если и

ервая изъ нихъ уподобляетъ себѣ вторую, и вторая первую, о изъ этого можетъ возникать только большее или меньшее урав-новѣсіе ихъ обоихъ, примиреніе, гармонія. Вотъ это-то рав-новѣшеніе и гармонія и составляетъ второй существенный прин-ципъ закона. Онъ постоянно стремится къ тому, чтобъ при-чинность не преобладала исключительно на одной сторонѣ, а слѣдственность исключительно на другой, но чтобы и та, и другая сторона были столько же причиной, сколько и слѣд-ствіемъ одна другой. Отсюда сумма такихъ равновѣсій, та-кихъ гармоній, такихъ винословностей, и составляетъ то, что называется эстетической жизнью. Эстетическая жизнь общества дѣйствительно есть не что иное, какъ уравновѣшеніе теорети-ческой и практической, не что иное какъ гармонія впечатлѣній рефлексовъ, примиреніе окружающаго міра съ окружаемой ин-дивидуальностью. А достиженіе этого примиренія и составляетъ обыкновенно наибольшую высоту, апогею жизни, и занимаетъ обыкновенно центръ ея исторіи. Такимъ образомъ всю духов-ную жизнь, какъ въ обществѣ такъ и въ человѣкѣ, состав-ляютъ три великія функціи: созерцательная жизнь, эстетиче-ская и дѣятельная. Высшее выраженіе созерцательной жизни человѣчества составляетъ знаніе, (т. е. религія, философія и наука); высшее выраженіе эстетической — искусство (логиче-ское, художественное и практическое); высшее выраженіе, дѣя-тельной — политика, общежитіе. Но дѣло въ томъ, что каж-дая изъ этихъ трехъ жизней имѣетъ въ себѣ и элементъ двухъ другихъ подъ господствомъ только третьяго; а потому и пред-метъ нашей науки, жизнь дѣятельная, имѣетъ оттѣнокъ и со-зерцательный, и эстетическій. Отсюда и три политики: поли-тика теоретической дѣятельности, политика эстетической дѣя-тельности и политика практической дѣятельности.

Какъ на законѣ скрещиванія основывалось явленіе про-гресса и регресса, какъ на законѣ соединенія и раздѣленія труда основывалось явленіе акціи и реакціи, такъ на законѣ впечатлѣнія и рефлекса основано то всеобщее и характери-стическое явленіе политики, которое въ психологіи называется

привычкой и отвычкой, а здѣсь можетъ быть названо *инкорпораціей* и *экскорпораціей*. Привычка вводитъ какое нибудь новое свойство въ духовный организмъ человѣка, а отвычка выводитъ изъ него какое нибудь старое, изжитое начало. Также точно инкорпорація есть внѣдреніе, воплощеніе въ общество какого либо новаго, жизненнаго продукта или созерцательной, или эстетической, или практической дѣятельности, а экскорпорація есть, напротивъ, искорененіе, изверженіе какого либо продукта ихъ древняго и негоднаго больше для жизни общества. Какъ прогрессъ и регрессъ были, каждый, рядомъ акцій и реакцій, такъ каждая акція и каждая реакція есть въ свою очередь рядъ инкорпорацій и экскорпорацій. Доходя до этого феномена, мы проникаемъ, слѣдовательно, все глубже и глубже въ тайны общественнаго организма, достигаемъ до все болѣе и болѣе спеціальныхъ путей и процессовъ его, потому что это есть, наконецъ, процессъ чисто-политическій, ибо процессъ того, что называется реформой, преобразованіемъ, производствомъ чисто-политическимъ. А все это составляетъ такой же исключительный удѣлъ политики, какъ производство богатствъ составляетъ исключительный удѣлъ экономіи. Здѣсь-то начинается то различіе, которое полагаетъ предѣлъ между наукою невещественныхъ и наукою вещественныхъ богатствъ общества.

Сообразно этой частной, спеціально-политической жизни, имѣются и такіе же спеціальные *политическіе органы*. Эти органы суть: для отправленій созерцательной политической жизни — интеллигенція общества, для эстетической — правительство, (т. е. вообще аристократія) а для дѣятельной — гражданство (т. е. тимократія и демократія). Интеллигенція есть органъ впечатлительности политической, гражданство есть органъ политической рефлективности, а правительство есть посредствующій приборъ съ своимъ задерживающимъ аппаратомъ. Интеллигенція есть проводникъ внѣшняго міра во внутренній; гражданство—проводникъ внутренняго міра во внѣшній; правительство — регуляторъ, устанавливающій гармонію

между обоими мірами, примиряющій и уравновѣшивающій ихъ. Интеллигенція есть классъ активный, иниціативный и, слѣдовательно, по преимуществу политическій, такъ что экономическая жизнь въ немъ есть нѣчто второстепенное; гражданство есть классъ пассивный, по преимуществу воспринимающій, и, слѣдовательно, гораздо больше экономическій, такъ что атрибуты политическіе суть у него второстепенные; правительство же есть классъ обоюдный, гармоническій, равно творящій и воспринимающій, творящій въ сравненіи съ гражданствомъ, воспринимающій въ сравненіи съ интеллигенціей, активный для перваго и пассивный для второй, однимъ словомъ классъ соціологическій. Соединяемые по-парно, они опять различно противополагаются другъ другу. Интеллигенція и аристократія суть классы болѣе идеальные, буржуазія и демократія болѣе матеріальные. Аристократія и демократія суть классы внѣшніе, интеллигенція и тимократія внутренніе. Демократія и интеллигенція самые децентрализованные классы, средній и высшій самые сосредоточенные. Интеллигенція и средній классъ наиболѣе богаты сродствомъ: интеллигенція есть и аристократическая, и буржуазная, и демократическая, средній классъ есть и крупный, и мелкій, и аристократическій, и демократическій; аристократія же и демократія наиболѣе бѣдны сродствомъ, и одна исключительно аристократична, другая исключительно демократична.

Сообразно этимъ тремъ органамъ имѣются и три *отправленія политическія*. Общее всѣхъ ихъ отправленіе есть политическое творчество въ обширномъ смыслѣ слова. Общее же отправленіе каждаго есть: у интеллигенціи — творчество въ тѣсномъ смыслѣ, у правительства — претвореніе, у гражданства — воплощеніе. Какъ акція и реакція состоятъ изъ ряда инкорпорацій и экскорпорацій, такъ эти послѣднія состоятъ изъ ряда творчествъ, претвореній и воплощеній. Творчество созидаетъ, изобрѣтаетъ, производитъ невещественныя блага; претвореніе пересозидаетъ, обработываетъ, воспроизводитъ ихъ, для того чтобы приноровить къ потребностямъ общежитія и

за тѣмъ распространить по обществу; наконецъ воплощеніе воспринимаетъ эти претворенныя и распространяемыя блага, усвоиваетъ ихъ и тѣмъ окончательно инкорпорируетъ, окончательно въ то же время удовлетворяя этимъ ту или иную политическую потребность. При этомъ центральное отправленіе, соединяющее оба другія, есть, очевидно, среднее, т. е. пластическое или правительственное, потому что, преобразуя идеи въ образы и теоріи въ кодексы, оно тѣмъ самымъ приближаетъ мышленіе къ бытію, и становится посредникомъ между обоими.

Въ результатѣ этихъ отправленій получаются *продукты политическіе*. Продукты эти или творенія, говоря вообще, суть всѣ блага невещественныя. Частнѣе же эти блага суть: у интеллигенціи и творчества—идеи, у правительства—права, у гражданства — нравы. Цѣль первыхъ есть общественная истина, цѣль вторыхъ—общественная красота, гармонія, равновѣсіе, цѣль третьихъ—благо общественное. Выработанныя интеллигенціею, идеи у правительства обращаются въ права, а выработанныя правительствомъ, права обращаются у гражданства въ нравы. Безпрестанная смѣна этихъ-то идей, правъ и правовъ и составляетъ то, что названо выше безпрестанной инкорпораціей и экскорпораціей. Однѣ идеи, права, нравы безпрестанно инкорпорируются обществу, а другія безпрестанно экскорпорируются изъ него; и въ этомъ состоитъ ежедневная, ежечасная жизнь общества. Между тѣмъ какъ акція и реакція требуетъ въ большомъ обществѣ, напримѣръ государствѣ, цѣлаго поколѣнія, а иногда и двухъ, безъ инкорпораціи и экскорпораціи не проходитъ въ нихъ ни одного дня.

Всѣ эти описанія сдѣланы нами потому такъ бѣгло и въ общихъ чертахъ, что намъ необходимо представить предварительно только самую общую картину политической жизни съ ея интеллигенціей, правительствомъ и гражданствомъ, такъ какъ частныя картины каждой изъ нихъ составятъ спеціальный предметъ каждой изъ слѣдующихъ главъ. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ нимъ, намъ надо дополнить общую

картину и еще двумя, равно относящимися ко всѣмъ частнымъ, чертами. Эти черты суть двѣ: общая для всей политической жизни анормальность и общій для всего политическаго творчества предѣлъ. Эти только черты мы и разсмотримъ здѣсь съ нѣкоторою подробностью, такъ такъ въ послѣдующихъ главахъ онѣ были бы неумѣстны, потому что относятся къ нимъ ко всѣмъ.

Что касается собственно *политическихъ анормальностей*, то онѣ тѣмъ отличаются отъ соціологическихъ, что относятся къ одной политической сторонѣ жизни и не захватываютъ собою экономической. Бунтъ, заговоръ, тиранія и т. п. извращаютъ всѣ соціологическія нормы, какъ духовныя такъ и матеріальныя; разстройства же политическія видоизмѣняютъ только первыя, а именно только порядокъ творчества, претворенія и усвоенія. Бунтъ, заговоръ, тиранія нарушаютъ нормальное теченіе акцій и реакцій; неправильности же политическія касаются только теченія инкорпорацій и экскорпорацій. Бунтъ, заговоръ, тиранія суть столкновенія не только двухъ, не только противоположныхъ, но самыхъ противоположнѣйшихъ партій; страданія же политическія могутъ происходить даже внутри одной только и той же господствующей въ данную минуту партіи. Изъ того и изъ другого слѣдуетъ, что болѣзни политическія менѣе радикальны, болѣе мѣстны и менѣе опасны, чѣмъ соціологическія. Но за то, съ другой стороны, всѣ политическія болѣзни имѣютъ свойство гораздо чаще и больше обращаться въ хроническія, чѣмъ какая бы то ни было изъ соціальныхъ, и каждая можетъ обратиться въ причину одной изъ послѣднихъ. Какъ ни стараемся мы здѣсь не смѣшивать физіологію общества съ патологіей его, но мы не можемъ избѣжать указанія по крайней мѣрѣ на самые главные виды политическихъ анормальностей, такъ какъ безъ этого указанія и самыя нормы могли бы показаться не выдерживающими повѣрки. Виды эти суть все тѣ же два, что и въ физіологіи, и въ соціологіи: одинъ разъ недовершеніе нормальнаго политическаго процесса, другой разъ перевершеніе его, при чемъ въ обоихъ случаяхъ

какъ инкорпорація такъ и экскорпорація затрудняется. Недовершеніе процесса бываетъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ обстоятельствахъ. Обыкновенный, довершонный политическій процессъ требуетъ правильнаго перехода отъ идеи въ право и потомъ изъ права въ нравъ; между тѣмъ на практикѣ часто бываетъ, что процессъ застаивается на первой ступени, и никакъ не можетъ перейти на вторую, на ступень права, вслѣдствіе чего и является недовершеніе общаго политическаго процесса. А между тѣмъ, такъ какъ застой на ступени идеи продолжается въ такомъ случаѣ дольше чѣмъ слѣдуетъ, то, съ другой стороны, обнаруживается здѣсь также и перевершеніе процесса, а именно перевершеніе одного изъ трехъ частныхъ, т. е. первоначальнаго. Такой случай представляетъ, напримѣръ, исторія Франціи въ XVII и XVIII вѣкѣ, т. е. передъ революціей. Преобразовательныя общественныя идеи, а именно идеи антиаристократическія, идеи средняго сословія, начали ферментироваться во Франціи еще въ концѣ среднихъ вѣковъ и высказываться еще въ etats généraux, какъ напримѣръ при Іоаннѣ Добромъ въ 1355 году, гдѣ Этьеннъ Марсель и Робертъ Лекокъ формулировали уже предложеніе настоящей ограниченной монархіи. Дальнѣйшее развитіе états généraux, безъ сомнѣнія, скоро повело бы къ тому, что идеи эти стали бы мало по малу переходить и въ право, въ законъ. Но такъ какъ états généraux пришли, напротивъ, въ забвеніе, то единственный законный каналъ для этого перехода отнялся, и мнѣнія стали застаиваться на своей степени, не переходя въ право. А между тѣмъ какъ идеи Марселя и Лекока не имѣли возможности перейти въ дѣло, инкорпорироваться окончательно, къ нимъ съ каждымъ днемъ прибывали новыя и новыя идеи и мнѣнія, естественно слѣдующія за тѣми, какъ напримѣръ идеи и мнѣнія Бейля, Монтеня, Бодена. Но и этотъ приливъ не имѣлъ опять никакой возможности подвинуть процессъ по его дорогѣ. Еще дальше, идутъ идеи Монтескье, Руссо, Вольтера, энциклопедистовъ; а между тѣмъ процессъ все таки не двигается впередъ. Такимъ образомъ вмѣсто того чтобы идеямъ

предшествующаго поколѣнія перейти въ право при послѣдующемъ, или по крайней мѣрѣ при третьемъ, какъ это обыкновенно бываетъ, онѣ оставались на мѣстѣ въ теченіи цѣлыхъ трехъ столѣтій: XVI, XVII и XVIII. Во все это время идеи, слѣдовательно, могли только скопляться одна на другую и одна другую торопить; волна набѣгала на волну, а выхода не было и для первой; уровень потока все росъ и росъ, а плотина не раскрывалась. И потому, когда потокъ выросъ до высоты плотины, онъ непремѣнно долженъ былъ перепрыгнуть ее, непремѣнно долженъ былъ потомъ низринуться съ стремительностью, ниспровергающею все на своемъ пути. И все это единственно для того чтобы съ одной естественной ступени политическаго процесса перейти на другую такую же, непосредственно слѣдующую за первою. Совершись этотъ переходъ своевременнѣе, — напоръ идей, получивши исходъ, умѣрился бы, вошолъ бы въ русло свое, принялъ бы теченіе спокойное; но такъ какъ этого не случилось, то вопросъ изъ политическаго и сдѣлался соціологическимъ и потрясъ собою весь соціальный организмъ. Изъ простого вопроса инкорпораціи и экскорпораціи дѣло перешло въ вопросъ акціи и реакціи; изъ вопроса акціи и реакціи оно дошло до вопроса радикализма и обскурантизма; изъ радикализма и обскурантизма вопросъ обратился въ вопросъ прогресса или регресса, и наконецъ готовъ обратиться въ вопроссъ жизни и смерти. И все отъ того что продукты интеллигенціи долго не обращались въ продукты правительства, а эти послѣдніе въ продукты гражданства. Вся многочисленность партій французскихъ и вся неразрѣшимость борьбы между ними есть послѣдствіе именно этого процесса перевершенія идей. Не успѣла, во время революціи, войти въ право мысль конституціонистовъ, какъ туда тѣснится уже идея жирондистовъ, умѣренныхъ республиканцевъ; не успѣли эти еще пробиться въ нравы, какъ уже торопится туда мнѣніе якобинцевъ, монтаньяровъ; не успѣли и эти инкорпорироваться, какъ уже пробуетъ инкорпорироваться бабувизмъ. Такимъ образомъ послѣдняя партія отошла отъ первой на такое разстояніе, какое,

при правильномъ теченіи жизни, возможно только для столѣтій; а между тѣмъ обѣ эти крайности оказались сосуществующими, и обѣ продолжаютъ существовать одновременно въ одномъ и томъ же поколѣніи и до сихъ поръ. Каждая изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ идей имѣетъ всѣ средства популяризироваться, каждая имѣетъ возможность не отставать отъ другой въ рекрутированіи партизановъ, каждая имѣетъ естественное побужденіе и естественное основаніе для перехода въ право и въ нравы; а между тѣмъ такой одновременный переходъ для нихъ всѣхъ есть чистая невозможность, несовмѣстимость. Не имѣя же возможности совмѣстить ихъ всѣ, и правительство, и гражданство должны избрать какую нибудь одну. Но какую же? Прогрессивнѣе всѣхъ коммунизмъ или старый бабувизмъ; но на его сторонѣ нѣтъ физической силы, какъ показалъ опытъ парижской коммуны. За нимъ слѣдуетъ красная, демократическая республика, старое якобинство и монтаньярство; но она не имѣетъ и той силы, какую имѣетъ коммунизмъ въ рабочихъ: одинъ политическій идеалъ безъ экономическаго въ наше время безсиленъ. Республика ли умѣренная, буржуазная, Тьеровская, этотъ старый жирондизмъ, имѣетъ болѣе шансовъ? но это означало бы стояніе на мѣстѣ, продленіе режима буржуазнаго, когда повсюду наступаетъ чередъ иного. Вожделеннѣе ли орлеанская монархія? но это буржуазія патентованная, буржуазія nec plus ultra Возможнѣе ли легитимизмъ, клерикальность, Бурбоны? но это еще болѣе рѣшительный шагъ назадъ, положительный симптомъ регресса... Вотъ то трагическое qui pro quo Франціи, то гамлетовское быть иль не быть ея, которое было слѣдствіемъ перваго, задержаннаго на порогѣ къ праву, мнѣнія Марселя и Лекока, и которое остается причиною всѣхъ тѣхъ судорогъ, съ какими процессъ пробовалъ съ тѣхъ поръ возстановиться. И въ этомъ то положеніи общества либеральная исторія наша привыкла искать признаковъ силы и жизненности, видѣть край обѣтованія и предметъ своихъ вѣрованій, находить путеводную звѣзду свою, и рукоплескать ей. Никто не будетъ тѣшиться

болѣзнью ближняго, хотя бы то и самою эффектною и поэтическою; болѣзни же ближняго народа мы не перестаемъ рукоплескать въ сотняхъ исписанныхъ съ тѣхъ поръ томовъ! Но вѣдь съ такой точки зрѣнія великимъ событіемъ для индивидуальной жизни надо бы считать всякую бѣлую горячку, всякій пожаръ, всякое наводненіе, всякое банкротство, и притомъ великимъ не въ смыслѣ великаго несчастія, великаго надрыва здоровья, состоянія, спокойствія, а въ смыслѣ великаго благополучія. Такъ велико еще соціологическое невѣжество наше, такую великую еще тайну для насъ составляетъ самая азбука соціальной науки. Другой видъ нарушеннаго равновѣсія въ политическомъ процессѣ есть совершенно обратный. Во Франціи недовершеніе состояло въ правѣ и въ нравахъ, а перевершеніе въ идеяхъ; въ Австріи при Іосифѣ II недовершеніе состояло въ идеяхъ, а перевершеніе въ правѣ и въ нравахъ. Іосифъ II, едва успѣвши самъ усвоить себѣ идеи революціи французской, задумалъ уже обратить ихъ въ права и въ нравы, инкорпорировать всему обществу. Въ обществѣ недостаточно инкорпорировались еще самыя мнѣнія, а онъ хотѣлъ уже инкорпорировать ему и новое право, и новый нравъ. Словомъ, по счастливому выраженію Фридриха Великаго, братъ Іосифъ любилъ дѣлать второй шагъ прежде перваго. Пока императоръ дѣлалъ свои опыты надъ апатичной Австріей, пока вводилъ тамъ свободу совѣсти, равноправность вѣроисповѣданій, пока закрывалъ по 700 монастырей и распускалъ по 30,000 монаховъ, дѣло еще кое-какъ сходило съ рукъ. Но когда онъ принялся проводить тѣ же идеи въ Бельгію, когда и тамъ началъ закрывать монастыри, передѣлывать университеты и ломать старыя учрежденія, то прежде всего возстали противъ него студенты; за тѣмъ присоединилось къ нимъ дворянство и духовенство, а чрезъ этихъ послѣднихъ поднята была и чернь; наконецъ самые города и горожане отказали въ податяхъ, пока не будутъ взяты назадъ всѣ нововведенія. Пришлось посылать войско, чтобъ сдѣлать бельгійцевъ счастливыми malgrè eux-mêmes; но и это не помогло: народъ прогналъ

войско, учредилъ въ Брюсселѣ конгрессъ, и объявилъ независимость Бельгіи. Такова была умѣстность либерализма Іосифа. То же самое и въ Венгріи. Сама интеллигенція этой страны была еще строго аристократична; дворянство и духовенство и того болѣе; народъ и горожане въ полной власти у того и другого; а императоръ и сюда несется съ тѣмъ же, съ чѣмъ онъ носится повсюду: отмѣняетъ цѣхи, уравниваетъ подати, закрываетъ монастыри, отмѣняетъ крѣпостное право. Но скоро дѣло приходитъ къ тому же, что и въ Бельгіи, странѣ грозитъ волненіе,—и вотъ реформаторъ принужденъ своими же руками брать назадъ большую часть всѣхъ своихъ нововведеній, и умираетъ, удивляясь, что недостойный народъ не умѣлъ оцѣнить прекраснѣйшихъ его намѣреній. А наслѣдникъ его, также инстинктивно и также не разсуждая, спѣшитъ удариться въ другую крайность, спѣшитъ возвратить Бельгіи и Венгріи всю ихъ старину и задобрить дворянъ и духовныхъ новыми обѣщаніями и надеждами. Вотъ чѣмъ окончилось недовершеніе процесса идей и перевершеніе процесса правъ и нравовъ. Третій и послѣдній видъ анормальности въ политическомъ процессѣ бываетъ тогда, когда процессъ этотъ совсѣмъ перескакиваетъ одинъ изъ трехъ его моментовъ, а именно: изъ мнѣній переходитъ прямо въ нравы, помимо правъ, не побывавъ въ законѣ, или, говоря объ эскорпораціи, уходитъ и изъ мнѣній, и изъ нравовъ, а въ правѣ остается. Такіе примѣры очень часты въ Англіи, гдѣ напримѣръ ни отвѣтственное министерство, ни свобода преній въ парламентѣ, ни свобода печати и до сихъ поръ не имѣютъ для себя основаній въ законодательствѣ, и изъ идеи прямо поступили въ нравы, обошедши законъ. Равно и наоборотъ право продажи жены давно вышло и изъ мыслей, и изъ нравовъ, а въ правѣ осталось и до сихъ поръ. Но анормальность эта не всегда обходится такъ счастливо какъ въ Англіи. Въ Римѣ одна подобная процедура стоила столько крови, сколько любая революція: мы говоримъ о христіанствѣ, которое, цѣлые четыре вѣка инкорпорируясь въ мнѣнія и въ нравы, цѣлые четыре вѣка

не могло инкорпорироваться въ право. И чѣмъ больше оно инкорпорировалось помимо и вопреки права, тѣмъ больше имѣла поводовъ скрежетать и бѣшенствовать противъ него представительница права—власть, правительство. Вотъ всѣ три способа извращенія нормальнаго политическаго процесса; а вмѣстѣ съ тѣмъ вотъ и три новыя доказательства того, въ какой мѣрѣ справедливо приписывается правительствамъ привиллегія постепенности. О, еслибъ она дѣйствительно принадлежала имъ, тогда нечего бы и желать народамъ! Но въ дѣйствительности бываетъ, напротивъ, совершенно наоборотъ: постепенность принадлежитъ, сначала исключительно, а потомъ болѣе, обществамъ, а не правительствамъ. И это потому что общества дольше цравительствъ живутъ естественною, безъискуственною жизнью; правительства же очень рано принуждены вносить въ жизнь искуство свое, вносить его еще и тогда, когда оно очень плохо и несовершенно. Да и въ послѣдствіи, когда искуство достаточно уже выработано, оно все еще, не имѣя опоры въ соотвѣтственной наукѣ, остается полуслѣпымъ. Въ такомъ видѣ пребываетъ оно и до сихъ поръ, какъ видно это уже изъ того, до какой степени мало оно цѣнитъ всѣ переверщенія и всѣ недовершенія политическаго процесса и въ особенности всѣ перепрыгиванія въ немъ. Оставить законъ въ забвеніи, видѣть его мертвымъ—для этого искуства ничего не значитъ, равно также видѣть нравъ помимо закона или установить законъ помимо идеи—также не представляется для него слишкомъ важнымъ. И потому накопленіе такихъ дробныхъ анормальностей допускается безпрепятственно даже въ Англіи. А вѣдь отъ такихъ легкихъ простудъ, насморковъ и небольшихъ излишествъ и портится потомъ все здоровье.

Уже изъ предъидущаго сами собою явствуютъ нѣкоторые *предѣлы политическаго творчества.* Такъ напримѣръ для нравовъ предѣломъ этимъ служатъ права, а для правъ предѣлъ составляютъ идеи. Никакіе нравы не могутъ пойти дальше правъ и идей; никакія права немогутъ опережать идей и мнѣній. Такъ что въ концѣ концовъ весь политическій процессъ за-

виситъ отъ идей. Состояніе же идей въ свою очередь не можетъ не зависѣть отъ состоянія богатства, такъ какъ никакія политическія потребности не могутъ возникать тамъ, гдѣ неудовлетворены еще экономическія, какъ наиболѣе настоятельныя. Такимъ образомъ для всей вообще политики въ свою очередь предѣломъ есть экономія, и для всѣхъ невещественныхъ богатствъ или власти нашей надъ обществомъ,—богатства вещественныя или наша власть надъ природою. Наконецъ для всей вообще соціологіи полагаетъ предѣлъ соціальная анатомія, потому что всѣ, какъ экономическія такъ и политическія отправленія, не могутъ не быть объусловлены соціальной организаціей. Это для нихъ предѣлъ, его же не прейдеши. Такимъ образомъ вопросъ о предѣлахъ политическаго творчества, возвращаясь къ корню своему, обращается въ вопросъ о предѣлахъ политическаго творчества въ дѣлѣ организаціи общественной. Здѣсь же можно говорить или о предѣлѣ вѣчномъ и повсемѣстномъ или о предѣлѣ временномъ и мѣстномъ. Первый есть предѣлъ измѣняемости вездѣ и всегда, тотъ, за которымъ начинается безусловная невозможность измѣненій нигдѣ, никогда, ни въ какомъ отношеніи. Второй есть тотъ предѣлъ, за которымъ начинается невозможность измѣненія только въ данномъ мѣстѣ, въ данное время и въ данномъ отношеніи. Въ той и другой своей формѣ вопросъ этотъ составляетъ одну изъ капитальнѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ всего политическаго знанія. Капитальнѣйшую, потому что безъ рѣшенія ея, также какъ и безъ рѣшенія вопроса о продолжительности жизни человѣчества, наука никогда не выйдетъ изъ своего метафизическаго фазиса; никогда не получитъ сколько нибудь точной и опредѣленной рамы; а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь никогда не выйдетъ изъ своихъ метафизическихъ, ничѣмъ не связывающихъ себя идеаловъ, утопій и притязаній. Труднѣйшую, потому что она не поддается строгому научному рѣшенію даже въ физіологіи, т. е. по отношенію къ измѣнчивости индивидуальной человѣческой организаціи и всѣхъ объусловленныхъ ею индивидуальныхъ функцій. Физіологи мо-

гутъ, конечно, не сомнѣваться, что измѣненіе человѣка никогда не дойдетъ до того, напримѣръ, чтобъ сердце перемѣстилось въ желудокъ, или чтобъ человѣкъ сталъ мыслить не мозгомъ, а легкими. Но если они не сомнѣваются въ этомъ, то вовсе не потому чтобы это было доказано или по крайней мѣрѣ доказуемо, а просто въ силу непосредственной вѣры и помимо всякихъ аргументовъ. Вѣра эта, конечно, могущественно напрашивается всякому здравому смыслу, но все-таки она есть не больше какъ вѣра; и еслибъ кто нибудь усомнился въ ней, то доказать ему ее было бы не чѣмъ. Что же сказать послѣ этого о невозможностяхъ общественныхъ! Людей — милліоны уже проходили передъ нашими глазами, опытовъ надъ ними сдѣлано уже несмѣтное количество, и всякій изъ опытовъ велъ безусловно къ выше замѣченной вѣрѣ; обществъ же прошло передъ нами сравнительно слишкомъ не много, и въ тоже время въ тѣхъ, что прошли, измѣненія въ строеніи были несравненно большія, чѣмъ измѣненія отъ человѣка къ человѣку. Отсюда нѣтъ такой эксцентричности, которой нельзя было бы помыслить въ отношеніи измѣнчивости обществъ, и нѣтъ такой, которую можно было бы опровергнуть, если она однажды помышлена. Мало того, нѣтъ, что еще хуже, такого времени и такой мѣстности, когда любая изъ этихъ эксцентричностей не могла бы считаться близкою, удобостижимою, такъ что остается только протянуть руки, чтобы обнять ее; а между тѣмъ у зрителей этого зрѣлища, у невѣрующихъ, нѣтъ также никакого иного оружія противъ этого заблужденія, какъ улыбка или скрежетъ зубовъ, какъ высокомѣрное безмолвіе или доказательства палача. И такъ гдѣ же якорь спасенія отъ этихъ крушеній, гдѣ узда для этой необузданности мысли? Единственная узда — это: отказаться, наконецъ, отъ всякаго погруженія мысли въ абсолютныя возможности или невозможности, отказаться отъ того, столь популярнаго еще и всегда подразумѣваемаго при всѣхъ разсужденіяхъ, убѣжденія, что коль скоро нѣтъ невозможности логической, то нѣтъ также и фактической. Единственная узда

есть ограничиться, напротивъ, именно этою фактическою, относительною возможностью или невозможностью, и вмѣсто предѣла вѣчнаго, искать только предѣлъ ей временный и мѣстный. Согласимся, пожалуй, на всякую измѣнчивость общества въ туманѣ будущаго, и станемъ спорить только объ измѣнчивости его тамъ или тутъ, тогда или теперь, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Конечно, и здѣсь вопросъ рѣшается не такъ легко, какъ бы это было нужно; но здѣсь онъ, покрайней мѣрѣ, рѣшается, здѣсь онъ удоборѣшимъ для науки; тогда какъ тамъ онъ не рѣшимъ ни для науки, ни для философіи, и рѣшимъ только развѣ для вѣры. Первое рѣшеніе этого вопроса состоитъ въ томъ, что измѣнчивость построенія и отправленія прямо пропорціональна степени ихъ спеціальности, а неизмѣнность прямо пропорціональна степени общности. Чѣмъ органъ или отправленіе частнѣе, тѣмъ измѣненія въ нихъ возможнѣе; чѣмъ то и другое общѣе, тѣмъ невозможнѣе измѣненія. Такъ, напримѣръ, если рѣчь идетъ о такомъ частномъ органѣ, какъ тотъ или иной подраздѣлъ администраціи, напримѣръ объ администраціи земледѣлія, или если рѣчь идетъ о такомъ частномъ отправленіи какъ процедура суда, то, съ точки зрѣнія нашего времени, нѣтъ ничего, конечно, легче, какъ измѣнить и то, и другое, а тѣмъ болѣе въ какомъ нибудь отношеніи также весьма частномъ. Но если ту же администрацію земледѣлія и ту же процедуру судебную предпринимается измѣнить радикально и во всѣхъ отношеніяхъ, то задача становится уже гораздо труднѣе, гораздо менѣе достижима. За тѣмъ измѣнить всю вообще администрацію или всю вообще юстицію, а тѣмъ болѣе измѣнить то и другое вмѣстѣ и во всѣхъ отношеніяхъ, есть уже предпріятіе крайне рискованное. Еще далѣе, измѣнить все вообще правительство или всю вообще интеллигенцію, а тѣмъ болѣе то и другое вмѣстѣ—представляется уже переворотомъ, совершенно неудобомыслимымъ. Наконецъ измѣнить разомъ всю экономію и всю политику, всѣ экономическія и политическія построенія и отправленія, все отношеніе между меньшинствомъ и большинствомъ, словомъ

всю пирамидальную форму общества, т. е. эту наиболѣе общую фигуру общественнаго построенія,—это составляетъ такую задачу, которая съ трудомъ помѣщается въ головѣ даже и въ качествѣ одной логической возможности. А между тѣмъ давно ли мы видѣли цѣлыя школы, и не продолжаемъ ли мы видѣть и до сихъ поръ иногда, примѣры проектовъ именно этого послѣдняго рода? Что, напримѣръ, такое нашъ пресловутый коммунизмъ, какъ не претензія пересоздать общество сверху до низу, отъ вершины до основанія? Уничтоженіе семьи, этой основы всей политики, уничтоженіе собственности, этой основы всей экономіи, уничтоженіе правительства, этой основы всей соціологіи, и при томъ уничтоженіе не въ смыслѣ логической, а въ смыслѣ фактической возможности, т. е. возможности для нашего времени, завтра, сегодня же, — все это представляетъ такую титаническую, такую прометеевскую самомнительность, предъ которою ничто и жизненный элексиръ, и философскій камень, и надъ которою дѣйствительно нельзя не остановиться въ нѣкотораго рода почтительномъ изумленіи. Какого еще надобно лучшаго доказательства всей бездны нашего невѣжества на счетъ самыхъ азбучныхъ понятій объ обществѣ! И, для довершенія ироніи, отъ тѣхъ реформъ, которыя по своей частности и дробности становятся доступны для власти каждаго отдѣльнаго человѣка, люди постоянно отвращаются, и если обращаются съ жаромъ и самоотверженіемъ, то именно къ тѣмъ, которыя превосходятъ всякое могущество самыхъ могущественныхъ въ мірѣ правительствъ. Вотъ гдѣ нашъ бичь, вотъ въ чемъ надъ нами проклятіе. Постоянно истощая лучшія силы наши на мыльные пузыри, на воздушные замки, на гоньбу за призраками, мы постоянно принуждены видѣть, какъ уходитъ изъ нашихъ рукъ и та дѣйствительность, которую мы въ самомъ дѣлѣ могли бы схватить въ охапку и вертѣть ею по произволу. Но далеко еще отъ насъ и самое сознаніе объ этомъ, такъ далеко, какъ мышленіе научное отдалено отъ метафизическаго. И много еще прольется кровавыхъ слезъ, прежде чѣмъ эти простыя истины популяризируются и начнутъ приносить

плодъ свой. Другіе два, частнѣйшіе, предѣла реформативности, на которые распадается общій предѣлъ, суть: одинъ — статическій, другой — динамическій. Съ точки зрѣнія статической никакое нововведеніе не мыслимо, если оно не можетъ найти себѣ связи съ существующимъ порядкомъ вещей. Статичность, равновѣсіе, гармонія въ томъ и состоитъ, что всѣ части, всѣ элементы механизма связаны другъ съ другомъ такою взаимностью, такъ другъ друга гарантируютъ, что всякій новый элементъ можетъ протѣсниться между нихъ только тогда, когда онъ оказывается болѣе или менѣе родичемъ этой средѣ; а всякій механизмъ тогда только можетъ усвоить себѣ нововведеніе, когда усвоеніе это оказывается подборомъ родича средою, и наименѣе нарушаетъ покой ея. Каждая новая капля непремѣнно уже болѣе или менѣе нарушаетъ равновѣсіе; если же ихъ много, то они не могутъ войти иначе какъ вытѣсняя столько же старыхъ и старающихся сохранить свои мѣста, и, слѣдовательно, производя волненіе, бурю. Отсюда если весь механизмъ современемъ и измѣняется, то не иначе какъ медленно и по каплямъ; измѣнить же его вдругъ и цѣликомъ, какъ дѣлаютъ профессоры магіи на театрахъ или щучье велѣніе въ сказкахъ, нѣтъ никакой фактической возможности. Въ свою очередь, съ динамической точки зрѣнія, необходимо еще, чтобы всякое нововведеніе, какъ бы оно частно ни было, не падало бы, однако, какъ снѣгъ на голову, какъ deus ex-machina, а напротивъ болѣе или менѣе коренилось бы уже въ прошедшемъ, т. е. имѣло бы связь и назадъ, не только по сторонамъ: иначе, не отвергнутое съ боковъ, оно можетъ быть отвергнуто съ тылу. Динамичность, движеніе, мелодія въ томъ и состоитъ, что все предъидущее также крѣпко связано со всѣмъ послѣдующимъ, какъ въ статикѣ связана часть съ частью. Поэтому всякое новое звѣно можетъ протѣсниться въ эту цѣпь только тогда, когда оно зацѣпится за предъидущее и дастъ возможность зацѣпиться за себя послѣдующему. И если современемъ все прошедшее мѣняется въ совершенно иное настоящее, а настоящее въ будущее, то не иначе какъ

подъ условіемъ этой поминутной работы сцѣпленія маленькихъ, незамѣтныхъ звѣньевъ. Здѣсь мы еще однимъ путемъ приходимъ къ убѣжденію, что здоровая, нормальная жизнь никакъ не терпитъ великихъ событій, будетъ ли то въ смыслѣ революціонномъ или въ реформаціонномъ. И такъ совмѣстность нововведенія, какъ части, съ окружающимъ, какъ цѣлымъ, и послѣдовательность его, какъ слѣдствія, съ предъидущимъ, какъ причиной, или другими словами: среда въ настоящемъ и почва въ прошедшемъ, — вотъ единственно безошибочныя условія и гарантіи всякой предпринимаемой въ обществѣ реорганизаціи. Никакое творчество политическое не въ состояніи итти дальше: несовмѣстность и непослѣдовательность тотчасъ положатъ ему предѣлъ, котораго не перешагнутъ никакія силы. Чѣмъ реформа грандіознѣе, тѣмъ она невозможнѣе, тѣмъ менѣе способна быстро и глубоко инкорпорироваться, потому что тѣмъ дальше отходитъ отъ прошедшаго, и тѣмъ большую захватываетъ часть настоящаго.

Сознаемся, что всѣ эти три предѣла политическаго творчества суть все еще предѣлы довольно неопредѣленные, что всѣ они относятся къ любому изъ мѣстъ и временъ, а не къ такому или иному мѣсту и времени въ частности. Для дѣйствительной точности и опредѣленности нужно было бы показать спеціальные предѣлы каждаго даннаго времени и каждаго даннаго мѣста. Но отъ политики, какъ науки статической, ничего больше и требовать невозможно. Частнѣйшее обозначеніе этихъ предѣловъ требовало бы изслѣдованія динамическаго, разсмотрѣнія общественной жизни въ движеніи, въ ея теченіи во времени, словомъ требовало бы цѣлой особой науки, а именно политики какъ исторіи. Но если мы постоянно отдѣляли здѣсь даже политику какъ искуство и политику какъ патологію, то тѣмъ больше не должны замѣшивать сюда политическую исторію. А это тѣмъ возможнѣе для насъ, что политика въ видѣ исторіи составитъ предметъ слѣдующей нашей книги *).

*) Что касается экономіи, то общій экономическій процессъ выясненъ ею

Частный

законъ интеллигенціи.

Интеллигенція, какъ первый органъ инкорпораціи и экскорпораціи. — Происхожденіе интеллигенціи. — Интеллигенція теоретическая, эстетическая и практическая. — Отправленія практической интеллигенціи. — Продукты этой интеллигенціи. — Отношеніе этихъ продуктовъ между собою. — Зрѣлость ихъ для дальнѣйшихъ метаморфозъ.

Все остальное изслѣдованіе наше отнынѣ должно быть посвящено анализу инкорпораціи и экскорпораціи, какъ суще-

---

достаточно, и это составляетъ до сихъ поръ первую и послѣднюю заслугу экономіи какъ науки. Но коль скоро мы перейдемъ къ анормальностямъ этого процесса и къ предѣламъ экономическаго производства, то здѣсь опять начнется непроницаемая тьма. Съ одной стороны, экономія не имѣетъ никакого представленія о томъ, что въ ея процессахъ нормально, и что ненормально, и всякую аблюденную ею болѣзненность, лишь бы только она была довольно правильна довольно распространена, экономія, какъ наука, всегда готова возвести въ норму, а экономія какъ искуство всегда готова возвести въ юридическій законъ Таково, напримѣръ, въ наукѣ — несоразмѣрное съ соединеніемъ раздѣленіе труда, раздѣленіе во что бы ни стало, а въ искуствѣ — узаконеніе права стачекъ, возведеніе въ норму права заговоровъ экономическихъ. О тѣхъ же недовершеніяхъ и перевершеніяхъ экономическаго процесса, которыя еще однимъ путемъ ведутъ къ общимъ соціологическимъ страданіямъ, экономія и говорить избѣгаетъ. Таковы, напримѣръ, переполненіе производства и богатства, непереходящее въ распредѣленіе, въ собственность, или застой распредѣленія и собственности, непереходящихъ въ потребленіе и въ новую производительность. Съ другой стороны, тѣ, кто объ этомъ только и говорить любятъ, не знаютъ въ свою очередь никакихъ предѣловъ экономическаго процесса. Они знаютъ, конечно, что предѣлъ потребленія есть распредѣленіе, предѣлъ распредѣленія торговля, предѣлъ торговли мануфактура, предѣлъ мануфактуры земледѣліе, предѣлъ всей вообще экономіи физіологія и физика, т. е. населеніе и территорія; но предѣлъ экономическато строенія и, слѣдовательно, отправленій есть и для нихъ такая же тайна, какъ для тѣхъ, кто любитъ говорить о политикѣ и правительствѣ. Другими словами, они также не знаютъ никакого предѣла экономической реорганизаціи, какъ эти не знаютъ предѣла политической. И потому, если одни изъ экономистовъ придвигаютъ этотъ предѣлъ какъ можно по-ближе, до текущаго status quo, то другіе отодвигаютъ его какъ можно по-дальше, до tabula rasa. Если одни отрицаютъ науку своимъ laissez faire, laissez passer, потому что на что же и изучать процессъ, коль скоро лучше всего предоставить его самому себѣ; то другіе отрицаютъ науку своимъ boulevarsez de fond en comble, потому что для этого также не надо науки.—Сводя вмѣстѣ всѣ эти замѣчанія на счетъ экономіи, мы получимъ тотъ общій выводъ, что въ экономіи безсознательно смѣшивается и спуты-

-ственнаго и спеціальнаго процесса политики. Но такъ какъ и самый процессъ инкорпораціи и экскорпораціи не есть еще процессъ элементарный, неразложимый болѣе, и такъ какъ онъ имѣетъ, напротивъ, свои особые моменты, то предметомъ каждой изъ наступившихъ главъ и будетъ тотъ или другой актъ этого процесса. Первый изъ такихъ актовъ есть дѣятельность интеллигенціи, актъ творчества, который въ свою очередь представляетъ нѣсколько отличныхъ одна отъ другой, и на этотъ разъ дѣйствительно уже элементарныхъ, процедуръ.

Знаніе начинается *отъ богатства* какъ богатство *отъ*

вается нѣсколько совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. А именно: во первыхъ, экономія какъ искуство смѣшивается съ экономіей какъ наукой; во вторыхъ, экономическое строеніе смѣшивается съ экономическимъ отправленіемъ; въ третьихъ, статическій характеръ отправленій смѣшивается съ динамическимъ; и въ четвертыхъ, въ довершеніе путаницы, экономія смѣшивается съ политикой, и даже ставитъ это себѣ въ заслугу, въ качествѣ расширенія науки на невещественныя богатства общества. Безсильная управиться и съ тѣми шестью точками зрѣнія, какія ей принадлежатъ по праву, она тащитъ въ себя еще одну, совершенно ей непринадлежащую, и тѣмъ еще больше затемняетъ свой хаосъ. Но и это не все: вопросъ соединенія и раздѣленія труда дѣлаетъ изъ экономіи еще и соціологію, хотя опять безъ вѣдома ея. Удивительно ли, что при осьми столь существенно различныхъ точкахъ зрѣнія, различіе и самостоятельность которыхъ не сознается, никогда не возможно вытти на свѣтъ божій. Внесите въ какое угодно изученіе такое количество точекъ зрѣнія безъ отдѣленія ихъ одной отъ другой, и вы непремѣнно внесете тьму даже туда, гдѣ былъ до того свѣтъ. Содержаніе нынѣшней экономіи надо, слѣдовательно, разнести если не по нѣсколькимъ особымъ наукамъ, то по нѣсколькимъ отдѣламъ науки, для того чтобы найти выходъ изъ этого хаоса. Необходимо экономію буржуазіи и экономію демократіи выбросить вовсе за бортъ, оставить ихъ практикѣ, а не теоріи. Въ оставшейся затѣмъ теоріи необходимо отдѣлить экономическую анатомію отъ экономической физіологіи. Въ этой послѣдней надо различать опять статическую экономію отъ динамической, совмѣстность экономическихъ отправленій отъ преемственности ихъ, словомъ экономическую теорію отъ экономической исторіи. И наконецъ надобно вовсе отказаться отъ претензіи быть политикой, т. е. наукою благъ невещественныхъ, а претензію быть соціологіей надо проявлять не иначе какъ сознательно, а не безъ вѣдома своего, т. е. разработывать общую для экономіи и политики часть науки съ сознаніемъ того, что она равно относится и къ экономіи, и къ политикѣ. Тогда самъ собою исчезнетъ и тотъ духъ схоластичности, который теперь истощается въ опредѣленіяхъ и терминахъ, каковы капиталъ, цѣнность, цѣна, полезность, издержки производства, составъ цѣны и т. п. Всѣ эти послѣдствія безсодержательности науки отлетятъ какъ прахъ, когда содержаніе окажется яснымъ и раздѣльнымъ.

силы. Такъ это было на дѣлѣ, такъ это и должно быть, ибо иначе быть не можетъ. Нѣтъ ни одного примѣра въ исторіи, чтобы тотъ или другой народъ, при бѣдности, достигъ цивилизаціи, при отсутствіи экономическаго производства ознаменовалъ бы себя политическимъ творчествомъ. Напротивъ, цивилизація всегда имѣла тѣмъ больше точекъ отправленія, чѣмъ чаще и обширнѣе были торговыя сношенія; а эти послѣднія не могли бы имѣть мѣста безъ мануфактуры и безъ земледѣлія. Наблюденіе это подтверждается наблюденіемъ и всѣхъ прочихъ общественныхъ группъ, кромѣ народныхъ. Такъ изъ числа сословій въ каждомъ народѣ непремѣнно образованнѣе то, которое богаче, а не которое бѣднѣе. Правда, чѣмъ къ меньшимъ группамъ мы станемъ переходить, тѣмъ исключенія изъ этого эмпирическаго обобщенія будутъ встрѣчаться все чаще и чаще. Но это есть непремѣнное условіе всѣхъ возможныхъ научныхъ обобщеній; онѣ всѣ бываютъ тѣмъ безусловнѣе, чѣмъ отъ большаго количества фактовъ отвлечены. И наоборотъ, всѣ онѣ тѣмъ болѣе шатки, чѣмъ меньшаго количества данныхъ касаются, потому что въ такихъ случаяхъ множество второстепенныхъ причинъ даютъ чувствовать себя сильнѣе, и то тамъ, то сямъ видоизмѣняютъ дѣйствіе главной. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, не смотря и на исключенія, обобщеніе все таки остается вѣрнымъ; оно остается вѣрнымъ и относительно корпорацій того или другого сословія, и относительно семействъ, составляющихъ ту или иную корпорацію, и даже относительно уединенныхъ личностей. Противоположность богатства и бѣдности есть все таки вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположность цивилизаціи и невѣжества. Все это иначе и быть не можетъ. Мышленіе, дѣятельность созерцательная совершенно невозможны при поглощеніи движеніемъ, жизнью практическою, и непремѣнно нуждаются въ досугѣ, въ свободѣ отъ ежедневныхъ заботъ; а досугъ, свобода невозможны безъ нѣкоторой степени богатства, т. е. безъ удовлетворенія болѣе настойчивыхъ и болѣе насущныхъ потребностей чѣмъ умозрѣніе. Безъ этого

удовлетворенія нѣтъ и не можетъ быть никакого побужденія къ мышленію. Это потребность высшая, которая не можетъ пробудиться, пока не успокоены низшія. По этой-то причинѣ вышеизложенное обобщеніе изъ эмпирическаго становится также и раціональнымъ.

Коль скоро же такой пунктъ отправленія осуществился, коль скоро жизнь созерцательная могла возникнуть, коль скоро возникла въ извѣстной досужей группѣ извѣстная сумма идей, то вотъ и получилось то, что называется *интеллигенціей* общества. Въ самомъ обширномъ смыслѣ подъ этимъ словомъ можно разумѣть, и обыкновенно разумѣется, вся масса людей мыслящихъ, т. е. не исключая ни жрецовъ религіи, философіи и науки, ни жрецовъ искуства. Отсюда возможность подраздѣленія интеллигенціи на три: теоретическую, эстетическую и практическую. Независимость одной отъ другой между ними невозможна, но всегда возможна отдѣльность. Невозможно быть художникомъ, не обладая никакою интеллигентностью научною и политическою, или политикомъ, необладая нисколько научною и эстетическою интеллигентностью; тѣмъ не менѣе, однакожъ, возможно сосредоточиться въ какой нибудь изъ трехъ, возможно завлечься научною до того, что политическая интеллигентность будетъ постороннею, и наоборотъ, можно проникнуться интересами политики до забвенія интересовъ и науки, и художества. Чаще всего и пуще всего такое разобщеніе съ другими интеллигенціями происходитъ у жрецовъ, философовъ, ученыхъ и художниковъ; рѣже всего и меньше всего возможно такое разобщеніе для политиковъ, какъ интеллигенціи сложной, а не элементарной, каковы двѣ остальныя. Что касается политики какъ науки, то ближайшимъ предметомъ ея изслѣдованія должна быть только послѣдняя изъ трехъ интеллигенцій, т. е. практическая. Въ такомъ смыслѣ понимаемая, интеллигенція есть тотъ органъ или аппаратъ органовъ, которымъ каждое данное общество соединяется со всѣми другими обществами, т. е. съ своею политическою средою. Если теоретическая ин-

теллигенція связываетъ насъ съ природою (какъ объективною такъ и субъективною), воспринимая всѣ ея впечатлѣнія и рефликтируя ихъ въ видѣ вѣры, знанія, науки; если эстетическая интеллигенція принимаетъ на себя всѣ впечатлѣнія взаимодѣйствія между природой и обществомъ, и отражаетъ ихъ въ видѣ искуства; то интеллигенція практическая беретъ на себя всѣ впечатлѣнія общественныя, и рефлектируетъ ихъ въ видѣ политики. Интеллигенція эта не только воспринимаетъ на себя всѣ впечатлѣнія общественной среды (какъ психологическое воспріятіе), но также и хранитъ ихъ (какъ память), не только хранитъ, но и переработываетъ (какъ фантазія), не только переработываетъ, но и комбинируетъ (какъ разсудокъ), и всѣми этими путями становится возбужденіемъ къ дѣятельности для всѣхъ другихъ общественныхъ органовъ. Во введеніи было сказано объ интеллигенціи, что это классъ повсемѣстный въ обществѣ; то же можно сказать и о практическомъ подраздѣленіи класса. И дѣйствительно, если оно сосредоточивается по преимуществу тамъ же, гдѣ и богатство, то, во первыхъ, вмѣстѣ съ богатствомъ оно проникаетъ и туда, гдѣ богатство является спорадическимъ, а не сплошнымъ, а во вторыхъ, вмѣстѣ съ исключеніями, о которыхъ только что была рѣчь, отчасти проникаетъ даже и туда, гдѣ богатства почти вовсе нѣтъ. Благодаря этому большему или меньшему распространенію практической интеллигенціи по всему обществу, общество повсюду и одарено большею или меньшею чувствительностью и воспріимчивостью къ впечатленіямъ окружающаго міра. Ей-то принадлежатъ всѣ тѣ общественные инстинкты и потомъ всѣ тѣ мнѣнія общественныя, которыми въ концѣ концовъ управлялся и управляется до сихъ поръ міръ. Но и этимъ отдѣленіемъ практической интеллигенціи отъ теоретической и эстетической не все еще исчерпывается въ описаніи этого органа. Сама практическая интеллигенція составляетъ приборъ, еще довольно сложный. Такъ, практичность можетъ быть въ свою очередь и въ теоріи, и въ искусствѣ, и этимъ путемъ политика не

можетъ иногда не касаться съ извѣстной стороны и этихъ двухъ интеллигенцій. Въ религіи, напримѣръ, если догматичность вовсе не есть дѣло политики, то церковность весьма часто можетъ быть ея дѣломъ; въ философіи, если ей нѣтъ дѣла до философскихъ системъ, то можетъ быть дѣло до ихъ примѣненій, какова, напримѣръ, юридическая вмѣняемость; въ наукѣ, если намъ нѣтъ дѣла до теорій, то нерѣдко есть дѣло до просвѣщенія, до педагогіи. Равно и въ искуствѣ: изслѣдованіе политической интеллигенціи хотя и вовсе не можетъ распространяться ни на логическое искуство методовъ, ни на изящное искуство, но отчасти оно можетъ разпространиться на практическое искуство общежитія, на эту, такъ сказать, тактику или искуство такта въ обширномъ смыслѣ слова. Отсюда опять подраздѣленіе и самой практической интеллигенціи на: церковную, юридическую, педагогическую, тактическую и политическую. Наконецъ, дошедши и до этой послѣдней, увидимъ, что она все еще не единственна, что она опять есть цѣлый приборъ органовъ. Смотря по тому ощущаетъ ли она по преимуществу инстинкты и мнѣнія, или же право, или же бытъ общественный, она бываетъ или идеальная, или правовая, или бытовая. Первая отражаетъ въ себѣ мнѣнія, вторая — законы, третья — нравы общества. Другими словами, если интеллигенціи: церковная, юридическая, педагогическая, тактическая и политическая составляютъ практическую интеллигенцію въ обширномъ смыслѣ; если три политическія: идейная, правовая и бытовая, составляютъ практическую интеллигенцію въ среднемъ объемѣ; то только одна идейная составляетъ практическую интеллигенцію въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, или собственно такъ называемыхъ политиковъ, т. е. политическихъ теоретиковъ. Сюда входятъ, во первыхъ, теоретическіе новаторы, прожектеры, утописты политическіе, во вторыхъ — пластическіе популяризаторы, пропагандисты, публицисты, и въ третьихъ — дѣятельные агитаторы, партизаны, политики. Вотъ всѣ опредѣленія какъ того, что исключается изъ практической интеллигенціи, такъ и

того, что входитъ въ составъ ея. Опредѣливши такимъ образомъ органъ и самые подъ-органы его, перейдемъ теперь къ отправленіямъ ихъ.

Первое въ процессуальномъ смыслѣ отправленіе интеллигенціи есть *новаторство*. Это есть открытіе новаго инстинкта или мнѣнія; это есть политическое творчество въ самомъ тѣсномъ его смыслѣ; это есть тоже, что въ физіологіи зачатіе, рожденіе. Характеристическая особенность этого исходнаго политическаго процесса состоитъ въ томъ, что онъ непремѣнно сопряженъ съ политическимъ страданіемъ. Страданіе это, безъ котораго необходятся изобрѣтенія даже теоретической интеллигенціи (какъ показываютъ это примѣры Христа—въ религіи, Сократа—въ философіи и Галилея — въ наукѣ), еще неумолимѣе сопутствуетъ всякому новаторству церковному, юридическому, педагогическому, тактическому; а тѣмъ болѣе всякому новаторству, всякой пропагандѣ и всякой агитаціи въ области чистой политики. Различна бываетъ мѣра этихъ страданій; но всегда остается неизмѣннымъ самый фактъ ихъ. Такъ въ исторіи христіанства гибли одни за другими учредители новой церкви, апостолы, эти новаторы церковные. Такъ въ исторіи юриспруденціи терпѣли отъ феодаловъ средневѣковые легисты, какъ обновители системы вмѣненія при переходѣ отъ суда Божія къ римскому праву. Такъ въ исторіи педагогіи преслѣдовались обновители системъ воспитанія, начиная съ Руссо. Такъ въ исторіи политическаго такта платились болѣе или менѣе всѣ предприниматели новыхъ политикъ, какъ напримѣръ Ришліе, провозгласившій вмѣсто духовной политику свѣтскую и вмѣсто церковной государственную, или, наоборотъ, Торквемада, провозгласившій вмѣсто свѣтской политики духовную: оба они не могли пообѣдать безъ особыхъ предосторожностей, и всю жизнь свою должны были быть на сторожѣ противъ заговоровъ. Еще неизмѣннѣе страданіе слѣдовало по пятамъ за всякимъ творцомъ въ положительномъ правѣ и въ дѣйствительномъ бытѣ. Здѣсь мы могли бы повторить всю ту исторію либераловъ и либеральныхъ

нововведеній, какую имѣли случай приводить выше. Весьма рѣдко, какъ извѣстно, новаторъ въ правѣ или новаторъ въ нравахъ обходился безъ какихъ либо неудобствъ и жизненныхъ лишеній, зависѣвшихъ именно отъ его новаторствъ. Явленіе это такъ всеобще, что оно не обходитъ и самихъ правителей, самихъ государей, самихъ власть имѣющихъ, которымъ, повидимому, страдать труднѣе, чѣмъ тѣмъ новаторамъ, которые имѣютъ противъ себя не только общество, но и самую власть. И однакожъ исторія Агиса III, Сервія Туллія, Петра Великаго, Іосифа II и т. п. не оставляютъ никакого въ этомъ отношеніи сомнѣнія. Но неизмѣннѣе всего законъ страданія сопутствуетъ все таки обновленіямъ въ инстинктахъ обществъ, въ общественныхъ мнѣніяхъ. Здѣсь этотъ законъ дѣйствуетъ и неизмѣннѣе чѣмъ гдѣ нибудь, и круче чѣмъ гдѣ нибудь. Самыя незначительныя уклоненія отъ дѣйствующаго общественнаго мнѣнія, отъ привычнаго инстинкта, словомъ отъ рутины, какъ напримѣръ уклоненія отъ моды, отъ этикета, и тѣ наказываются всегда большимъ или меньшимъ страданіемъ. Что же касается уклоненій крупныхъ, рѣзкихъ, непостепенныхъ, внезапныхъ, крутыхъ, то онѣ непремѣнно ведутъ за собой болѣе или менѣе тяжкую катастрофу для уклонившагося. Нѣтъ нужды до того, уклонился ли онъ въ сторону заблужденія или въ сторону истины: законъ страданія равно неумолимъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ. Мало того, онъ даже неумолимѣе въ послѣднемъ случаѣ, и уклоненіе истинное карается еще строже чѣмъ ложное. Въ самомъ меньшемъ случаѣ эта кара есть презрѣніе, небреженіе, невниманіе общественное, которое всегда поражаетъ творчество безплодностью, безполезностью, ненужностью. Такъ, напримѣръ, наказанъ былъ великій Рожеръ Бэконъ въ XIII вѣкѣ за то, что слишкомъ предвосхитилъ истины Бэкона Веруламскаго, Галилея, Коперника, Бартольда Шварца; не говоря уже о томъ, что онъ возбудилъ противъ себя больше зависти, чѣмъ удивленія, что ему было воспрещено преподаваніе, что онъ запертъ былъ въ своей келіи, что его

просто наконецъ два раза сажали въ тюрьму, гдѣ во второй разъ онъ просидѣлъ цѣлыхъ десять лѣтъ. А между тѣмъ какъ власть карала его однимъ способомъ, публика преслѣдовала другимъ: она смотрѣла на него какъ на колдуна и чернокнижника. Такъ-то безполезно, какъ замѣчаетъ и Бокиль, слишкомъ упреждать вѣкъ свой. Но хорошо еще, если упрежденіе это обходится только такъ дорого какъ здѣсь; въ другихъ случаяхъ оно оцѣнивается самой высшей цѣною, какая только есть для человѣка,—жизнью человѣческой. Такъ, напримѣръ, заплатили за свои уклоненія Сократъ, Эфіальтъ, Сп. Кассій, Генуцій, Сп. Мелій, Манлій Капитолійскій, два Гракха, Ливій Друзъ младшій, Кола-ди-Ріензи, Арнольдъ Бресчанскій, Савонаролла, Гуссъ, Джіордано Бруно, и проч. и проч. И такъ же платятся за свои попытки всѣ вожди заговоровъ, какъ регрессивныхъ, такъ и еще болѣе прогрессивныхъ.—Неизмѣнность и вѣчность закона страданія за истину увѣковѣчивается самой его причиною. Самая глубокая и отдаленная причина этого явленія есть законъ подбора родичей средою. Всякая среда подбираетъ себѣ только родичей между собою, а все, что не сродни ей и имъ, она отметаетъ отъ себя. Все равно, нарушенъ ли уровень среды внизъ или вверхъ, во всякомъ случаѣ нарушеніе разсматривается какъ преступленіе, при чемъ и самыя наказанія весьма часто не различаются, и вмѣненіе въ одномъ случаѣ бываетъ также строго какъ и въ другомъ. Этой основной, хотя и посредственной, причинѣ содѣйствуетъ другая, непосредственная. Непосредственная причина этого общественнаго явленія есть самый пастойчивый и самый повелительный изъ всѣхъ общественныхъ инстинктовъ,—инстинктъ самосохраненія. Каково бы ни было обновленіе, истинно или ложно, полезно или вредно, но, прежде чѣмъ это дознано, извѣстно только одно: что оно есть обновленіе. Поэтому общество тотчасъ же и инстиктивно становится прежде всего на дыбы противъ него, принимаетъ боевую позицію и всѣми силами своими начинаетъ отстаивать старину свою, хотя можетъ быть, и фальшивую,

и вредную, но имѣющую неоцѣненное преимущество испытанности и извѣстности. Это есть свойство вмѣстѣ и спасительное, и погибельное: спасительное потому что предохраняетъ общество отъ слишкомъ частыхъ и слишкомъ рѣзкихъ новаторствъ, гибельное, потому что губитъ множество начинаній истинныхъ и благодѣтельныхъ. Т. е. это есть такой-же инстинктъ какъ и всѣ инстинкты: слѣпой въ добрѣ и слѣпой во злѣ своемъ, вмѣстѣ и разумный, и неразумный. А вслѣдствіе этой инстинктивности противодѣйствія оно напрягается тѣмъ больше, чѣмъ рѣшительнѣе предлагаемое обновленіе, такъ что здѣсь, на ряду съ величайшими заблужденіями, оно готово растоптать и величайшія истины, и во всякомъ случаѣ вооружается противъ нихъ гораздо ожесточеннѣе, чѣмъ противъ малыхъ новыхъ истинъ. И все это продолжается до тѣхъ поръ, пока, послѣ перваго ужаса предъ обновленіемъ, и послѣ долгаго и нѣсколько болѣе спокойнаго испытанія и провѣрки обновленія, общество не придетъ къ колебанію, не придетъ къ сомнѣнію, что новое страшилище, можетъ быть, и не такъ страшно, какъ оно кажется. Вотъ вторая причина закона страданія. А такъ какъ эта причина такъ-же неисторжима изъ природы обществъ, какъ и первая, то также неисторжимъ и самый законъ, на ней основанный. Этой-то причиной объясняются и всѣ подробности въ проявленіяхъ закона. Такъ напримѣръ ею объясняется, почему противъ новой истины общество вооружается энергичнѣе чѣмъ противъ новой лжи: новая истина, имѣя за себя болѣе шансовъ чѣмъ новая ложь, тѣмъ самымъ грозитъ большею соблазнительностью, большею вѣроятностью и большей внезапностью обновленія, а слѣдовательно и составляетъ самое опасное изъ всѣхъ обновленій, обновленіе съ которымъ надобно бороться во что бы то ни стало. Этимъ же объясняется, почему великія открытія находятся въ большей опасности чѣмъ малыя. Великія открытія потому и велики, что между ними и ихъ современностью существуетъ великое разстояніе, великая неожиданность, великая непостепенность. А это великое разстояніе

въ свою очередь предполагаетъ или слишкомъ низкій уровень среды или слишкомъ высокій уровень новатора, а еще чаще и то, и другое вмѣстѣ. При условіяхъ же этого рода весьма естественно, что чѣмъ невѣжественнѣе среда, тѣмъ свирѣпѣе отнесется она къ каждому новаторству, и свирѣпѣе именно на столько, на сколько новаторство просвѣщеннѣе. Поэтому страданіе непремѣнно пропорціанально, съ одной стороны, совершенству вносимаго творчества, а съ другой несовершенству пріемлющей среды. Наконецъ этимъ же объясняются и нѣкоторые такіе факты, которые на первый взглядъ могутъ показаться исключеніемъ изъ закона. Такъ, напримѣръ, Магометъ, который былъ новаторомъ не только теоретическимъ, но и практическимъ, а въ практикѣ не только церковнымъ, но и чисто-политическимъ, и не только въ сферѣ законодательства, но и въ сферѣ общественнаго мнѣнія, Магометъ не испыталъ, однакожъ, на себѣ никакой чувствительной тяжести закона страданія. Но все это, не говоря уже о томъ, что личная жизнь его не довольно хорошо извѣстна, объясняется также и отсутствіемъ всякаго слишкомъ большого разстоянія между нимъ и средою. Среда эта, Аравія, и до него уже была наполнена тѣми отрывками мозаизма и христіанства, изъ которыхъ онъ сложилъ свой исламизмъ. Что же касается формальной стороны его религіи и церкви, то она и вовсе не была поваторствомъ для аравитянъ. Потомъ же, когда Магометъ вышелъ за предѣлы Аравіи, въ иную среду, гдѣ его новаторство было дѣйствительно уже болѣе удалено отъ привычнаго общественнаго мнѣнія язычниковъ, то здѣсь интеллигенція его явилась уже не простою интеллигенціею, а вооруженною физической силой, которая, само собою разумѣется, должна была парализировать примѣненіе закона страданія. До тѣхъ же поръ пока онъ былъ только новаторъ и больше ничего, до тѣхъ поръ и его жизнь бывала въ опасности, и онъ также былъ принужденъ бѣжать изъ Мекки въ Медину. Такимъ образомъ ничто не препятствуетъ намъ признать, что этотъ законъ есть дѣйствительный законъ обществъ. И если

что нибудь можетъ испугать въ немъ и тѣмъ, какъ водится, отклонять отъ признанія его, то это только ошибочное пониманіе его. Поэтому мы опять повторяемъ, что мѣра и степень его примѣненія можетъ быть безконечно различна; что отъ смертной казни она можетъ ниспадать до простого непониманія новатора, какъ напримѣръ случилось это на цѣлые два вѣка съ Шекспиромъ, съ Ньютономъ или въ наши времена съ О. Контомъ, съ Роб. Овеномъ; что это ниспаденіе объусловливается именно, съ одной стороны, уровнемъ среды, а съ другой уровнемъ личности новатора; и что такъ какъ не только этотъ законъ, но и множество другихъ, ведутъ жизнь къ устраненію рѣзкихъ неравенствъ въ обществѣ и рѣзкихъ непостепенностей, то вмѣстѣ съ этимъ должно идти къ пониженію и страданіе новаторовъ. Но такъ какъ въ свою очередь самосохраненіе всегда останется самосохраненіемъ, то оно всегда будетъ противопоставлять препятствія и всякому будущему новаторству; а препятствія эти всегда будутъ отзываться страданіемъ на личностяхъ новаторовъ, каковы бы ни были его относительныя формы.

Другой, непосредственно слѣдующій за предъидущимъ, актъ интеллигенціи есть не менѣе страдальческій актъ *пропаганды*. Если новаторство было первымъ шагомъ всякой инкорпораціи и экскорпораціи, то пропаганда есть второй ихъ шагъ. Если новаторство составляло процессъ интеллигенціи теоретическій, то пропаганда есть ея процессъ эстетическій. Тамъ главный интересъ состоялъ въ изобрѣтеніи, въ творчествѣ истины,—здѣсь въ распространеніи ея; тамъ надо было доказать или хоть сдѣлать правдоподобною новую идею, новое мнѣніе, новый инстинктъ,—здѣсь надобно ихъ показать, надобно сдѣлать удободоступными, наглядными, популярными; тамъ на первомъ планѣ было содержаніе,—здѣсь на первый планъ выступаетъ форма. Отсюда, такъ какъ форма, пластичность идеи, допускаетъ несравненно большее разнообразіе, чѣмъ самое ея содержаніе, то и способы распространенія гораздо разнообразнѣе способовъ творчества. Не говоря уже о

чистой дидактикѣ, объ этой популяризаціи идей для младшаго возраста, сюда относятся и всѣ педагогическія средства для людей взрослыхъ, какъ-то: домашнія бесѣды, публичныя пренія, публицистика, беллетристика, театръ, искусство вообще, и наконецъ простые факты жизни, какъ живое воплощеніе идей и живой примѣръ для подражанія. Т. е. начавшись средствами столь же почти теоретическими, каковы и средства новаторства, пропаганда оканчивается такими же практическими срадствами, какъ процессъ, непосредственно слѣдующій за нею. Но для того чтобы перейти отъ первыхъ къ послѣднимъ, она не можетъ употребить никакихъ средствъ, кромѣ пластическихъ; оттого пропаганда и есть не что иное какъ пластика интеллигенціи. Мучительность этого перехода увеличивается и уменьшается смотря по близости его къ предшествующему или къ послѣдующему акту интеллигенціи, т. е. смотря по тому, въ началѣ своемъ онъ находится или въ концѣ. Въ началѣ эта мучительность равняется страдальчеству самихъ новаторовъ, въ серединѣ она равняется почти нулю, въ концѣ начинаетъ подыматься до популярности. Въ теченіи же всего вообще процесса страданіе увеличивается и уменьшается по мѣрѣ уменьшенія или увеличенія времени, продолжительности, словомъ скорости или медленности пропаганды, такъ что все, что выигрывается здѣсь въ скорости, теряется въ силѣ, и наоборотъ. Между тѣмъ какъ новаторство, самое даже грандіозное, можетъ быть плодомъ одной и той же личной жизни, одного періода и даже одного часа ея, пропаганда, самая даже незначительная, непремѣнно требуетъ множества жизней и личностей, множества годовъ, а иногда даже многихъ вѣковъ и поколѣній. Чѣмъ обновленіе рѣшительнѣе и радикальнѣе, тѣмъ пропаганда продолжительнѣе и долговременнѣе. Противъ этого-то закона грѣшатъ обыкновенно заговорщики, которые, избирая всегда обновленіе болѣе или менѣе рѣзкое, какъ указываетъ на это самая необходимость заговора, въ то же время считаютъ для себя возможною и всю пропаганду этого обновленія, какъ указываетъ на то самая цѣль всякаго заговора.

Оттого также конспираторская пропаганда всегда бываетъ безплодна, всегда сама себя уничтожаетъ, между тѣмъ какъ пропаганда открытая, хотя и въ высшей степени незначительная и неосязательная, никогда не можетъ быть исторгнута изъ общества, уже вслѣдствіе самой неуловимости ея, а потому и всегда плодовитѣе той. Самый лучшій, и при томъ международный, примѣръ всѣхъ условностей пропаганды составляетъ исторія протестантизма въ средніе вѣка. Цѣлыхъ четыре вѣка длился этотъ мучительный переходъ отъ новаторства Абелляра до агитаторства Лютера. Въ теченіи этихъ вѣковъ не разъ и не два пропаганда обращалась къ путямъ конспираторскимъ, какъ напримѣръ въ Кола-да-Ріэнзи, въ Альбигойцахъ, въ Гусситахъ, но каждый разъ теряла въ силѣ то, что хотѣла выиграть во времени, каждый разъ была исторгаема изъ общества безслѣдно, такъ что Италія, Франція и Богемія и до нынѣ остались католическими. Напротивъ каждый разъ когда пропаганда была нечувствительна и неосязательна, какъ напримѣръ въ чтеніи библіи, въ переводахъ ея, въ мецкомъ обществѣ, въ лоллардахъ, въ гентскомъ союзѣ, она дѣлалась неуловимою и неисторжимою, такъ что только страны этой пропаганды, Германія, Англія, Голландія, и сдѣлались дѣйствительно протестантскими. Съ своей стороны гибель Арнольда Брешіанскаго, Кола-да-Ріэнзи, Савонароллы, Гусса и всѣхъ жертвъ Альбигойскаго похода, инквизиціи, Гусситской войны и Варѳоломейской ночи достаточно свидѣтельствуетъ о степени мучительности этого разпространенія этой идеи. Наконецъ и самые способы этого разпространенія, начавшись чисто-теоретическими, каковы публичныя лекціи, продолжаясь чисто-пластическими, каковы романы, новеллы и поэмы, въ родѣ дантова Ада, и оканчиваясь чисто-практическими, каковы нравы вальденсовъ, гусситовъ, фландрскихъ пастушковъ, братьевъ бѣлыхъ капюшоновъ и т. п., подтверждаютъ и послѣднюю черту изложенной выше теоріи пропаганды. Такое же подтвержденіе находитъ она въ разпространеніи христіанства и въ разпространеніи революціонныхъ идей

новой Европы. — Причина же, почему свойства пропаганды именно таковы, заключается въ самомъ понятіи разспространенія идей. Разспространеніе тѣмъ лучше, тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ большее число умовъ примыкаетъ къ данной идеѣ. А наборъ огромнаго количества такихъ умовъ, не смотря ни на какія средства и пріемы пропаганды, все таки находится въ наибольшей зависимости не отъ нихъ, а отъ времени. Какъ бы ни хорошо была организована популяризація, какъ бы ни была она дѣятельна, но кромѣ всего этого нужна еще охота и случай подпасть этому дѣйствію. Современное новаторству поколѣніе обыкновенно бываетъ цѣликомъ недоступно обновленію. Изъ слѣдующаго только умы независимые и непредупрежденные могутъ быть расположены къ принятію его. Изъ числа этихъ непредупрежденныхъ и независимыхъ дѣйствительно принимаютъ его только тѣ, которые имѣли къ тому благопріятный случай. Первые принявшіе, какъ неуспѣвшіе обратить его въ рутину, которая одна дѣлаетъ новое пріобрѣтеніе прочнымъ, весьма легко отказываются отъ него, и въ старости нерѣдко смѣются надъ тѣмъ, что приняли въ молодости, какъ напримѣръ всѣ наши первичные либералы à la Пушкинъ. Такимъ образомъ вотъ уже два поколѣнія, а пропаганда очень еще тѣсна. Если же мы припомнимъ, что ко всему этому надо прибавить еще и все положительное, не только отрицательное противодѣйствіе, всю силу самосохраненія прежней рутины, всю силу личныхъ страстей и интересовъ, которые видятъ непосредственный вредъ для себя въ распространяемомъ обновленіи, а посредственной пользы его не видятъ, то вотъ и еще одно — два поколѣнія, которыя должны уйти на преодоленіе этихъ послѣднихъ сопротивленій. До чего туга пропаганда всякаго сколько нибудь серьознаго обновленія, показываетъ на себѣ теорія Конта. Въ нашемъ вѣкѣ, при такомъ высокомъ уровнѣ среды европейской, при такой сравнительно ничтожной долѣ страданія новатора, состоявшей только изъ зависти мелкихъ сверстниковъ и изъ матеріальнаго неблагополучія, при такихъ средствахъ пропа-

ганды, какія представляются печатью, переводами, желѣзными дорогами, при отсутствіи противодѣйствія со стороны правительствъ, вотъ уже растетъ третье послѣ контовскаго поколѣніе, а онъ все еще остается новостью и загадкою, и нерѣдко даже для тѣхъ, кто считаетъ себя послѣдователями его. На этой-то тугости разспространенія идей, не только не уступающей ни предъ какимъ насиліемъ, но еще возрастающей по мѣрѣ этихъ насилій, и основанъ тотъ вѣчный законъ пропаганды, по которому все, что выигрывается въ скорости, теряется въ силѣ, и, наоборотъ, что выигрывается въ силѣ, теряется въ скорости.

Когда пропаганда сдѣлала свое дѣло, когда разпространеніе идеи достаточно, когда умственная почва такимъ образомъ подготовлена, тогда наступаетъ третій актъ интеллигенціи и третій шагъ всякой инкорпораціи: это — *агитація*. Агитація прежде того, агитація преждевременная, испытываетъ обыкновенно судьбу насильственной и потому всегда неудачной пропаганды, и преждевременные агитаторы лично раздѣляютъ обыкновенно судьбу первыхъ пропагандистовъ, какъ въ нашемъ примѣрѣ мы это видѣли на Кола-да-Ріензи, на Савонароллѣ, на Гуссѣ. Агитаторство же своевременное испытываетъ, напротивъ, личную судьбу совершенно противоположнаго свойства: вмѣсто закона страданія, агитаторовъ ждетъ законъ удовлетворенія, наслажденія. Путь своевременныхъ агитаторовъ есть постоянное тріумфальное шествіе. Вмѣсто противодѣйствія со всѣхъ сторонъ, къ нимъ притекаетъ со всѣхъ сторонъ содѣйствіе. За колесницей ихъ бѣгутъ рукоплещущія толпы народа; на встрѣчу имъ бережно сторонятся власти. Затрудненія устраняются съ ихъ пути сами собою; облегченія приходятъ откуда ихъ не ожидали; и такимъ образомъ счастливцы эти пожинаютъ то, чего не сѣяли. Задача ихъ обратить въ жизнь то, что было до сихъ поръ только въ вожделеніи, воплотить въ фактъ то, что было до сихъ поръ въ мечтѣ, словомъ возвести въ право, въ законодательство, что было до сихъ поръ въ инстинктѣ, въ мнѣніи. Если пропа-

ганда была дѣломъ интеллигенціи эстетической, то агитація есть дѣло практической интеллигенціи, и этимъ образуетъ переходъ отъ интеллигенціи вообще къ правительству вообще. Коль скоро цѣль агитаціи достигнута, коль скоро она успѣваетъ сдѣлаться цѣлью законодательства, то роль интеллигенціи по отношенію къ этой цѣли оканчивается, и начинается роль правительства. Примѣровъ въ подтвежденіе этой теоріи подбирать не зачѣмъ: они у всякаго въ виду, и потому достаточно указать на образцовый примѣръ Лютера и его сподвижниковъ. — Причина такого исхода всякой своевременной демагогіи также понятна сама собою. Когда вожделенный фактъ жизни находитъ себѣ опору въ умахъ, когда онъ коренится въ мнѣніяхъ, успѣвшихъ сдѣлаться привычными, тогда онъ, собственно говоря, существуетъ уже въ обществѣ, хотя и не оформленъ, тогда онъ стоитъ на такой почвѣ, которая поминутно родитъ его тамъ, если ему не даютъ родиться здѣсь, тогда, однимъ словомъ, нужно поминутное и повсемѣстное насиліе, для того чтобъ не дать ему воплотиться въ жизнь, инкорпорироваться въ общество еще глубже. А потому рано или поздно, но всѣ сопротивленія уступаютъ; если же не уступаютъ, то платятся потомъ за это жестоко. Германія, Англія, Голландія уступили протестантизму во время, а потому они продолжаютъ цвѣсть и по нынѣ, и по нынѣ приносятъ плоды. Италія, Испанія, Франція успѣли задушить у себя своевременную реформацію, одна — своимъ папствомъ, другая — своею инквизиціею, третья — своей Варѳоломейской ночью; а потому и цвѣтъ, и плодъ ихъ пораженъ въ самомъ корнѣ. А такъ какъ къ этому должно было вслѣдъ за тѣмъ прибавиться затрудненіе и другого такого же процесса, т. е. своевременной реформаціи свѣтской, а не духовной, то исходъ такой жизни становится понятенъ самъ собою. Процессомъ агитаціи завершаются всѣ элементарныя отправленія интеллигенціи, и если она потомъ начинаетъ снова, то только съ начала, опять съ творчества, опять съ новаторства.

Что же именно составляетъ продуктъ каждаго изъ этихъ

отправленій и всѣхъ ихъ вмѣстѣ? Общественный продуктъ всякаго новаторства есть, конечно, идея; но продуктъ этотъ бываетъ троякаго рода. Во первыхъ, онъ можетъ стоять на степени простого безотчетнаго *инстинкта* истины, можетъ пребывать въ состояніи непосредственнаго вѣрованія. Во вторыхъ онъ можетъ подыматься до степени мотивированнаго *мнѣнія*, пребывать въ состояніи философскаго убѣжденія, составляющаго средину между вѣрованіемъ и знаніемъ. Въ третьихъ онъ можетъ возвышаться и на степень положительнаго *сознанія*, пребывать въ состояніи посредственнаго научнаго знанія. Эта послѣдняя степень продуктовъ политической интеллигенціи составляетъ въ наше время только pia desideria; научнаго общественнаго сознанія нѣтъ у нашей интеллигенціи еще никакого, коль скоро ею не усвоены еще даже первоначальные продукты интеллигенціи Конта. Но за то и время полнаго господства безотчетныхъ инстинктовъ для насъ также уже прошло. Такъ что всѣ современные продукты всякой политической интеллигенціи состоятъ не изъ чего другого, какъ изъ мотивируемыхъ мнѣній, только изрѣдка прерываемыхъ вспышками и вмѣшательствомъ дикихъ и слѣпыхъ инстиктовъ. Отсюда-то такое великое въ наши времена значеніе общественнаго мнѣнія, которому присвоивается даже титулъ четвертой государственной власти. Власть эту общественное мнѣніе имѣетъ, конечно, потому только, что ея не имѣетъ уже общественный инстинктъ, и что ея не имѣетъ еще общественное знаніе. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, всѣ эти три формы интеллигентныхъ продуктовъ также вѣчны какъ и самыя отправленія и самые органы, ихъ производящіе. Вся разница по временамъ и мѣстамъ можетъ состоять только въ такихъ или иныхъ пропорціяхъ между инстинктивностью мнительностью и сознательностью; но вовсе исчезнуть изъ общества ни одна не можетъ. Сколько бы ни развивалось въ будущемъ общественное знаніе, но, будучи неисчерпаемо, оно всегда еще оставитъ довольно простора для мнѣній, хотя и постоянно съужая и ограничивая этотъ просторъ. Сколько бы

ни развивалась въ настоящемъ сила общественнаго мнѣнія, но въ минуты неспокойнаго разсудка, осажденнаго чувствомъ или страстью, верхъ возьметъ все таки простой инстинктъ, а не мнѣніе. Какъ бы то ни было, но таковы три единственные продукта перваго изъ трехъ отправленій интеллигенціи, т. е. новаторства. Продуктъ пропаганды есть, само собою разумѣется, съ одной стороны, обращеніе личнаго инстинкта, мнѣнія или знанія общественнаго въ публичное, а съ другой стороны обращеніе для этой цѣли этого инстинкта, мнѣнія или знанія въ популярный образъ. Но такое соединеніе идеи съ образомъ составляетъ такъ называемый идеалъ; а потому и продуктъ всякой пропаганды можно называть общественнымъ *идеаломъ*. Наконецъ продуктъ агитаціи есть не что иное какъ реализированіе этого идеала, есть, такъ сказать, реалъ интеллигенціи; это именно билль, законо-*проэктъ*. Всѣ же вмѣстѣ эти продукты составляютъ то, что можно назвать въ тѣсномъ смыслѣ *цивилизаціей*, т. е. продуктъ интеллигенціи вообще. Цивилизація, правда, понимается обыкновенно въ гораздо болѣе обширномъ значеніи, чѣмъ это; но въ такомъ же обширномъ значеніи понимается и слово культура, и слово гражданственность. А потому желая отграничить каждое изъ этихъ словъ и не дѣлать ихъ лишними въ языкѣ, нельзя отнести къ цивилизаціи ничего болѣе какъ совокупность продуктовъ всѣхъ процессовъ интеллигенціи, т. е. всю сумму общественныхъ инстиктовъ, мнѣній, знаній, идеаловъ и проэктовъ. Это тѣмъ болѣе не будетъ неумѣстно, что лучшаго признака цивилизаціи страны, чѣмъ общественное мнѣніе ея, искать невозможно. Инстинкты же составляютъ только основу этого мнѣнія, а текущіе билли или проэкты только казовой конецъ его и показатель крайняго предѣла текущей цивилизаціи.

Этимъ описаніемъ политическихъ продуктовъ интеллигенціи физіологія ея, собственно говоря, исчерпывается, и мы могли бы на этомъ закончить ее и прямо отсюда перейти къ физіологіи правительства. Но мы имѣли бы право на это

только тогда, еслибы, рядомъ съ нашей физіологіей общества, имѣлась въ виду читателя особая физика общества и особая его гигіэна. Но такъ какъ ни науки политическихъ силъ, ни науки политическаго искусства нѣтъ въ распоряженіи читателя, а между тѣмъ понятія той и другой существенно необходимы для пониманія теоріи продуктовъ интеллигенціи, то мы и обязаны отклониться здѣсь на минуту отъ собственнаго предмета, для того чтобы сдѣлать одно замѣчаніе соціально-физическое и одно соціально-гигіэническое.

Первое изъ нихъ касается обычнаго отношенія между инстинктивностью и сознательностью. Дѣло въ томъ, что, по закону физики соціальной, эти двѣ общественныя силы всегда обратно пропорціональны между собою. Чѣмъ больше одной изъ нихъ въ данномъ обществѣ, тѣмъ непремѣнно меньше другой. Это вѣрно относительно всѣхъ возможныхъ сферъ интеллигенціи. Въ интеллигенціи, напримѣръ, теоретической чѣмъ больше инстинктивнаго, непосредственнаго знанія, т. е. вѣры, тѣмъ меньше сознательнаго, посредственнаго, т. е. науки; и наоборотъ. Въ эстетической интеллигенціи чѣмъ больше художества инстинктивнаго, непосредственнаго, тѣмъ меньше художества тенденціознаго, утилитарнаго; и обратно. Совершенно также и въ сферѣ интеллигенціи практической вообще и политической въ частности. Во всякое время и во всякомъ мѣстѣ чѣмъ меньше инстинктивныхъ импульсовъ у общества, тѣмъ больше сознательныхъ, и наоборотъ. А потому пропорція, взаимное отношеніе этихъ двухъ членовъ, составляетъ вѣрнѣйшій масштабъ цивилизаціи; такъ что, при господствѣ, напримѣръ, мнѣнія, для этого достаточно простой цифры мотивируемыхъ мнѣній и не мотивируемыхъ. Чѣмъ больше въ обществѣ первыхъ, а не вторыхъ, и чѣмъ больше оно управляется тѣми, а не другими, тѣмъ общество непремѣнно цивилизованнѣе. Въ Англіи, напримѣръ, въ Америкѣ ни одна мѣра законодательная не можетъ пройти въ общество безъ того, чтобъ она не была предварительно мотивирована интеллигенціею въ самой значительной и наиболѣе возможной для

того степени; въ Турціи же всякій фирманъ можетъ появиться и появляется, не приводя ни одного слова въ свое основаніе. Та же параллель существуетъ между Греціей, Римомъ—и Вавилоніей, Египтомъ.

Другое отступленіе наше касается все одного и того же, на каждомъ шагу безотвязнаго, вопроса политическаго искуства: пора или не пора? Въ настоящемъ случаѣ, по отношенію къ продуктамъ интеллигенціи, вопросъ этотъ превращается въ такой: когда идеалу интеллигенціи пора переходить въ проэктъ правительства, въ билль? На практикѣ то и дѣло, что переходъ этотъ то слишкомъ торопится, то запаздываетъ слишкомъ; а между тѣмъ и запаздываніе это, и эта торопливость, какъ онѣ вначалѣ ни маловажны, и какъ онѣ ни кажутся сперва ничего не значущими, составляютъ, однакожъ, самый капитальный изъ всѣхъ вопросовъ политическаго искуства. Довольно только вспомнить, что всѣ ужаснѣйшія потрясенія общественныя, равно какъ и всѣ параличаціи обществъ, въ концѣ концовъ начинаются не съ чего иного, какъ именно съ этихъ ничтожныхъ и незамѣтныхъ анормальностей, чтобы понять, до какой степени разрѣшеніе этого вопроса есть ключь ко всему остальному политическому искуству. Въ самомъ дѣлѣ самое малое запозданіе или самая малая поспѣшность тотчасъ же производятъ въ обществѣ замѣшательство: одно безъ нужды увеличиваетъ его жертвоприношенія, порождаетъ избытокъ силъ, которымъ, некуда дѣваться въ организмѣ; другое безъ нужды увеличиваетъ напряженіе, истощеніе общества, порождая въ немъ усугубленный запросъ на силы, которыхъ и безъ того не откуда взять. И такъ когда же именно идея должна считаться созрѣвшею для обращенія ея въ фактъ? Тогда ли, когда весь корпусъ общества, сверху до низу, отъ мала до велика, проникнутъ этимъ запроснымъ идеаломъ? но это случай, во первыхъ, вовсе не бывалый въ исторіи, а во вторыхъ и никогда невозможный въ ней. Никогда не возможно такое единодушіе умовъ, образовъ мыслей, знаній, нравовъ, страстей, эгоизмовъ, интересовъ, чтобы все общество

мыслило и желало какъ одинъ человѣкъ. Тогда ли, когда новый идеалъ инкорпорированъ, покрайней мѣрѣ, абсолютному большинству общества? Но абсолютное большинство обществъ всегда есть политическій пассивъ, а не активъ. Абсолютное большинство всегда составляютъ классы экономическіе, а не политическіе. Экономическіе же классы всегда болѣе заявляютъ спросовъ вещественныхъ, чѣмъ невещественныхъ. Мало того, эти классы никогда сами по себѣ не могутъ добиваться удовлетворенія даже и своихъ вещественныхъ спросовъ. Ни илоты, ни плебеи, ни французская жакерія, ни англійскіе послѣдователи Тайлора, ни нѣмецкія крестьянскія войны, ни русская разинщина и пугачовщина, никогда не могли быть руководителями исторіи, никогда не могли добиться удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ своихъ, пока на сторонѣ ихъ не оказывалась какая либо часть интеллигенціи, какіе нибудь спартіаты, патриціи, жантильомы, джентльмены, риттеры, дворяне. Тогда ли, наконецъ, когда пропаганда захватила по крайней мѣрѣ большинство политическихъ классовъ, или когда новый идеалъ инкорпорировался большинству покрайней мѣрѣ интеллигенціи? Такъ оно, повидимому, и дѣйствительно бываетъ, потому что интеллигенція и есть именно та среда, которая даетъ существованіе очерченнымъ въ прежнихъ главахъ политическимъ партіямъ; а партіи въ свою очередь даютъ мѣсто тому политическому раздѣленію по крайней мѣрѣ на два противоположныхъ стана, которое оканчивается тѣмъ, что одинъ изъ нихъ пересиливаетъ наконецъ другой, и такимъ образомъ вводитъ свой идеалъ въ дѣйствительность. Но, во первыхъ, даже и въ тѣхъ обществахъ, гдѣ партіи такъ или иначе организованы, интеллигенція всегда нѣсколько больше чѣмъ сумма партій, а сумма партій въ свою очередь нѣсколько больше чѣмъ количество тѣхъ голосовъ, которые дѣйствительно, наконецъ, сосчитываются и вычитаются одни изъ другихъ. Во вторыхъ же, въ обществахъ, гдѣ этой организаціи нѣтъ, гдѣ не достигнуто даже и явное раздѣленіе на партіи, гдѣ никакіе голоса и никакъ, т. е. даже и статистически, не считаются

и сосчитаны быть не могутъ, реформы тѣмъ не менѣе производились и производятся. И такъ не большинство и самой интеллигенціи есть крайній предѣлъ пропаганды и первый показатель, что пора перейти отъ пропаганды къ осуществленію. И такъ гдѣ же, наконецъ, этотъ предѣлъ и этотъ показатель? Невозможно же предположить, чтобы преобразованіе имѣло право на осуществленіе тотчасъ же, какъ только оно заявлено двумя-тремя гражданами. Это достаточный мотивъ для того, чтобы гражданъ этихъ призвать къ соотвѣтствующей для ихъ возраста дѣятельности, но не для того чтобы идеалы ихъ сдѣлать общественными; это достаточный мотивъ для предпринятія нѣсколькихъ личныхъ удовлетвореній и примиреній, но не для удовлетворенія публики. Антипанское меньшинство было уже при Абеллярѣ; но развѣ была тогда пора для реформаціи? Невозможно также предположить, чтобы пора эта измѣрялась единственно доброй волею правительствъ. Власть не разъ уже была расположена къ преобразованіямъ, когда къ нимъ не достаточно еще расположено общество; но въ такихъ случаяхъ реформы также мало удавались, какъ и у заговорщиковъ. Доказательства тому реформы Іосифа II, Екатерины II, Альберони, Конвента и т. п. Такимъ образомъ, за отрицаніемъ всѣхъ иныхъ моментовъ, остается реформативнымъ моментомъ только одинъ: средній между убѣжденіемъ интеллигенціи и убѣжденіемъ правительства. Это тотъ моментъ, когда, хотя большинство интеллигенціи (и притомъ глазомѣрное) не согласно еще на реформу, но съ меньшинствомъ ея согласно уже правительство, или наоборотъ, когда большинство правительства не согласно еще на реформу, но съ меньшинствомъ его согласна уже интеллигенція. Т. е. интеллигенція и правительство въ этомъ случаѣ взаимно дополняютъ другъ друга. Политическіе классы должны участвовать въ реформѣ оба; одинъ безъ другого ничего здѣсь не значатъ; но дѣло въ томъ, что каждый изъ нихъ можетъ возмѣщать собою недостаточность другого. И дѣйствительно, этотъ эмпирическій выводъ, добытый нами почти ощупью, подтверж-

дается и соображеніемъ о единственно возможныхъ причинахъ факта. Для всякой соціальной побѣды необходима совокупность на сторонѣ побѣдителя силы умственной, нравственной и физической, если не въ натурѣ, то по крайней мѣрѣ въ представительствѣ. Поэтому интеллигенція не способна къ реформѣ безъ правительства, такъ какъ у нея не будетъ тогда силы физической ни непосредственной, въ массахъ народныхъ, ни посредственной, въ представительствѣ ихъ. Правительство же не способно къ реформѣ безъ интеллигенціи потому, что у него не будетъ необходимыхъ для реформы средствъ умственныхъ и нравственныхъ, ни непосредственныхъ, во всей массѣ интеллигенціи, ни посредственныхъ въ представителяхъ ея. Крайній же практическій предѣлъ этого представительства состоитъ въ томъ, чтобъ оно представляло собою достаточныя наличныя средства для проведенія задуманной реформы въ жизнь. Все это оправдывается и историческою дѣйствительностію въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ реформы приходили наиболѣе своевременно, какъ напримѣръ реформа крестьянская въ Россіи. Ни Разинъ, ни Булавинъ, ни казачество, ни расколъ, ни пугачовщина, ни аграрныя преступленія не повели ни къ чему, и вся эта пропаганда внизу, среди классовъ экономическихъ, не значила ничего, пока на сторону крестьянъ не стали отчасти интеллигенція, отчасти правительство. Но и когда онѣ стали или начали становиться на ихъ сторону, одна — въ лицѣ Коробьина, Радищева, Новикова, другое — въ лицѣ Павла и Александра I, реформа все еще не тотчасъ сдѣлалась возможною. Весьма легко, напримѣръ, Александру, при его добрыхъ намѣреніяхъ, и даже Павлу, при его эксцентричности, могла притти въ голову мысль исполнить реформу тогда же. Но что же изъ этого вышло бы? Дѣло должно бы было быть поручено людямъ, по большей части ему не сочувствующимъ и только повинующимся; несочувствіе это откликнулось бы затягиваніемъ, откладываніемъ, извращеніемъ; каждый шагъ тормозился бы частію вольно, частію невольно: невѣжествомъ, апатіею, равнодушіемъ. И если

бы время не было этимъ выиграно, если бы проэктъ не пришолъ въ забвеніе, то онъ отлился бы въ такой уродливой формѣ, которая не удовлетворила бы ни благодѣтельствующихъ, ни благодѣтельствуемыхъ. А между тѣмъ и это не все. За проэктомъ слѣдуетъ приведеніе его въ исполненіе. Если рукъ было мало для перваго, то ихъ еще меньше оказалось бы для второго, какъ требующаго несравненно большаго ихъ количества. Отсюда въ исполненіи новое извращеніе, и извращеніе, которое могло окончиться новою пугачовщиною. Словомъ судьба такой реформы была бы та же, какъ судьба екатерининскихъ дворянскихъ собраній, городскихъ выборовъ, судебныхъ и полицейскихъ представителей сословій и т. п. Спустя четверть вѣка, интеллигенція наша склонена была къ видамъ крестьянства уже въ гораздо большей степени, въ такой, какая засвидѣтельствована декабристами. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, самихъ декабристовъ не хватило бы и на четверть необходимаго числа мировыхъ посредниковъ, или вообще органовъ проведенія идеала въ жизнь. Искать же пополненія ихъ внѣ декабристовъ и думать было нечего, какъ указываетъ на это, съ одной стороны, фактъ выдѣленія декабристовъ изъ этой несимпатичной имъ среды, а съ другой и прямо остервененное отношеніе къ нимъ этой среды, которая сама выдавала дѣтей своихъ головой, коль скоро они причастны были симпатіямъ декабристовъ. И только черезъ новую четверть вѣка получены были впервые всѣ элементарныя и крайнія условія реформы; при чемъ какъ только онѣ были получены, она тотчасъ же и предпринята. Правда, еще и въ 1859 году не всѣ органы, на долю коихъ выпало эманципированіе, оказались соотвѣтствующими своему назначенію; но теперь могъ создаться по крайней мѣрѣ соотвѣтственный назначенію духъ учрежденія, который, какъ духъ цѣлаго, не могъ не вліять на всѣ части, и тѣмъ отчасти предупреждалъ, отчасти регулировалъ отклоненія. И такъ какія же были эти крайнія и впервые попавшіяся условія? Во первыхъ согласіе правительства, а во вторыхъ согласіе вовсе не большинства, а

именно только меньшинства интеллигенціи, и именно только такого, которое могло выставить лишь достаточный контингентъ для инкорпорированія идеала. Большинство въ предварительныхъ комитетахъ отмахивалось и руками, и ногами отъ навязываемаго ему идеала; и если онъ воплотился и живетъ теперь, то только благодаря меньшинству интеллигенціи. И такъ правительство, ставши на сторону реформы, перевело на ея сторону физическую силу, а избранная интеллигенція, ставши на сторону правительства, поставила туда же умственное и нравственное достоинство общества, т. е. наличную его просвѣщенность и наличное самоотверженіе: крайнія условія реформы такимъ образомъ нашлись, а потому реформа и состоялась. Вотъ что мы называемъ гигіеническимъ замѣчаніемъ о продуктахъ интеллигенціи и о наиболѣе своевременномъ поступленіи ихъ въ руки правительства.

Теперь мы можемъ перейти къ дальнѣйшему теченію и превращенію этихъ продуктовъ, т. е. къ теченію ихъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ попали въ районъ правительства *).

---

*) Съ частнаго закона интеллигенціи начинается для политики возможность помогать физіологіи, какъ до сихъ поръ была возможность помочь экономіи. А именно въ явленіяхъ общественныхъ нервные процессы достигаютъ такой крупности, что наблюденіе ихъ становится здѣсь несравненно удобнѣе чѣмъ наблюденіе на индивидумѣ. Крупность цѣлаго дѣлаетъ крупнѣе и части, а потому позволяетъ здѣсь различать и то, что тамъ неразличимо. Такъ, напримѣръ, нервная физіологія очень хорошо знаетъ, что главная мозговая масса, передній головной мозгъ, есть центръ сознательности, такой же какъ интеллигенція въ обществѣ. Но какая при этомъ роль полушарій, какая роль соединяющаго ихъ мозолистаго тѣла, — объ этомъ нервная физіологія до сихъ поръ и догадываться не смѣетъ. А между тѣмъ анализъ интеллигенціи волей-неволей наводитъ на мысль, не есть ли строеніе и отправленіе большаго мозга таково же какъ и строеніе и отправленіе интеллигенціи? Т. е. нѣтъ ли и въ большомъ мозгу того же распредѣленія трехъ дѣятельностей между тремя его подъ-органами? И если есть, то не будутъ ли это дѣятельности именно теоретическая, эстетическая, и практическая? при чемъ эстетическая будетъ, конечно, принадлежать центральному мозолистому соединенію обоихъ полушарій, и только роль того и другаго изъ этихъ полушарій останется еще наблюсти. Вотъ во всякомъ случаѣ гипотеза, которою, при бѣдности ихъ, физіологамъ никакъ не слѣдуетъ брезгать.

Частный

законъ правительства.

Правительство, какъ второй органъ инкорпораціи и экскорпораціи. — Происхожденіе правительства. — Правительство теоретическое, эстетическое и практическое. — Теорія войска. — Отправленія всѣхъ этихъ правительствъ. — Теорія войны. — Продукты правительства. — Теорія побѣды.

Другая часть инкорпораціи и экскорпораціи есть дѣятельность правительства. Это средній, центральный политическій органъ и процессъ: помѣщаясь между начальною интеллигенціею и конечнымъ гражданствомъ, правительство составляетъ главный узелъ всей политической жизни. Начнемъ съ его происхожденія.

Какъ знаніе начинается отъ богатства, такъ власть начинается *отъ знанія*. Если превосходство въ силѣ есть единственный первоначальный источникъ богатства, если превосходство въ богатствѣ есть единственный первоначальный источникъ знанія, то единственно первоначальнымъ источникомъ власти бываетъ только превосходство въ знаніи. Но такъ какъ это послѣднее превосходство предполагаетъ и два первыя, то отсюда и выходитъ, что власть есть соединеніе силы, богатства и знанія, а всякое соединеніе силы, богатства и знанія есть власть. Тезисъ этотъ подтверждается и исторически, и соціологически. Исторически, потому что каждый разъ какъ появлялись эти три условія соединенными, каждый разъ возникала и власть. Въ восточныхъ деспотіяхъ богатство и знаніе совмѣщались въ жрецахъ, — отсюда и власть была у нихъ, а не у воиновъ. Въ классическомъ мірѣ богатство и знаніе сосредоточено у аристократій, — оттого у нихъ и власть. То же и въ средніе вѣка. Въ новѣйшей Европѣ знаніе и богатство въ среднемъ сословіи, у буржуазіи, — а потому у нее же и власть политическая. Кто смотрѣлъ на исторію не безъ наблюдательности, тотъ непремѣнно приходилъ къ этому обобщенію. Такъ Токвилль, описывая французское общество пе-

редъ революціей, обращаетъ вниманіе на то, что, не смотря на свои привиллегіи, дворянство разорялось, а богатствами овладѣвало среднее сословіе. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ также и то, что у буржуа было столько же свѣдѣній какъ и у дворянина, что оба были проникнуты однимъ и тѣмъ же свѣтомъ. Также точно Гизо, говоря объ обществѣ англійскомъ предъ англійской революціей, наблюдаетъ, что аристократія падала, между тѣмъ какъ простые дворяне, владѣльцы свободныхъ земель, горожане, сами того не замѣчая, овладѣвали всѣми экономическими силами. Въ другомъ мѣстѣ онъ добавляетъ къ этому, что торговая дѣятельность и религіозный энтузіазмъ дали необыкновенный толчокъ капиталамъ и идеямъ въ среднемъ сословіи, и что въ 1628 году при открытіи парламента съ удивленіемъ было замѣчено, что палата депутатовъ оказалась втрое богаче палаты лордовъ. И наоборотъ каждый разъ, когда хотѣли передать власть туда, гдѣ не было ни богатства, ни знанія, какъ напримѣръ, во Франціи въ 1848 году, передача не удавалась. А каждый разъ, какъ подобная передача удавалась, какъ напримѣръ въ Америкѣ, тамъ предварительно передана была туда же извѣстная доля богатства и знанія. Соціологически все это объясняется тѣмъ, что гдѣ совмѣщены такія элементарныя общественныя силы какъ сила матеріальная, и сила умственная, тамъ не могутъ онѣ не имѣть въ своемъ распоряженіи и силу физическую, хотя и находящуюся внѣ ихъ самихъ. А гдѣ въ свою очередь совокуплены сила физическая, экономическая и умственная, тамъ не можетъ не быть и нравственной, т. е. вліянія, власти. Формальной власти нельзя имѣть безъ предварительнаго существеннаго вліянія, и наоборотъ съ вліяніемъ нельзя рано или поздно не получить власти. Какъ отдать власть туда, гдѣ нѣтъ вліянія, такъ и не допустить ее туда, гдѣ оно имѣется,— есть химера равно несбыточная.

Коль скоро мѣсто для власти нашлось, органомъ ея является *правительство*. По сравненію съ теоретическимъ органомъ (интеллигенціею) и практическимъ (гражданствомъ) это

есть чисто-эстетическій общественный органъ. Въ самомъ дѣлѣ, если интеллигенція, говоря вообще, творитъ, то правительство, говоря вообще, претворяетъ; если первая даетъ общественное содержаніе жизни, то второе даетъ общественныя формы этому содержанію; если безъ первой нѣтъ сырого матеріала политической жизни, то безъ втораго нѣтъ приспособленія его къ дѣйствительнымъ потребностямъ ея. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, будучи, по сравненію съ интеллигенціей и гражданствомъ, какъ цѣлое, органомъ чисто-эстетическимъ, правительство, само въ себѣ, въ частяхъ своихъ, не лишено въ свою очередь каждаго изъ этихъ трехъ оттѣнковъ, т. е, и теоретическаго, и эстетическаго, и практическаго, Такъ теоретическимъ правительствомъ есть, безъ сомнѣнія, *законодательство*, потому что въ немъ больше чѣмъ въ какомъ либо другомъ правительствѣ участвуетъ элементъ творчества, теоріи, системы. Подъ законодательствомъ мы здѣсь разумѣемъ, конечно, не только народное, но также и международное, которое выражается въ трактатахъ и договорахъ. Практическимъ правительствомъ есть *администрація*, потому что въ ней больше всего участвуетъ элементъ практическій, элементъ факта и непосредственнаго удовлетворенія потребностей. Подъ администраціей опять разумѣется не только государственная, но также и международная, на сколько она образовалась въ то или другое время, и на сколько выражается то въ той или другой гегемоніи, какъ напримѣръ македонская въ Греціи и недавно французская, а нынѣ нѣмецкая въ Европѣ, то въ той или другой спеціальной власти, будетъ ли это духовная, какъ папство въ средніе вѣка, или свѣтская, какъ въ наши времена конгрессы. Средину между тѣмъ и другимъ правительствомъ составляетъ *судъ*, который и есть правительство въ полномъ смыслѣ слова эстетическое. Онъ есть правительство эстетическое потому что составляетъ переходъ отъ законодательства къ администраціи; онъ есть правительство эстетическое, потому что для него форма имѣетъ равное, какъ и для художника, достоинство съ содержаніемъ, если еще не

высшее; онъ есть, наконецъ, правительство этетическое и просто потому, что представляетъ собою настоящую соціальную драму, драму не вымышленной, а дѣйствительной жизни. Судя по этому, надобно заключить, что судъ есть самое типичное выраженіе правительства, потому что въ органѣ, эстетическомъ вообще, онъ есть подъ-органъ эстетическій въ частности; такимъ образомъ будучи эстетичнымъ дважды, онъ есть слѣдовательно, и сугубый типъ правительства. И дѣйствительно, идеалъ всякаго другаго правительственнаго подъ-органа состоитъ въ томъ, чтобъ наиболѣе и по возможности уподобиться этому. Администрація стремится уподобиться суду по духу законности, по гарантирующимъ ее формамъ; законодательство стремится уподобиться суду по духу безпристрастія и всесторонности, по формамъ, гарантирующимъ ихъ. Отсюда у администраціи судебный формализмъ, у законодательства— судебный драмматизмъ. Съ другой стороны, надѣляя другіе подъ-органы правительства собственными своими свойствами и тѣмъ уже совокупляя ихъ, судъ соединяетъ ихъ еще и тѣмъ, что въ свою очередь и самъ вмѣщаетъ въ себѣ свойства обоихъ другихъ подъ-органовъ: онъ совмѣщаетъ въ себѣ и законодательную теорію удовлетворенія потребностей, и административную практику удовлетворенія ихъ; начинаясь всегда первою, онъ оканчивается всегда второю. Словомъ, судебная власть есть наиболѣе верховная, а верховная власть есть наиболѣе судебная. Она потому наиболѣе судебная, что ей принадлежитъ судъ надъ другими двумя властями; она потому судебная, что ей принадлежитъ судъ и надъ судебной властью, надъ самой собою, въ видѣ права помилованія, которое всегда поэтому отождествляется съ верховною властью, какъ она всегда отождествляется съ нимъ; она потому судебная, что собираетъ въ себѣ, какъ судъ, и аттрибуты законодательства, и атрибуты правленія; она потому, наконецъ, судебная, что никогда не бываетъ стороною и всегда только третьимъ лицомъ. Верховная же она не только потому что судебная, но и потому что въ ней, какъ въ дѣйствительной вершинѣ пи-

рамиды, пересѣкаются въ одной точкѣ всѣ возможныя стороны и линіи пирамиды. Въ самомъ дѣлѣ, выше мы видѣли, что во власти вообще сходятся всѣ силы общественныя, теперь мы видимъ, что въ верховной власти сходятся и всѣ правительственныя силы; и такъ она есть дѣйствительно послѣднее выраженіе и общества, и правительства; въ ней, какъ въ вершинѣ, дѣйствительно сходятся всѣ линіи и всѣ грани подлежащаго тѣла; въ ней отражаются всѣ достоинства и всѣ недостатки всего общественнаго цѣлаго; въ ней есть по частицѣ всего, что есть и въ обществѣ, и въ правительствѣ; и все это тамъ комбинируется, улегается, примиряется, приходитъ въ гармонію. Словомъ, это средняя пропорціональная величина всѣхъ другихъ величинъ въ государствѣ; это центръ тяготѣнія всѣхъ атомовъ его массы; это фокусъ, въ которомъ сбираются всѣ соціальные лучи и сжимаются тамъ въ одинъ пучокъ, въ одну свѣтящуюся точку; это равнодѣйствующая, это діагональ параллелограма всѣхъ соціальныхъ стремленій и движеній; это стрѣлка на циферблятѣ, показатель всей работы всѣхъ колесъ, спрятанныхъ въ общественномъ механизмѣ; это глазъ соціальнаго организма, выразитель всей его души и всего его тѣла; это, наконецъ, всеобщій третейскій судья. Самая невозможность знать все и все разсмотрѣть ставитъ верховную власть въ необходимость постояннаго компромисса между сторонами дѣла, самый тактъ этикета не оставляетъ ей иного исхода, какъ постоянная сдѣлка между борющимися мнѣніями и лицами. И очевидно, что до тѣхъ поръ, пока истинность ни одной изъ сторонъ не есть фактъ, до тѣхъ поръ нѣтъ большей разумности какъ средина между обѣими сторонами. Такова верховность судебной власти и такова судебность верховной. Но еще болѣе убѣдимся мы въ верховномъ соціологическомъ значеніи суда, когда вспомнимъ о его особенной международной формѣ, о формѣ войны. Законодательство международное и международная администрація весьма мало отличаются отъ всѣхъ другихъ даже и по формѣ своей; судъ же международный имѣетъ формы столь рѣзкія и столь

отличныя отъ всѣхъ другихъ судебныхъ формъ, что изъ-за нихъ предполагается даже различіе и въ самой сущности органовъ. Это-то отличіе и рѣзкость формы и выводятъ наружу все значеніе судебной власти между двумя другими. Если въ отдѣльныхъ обществахъ верховная власть имѣетъ иногда скорѣе оттѣнокъ административный или законодательный чѣмъ судебный, то во всемъ человѣческомъ обществѣ верховная его власть имѣетъ характеръ исключительно судебный, потому что характеръ войны, какъ имѣетъ она его по большей части и въ государствахъ, гдѣ аттрибуты государей суть всегда почти аттрибуты воина. Международная же царственность есть исключительно военная; соціологически верховная власть есть одна только война. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ войнѣ достигаютъ до своей высшей степени и всѣ свойства какъ правительства вообще, такъ и эстетическаго въ особенности: вообще, потому что побѣда достигается тѣми же путями какъ и вліяніе, власть, т. е. высшимъ соединеніемъ силы, богатства и знанія; въ особенности, потому что здѣсь есть всѣ свойства судебной власти, а именно: и высшій формализмъ, потому что искуство-стратегіи, и высшая законность, потому что соціологическая, а не юридическая, и высшій драмматизмъ, потому что историческій, а не уголовный, и высшая всесторонность и безпристрастіе, потому что здѣсь обсуждаются и физическія, и матеріальныя, и умственныя, и нравственныя силы обществъ, и побѣда неуклонно отдается только первенству и правотѣ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. И такъ въ обширномъ смыслѣ правительство есть и законодательство, и судъ, и администрація; въ тѣсномъ смыслѣ правительство есть администрація; въ среднемъ же и наиболѣе научно-политическомъ смыслѣ правительство есть судъ, потому что только онъ есть война, и потому что только война есть послѣдняя и безапелляціонная инстанція, надъ которою дѣйствительно нѣтъ никакой другой власти въ мірѣ. Органъ же этой власти и есть не что иное какъ вооруженная сила міра, войско, армія. Вооруженная сила всегда организована такъ же какъ органи-

зованъ и судъ: здѣсь всегда съ одной стороны обвинитель, наступающая армія, а съ другой обвиняемый, армія обороняющаяся; здѣсь также какъ и въ судѣ судьями суть зрители, а зрителями судьи; здѣсь также какъ и въ судѣ есть раздѣленіе на уголовный судъ, — дѣйствующія арміи, и гражданскій — внутреннія стражи. Но неужели (дрожитъ на устахъ читателя вопросъ), неужели это есть такой же вѣчный органъ какъ и всѣ другіе органы правительства? Какъ бы кто ни представлялъ себѣ близкимъ то неизвѣстное время, когда война между цивилизованными народами исчезнетъ, но онъ все таки не долженъ забыть, что тогда останутся еще нецивилизованные, надъ которыми иной управы какъ судъ войны все таки не будетъ, и что, слѣдовательно, пока послѣдній дикарь на землѣ не исчезнетъ, не исчезнетъ и это верховное судилище. Но и тогда, когда получатся эти первоначальныя условія исчезновенія войны, она все таки можетъ исчезнуть только какъ фактъ, но не какъ право, ибо никакого другого послѣдняго доказательства, никакой другой послѣдней верховной власти выдумать не возможно. Будетъ ли это доказательство силами нравственными или умственными или экономическими, или всѣми ими вмѣстѣ,—онѣ не будутъ равняться тому, которое доказываетъ всѣми соціальными силами безъ исключенія, т. е. не исключая и физическихъ. Можетъ наступить какая либо замѣна войны фиктивная, т. е. замѣна и предупрежденіе ея тѣмъ только, что шансы ея напередъ могутъ быть разсчитаны; но никакой дѣйствительной замѣны наступить не можетъ, потому что судебной совокупности всѣхъ общественныхъ силъ замѣнить не чѣмъ. И всякое другое рѣшеніе всякой совокупности нѣкоторыхъ, а не всѣхъ, силъ будетъ всегда неокончательное, пока оно не поддержано рѣшеніемъ всѣхъ, если не прямо, то покрайней мѣрѣ косвенно, если не вблизи, то покрайней мѣрѣ издали. Можно остановиться передъ этимъ послѣднимъ приговоромъ, можно не дойти до него, но только въ виду очевидности его и, слѣдовательно, только во имя его же. Такъ только предупреж-

дается вмѣшательство силы и въ томъ учрежденіи, которое ставятъ войнѣ въ образецъ и въ идеалъ исхода. Если на судѣ подсудимый подчиняется приговору различныхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ прокуратуры, адвокатуры, присяжныхъ и судей, то развѣ онъ подчиняется ему потому что считаетъ его справедливымъ? Ничуть, онъ подчиняется ему единственно потому, что за этимъ умственнымъ и нравственнымъ приговоромъ онъ предвидитъ въ концѣ концовъ физическій, предвидитъ насиліе, если не покорится безъ того, предвидитъ, что съ этимъ насиліемъ онъ не въ состояніи будетъ бороться, и потому только, въ виду очевидности этой, и покоряется. Но коль скоро этой очевидности еще нѣтъ, коль скоро этотъ приговоръ еще не ясенъ, до тѣхъ поръ, даже и въ частныхъ дѣлахъ, не только въ международныхъ, никакое судилище не прочно, и послѣ всякаго изъ нихъ все еще остается мѣсто для судилища войны. Словомъ, если центральный органъ политики есть правительство, если центральный органъ правительства есть судъ, если центральный органъ суда есть войско, то это и есть, такъ сказать, трипль-экстрактъ правительства, есть правительство въ самомъ незыблемомъ и непреходящемъ смыслѣ слова.

Первая изъ функцій правительства въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. функція прежде всего законодательнаго органа, есть *правоопредѣленіе*. Это есть возведеніе продуктовъ интеллигенціи въ право, въ законъ. Метаморфоза эта, какъ бы ни были развиты органы законодательной власти, или въ какомъ бы зачаточномъ состояніи они ни находились, всегда совершается слѣдующимъ образомъ. Идеалы интеллигенціи, перешедши въ проэкты ея, уже теряютъ нѣчто въ обыкновенной широтѣ своей и обыкновенной неопредѣленности. Теперь же, когда они поступили въ руки законодательной власти, ихъ надобно формулировать еще точнѣе, надобно подогнать еще больше ко всѣмъ подробностямъ окружающей среды. Это необходимо для того, чтобы приспособить ихъ къ непосредственному удовлетворенію потребностей, къ непосредственному по-

ступленію ихъ въ общественный организмъ и отождествленію съ нимъ. А чтобы изъ теоретическаго сдѣлать нѣчто практическое, надо провести его сквозь горнило эстетики, обработки, претворенія, и претворенія именно такого, послѣ котораго продуктъ наиболѣе подходилъ бы по своему составу къ тѣлу общества, наиболѣе уподоблялся бы ему. Эта-то форма и дается продукту интеллигенціи законодательствомъ, а именно въ видѣ новаго права. Средства, которыя для этого законодательство употребляетъ, суть два: во первыхъ, совмѣщеніе новаго продукта со всѣми условіями настоящаго, во вторыхъ связываніе его со всѣми условіями прошедшаго, словомъ — совмѣстность въ пространствѣ и преемственность во времени. Только при этихъ двухъ качествахъ всякое новое право и новая обязанность могутъ быть тѣсно и органически введены въ общество и сплочены съ нимъ. Въ результатѣ же того и другого обыкновенно и оказывается, что идеаламъ сообщается только та наименьшая степень общности и широты, безъ которой общество дѣйствительно не можетъ болѣе обходиться, и которая въ то же время наиболѣе удобопріемлема для него. Чѣмъ большую долю органовъ и функцій новое право затрогиваетъ и думаетъ перестроить и перенаправить, тѣмъ, какъ извѣстно изъ предыдущаго, реформа ближе къ тому чтобы сѣсть на мель; а наоборотъ чѣмъ реформація уже. тѣмъ она вѣрнѣе и надежнѣе. Отсюда, даже при нашей инстинктивной и неразумной общественной жизни, огромное большинство реформъ, а именно всѣ ежедневныя, ограничиваются обыкновенно самымъ маленькимъ кругомъ отношеній, меньшая половина ихъ—среднимъ, и только немногія и исключительныя реформы, такъ сказать праздничныя или революціонныя, захватываютъ самый большой кругъ общественныхъ отношеній. Потому же реформы, касающіяся высшихъ или политическихъ классовъ, бываютъ всего многочисленнѣе, реформы высшаго и средняго классовъ вмѣстѣ случаются рѣже; а реформы, захватывающія все общество, не исключая и низшихъ экономическихъ классовъ, суть самыя рѣдкія. Все это подготовленіе закона, составляю-

щее первый изъ существенныхъ процессовъ законодательства, ввѣряется обыкновенно то постояннымъ, то временнымъ подъорганамъ самого законодательства, каковы, напримѣръ, буле и его пробулевма въ Аѳинахъ, герусія въ Спартѣ, сенатъ и трибунатъ въ Римѣ, парламентскія коммисіи и просто коммисіи въ новой Европѣ. Послѣ этого перваго законодательнаго процесса идетъ второй — свѣрка проэкта правительства съ проэктомъ интеллигенціи или мнѣнія власти съ общественнымъ мнѣніемъ; при чемъ проэктъ то еще больше съужается, то напротивъ нѣсколько разширяется, смотря по организаціи этой повѣрки. Чѣмъ болѣе она состоитъ изъ агентовъ и представителей власти, тѣмъ проэктъ больше съужается, чѣмъ больше она состоитъ изъ агентовъ и представителей общественнаго мнѣнія, тѣмъ проэктъ разширяется болѣе. Такимъ образомъ вторичный процессъ состоитъ во всякомъ случаѣ въ обратной переработкѣ, т. е. или въ разширеніи того, что узко или въ съуженіи того, что широко. Органами этого вторичнаго претворенія бываютъ обыкновенно то всенародныя собранія, то представительныя, то совѣщательныя: агора, форумъ, майскія поля, сеймы, вѣча, парламенты, государственныя совѣты, диваны и т. п. Наконецъ послѣ этого двойного претворенія слѣдуетъ санкція и провозглашеніе закона, которое обыкновенно принадлежитъ уже не собственно законодательной власти, а то верховной вообще, то административной въ частности. Это третій и послѣдній законодательный процессъ. Когда такимъ образомъ новый законъ изданъ, онъ испытываетъ одну изъ трехъ судебъ: или принимается обществомъ съ радостью, съ чувствомъ самоудовлетворенія, или безразлично, или, наконецъ, просто съ протестомъ. Первое случается, когда законодательный процессъ совершился наиболѣе нормально, т. е. когда продуктъ законодательства возможно болѣе соглашенъ съ продуктомъ агитаціи, второе — когда соглашеніе это незначительно, третье — когда это соглашеніе вовсе несуществуетъ и существуетъ даже противорѣчіе. Въ первыхъ двухъ случаяхъ нѣтъ мѣста никакому

иному дальнѣйшему процессу кромѣ усвоенія новаго права и, слѣдовательно, никакому иному органу правительства кромѣ администраціи; въ третьемъ же случаѣ, такъ какъ добровольнаго усвоенія нѣтъ, и есть только добровольное отверженіе, то оказывается мѣсто для усвоенія насильственнаго и, слѣдовательно, для дѣятельности органа судебнаго. По видимому случай этотъ удобоизбѣгаемъ: стоитъ только, по видимому, продуктамъ законодательства не расходиться слишкомъ съ продуктами агитаціи,—и для судебной дѣятельности никогда не будетъ мѣста. Но, во первыхъ, и этого не всегда возможно достигнуть, потому что всегда возможны ошибки въ измѣреніи и взвѣшиваніи общественныхъ идеаловъ, общественнаго мнѣнія; а во вторыхъ, что еще неотвратимѣе и еще важнѣе, возможны всегда ошибки въ самомъ общественномъ мнѣніи, въ самой интеллигенціи. И здѣсь-то мы встрѣчаемся съ роковой необходимостью увѣковѣченія такой ошибки на всѣ времена исторіи. Необходимость эта обусловливается слѣдующими неотвратимыми обстоятельствами. Возможно еще, какъ только что сказано, избѣгать всякаго несоглашенія закона съ общественнымъ мнѣніемъ, которое всегда можетъ быть хорошо извѣстно, лишь бы только потрудились хорошенько взвѣсить и измѣрить его; но какъ избѣжать несогласія самого общественнаго мнѣнія съ неизвѣстною природою обществъ, и, слѣдовательно, несогласія юридическаго права съ правомъ натуральнымъ? Людовикъ XIV, напримѣръ, въ полномъ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, шесть разъ въ теченіе своего царствованія порывался остановить разширеніе Парижа; а между тѣмъ, не смотря на всѣ его законодательныя мѣры, Парижъ все росъ и росъ по какимъ-то другимъ неизвѣстнымъ Людовику и его интеллигенціи законамъ. Конечно, и одно соглашеніе съ инстинктивнымъ общественнымъ мнѣніемъ не можетъ уже не уменьшать ошибокъ правительства и протестовъ общества; но что же намъ ручается, что самое это общественное мнѣніе всегда согласно съ общественной истиной, и инстинктивность всегда согласна съ разумностью? Напро-

тивъ мы постоянно видѣли выше, что неразумности въ инстинктѣ можетъ быть столько же какъ и разумности. Положимъ, что пропорція эта, по мѣрѣ мотивированности инстинкта и въ особенности по мѣрѣ успѣховъ науки общественной, должна постоянно измѣняться въ пользу нашу; но, измѣняясь, она все таки въ той или другой степени должна оставаться вѣчно, или покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ сказано послѣднее слово соціальной науки, т. е. все таки вѣчно въ смыслѣ историческомъ, въ смыслѣ всей жизни человѣчества. Наконецъ есть нѣчто, и еще болѣе роковое. Пусть, напримѣръ, мы достигли того, что законъ никогда не ниже общественнаго мнѣнія, а общественное мнѣніе никогда не ниже научнаго пониманія природы обществъ, и что мы всегда знаемъ самыя естественныя средства для всѣхъ нашихъ цѣлей, а цѣлей никогда не усвоиваемъ утопическихъ; остается затѣмъ вопросъ, во всякую ли минуту и во всякомъ ли данномъ мѣстѣ возможно приложеніе всей доступной человѣчеству усовершимости, хотя бы мы и ограничили ея цѣли, и знали всѣ для нихъ средства? Очевидно, что тьма предъидущихъ несовершенствъ и неразумностей жизни не дадутъ намъ никакой возможности примѣнить немедленно все наше познаніе общества, какъ бы оно высоко и глубоко ни было. Отсюда, даже понимая всѣ причины преступленій и всѣ средства избавиться отъ нихъ, мы тѣмъ не менѣе на каждомъ шагу принуждены были бы видѣть совершающееся преступленіе и стоять надъ нимъ сложа руки, потому что онѣ связаны условіями прошедшаго. Мы могли бы въ этомъ трагическомъ положеніи дѣлать все для облегченія этого трагизма и себѣ, и другимъ; но тѣмъ не менѣе мы все таки были бы не въ состояніи устранить его. Отсюда и необходимость, до конца исторіи, преступленій, хотя бы то и уменьшающихся по мѣрѣ соглашенія законовъ съ общественнымъ мнѣніемъ, а общественнаго мнѣнія съ наукою, съ природою обществъ. Правда, что самое преступленіе, какъ указатель этого несогласія, какъ протестъ противъ права искуственнаго въ пользу

права естественнаго, или противъ естественности инстинктивной въ пользу разумной, само по себѣ уже всегда можетъ быть руководителемъ нашимъ, наталкивая насъ на отысканіе этого несогласія; но видѣть симптомъ болѣзненности не значитъ еще видѣть лекарство противъ нея; а видѣть лекарство противъ нея не значитъ еще всегда имѣть возможность прописать и употребить его. А потому постоянно видя симптомы, и постоянно зная, что есть, слѣдовательно, какая-то неправильность, неразумность въ жизни, мало того, зная даже, въ чемъ эта неправильность и въ чемъ эта неразумность, мы все таки постоянно будемъ принуждены употреблять противъ этихъ неправильностей только средства палліативныя, эмпирическія, постоянно вооружаться только противъ послѣдствій вмѣсто причинъ, или только противъ ближайшихъ вмѣсто отдаленныхъ, и такимъ образомъ бить постоянно не по коню, а по оглоблямъ. Отсюда вѣчная необходимость втораго правительственнаго процесса, къ которому и слѣдуетъ перейти намъ.

Этотъ другой процессъ есть юстиція, *правосудіе*. Вѣчное и неизбѣжное правонарушеніе ведетъ за собой вѣчное и неизбѣжное правовозстановленіе. Конечно, лучше было бы въ такомъ случаѣ предупредить хотя дальнѣйшее нарушеніе права, но для этого надо было бы опять таки понимать тайну этого предупрежденія, и имѣть возможность его; непониманіе же и невозможность необходимо должны обнаружиться однимъ способомъ, — постановленіемъ на своемъ во что бы то ни стало, возстановленіемъ хотя и ошибочнаго но все таки права. Постоянно падающій, въ силу своей несостоятельности, законъ долженъ быть постоянно и поддерживаемъ такъ же несостоятельно; иначе вышло бы полное беззаконіе. Постоянная поддержка его однимъ насиліемъ никогда, конечно, не въ состояніи предотвратить новыя и новыя паденія его; но она въ состояніи по крайней мѣрѣ уравновѣшивать ихъ, и такимъ образомъ содержать законъ если не въ состояніи незыблемости, то по крайней мѣрѣ въ состояніи колебанія, до тѣхъ

поръ пока онъ не упадетъ окончательно и не будетъ замѣненъ лучшимъ. Вотъ единственно основной источникъ суда и правосудія, источникъ, котораго такъ напрасно добиваются философствующіе юристы. Источникъ этотъ — невозможность поддержать такіе законы безъ насилія, а никакъ не месть, не возмездіе, не угроза, не исправленіе, не предупрежденіе и т. п. Когда существуетъ невозможность поддержать законъ безъ принужденія и насилія, тогда принужденіе это и насиліе можетъ принимать тысячи формъ: и мстительную, и угрожающую, и исправительную, и т. д.; но это никакъ не будутъ причины и источники суда, а только, напротивъ, послѣдствія его. Кромѣ теорій возмездія, устрашенія, исправленія могутъ быть выдуманы еще десятки такихъ же оттѣнковъ правосудія, такъ напримѣръ: самосохраненіе общества, дисциплинированіе гражданъ, поддержаніе достоинства закона, замѣна и предупрежденіе судомъ войны, покровительство слабаго противъ сильнаго, и проч. и проч.; но всѣ эти оттѣнки не суть еще ни источникъ, ни причина суда. Все это суть, наконецъ, причины только ближайшія, непосредственныя; глубочайшая же, коренная, отдаленнѣйшая есть только одна: это—или несогласіе права съ мнѣніемъ, или несогласіе мнѣнія съ истиной, или несогласіе истины съ текущей дѣйствительностью. Невозможность же поддержать законъ или право безъ насилія приводитъ и къ двумъ главнымъ видамъ суда: народному и международному. А именно: невозможность поддержать безъ физической силы законъ народный приводитъ къ юстиціи; а невозможность поддержать безъ физической силы законъ международный приводитъ къ войнѣ. Впрочемъ процедуру суда и войны удобнѣе будетъ разсмотрѣть отдѣльно, потому что читатель привыкъ совершенно обособлять ихъ и непривыкъ смѣшивать.

Какъ только народный законъ изданъ, какъ только провозглашено какое либо новое право и новая обязанность, тотчасъ же имъ предстоитъ общественное испытаніе. Одни изъ законовъ, и даже именно огромное большинство ихъ, вы-

держиваютъ блистательно этотъ экзаменъ, т. е. они не только проходятъ въ жизнь безъ сопротивленія, но встрѣчаются ею съ раскрытыми объятіями, и не только не вызываютъ преступленій, но, напротивъ, на болѣе или менѣе значительную цифру уменьшаютъ число прежнихъ. Такъ возведеніе христіанства въ право, въ государственную религію Рима устранило весь тотъ родъ преступленій, который былъ предметомъ десяти періодическихъ гоненій, т. е. десяти оптовыхъ судебныхъ облавъ на преступниковъ. Такъ возведеніе въ право протестантизма и вообще свободы совѣсти устранило изъ жизни всѣ тѣ преступленія, которыя были предметомъ систематическаго и оптоваго преслѣдованія для инквизицій. Такъ въ наши времена крестьянская эманципація въ Россіи какъ рукой сняла всѣ тѣ аграрныя преступленія, которыхъ до тѣхъ поръ насчитывалось среднимъ числомъ отъ 50 до 70 ежегодно, не говоря уже о предшествовавшей пугачовщинѣ, разинщинѣ, и т. п. Другая часть законовъ, меньшая, проходитъ въ общество болѣе или менѣе безразлично, т. е. не уменьшая, но и не увеличивая замѣтно страданій. Наконецъ третья, еще меньшая часть, окончательно не выдерживаетъ пробы, и не только не уменьшаетъ, не только оставляетъ въ томъ же видѣ, но еще увеличиваетъ число общественныхъ страданій новыми, до тѣхъ поръ неизвѣстными. Таковъ, напримѣръ, былъ несогласованный ни съ природой общества, ни даже съ общественнымъ мнѣніемъ Іудеи сирійскій законъ Антіоха Эпифана о замѣнѣ культа Іеговы и національности іудейской религіею и національностью греческою. Весьма естественно, что такой законъ на другой же день послѣ своего изданія долженъ былъ породить тьму несуществовавшихъ до тѣхъ поръ преступленій. Подобное же дѣйствіе долженъ былъ имѣть и несогласный ни съ общественнымъ голосомъ Швеціи, ни съ голосомъ человѣческой натуры законъ короля Христіерна II, которымъ запрещался трауръ и слезы по казненнымъ родственникамъ. Такому же несомнѣнному нарушенію подверженъ былъ и международный законъ нашихъ временъ, данный для Россіи Евро-

пою въ формѣ парижскаго трактата 1856 года. Хотя и соглашенный съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, онъ тѣмъ не менѣе былъ плохо согласуемъ съ общественной природою: оставляя за Россіею всю ея самостоятельность, онъ въ то же время думалъ лишить ее такого свойства самостоятельности какъ быть хозяйкою во всѣхъ углахъ своего дома. Оставляя за Россіей все ея могущество, онъ въ то же время разсчитывалъ на покорность ея добровольную. Оставляя Россіи все достоинство одной изъ первостепеннѣйшихъ державъ Европы, онъ въ то же время пробовалъ создать ежедневное оскорбленіе для этого достоинства. Мудрено ли, что она воспользовалась первымъ же случаемъ для открытаго и явнаго правонарушенія, для такъ сказать нарочитаго презрѣнія и протеста противъ закона, и что преступленіе это такъ же потомъ удивило Европу, какъ удивляли Христіерна преступныя слезы женъ и матерей. Вотъ одна категорія законовъ, не выдерживающихъ общественнаго опыта. Къ другой категоріи относятся всѣ тѣ, которыми новыя преступленія вызываются хотя и въ замѣну только другихъ, худшихъ и многочисленнѣйшихъ, но все таки вызываются. Таковъ, напримѣръ, законъ римской имперіи объ оскорбленіи величества, послѣдствія котораго хотя и не могутъ быть сравнены съ предшествующими страданіями временъ междоусобныхъ, но тѣмъ не менѣе съ необходимостью создавали специфическій родъ ежедневныхъ правонарушеній, требовавшихъ такого же ежедневнаго правовозстановленія. Во всѣхъ-то этихъ случаяхъ какъ первой, такъ и второй категоріи становится необходимостью насильственное и принудительное возстановленіе неразумнаго и потому инстиктивно колеблемаго права. И при этомъ чѣмъ новѣе и неразумнѣе это новое право, тѣмъ случаи принудительнаго вогнанія его въ жизнь должны быть чаще и чаще. Процессъ этого вогнанія слагается изъ трехъ моментовъ. Первый есть сличеніе факта дѣйствительности съ правомъ законодательства, второй моментъ — выводъ изъ этого сличенія о согласіи или несогласіи ихъ; третій — возстановленіе въ послѣднемъ слу-

чаѣ согласія (если право было имущественное) или вмѣненіе (если право было личное). Это возстановленіе и вмѣненіе, т. е. этотъ третій процессъ, видоизмѣняетъ, въ концѣ ея, судебную дѣятельность до того, что она начинаетъ граничить съ административною, и такимъ способомъ образуется естественный переходъ отъ суда къ администраціи. Весь этотъ ходъ процесса не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что то инстиктивное учрежденіе общества, которое извѣстно подъ именемъ суда, служитъ для поддержанія въ обществѣ тѣхъ именно правъ и обязанностей, которыя или наименѣе популярны или наименѣе разумны, если и популярны. Въ самомъ дѣлѣ, разумное и популярное право не нуждается ни въ какой посторонней поддержкѣ; его разумность, т. е. согласіе съ естественными законами общества, необходимо сообщаетъ ему такую же неколебимость, какая принадлежитъ самимъ естественнымъ законамъ. Таково, напримѣръ, право и обязанность самообороны. Едва ли былъ отъ созданія міра случай, когда бы этотъ юридическій законъ, существующій въ каждомъ законодательствѣ, былъ бы кѣмъ нибудь нарушенъ. А почему? конечно потому что онъ не только юридическій, но и естественный законъ общества и человѣка. И Карфагенъ, и Тиберій Гракхъ оборонялись, когда на нихъ нападали, не смотря на то, превосходная сила нападала или нѣтъ. И такъ если законъ нарушается, то это одно уже есть доказательство, что онъ не совпадаетъ въ чемъ нибудь съ законами природы. Но если такимъ образомъ открывается для насъ вся неразумность того инстинкта, который можно назвать судебнымъ или юридическимъ, то спрашивается, въ чемъ же послѣ этого его разумность, и вообще есть ли она въ немъ или нѣтъ. Но этотъ послѣдній вопросъ разрѣшается, какъ не разъ уже показано выше, въ смыслѣ положительномъ, т. е. что всякій инстинктъ, какъ показываетъ и самое понятіе этого слова, есть, хотя и безсознательная, но большая или меньшая цѣлесообразность, и наоборотъ хотя и цѣлесообразность, но болѣе или менѣе безсознательная. А потому и въ инстинктѣ юридическомъ,

рядомъ съ его неразумностью, должна быть и большая или меньшая степень разумности. И такъ въ чемъ же она? Во первыхъ она участвуетъ нѣсколько и въ томъ самомъ процессѣ, какой описанъ до сихъ поръ: участіе это есть избраніе каждый разъ изъ двухъ золъ меньшаго. Каждый разъ, когда натуральный общественный законъ остается неизвѣстнымъ или невозможнымъ для примѣненія, обществу предстоитъ или угадать, предположить, вообразить его, или же выждать время и возможность, а въ ожиданіи ихъ, бездѣйствовать, и, слѣдовательно, или сдѣлать юридическія опредѣленія наугадъ или же оставить пока жизнь безъ всякихъ опредѣленій. Но одна такая дилемма не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ выборѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лучше сдѣлать какой бы то ни было опытъ, построить какую бы то ни было гипотезу, употребить какую бы то ни было палліативную мѣру, нежели не дѣлать никакой: отъ перваго мало-по-малу можно добрести и до истины, отъ второго же никогда. А сверхъ того оставить жизнь вовсе безъ опредѣленій, значитъ предоставить ее на произволъ массы, т. е. на произволъ инстинктовъ наиболѣе слѣпыхъ; предпринять же попытку опредѣленій значитъ предоставить ту же жизнь на прозволъ интеллигенціи, т. е. инстинктовъ, наименѣе слѣпыхъ, наиболѣе мотивированныхъ. Вотъ первый, отрицательный проблескъ разумности въ судебномъ инстинктѣ. Но есть въ немъ кромѣ этого еще и другой признакъ разумности, и, что еще важнѣе, положительный. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ этотъ инстинктъ, всегда, даже и въ самомъ дикомъ его видѣ, въ видѣ, напримѣръ, кровавой и родовой мести, судебнаго поединка и т. п., существовалъ рядомъ съ нимъ другой такой же юридическій инстинктъ, дополнительный, въ видѣ примиренія, прощенія, помилованія. Этотъ инстинктъ, дѣйствуя параллельно съ другимъ, всегда въ большей или меньшей степени, смотря по степени слѣпоты своей, приходилъ къ результату совершенно противоположному, потому что къ результату милосердія, невмѣненія, безотвѣтственности. Покупая этотъ резуль-

Интернет архив

татъ сперва только деньгами, выкупомъ, правонарушитель мало-по-малу сталъ его покупать потомъ возрастомъ своимъ, заслугами своими и наконецъ даже просто стеченіемъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ. Въ свою очередь обстоятельства эти, будучи сначала точно опредѣлены и формулированы, потомъ, какъ напримѣръ съ изобрѣтеніемъ судовъ народныхъ, получаютъ все большую и большую неопредѣленность и вмѣстѣ съ тѣмъ разширеніе. Наконецъ въ довершеніе всего и на тотъ случай, когда никакая широта оправдательныхъ обстоятельствъ не представляетъ мѣста невмѣненію, юридическій инстинктъ обществъ всегда сохранялъ это мѣсто въ формѣ царственнаго права помилованія. Мало того, и правители, и граждане обществъ всегда считали и продолжаютъ считать это право величайшею изъ всѣхъ прерогативъ власти и наиболѣе царственною и верховною. Англія отняла у своей царственности всѣ ея прерогативы, и не посмѣла коснуться только одной, права помилованія. Вотъ та обратная, дополнительная, разумная сторона, которая существуетъ и въ этомъ разсматриваемомъ нами инстинктѣ, и которая восполняетъ недостатокъ общественнаго знанія въ пользу личности, какъ предыдущая восполняла его въ пользу общества. Борьба этихъ двухъ сторонъ одного и того же инстинкта, безпрестанное сокращеніе и ограниченіе одной изъ нихъ, общественной, въ пользу другой, личной, и составляетъ содержаніе всей юридической исторіи, содержаніе, которое въ свою очередь направляется совершенно параллельно съ развитіемъ общественнаго пониманія.

Гораздо менѣе общеизвѣстна разумность и неразумность другой формы суда, международной, войны. Если въ судѣ предрасположены видѣть только разумность его и незамѣчать неразумности, то въ войнѣ наоборотъ всѣ до сихъ поръ предрасположены видѣть только неразумность этого инстинкта и не замѣчать никакой въ немъ разумности. Въ законодательствѣ международномъ неразумности не видятъ, по крайней мѣрѣ не видятъ ея больше чѣмъ въ законодательствѣ народ-

номъ; въ правительствѣ международномъ, хотя оно пребываетъ до сихъ поръ только въ самой зачаточной своей формѣ, въ формѣ гегемоніи, неразумности также не находятъ; и находятъ ее только въ международной формѣ суда, и находятъ именно въ томъ, что это есть первобытная, зачаточная судебная форма! А между тѣмъ здѣсь-то именно общественный инстинктъ и достигаетъ наибольшей, хотя все еще безсознательной, цѣлесообразности, какая только для него доступна. Что касается одной изъ сторонъ военнаго инстинкта, то распространяться о ней нечего, такъ какъ объ ней и безъ того говорятъ слишкомъ много; остается разсмотрѣть только другую. А эта другая сторона состоитъ въ томъ, что процессъ войны есть та же самая процедура суда. Международный судъ ничемъ существеннымъ не отличается отъ народнаго. Онъ возникаетъ, также какъ и тотъ, вслѣдствіе нарушеннаго права; онъ, также какъ и тотъ, сличаетъ фактъ съ правомъ, такъ же дѣлаетъ выводъ изъ сличенія, и такъ же въ случаѣ несогласія ихъ, стремится возстановить право и вмѣнить нарушеніе. И разница только въ томъ, что вмѣненіе это останавливается до сихъ поръ на своей первобытной формѣ всякаго суда, на формѣ мщенія, возмездія, судебнаго поединка; при чемъ объясняется это весьма естественно отсутствіемъ международнаго правительства, которое могло бы принять на себя роль тяжущихъ сторонъ, какъ дѣлали это всѣ правительства народныя, какъ только они являлись въ обществахъ. До появленія ихъ судъ былъ войною и въ обществахъ народныхъ; а война эта или кровавая месть была такимъ же благодѣяніемъ для этихъ обществъ, такимъ же возстановленіемъ права, какъ и судъ; безъ нея общество также не могло бы существовать и совершенствоваться, какъ нынче безъ суда; а потому кто хочетъ утверждать безполезность войны, пусть прежде докажетъ безполезность кровавой мести. Мало того, рядомъ съ этой процедурой военнаго вмѣненія, существуетъ и такая же, какъ въ судѣ, процедура невмѣненія, которая и мотивируется также какъ тамъ: то откупомъ, то примиреніемъ, то силою

обстоятельствъ, то даже просто помилованіемъ. Только вслѣдствіе международнаго инстинкта помилованія, военноплѣнные перестали быть избиваемы и съѣдаемы, и стали обращаться въ рабовъ; только вслѣдствіе инстинкта международнаго помилованія въ болѣе позднюю пору Александръ Македонскій не обратилъ дочерей Дарія въ рабынь своихъ; только вслѣдствіе еще болѣе развитого инстинкта невмѣненія въ наши времена побѣдитель щадитъ не только жизнь, но даже имущество частныхъ лицъ, ограничивая войну только борьбою съ войскомъ и съ публичнымъ имуществомъ. Если же война имѣетъ всѣ свойства суда, и различается отъ него только фазисомъ развитія, то гдѣ же право на ея отрицаніе? Въ томъ ли, что этотъ фазисъ международнаго суда сдѣлался несвоевременнымъ, сталъ анахронизмомъ? Но это можно было бы сказать только тогда, еслибъ международное правительство было уже организовано, какъ можно это говорить, напримѣръ, о неумѣстномъ самоуправствѣ гражданъ, коль скоро у нихъ есть уже органъ суда. Во вторыхъ, всегда ли неумѣстно и самое это самоуправство при существованіи суда? Отвѣтъ на это даетъ намъ неискоренимый фактъ дуэли. Есть случаи, когда никакой судебный органъ, никакая функція правосудія не въ состояніи удовлетворить нарушенное право, есть случаи, когда никакое разумѣніе, никакой взглядъ на дѣло не въ состояніи не признать этой невозможности. И эти случаи суть именно случаи оскорбленія самыхъ священныхъ человѣческихъ чувствъ, самыхъ деликатныхъ изгибовъ души человѣческой. Какъ только нашлись въ душѣ такіе изгибы, и какъ только задѣты они грубо, нѣтъ больше мѣста суду, нѣтъ мѣста ни откупу, ни примиренію, ни даже помилованію, и есть мѣсто только судебному поединку, только войнѣ, только кровавому очищенію. Если болѣзненное развитіе и раздраженіе чувства чести, извѣстное подъ именемъ щекотливости, сдѣлало изъ дуэли притчу во языцѣхъ у французовъ, если они успѣли опошлить дуэль и превратить ее въ донкихотство, если ее отъ времени до времени опошляютъ и повсюду военные и

аристократическіе палладины, обращающіе ее такъ сказать въ ремесло, то это еще не значитъ, что этотъ актъ самоуправства удобообходимъ, или что онъ и въ наши дни идетъ уже на пониженіе. Ничуть; такіе случаи самоуправства какъ случай нашего несчастливаго Пушкина, всегда найдутъ себѣ и признаніе со стороны всевозможнаго общества, и помилованіе со стороны всевозможной власти, какъ и дѣйствительно нашелъ и то, и другое Пушкинъ. Такимъ образомъ сама судебная власть, и притомъ на самой вершинѣ своей, отказывается иногда отъ прерогативъ своихъ, признаетъ этотъ произвольный суррогатъ себя, и даетъ ему обѣими руками своими санкцію. Да и спрашивается, какъ не дать ее? гдѣ найти такое человѣческое сердце, которое, оставаясь человѣческимъ, могло бы рекомендовать Пушкину искъ вмѣсто дуэли и ходатайство о заключеніи противника подъ арестъ на два мѣсяца за оскорбленіе въ публичномъ мѣстѣ лица женскаго пола словами, а не дѣйствіемъ? Кровь и только кровь, остается здѣсь рѣшителемъ; жизнь, и только одна жизнь, остается здѣсь цѣною. А если такъ даже въ частной жизни, если и она не можетъ время отъ времени не возвращаться къ своей первобытной формѣ суда, то какъ же не признавать этого права за жизнью публичною, гдѣ замѣшаны такіе безгранично святѣйшіе интересы, и гдѣ рѣчь идетъ не объ оскорбленіи лица женскаго пола, а объ оскорбленіи такой личности какъ національность, какъ человѣчность? И такъ если даже въ фазисѣ готоваго уже правительства необходимо возвращаться къ предшествующему судебному фазису, то какъ же не оставаться въ немъ, пока онъ продолжается? Но, можетъ быть, возвращеніе это составляетъ и въ частной жизни регрессъ, уклоненіе отъ развитія и отъ цивилизаціи. Нисколько. Дуэль есть, напротивъ, произведеніе не востока и даже не классическаго міра, которые и понятія о ней не имѣли; она есть, напротивъ, только результатъ того высокаго развитія личности, до какого она донесена только цивилизаціей новой Европы, и о какомъ древнему человѣку и не снилось. Самоуправству было,

конечно, мѣсто и тамъ, но мѣсто въ видѣ преступленія, какъ въ Брутѣ и Коллатинѣ, въ видѣ, наконецъ, самоубійства, какъ въ Люкреціи, но не въ видѣ войны, поединка. Такимъ образомъ возвращеніе это сулитъ намъ только то, что даже и тогда, когда международная жизнь организуется до международнаго правительства, и когда распри международныя, вообще говоря, будутъ обходиться безъ войны, и тогда мѣсто для нея все таки можетъ еще оставаться, и оставаться именно въ самыхъ великихъ случаяхъ исторической жизни, оставаться въ виду безмолвствующаго правительства международнаго и даже подъ благословеніемъ его самого. Это сулится намъ потому что исторія всякаго общества, велико оно или мало, народное оно или международное, семья или сословіе, городъ или университетъ, всегда въ существѣ своемъ одна и таже, какъ доказывалось это спеціально въ началѣ этой книги. Наконецъ еще болѣе мы будемъ имѣть возможность оцѣнить степень разумности войны, когда будемъ говорить о соціальныхъ продуктахъ правительства вообще и суда въ частности; теперь же перейдемъ къ третьему и послѣднему правительственному процессу.

За процессомъ правосудія непосредственно слѣдуетъ процессъ *правленія*. Это есть не опредѣленіе права, какъ въ законодательствѣ, и не возстановленіе права, когда оно нарушено, какъ въ судѣ, а только постоянное поддерживаніе права, когда оно уже установлено, и пока оно еще не нарушено или когда уже возстановлено снова. У этого процесса два, слѣдовательно, пункта отправленія: одинъ въ законодательствѣ, другой въ судѣ. Тѣ законы, которые выдерживаютъ повѣрку жизни, т. е., какъ указано выше, большинство ихъ, прививаются къ жизни непосредственно администраціей; а тѣ, которые этой критики не выдерживаютъ, инкорпорируются въ жизнь тою же администраціею, но только при посредствѣ суда. Однажды правленіе начинается тамъ, гдѣ оканчивается законодательный декретъ, другой разъ оно начинается тамъ, гдѣ оканчивается судебный приговоръ. Въ томъ и другомъ слу-

чаѣ правленіе состоитъ изъ двухъ одно другому противоположныхъ теченій. Одно теченіе прямое, т. е. отъ законодательства или суда къ дѣйствительной жизни, а другое обратное, т. е. отъ дѣйствительной жизни къ законодательству и къ суду. Первымъ теченіемъ администрація доноситъ результаты законодательства и суда до общества, вводитъ ихъ въ практическую жизнь, и, продолжая это долговременно и настойчиво, успѣваетъ ихъ инкорпорировать въ самую плоть и кровь общества. То, что было до сихъ поръ только теоріей или только образомъ, администрація дѣлаетъ фактомъ. Другимъ же своимъ теченіемъ она, наоборотъ, доводитъ факты жизни и дѣйствительности до вѣдомства суда и законодательства. Такъ напримѣръ, каждый разъ, какъ она замѣчаетъ отступленіе жизни отъ дѣйствительно существующихъ опредѣленій права, она тотчасъ же спѣшитъ внести эти факты въ судъ, который и начинаетъ за тѣмъ свой процессъ въ отношеніи къ этимъ фактамъ. Съ другой стороны каждый разъ, какъ администрація замѣчаетъ такіе факты жизни, которые вовсе ускользнули еще отъ опредѣленій права, она вноситъ эти факты въ законодательство, которое и начинаетъ по отношенію къ нимъ свой собственный процессъ. Это есть слѣдовательно, тотъ пунктъ всей вообще правительственной функціи, въ которомъ она совершаетъ полный свой кругъ и замыкается. Законодательствомъ начинается этотъ кругъ, законодательствомъ же и оканчивается. Но только начавшись законодательствомъ по иниціативѣ интеллигенціи, оканчивается законодательствомъ по инціативѣ администраціи. Обѣ эти иниціативы, сходясь вмѣстѣ, и производятъ то явленіе, которое мы видѣли выше, въ теоріи законодательства, и которое мы назвали тамъ то съуженіемъ, то разширеніемъ первоначальныхъ проэктовъ интеллигенціи. Проэкты администраціи, приложенные къ проэктамъ интеллигенціи, не могутъ, конечно не измѣнять ихъ, равно какъ и не измѣняться сами. Измѣненіе же это бываетъ тѣмъ больше въ пользу проэктовъ той или другой стороны, чѣмъ сторона эта лучше представлена

въ законодательномъ органѣ. А именно чѣмъ больше онъ наполненъ администраціей, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ въ немъ проэкты административные, а чѣмъ больше составленъ изъ интеллигенціи, тѣмъ и проэкты ея остаются болѣе дѣйствительными. Но если теченіемъ обратнымъ администрація соединяется съ законодательствомъ, то прямымъ теченіемъ своимъ та же администрація соединяется съ гражданствомъ, и такимъ образомъ протягиваетъ звѣно въ новый кругъ политическихъ процессовъ.—Прежде, однакожъ, чѣмъ мы окончимъ кругъ ихъ правительственный, необходимо обозрѣть всѣ три его функціи съобща и во взаимодѣйствіи ихъ между собою. Разсматривая же ихъ съ такой точки зрѣнія, мы найдемъ, что каждая изъ трехъ функцій имѣетъ въ себѣ способность регулировать до извѣстной степени каждую другую, если эта послѣдняя начинаетъ уклоняться отъ своего нормальнаго хода. Такъ если правоопредѣленіе, напримѣръ, оказывается или нѣсколько поспѣшнымъ или нѣсколько отсталымъ въ сравненіи съ состояніемъ интеллигенціи и общественнаго мнѣнія, то поправить эту ошибку спѣшитъ правосудіе; и оно исправляетъ ее въ одномъ случаѣ воздерживая, въ другомъ торопя правоопредѣленіе посредствомъ своихъ приговоровъ и при помощи интерпретаціи законовъ. Такъ судъ въ Англіи опередилъ ея законы о печати, опережаетъ постоянно законы о смертной казни и много другихъ. А наоборотъ во Франціи судъ недавно отсталъ отъ закона, отказывая въ правосудіи за убійство нѣмца. Въ другую сторону правосудіе можетъ регулировать также и управленіе администраціи, то отказывая ей въ судебныхъ преслѣдованіяхъ, возбуждаемыхъ ею, то возбуждая это преслѣдованіе противъ нее самое, ее самое привлекая къ отвѣтственности. Съ своей стороны и администрація, при проведеніи закона или приговора въ жизнь, можетъ или извратить его нерѣдко до неузнаваемости, или же мало по малу и вовсе отказаться отъ проведенія. Въ послѣднемъ случаѣ говорится, что законъ или приговоръ пришелъ въ забвеніе, вышелъ изъ употребленія, сдѣлался мертвымъ. Таковъ,

напримѣръ, въ Англіи былъ законъ о правѣ мужа на продажу жены. Наконецъ еще большую, потому что прямую, способность регулировать и судъ, и администрацію имѣетъ законодательство, которое можетъ непосредственно видоизмѣнять весь ходъ и все направленіе какъ правосудія такъ и правленія. Вотъ каково взаимодѣйствіе правительственныхъ функцій. Изъ него видно, что оно есть истинная vis medicatrix правительства для маленькихъ его уклоненій, сила, которая предупреждаетъ до нѣкоторой степени употребленіе vis medicatrix общества.

Продукты правительства различаются смотря по органамъ и ихъ отправленіямъ. Продуктъ законодательства есть *право*; продуктъ суда — *справедливость*; продуктъ администраціи — *правда*. Право есть теоретическое представленіе того, что должно быть въ жизни, и что желательно въ ней; справедливость есть соглашеніе того, что есть, съ тѣмъ, что должно быть; правда есть практическое осуществленіе того, что должно быть, есть постоянное пребываніе «у права», есть право-правіе. Другими словами, право есть идеализированный, абстрактный фактъ жизни; правда есть реализированное, конкретное право; а справедливость есть образное, наглядное представленіе и права, и правды. Сумма же всѣхъ этихъ продуктовъ вмѣстѣ или весь вообще правительственный продуктъ составляетъ то, что можно называть *культурою*. Если цивилизація больше всего относится къ дѣятельности интеллигенціи, какъ дѣятельности просвѣтительной, то культура не можетъ относиться ни къ чему, кромѣ дѣятельности правительственной, какъ воздѣлывающей продукты интеллигенціи и приспособляющей ихъ къ потребностямъ дѣйствительной жизни. Изъ всѣхъ частностей культуры самая центральная есть та, которая составляетъ послѣдствіе самаго центральнаго изъ правительственныхъ органовъ (суда) и самой центральной изъ правительственныхъ функцій (правосудія), т. е. справедливость. Съ другой стороны ни одинъ, можетъ быть, предметъ политики не остается до сихъ поръ такимъ спорнымъ, и ни одинъ до такой степени не за-

темненъ метафизиками какъ все та же справедливость. Въ третьихъ, наконецъ, спорность и темнота воцаряется еще пуще по мѣрѣ того, какъ приближаемся къ понятію той справедливости, которая бываетъ результатомъ международной формы суда. По всѣмъ этимъ причинамъ весь остальной анализъ главы будетъ посвященъ исключительно этому продукту правительственной дѣятельности.

Греческихъ мыслителей нерѣдко упрекаютъ въ томъ, что они давали слишкомъ большое значеніе филологическому составу словъ для объясненія подразумѣваемыхъ подъ ними понятій. Но если возможно злоупотребленіе этого пріема, то невозможно отвергать его въ самомъ принципѣ. Языкъ есть первое выраженіе міровоззрѣній народныхъ; каждое слово его есть результатъ долгаго наблюденія, признаннаго наконецъ всѣми. Отсюда, если въ этихъ признаніяхъ возможно заблужденіе со стороны здраваго смысла, то чуть ли не чаще еще возможна истина, потому что простота и элементарность тогдашнихъ предметовъ наблюденія, не осложненныхъ еще приращеніями и незатемненныхъ еще школами, предоставляла большое къ тому удобство. Къ такимъ удачнымъ наблюденіямъ первобытнаго здраваго смысла надо отнести и наше русское слово справедливость, не имѣющее себѣ полной аналогіи ни въ одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Научное достоинство его оправдывается всѣмъ описаннымъ выше процессомъ правосудія. Результатомъ правосудія дѣйствительно бываетъ не что иное, какъ соглашеніе «съ правомъ», отсюда справедливость. Никакой другой справедливости, какъ та, которая есть согласіе съ дѣйствующимъ правомъ, не бываетъ и быть не можетъ. А такъ какъ право не заключаетъ въ себѣ ничего вѣчнаго, незыблемаго и постояннаго, и такъ какъ оно есть, напротивъ, постоянно текучее, мѣняющееся, то ничего абсолютнаго не можетъ быть и въ справедливости. Она также измѣнчива какъ и право, также текуча какъ ручей, и сегодня всегда не та, что была вчера. Вотъ первое капитальное отдѣленіе научнаго взгляда на справедливость отъ метафизиче-

скаго. По метафизикѣ есть какая-то безусловная справедливость; наукѣ же неизвѣстна никакая, кромѣ относительной, условной. Но если такъ, то справедливость всегда будетъ на той сторонѣ, на которой больше правъ. Правъ же всегда больше тамъ, гдѣ больше знанія, богатства, и вообще всякаго рода силы, не исключая и физической, потому что это суть самые источники правъ. И такъ, справедливость всегда принуждена клониться въ пользу знанія и во вредъ невѣжества, въ пользу богатства и во вредъ бѣдности, въ пользу силы и во вредъ слабости. Мысль о, такъ называемой, равной для всѣхъ справедливости есть или философская мечта или политическое лицемѣріе. Равенство возможно здѣсь только въ смыслѣ пропорціональности справедливости съ дѣйствующими, т. е. съ писанными правами, потому что по большей части и этой пропорціональности не бываетъ, и сильный успѣваетъ быть правѣе слабаго даже и тамъ, гдѣ послѣднему приписано право, а первому обязанность. Право сильнаго, сильнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи, а тѣмъ болѣе во всѣхъ, такъ дѣйствительно, что оно не можетъ быть стѣснено никакими предписаніями, пока не стѣснило его собственное, хотя и неузаконенное еще, усиленіе слабаго. На одну половину этой теоріи легко согласятся простые практическіе люди, не слишкомъ близкіе съ таинствами метафизики, а именно на то, что такія силы какъ богатство и знаніе дѣйствительно вліяютъ на справедливость. Но не согласятся, благодаря отсутствію очевидности, даже и простые люди здраваго смысла на другую часть этой теоріи, а именно на то, что такое же вліяніе принадлежитъ и простой физической силѣ. Какъ, скажутъ они: вѣдь судъ даже не знаетъ, кто изъ противниковъ сильнѣе! на судѣ можетъ перетянуть богатство, можетъ перетянуть искуство, но какъ же перетянетъ сила? Такое возраженіе возможно только потому, что простой здравый смыслъ наблюдаетъ обыкновенно единичные факты, и изъ нихъ однихъ дѣлаетъ свой выводъ. А такъ какъ онъ видалъ, что даже и въ такомъ личномъ и конкретномъ смыслѣ богатый не рѣдко

подкупаетъ правосудіе, а знающій не рѣдко обманываетъ его, то онъ и согласенъ на соотвѣтственную половину теоріи. Но онъ никогда не видѣлъ, чтобы противники дрались предъ судомъ руками, и чтобы побѣда была приговорена тому, кто побилъ другого; вслѣдствіе этого онъ и заключаетъ, что физическая сила тутъ ни при чемъ. Наука же изъ единичныхъ наблюденій ничего не выводитъ; она знаетъ, что выводъ тѣмъ вѣрнѣе чѣмъ поле наблюденія обширнѣе; а потому она и дѣлаетъ выводы только изъ наблюденій надъ всею совокупностью подлежащихъ фактовъ. Поэтому и для вывода о наклонностяхъ справедливости она беретъ не тотъ или другой случай, а всѣ ея случаи, относятся ли онѣ къ тѣмъ судамъ, которые здѣсь и сегодня, или къ тѣмъ, которые тамъ и вчера, и, взявши всѣ эти случаи, она дѣйствительно не можетъ не видѣть, что если въ одномъ изъ нихъ судебная побѣда принадлежитъ прямѣе всего знанію, въ другомъ — прямѣе всего богатству, то въ третьемъ — не разъ и не два прямо принадлежитъ также и простой физической силѣ, какъ напримѣръ во всѣхъ случаяхъ родовой мести и судебнаго поединка. И наоборотъ, если въ родовой мести и въ судебномъ поединкѣ справедливость принадлежитъ прямѣе всего силѣ, то отчасти она остается и тутъ принадлежащею все-таки, разъ, болѣе богатству (какъ напримѣръ въ откупѣ деньгами и вообще въ вирѣ), другой разъ знанію, (какъ напримѣръ въ испытаніи водою и желѣзомъ). Съ другой стороны, простой здравый смыслъ наблюдаетъ обыкновенно только непосредственныя причины явленій, до отдаленныхъ же ему нѣтъ никакого дѣла; а наука, напротивъ, съ ними только и имѣетъ дѣло, и чѣмъ онѣ отдаленнѣе, тѣмъ для нея лучше, тѣмъ ея познаніе глубже. Отсюда, хотя непосредственно физическая сила и не взвѣшивается на судѣ, и не дастъ судебной побѣды, но тѣмъ не менѣе побѣда все-таки постоянно на той сторонѣ, гдѣ сила; и это уже потому, что побѣда постоянно на сторонѣ знанія и богатства; а въ чьихъ рукахъ знаніе и богатство, въ тѣхъ рукахъ и физическая сила, хотя бы лично

и непосредственно она не принадлежала подсудимому богачу или подсудимому знающему. Наконецъ, участіе физической силы въ справедливости достигаетъ и очевидности, коль скоро отъ подсудимаго мы отвратимъ глаза на судью. Почему подсудимый идетъ въ судъ, когда его зовутъ къ суду? почему подсудимый подчиняется приговору суда? потому ли что это преданіе суду и этотъ приговоръ справедливы? Нѣтъ, единственно потому, что на сторонѣ этой справедливости есть простая физическая сила; потому что подсудимаго приведутъ насильно, если онъ не придетъ, потому что его и накажутъ также насильно, если онъ не дастъ наказать себя добровольно. И если подсудимый, измѣривъ свои силы и силы суда, не сопротивляется, то единственно потому, что разсчетъ физической силы не позволяетъ ему этого. Каждый же разъ какъ онъ можетъ обойти эту силу хитростью, если не силой же, онъ ее и обходитъ: онъ, напримѣръ, бѣжитъ. Мало того, не разъ случалось, что и вся безнадежность сопротивленія не мѣшала осужденному вступать въ отчаянную борьбу съ палачомъ своимъ; и, если осужденный все-таки былъ казненъ, если справедливость все-таки восторжествовала, то, благодаря какому изъ своихъ составныхъ свойствъ: знанію? богатству? или же простой физической силѣ?.. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ справедливость неудержимо стремится на сторону всѣхъ трехъ общественныхъ силъ, и если варьируется, то единственно вслѣдствіе разъединенія и какой нибудь иной комбинаціи этихъ силъ. Такой сложный химическій составъ права, справедливости, правды, и былъ причиною того, что наблюдатели, анализировавшіе этотъ продуктъ, находя въ немъ то преобладаніе одного, то преобладаніе другого составного матеріала, заключали отсюда, что онъ одинъ и составляетъ всю сущность анализируемаго тѣла. Отсюда для однихъ право есть ни больше, ни меньше какъ осуществленный разумъ; для другихъ же правда не что иное какъ право сильнаго. Т. е. хотѣли непремѣнно опредѣленія безусловнаго, исключительнаго, метафизическаго, а потому и получали всегда одно-

стороннее, вмѣсто того, чтобъ получить полное, отождествивши справедливость съ текущимъ состояніемъ и разума, и силы, и богатства. Единственный же при этомъ противовѣсъ такому отождествленію и единственное спасеніе для слабыхъ есть только милость со стороны силы: и вотъ гдѣ новое великое значеніе инстинкта помилованія. Онъ контрбалансируетъ нѣсколько этотъ суровый для слабыхъ законъ природы, и тѣмъ спасаетъ ихъ отъ окончательнаго подавленія, и оставляетъ имъ возможность рано или поздно даже усилиться. Тѣмъ не менѣе законъ права сильнаго остается такимъ же незыблемымъ и непреходящимъ въ соціологіи какъ и въ біологіи, съ тою только разницею, что здѣсь подъ силою надобно разумѣть не одну звѣрскую, животную, какъ тамъ, а также и экономическую, и политическую.

Какъ бы ни трудно было, однакожъ, распространяться такой теоріи справедливости, но еще труднѣе распространиться той же теоріи по отношенію къ международной справедливости. Какъ въ предъидущемъ случаѣ метафизическое мышленіе нашихъ временъ привыкло придавать излишнее значеніе духовнымъ элементамъ справедливости, ни во что не ставя физическій, такъ въ этомъ случаѣ оно привыкло, напротивъ, давать значеніе участію одного элемента физическаго, ни во что не ставя психическіе. Судъ человѣческій почтенная метафизика идеализировала слишкомъ, а человѣческую войну она слишкомъ матеріализировала; и въ томъ, и другомъ случаѣ думая проникать какъ можно глубже въ вещи, она скользила только по ихъ поверхности. На поверхности у суда дѣйствительно остаются одни элементы идеальные; сегодня и непосредственно они одни лежатъ передъ глазами; но вчера, или сегодня посредственно, подъ ними все продолжаетъ лежать, какъ утокъ и основа, совсѣмъ другая, болѣе суровая ткань, закрытая, какъ канва, вышитыми на ней шелковыми цвѣтами. Тоже и съ войной. Это тотъ же самый узоръ и та же канва, но только обращенная къ намъ изнанкой, т. е. такою поверхностью, гдѣ нѣкоторые признаки

и концы шелковъ дѣйствительно виднѣются, но гдѣ больше всего бросается въ глаза самая канва. Этотъ обманъ зрѣнія съ особенной живостью и полнотою былъ высказанъ всею нашею интеллигенціею еще весьма недавно, по поводу франко-германской войны. Единодушіе въ этомъ метафизическомъ способѣ зрѣнія было поразительно, и самые образованные люди оставались при полномъ убѣжденіи, что нѣмцы побѣждаютъ Францію потому что у нихъ больше солдатъ. И когда одинъ голосъ тогда же вооружился противъ этой иллюзіи зрѣнія, то онъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но, благодаря тогдашнимъ пріемамъ полемики съ нимъ, онъ можетъ теперь лучше знать, съ какой стороны надобно подступить къ предмету. Тезисъ состоитъ въ томъ, что въ войнахъ и побѣдахъ, также точно какъ въ судахъ и приговорахъ, справедливость неудержимо склоняется туда, гдѣ наиболѣе скоплены знаніе, богатство и физическая сила. Тезисъ въ томъ, что война — это настоящій судъ божій, или, точнѣе, историческій судъ, произносящій, кто лучше, кто хуже. Конечно, въ качествѣ рѣшенія даннаго частнаго вопроса, того казуистическаго вопроса, который служитъ поводомъ къ той или другой войнѣ, она не имѣетъ никакого смысла; но она имѣетъ великій смыслъ въ качествѣ рѣшенія другого, общаго, гораздо болѣе важнаго, потому что историческаго вопроса: кому быть и кому не быть? кто заслуживаетъ сохраненія и кто не заслуживаетъ его? чья жизнь необходимѣе для жизни вида или рода, и чья менѣе необходима? Рѣшенія же всѣхъ этихъ вопросовъ ничто не въ состояніи дать кромѣ войны, а война даетъ его всегда съ полной безошибочностью. Вотъ тезисъ. Доказательства же подраздѣлимъ на теоретическія и фактическія.

Первоначально война дѣйствительно представляетъ по преимуществу состязаніе однѣхъ физическихъ силъ, пока однѣ только онѣ и имѣются на лицо. Но по мѣрѣ развитія новыхъ и высшихъ общественныхъ силъ, т. е. богатства и знанія, эти новыя качества, присущія теперь обществу, не могутъ

уединиться на время войны; напротивъ, въ состояніи крайней опасности всѣ органическія силы могутъ только напрягаться до послѣдней степени ихъ возможности; такъ что онѣ должны каждый разъ не только участвовать въ войнѣ, но и участвовать не скупясь, во всемъ пространствѣ ихъ. Оттого-то война такъ отлично выводитъ наружу то, что до войны было недовольно осязательно, выводитъ какъ всѣ достоинства, такъ и всѣ недостатки общества. Первая изъ напрягаемыхъ при этомъ силъ есть, конечно, сила физическая. Каково бы ни было число войска въ мирное время, для войны оно непремѣнно увеличивается еще больше. Другая, напрягаемая при этомъ съ такой же почти очевидностью, сила есть богатство. Для войны обыкновенно или прекращаются какіе либо изъ прежнихъ расходовъ, или требуются отъ общества новые доходы, или наконецъ производятся займы, а не рѣдко дѣлается и то, и другое, и третье. Сверхъ того для войны мало и однѣхъ денегъ, нужны еще матеріалы, которые тѣмъ труднѣе замѣнить деньгами, чѣмъ страна болѣе отрѣзана войною отъ иностранныхъ рынковъ. Война нуждается, напримѣръ, въ обширныхъ, быстро собираемыхъ и быстро возобновляемыхъ жизненныхъ припасахъ; а это возможно только при благопріятномъ состояніи ея «земледѣлія». Война нуждается въ наилучшемъ вооруженіи и экипировкѣ; а это возможно только по мѣрѣ процвѣтанія «мануфактуры». Война нуждается въ возможно быстрыхъ передвиженіяхъ и сношеніяхъ; а это возможно только тамъ, гдѣ «пути сообщенія» лучше. Самые наконецъ займы и усиленные доходы для страны тѣмъ возможнѣе, чѣмъ выше ея «кредитъ», и чѣмъ обширнѣе наличныя ея средства. Словомъ, война требуетъ напряженія всѣхъ безъ исключенія экономическихъ производствъ и участія всего вообще богатства страны. Какъ же послѣ этого богатѣйшее общество можетъ не имѣть преимуществъ въ войнѣ предъ бѣднѣйшимъ! За напряженіемъ экономическимъ слѣдуетъ такое же политическое. Богатство само по себѣ уже предполагаетъ въ странѣ и соотвѣтственное ему знаніе, такъ что одно уже участіе

перваго предполагаетъ и участіе второго. Но есть для доказательства этого участія и болѣе прямые способы. Для войны необходимы обширныя стратегическія соображенія, нужна способность къ обширнымъ умственнымъ концепціямъ, а съ другой стороны величайшая предусмотрительность, глубокая обдуманность каждаго шага, разсчетливая экономія силъ. Но откуда же могутъ почерпаться всѣ эти качества, если не изъ цивилизаціи страны, и какимъ же образомъ онѣ могутъ почерпаться лучшія изъ цивилизаціи худшей? Такимъ образомъ, даже «теоретическая интеллигенція» общества необходимо отразится въ интеллигенціи арміи. Далѣе, война есть рѣшительно искуство, она рѣшительно требуетъ творчества, требуетъ способности художественной, эстетической, словомъ, тактики. Никакихъ непререкаемыхъ правилъ и преданій здѣсь нѣтъ, также какъ и въ поэзіи, напримѣръ. И въ каждомъ новомъ сраженіи вождь, такъ же какъ въ каждой новой пьесѣ художникъ, можетъ вдохновляться совершенно новыми замыслами и способами, и можетъ сбивать съ толку всякую рутину, какъ сбилъ, напримѣръ, Шекспиръ, рутину трехъ единствъ или какъ Наполеонъ I постоянно сбивалъ съ толку нѣмецкихъ генераловъ. Рутина, заученность, правила здѣсь всегда способнѣе погубить чѣмъ спасти. Но откуда же явится эта творческая способность въ войскѣ, если ея нѣтъ въ странѣ, и какимъ образомъ изъ менѣе «эстетической интеллигенціи» страны возникнетъ болѣе эстетическая интеллигенція и тактика войска? Для войны необходимо глубокое знаніе текущихъ историческихъ обстоятельствъ, глубокое пониманіе текущихъ политическихъ дѣлъ, глубокое сознаніе международныхъ и народныхъ отношеній, потому что всѣмъ этимъ обусловливается вся система союзовъ, нейтралитетовъ и вообще всѣ самые общіе шансы войны, а слѣдовательно и самое быть или не быть ея. А все это есть результатъ «практической интеллигенціи» общества. Для войны необходима въ высшей степени организаторская способность, необходима способность правительственная больше чѣмъ въ мирѣ. Тутъ и законоизданіе, и судъ, и упра-

вленіе, все смѣшивается вмѣстѣ, и все требуетъ обдуманности при быстротѣ, цѣлесообразности безъ медленности, и знанія безъ новаго изученія и безъ предварительныхъ изслѣдованій. Откуда же все это взять арміи, которая никогда не привыкала къ этому въ мирѣ, которая составлена изъ лицъ, никогда не упражнявшихся ни въ законодательныхъ, ни въ судебныхъ, ни въ административныхъ соображеніяхъ, словомъ, которая не причастна «культурѣ» даже собственной своей страны? Поэтому армія никогда не можетъ быть устроена и управляема иначе, чѣмъ устроено и управляется отечество ея: въ немъ для нея весь ея идеалъ, она есть зеркало его со всѣми его достоинствами и недостатками. Вообразите, напримѣръ, что военное законодательство расходится съ общественнымъ мнѣніемъ войска (когда влечетъ, напримѣръ, на войну тайныхъ друзей врага) или что военный судъ расходится съ естественнымъ правомъ (когда влечетъ, напримѣръ, на казнь полководца за неудачу) или что военное правительство расходится и съ военнымъ правомъ, и съ естественнымъ (когда подчиненные привыкли ненавидѣть своихъ начальниковъ и недовѣрять имъ), вообразите это все, — и вы увидите, возможна ли тутъ та цѣлостность, безъ которой нѣтъ ни единства, ни полноты дѣйствій, составляющихъ душу войны? и наоборотъ не сдѣлается ли тогда возможна постоянная то тамъ, то сямъ нерѣшительность, раздвоеніе, колебаніе, тогда какъ всего нужнѣе единство и рѣшительность. Наконецъ, для арміи необходима полнѣйшая солидарность ея съ страною, необходимы симпатіи всего населенія. Солидарность эта такъ важна, что она составляетъ настоящій резервъ войска, самое дѣйствительное обезпеченіе его съ тылу. Это сочувствіе и содѣйствіе всѣхъ соотечественниковъ, гдѣ каждый приноситъ свою незамѣтную въ отдѣльности кроху для успѣха войны, но гдѣ всѣ эти вмѣстѣ крохи образуютъ громадную силу, есть дѣйствительно неистощимый резервуаръ и военныхъ средствъ, и одушевленія. Никакой энтузіазмъ въ арміи невозможенъ, котда нѣтъ его въ отечествѣ ея. А въ отечествѣ

ея невозможенъ никакой энтузіазмъ, когда война недостаточно популярна, когда населеніе относится холодно, безучастно и апатично къ военному предпріятію своему. Энтузіазмъ этотъ могущественно парализуется даже и существованіемъ простого антогонизма между военнымъ и гражданскимъ населеніемъ, такъ нарочито и такъ неразумно поддерживаемаго иногда въ мирѣ. А что же все это означаетъ какъ не потребность «гражданственности» войска, способность его быть не только воинами, но и гражданами, участіе его въ дѣлахъ страны не только изъ повиновенія, но изъ доброй воли. Машинальность арміи плохой залогъ ея подвиговъ. Такимъ образомъ въ войнѣ принимаютъ прямѣйшее участіе не только всѣ умственныя средства всѣхъ родовъ интеллигенціи, но также и всѣ нравственныя, и не только всѣ роды вліянія и власти, но также и всѣ роды добродѣтели. Ни чувство долга, ни степень чувства законности, ни безкорыстіе, ни точность, ни преданность и самоотверженіе, ни мужество, ни присутствіе духа, ни патріотизмъ никакъ не могутъ быть въ арміяхъ иные, чѣмъ тѣ, какіе имѣются дома, въ тѣхъ обществахъ, откуда арміи эти извлечены. Изъ всего этого слѣдуетъ, что война есть то же общество цѣликомъ, но только дважды, трижды перегнанное; армія есть чистѣйшій сколокъ съ своего государства, есть миніатюра его; она есть само государство, только сжатое и сгущенное до возможно меньшаго объема. Никакое другое status in statu не есть такая вѣрная копія своего государства, какъ армія. А если все это такъ, то въ войнѣ, значитъ, участвуютъ не только вся наличность физическихъ силъ общества, какъ убѣждены метафизическіе верхогляды, но и вся безъ исключенія наличность силъ экономическихъ и политическихъ, а изъ этихъ послѣднихъ не только силы интеллигентные и правительственныя, но также и нравственныя, гражданскія. Вся цивилизація, вся культура, вся гражданственность націи стекается въ войско, конденсируется здѣсь, и въ такомъ видѣ идетъ мѣряться со всею цивилизаціею, всею культурою и всею гражданственностью непріятеля.

Да и какъ представить себѣ, чтобы человѣчество, пріобрѣтая и укрѣпляя, сверхъ физическихъ силъ своихъ, также и экономическія, и умственныя, и эстетическія и нравственныя, и вводя ихъ во всѣ случаи своей жизни, оставляло бы ихъ въ сторонѣ только на случай войны, т. е. только тамъ, гдѣ вся совокупность силъ нужнѣе чѣмъ когда нибудь. Надобно глубокое непониманіе соціальныхъ процессовъ и самой органичности общественной, для того чтобы хотя на минуту допустить возможность такого неестественнаго разобщенія въ организмѣ, по которому цивилизація сама по себѣ, а физическая сила сама по себѣ, и по которому первая можетъ оставаться дома, а съ арміей на войну можетъ отправляться только вторая. И когда же это? когда организмъ напрягается именно изо всѣхъ своихъ силъ. Это былъ бы какой-то параличъ общества, возведенный знатоками въ норму общественную, настоящій параличъ, гдѣ каждый разъ передъ войною отшибаетъ у общества всю его человѣческую стоимость, и оставляетъ ему только животную. Впрочемъ, заблужденіе это такъ грубо и невѣжество это такъ осязательно, что едва ли онѣ устоятъ долго, не смотря и на всю популярность ихъ.

Обратимся теперь къ фактическому способу доказательствъ, гдѣ, вслѣдствіе неумѣнія наблюдать, популярность эта находитъ себѣ наиболѣе пищи. Изъ предъидущей теоріи возникаетъ возможность только слѣдующихъ фактовъ. Если данное общество превосходитъ другое и физической силою, и экономическимъ богатствомъ, и политическими благами, т. е. цивилизаціею, культурою, гражданственностью, то оно непремѣнно побѣдитъ его въ случаѣ войны. Подъ побѣдой здѣсь разумѣется, конечно, историческая, а не чисто-военная побѣда. Одна частная побѣда въ одной частной стычкѣ въ теченіи какой либо войны, конечно, ничего не доказываетъ ни pro, ни contra. Въ соображеніе могутъ быть принимаемы здѣсь лишь тѣ побѣды, которыя остаются въ исторіи, которыя оставляютъ въ ней слѣдъ свой. Вотъ первое условіе правильнаго наблюденія, безъ котораго, конечно, всегда можно возразить, что,

смотря по исходу двухъ стычекъ, сегодня, значитъ, былъ цивилизованнѣе одинъ непріятель, а завтра другой. Изъ такихъ наблюденій не много выжмешь проку и по отношенію ко всѣмъ другимъ явленіямъ, какъ напримѣръ къ явленію суда. И тамъ сегодняшній приговоръ можетъ быть въ пользу бѣднаго, а не богатаго, въ пользу невѣжды, а не ученаго; но дѣло въ томъ, что сумма всѣхъ вообще приговоровъ окажется все-таки направленною только противъ бѣдности и невѣжества, а не противъ богатства и просвѣщенности. И такъ надо и въ наблюденіяхъ надъ приговорами военными соблюдать тѣ же пріемы какъ въ наблюденіяхъ надъ судебными. За тѣмъ изъ вышеприведеннаго общаго закона побѣдъ слѣдуютъ сами собою всѣ частныя комбинаціи. Такъ, напримѣръ, если въ нѣкоторыхъ условіяхъ побѣды существуетъ равенство между врагами, то побѣда будетъ зависѣть не отъ этихъ условій, а отъ всѣхъ остальныхъ. Если равны физическія силы, то побѣда будетъ опредѣлена превосходствомъ богатства и знанія, если равны богатство и знаніе, то побѣда опредѣлится превосходствомъ физическихъ силъ. Далѣе, если остающаяся доля превосходства все еще довольно значительна, побѣда будетъ все еще довольно рѣшительна; если же эта доля преимущества не велика, то и побѣда никогда не можетъ быть капитальною. Наконецъ если превосходства вовсе нѣтъ, если равенство полное, или въ однѣхъ отношеніяхъ столько же равенства, сколько въ другихъ превосходства, тогда побѣды вовсе небудетъ, или будутъ только военныя, а не историческія, случайныя, а не необходимыя. Вотъ вся программа побѣдъ и пораженій. Но какимъ же образомъ надо повѣрять эту программу? Какъ ее надо подтверждать или опровергать? Очевидно, нужно изолировать ее отъ всѣхъ другихъ соціальныхъ условій, которыя могли бы заслонять собою изслѣдуемыя условія, такъ что мы не знали бы, къ какимъ изъ двухъ сортовъ условій надо относить результатъ. Необходимо исключить изъ опыта всѣ постороннія примѣси, всѣ привходящія вліянія другого порядка, словомъ все, кромѣ наблюдаемыхъ условій. Надо, какъ это говорится, на-

блюдать испытуемыя условія «при равенствѣ всѣхъ остальныхъ». Вотъ это послѣднее правило составляетъ азбуку всякаго наблюденія, такъ что оно при всякомъ наблюденіи подразумѣвается, ибо невозможно же повторять его и напоминать каждый разъ снова. И что же? противъ васъ выставляютъ факты, которые именно противъ этой азбуки и грѣшатъ. Противникамъ нашей теоріи необходимо было бы найти такой случай, гдѣ, при равенствѣ условій физическихъ, побѣдила бы не та сторона, цивилизація, культура и гражданственность которой выше, а та, у которой онѣ ниже. Одного такого случая было бы достаточно, для того чтобъ уничтожить нашу теорію. Но дѣло въ томъ, что такого-то случая и нельзя отыскать въ исторіи ни одного; и каждый разъ, когда думаютъ, что его отыскали, это бываетъ только простою ошибкою наблюденія, простымъ оптическимъ обманомъ. Вамъ говорятъ, напримѣръ: Германцы побѣдили Римлянъ; и такъ они были цивилизованнѣе ихъ? Т. е. вводятъ въ опытъ тьму соціальныхъ условій совершенно другого рода, чѣмъ условія побѣды, испытываютъ фактъ побѣды при величайшемъ неравенствѣ всѣхъ другихъ условій,—и остаются въ убѣжденіи, что сдѣлали дѣло. А между тѣмъ развѣ же есть возможность какого нибудь вывода при такомъ осложненномъ наблюденіи? Фактъ войны и побѣды осложненъ здѣсь тысячью другихъ фактовъ, и условія войны и побѣды заслонены и видоизмѣнены тысячью другихъ условій, и при томъ самыми коренными органическими условіями. Римъ прошолъ тогда и всю стадію прогресса, и всю стадію застоя, и оканчивалъ уже и самую стадію регресса; Германцы же находились только въ стадіи возрожденія и готовые еще къ прогрессу. Такъ развѣ это есть равенство всѣхъ остальныхъ соціальныхъ условій? и развѣ это не есть, напротивъ, величайшее неравенство, какое только можно ввести въ наше наблюденіе. Одинъ организмъ разлагающійся, хотя бы нѣкогда и львиный, другой только что слагающійся, хотя бы еще и ослиный,—и что же тутъ удивительнаго, если при такихъ условіяхъ оселъ лягалъ бы льва безъ всякаго превосход-

ства надъ нимъ не только психическаго, но даже и физическаго. Здѣшній вопросъ есть вовсе не вопросъ одной войны и побѣды, а нѣчто гораздо большее, — вопросъ разлаганія и слаганія. Здѣсь можно отлично наблюдать условія вырожденія и возрожденія; но это очень плохой случай для наблюденія международной борьбы и побѣды. Впрочемъ при необходимыхъ предосторожностяхъ можно было бы и изъ этого примѣра извлечь правильный выводъ; но для этого надобно знать ихъ. Для этого необходимо поскоблить примѣръ, очистить его отъ всѣхъ примѣсей, удалить изъ него всѣ условія, посторонія для данной задачи. Такъ напримѣръ необходимо удалить прежде всего общее представленіе о Римѣ, которое обыкновенно напрашивается подъ это слово и обыкновенно разумѣется тѣми, кто его цитуетъ; и вмѣсто этого надо оставить только представленіе о Римѣ V вѣка по Р. Х. Во вторыхъ надобно удалить и отъ Германцевъ этого времени то представленіе, которое напрашивается подъ слово варваръ, и помнить, что это Германцы также V вѣка. Когда тѣже Германцы Бренна I и Бренна II нападали на Римъ Камилла и Марія, тогда вѣдь многочисленность ихъ, какъ войска-народа, ничего не подѣлала: и такъ цивилизованность однихъ и варварство другихъ имѣли другое, менѣе сомнительное время, для того чтобъ помѣряться; теперь же, въ V вѣкѣ, мѣрялось, значитъ, что-то иное. И когда мы примемъ эти двѣ предосторожности, тогда тотчасъ же откроются для насъ всѣ ошибки избраннаго опыта. Откроется, что въ это время христіанскій Римъ, въ лицѣ передовыхъ мыслителей своихъ, самъ уже успѣлъ отречься отъ своей языческой цивилизаціи и возненавидѣть ее. А между тѣмъ германцы уже успѣли, наоборотъ, принять христіанство. Такимъ образомъ двѣ интеллигенціи, два міровоззрѣнія уже сблизились, уже потеряли ту противоположность, которая нѣкогда раздѣляла ихъ какъ пропасть. Откроется, что римская администрація, что римское войско, сами уже были переполнены варварами, что варвары стояли и у самого центра правительства, у трона, что они были первые

министры императоровъ. А если такъ, то развѣ это не отождествленіе двухъ культуръ, двухъ взглядовъ правительственныхъ, бывшихъ когда-то тоже такъ противоположными. Откроется, что и въ самой гражданственности, или нравственности обоихъ враговъ послѣдовало не только уравненіе ихъ, а, можетъ быть, даже превосходство на сторонѣ германцевъ. Если еще Тацитъ могъ ставить ихъ въ примѣръ римлянамъ и корить ими своихъ соотечественниковъ, то что же сказать теперь, когда Римъ прошелъ уже всѣ степени деморализаціи, а германцы освѣтились уже лучшими идеалами нравственности, чѣмъ до-селѣ. И такъ ни умственнаго, ни эстетическаго, ни нравственнаго превосходства, которыя всѣ предполагаются въ этомъ примѣрѣ, нѣтъ ни на той, ни на другой сторонѣ; шансы этого рода на обѣихъ сторонахъ уравниваются; и, вмѣсто искомаго неравенства наблюдаемыхъ условій, представляется, напротивъ, только возможно большее уравненіе. Остаются за симъ шансы богатства и силы. Если разсматривать богатство, какъ накопленный результатъ прежняго труда, то римляне окажутся, конечно, неизмѣримо выше германцевъ даже и въ V вѣкѣ. Но если богатство разсматривать въ его источникахъ, въ настоящемъ трудѣ, въ дѣйствительномъ производствѣ, то сравненіе тотчасъ же потеряетъ свою яркость. А для перевѣса въ войнѣ необходимо не столько накопленное богатство, сколько производительность современная, не столько даже производительность земледѣльческая или торговая, сколько изобрѣтательность мануфактурная. Первое богатство германцы могли отымать послѣ каждой битвы и тѣмъ уравновѣшивать себя и этими средствами; второго же хотя отымать нельзя, но въ это время и отымать его было уже нечего. И такъ въ концѣ концовъ остается одна только физическая сила, въ которой превосходство могло быть явнымъ и безспорнымъ. А что же мы видимъ въ этомъ отношеніи? Общая изнѣженность и общее разслабленіе нравовъ не можетъ не отражаться на арміи, и оно отразилось на ней уже тѣмъ, что, вслѣдствіе упавшей между римлянами охоты къ военной службѣ, въ нее все

больше и больше тѣснились тѣ же варвары, съ которыми приходилось Риму бороться. Но обновленіе это помогло не много. Легіонеръ временъ завоеванія не имѣлъ и тѣни подобія съ отцами его, съ солдатами Сципіоновъ и даже Цезарей. Онъ находилъ уже слишкомъ тяжелымъ то оружіе, которое носили они, и предпочиталъ ему стрѣлу; знаменитый прямой мечь римскій былъ забытъ; колья для укрѣпленнаго лагеря, провизію солдатъ находилъ теперь слишкомъ вьючными, и таскать ихъ на себѣ пересталъ; схватка лицомъ къ лицу съ непріятелемъ вышла изъ употребленія, и бой предпочитался издали, посредствомъ метательныхъ машинъ; дисциплина упала до такой степени, на какой мы видимъ ее еще въ когортахъ преторіанскихъ; возможность патріотизма и энтузіазма должна была исчезнуть уже вслѣдствіе одной пестроты арміи. Наконецъ римляне такъ хорошо чувствовали свою физическую слабость, что сами отдавались въ руки врага, какъ напримѣръ отдались, покидая Британію на произволъ судьбы. Какое же возможно тутъ сравненіе съ извѣстной германской выносливостью, мужествомъ, любовью къ свободѣ, вѣрностью предводителю, популярностью военнаго занятія, которому не были чужды даже благороднѣйшія германки?... Вотъ что, слѣдовательно, мѣрялось во время завоеванія, а не цивилизація; вотъ единственное въ это время рѣшительное превосходство на одной изъ сторонъ; вотъ, значитъ, и единственная причина побѣды. Примѣръ этотъ можетъ служить только въ доказательство того, что, при равенствѣ условій психическихъ, побѣждаетъ превосходство физическое, чему вовсе не противорѣчитъ и наша теорія, а никакъ не того, что, не смотря на превосходство первыхъ, побѣждаетъ все таки второе. Такого примѣра, повторяемъ, не представляетъ, и никогда не можетъ представить, вся исторія, потому что такой примѣръ былъ бы историческою безсмыслицею, отрицая собою всякую существенность и всякое достоинство прогресса. Во времена регресса сила всегда можетъ побѣдить, такъ сказать, отжившую цивилизацію, и дикій, варварскій, но свѣжій и бодрый народъ

всегда можетъ подчинить себѣ изжившуюся и неспособную къ дальнѣйшей будущности націю; но, во первыхъ, это будетъ побѣда безсилія силою, а во вторыхъ и слава Богу, что это такъ. Когда состязаться больше не въ чемъ, какъ въ физической силѣ, тогда всякое премущество ея имѣетъ и всѣ права на сохраненіе себя предпочтительно предъ слабостью, потому что та, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, обѣщаетъ развитіе всѣхъ остальныхъ общественныхъ силъ, эта же ничего уже и никогда больше не обѣщаетъ. То же въ свою очередь относится и къ побѣдѣ турокъ надъ Византіею, равно какъ и къ побѣдѣ самихъ римлянъ надъ греками: все это были побѣды также надъ разложеніемъ, пособія разложенію, а не побѣды. И только такими побѣдами и такимъ непониманіемъ ихъ и можетъ поддерживаться противоположная нашей теорія. Что же касается собственной нашей теоріи, то для подкрѣпленія ея я не имѣю надобности пользоваться даже такими случаями какъ завоеваніе съ 32,000 войска всей Азіи Александромъ Македонскимъ, или какъ побѣда 17,000 русскихъ надъ 150.000 турокъ при Кагулѣ, потому что и тамъ, и здѣсь участвовалъ элементъ разложенія. Но за то тѣмъ больше я могу воспользоваться побѣдою грековъ надъ персами, побѣдою при Термопилахъ, при Левктрахъ, при Платеѣ, при Саламинѣ, побѣдою надъ царствомъ въ полномъ цвѣтѣ его силъ, побѣдою при рѣшительномъ превосходствѣ силъ физическихъ на сторонѣ этого царства, побѣдою наконецъ безусловною, окончательною, историческою. Если греки побѣдили персовъ, то побѣдили не чѣмъ инымъ какъ преимуществами богатства и знанія, и притомъ нетолько при равенствѣ, но на перекоръ прямому преимуществу силы, и притомъ преимуществу силы не только въ смыслѣ армій, но и въ смыслѣ самихъ націй со всѣмъ ихъ населеніемъ. Ничего лучшаго никакая теорія желать для себя не можетъ. Одного такого случая для нея гораздо достаточнѣе, чѣмъ десятка другихъ для противоположной теоріи, потому что этотъ случай есть счастливое изолированіе предмета наблюденія, тогда какъ тѣ десять суть не-

счастное запутываніе его. Въ новой европейской исторіи такого случая полной исторической побѣды одного великаго народа надъ другимъ великимъ до послѣднихъ годовъ еще не было, не было ни въ средніе вѣка, ни въ новѣйшіе, не было до самой побѣды Германіи надъ Франціей. А что же представляетъ намъ этотъ случай? По стадіямъ своего развитія обѣ страны такъ близки между собою, что никто не хочетъ вѣрить, чтобъ была разница, а тѣмъ болѣе разница въ пользу Германіи: всѣ увѣрены, что обѣ страны находятся въ порѣ равнаго процвѣтанія и прогресса, и что Франція даже значительно прогрессивнѣе чѣмъ Германія. По нашему обѣ стороны дѣйствительно находятся въ одной и той же стадіи развитія, а именно на дугѣ застоя, но съ тою разницею, что Германія восходитъ на ней, а Франція нисходитъ съ нея. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, искать большаго равенства условій отъ историческихъ наблюденій значило бы не найти ихъ, можетъ быть, никогда. И такъ равенство условій соціологическихъ въ данномъ случаѣ имѣется, на сколько оно возможно. Равенство географическое и статистическое имѣется въ степени, еще менѣе сомнительной: пространство германской почвы 9,000 кв. м., пространство французской 9,000 кв. м.; населеніе одной почвы 40 милліоновъ, населеніе другой 36 милліоновъ. Равенство экономическое, равенство богатства и производства также отвергать трудно. И такъ чѣмъ же могла побѣдить Германія? Остается одно неравенство политическое, которое до войны подозрѣвать дѣйствительно было трудно. Но мы уже сказали, что война выводитъ, и, вслѣдствіе происходящаго здѣсь органическаго напряженія, не можетъ не выводить наружу всѣхъ слабыхъ и сильныхъ пунктовъ, которые до тѣхъ поръ были нечувствительны. И точно, это случилось и въ настоящемъ опытѣ. Только война вывела наружу то, на что никто не обращалъ до тѣхъ поръ вниманія, какъ напримѣръ всеобщую грамотность прусскаго народа и войска и безграмотность народа и арміи французской. Только война вывела наружу преимущества прусскаго главнаго штаба, который

зналъ чужую страну какъ свои пять пальцевъ, и недостатки главнаго штаба французскаго, который не зналъ и своей собственной страны, не имѣлъ картъ для своихъ собственныхъ полей битвъ. Только война вывела наружу стратегическое и тактическое искуство, распорядительность и исполнительность нѣмецкихъ генераловъ рядомъ съ безтактностью, ненаходчивостью и апатіею генераловъ французскихъ. Только война вывела наружу честность и аккуратность нѣмецкаго интендантства въ параллель самоубійствамъ интендантовъ французскихъ. Только война вывела наружу общую бюрократическую добросовѣстность нѣмцевъ въ сравненіи съ недобросовѣстностью бюрократіи французской, смѣло ставившей на бумагахъ цифры, которыхъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Только война вывела наружу, что нѣмцы давно были готовы къ войнѣ, хотя, по видимому, и не готовились къ ней, а французы были совсѣмъ не готовы, хотя и очевидно готовились къ ней и сами считали себя вполнѣ готовыми. Только война вывела наружу, что глава французской націи былъ обманутъ своимъ правительствомъ, тогда какъ глава германской націи могъ вполнѣ положиться на свое. Только война вывела наружу всю вѣрность дипломатическихъ разсчетовъ Германіи, обезпечившихъ ей и разсчеты стратегическіе, и всю невѣрность такихъ разсчетовъ Франціи, длившихся до самаго начала битвъ. Только война, наконецъ, обнаружила все неравенство того истиннаго и окончательнаго резерва въ тылу, который образуется степенью солидарности народа и войска, общества и правительства. Только теперь оказалось, что прусскій король могъ испытать тысячи неудачъ и все таки имѣть за собой неизсякаемый источникъ обновленія въ популярности войны и въ солидарности своей съ націею, тогда какъ императоръ французскій послѣ перваго пораженія долженъ былъ отказаться отъ командованія для успокоенія страны, а послѣ второго долженъ былъ отказаться и отъ престола для возстановленія въ странѣ довѣрія и надежды. А что же могутъ означать всѣ эти превосходства и преимущества арміи, какъ не одно общее превосходство интел-

лигенціи, правительства и гражданства въ странѣ? и откуда всѣ онѣ ниспали бы въ армію, еслибъ ихъ не было въ окружающемъ ее обществѣ? И такъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, т. е. если мы даже не будемъ отрицать физическаго преобладанія на одной изъ сторонъ, то и тогда получится, что разсматриваемая побѣда одолжена преимуществу силъ физическихъ плюсъ политическія и съ исключеніемъ однѣхъ лишь развѣ экономическихъ. Но дѣло въ томъ, что настоящій случай особенно счастливъ для наблюденія тѣмъ, что онъ позволяетъ исключить даже и условіе силъ физическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ идетъ объ условіяхъ общественныхъ, а не исключительно армейскихъ, предметъ наблюденія въ данномъ случаѣ суть общества, а не арміи. Говоря объ условіяхъ знанія и богатства, мы беремъ вѣдь знаніе и богатство націи, а не арміи; на какомъ же основаніи имѣете вы право вводить въ задачу третій элементъ въ такомъ видѣ, который дѣлаетъ его несоподчиненнымъ съ двумя другими, и, относительно французской силы, брать въ разсчетъ силу и численность только армій, а не тѣхъ обществъ, о которыхъ идетъ вопросъ. Итакъ если мы возьмемъ во вниманіе физическое условіе въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ оба другія, т. е. по отношенію къ цѣлымъ же обществамъ, а не къ однѣмъ ихъ арміямъ, то этимъ мы только болѣе уточнимъ условія нашей задачи, а слѣдовательно сдѣлаемъ и самый выводъ точнѣе. Выводъ же этотъ будетъ тогда тотъ, что побѣда Германіи состоялась при равенствѣ не только экономическихъ силъ страны, но также и физическихъ ея силъ, и, слѣдовательно, обязана вся и исключительно превосходству однѣхъ политическихъ, какъ умственныхъ такъ и нравственныхъ. Но и это не все; мы имѣемъ основаніе еще однажды исключить изъ задачи условіе неравенства физическаго. Въ данномъ случаѣ и самый численный перевѣсъ является послѣдствіемъ не готовыхъ даровъ природы или случая и даже не простого усилія воли и власти, а только послѣдствіемъ усилій разума, является, слѣдовательно, преимуществомъ не чисто-физическаго, а го-

раздо болѣе культурнаго свойства. Условіе это въ самыхъ арміяхъ возникло не вслѣдствіе одного простого накопленія солдатъ на солдатъ, что могла сдѣлать и Франція, и что дѣйствительно сдѣлала она во время войны, но также, и еще болѣе, въ организаціи этого накопленія. Условію этому отдавали справедливость и всѣ наши пруссофобы. А коль скоро такъ, то тутъ вмѣшалось, значитъ, нѣчто иное чѣмъ физическая сила. И если, благодаря этой организаторской способности, благодаря такому или иному политическому изобрѣтенію, маленькое государство, какъ Пруссія, успѣваетъ извлечь изъ своего населенія больше физической силы или изъ почвы своей больше богатства, чѣмъ государство большое, какъ Франція, и притомъ извлечь и легче, и дешевле, то развѣ это означаетъ физическое, а не какое либо иное превосходство? Люди, побѣждая звѣрей и отымая у нихъ господство на землѣ, также точно должны были извлечь изъ себя больше физической силы, чѣмъ было ея у звѣрей, и дѣйствительно извлекли ее посредствомъ организаціи своей; но развѣ это была побѣда физическою силою? И если такимъ же путемъ организаціи и путемъ изобрѣтательности политической побѣждаетъ нація націю, то развѣ это побѣда физическою силою? Кто же мѣшалъ Франціи сдѣлать такое и даже лучшее изобрѣтеніе, коль скоро численность населенія допускала его еще больше чѣмъ въ Пруссіи? Однакожъ она, военная спеціалистка Европы, этого не сдѣлала. А сдѣлала она, напротивъ, только то, что еще лучше освѣтила значеніе организаціи въ сравненіи съ массой. Къ концу войны Гамбетта надѣлалъ ей столько же солдатъ, сколько было и у Германіи. И такъ, если побѣда зависитъ отъ числа, то отчего же было не начать побѣждать подъ конецъ? Но это не только не перевело шансы побѣды на другую сторону, а даже нисколько не видоизмѣнило, не поколебало этихъ шансовъ, и побѣда осталась все-таки такою полною, безусловною, несомнительною, такою историческою побѣдою, какую даетъ одно полное и безусловное превосходство историческое. Вотъ всѣ, извѣстные въ исторіи, случаи такихъ всецѣлыхъ

и радикальныхъ побѣдъ народа надъ народомъ, побѣдъ, послѣ которыхъ вся исторія одной изъ сторонъ идетъ вверхъ, а вся исторія другой внизъ. Изъ этого ряда случаевъ, который, какъ читатель видитъ, вмѣщаетъ въ себѣ всю исторію, слѣдуетъ, что всякая позднѣйшая цивилизація и культура всегда побѣждала всякую раннѣйшую, и что побѣда военная всегда шла параллельно съ мирною побѣдою. Греція побѣдила востокъ, Римъ побѣдилъ Грецію, новые народы побѣдили древнихъ, Германія побѣдила Францію. Да и что это была бы за цивилизація и культура, и какая была бы годность въ нихъ, если бы онѣ не въ состояніи были обезпечивать человѣчество ни отъ физической силы звѣрей, ни отъ физической силы варваровъ, и если бы онѣ должны были трепетать передъ всякимъ напоромъ всякой дикой орды, лишь бы она была многочисленнѣе? Мы думаемъ, напротивъ, что вся соединенная Азія не въ состояніи была бы нынче побѣдить соединенную Европу. Остаются побѣды менѣе крупныя и рѣшительныя, гдѣ, по мѣрѣ того какъ онѣ мельчаютъ, случайность вмѣшивается все больше и больше, а рѣшительность и значеніе ихъ дѣлается все меньше, и меньше. Но и здѣсь долго еще слѣды закона не исчезаютъ или, лучше, не перестаютъ бывь явными и наглядными. Такова, напримѣръ, была побѣда монголовъ надъ Русью или мавровъ надъ Испаніею. Подобные примѣры опять были выставляемы въ доказательство противоположной теоріи, и приводились какъ примѣры побѣдъ низшей цивилизаціи надъ высшею; но это единственно вслѣдствіе опять того же неумѣнья наблюдать, хотя и въ новомъ видѣ. А потому мы беремъ ихъ также смѣло въ подтвержденіе собственной нашей теоріи, какъ берутъ ихъ въ подтвержденіе противоположной. Здѣсь неумѣнье наблюдать выражается неумѣньемъ измѣрять всякое иное превосходство международное кромѣ физическаго. Сторонъ у этого предмета такъ много, а отчета объ нихъ и ихъ отношеніи между собою отдано себѣ такъ мало, что на всякую теорію готовы у добрыхъ людей факты. Такъ и для теоріи безусловнаго превос-

ходства Руси XIII вѣка надъ монголами того же времени достаточно считается привести на память, что тамъ была религія христіанская, а здѣсь магометанская, что тамъ былъ языкъ индо-европейскій, а здѣсь китайско-монгольскій, что тамъ была федерація, вѣче, свободные нравы, а здѣсь орда, народъ-войско и дикій деспотизмъ, — и дѣло считается въ шляпѣ. А такъ какъ въ противовѣсъ всѣмъ этимъ превосходствамъ на сторонѣ монголовъ стоитъ съ такою очевидностью лишь громадное превосходство численности, то вопросъ и предполагается объясненнымъ достаточно. Съ своей стороны мы объясняемъ его, согласно предъидущимъ теоріямъ интеллигенціи и правительства, согласно различенію нами соподчинимаго отъ несоподчинимаго, слѣдующимъ образомъ. На сторонѣ Руси могло быть безусловное превосходство идей и по количеству, и по качеству ихъ, т. е. превосходство интеллигенціи и цивилизаціи. На сторонѣ Руси было, пожалуй, и безусловное превосходство нравовъ, т. е. превосходство гражданъ и ихъ гражданственности. Но этимъ безспорное превосходство и оканчивается. Остается затѣмъ органъ, отправленіе и продуктъ правительственный, и спрашивается, на какой сторонѣ эти статьи сравненія были выгоднѣе. И вотъ та федерація, которая только что считалась силою, оказывается слабостью, потому что разобщала общество, не умѣя соединить его; тѣ республиканскіе нравы, которые только что были достоинствомъ, представляются теперь недостаткомъ, потому что парализируютъ дисциплину и подчиненіе, когда онѣ всего нужнѣе; тѣ идеи политической самобытности и независимости земель и удѣловъ, которыя только что казались великимъ инстинктомъ самоуправленія, кажутся теперь плохимъ инстинктомъ управленія вообще. Словомъ выходитъ, что, при превосходствѣ своей цивилизаціи и гражданственности, Русь безспорно уступала монголамъ въ культурѣ, въ развитіи органа и процесса правительственнаго, и потому, между тѣмъ какъ тѣ дѣйствуютъ всею и дружно сплоченною массою, эта дѣйствуетъ по частямъ и разрозненно. И такъ

противъ превосходства въ двухъ второстепенныхъ политическихъ организаціяхъ стоитъ превосходство въ одной первостепенной: этимъ путемъ шансы, слѣдовательно, уже сравнены. Богатство той и другой стороны измѣрить трудно, а потому будемъ считать его равнымъ. Остается затѣмъ физическая сила. И такъ какъ здѣсь превосходство дѣйствительно оказалось на сторонѣ монголовъ, то на ихъ сторонѣ оказалась и побѣда. Но такъ какъ превосходство было не полное, то неполною оказалась и самая побѣда: двѣсти лѣтъ побѣдитель владѣлъ побѣжденными и не могъ не только поглотить и уподобить ихъ себѣ, но даже спастись отъ поглощенія и уподобленія побѣжденнымъ. И какъ только тотъ единственный недостатокъ, который рѣшилъ побѣду, исчезъ, коль скоро организовалось на Руси правительство, коль скоро дались намъ первыя основанія культуры, тотчасъ же, не смотря на пониженіе, подъ вліяніемъ монголовъ, и цивилизаціи, и гражданственности, (и идей, и правовъ,) шансы уравнялись, и Русь тотчасъ же стряхнула съ себя владыку, недостойнаго болѣе властвовать. Такой же почти примѣръ представляетъ и побѣда мавровъ надъ испанцами, съ тою разницею, что здѣсь побѣдитель превосходилъ побѣжденнаго не только въ культурѣ, но и въ цивилизаціи, и въ гражданственности, и въ богатствѣ, а уступалъ, напротивъ, только въ числѣ. Отсюда, вслѣдствіе такихъ существенныхъ неравенствъ въ пользу мавровъ, а не въ пользу испанцевъ, и самая побѣда была рѣшительнѣе и продолжительнѣе. Другая пара второстепенныхъ историческихъ побѣдъ представляется въ завоеваніи Европы Франціей и потомъ въ обратномъ завоеваніи Франціи Европой. Послѣднее завоеваніе опять обыкновенно выставляется какъ обличеніе нашей теоріи, между тѣмъ какъ оно опять есть только подтвержденіе ея. Коалиція 1814 года, говорятъ обличители, какъ побѣдившая страну болѣе развитую, чѣмъ она сама, побѣдила, значитъ, ничѣмъ больше какъ массой своей. Допустимъ на время, что цивилизація Франціи была дѣйствительно выше цивилизаціи взятыхъ вмѣстѣ Англіи,

Германіи и Россіи; и разсмотримъ только остальныя условія. А такъ какъ центръ всей борьбы составляетъ лейпцигская битва, то для сокращенія анализа и будемъ разсматривать всѣ эти условія по отношенію къ этой именно битвѣ. Численность была дѣйствительно на сторонѣ коалиціи, потому что 300,000 человѣкъ противъ 175,000. Богатство, экономическія средства борьбы, во всякомъ ихъ смыслѣ, оказываются также на сторонѣ союзниковъ, уже по одному тому что на сторонѣ ихъ Англія съ своими субсидіями. И такъ вотъ уже и не одна только физическая масса, но также и нѣсколько болѣе утонченная, — экономическая. Обратимся затѣмъ къ политическимъ. Интеллигенцію съ ея цивилизаціей, по условію, опустимъ, тѣмъ болѣе что это предметъ, наиболѣе трудный для точнаго измѣренія. Правительства и ихъ культуры въ смыслѣ общественномъ также опустимъ и по той же причинѣ, и ограничимся сравненіемъ правительствъ только военныхъ, въ которыхъ не могутъ не отразиться и общественныя, и при томъ болѣе наглядно. Что же увидимъ тогда? Законодательства военныя или, точнѣе, законодательные проекты войны съ обѣихъ сторонъ уже невозможно отождествить и уравнять. Проектъ союзниковъ, военное право коалиціи было на этотъ разъ въ полнѣйшемъ соглашеніи съ проектами подлежащихъ интеллигенцій: англійской, нѣмецкой и русской; между тѣмъ какъ проектъ противной стороны не только не былъ въ соглашеніи, но былъ въ полнѣйшемъ разладѣ съ интеллигенціей и общественнымъ мнѣніемъ Франціи. Съ другой стороны военный законъ союзниковъ собиралъ подъ ихъ знамя только дѣйствительно враговъ Франціи; между тѣмъ французскій военный законъ ставилъ подъ свое знамя между прочимъ и друзей непріятеля. Шедши въ Россію, Наполеонъ выставлялъ противъ нее двадесять языкъ, для которыхъ походъ этотъ былъ вовсе не тѣмъ, чѣмъ для него; собираясь подъ Лейпцигомъ, онъ собралъ въ себя опять такихъ надежныхъ союзниковъ какъ саксонцы. Слѣдствія такого коренного органическаго несовершенства не замедлили обнаружиться: послѣ

первой же неудачи въ Россіи, пруссаки и австрійцы обратились не противъ нее, а за нее; послѣ первыхъ же неудачъ за-границей саксонцы обратились не за Францію, а противъ Франціи. И когда же? среди самаго пыла битвы. Можно ли при такомъ порокѣ военнаго закона, при такихъ аномаліяхъ права, ждать чего либо добраго? И такъ вотъ и еще одно преимущество, третье, и при томъ вовсе уже не физическаго и даже не экономическаго свойства. Далѣе, военный судъ Наполеоновской арміи, принужденный прибѣгать къ такимъ приговорамъ какъ приговоръ надъ Моро, разорваннаго наполеоновскимъ ядромъ, или приговоръ надъ саксонцами, догоняемыми французской картечью, и когда же опять? опять въ самомъ пылу сраженія! такой судъ и въ такое время не могъ не парализировать всѣ усилія подлежащей арміи, не могъ не порождать въ ней раздвоенія, не могъ не обезкураживать ее. Между тѣмъ у союзниковъ ничего подобнаго не было: противъ нихъ не обращался никто, кто сталъ за нихъ; имъ не приходилось произносить оптовыя казни ни противъ кого, какъ бы онѣ ни казались имъ справедливыми; имъ не приходилось приводить казнь въ исполненіе посреди битвы и раздвоять одно дѣло на два. Вотъ четвертое политическое, а именно культурное, преимущество ихъ. Самая большая опасность для нихъ предстояла въ администраціи военной. Военное правленіе Наполеона имѣло на своей сторонѣ всѣ выгоды и по формѣ, и по содержанію: по формѣ, потому что сообщало арміи полнѣйшее единство управленія, по содержанію— потому что болѣе геніальнаго военнаго правителя еще не видалъ міръ. Такимъ образомъ если бы къ недостатку способнаго правителя прибавился у коаліціи еще и недостатокъ единства, то шансы ихъ ниспали бы глубоко. Но къ чести ихъ надобно сказать, что союзники поняли эту опасность, и забывъ обычныя самолюбія, производящія обычное разъединеніе, добровольно подчинились преобладанію Александра. Этимъ единство коаліціи было спасено, и превосходство противника, хотя не вполнѣ, но значительно уравно-

вѣшено. Чудеса военнаго генія повліяли поэтому только на частности, видоизмѣнили подробности, оттянули конецъ, но, оставаясь уединенными, не могли уже возъимѣть рѣшительнаго вліянія на самый исходъ дѣла. Вотъ пятое, не скажемъ, превосходство, но скажемъ, уравненіе, контр-балансированіе превосходства. Пойдемъ теперь къ условіямъ гражданственности, къ нравственнымъ условіямъ. Здѣсь мы встрѣтимся съ такимъ безусловнымъ и въ то же время такимъ знаменательнымъ превосходствомъ коалиціи, что оно одно способно всегда имѣть вліяніе если не на исходъ той или иной битвы, то всегда на исходъ войны вообще. Рѣчь идетъ о соціальномъ резервѣ армій, о солидарности народовъ съ ихъ арміями, о самомъ вѣрномъ и самомъ неоскудѣвающемъ союзникѣ. Между тѣмъ какъ государства коалиціи отъ мала до велика были потрясены однимъ общимъ и священнымъ чувствомъ, между тѣмъ какъ онѣ возставали какъ одинъ человѣкъ, между тѣмъ какъ у нихъ была одна душа съ ихъ арміями, армія французская была уединена отъ своего общества, которое слишкомъ уже утомилось своими побѣдами, и которое не могло теперь одушевляться больше ничѣмъ какъ или преданностью вождю, подобно арміи, или желаніемъ выдти съ честью изъ затрудненія: — мотивы, очевидно, не могущіе идти ни въ какое сравненіе съ мотивами коалиціи. Чувства права, чувства глубокаго оскорбленія, чувства спасаемой святыни, у французовъ не было и быть не могло. Вотъ шестое и послѣднее преимущество. И такъ при равенствѣ ли всѣхъ другихъ условій является здѣсь перевѣсъ массы? И такъ однимъ ли этимъ перевѣсомъ побѣждена Франція и побѣдила коалиція?.. Такія же самыя коалиціи въ концѣ XVIII вѣка, когда на сторонѣ ихъ была и численность, и богатство, но не было ни права, ни справедливости, ни единства, ни энтузіазма, разсыпались въ прахъ передъ французскими арміями. А та же самая сравнительная и малочисленность, и небогатство Франціи, когда на сторонѣ ея было и право, и единство, и энтузіазмъ, и солидарность арміи съ націей, и такая

интеллигенція какъ Дюмурье, Пишгрю, Моро, Бернадоттъ, Бонапартъ, разсѣевала на пути своемъ всѣ коалиціи. Что же? развѣ это не дѣйствительная международная справедливость, не дѣйствительное правосудіе, склоняющееся всегда туда, гдѣ больше силы, богатства, цивилизаціи, культуры и гражданственности! Наконецъ, когда мы обратимся къ обществамъ равнозначительнымъ, тогда и роковыхъ побѣдъ не окажется вовсе, и каждая изъ нихъ будетъ только случайною и временною. Таковы, напримѣръ, были всѣ побѣды и пораженія или весь, какъ говорится, переходъ военнаго счастія въ тридцатилѣтней и семилѣтней войнѣ, въ войнахъ Карла V и Франциска I, и т. п. Все это счастіе есть единственно отсутствіе рѣшительнаго превосходства соціальнаго, такъ что гдѣ этого отсутствія нѣтъ, тамъ никакое счастіе не поможетъ. Оно такъ покорствуетъ соціальному превосходству, что чѣмъ послѣднее рѣшительнѣе, тѣмъ первое менѣе смѣетъ появляться. Такъ и въ послѣдней европейской войнѣ оно не измѣнило побѣдителю ни одного разу, точно такъ же какъ въ древнемъ состязаніи грековъ и персовъ. Вотъ она, эта международная справедливость, и вотъ ея завѣтъ! Кто лучше въ мірѣ, тотъ для нея и правѣе, и тѣмъ правѣе, чѣмъ лучше. Никакое счастіе, никакія случайности не въ силахъ тягаться съ соціальнымъ превосходствомъ: оно подчиняетъ себѣ и самое счастіе, и самый случай. Не знаю, какъ для васъ, мой метафизическій читатель, а для меня это удовлетворяетъ не только умъ, но и самое сердце, и никакой другой, лучшей справедливости я не только не знаю, но и не желаю. Не смущаетъ при этомъ меня и то, что справедливость эта произносится яснѣе всего кровавыми устами физической силы, также точно какъ не смущаетъ васъ это на судѣ, который вы ставите въ образецъ войнѣ. И тамъ вѣдь отъ времени до времени случается, что осужденный вступаетъ въ отчаянную, хотя и вполнѣ безнадежную, борьбу съ своимъ палачомъ на самомъ эшафотѣ; но тѣмъ не менѣе вы не отвергаете же, что палачъ есть все-таки представитель справедливости. На

какомъ же основаніи вы станете отвергать это тутъ? и чѣмъ же война въ этомъ случаѣ хуже суда, и побѣда хуже правосудія?..

Если же мы вспомнимъ, что такова же именно и справедливость народная, какъ напримѣръ въ междоусобіяхъ, и справедливость междусословная, какъ напримѣръ въ іерархіи и правахъ сословій, и справедливость междусемейная, какъ напримѣръ въ обычаяхъ домашней жизни, и справедливость междуличная, какъ напримѣръ въ уголовномъ судѣ, и справедливость междуимущественная какъ напримѣръ въ судѣ гражданскомъ; то мы и увидимъ, что такое понятіе справедливости довольно всеобще для соціальной жизни, хотя въ то же время избѣгаетъ и всеобщности метафизической; увидимъ, что, хотя оно и избѣгаетъ метафизической расплывчатости, но тѣмъ не менѣе обнимаетъ всѣ явленія дѣйствительной жизни, и въ этомъ смыслѣ оказывается вѣрнымъ на всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ; увидимъ, что этотъ правительственный продуктъ, при всей своей повсемѣстности и повсевременности, тѣмъ не менѣе постоянно текучъ, и сегодня всегда не вполнѣ тотъ, что вчера; увидимъ, наконецъ, что текучесть эта состоитъ именно въ томъ, что вчерашняя сила, а вмѣстѣ съ нею и справедливость, бывшая силою и справедливостью во всѣхъ отношеніяхъ, сегодня въ томъ или другомъ отношеніи ослабляется, а вчерашняя слабость и несправедливость сегодня получаетъ и силу, и справедливость; и что такимъ образомъ при понятіи «справедливость» остается вся практическая его относительность и условность, но въ то же время и вся его теоретическая научность *).

---

*) Примѣняя всю изложенную теорію къ нервной физіологіи, мы получимъ новую догадку, которая тѣмъ замѣчательнѣе, что она совпадаетъ съ одною изъ существующихъ уже, и безъ того довольно уже вѣроятною, гипотезою этой физіологіи. А именно тамъ существуетъ гипотеза, что назначеніе мозжечка есть согласованіе движеній. Безъ мозжечка животное не перестаетъ жить и дѣйствовать, но дѣлается какъ бы пьянымъ. Такое же среднее положеніе правительства между двумя другими аппаратами соціальныхъ органовъ и такое же точно отправленіе его весьма сильно поддерживаетъ указанную физіологическую гипотезу.

Частный

законъ гражданства.

Гражданство, какъ третій и послѣдній органъ инкорпораціи и экспораціи.— Происхожденіе гражданства. — Органъ, отправленіе и продукты его. — Соціологическія ткани. — Размѣщеніе невещественныхъ благъ въ обществѣ.

Теоріею правительства политика, собственно говоря, окончена, потому что окончена теорія обоихъ политическихъ классовъ. Но такъ какъ не можетъ не имѣть своей политической, хотя бы болѣе или менѣе пассивной, стороны, и жизнь классовъ экономическихъ, то невозможно заключать политику, не очертивъ этой второстепенной политичности жизни. Это тѣмъ невозможнѣе, что граждане представляютъ собою во всякомъ случаѣ послѣдній органъ инкорпораціи и экскорпораціи, органъ, гдѣ всѣ предъидущіе продукты политической жизни находятъ свое осязательное воплощеніе, становятся дѣйствительною плотью и кровью соціальнаго тѣла. Дальше этого инкорпорація не идетъ и итти не можетъ, а прежде этого она не полна и не окончательна.

Слово гражданство имѣетъ не менѣе смысловъ, чѣмъ и всякій другой терминъ политики. Въ самомъ обширномъ смыслѣ граждане суть всѣ жители государства, всѣ члены гражданскаго общества, не исключая даже ни женщинъ, ни дѣтей. Въ этомъ смыслѣ не суть граждане только дикари, только люди живущіе внѣ государственныхъ обществъ. Въ самомъ узкомъ смыслѣ гражданами будутъ только полноправные члены граж-

---

А поддерживая ее, оно въ то же время дополняетъ и развиваетъ ее въ подробностяхъ, подсказывая значеніе сѣраго и бѣлаго вещества мозга и значеніе дерева жизни въ маломъ мозгу. А именно: если главная противоположность интеллигенціи и правительства образуется теоретичностью и практичностью, и если главная противоположность большого и малаго мозга состоитъ въ противоположности сѣраго и бѣлаго вещества мозга, то не есть ли роль этихъ обоихъ веществъ та же, что и роль теоретичности и практичности? И, въ частности, не есть ли дерево жизни въ маломъ мозгу то же, что администрація въ правительствѣ, т. е. задерживающій аппаратъ?..

данскаго общества, т. е. только контингентъ интеллигенціи и правительства, какъ это и разумѣлось у грековъ и римлянъ. Въ среднемъ смыслѣ, въ какомъ выставлено заглавіе этой главы, гражданство представляетъ собою политическій оттѣнокъ экономическихъ классовъ, т. е. всѣхъ тѣхъ жителей государства, которымъ кромѣ гражданства не принадлежитъ никакая другая политическая роль. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ тѣмъ удобнѣе употреблять здѣсь этотъ терминъ, что онъ не исключаетъ ни того, ни другого изъ крайнихъ смысловъ; ибо, съ одной стороны общія качества гражданина имѣются и тамъ, гдѣ сосредоточены особенныя (чѣмъ включается сюда и полноправное гражданство), а съ другой общія качества гражданина оказываются такимъ образомъ принадлежащими всѣмъ безъ исключенія взрослымъ обоего пола членамъ общества (чѣмъ включается сюда отчасти и обширный смыслъ слова). Спеціализуется же это гражданское качество дѣйствительно только въ классахъ экономическихъ. Отсюда ясно и самое происхожденіе всѣхъ этихъ трехъ гражданствъ. Всѣ онѣ являются тотчасъ же какъ изъ безразличной массы общества выдѣляется аристократія и правительство. Въ смыслѣ же общественной силы, изъ которой происходитъ собственно такъ называемое гражданство, и на которой оно основано, это есть физическая и экономическая сила, какъ интеллигенція есть умственная, а правительство — нравственная. Интеллигенція въ общемъ соціальномъ механизмѣ есть двигатель, правительство есть передаточный механизмъ, сообщающій движеніе отъ двигателя къ массѣ, гражданство есть приводимая въ движеніе масса. Отсюда слѣдуетъ, что появленіе массы предшествуетъ появленію двигателя и движенія, ибо иначе не могло бы и быть ни того, ни другого.

Подъ-органовъ гражданство не представляетъ никакихъ, т. е. это есть наименѣе развитой и расчленившійся политическій органъ. Но за то этотъ сплошной органъ есть самый обширный, какъ, напримѣръ, органъ кожи въ индивидуальномъ организмѣ. Равнымъ образомъ и разнообразія отправленій въ этомъ органѣ мало. Все разнообразіе ограничивается

усвоеніемъ и отчужденіемъ, привычкою и отвычкою, инкорпораціею и экскорпораціею. И только подъ конецъ въ продуктахъ гражданства возстановляется обыкновенное разнообразіе, при чемъ по существу оно остается такое же какъ и вездѣ прежде. Здѣсь не неумѣстно будетъ обозрѣть однимъ взглядомъ все представлявшееся до сихъ поръ разнообразіе всѣхъ политическихъ органовъ, отправленій и продуктовъ, чтобы и его свести, наконецъ, къ своего рода единству. Мы видѣли выше, что, за что бы мы ни брались въ обществѣ, за строеніе ли, за функцію ли, за продуктъ ли общественный, и гдѣ бы мы за нихъ ни брались, въ интеллигенціи ли, въ правительствѣ ли, въ гражданствѣ ли, — повсюду и всегда мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же вѣчнымъ различіемъ теоретическаго, эстетическаго и практическаго. Мало того, какую бы изъ этихъ трехъ отмѣнъ ни стали разсматривать, въ ней опять найдутся, опять и опять, тѣ же три отмѣны. И такимъ образомъ продолжается до тѣхъ поръ, пока достигаетъ глазъ нашъ и нашъ микроскопъ. Вслѣдствіе этого нельзя не притти къ заключенію, что теоретичность, эстетичность и практичность суть то же, что въ физіологіи ткани, т. е. основныя соціальныя протоплазмы, или такія органическія основы изъ которыхъ соткана вся общественная жизнь. Взаимное расположеніе, пропорціи и сплетеніе ихъ чрезвычайно разнообразны, но составъ всегда одинъ и тотъ же. Такимъ точно образомъ и тамъ, гдѣ это разнообразіе наименѣе замѣтно, въ гражданствѣ, и гдѣ органъ всего одинъ, отправленій всего два, продуктовъ оказывается все таки три, и именно: теоретическій, эстетическій и практическій. Разница здѣсь выходитъ только въ томъ, что они, въ порядкѣ политической процессуальности, идутъ здѣсь обратнымъ порядкомъ. До сихъ поръ все теоретическое, (новаторство, напримѣръ, законодательство), предшествовало всему эстетическому (напримѣръ пропагандѣ, суду), а все эстетическое предшествовало всему практическому (напримѣръ агитаціи, правленію); теперь же

Читальная зала

практическое предшествуетъ эстетическому, а эстетическое теоретическому.

А именно, администрація въ своей постоянной и двойной бѣготнѣ отъ правительства къ гражданству и отъ гражданства къ правительству, путемъ настойчиваго и продолжительнаго давленія, успѣваетъ обыкновенно достигнуть того, что, послѣ всякаго измѣненія въ законодательствѣ или въ судѣ, вгоняетъ таки, наконецъ, новое право и новую обязанность въ практику гражданъ, такъ же какъ старое право и обязанность успѣваетъ она изъять изъ употребленія. Когда то и другое достигнуто такъ, что нѣтъ уже надобности въ административномъ настаиваніи, для того чтобы новый порядокъ вещей продолжался, когда онъ продолжается уже самъ собою, въ силу привычки, по рутинѣ, тогда является то, что называется *нравы*. Вотъ первый и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто-практическій продуктъ гражданства. Это есть обращеніе законодательнаго права, судебной справедливости и административной правды въ нравъ, т. е. эстетическихъ формъ идеи въ совершенно практическую ея форму. Вмѣстѣ съ тѣмъ все, что достигло до этой послѣдней метаморфозы, можетъ считаться окончательно инкорпорированнымъ въ общество, укоренившимся въ немъ, обратившимся въ природу его. И только путемъ этихъ укорененій и происходятъ всѣ дѣйствительныя перемѣны въ обществахъ. Такова, напримѣръ, вслѣдствіе тысячелѣтней практики, неискоренимая теперь привычка человѣка жить обществомъ, обратившаяся до такой степени въ природу его, что мы даже непонимаемъ, чтобы когда нибудь было возможно жить иначе. Таковъ же нравъ подчиненія политическаго, т. е. привычка всякаго низшаго положенія въ обществѣ склоняться предъ всякимъ высшимъ. И наоборотъ: такова отвычка общества отъ кочевой жизни. Такова экскорпорація изъ обществъ привычки людоѣдства. Таково искорененіе изъ общества самоуправства, и т. п. За этимъ, когда гражданскій нравъ уже образовался, гражданство переходитъ отъ этой главной, но болѣе или менѣе пассивной, своей дѣятельности къ активной, къ нѣкото-

раго рода творчеству или производству политическому. А именно, новый нравъ, который до сихъ поръ проявлялся только въ дѣйствіяхъ, въ поступкахъ, т. е. только практически, оно облекаетъ въ наглядную форму, въ образъ, т. е. въ нѣчто эстетическое, и такимъ образомъ получается *обычай*. Обычай есть не что иное какъ видимое и постоянно возобновляемое предъ глазами изображеніе нрава. Эстетичность этого продукта гражданства доходитъ иногда до того, что онъ является настоящей драмой, какъ напримѣръ, обычаи сватовства, обычаи свадебные, обычай жатвы, обычаи коронацій, обычаи тронныхъ рѣчей и т. п. Отъ нрава обычай отличается какъ форма отъ содержанія, какъ обрядъ отъ догмата. Это дѣйствительно нечто иное какъ нравственный обрядъ, житейскій ритуалъ. Это поэтическій символъ нравственнаго состоянія общества, который отливается самъ собою, когда готовъ уже соотвѣтственный нравъ, отливается какъ мимика тѣла, когда говоритъ душа. Такъ, напримѣръ, когда женщина есть еще рѣдкость для даннаго общества, — является самъ собою обычай похищенія, обычай умыканія, обычай давать вѣно за невѣсту; напротивъ, когда женщина разводится въ изобиліи, когда цѣнность невѣстъ понижается, когда онѣ сами уже ищутъ мущину, а не онъ ихъ, — самъ собою является обычай приданаго. Выразившись эстетически, нравъ не останавливается и на этомъ, а стремится высказаться еще и теоретически, и только на этомъ кончаетъ; при чемъ инкорпорація достигаетъ здѣсь своего nec plus ultra. Въ чемъ же это теоретическое его выраженіе? Если обычай составляетъ снимокъ съ нравовъ въ образномъ видѣ, если онъ составляетъ поэтическое отвлеченіе нравовъ, то снимокъ съ нихъ самихъ въ еще болѣе отвлеченномъ видѣ, отвлеченіе ихъ теоретическое есть *преданіе*. Здѣсь нравы не олицетворяются, какъ въ обычаѣ, а одухотворяются, возводятся въ такой или иной принципъ жизни. Одухотвореніе это составляютъ пословицы, пѣсни, сказки, примѣты. Отсюда цѣлая теорія нравственная, теорія, отличная отъ всякой иной моральной теоріи тѣмъ, что она отражаетъ всю мѣстность и

всю временность нравственности. Мало того, въ преданіи раскрывается все міровоззрѣніе народное, воззрѣніе на природу, на человѣка, на общество, на божество. И эта опытная, житейская мудрость, какъ бы ни была она скромна, тѣмъ не менѣе есть первоначально единственная инціатива и всякой дальнѣйшей мудрости, единственный родникъ для выдѣляющейся потомъ интеллигенціи. Изъ нея, изъ этой опытной мудрости раздѣленія недѣли на семь дней, изъ опытнаго построенія хижинъ, изъ опытнаго измѣренія полей и т. п. возникли цѣлыя соотвѣтственныя искуства, а изъ искуствъ науки: астрономическая, архитектурная, геометрическая и т. д. (На основаніи только этой же традиціонной политической мудрости можетъ возникать нынѣ и политическая наука). Такимъ образомъ, начавши практикой, нравомъ, гражданство дѣйствительно оканчиваетъ теоріей, идеей; будучи концомъ и результатомъ самой интеллигенціи, оно становится теперь стимуломъ, инціативой ея. Вся же вмѣстѣ совокупность продуктовъ гражданства составляетъ то, что называется *гражданственностью.* Гражданственность оказывается такимъ образомъ инкорпораціею культуры, какъ культура инкорпораціею цивилизаціи. Гражданственностью конецъ политическаго процесса связываетъ себя съ началомъ его. Интеллигенція, возбужденная готовымъ преданіемъ получаетъ возможность творчества новыхъ идей; новыя идеи даютъ новую возможность творчеству правительственному; правительство даетъ мѣсто опять производству гражданскому. Этимъ путемъ и поддерживается въ обществѣ тотъ непрестанный круговоротъ, та циркуляція невещественныхъ благъ, гдѣ идеи то и дѣло претворяются въ права, права окрѣпаютъ въ нравы, а нравы опять возводятся до идей, гдѣ каждый процессъ является такимъ образомъ и первымъ, и послѣднимъ, гдѣ каждый изъ нихъ предъидущій гонитъ предъ собою и питаетъ собою каждый послѣдующій, и гдѣ все связано между собою такъ тѣсно, что разорвать нѣтъ никакой возможности, кромѣ болѣзненной или смертельной.

Пришедши теперь къ концу всего вообще политическаго процесса, намъ нельзя, однако, разстаться съ нимъ, не дополнивши его результатами этого процесса. Читатель естественно склоненъ до сихъ поръ къ заключенію, что каждая идея интеллигенціи, прошедши чрезъ горнило правительства, и достигши до состоянія права, достигаетъ такимъ образомъ до всего гражданства и усвоивается имъ всѣмъ. А между тѣмъ читатель очень легко остановленъ будетъ отъ этого заключенія тѣмъ очевиднымъ для него фактомъ, что далеко не всѣ идеи интеллигенціи и даже не всѣ права и обязанности кодексовъ инкорпорируются всему безъ исключенія гражданству. Напротивъ, нравы, обычаи и преданія бываютъ столь же различны, сколько различны общественныя сферы. Такъ, напримѣръ, есть, кромѣ всеобщихъ нравовъ, множество частныхъ, каковы, напримѣръ, европейскіе (чувство чести, энергія) и азіатскіе (чувство сладострастія, апатія), нравы аристократическіе (высокомѣріе, мужество, прямота, щедрость) и демократическіе (смиреніе, робость, хитрость, скупость), нравы буржуазные и интеллигентные, нравы богатыхъ и бѣдныхъ, нравы мужскіе и женскіе, и т. п. Равнымъ образомъ есть и такіе же частные обычаи, какъ, напримѣръ, европейскіе (дуэль, табакъ, единоженство) и азіатскіе (распарываніе себѣ живота, гашишъ, опій, многоженство), есть обычаи аристократическіе (этикетъ, мода) и есть демократическіе (божба, брань), есть мужскіе (перстни, трости) и женскіе (серьги, косы), и т. д. и т. д. Есть, наконецъ, и преданія частныя, каковы напримѣръ, древнія (mens sana in corpore sano) и новыя (Dieu et Madame), есть ремесленныя (куй желѣзо, пока горячо) и землѣдельческія (что посѣялъ, то и пожнешь), есть гражданскія (cedant arma togae) и военныя (со щитомъ или на щитѣ), есть политическія (concordia parvae res crescunt) и стратегическія (divide et impera) и проч. и проч. Все это показываетъ, что въ одномъ и томъ же обществѣ одна и таже идея, прошедши всѣ свои метаморфозы, можетъ достигать до права въ одномъ какомъ либо мѣстѣ общества, и вовсе не достигать до

нрава въ другомъ. Словомъ возникаетъ вопросъ о системѣ размѣщенія и усвоенія всѣхъ этихъ продуктовъ политики, вопросъ о томъ, *гдѣ*, *какъ* и *когда* невещественныя блага *распредѣляются* въ обществѣ, и гдѣ, какъ и когда онѣ по преимуществу *усвояются* имъ,—вопросъ, наконецъ, о мѣстѣ, качествѣ и времени инкорпорацій и экскорпорацій.

Отвѣтимъ прежде на вопросы распредѣленія и прежде всего на вопросъ: гдѣ? Что касается этого вопроса, то онъ для политики предрѣшается уже экономіею, какъ для экономіи физіологіею. Простая физическая сила человѣка, скопившись, вслѣдствіе организаціи своей, въ одномъ данномъ пунктѣ, обусловливаетъ скопленіе въ томъ же пунктѣ и богатства. А богатство и сила, сосредоточившись въ одномъ и томъ же центрѣ, тѣмъ больше еще обусловливаютъ *скопленіе* тамъ же и всѣхъ политическихъ или невещественныхъ благъ. Это взаимное тяготѣніе одной общественной силы къ другой неодолимо, и разорвано быть не можетъ. А все разнообразіе, какое въ этомъ тяготѣніи бываетъ и всегда быть можетъ, состоитъ только въ большемъ или меньшемъ сосредоточеніи или разсредоточеніи какой либо изъ трехъ силъ. Чуть только гдѣ нибудь начинаетъ разсредоточиваться, напримѣръ, физическая сила,—вслѣдъ за нею разсредоточивается богатство, а вслѣдъ за богатствомъ разсредоточивается и знаніе. Равно и разсредоточеніе богатства ведетъ за собою сперва разсѣяніе знанія, а потомъ и силы. Также точно разсѣяніе знанія приводитъ за собой децентрализацію богатства и потомъ силы. Начаться эта операція можетъ съ каждаго изъ этихъ трехъ факторовъ, но продолжаться должна только въ прямомъ или обратномъ порядкѣ той постепенности, какая обозначена выше, а оканчиваться должна непремѣнно возвращеніемъ къ началу. Порядокъ этотъ основанъ на законѣ раздѣленія труда, ведущемъ отъ простаго къ сложному, а отъ сложнаго къ

болѣе сложному, и на законѣ соединенія труда, ведущемъ постоянно въ обратномъ направленіи отъ наиболѣе сложнаго къ менѣе сложному и отъ менѣе сложнаго къ наиболѣе простому. Законъ этотъ проходитъ чрезъ всѣ процессы, какъ динамическіе, такъ и статическіе. Мы видѣли его проявленія постоянно и послѣ того, какъ перестали говорить о немъ. Такимъ, напримѣръ, проявленіемъ закона былъ весь ходъ политическаго процесса отъ простѣйшихъ идей къ сложнѣйшимъ правамъ, и отъ сложныхъ правъ къ еще болѣе сложнымъ нравамъ. А въ обратномъ направленіи законъ обнаружился переходомъ отъ нравовъ къ обычаямъ, и отъ обычаевъ къ преданіямъ, т. е. возвращеніемъ снова къ идеямъ. На этомъ основаніи въ каждомъ данномъ мѣстѣ общества мы можемъ ожидать знанія лишь на столько же, лишь въ такой же мѣрѣ, на сколько и въ какой мѣрѣ есть тамъ богатства; а мѣру богатства всегда можемъ предположить въ соотвѣтствіи съ мѣрой силы. И дѣйствительно, рецептъ этотъ вѣренъ для всякаго мѣста и времени. Гдѣ физическая сила сосредоточена у аристократій, т. е. въ извлекаемомъ изъ нея правительствѣ, тамъ туда же направляются богатство и знаніе, и направляются въ такой мѣрѣ, въ какой сосредоточена первая. Гдѣ сила у буржуазіи или у демократіи, тамъ у нихъ же и богатство, и знаніе. А съ знаніемъ идутъ и всѣ его послѣдствія, т. е. множественность, разнообразіе и совершенство идей, правъ и нравовъ. Отсюда у аристократій всегда до сихъ поръ было больше цивилизаціи, культуры и гражданственности, чѣмъ у демократій; а говоря болѣе общими и болѣе научными терминами, у меньшинства всегда и вездѣ было и будетъ этихъ благъ больше чѣмъ у большинства. Причина этому очевидна: изобрѣтатели идей и претворители ихъ въ права не могутъ ни изобрѣтать, ни претворять во имя другихъ, прежде чѣмъ во имя себя. А воспринимателя идей не могутъ воспринимать ничего больше кромѣ того, что имъ подается, до тѣхъ поръ пока не постараются взять сами, вмѣсто того чтобъ ожидать подачи. Оттого-то политическій процессъ, начинающійся иде-

ями, хотя и доводитъ ихъ всегда до консистенціи нравовъ, но не непремѣнно нравовъ всего гражданства. Напротивъ туда поступаетъ только такая доля идей, какая соотвѣтствуетъ тамошнему сосредоточенію богатства и силы. Большинство же идей вводится въ нравы только гражданства въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. гражданства полноправнаго. Тоже самое и съ правами: ихъ также больше тамъ, гдѣ больше идей и нравовъ, а меньше ихъ, т. е. больше обязанностей, всегда тамъ, гдѣ меньше идей и нравовъ.

На второй вопросъ: какъ? отвѣтъ слѣдующій. Такое или иное размѣщеніе продуктовъ политики непремѣнно сопровождается и такимъ или инымъ *уплотненіемъ* каждаго изъ нихъ на своемъ мѣстѣ. Достигши мѣста для своего постояннаго пребыванія, каждое политическое благо можетъ или упрочиться здѣсь и утвердиться на долго или же осѣсть слегка и на короткое время. То и другое зависитъ отъ степени, такъ сказать, сгущенія продукта или его разрѣженія. Въ первомъ случаѣ происходитъ его соціальная неподвижность во второмъ—подвижность. Въ этомъ отношеніи различаются какъ продукты, такъ и самыя мѣста пребыванія; т. е. степень уплошненія и степень подвижности различаются не только по продуктамъ, но также и по мѣстопребываніямъ ихъ. Что касается продуктовъ, то между ними разрѣженнѣе и подвижнѣе всѣхъ суть, очевидно, идеи, а уплотненнѣе и неподвижнѣе всѣхъ суть, безъ сомнѣнія, нравы. Права занимаютъ средину и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Оттого-то идеи, прежде чѣмъ онѣ не вошли еще въ права и въ нравы, мѣняются чрезвычайно легко. Какъ лицо такъ и общество можетъ перемѣнять ихъ по десять разъ на день, и такъ что онѣ не оставятъ никакого слѣда по себѣ. Отсюда самый обыкновенный обманъ зрѣнія въ политикѣ. Слыша и видя на устахъ того или другого лица или общества большое количество и хорошее качество идей, предполагаютъ обыкновенно, что это и есть уже сущность лица или общества, что идеи эти уже дѣйствительно и управляютъ имъ, уже составляютъ жизнь его. Между тѣмъ отъ идеи до нрава раз-

стояніе еще огромно, и далеко не всѣ исповѣданныя идеи проходятъ его все. Множество изъ нихъ разрѣжены до того, что улетучиваются вовсе, не успѣвши не только перейти въ права и нравы, но даже и попытаться перейти, не успѣвши т. е. обратиться ни въ дѣло агитаціи, ни даже въ дѣло пропаганды. И только весьма немногія идеи изъ числа всѣхъ обращающихся въ обществѣ вступаютъ на этотъ жизненный путь, при чемъ каждое такое вступленіе обозначаетъ непремѣнно большее или меньшее уплотненіе и осѣданіе ихъ въ данномъ обществѣ или лицѣ. Глубокое же уплотненіе ихъ такъ рѣдко, что оно, какъ мы видѣли раньше, равнозначительно иногда риску личной жизнью или хоть личнымъ благополучіемъ иниціативнаго лица или общества. Незнаніе этого свойства обыкновенной разрѣженности и крайней подвижности большинства идей вводитъ насъ въ ежедневные промахи какъ въ частной такъ и въ публичной жизни. Цивилизація, т. е. накопленіе идей, сама по себѣ, безъ культуры и безъ гражданственности, есть, и вообще говоря, пустоцвѣтъ; большинство же цивилизаціи есть даже простой миражъ, вовсе не предназначенный ни къ какому цвѣту. А между тѣмъ стоитъ лишь намъ увидѣть или услышать человѣка или народъ, переполненный разнообразными и высокими идеями, чтобы мы тотчасъ и безъ дальнѣйшихъ разсужденій вмѣнили ихъ ему въ достоинство, въ качествѣ цивилизаціи. Отсюда-то увѣренность нашихъ юношей, дѣвицъ и публицистовъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ выше Франціи, такъ какъ у нея всегда такое изобиліе идей въ обращеніи. Какое имъ дѣло до того, что изъ этихъ идей, съ тѣхъ поръ какъ онѣ пущены въ оборотъ и до сего дня включительно, ни одна почти не обратилась не только въ нравы, но даже и въ прочныя права, ни одна не уплотнилась до какой нибудь неподвижности и постоянства, ни одна не сдѣлалась долговременною. Такъ легковѣсный или плутоватый либералъ постоянно надуваетъ неопытныхъ слушателей своими медовыми рѣчами, которыхъ нѣтъ ни въ его умѣ, ни въ его сердцѣ, и есть только на языкѣ. Конечно, это

скопленіе идей, эта пустоцвѣтная цивилизація Франціи, была, какъ мы знаемъ уже, послѣдствіемъ болѣзненно задержаннаго процесса, а не какой либо особенной природы націи, но это только проливаетъ большій свѣтъ на пустоцвѣтность, объясняя причины ея. Конечно, отцы или, точнѣе, дѣды господствующихъ нынѣ во Франціи классовъ были еще искренни и вѣрили по крайней мѣрѣ сами въ свою цивилизацію, въ идеи свои, почему и пропагандировали ихъ такъ страстно, и агитировали въ ихъ пользу. Но когда дѣло дошло до культурной отливки ихъ, и когда отливка эта и разъ, и два, и три неудалась, тогда сами французы извѣрились въ свои идеи и могли начать только или ненавидѣть ихъ, или любить платонически, или играть и шутить ими: клерикалы и легитимисты ненавидятъ, орлеанисты сантиментальничаютъ, бонапартисты играютъ принципами 89 года. Одни — отрекшійся либералъ, другіе — легковѣсный, третьи — плутоватый. Подвижность и летучесть идей достигла до того, что одинъ человѣкъ раза три-четыре въ теченіе своей политической жизни успѣваетъ перемѣнить свое знамя. А между тѣмъ къ старымъ миражамъ прибавляются каждый день новые: то сенъ-симонизмъ, то соціализмъ, то коммунизмъ, то республиканизмъ буржуазный, то республиканизмъ красный, то республиканизмъ соціальный,— и несчастная страна, выбившись изъ силъ во всѣхъ этихъ погоняхъ, не знаетъ и не можетъ знать искренно, за какимъ же, наконецъ, изъ этихъ миражей слѣдуетъ ей гнаться. Совершенно противоположныя этому качества носитъ въ себѣ гражданственность. Эта, напротивъ, есть самый плотный и самый неподвижный изъ всѣхъ политическихъ продуктовъ. Ничто въ обществѣ не обладаетъ такой полновѣсностью и такой устойчивостью какъ нравы. Нравовъ нельзя брать на прокатъ, какъ берутся идеи; подъ нихъ нельзя поддѣлываться какъ поддѣлываются подъ образы мыслей; ихъ можно только нажить, выработать всей жизнью. Нравы суть окончательный итогъ, заключительный выводъ всей дѣятельности; это самый сложный продуктъ ея, заключающій въ себѣ всѣ другіе; это степень, требующая

дѣйствительнаго предварительнаго переживанія всѣхъ степеней предъидущихъ: и идей, и идеаловъ, и проэктовъ, и правъ, и справедливостей, и правдъ. Оттого-то и для лица, и для общества единственное дѣйствительное мѣрило суть нравы его; это—единственно дѣйствительный показатель прогресса и человѣчности. Потому-то такія націи, какъ Англія и Соединенные Штаты, свидѣтельствуютъ дѣйствительность своихъ идей скорѣе нравами чѣмъ прессой, и возбуждаютъ къ себѣ гораздо болѣе довѣрія, хотя и меньше говорятъ. Не говорите мнѣ, о чемъ говоритъ индивидумъ или народъ, а скажите только, что онъ дѣлаетъ, какъ онъ поступаетъ, — и я скажу вамъ, кто онъ такой. Поступки, а тѣмъ больше поступки инстинктивные, не предъобдуманные, безъ непосредственнаго участія идей, т. е. вошедшіе въ сноровку, сдѣлавшіеся рутиной, — вотъ весь аттестатъ общества и человѣка. Но эта уплотненность нравовъ ведетъ за собой и неподвижность ихъ. Ничто не мѣняется такъ туго и трудно какъ нравы. А чѣмъ долговременнѣе практиковались они, чѣмъ больше перешли въ обычай и въ преданіе, тѣмъ еще труднѣе. Незнаніе этой истины опять служитъ источникомъ множества безплодныхъ попытокъ и несчастныхъ усилій въ исторіи. Такъ Франція во время своихъ революцій каждый разъ разсчитывала на то, что нравы можно передѣлывать въ 24 часа, — и вотъ неуспѣла сдѣлать этого и до сихъ поръ. Такъ разсчитывала и монархическая Англія, когда, еще въ XVII вѣкѣ, учреждала у себя республику, — и вотъ осталась монархіей и до сего дня, хотя республика теперь готова у нея и на самомъ дѣлѣ. Правда, иногда кажется, что нѣкоторые, хотя и не столь существенные, нравы мѣняются легко и удобно. Въ особенности можетъ это показаться намъ, русскимъ, у которыхъ произошла исторія великаго Петра. Но, съ другой стороны, намъ же, русскимъ, легче убѣдиться въ томъ, какъ строго надо различать обычаи отъ нравовъ. Однимъ-двумя указами да собственнымъ примѣромъ своимъ Петръ дѣйствительно могъ завести ассамблеи, табако-куреніе, танцы, могъ обрить бороды, надѣть ев-

ропейскіе камзолы, вложить въ нихъ носовые платки; но развѣ все это была перемѣна въ нравахъ? При Екатеринѣ исчезли и послѣдніе слѣды большинства старо-русскихъ обычаевъ, исчезъ самый русскій языкъ; но нравы не только остались, но дожили и гораздо дальше, такъ что стоило только поскоблить вельможу, чтобы открыть подъ нимъ татарина. Этикетъ, формы общежитія, самая перемѣна языка, какъ бы онѣ изящны ни были, не дѣлаютъ еще перемѣны въ нравахъ: на новомъ языкѣ, въ новыхъ и изящныхъ формахъ можно все еще выражать старые и грубые нравы. Самая перемѣна религіи и національности все еще не есть перемѣна нравовъ: первая, потому, что это больше всего касается идей, а вторая потому, что она долго еще можетъ выражаться только новыми формами, а не новымъ духомъ. И такъ нравы, и даже вообще гражданственность, дѣйствительно всего неподвижнѣе въ политическомъ обществѣ. Средину въ этомъ отношеніи между идеями и нравами занимаютъ права. Онѣ дѣйствительно измѣняются легче чѣмъ нравы и труднѣе чѣмъ идеи. Если для перемѣны идеи довольно одного дня, одного разговора, одной книги, и если для перемѣны нравовъ необходимы поколѣнія, необходима хоть одинъ разъ наслѣдственная передача ихъ, то для перемѣны правъ нужны во всякомъ случаѣ годы или хоть мѣсяцы. Какъ бы ни была незначительна перемѣна въ правѣ, но она, при правильномъ ходѣ вещей, необходимо предполагаетъ предварительное новаторство, пропаганду и агитацію; а всего этого никакъ нельзя продѣлать въ одинъ день.— Другое различіе въ плотности и подвижности политическихъ продуктовъ зависитъ отъ мѣстопребыванія ихъ. Т. е. они разрѣжаются или уплотняются и сохраняютъ большую или меньшую подвижность, смотря еще и потому, въ какомъ слоѣ общества осѣдаютъ. Въ низу общественной пирамиды, въ большинствѣ, всѣ они, несмотря на то, суть ли это идеи, права или нравы, всѣ оказываются сравнительно плотнѣе и неподвижнѣе, чѣмъ въ верху пирамиды, въ меньшинствѣ. Нѣтъ, напримѣръ, ничего подвижнѣе идей; а между тѣмъ тѣ немно-

гія идеи, которыя достигаютъ до дна общества, какъ, напримѣръ, идеи религіозныя, идеи домашней жизни, идеи земледѣльческія, сгущаются здѣсь такъ плотно, осаждаются такъ неподвижно, что перемѣна ихъ дѣлается необыкновенно трудна. Такъ, напримѣръ, несмотря на тысячелѣтнее христіанство въ Россіи, многія идеи язычества, какъ напримѣръ, о лѣшихъ, о домовыхъ, о русалкахъ, благополучно дошли и до насъ. О правахъ же, а тѣмъ болѣе о правахъ и говорить нечего. Нашъ Петръ могъ, напримѣръ, распоряжаться по крайней мѣрѣ обычаями больше чѣмъ кто другой; а между тѣмъ сбрить бороду и ему удалось только на аристократіи, передъ бородой же демократіи и самъ Петръ долженъ былъ остановиться. И вотъ съ тѣхъ поръ аристократія успѣла уже и выбриться, и вновь отпустить бороду, демократія же остается все одна и та же. Напротивъ хотя и нѣтъ ничего неподвижнѣе правовъ въ сравненіи съ другими невещественными благами, а между тѣмъ въ вершинѣ общества и они болѣе шатки чѣмъ внизу. Не иные, напримѣръ, македоняне сдѣлались греками не только по языку, но и по духу, какъ македоняне высшихъ классовъ; не иные бельгійцы сдѣлались французами, какъ изъ высшихъ сословій; не иные финны усвоили шведскіе нравы, какъ аристократы; не иные эсты переродились въ нѣмецкихъ бюргеровъ, какъ богатѣйшіе; не иные русскіе превратились въ нашихъ западныхъ губерніяхъ въ поляковъ и католиковъ, какъ дворяне. Массы же не только пережили времена всѣхъ этихъ превращеній, но многія изъ нихъ дожили и до сихъ поръ нетронутыми. Эта необыкновенная устойчивость однихъ и неустойчивость другихъ есть часто и горе, и радость для обществъ: горе, потому что обусловливаетъ трудность всякаго общественнаго подъема всѣмъ тѣломъ; радость потому что обусловливаетъ трудность всякаго общественнаго паденія всѣмъ тѣломъ. Такая же точно противоположность существуетъ и между двумя внутренними классами: между среднимъ и повсемѣстнымъ. Какъ оба внѣшніе класса различаются по высотѣ, такъ оба внутренніе по составу. Средній классъ равно

состоитъ изъ идей, изъ правъ, изъ нравовъ, интеллигенція же преимущественно изъ идей. Отсюда въ первомъ тѣ идеи, какія тамъ есть, непремѣнно бываютъ неподвижнѣе, устойчивѣе, плотнѣе, а во второй тѣ нравы, какіе тамъ имѣются, бываютъ несравненно летучѣе, подвижнѣе, неустойчивѣе. Наконецъ если пару обоихъ внутреннихъ классовъ противопоставимъ цѣликомъ парѣ обоихъ внѣшнихъ, то и тутъ получимъ ту же самую противоположность, какую получили между ихъ членами. Т. е. оба внутренніе класса окажутся несравненно подвижнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ оба внѣшніе. Одинъ изъ нихъ, средній, подвижнѣе высшаго и низшаго потому что не такъ исключительно запруженъ тѣми или другими специфическими матеріалами этихъ классовъ, т. е. правами одного или нравами другого. Высшій классъ слишкомъ привыкаетъ къ практикѣ правъ, низшій слишкомъ сживается съ практикою обязанностей, средній же не имѣетъ невыгоды ни той, ни другой неподвижности: у него всегда правъ болѣе или менѣе столько же какъ и обязанностей, и всегда тѣ и другія не такъ постоянны и неизмѣнны какъ тамъ. Равно и въ отношеніи нравовъ онъ помѣщенъ выгоднѣе. Низшій классъ не уступаетъ и предъ обычаями или преданіями, не только передъ правами, высшій легко уступаетъ обычаи и настаиваетъ только на нравахъ, средній же не дорожитъ особенно ни тѣмъ, ни другимъ, потому что неуспѣваетъ обыкновенно не только слишкомъ закрѣпить ихъ за собою, но иногда даже и выработать вполнѣ. Съ своей стороны интеллигенція, очевидно, еще подвижнѣе въ сравненіи съ внѣшними классами, и просто уже потому что ея специфическій политическій матеріалъ превосходитъ по своей подвижности всякое сравненіе. А между тѣмъ если даже и въ среднемъ классѣ его права и нравы мало успѣваютъ отверждать его идеи, то что же сказать объ этомъ, гдѣ всѣ права и всѣ его нравы разбавлены несравнено большею дозою идей. И такъ общій выводъ будетъ тотъ, что изъ всѣхъ классовъ подвижнѣе или прогрессивнѣе интелли-

генція, за тѣмъ средній классъ, за нимъ высшій и наконецъ низшій.

Остается третій и послѣдній вопросъ размѣщенія: когда?, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній вопросъ политики; потому что дальнѣйшій и полный отвѣтъ на него есть дальнѣйшая и особая наука, а именно исторія политическая. Тѣмъ не менѣе, на сколько этотъ динамическій вопросъ можетъ имѣть статическаго свойства, на столько умѣстенъ отвѣтъ на него и въ политикѣ. Вопросъ: когда? есть по преимуществу вопросъ времени, вопросъ, слѣдовательно, движенія, а не состоянія; но тѣмъ не менѣе въ вопросѣ этомъ заключается и вопросъ скорости, вопросъ, слѣдовательно, состоянія, не только движенія. Другими словами, на вопросъ этотъ у общества есть два отвѣта: одинъ — его движеніе поступательное, движеніе вокругъ посторонняго центра, другой — его движеніе вращательное, движеніе вокругъ самаго себя. Первое есть предметъ и содержаніе исторіи, второе — предметъ и содержаніе политики, какъ мы видѣли это въ теченіе всей настоящей книги. А такъ какъ о движеніи общества вращательномъ, вокругъ самаго себя, также можно спрашивать: когда? и такъ какъ это будетъ значить въ такомъ случаѣ: въ какой промежутокъ времени, съ какою скоростью? то отвѣтъ политики и долженъ быть отвѣтомъ о *скорости* вращательнаго движенія общества. Другими словами, рѣшенію здѣсь подлежитъ вопросъ о времени полнаго оборота общества вокругъ себя, т. е. отъ впервые высказанной идеи вплоть до обращенія ея въ преданіе, и отъ обращенія ее въ преданіе въ меньшинствѣ до обращенія въ преданіе въ большинствѣ. Чиселъ въ этомъ отвѣтѣ и цифръ годовъ и мѣсяцевъ дать здѣсь, конечно, будетъ невозможно; но возможно будетъ сдѣлать нѣкоторыя приблизительныя опредѣленія. Такъ, напримѣръ, прежде всего и вѣрнѣе всего можно дать такое опредѣленіе, что скорость эта обратно пропорціональна массамъ, приводимымъ въ движеніе. Этимъ за одинъ разъ разрѣшаются тысячи частныхъ случаевъ. Человѣчество, напримѣръ, какъ самое колоссальное общество,

дѣлаетъ этотъ оборотъ медленнѣе всѣхъ другихъ. Есть у него тысячи идей, которыя, будучи высказаны еще въ древности, не обратились въ нравы и до сихъ поръ, даже въ избранномъ меньшинствѣ человѣчества, какъ напримѣръ идея упраздненія войны, идея равенства имуществъ, идея летающаго человѣка, всѣ идеи нравственныхъ заповѣдей и т. п. Высказанныя еще устами амфиктіоній, Платоновъ, Икаровъ, Дедаловъ, Мойсеевъ и повторяемые съ тѣхъ поръ періодически устами Генриховъ IV, Томасовъ Муровъ, Монгольфьеровъ и всѣхъ философовъ и моралистовъ, — онѣ и до нынѣ все таки остаются тѣми же pia desideria, какими были вначалѣ. А сколько же тѣхъ идей, которыя, обратясь уже въ факты въ меньшинствѣ человѣчества, остаются еще неизвѣстны, даже какъ идеи, большинству его! Есть напримѣръ идеи, которыя, появившись съ самымъ началомъ исторіи и успѣвши уже обратиться не только у аристократіи, но даже у самой демократіи человѣчества въ азбуку, въ рутину, во вторую природу общества, какъ напримѣръ идея осѣдлой жизни, до сихъ поръ все еще не протѣснились до самаго дна его, до самыхъ низшихъ слоевъ демократическаго человѣчества. И такъ человѣчество несовершило до сихъ поръ и одного перваго полнаго оборота своего. И сколько же нужно вѣковъ и тысячелѣтій для того, чтобы всѣ тѣ идеи, которыя открыты уже до сихъ поръ, и которыя мы, европейцы, успѣли уже претворить въ нравы, достигли бы до того же у послѣдняго жителя Африки, Отаити и Новой-Зеландіи! Сколько нужно времени для того, чтобы все человѣчество совершило хотя всѣ тѣ обороты, какія совершены уже Европой!... Менѣе медленно вращеніе вокругъ себя государствъ. Нѣкоторыя изъ нихъ совершили уже всѣ свои обороты и окончили все свое движеніе. Но и здѣсь законъ остается тотъ же, потому что большое государство труднѣе и медленнѣе оборачивается чѣмъ малое. Въ маленькихъ греческихъ государствахъ вращеніе это происходило чрезвычайно быстро, между тѣмъ какъ въ такомъ какъ римская имперія оно совершалось необыкновенно туго. Вслѣдствіе

этого маленькія государства развиваются необыкновенно скоро, но за то и скоро отцвѣтаютъ; большія же развиваются туго и медленно, но за то и падаютъ труднѣе. То же самое въ одномъ и томъ же государствѣ. Меньшинства ихъ, или, по нынѣшнему синониму, аристократіи, вращаются гораздо быстрѣе чѣмъ большинства, или, по нынѣшнему, демократіи. Меньшинство успѣваетъ сдѣлать десять, двадцать оборотовъ, пока большинство успѣетъ совершить одинъ изъ своихъ тяжелыхъ шаговъ. Но за то меньшинство скорѣе также и отживаетъ, чѣмъ отживаетъ большинство. И отживаетъ оно именно вслѣдствіе этой разницы въ движеніи. Если оно и успѣваетъ сдѣлать десять и двадцать своихъ оборотовъ прежде одного оборота большинства, то современемъ наступаетъ таки пора, когда одинадцатаго или двадцать перваго оборота оно, по закону сопротивленія среды, уже не въ состояніи совершить, пока несовершится соотвѣтственный оборотъ большинства. И все время пока не истекъ этотъ послѣдній, меньшинство принуждено бываетъ и само ждать, принуждено стоять безъ движенія. А когда онъ истечетъ, тогда часто бываетъ уже поздно возобновлять движеніе. Словомъ, и въ этомъ отношеніи средина между обоими противоположностями есть самое выгодное общественное положеніе. Потому-то государства съ-поконъ вѣка инстинктивно стремятся къ большей или меньшей федеративности; онѣ стремятся къ этому идеалу, начиная съ Китая и Индіи, продолжая амфиктіоніями и феодализмомъ и оканчивая Швейцаріею и Соединенными Штатами. И такимъ-то путемъ каждая изъ этихъ попытокъ старалась съ большей или меньшей удачей совмѣстить всѣ выгоды малаго государства съ выгодами большого. Потому-то также и каждая пара аристократій и демократій съ-поконъ вѣка имѣла наклонность къ выдѣленію изъ себя большаго или меньшаго средняго класса: одна — отпуская нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ внизъ, другая—высылая нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ вверхъ. Въ среднемъ классѣ идеи дѣйствительно скорѣе обращаются въ нравы чѣмъ въ

меньшинствѣ; а между тѣмъ и вырождается этотъ классъ дѣйствительно позже, чѣмъ меньшинство, хотя и не позже чѣмъ большинство. А то, что до сихъ поръ относили мы только къ чисто-политическому обращенію идей въ нравы, къ полному обороту всякой инкорпораціи или экскорпораціи, то относится также и къ каждому обороту соціологическому — отъ акцій къ реакціямъ, и къ каждому біологическому обороту — отъ прогресса къ регрессу, и вообще ко всему обороту отъ жизни къ смерти. Т. е. во всѣхъ этихъ случаяхъ полное обращеніе вокругъ себя тѣмъ медленнѣе, чѣмъ тѣло больше, и тѣмъ быстрѣе чѣмъ оно меньше. Акціи и реакціи въ маленькомъ обществѣ чревычайно кратковременны и быстро смѣняютъ другъ друга; въ большихъ государствахъ онѣ уже гораздо продолжительнѣе; а въ человѣчествѣ тянутся иногда по цѣлымъ тысячелѣтіямъ какъ напримѣръ тысячелѣтняя средневѣковая реакція, помѣщенная между такими двумя акціями какъ классическая и ново-европейская. Равнымъ образомъ прогрессъ и регрессъ небольшихъ обществъ, и наконецъ вообще жизнь ихъ бываетъ, очевидно, кратковременнѣе чѣмъ прогрессъ, регрессъ и жизнь большихъ, каковы, напримѣръ, Китай, Индія, Римъ, Византія въ сравненіи съ Іудеей, Карѳагеномъ, Венеціей. А послѣднюю степень продолжительности представляетъ собою, конечно, прогрессъ, регрессъ и вообще жизнь человѣчества.

Остается отвѣтить на тѣ же три вопроса: гдѣ, какъ и когда? по отношенію къ усвоенію политическихъ благъ. Процессъ усвоенія сотканъ изъ тѣхъ же трехъ тканей, какъ и все въ политикѣ, т. е. изъ усвоенія теоретическаго, эстетическаго и практическаго; но порядокъ и взаимное расположеніе этихъ трехъ усвоеній опять своеобразны. Что касается вопроса, гдѣ происходитъ по преимуществу политическое усвоеніе, то отвѣтъ несомнѣненъ: въ новыхъ поколѣніяхъ. Что касается вопроса когда, то отвѣтъ также ясенъ: въ первой половинѣ ихъ жизни и дѣятельности. А что касается вопроса какъ, то здѣсь-то и является своеобразность процесса. А именно: прежде всего усвоиваются молодымъ поко-

лѣніемъ нравы, обычаи и преданія, созданныя окружающимъ обществомъ. Дѣтство страстно любитъ сказки, инстинктивно подражаетъ и перенимаетъ, неотразимо подчиняется примѣрамъ. Никакія заповѣди, наставленія и поученія ничего здѣсь не значатъ, и все здѣсь значитъ одинъ примѣръ. Словомъ, *воспитаніе*, и, еще тѣснѣе, воспитаніе домашнее, семейное, — вотъ первый подпроцессъ усвоенія. Онъ, какъ оказывается, есть чисто-практическій. Другой, слѣдующій подпроцессъ усвоенія есть *образованіе*, т. е. усвоеніе окружающихъ идей, идеаловъ и проэктовъ. Это — занятіе юности, и дѣло по преимуществу школы. Ничто такъ не страстно къ идеямъ, идеаламъ и проэктамъ, какъ юность. Такимъ образомъ во слѣдъ за практической тканью процесса идетъ здѣсь не эстетическая, а непосредственно теоретическая. И только наконецъ, съ окончаніемъ образованія, наступаетъ *опытъ*, періодъ усвоенія правъ, справедливостей, правдъ, періодъ эстетическій. Когда наступаетъ эпоха образованія, нравы обыкновенно уже готовы; когда наступаетъ эпоха опыта, готовы обыкновенно идеи. И если послѣдующая жизнь можетъ что либо къ тому и другому прибавить, то развѣ въ качествѣ творчества, но не въ качествѣ уже усвоенія, навыка, привычки, и, слѣдовательно, въ качествѣ болѣе или менѣе безсильныхъ попытокъ, но не твердыхъ нравовъ или животворныхъ идей. Попытки эти составляютъ задатокъ только слѣдующаго поколѣнія, гдѣ онѣ могутъ входить безъ борьбы съ старой закваскою, прививаться какъ первое впечатлѣніе жизни, и потому слагать дѣйствительную натуру человѣка. Этой вѣчной передачею помысловъ предъидущаго поколѣнія въ нравы послѣдующаго и совершается вѣчный процессъ усвоенія. А вѣчнымъ послѣдствіемъ этой передачи думъ стараго поколѣнія въ инстинкты новаго бываетъ то, что нѣтъ болѣе подвижнаго общественнаго подкласса, какъ интеллигентная юность или юная интеллигенція. Отсюда повсюдная роль студентовъ.

Вотъ три тройные отвѣта на три тройные вопроса. Когда сравнимъ мы ихъ между собою, и станемъ дѣлать изъ нихъ

практическіе выводы, то у насъ можетъ возникнуть одно сомнѣніе, предупрежденіе котораго и составитъ послѣднее слово нашего трактата. По отвѣту на вопросъ: гдѣ? выходитъ, что самый летучій матеріалъ политики, идеи, помѣщается въ меньшинствѣ общества, и притомъ въ наибольшемъ своемъ количествѣ. По отвѣту на вопросъ: какъ? оказывается, что тамъ же, въ томъ же меньшинствѣ, не только идеи, по ихъ собственному свойству, но также и права, и нравы, по свойству ихъ мѣстопребыванія, имѣютъ также наибольшую подвижность въ сравненіи со всѣми другими правами и правами. Наконецъ по отвѣту на вопросъ: когда? обнаруживается, что тамъ же, т. е. въ томъ же меньшинствѣ, и самое обращеніе вокругъ себя имѣетъ наибольшую скорость. Словомъ, все сошлось къ тому, чтобы меньшинству сообщить такую способность къ движенію и такую стремительность, что оно всегда имѣетъ наклонность оторваться отъ большинства, какъ несовмѣстимаго съ нимъ. Напротивъ, по тѣмъ же отвѣтамъ на тѣ же вопросы, слѣдуетъ, что большинство, въ свою очередь, будучи переполнено самымъ инертнымъ политическимъ матеріаломъ, въ самомъ большомъ количествѣ его, и обращаясь необыкновенно туго, всегда расположено съ величайшей легкостью отпустить отъ себя меньшинство и дать ему завертѣться вихремъ, а самому остановиться и окостенѣть окончательно. Между тѣмъ ни въ одномъ обществѣ и ни одного раза такого разрыва въ исторіи не случалось, какъ бы онъ ни казался естественнымъ; ни однажды меньшинство не выдѣлялось изъ своего большинства, ни однажды не составляло особаго изъ себя общества, и никогда не уносилось крайнимъ вихремъ прогресса. Также точно и большинство никогда не отставало отъ меньшинства окончательно, никогда не образовывалось въ особое цѣлое, никогда не окостенѣвало, пока хотя малѣйшая жизнь оставалась во всемъ тѣлѣ. Чѣмъ же объясняется это кажущееся противорѣчіе фактовъ съ теоріей? Объясняется оно противодѣйствіемъ со стороны средняго и повсемѣстнаго классовъ. Если взаимное стремленіе большинства и меньшинства есть

разорваться, то тенденція средняго класса и интеллигенціи есть совокупность ихъ. Каждый изъ этихъ двухъ классовъ дѣйствуетъ при этомъ своимъ особеннымъ путемъ. Средній классъ, будучи послѣдствіемъ постояннаго тренія между большинствомъ и меньшинствомъ и составляя, такъ сказать, опилки того и другаго, образуетъ между двумя этими противоположностями посредствующую спайку, которая, съ одной стороны, сообщаетъ движеніе отъ меньшинства къ большинству, а съ другой сообщаетъ инертность отъ большинства къ меньшинству, и тѣмъ уравновѣшиваетъ оба, служитъ для нихъ регуляторомъ и не позволяетъ имъ разорваться. А такъ какъ чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ этихъ опилковъ накопляется больше, то и вліяніе ихъ по мѣрѣ того становится дѣйствительнѣе. Въ свою очередь интеллигенція содѣйствуетъ тому же результату другимъ путемъ. Набираясь изъ всѣхъ трехъ классовъ, и большого, и малаго, и средняго, и совокупляясь не въ одномъ мѣстѣ, какъ средній классъ, а разсыпаясь по всему обществу, она служитъ новымъ его цементомъ, который поддерживаетъ въ немъ сцѣпленіе въ видѣ лигатуры, а не въ видѣ простой спайки. А такъ какъ лигатура эта съ теченіемъ времени также увеличивается какъ и спайка, то и связь большинства съ меньшинствомъ дѣлается все прочнѣе и прочнѣе. — Съ другой стороны между интеллигенціей, а тѣмъ болѣе молодою, и среднимъ классомъ, а тѣмъ болѣе пожилымъ, существуетъ такая же самая полярность, такое же самое стремленіе разорваться; а между тѣмъ разрыва и между ними не происходитъ. Отчего же это? Ихъ въ свою очередь связываетъ между собою большинство и меньшинство, т. е. связываетъ одинаковая принадлежность къ противоположнымъ классамъ, такъ что принадлежность эта образуетъ полное совпаденіе между центромъ интеллигенціи и среднимъ классомъ. Расходясь до крайности вверху и внизу пирамиды, они до крайности сходятся въ серединѣ; расходясь въ молодомъ и старомъ поколѣніи, они совершенно совпадаютъ въ зрѣломъ. Сверхъ того, въ довершеніе совершенства

такого устройства оказывается, что оба перекрестные способа связыванія уравновѣшиваютъ и другъ друга взаимно. Способъ меньшинства волей-неволей связываетъ общество въ духѣ интеллигенціи, въ духѣ подвижности, а способъ большинства—въ духѣ средняго класса, въ духѣ устойчивости. Способъ средняго класса связываетъ, сравнительно съ способомъ интеллигенціи, въ духѣ и характерѣ большинства, въ духѣ инертности; способъ повсемѣстнаго класса связываетъ, сравнительно съ способомъ средняго, въ духѣ и характерѣ меньшинства, въ духѣ подвижности. Отсюда хотя постоянно увеличивается уравновѣшеніе двухъ движеній, но постоянно увеличивается также и поддерживаніе обоихъ. А потому крайній идеалъ и единственно возможный исходъ всѣхъ такихъ стимуловъ есть, съ одной стороны, полное равновѣсіе обоихъ крайнихъ классовъ, вслѣдствіе превращенія ихъ обоихъ въ одинъ средній, а съ другой, продолжающееся тѣмъ не менѣе движеніе всѣхъ, вслѣдствіе обращенія всего человѣческаго общества въ интеллигенцію. И только тогда, когда запасы этой послѣдней истощатся, когда возникновеніе новыхъ идей станетъ невозможно, тогда невозможнымъ станетъ и движеніе, наступитъ покой, застой *).

---

*) Обратное положеніе теоретичности и практичности въ гражданствѣ, сравнительно съ положеніемъ ихъ въ интеллигенціи и въ правительствѣ, при такомъ же обратномъ положеніи сѣраго и бѣлаго вещества мозга въ продолговатомъ и въ спинномъ мозгу, въ сравненіи съ положеніемъ ихъ въ большомъ и маломъ мозгѣ, опять наводитъ на тоже предположеніе, какое высказано въ предыдущей цитатѣ, и еще болѣе подкрѣпляетъ его. Сѣрое вещество представляетъ, повидимому, дѣйствительно теоретическій элементъ мозга, а бѣлое дѣйствительно практическій элементъ его.—Вотъ тѣ пути, какими политика можетъ сообщать то иниціативу, то подкрѣпленіе для физіологіи.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Политическая

діагностика и прогностика

Россіи.

Оберегая до сихъ поръ пройденную нами теорію отъ всѣхъ уклоненій отъ теоріи, ограждая до сихъ поръ науку отъ вопросовъ искуства, мы избѣжали той осложненности и запутанности, отъ которыхъ до сихъ поръ не можетъ освободиться экономія, и, если не достигли этимъ ничего больше, то сохранили, по крайней мѣрѣ, точность и ясность представленій. Благодаря этой ясности, исчезаетъ, по крайней мѣрѣ, та неуловимость доктрины, вслѣдствіе которой невозможно бываетъ ни спорить съ нею, ни соглашаться, ни удовлетворительно опровергать, ни удовлетворительно поддерживать ее примѣненіемъ къ дѣлу. Оставляя первый изъ этихъ двухъ способовъ повѣрки читателю, мы возьмемъ для себя, конечно, второй, и теорію попробуемъ подкрѣпить еще практикой, науку политики дополнить политическимъ искуствомъ. Искуство же въ этомъ случаѣ должно состоять въ распознаваніи и предпознаваніи, по данной политической теоріи, данныхъ политическихъ фактовъ. А за такіе данные факты я не могу избрать никакихъ иныхъ, какъ только факты текущей политики моего отечества, потому что только здѣсь, больше чѣмъ гдѣ нибудь, я могу содѣйствовать дѣлу самосознанія общественнаго, этого вѣнца всякой общественной науки. Присту-

пая къ этой задачѣ, я только въ помощь ей не отказываюсь призывать во свидѣтельство другія политики и другія общества, при чемъ, чтобъ не расплываться въ многочисленности и въ дробности сравненій, я ограничу этихъ свидѣтелей двумя крупнѣйшими: романскимъ обществомъ и германскимъ обществомъ современной Европы. Америка изъ этого сравненія должна быть исключена, потому что она есть страна будущаго, а не настоящаго, первое звѣно новаго, а не послѣднее стараго міра, колыбель совершенно иной системы обществъ, такая же, какою была Германія, когда Фабій Пикторъ писалъ свою первую исторію Рима. Придетъ время, когда нашъ будущій Тацитъ принужденъ будетъ ввести въ свое сравненіе Америку, а не Европу; но до тѣхъ поръ русскій историкъ можетъ еще долго оглядываться только назадъ, а не напередъ.

Прежде всего мы отдадимъ себѣ отчетъ въ строеніи русскаго общества сравнительно съ двумя другими. Этого требуетъ не только порядокъ, но и самая важность предмета, потому что строеніе предрѣшаетъ собою всю жизнь.

Начнемъ съ пирамидальнаго. Отношеніе нашего меньшинства къ большинству не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ такими же отношеніями на западѣ. Когды мы говоримъ: на западѣ, то это значитъ обыкновенно: въ германскомъ или романскомъ племени. Не всегда, однакожъ, наша единица сравненія представляется въ самомъ чистомъ своемъ видѣ въ этихъ двухъ племенахъ. Есть по срединѣ между ними одно, смѣшанное изъ обоихъ, и смѣшанное не только такъ, что обѣ противоположности нейтрализировались въ немъ, но иногда и такъ, что противоположности эти достигли здѣсь своего апогея. Это — Англія. Англія во всѣхъ отношеніяхъ середина между романцами и германцами: середина — географически, середина — этнографически, середина — лингвистически, середина — въ религіозномъ отношеніи. Но между тѣмъ какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ она середина потому, что

обѣ крайности примиряетъ, изъ обѣихъ дѣлаетъ смѣсь, дѣлаетъ нѣчто третье, гдѣ обѣ противоположности стираются другъ о друга, — въ другихъ отношеніяхъ она середина потому, что обѣ противоположности развиваетъ дальше, чѣмъ онѣ были развиты въ отечествахъ своихъ: таковы, напримѣръ, германское понятіе личности и романскій феодализмъ. Благодаря этимъ двумъ способамъ амальгамированія, Англія есть сама Европа; она есть фокусъ всего европейскаго запада, такъ что для краткости всегда можно обойтись одной Англіей каждый разъ, какъ изслѣдователю нужна вся западная Европа. Стараясь обойтись ею и въ настоящемъ случаѣ, мы будемъ на этотъ разъ имѣть дѣло съ ея феодализмомъ. Классическая страна феодализма, говорятъ, есть Франція, а не Англія; и оно дѣйствительно такъ, когда рѣчь идетъ о феодализмѣ въ тѣсномъ смыслѣ, о средневѣковомъ феодализмѣ. Но когда вопросомъ становится феодальный режимъ, т. е. вообще аристократическій принципъ, тогда Англія перещеголяетъ, конечно, всякую Францію, и донесетъ этотъ режимъ и этотъ принципъ, въ гораздо большей чистотѣ, чѣмъ въ самомъ отечествѣ его, и до нашихъ дней. А потому когда вопросъ идетъ объ отношеніи меньшинства и большинства, и когда востокъ Европы нуждается въ единицѣ сравненія на западѣ, то лучшей единицы какъ Англія онъ не найдетъ. А что же мы увидимъ тамъ въ этомъ отношеніи? Мы увидимъ чрезвычайное для насъ явленіе, состоящее въ томъ, что вся территорія государства, вся почва страны принадлежитъ 239.000 лицъ изъ числа обитающихъ на ней 29.000.000. Всѣ остальные 28.761.000 человѣкъ не владѣютъ ни однимъ акромъ той земли, на которой живутъ; всѣ они въ гостяхъ у аристократіи, и никто не у себя дома. Мало того, даже изъ этихъ двухсотъ тысячъ землевладѣльцевъ число крупныхъ не болѣе 2.000 фамилій, да и такихъ, у которыхъ болѣе 100 десятинъ, всего только 33.000, но за то въ распоряженіи ихъ находится половина всей территоріи. Отсюда легко становится понятна вся власть и все соціальное значеніе

англійскаго меньшинства и все соціальное ничтожество и безвластіе англійскаго большинства. Отсюда понятенъ становится весь аристократическій строй общества во всѣхъ его малѣйшихъ складкахъ. Совершенно иное представляется глазамъ нашимъ въ Россіи. У насъ землевладѣльцевъ 55.000.000, т. е. большая половина населенія. И если крестьяне помѣщичьи ($23^1/_2$ м.) сдѣлались землевладѣльцами de jure недавно, то во первыхъ они были ими отчасти de facto (оброчные), а во вторыхъ крестьяне государственные (27 мил.) были всегда землевладѣльцами и de jure, и наконецъ вполнѣ землевладѣльцами-собственниками были 908.729 крестьянъ подъ разными наименованіями. И наоборотъ людей вовсе безземельныхъ, т. е. того что на западѣ составляетъ преобладающій фактъ, у насъ гораздо меньшій процентъ: личные дворяне и чиновники (200.000), почетные граждане и купцы (400 или 500.000), мѣщане съ цѣховыми (5.000.000), разночинцы (4.500.000) и военные (4.500.000), всего 14.500.000; потому что даже сельское духовенство (700.000 или 600.000) обыкновенно надѣлено землями. Что же касается пропорцій владѣемой почвы, то изъ числа 339.796.000 десятинъ, составляющихъ территорію европейской Россіи, во владѣніи помѣщиковъ, т. е. въ частной собственности, никогда не было больше 104.777.000 десятинъ, т. е. менѣе одной трети; остальныя же $^2/_3$ принадлежали или государственнымъ крестьянамъ, а именно 121.974.000, или государству, именно 101.582.000. Нынѣ же, когда и изъ пропорціи помѣщичьей земли значительная часть, а именно 13.423.087 десятинъ, отошли въ число мелкой собственности, теперь въ рукахъ этой собственности находится бо́льшая часть территоріи чѣмъ у крупныхъ собственниковъ и большая, чѣмъ у государства. Нужно ли послѣ этого дѣлать выводъ, какую именно противоположность аристократическому западу представляетъ востокъ нашъ?.... Но сравнительно демократическій строй его остается демократическимъ въ сравненіи и не съ одною только Англіею. Если во Франціи и Германіи есть мелкіе поземель-

ные собственники, то процентъ ихъ въ отношеніи крупныхъ и въ отношеніи пролетаріевъ совсѣмъ не тотъ, что у насъ. Въ Пруссіи, напримѣръ, на $18^1/_2$ милл. населенія (1861 г. 3 дек.) причиталось поземельныхъ собственниковъ 2.141.730. И такъ собственники относятся къ несобственникамъ какъ 1 : 9. Изъ числа этихъ собственниковъ мелкіе, т. е. владѣющіе не болѣе какъ 5-ью моргами (0,2 десятины), простирались до 1.099.333, средніе, владѣющіе отъ 5 до 600 морговъ, составляли 1.024.095, крупные, владѣющіе болѣе чѣмъ 600 морговъ, ограничивались 18.302. Еще лучше замѣтно это отношеніе въ пропорціи владѣемыхъ земель. Земли, принадлежащей мелкимъ собственникамъ, считается 2.227.812 моргеновъ, подъ средней собственностью — 50.394.990, подъ крупною — 41.117.312. Т. е. вся территорія или всѣ 93.740.144 моргена распредѣлены между 2.141.730 собственниками такъ, что крупнымъ принадлежитъ 40 частей территоріи, среднимъ 50, а мелкимъ 2 части. Во Франціи (1861 года) при населеніи 37.382.255, всѣхъ собственниковъ поземельныхъ было отъ 7 до 8.000.000; самихъ же главъ землевладѣльческихъ семействъ французы считали не болѣе 2.000.000, а изъ числа ихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, т. е. имѣвшихъ болѣе 50 гектаровъ, было всего 25.000 человѣкъ. Въ свою очередь изъ 42 м. гектаровъ (0,915 десятины), представляющихъ всю территорію французскую, крупнымъ собственникамъ принадлежало $6^1/_2$ милліоновъ, среднимъ $25^1/_2$ милліоновъ, и мелкимъ 10 милліоновъ. Т. е. во Франціи отношеніе это гораздо выгоднѣе для мелкой собственности, чѣмъ въ Пруссіи и Англіи, но все-таки далеко не то, что въ Россіи. Еще же точнѣе извѣстно слѣдующее французское отношеніе: на каждыхъ 10.000 земледѣльцевъ приходится собственниковъ 3518, фермеровъ — 1272, мызниковъ—694 и батраковъ 4516, т. е. послѣднихъ почти половина всѣхъ, занимающихся земледѣліемъ. И такъ съ точки зрѣнія относительной численности (1 мил. дворянства) и относительной значительности двухъ внѣшнихъ классовъ выводъ нашъ остается внѣ всякаго сомнѣнія. Гдѣ меньшинство больше, тамъ,

слѣдовательно, и самая физическая сила страны сконцентрирована меньше. Гдѣ большинство богаче, тамъ, слѣдовательно, и сила богатства децентрализована больше. А гдѣ такіе два рычага, какъ сила и богатство, распредѣлены ровнѣе, тамъ имѣется самый необманчивый залогъ того, что на столько же ровнѣе можетъ и должно распредѣлиться знаніе, а за тѣмъ, слѣдовательно, и самая власть.— Посмотримъ теперь, что обѣщаетъ остальное устройство нашей пирамиды, устройство въ ней классовъ внутреннихъ, и не противодѣйствуетъ ли оно такому послѣдствію устройства двухъ внѣшнихъ. Ядро средняго сословія суть люди, живущіе или могущіе жить процентомъ съ капитала, какъ высшее живетъ или можетъ жить рентою, а низшее трудомъ. И такъ каково же у насъ ядро этого сословія? Это, конечно, не личные дворяне и чиновники, и не мѣщане также: остаются, слѣдовательно, купцы и такъ называемые почетные граждане. Вотъ наша буржуазія. Это всего, значитъ, 400.000 или 500.000 индивидумовъ на 80 милліоновъ! тогда какъ западныя страны запружены этимъ народомъ, и тогда какъ въ одной Франціи торговлей и кредитомъ живутъ 1.732.430 человѣкъ. Довольно было бы, поэтому, и одного числа, для того чтобы разница строенія вышла наружу; а между тѣмъ есть нѣчто, дѣлающее эту разницу еще важнѣе: это — различіе между нашей крупной и нашей мелкой буржуазіею. Какъ, къ сожалѣнію, ни слаба здѣсь наша слабая статистика, но фактъ, къ счастію, на столько ясенъ, что даетъ, кажется, возможность обойтись и однимъ глазомѣромъ. Фактъ въ томъ, что наши банкиры, наши откупщики, наши желѣзнодорожные предприниматели, наши получатели привиллегій на изобрѣтенія и даже наши заграничные коммерсанты суть почти безъ исключеній не русскіе люди; это — нѣмцы, евреи, французы, англичане. Довольно пройтись по улицамъ нашей столицы, довольно обозрѣть вывѣски всѣхъ лучшихъ торговыхъ домовъ, для того чтобы знать, кто такой наша высшая буржуазія. Довольно прослѣдить лѣтомъ за буржуазіей, разъѣзжающейся на лучшія дачи, для

того чтобы почувствовать себя опять не въ Россіи. А съ богатствомъ точно также распредѣлено въ буржуазіи нашей и знаніе: нѣтъ сомнѣнія, что если есть у насъ образованная буржуазія, то это только иностранная, а не русская. За тѣмъ на долю собственной нашей, чисто-кровной русской торговли достался только мелочной торгъ и мелочное знаніе, не далеко ушедшее отъ одной грамотности для веденія счетовъ. Какое же послѣдствіе такого устройства нашего средняго класса? Послѣдствіе это чрезвычайно важно. Тотъ слой этого класса, которымъ буржуазія примыкаетъ къ аристократіи, и который наиболѣе созидаетъ буржуазный характеръ и передаетъ его внизъ, у насъ оказывается равно отрѣзаннымъ и отъ аристократіи, и отъ мелкой буржуазіи. О немъ нельзя сказать, какъ вездѣ на западѣ, чтобъ онъ пополнялся отчасти сверху, а отчасти снизу: онъ пополняется весь со стороны. Онъ не связанъ такимъ образомъ органически ни съ нашей аристократіей, ни съ нашей буржуазіей; онъ остается чуждымъ для нашихъ сердечныхъ отечественныхъ интересовъ; онъ живетъ одной коммерческой, а не политической жизнью въ нашемъ тѣлѣ, и можетъ, слѣдовательно, вносить въ него только тѣ или другіе торговые, а не тѣ или другіе политическіе интересы. Выдернуть изъ нашего общественнаго тѣла этотъ полипъ невозможно: онъ занялъ слишкомъ важное мѣсто, такъ что операція грозила бы сильными опасностями; оставляя же его на мѣстѣ, надо отказаться на всегда отъ созданія у насъ того, что называется буржуазными интерессами и буржуазной политикой въ европейскомъ смыслѣ слова. Другая половина буржуазіи дополняетъ картину и довершаетъ положительность вывода. Отрѣзанная непроницаемой нѣмецкой и еврейской стѣною отъ аристократіи, мелкая буржуазія наша тѣмъ тѣснѣе только могла и должна была примкнуть къ своей демократіи: чуждая даже верхнему слою своего собственнаго сословія, она только тѣмъ роднѣе должна была оставаться съ низшимъ сословіемъ. И кому же неизвѣстно, до какой степени родство это дѣйствительно сохранено. Кто не знаетъ его изъ жизни,

тотъ пусть только посмотритъ его на сценѣ у Островскаго. Т. е. какъ только мы окунулись въ дѣйствительную русскую буржуазію, мы тотчасъ же чувствуемъ себя среди нашей демократіи. Другими словами, европейская буржуазія болѣе аристократична, русская же — болѣе демократична. Да оно иначе и быть немогло. Тамъ буржуазность слагалась изъ ровной помѣси аристократизма съ демократизмомъ, и не только помѣси политической и экономической, но также физіологической; здѣсь же послѣдней не было никогда и нѣтъ, а въ первыхъ двухъ преобладали и преобладаютъ ингредіенты демократическіе, а не аристократическіе, а именно трудъ, а не капиталъ и не собственность, равно также опытъ, а не знаніе и не дарованіе. Отсюда тамъ у буржуазіи и власть, здѣсь же ничего подобнаго этой власти. Впрочемъ, славянскія общества не только въ Россіи, но вездѣ отличались всегда своимъ неумѣньемъ образовать изъ себя средній классъ въ европейскомъ смыслѣ слова. Польша не отстала въ этомъ отношеніи отъ прочихъ славянъ. И только исключительное и долговременное вліяніе всей окружающей среды, и среды буржуазной по превосходству, могло породить этотъ закалъ въ чешскомъ обществѣ. Славянинъ же вообще и русскій человѣкъ въ особенности напрасно сталъ бы отыскивать въ себѣ эту складку: онъ скорѣе найдетъ въ себѣ симпатію къ аристократизму, чѣмъ какое бы то ни было предрасположеніе къ буржуазности. Отсюда его любовь къ французу и антипатія къ нѣмцу. И каждый разъ, когда русскій умъ выходитъ на середину между двухъ классовъ, онъ не можетъ простоять здѣсь безъ того чтобъ не перевалиться на ту или на другую половину. Словомъ, сложеніе средняго класса нашего не только не таково, чтобы противодѣйствовать прежнему нашему выводу, но напротивъ таково, что всѣми силами ему содѣйствуетъ. Устройство нашей интеллигенціи имѣетъ поразительное сходство съ устройствомъ буржуазіи. Въ ней также мало у насъ прилива изъ аристократіи, и, вмѣсто того, въ ней также есть обильный приливъ изъ нѣмцевъ. Какъ младшіе сыновья нашихъ

князей и графовъ никогда не опускались въ буржуазію, такъ наши лорды и наши банкиры никогда не разрѣшались въ теоретическую интеллигенцію. А съ другой стороны какъ наши биржевые тузы никогда не могли руководиться иною политикою, какъ только торговою, такъ наши академическія свѣтила никогда не могли вдохновляться иною наукою какъ только схоластическою. Какъ въ торговой такъ и въ ученой іерархіи нѣмецкій элементъ занялъ только верхніе слои: одинъ — биржу, другой — академію и отчасти университетскую каѳедру. Какъ въ биржѣ, такъ и въ академіи элементъ этотъ остался чуждымъ для самыхъ живыхъ и кровныхъ русскихъ интересовъ: чѣмъ мертвѣе изслѣдованіе, чѣмъ отдаленнѣе оно отъ приложимости къ жизни, тѣмъ для этого полипа лучше, потому что тѣмъ больше соковъ остается для него, и тѣмъ меньше остается ихъ для тѣла. Нѣмецкая ученость и у себя дома, среди родной своей жизни, никогда не отличалась ни англійской, ни французской жизненностью; можно представить себѣ, чѣмъ же должна она была сдѣлаться на чужбинѣ, среди еще болѣе отдаленной отъ нея жизни и дѣйствительности. Будучи такимъ образомъ не въ состояніи сдѣлаться посредницею между наукою и жизнью, академическая интеллигенція наша совершенно уединила себя отъ общества, разобщилась съ нимъ. Но, не захотѣвши знать общества, она окончила тѣмъ, что и общество знать ее не хочетъ. Нигдѣ академическое кресло не составляетъ такъ мало предмета зависти какъ у насъ, и если составляетъ предметъ исканій, то скорѣе въ качествѣ матеріальныхъ удобствъ, чѣмъ умственнаго достоинства, скорѣе во имя оклада, чѣмъ во имя славы. Французу и до сихъ поръ льститъ титулъ одного изъ его сорока безсмертныхъ; каждая вакансія на этотъ титулъ порождаетъ тамъ нѣкоторую агитацію во всей интеллигенціи; у насъ же никому не приходитъ въ голову не только завидовать этимъ счастливцамъ, не только волноваться по поводу ихъ избраній, но даже узнавать, что тамъ дѣлается и дѣлается ли что нибудь. Гораздо больше интереса привлекаютъ у насъ нѣкоторые частныя ученыя и

учебныя общества, чѣмъ это обще-государственное. Обращаясь за тѣмъ къ дѣйствительной русской интеллигенціи, мы разберемъ по порядку всѣ ея отдѣлы. Теоретическую интеллигенцію составляютъ духовные, философы и ученые. Ученые наши суть русскіе только на среднихъ и низшихъ степеняхъ этой іерархіи; на высшихъ же только изрѣдка и только подчинившись господствующему тамъ духу педантизма. Грановскій, Пироговъ, Костомаровъ, Павловъ, Сѣченовъ, — вотъ и всѣ почти счастливыя исключенія изъ академической схоластики нашего времени. Но за то эти русскія исключенія, уцѣлѣвшія среди академической атмосферы, достаточно указываютъ и на тотъ духъ въ наукѣ, котораго, со временъ самаго Ломоносова, не могла заѣсть нѣмецкая ученость, — на этотъ духъ непосредственнаго служенія жизни наукою. Русскій складъ ума слишкомъ практиченъ для того чтобы долго удовлетворяться слишкомъ отвлеченными отъ дѣйствительности теоріями. А съ другой стороны тѣ же исключенія указываютъ и на происхожденіе русской теоретической интеллигенціи: вся она вышла или непосредственно изъ демократіи или изъ самыхъ близкихъ къ ней рядовъ общества. Еще явнѣе и то, и другое качество обозначается на среднихъ и низшихъ ступеняхъ теоретично-интеллигентной лѣстницы. Во первыхъ, самая неисключительность здѣшней учености не позволяетъ ей отрываться отъ жизни, а во вторыхъ, самая исключительность здѣсь одной русской интеллигенціи принуждаетъ поддерживать связь съ жизнью. Такимъ образомъ въ преподавателяхъ, напримѣръ, среднихъ учебныхъ заведеній нашихъ мы совсѣмъ уже не находимъ никакой солидарности съ такими же преподавателями нѣмецкими, а скорѣе съ французскими или англійскими. А что касается общественнаго происхожденія этого ряда теоретической интеллигенціи, то она чуть не вся поголовно вышла у насъ изъ самыхъ низшихъ рядовъ большинства, и многомного если изъ разночинцевъ. Роль педагога есть у насъ свысока третируемая роль не только въ сравненіи съ военною, но даже въ сравненіи съ гражданскою службою; а по-

тому отъ этой роли воздерживалось даже наше мелкопомѣстное дворянство, и отдавало ее то чиновничьимъ дѣтямъ, то поповичамъ, то просто мѣщанамъ, отпущенникамъ и крестьянамъ. Наконецъ объ уѣздныхъ учителяхъ, о домашнихъ учителяхъ и наставникахъ, о приходскихъ и народныхъ учителяхъ и говорить нечего. Ни абстрактности, ни аристократизма тутъ ужъ не стать искать. Да и сами учащіеся, студенты, у насъ не дѣти зажиточныхъ классовъ, а по большей части голь, бѣдняки. Такимъ образомъ оказывается, что все, что училось на Руси, не избѣжало демократическаго фильтра, все въ большей или меньшей степени прошло сквозь цѣдило явной или тайной, сознательной или безсознательной демократіи. А если такъ то и становится яснымъ, насколько строй чисто-русской теоретической интеллигенціи демократиченъ самъ, и насколько долженъ онъ демократизировать общество. Философовъ у насъ вовсе нѣтъ, ни русскихъ, ни нѣмецкихъ: русскихъ, потому что мы не додумались еще до самосознанія, нѣмецкихъ, потому что додумываться до этого за другихъ, по найму, никакъ нельзя. Такимъ образомъ вся остальная теоретическая интеллигенція наша ограничивается духовенствомъ. Классъ этотъ, значительный по своей численности (600.000 человѣкъ, т. е. меньше чѣмъ высшій и больше чѣмъ средній), значительный по своему размѣщенію въ массѣ народной, значительный по своимъ ежедневнымъ въ теченіи всей жизни отношеніямъ ко всѣмъ и каждому изъ прихожанъ, еще болѣе значителенъ по своему устройству и складу. Только весьма давно, и только въ самыя тяжелыя времена общественной и личной жизни, аристократія наша не чуждалась нисхожденія въ духовенство, да и то весьма рѣдко и въ видѣ исключительныхъ случаевъ. Систематическаго и продолжительнаго обмѣна между этими двумя классами, какъ на западѣ, у насъ никогда не было. Въ настоящее же время и самая память о томъ прошла, и всякій слѣдъ того простылъ. Уже при Посошковѣ нынѣшнее положеніе нашего духовенства было старинnымъ преданіемъ, и складъ жизни духовенства

ничѣмъ не отличался отъ склада жизни демократіи, не исключая иногда и самаго условія безграмотности. «О томъ я неизвѣстенъ, говоритъ Посошковъ: какъ дѣлается въ прочихъ земляхъ и чѣмъ сельскіе попы тамъ питаются; а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ не отмѣнны: мужикъ за соху, — и попъ за соху, мужикъ за косу, — и попъ за косу.» Манштейнъ свидѣтельствуетъ, что священники «съ нуждою писать умѣли» и что большое искуство у нихъ составляло уже и одно скорое чтеніе. Мейерберъ дорисовываетъ послѣдствія этого положенія, приводя слѣдующій отрывокъ изъ общественнаго мнѣнія: «что мы за дураки такіе, что станемъ попу сознаваться?» Что же касается той сравнительной оцѣнки, которой такъ хотѣлось бы Посошкову, то, какой бы моментъ нашей исторіи мы ни избрали, священникъ нашъ не можетъ составить, конечно, и тѣни намека ни на аристократическаго аббата, ни на буржуазнаго пастора: онъ всегда былъ и до сихъ поръ остается истиннымъ сыномъ народа. А потому обширнѣйшая и вліятельнѣйшая теоретическая интеллигенція русская есть вся и цѣликомъ демократическая, и, слѣдовательно, не только не измѣняетъ нашъ предъидущій выводъ, но снова пополняетъ и подкрѣпляетъ его. Въ одной только эстетической интеллигенціи мы встрѣтимся съ исключеніемъ, но и то весьма не значительнымъ. Къ жизни искуства не могла такъ или иначе не пристроиться аристократія. Всею своею жизнью, какъ публичною такъ и частною, воспитывающая въ себѣ чувство изящнаго, воспитывающая его и своимъ отождествленіемъ съ правительствомъ, и своей выработкою изящныхъ формъ жизни домашней, воспитывающая его, наконецъ, своимъ досугомъ, своею суммою покоя душевнаго и всѣми своими условіями способности къ наслажденію, аристократія не могла рано или поздно не откликнуться на самое высшее и человѣчное изъ наслажденій. И нужно было бы не имѣть ей въ себѣ ни малѣйшей жизненности, никакой даровитости, чтобы не принять

въ этомъ наслажденіи участія творческаго, а не одного только страдательнаго. И она дѣйствительно приняла его, приняла его хотя въ высшихъ только, по обыкновенію своему, слояхъ подлежащаго построенія, но приняла съ честью и славою. За одно имя Пушкина Россія всегда уже помянетъ ее добрымъ словомъ своимъ; потому что, наслаждаясь сама, она создала наслажденіе и для всѣхъ, и потому что, оставляя для одной себя всѣ худшія, для потомства она завѣщала самое лучшее изъ своихъ наслажденій. А къ Пушкину мы должны присоединить и Лермонтова, и Грибоѣдова, и Державина, и Карамзина, и всю пушкинскую плеяду. Правда, поэзіею и исчерпывается весь аристократическій приливъ въ нашу интеллигенцію: чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ аристократическое участіе рѣже и рѣже даже и въ самомъ искуствѣ: въ музыкѣ оно даетъ еще хоть исполнителей (князь Голицынъ) если не творцовъ; въ живописи и скульптурѣ оно не даетъ уже никого кромѣ развѣ граверовъ (графъ Толстой); а въ архитектурѣ и совсѣмъ никого. Но иначе и не могутъ слагаться два крайніе класса какъ такимъ образомъ, будетъ ли то для буржуазіи или же для интеллигенціи. За тѣмъ вся остальная интеллигенція художественная есть, какъ извѣстно, происхожденія демократическаго. И такъ это былъ единственный случай, гдѣ чисто-русская аристократія, не могшая быть замѣненною нѣмцами, встрѣтилась съ такою же чистокровно-русскою демократіею, и гдѣ онѣ могли своимъ треніемъ образовать нѣчто среднее. Но это столкновеніе было духовное, а не плотское, какимъ оно бываетъ въ буржуазіи, а потому оно не могло произвести и собственно такъ называемаго средняго класса. Мало того, оно не произвело даже и міросозерцанія средняго, буржуазнаго. Если большинство эстетической интеллигенціи могло и должно было при этомъ столкновеніи нѣсколько аристократизироваться, а меньшинство могло и должно было демократизироваться нѣсколько, то это произвело только, что крайности нѣсколько сблизились, но никакъ не произвело образованія изъ нихъ ничего третьяго, посредствующаго. Это сближеніе

скорѣе порождаетъ у насъ полную иногда перестановку ролей, гдѣ аристократъ переваливается въ демократизмъ, какъ Некрасовъ, а демократъ въ аристократизмъ, какъ Катковъ, но никогда не порождаетъ идеаловъ буржуазныхъ, не порождаетъ ни Шпильгагена, ни Ауэрбаха, ни Диккенса, ни Теккерея. Въ нашей литературѣ можно постоянно отыскивать и токъ демократическій, и токъ аристократическій, но отыскать духъ буржуазности, духъ мѣщанскаго самодовольства и умѣренности, духъ удовлетворенія малымъ, рѣшительно невозможно. Переходимъ къ интеллигенціи практической, къ нашимъ политикамъ. Новаторство политическое стало замѣтнымъ и рѣзкимъ у насъ только съ начала прошлаго вѣка; а инициатива его общественная, т. е. въ интеллигенціи, а не въ правительствѣ, и еще нѣсколько позже. Но съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты она принадлежала и принадлежитъ почти исключительно аристократіи. Говоря: — аристократіи, мы нисколько не противорѣчимъ тому, что только что сказано объ исключительности ея художественной роли. Художество все таки остается дѣйствительно единственной ролью, въ которую аристократія вложила не только тѣло, но и душу свою. Въ политику же, въ творчество политическое, аристократическіе новаторы наши, пропагандисты и агитаторы вносили только плоть и кровь свою, и напротивъ всегда отрекались отъ всякой солидарности съ духомъ аристократизма. Эта необыкновенная особенность нашего общества, особенность, помѣченная какъ чужими такъ и своими собственными аристократами, составляетъ одно изъ блистательнѣйшихъ послѣдствій той необыкновенной силы вещей, какая заключается въ политическомъ строѣ общества. При этомъ нужна, однакожъ, одна небольшая оговорка. Въ разсужденіяхъ о нашей аристократіи всегда можно встрѣтить два совершенно противоположныя мнѣнія, которыя обыкновенно не умѣютъ примириться между собой. Это происходитъ отъ того, что аристократія наша разщеплена просвѣщеніемъ рѣшительно на двое, такъ что у насъ, собственно говоря, двѣ аристократіи: одна — идущая отъ вре-

менъ и образца монголовъ, другая—отъ временъ и образца Европы. Обѣ онѣ на столько же далеки одна отъ другой какъ небо и земля;—вещь, которая также не встрѣчается съ такой рѣзкостью нигдѣ въ Европѣ, гдѣ образованіе если не вообще, то покрайней мѣрѣ въ аристократіи, несравненно ровнѣе. Отсюда и два противоположныя мнѣнія. Первая аристократія дѣйствительно не носитъ въ себѣ ничего кромѣ аристократическихъ недостатковъ и въ этомъ случаѣ она ниже всякой другой аристократіи въ Европѣ. Вторая же, напротивъ, не носитъ въ себѣ рѣшительно ничего кромѣ аристократическихъ достоинствъ, и въ этомъ случаѣ она рѣшительно выше всякой другой въ Европѣ. Говоря о нашей политической интеллигенціи, мы можемъ, слѣдовательно, разумѣть, конечно, только вторую, а не первую. Первый опытъ общественной инициативы, первый признакъ политическаго агитаторства, первый проблескъ практической интеллигенціи нашей, составляетъ знаменитое челобитье князя Черкасскаго и его партіи въ половинѣ прошедшаго вѣка. А чѣмъ же былъ этотъ протестъ противъ верховниковъ какъ не протестомъ противъ аристократизма. Аристократія, возстающая противъ олигархіи, подымаетъ руки на родную сестру свою, на семью свою, на домъ свой. Аристократія, отказывающаяся отъ первыхъ началъ свободы, отъ знаменитыхъ семи пунктовъ, выгодныхъ только для нея, отказывающаяся для того чтобы спасти самодержавіе, выгодное только для демократіи,—это историческая уродливость. Аристократія, отрицающая всѣ тѣ переходныя положенія, которыя всегда и вездѣ вели отъ монархизма къ демократизму, и которыя всегда и вездѣ были большей или меньшей аристократизаціей общества,—это, конечно, аристократія только по плоти, а не по духу. Слѣдуетъ за тѣмъ другой порывъ, другая агитація въ началѣ нашего столѣтія,—и корифеями ея мы видимъ опять нашихъ аристократовъ, и опять несущихъ свое тѣло и свою кровь въ жертву чужому духу, и на этотъ разъ уже въ собственномъ смыслѣ, а не въ переносномъ. Декабристы были люди роковой ошибки, люди

глубоко заблуждавшіеся, наконецъ невеликіе политики, но это были величайшіе въ исторіи аристократы. Если мы не можемъ безъ почтенія говорить о Манліяхъ Капитолійскихъ, свергаемыхъ съ тарпейской скалы во имя плебеевъ, и думаемъ, что времена римскаго героизма минули, то потомки наши будутъ только удивляться той близорукости нашей, которая такъ хорошо видитъ вдали и такъ дурно вблизи. Рабовладѣльцы, возстающіе противъ рабства, землевладѣльцы, возводящіе въ идеалъ, чтобы русскаго человѣка безъ земли не было, — это выродки, которыхъ дѣйствительно долженъ былъ затрудниться понять всякій, кто сколько нибудь оставался аристократомъ. И точно, ихъ затруднились понять какъ иностранцы, такъ и сами русскіе. Итальянскій историкъ Канту въ своей исторіи, пожимая плечами, помѣчаетъ, что это примѣръ, противоположный всему, что онъ видѣлъ въ исторіи. Графъ Растопчинъ въ своихъ письмахъ говоритъ: «въ 1789 году французскіе разночинцы захотѣли стать въ уровень съ дворянами,— это я понимаю; у насъ же дворяне вышли на площадь, чтобъ потерять свои привиллегіи,—тутъ нѣтъ смысла!» Минуло еще одно поколѣніе, насталъ еще одинъ великій день, 19 февраля 1861 года,—и кого же мы видимъ опять героями этого дня? опять аристократію, опять дворянъ, опять этихъ депутатовъ и мировыхъ посредниковъ, обѣими руками развязывающихъ руки крестьянъ своихъ. Наконецъ въ самые послѣдніе дни кто въ земскихъ собраніяхъ отъ перваго изъ нихъ до послѣдняго вопіетъ противъ свободы дворянъ отъ налоговъ, кто выдвигаетъ тотъ самый принципъ подоходнаго налога, отъ котораго въ тѣ же самые дни съ ужасомъ отвращается quasi-демократическая Франція, кто какъ не аристократическая интеллигенція наша! Кто наконецъ въ нашихъ дворянскихъ собраніяхъ хлопочетъ о тѣхъ или другихъ личныхъ или общественныхъ правахъ, кто агитируетъ адресы, петиціи, какъ не та же европейская аристократія наша, которая въ Москвѣ, напримѣръ, относится въ послѣднее время къ монгольской уже какъ 123 : 110. И вотъ опять новый Канту и новый

Растопчинъ, г. Безобразовъ, не можетъ найти всему этому никакого иного объясненія кромѣ или великодушія или простодушія, и снова пожимаетъ плечами. Мы также имѣемъ свое объясненіе этого явленія, какъ и г. Безобразовъ, и, также какъ онъ, считаемъ его за лучшее; но наше объясненіе не относится ни къ нравственности аристократической, ни къ аристократическому уму, а къ простому складу общества. Оно относится къ тому, что нашихъ аристократовъ воспитывала та русская церковь, о которой мы только что говорили, учила та русская школа, о которой мы только что сказали, практиковала та русская конструкція жизни, которою мы начали всю эту діагностику. Оно относится къ тому, что наша аристократическая интеллигенція есть аристократическая только съ русской точки зрѣнія, во всякомъ же другомъ обществѣ она была бы сочтена за отъявленную демократію. Нужно ли лучшаго свидѣтельства демократическаго строя общества, когда въ немъ не только буржуазія, но и самый полярный для демократіи элементъ принимаетъ всю ея складку, сливается съ нею, перестаетъ быть собою. Вотъ между прочимъ одинъ изъ тѣхъ способовъ лигатуры, какими интеллигенція можетъ сближать въ себѣ, можетъ связывать собою самыя отдаленныя противоположности общественной пирамиды. А между тѣмъ хотя лучшихъ свидѣтельствъ нашего строя и ненужно, но у насъ есть на столько лучшее, что умалчивать о немъ невозможно, потому что это есть свидѣтельство столько же оригинальное и, слѣдовательно, характеристическое, сколько небывалое еще въ исторіи. Мы говоримъ о существованіи у насъ, и при томъ у насъ однихъ, интеллигенціи простонародной, т. е. такой интиллигенціи, которая не только вышла изъ простаго народа, но которая и остается въ немъ, о такой, которая принадлежитъ исключительно ему одному и никакому другому классу не принадлежитъ, о такой, которая не занесена къ нему свыше, а тамъ же, въ немъ самомъ, и возникла, о такой, которой принадлежитъ не только агитація или пропаганда, но и самое творчество, о такой, которая имѣетъ и своихъ новаторовъ-стра-

дальцевъ, и своихъ пропагандистовъ, и своихъ подчасъ тріумфальныхъ агитаторовъ. Словомъ, мы говоримъ о нашемъ расколѣ. Весьма естественно, что интеллигенція простонародная, какъ и всякая другая, не могла первоначально обнаружиться никакою иною какъ теоретическою: эстетическая и практическая идутъ только послѣ нея. Весьма понятно также, что теоретическая интеллигенція простого народа, какъ устная, а не книжная, природная, а не искуственная, не могла первоначально обнаружится ни наукою, ни философіею, а единственно только знаніемъ непосредственнымъ, вѣрою. И вотъ въ этомъ то отношеніи все творчество и вся производительность нашего общества сосредоточились цѣликомъ въ нашемъ простомъ народѣ. Ни аристократія, ни среднее сословіе, ни сама книжная интиллигенція никакого участія въ этомъ творчествѣ не принимали и не принимаютъ; онѣ не приняли его также ни въ пропагандѣ, ни въ агитаторствѣ раскола, и никогда не были даже пассивными его прозелитами. Не мудрено поэтому, что въ расколъ нашъ могли вкрасться дикости и нелѣпости; но гораздо мудренѣе, что онъ далеко не весь состоитъ изъ дикостей и нелѣпостей. Вынесенный отъ начала до конца, отъ происхожденія и до сего дня, на плечахъ одной демократіи, онъ тѣмъ не менѣе не разъ и не два встрѣтился со многими произведеніями и аристократіи, и буржуазіи европейской. Уже это одно сравненіе внутреннее, сравненіе съ другим классами собственнаго нашего общества, дѣлаетъ нашъ расколъ явленіемъ необыкновеннымъ въ исторіи; сравненіе же его съ расколами западными еще поразительнѣе. Тамъ вождями и агитаторами расколовъ являлись или аристократъ и даже король, какъ Генрихъ VIII и архіепископъ Кранмеръ въ Англіи, Генрихъ IV и адмиралъ Колиньи во Франціи, или же буржуа и бюргеръ, какъ профессоры Лютеръ и Меланхтонъ въ Германіи, Кальвинъ и Цвинглій въ Швейцаріи; у насъ же этими агитаторами и вождями были одни мужики и, много-много, купцы. Тамъ и новаторами раскола, и пропагандистами его были все люди книжные, ученые,

просвѣщенные: богословъ Абелляръ, профессоръ Арнольдъ Бресчіанскій, монахъ Савонаролла, профессоры Гуссъ и Виклефъ; у насъ же этими поваторами и пропагандистами были стригольникъ Карпъ (у стригольниковъ), жидъ Схарія (у жидовствующихъ), попъ Аввакумъ (у старообрядцевъ), крестьянинъ Селивановъ (у скопцовъ), крестьянинъ Максимъ Комаръ (у духовидцевъ), ссыльный Акиѳій Поповъ (у общихъ), крестьянинъ Семенъ Уклеинъ, бѣглый солдатъ Сидоръ Андреевъ, крѣпостной крестьянинъ Исайя Крыловъ, удѣльный крестьянинъ Никифоръ Филипповъ (у молоканъ), крестьянинъ Иванъ Сусловъ, стрѣлецъ Лупкинъ, однодворецъ Илларіонъ Побирохинъ (у духоборцевъ). Тамъ въ этомъ движеніи мысли участвовали и аристократы, и бюргеры, а крестьяне если и шли, то вслѣдъ за ними и послѣ нихъ; здѣсь этого движенія не раздѣляли ни дворяне, ни разночинцы, и крестьяне шли одни, безъ нихъ и впереди ихъ. А между тѣмъ никакъ нельзя сказать, что тамъ люди просвѣщенные додумались до болѣе высокихъ вѣрованій, чѣмъ вѣрованія нашихъ неучей, какъ доказываютъ это секты совершенно равнозначительныя лютеранской (молокане) и въ особенности секта, равнозначительная самой философіи, не только религіи, протестантизма, — духоборцы. Все это свидѣтельствуетъ о такой высокой энергіи мысли, о такихъ счастливыхъ прирожденныхъ дарахъ здраваго смысла въ нашемъ народѣ, что нисколько не удивительно, если онъ обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ иностранныхъ путешественниковъ по Россіи. Но точно ли только одинъ родъ интеллигенціи принадлежитъ у насъ крестьянству? Если въ непосредственной теоретической интеллигенціи принадлежитъ ему исключительно все наше творчество, такъ что его не раздѣляетъ съ нимъ никакой другой классъ Россіи и никакая другая демократія Европы, то въ прочихъ родахъ интеллигенціи демократія наша не осталась безъ участія и раздѣлила работы ихъ больше чѣмъ какая либо иная. Такъ въ теоретической посредственной интеллигенціи какая демократія представляетъ большее богатство пословицъ, этихъ народныхъ

наблюденій надъ обществомъ, природой и человѣкомъ? Въ интеллигенціи эстетической какая демократія Европы выставила такое количество народныхъ пѣсенъ, сказокъ, преданій, изъ которыхъ можно сложить всю исторію нашу, эпоха за эпохой? А кто же слагатели всей этой эпопеи? Это не трубадуры, не труверы, не барды, не скальды, не миннезингеры, не короли, не графы и не рыцари, а безъименные Сидоры да Пахомы, не оставившіе никакихъ именъ въ исторіи. Наконецъ обратимся ли мы къ самой интеллигенціи практической, къ энергіи дѣла, а не мысли, къ политикѣ, а не къ созерцанію, мы опять будемъ поражены необыкновеннымъ явленіемъ. Демократія наша нетолько принимала участіе, нетолько раздѣляла политическій трудъ аристократіи, но въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни она становилась даже на челѣ ея, какъ стала во времена междуцарствія, въ лицѣ Минина, и какъ раздѣлила трудъ во времена 1812 года, въ видѣ народной войны. Мало того, если исторія наша знаетъ отдѣльныя движенія сословныя, то единственно и исключительно демократическія. На западѣ мы видимъ борьбу съ властью то аристократіи, то буржуазіи, у насъ же мы не видали никогда ни того, ни другого, ни даже во времена боярства и мѣстничества, а разинщину, булавинщину, пугачевщину, гайдамачину видали. На западѣ наконецъ всѣ главнѣйшія политическія движенія принадлежали или аристократіи, какъ рыцарство и крестовые походы, или буржуазіи, какъ реформаціи и революціи; у насъ же и роль рыцарства съ его крестовыми походами исполнило только мужичье, казачество и его борьба съ невѣрными, и роль реформацій и революцій исполнилъ только все тотъ же крѣпостной раскольникъ и бунтовщикъ. Эта изумительная сосредоточенность всей исторіи и всего строенія внизъ, къ основанію пирамиды, куда сдвигается такъ рѣшительно и самая интеллигенція всѣхъ родовъ, не оставляетъ возможности никакого сомнѣнія на счетъ нашей анатомической характеристики.

Оставляя за симъ пиримидальное и переходя къ анализу

кругового строенія, мы только рискуемъ возвести выводъ этотъ до тривіальной осязательности. Гдѣ напримѣръ столицы въ 3, въ 2, во 1 милліонъ жителей? Въ Англіи, во Франціи, въ Австріи, но не въ Россіи; и при томъ при меньшихъ населеніяхъ, а не при большемъ: а столицы суть резиденціи меньшинства, и ихъ развитіе есть отраженіе развитія его. Если всѣ столицы Европы расположить рядомъ по степени сцентрализованности въ нихъ подлежащихъ населеній, то Петербургъ окажется послѣднимъ. А именно: изъ каждой тысячи жителей въ Лондонъ притекаютъ 95, 6, въ Лисабонъ 61, 1, въ Копенгагенъ 59, 5, въ Аѳины 55, 2, въ Дрезденъ 55, 0, въ Парижъ 45, 3, въ Брюссель 36, 9, въ Туринъ 34, 0, въ Христіанію 31, 2, въ Мюнхенъ 29, 7, въ Штутгартъ 28, 9, въ Берлинъ 27, 5, въ Стокгольмъ 27, 1, въ Константинополь 22, 0, въ Карлсруэ 19, 0, въ Вѣну 14, 9, въ Мадритъ 11, 3, а въ Петербургъ 7, 0. Гдѣ городская жизнь преобладаетъ надъ сельскою? На западѣ, а не въ Россіи; и при томъ опять не смотря на все неравенство населеній. Изъ гораздо меньшихъ своихъ населеній Англія извлекла 15 городовъ со стотысячнымъ населеніемъ, Франція—8, Германія—7; Россія же изъ гораздо большаго населенія своего извлекла ихъ только 5. Въ Англіи число горожанъ составляетъ 50% всего числа жителей, т. е. 14.000.000 человѣкъ, во Франціи—30%, а именно 11.000.000 ч., въ Пруссіи—29%, или 5.000.000, въ Россіи же оно составляетъ лишь 10%, потому что 8 милліоновъ на 80 милліоновъ жителей; а именно мѣщанъ и цѣховыхъ 5.000.000, купцовъ и почетныхъ гражданъ отъ 400 до 500.000, заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ 500.000, разныхъ сословій 2.000.000. Изъ 320.000 населенныхъ мѣстъ европейской Россіи всего только 2.800 достигаютъ болѣе или менѣе городского характера, включая сюда и характеръ безъуѣздныхъ городовъ, и мѣстечекъ, и посадовъ, и пригородовъ, и предмѣстій, тогда какъ въ Германіи такая же почти цифра однихъ только городовъ съ населеніемъ отъ 2 до 10 тысячъ человѣкъ. Съ другой стороны и по самому качеству городская и сельская

структура Россіи не можетъ итти ни въ какую параллель съ западною. Наши расползающіеся въ ширь города очень не далеко ушли отъ своихъ деревень, между тѣмъ какъ скученные и высящіеся вверхъ города Европы не имѣютъ и тѣни подобія съ своими селами. Но если наши деревянные и слабо концентрированные города могутъ еще составлять намекъ на города запада, то мы не можемъ составить себѣ никакого понятія о европейскомъ селѣ по нашему, ни европеецъ не можетъ составить себѣ идеи о нашемъ селѣ по своему. Разбросанность тамошней сельской жизни, хуторской характеръ ея, характеръ мызъ составляетъ весьма рѣзкую противоположность концентрированности нашихъ селъ и деревень. Словомъ тамъ господствуетъ городъ, здѣсь деревня. А городъ есть гнѣздо буржуазіи, деревня же колыбель демократіи. Такимъ образомъ выходитъ, что Англія и Франція дали мѣсто преимущественному развитію столицъ, Германія—развитію городовъ, Россія—развитію селъ. Т. е. романское общество, къ которому на этотъ разъ причисляетъ себя и Англія, опять оказывается сравнительно аристократическимъ, германское—опять буржуазнымъ, а славянское—опять демократическимъ.

Такая діагностика и прогностика наша способна, однакожъ, на первомъ же шагу возбудить скептицизмъ съ двухъ совершенно противоположныхъ сторонъ, т. е. какъ со стороны либеральныхъ ворчуновъ, такъ и со стороны консервативныхъ алармистовъ. Одни съ скорбнымъ недовѣріемъ покачаютъ головой, другимъ почудится уже красный пѣтухъ въ глазахъ; и оба заговорятъ то же, что говорится обыкновенно по поводу нашей сельской общины, т. е. что невѣжество не есть еще демократизмъ, и что демократизмъ состоитъ не въ первобытности общественныхъ формъ. И такъ надобно во всякомъ случаѣ обсудить, есть ли только что описанное построеніе нашего общества коренное и характеристическое наше строеніе или же оно временное и преходящее. На этотъ разъ намъ удобнѣе будетъ начать съ кругового строя и потомъ перейти къ парамидальному. Нѣтъ сомнѣнія, что наша сто-

лица можетъ имѣть современемъ гораздо большее число жителей, чѣмъ теперь имѣетъ. Но, во первыхъ, чтобъ она сдѣлалась нашимъ Лондономъ съ его 3 милліонами на 30 милліонное общество, для этого нужно, чтобъ Петербургъ вмѣстилъ въ себѣ также одну десятую часть своей имперіи, т. е. 8 милліоновъ человѣкъ. А во вторыхъ, такъ какъ всякое значительное увеличеніе числа столичныхъ жителей возможно не сегодня и не завтра, а только черезъ десятки лѣтъ, то тогда Петербургу, для того чтобъ сдѣлаться Лондономъ, нужно будетъ даже и не 8, а развѣ можетъ быть 10 милліоновъ обитателей. Можно надѣяться, что такой аристократизмъ никогда насъ не одолѣетъ. Эта надежда тѣмъ достовѣрнѣе, что мы теперь стоимъ на дорогѣ скорѣе къ децентрализаціи, чѣмъ къ новому усиленію централизаціи, мы стоимъ на дорогѣ къ развитію мѣстной жизни, а не отвлеченія отъ нея всѣхъ силъ къ центру. Отвлеченіе это съ каждымъ днемъ должно у насъ ослабляться, а неусиливаться, а слѣдовательно должно ослаблятся и наращеніе столицы. Отношеніе нашихъ городовъ къ нашимъ селамъ опять можетъ видоизмѣниться, и непремѣнно измѣнится съ развитіемъ нашей мануфактурной промышленности, и при томъ измѣнится въ пользу городовъ, а не селъ. Но, во первыхъ, это будетъ измѣненіемъ только въ сторону буржуазности, а не аристократизма, а во вторыхъ измѣненіе въ сторону буржуазности, судя по описанному выше складу нашей буржуазіи, всегда окажется оттѣнкомъ слишкомъ деликатнымъ для его уловимости. Наконецъ села наши могутъ также нѣсколько обезлюдѣть въ пользу городовъ, могутъ отчасти переселиться въ города; но значитъ ли это, что тѣмъ онѣ скорѣе буржуазируютъ себя, а не демократизируютъ еще больше населеніе городское? Предположить же возможность такихъ радикальныхъ измѣненій, чтобы всѣ села наши исчезли съ лица земли, чтобы онѣ разметались отчасти въ города, отчасти въ хутора, и такимъ образомъ дѣйствительно утратили бы свой общинный духъ, это значитъ имѣть дѣло съ возможностями только логическими, съ метафизикой, но

не съ фактическими, не съ наукою. И такъ, во всякой дѣйствительно-возможной измѣнчивости кругового строенія нашего нѣтъ никакихъ данныхъ для опроверженія нашего вывода. Измѣнчивость строенія пирамидальнаго заключаетъ ихъ, какъ полагаемъ, не больше. Всякое дальнѣйшее въ этомъ отношеніи измѣненіе, судя по духу времени и состоянію общественнаго мнѣнія, никакъ не можетъ клониться къ приращенію привиллегированнаго класса: измѣненія въ духѣ аристократическомъ чѣмъ дальше тѣмъ больше не мыслимы не только у насъ, но и повсюду въ Европѣ. Остаются, значитъ, однѣ только измѣненія пирамиды въ направленіи буржуазномъ, т. е. одно только приращеніе средняго класса и интеллигенціи. Но это нисколько не можетъ уничтожить демократизмъ ни нашей тимократіи, ни нашей интеллигенціи, нисколько не можетъ окрашивать ихъ цвѣтомъ аристократизма, и созидать такимъ образомъ истую западную буржуазію. Могутъ современемъ русскіе люди вытѣснить нѣмцевъ изъ академіи и изъ биржи, но до тѣхъ поръ пока это случится, вытѣснители могутъ прибывать только изъ демократіи, а никакъ не изъ аристократіи, и, слѣдовательно, будутъ поддерживать въ себѣ прежній цвѣтъ. А если бы потомъ стали прибывать сюда и аристократы, то имъ придется распуститься въ готовой уже средѣ. Никогда поэтому нашъ средній классъ не сдѣлается ни аристократическимъ, ни даже буржуазнымъ, никогда не станетъ истинной серединой. Предположить это значило бы предположить то, отъ чего мы всѣ и всегда отвращались, предположить расположеніе къ компромиссамъ, къ срединамъ, къ сдѣлкамъ между аристократизмомъ и демократизмомъ, тогда какъ оба они гораздо болѣе расположены у насъ, каждый, къ своимъ крайностямъ, къ положеніямъ яснымъ, къ состояніямъ положительнымъ и откровеннымъ. «Я еще понимаю республику, говорилъ императоръ Николай I маркизу Кюстину: это правительство прямое и откровенное, но я рѣшительно не понимаю конституцію.» И это было дѣйствительно русское слово. А то же самое можно сказать и о соотвѣтственныхъ этимъ

формамъ сословіяхъ. Пусть только русскій демократъ скажетъ, положа руку на сердце, что для него сноснѣе: прямодушно-наглый ли баринъ или же благосклонно важный кулакъ, пусть только русскій аристократъ, положа руку на сердце, скажетъ, что для него симпатичнѣе: откровенно ли рѣзкій неотеса или же приторный прикащикъ,—и оба они по самимъ себѣ узнаютъ, куда лежатъ симпатіи и антипатіи русскаго сердца. Поддѣлка демократіи подъ аристократію и аристократіи подъ демократію у насъ и встрѣчается часто, и прощается легко; но подлѣлка подъ буржуазность у насъ или не встрѣчается вовсе или же не прощается никогда, не прощается даже въ видѣ семейнаго счастія, въ видѣ Аѳанасія Иваныча и Пульхеріи Ивановны. Это значило бы, во вторыхъ, предположить какое-то чудодѣйственное вліяніе въ обществѣ чужеяднаго класса, при которомъ не вся русская среда успѣваетъ подчинить себѣ всѣхъ буржуазныхъ пришельцевъ, а эти буржуазные пришлецы успѣваютъ наложить свою печать на всю народную среду, успѣваютъ внести въ нее свой, хотя и антипатичный для нея, духъ, успѣваютъ пропитать и всю аристократію, и всю демократію нашу своими занесенными издалека соками. Это значило бы, въ третьихъ, предположить, что высшее выраженіе славянства, что полнѣйшая представительница его, Россія, ни съ того, ни съ сего вдругъ превращается вверхъ дномъ и отрекается отъ тѣхъ коренныхъ славянскихъ свойствъ, отъ которыхъ не смогла отречься и Польша, всегда предпочитавшая лучше самый дикій аристократизмъ, чѣмъ буржуазность, и никогда не умѣвшая слѣпить у себя никакой буржуазіи, кромѣ еврейской. Всѣ такія превращенія можетъ допускать развѣ только профессоръ магіи, но ни какъ не профессоръ даже метафизической науки общества. Эти послѣдніе профессоры даютъ слишкомъ большую цѣну отвлеченнымъ и несоизмѣримымъ сходствамъ и слишкомъ малую цѣну положительнымъ и измѣримымъ временамъ. Видя, что всякій первобытный народный строй, какъ напримѣръ и германскій, отличался и тѣмъ же демократизмомъ, и тою же общностью вла-

дѣнія, но что скоро, однакожъ, утратилъ и то, и другое, они смѣло уже заключаютъ, что и теперешній, значитъ, строй Россіи есть не что иное какъ только всеобщій строй первобытный, подлежащій немедленному и коренному исчезновенію вслѣдъ за успѣхами прогресса. Но они забываютъ при этомъ, что первобытность наша считаетъ уже тысячу лѣтъ одной государственной жизни, что за такой промежутокъ времени можно инкорпорировать на вѣки какую угодно аномалію, какъ бы она ни казалась кому-либо нелѣпою, если только она постоянно и настойчиво поддерживалась въ обществѣ. Они забываютъ, что та же первобытность и то же невѣжество у другихъ народовъ исчезали не послѣ тысячелѣтней государственной жизни, а съ первымъ же переходомъ ихъ въ жизнь государственную, и что все, что не исчезало при этомъ переходѣ, какъ напримѣръ первобытное уваженіе женщинъ у германцевъ и кельтовъ, то составляло и потомъ предметъ дальнѣйшаго развитія, новое содержаніе дальнѣйшей исторіи, и порождало сперва рыцарскіе нравы, а теперь даже цѣлый такъ называемый женскій вопросъ. Судъ присяжныхъ есть также учрежденіе первобытное и всеобщее; но если оно удержалось въ Англіи, когда исчезло повсюду, то это не значило еще, что оно исчезнетъ и должно исчезнуть и въ самой Англіи: напротивъ это значило только, что оно разовьется и должно развиться тамъ больше чѣмъ гдѣ нибудь, и что оттуда разспространится и туда, гдѣ-оно исчезло. Они забываютъ, наконецъ, что, какъ Россія ни молода въ сравненіи съ романцами и германцами, но не вѣчный же она и младенецъ, въ которомъ все еще ничто не опредѣлилось, все еще ничто не предрѣшено, и все еще можетъ быть перестроено сверху до низу. Забываютъ они, что этому младенцу уже готовятся на смѣну новые, еще позднѣйшія общества, новый гораздо болѣе молодой міръ, новое и совсѣмъ противоположное полушаріе земли. Первобытнымъ и невѣжественнымъ, подлежащимъ исчезанію по мѣрѣ соприкосновенія съ просвѣщеніемъ, есть, напротивъ, нашъ аристократизмъ, а не демокра-

тизмъ. Только аристократизма мы долго не знали въ иныхъ формахъ какъ невѣжественныхъ. Держаніе шутовъ, травля людей медвѣдями, битье слугъ по щекамъ, чванство предъ низшими, обжорство и распутство, праздность тѣлесная и душевная, равнодушіе къ наукѣ, къ свободѣ, къ достоинству, — вотъ древне-историческія черты нашего аристократизма. И каждый разъ, какъ просвѣщеніе касалось его, онъ исчезалъ какъ дымъ. Демократизму же просвѣщеніе приноситъ, напротивъ, только силу, сознательность, достоинство, изящество. Нѣтъ, не бросать на будущей дорогѣ придется намъ нашъ демократизмъ, а только понести его развитіе дальше и дальше, сдѣлать его изъ невѣжественнаго просвѣщеннымъ, изъ инстинктивнаго и нечаяннаго сознательнымъ и намѣреннымъ, изъ первобытнаго всемірно-историческимъ.

Вотъ немногосложный, но достаточно всеобъемлющій и еще болѣе достаточно положительный и несомнѣнный выводъ, какой слѣдуетъ изъ разсмотрѣнія политической анатоміи нашего отечества. Несомнѣнность эта такъ велика, что всякій защитникъ подобной прогностики можетъ смѣло связывать съ нею свое имя и свою репутацію.

Остальныя подробности анатомическаго анализа читатель можетъ вывести самъ по образцу предыдущаго. Такъ, напримѣръ, сравнивая положеніе политическихъ центровъ съ политическими периферіями, онъ увидитъ, что въ периферіяхъ романскихъ центръ этотъ всегда ближе къ геометрическому, какъ Парижъ во Франціи, Мадритъ въ Испаніи, Римъ въ Италіи; въ периферіяхъ же германскихъ онъ всегда на самой почти периферіи, какъ Лондонъ въ Англіи, Амстердамъ въ Голландіи, Копенгагенъ въ Даніи, Стокгольмъ въ Швеціи и Берлинъ въ Германіи. Вмѣстѣ съ этимъ и централизація первыхъ периферій гораздо строже централизаціи вторыхъ, которыя однѣ даже и представляютъ только извѣстную степень децентрализаціи. Отсюда, такъ какъ въ Россіи положеніе центра есть германское, а не романское, то имѣется, слѣдовательно, одинъ изъ задатковъ и соотвѣтственнаго строенія. И дѣйствительно,

собрать въ Петербургѣ всю Россію, сосредоточить ее всю на невской точкѣ периферіи, приковать сюда плотно и Сибирь, и Туркестанъ, и Кавказъ, и Тавриду, и Бессарабію—гораздо, конечно, труднѣе, чѣмъ было бы это, напримѣръ, въ Москвѣ. А потому столица въ Петербургѣ значитъ для насъ не только выходъ изъ Азіи и лучшую связь съ Европой, но также и одинъ изъ шансовъ на выходъ изъ централизаціи въ децентрализацію. Вообще перенесеніе столицы Петромъ, какъ измѣненіе въ самомъ строеніи и притомъ самое радикальное изъ всѣхъ доступныхъ въ этомъ отношеніи измѣненій общества, есть самая колосальная во всей нашей исторіи и самая чреватая послѣдствіями реформа. Съ другой же стороны кромѣ периферичности центра есть еще у насъ и неувѣренность въ немъ. Всѣ центры всѣхъ западныхъ обществъ, на этотъ разъ уже какъ романскихъ такъ и германскихъ, угаданы были съ самаго начала, такъ что жизнь подлежащихъ обществъ притекала къ нимъ неизмѣнно въ теченіе тысячелѣтій; у насъ же это притеканіе жизни то и дѣло мѣняло свой фокусъ, мѣняло пять разъ въ теченіи одного тысячелѣтія, избирая его то въ Новгородѣ, то въ Кіевѣ, то во Владимірѣ, то въ Москвѣ, то наконецъ въ Петербургѣ, вслѣдствіе чего и не могло стянуть ни въ одинъ всѣ свои соки въ такой степени, какъ стянуты онѣ повсюду на западѣ. Отсюда новый выводъ о децентрализаціонномъ строѣ общества, не смотря на всю нынѣшнюю централизацію правительства. Подобнымъ же образомъ можно сдѣлать выводы о земледѣльческомъ или мануфактурномъ строѣ Россіи, о построеніи правительственномъ или общественномъ, о структурѣ мирной или военной и т. п.

Степень современной органичности русскаго общества далеко не такъ лестна для нашей народной гордости. Изъ всѣхъ четырехъ клафиссикацій этого рода мы только въ одной занимаемъ не послѣднее, въ сравненіи съ романскими и германскими обществами, мѣсто; въ остальныхъ же трехъ рѣши-

тельно послѣднее. Въ классификаціи формальной оно послѣднее потому, что степень централизаціи нашего общества превосходитъ покуда не только германскую, но, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже и французскую, хотя въ другихъ за то и отстаетъ отъ нея далеко. Если наши села, наши города и наши земства въ послѣднее время вступили уже на дорогу автономіи и самоуправленія, то на дорогѣ этой ушли не слишкомъ дальше, чѣмъ и кантоны или департаментскіе генеральные совѣты Франціи. Конечно, огромная выгода наша въ томъ, что мы стоимъ на томъ же мѣстѣ въ иную пору исторіи нашей, чѣмъ въ какую стоитъ на немъ Франція; но это выгода болѣе будущаго, чѣмъ настоящаго. Правда также, что наши села и прежде формальнаго самоуправленія были всегда не чужды его по силѣ вещей, не чужды въ силу оброчной системы, артельной привычки и круговой поруки; но это опять можетъ принести плоды только въ будущемъ, обѣщая намъ возможность самоуправленія не только аристократіи и буржуазіи, но также и демократіи, чего забитое крестьянство Франціи едва ли уже когда-нибудь достигнетъ. Въ матеріальной классификаціи наше мѣсто въ европейской семьѣ еще ниже, чѣмъ въ формальной. Число органовъ нашего организма такъ не велико, разнообразіе ихъ такъ мало, а простота и несложность ихъ такъ велики, что нѣтъ ни одного ни романскаго, ни германскаго общества, которое можно было бы сравнить въ этомъ отношеніи съ нашимъ. Довольно взять простоту и малочисленность органовъ нашего законодательства въ сравненіи съ западнымъ его устройствомъ, чтобы параллель сдѣлалась совершенно ясною. Судебное наше устройство вышло изъ той же простоты и усложнилось только на дняхъ. И если развилась роскошно, то одна только администрація, число органовъ которой если не превосходитъ, то покрайней мѣрѣ достигаетъ числа французскихъ и австрійскихъ. Въ Россіи чиновниковъ считается 300.000, въ Австріи 300,000, во Франціи 400.000. Но за то простотою и патріархальностью этихъ органовъ мы перещеголяемъ, конечно, всѣ иныя государства Европы. Неопре-

дѣленность, неограниченность, нестѣсненность, словомъ произволъ функціонированія этихъ органовъ достаточно явствуетъ уже изъ полной независимости администраціи отъ суда. За тѣмъ, что касается органичности самаго общества, которая и по всюду на западѣ, кромѣ Англіи, еще въ состояніи младенчества, то у насъ о ней и говорить нечего: довольно вспомнить приведенный въ текстѣ примѣръ нашего клуба интеллигенціи. Въ классификаціи качественной нашъ постъ международный есть также самый скромный изъ всѣхъ. Интеллигенцію трудно измѣрять не только по качеству, но и по количеству; тѣмъ не менѣе, однакожъ разница на этотъ разъ такъ велика, что можно обойтись и безъ искуственныхъ статистическихъ измѣреній. Впрочемъ довольно замѣтить, что періодическихъ изданій на всѣхъ языкахъ выходитъ у насъ въ году 412, тогда какъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки ихъ 9.000 слишкомъ; что книгъ появляется у насъ около 3000 въ годъ (1867—1869), тогда какъ во Франціи ихъ выходитъ 12.000; что подписчиковъ у насъ на всѣ газеты и журналы неболѣе 200.000, тогда какъ въ Англіи одна и таже газета имѣетъ ихъ по 100.000; что учащихся у насъ (въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ до 7000+въ среднихъ мужскихъ 35.000 + въ среднихъ женскихъ 25.000+въ уѣздныхъ училищахъ 27.000+ въ народныхъ школахъ 700.000), всего во всѣхъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ около 800.000, т. е. по 10 человѣкъ на каждую тысячу, тогда какъ въ Пруссіи ихъ 155 на тысячу; довольно однихъ этихъ сопоставленій, для того чтобы убѣдиться, что тутъ никакая параллель невозможна. И только въ одной, наконецъ, количественной классификаціи мы занимаемъ, наоборотъ, первое мѣсто въ мірѣ. Мы уступаемъ пока еще древнему Риму въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ слагался изъ 120 милліоновъ особей, но мы не уступаемъ въ этомъ отношеніи никому въ Европѣ. Объемъ общества въ ходячемъ пониманіи не составляетъ, правда, никакого достоинства, и остряки-политики всегда имѣютъ carte blanche, чтобы подтрунить надъ такимъ достоинствомъ; но тѣмъ не

менѣе органическое правило все-таки остается правиломъ, и если высокая организація не всегда сопровождается высокимъ объемомъ, то объемъ этотъ не можетъ не влечь за собой высокой организаціи. Это простое слѣдствіе необходимости. Чѣмъ больше ростетъ объемъ, тѣмъ невозможнѣе становится сохранять первоначальную простоту его устройства, тѣмъ все больше и больше чувствуется потребность въ новыхъ и разнообразныхъ органахъ, тѣмъ приводить безъ нихъ въ движеніе организмъ становится труднѣе. Самъ императорскій Римъ дорось наконецъ до того, что, не смотря на всю ревность свою къ власти, принужденъ былъ раздѣлять императорство на два императорства, а каждое изъ нихъ двухъ подраздѣлить еще на два цезарства. Въ настоящее же время, когда децентрализація понимается лучше, чѣмъ понималась она при Діоклеціанѣ, всякій разъ когда общество придетъ къ той же необходимости, оно не ограничится уже одною децентрализаціею административною, потому что будетъ знать, что есть другая, болѣе существенная для цѣли, земская децентрализація. Урокъ же Франціи, недостаточно познавшей эту истину, всегда поддержитъ ее за то для другихъ народовъ. Франція не умѣла во время перемѣнить форму наращенія на форму сохраненія, Франція удержала централизацію и послѣ того, какъ ростъ общества прекратился, а потому Франція не въ состояніи теперь и сохранять себя такъ, какъ могла бы сохраняться при формѣ сохраненія. Для насъ этотъ урокъ не можетъ пройти даромъ, потому что мы будемъ имѣть время понять его. А потому, какъ прежде положеніе столицы, такъ теперь обширность организма составляетъ второй залогъ грядущаго рано или поздно разсредоточенія нашего обширнаго отечества. Разсредоточеніе же ведетъ за собою неминуемо умноженіе и уразноображеніе политическихъ органовъ. А то и другое вмѣстѣ не можетъ не вести къ сознанію солидарности, къ возвышенію чувства общественности и гуманизма и, словомъ, къ интеллигентному развитію. Такимъ образомъ, будучи на всѣхъ лѣстницахъ ниже нашихъ собратій, мы стоимъ выше ихъ на

одной такой, которая обѣщаетъ намъ и всѣ прочія. Діагностика здѣсь скудна, но прогностика богата.

Вопросъ жизни и смерти есть и долго еще будетъ для насъ вопросомъ только жизни; а потому вмѣсто того чтобы спрашивать себя, близокъ ли нашъ конецъ, мы можемъ только спрашивать, какъ долга жизнь наша. Долгота эта зависитъ, какъ показано въ своемъ мѣстѣ, отъ источниковъ скрещиванія; а потому вопросъ еще разъ перемѣняется въ вопросъ: какъ обильны эти источники наши? Обиліе же или скудность ихъ можно оцѣнить только по сравненію; а потому надо прежде имѣть въ виду мѣру романскаго и германскаго скрещиванія. Въ этомъ отношеніи Англія есть опять вся Европа. Въ числѣ ингредіентовъ ея имѣются всѣ ингредіенты, какъ германскіе такъ и романскіе. Изъ первыхъ въ основаніе Англіи легли какъ тевтонцы, въ видѣ Англовъ, Ютовъ и Саксовъ, такъ и скандинавы, въ видѣ Датчанъ; изъ послѣднихъ легли въ основу ея какъ Франки, въ видѣ нормандцевъ, такъ и романцы въ видѣ самихъ римлянъ. Наконецъ подъ тѣми и другими расположились тѣже автохтоны Европы, какъ и тамъ, т. е. кельты, въ видѣ Бриттовъ, Пиктовъ, Скоттовъ. Благодаря этой богатой и разнообразной системѣ скрещиванія, Англія обезпечила себѣ и долгую, и роскошную жизнь. Нѣсколько скуднѣе было скрещиваніе во Франціи. Германцы, въ видѣ Франковъ, римляне, и кельты въ видѣ Галловъ, — вотъ всѣ ингредіенты этой націи. Еще бѣднѣе было скрещиваніе въ Германіи. Здѣсь можно отыскать многочисленность составныхъ частей, но нельзя отыскать разнородности ихъ. Напротивъ составъ этого общества крайне однороденъ, потому что исключительно германскій. Тутъ не было ни подстилки кельтской, ни наслоенія римскаго, и было только все разнообразіе крови тевтонской. А потому и самая цивилизація, культура и гражданственность германская вышла чрезвычайно однородною: въ ней можно отыскать и высоту, и глубину, но нельзя отыскать широты, разнообразія. Такъ, напримѣръ, въ теченіе всей исторической жизни своей Германія вовсе была

неспособна къ творчеству практическому, политическому: пробившись всѣ средніе вѣка надъ созданіемъ нѣмецкой имперіи, она перешла и въ новые, не успѣвши создать ее; побившись и здѣсь еще надъ созданіемъ большого и цѣльнаго политическаго тѣла три вѣка, она и здѣсь окончила безсильнымъ германскимъ союзомъ; просуществовавши и въ этомъ видѣ небольше одного дня, она разрѣшилась наконецъ окончательной несостоятельностью,—и распалась, исчезла. И только на крайнемъ востокѣ своей территоріи, тамъ, гдѣ нѣмецкое племя соприкоснулось съ сосѣднимъ славянскимъ, тамъ, гдѣ оно вошло въ помѣсь съ Поморянами, Вильцами, Венетами, Оботритами, Лужичанами, Сорабами, Боруссами, словомъ тамъ гдѣ образовалась Пруссія, тамъ оказалась, кромѣ другихъ германскихъ способностей, и способность политическаго творчества, которая, создавши въ одно столѣтіе первостепенную европейскую державу, въ слѣдующее столѣтіе успѣла уже создать и ту имперію, которую не могли слѣпить чистые нѣмцы за цѣлое тысячелѣтіе, и которая вотъ теперь уже снискала себѣ гегемонію въ Европѣ. Славянское скрещиваніе долго страдало тѣмъ же разнообразіемъ однородности, какъ и нѣмецкое. Въ Россіи, напримѣръ, Великая Россія, Малая Россія, Бѣлая Россія, весь этотъ основной фондъ населенія, долго былъ исключительно славянскій. Въ Польшѣ онъ и до сихъ поръ остался такимъ же. Въ Червоной Руси также. А потому ни Польша, ни Малороссія, ни Галиція, ни Литва, ни Новгородъ не могли образовать ничего прочнаго въ политическомъ отношеніи. И только на крайнемъ востокѣ и сѣверѣ своей территоріи, тамъ гдѣ славянское племя встрѣтилось съ финскимъ (Меря, Мурома, Чудь Заволоцкая), гдѣ они вошли въ значительную помѣсь, и гдѣ произвели даже вторичный типъ великорусскій, тамъ только, только въ Москвѣ, возникло крѣпкое и надежное политическое тѣло, которое, наращаясь потомъ, какъ глыба снѣгу, всѣми односторонними славянскими наслоеніями, и составило теперь единственный противовѣсъ и единственнаго грознаго соперника для первенствующей германской расы.

Правда, европейскіе друзья наши и самое скрещиваніе наше ставятъ намъ во вредъ; они любятъ считать почему-то позорнымъ входить въ помѣсь съ татарами или съ финнами, а не съ англами, франками, вандалами и т. п. Но во-первыхъ, чѣмъ же татары и финны хуже вандаловъ? Каждое племя имѣетъ какую-либо человѣческую способность, и при томъ такую, какой не имѣетъ другое, и потому только однородныя помѣси могутъ быть вредны; но чѣмъ племена, входящія въ составъ общества, разнороднѣе, отличнѣе одно отъ другаго, тѣмъ для общества только лучше, а не хуже, потому что тѣмъ больше вносится разнообразія способностей. А во-вторыхъ если англы и саксы имѣли какое-либо преимущество предъ римлянами и греками, то единственно преимущество позднѣйшаго появленія въ мірѣ, преимущество болѣе долгой исторіи предъ собой, преимущество лучшей школы и лучшаго воспитанія мірового. Позднѣйшій народъ, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ по тому больше шансовъ прогресса въ сравненіи съ раннимъ, кто бы онъ ни былъ, что въ распоряженіи его находится большій запасъ даровой опыта, большая сумма чужого наслѣдства, котораго не надо наживать вновь, и къ которому довольно прибавить одинъ свой скрупулъ, для того чтобы быть уже богаче всѣхъ своихъ предшественниковъ. Но такую же точно привиллегію имѣютъ и татары, и финны передъ англами, саксами, франками и тевтонами; а потому если потомки этихъ послѣднихъ находятъ основаніе считать себя лучше насъ, то мы также не лишены основаній, и притомъ нисколько не худшихъ, считать себя счастливѣе ихъ. А если мы укажемъ имъ на тотъ резервъ новыхъ и новыхъ скрещиваній, который есть у насъ, и котораго нѣтъ у нихъ, то можетъ быть и они сами, и съ ихъ собственной точки зрѣнія, сочтутъ приличнымъ нѣсколько снизойти къ намъ. Какое обновленіе, какой источникъ новыхъ скрещиваній заключаетъ въ себѣ даже самая Англія, не только Франція и Германія? Индію ли? но она отдѣлена двумя океанами. Ирландію? но онѣ раздѣлены океаномъ ненависти.

Сословія ли свои? но онѣ разлучены предразсудками. А пока предразсудки эти пройдутъ, воды много утечетъ. У Франціи нѣтъ и тѣхъ резервуаровъ, какіе есть у Англіи. Франція и безъ того уже достигла такого единства типа, какому другого подобнаго мы и не встрѣчаемъ въ Европѣ, кромѣ развѣ Еврея. Германскій типъ нѣсколько варьируется, смотря по областямъ Германіи; но кромѣ этихъ трехъ или четырехъ весьма перѣзкихъ варьяцій, каковы прусская, южно-германская и австрійская, больше и комбинироваться не чему, а слѣдовательно не чѣмъ больше и разнообразить жизнь, исторію. Единственною надеждою ихъ могли бы быть нѣмецкіе славяне,—отсюда и такое упорное притязаніе уподобить ихъ себѣ; но если ужъ до сихъ поръ они уцѣлѣли не уподобленными, то теперь, когда они стоятъ зорко на сторожѣ отъ этого уподобленія, теперь надежда эта уже опоздала. И если нѣмецкіе славяне готовы обновить собою кого-нибудь, то совсѣмъ не нѣмцевъ. У насъ между тѣмъ обще-русскій типъ совсѣмъ еще не установился, а родникъ обновленія его не изсякаемъ. У насъ есть типъ малороссійскій, есть типъ и даже два типа великорусскихъ, но русскаго типа нѣтъ; мы сами можемъ еще узнавать другъ друга по типу, но иностранцы за границей не узнаютъ насъ никогда, какъ узнаемъ мы ихъ между собою. А между тѣмъ не достигши здѣсь и до сихъ поръ до застоя, до этого перваго изъ всѣхъ застоевъ, мы имѣемъ возможность не достигать до него и еще очень долго. Не говоря уже о нашихъ сословіяхъ, составляющихъ по крайней мѣрѣ два совершенно отличныхъ типа, однѣ наши окраины составляютъ цѣлую этнологическую казну. Финляндія съ ея Шведами и Финнами, Остзейскія губерніи съ ихъ нѣмцами и латышами, Польша съ ея мазурами и магометанами, западныя губерніи съ ихъ поляками и литвинами, Бессарабія и Новороссія съ ихъ молдаванами и колонистами, Кавказъ съ его араратскимъ ковчегомъ племенъ, Астрахань, Туркестанъ и Казань съ ихъ тюркскими племенами, Сибирь со всѣми ея инородцами,—все это такіе этнологическіе рудники наши, такія казно-храпили-

щія обновленія и разнообразія, что тщетно стали бы мы искать другое общество (за исключеніемъ все-таки американскаго), которое было бы обставлено въ этомъ отношеніи такъ счастливо, такъ благопріятно. Для другихъ европейскихъ обществъ и тѣ средства новыхъ скрещиваній, какія у нихъ еще имѣются, едва ли могутъ уже пойти имъ въ прокъ, потому что антипатіи національныя и сословныя еще слишкомъ сильны для допущенія неравныхъ браковъ, а пониманіе соціальное еще слишкомъ для того слабо. Для насъ же и эта невыгода исчезаетъ, по той простой причинѣ что мы можемъ выжидать. У насъ есть еще время выждать, пока и антипатіи улягутся, и соціальное пониманіе подымется и разспространится; есть время выждать, пока инстинкты самосохраненія уступятъ мѣсто пониманію самосохраненія, выждать, пока неравенство браковъ можетъ войти въ такой же принципъ общежитія, какимъ нынѣ есть, и должно быть пока, равенство ихъ. Мы имѣемъ, наконецъ, во всякомъ случаѣ и по крайней-мѣрѣ, возможность дождаться хоть того, что если не общество цѣликомъ, то половина интеллигенціи и половина правительства убѣдится въ великомъ историческомъ значеніи скрещиваній, что онѣ станутъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи систематически, и что путемъ настойчиваго и систематическаго покровительства помѣсямъ племенъ и случиванію сословій они достигнутъ таки того, чего не достигали еще никакія интеллигенціи и правительства,—возможности произвольно протянуть жизнь и прогрессивность своего общества на нѣсколько столѣтій. Много для насъ можетъ быть опасностей впереди, много можетъ предстоять намъ впереди горя, но не предстоитъ намъ опасность отцвѣсти прежде другихъ народовъ Европы, не предстоитъ намъ горя не пережить кого-нибудь изъ нихъ.

Гдѣ же, въ какой стадіи этой долговѣчной жизни обрѣтаемся теперь мы: въ прогрессѣ, въ застоѣ, въ регрессѣ?... Для Франціи вопросъ это весьма спорный, для Англіи и Германіи уже меньше, для Россіи же едва ли и врагъ ея сочтетъ его не безспорнымъ. Ростъ нашъ не прекращался

до сихъ поръ и не застаивался даже въ физическомъ смыслѣ, т. е. и въ томъ, въ какомъ онъ прекращается раньше всего. Мы ростемъ до сихъ поръ и территоріей, и населеніемъ, и въ высоту, и въ основаніе, и пиримидально, и круговымъ образомъ. Еще 150 лѣтъ тому назадъ территорія наша занимала 296.000 кв. м., теперь она занимаетъ ихъ 370.000, и еще на дняхъ приросли къ ней, очевидно, не послѣднія обширныя территоріи Амура и Туркестана. Еще 150 лѣтъ тому назадъ населеніе наше состояло изъ 14.000.000, теперь оно составляетъ уже не меньше 80.000.000. А между тѣмъ то же и въ экономическомъ отношеніи, что въ физіологическомъ и въ физическомъ. Еще при Петрѣ весь нашъ доходъ государственный ограничивался 5.000.000 рублей, теперь онъ простирается до 400.000.000 рублей. Нужно ли, добавлять доказательства возрастанія политическаго: въ цивилизаціи, въ культурѣ, въ гражданственности? Мало того, нельзя не признать даже особенной быстроты всего этого роста: мы ростемъ дѣйствительно, какъ нашъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ, и ростемъ такъ по той же причинѣ что и онъ, потому что сидѣли сиднемъ тридцать лѣтъ и три года. Начавши съ Петра, мы въ самомъ дѣлѣ какъ-бы торопимся вознаградить потраченное до него для цивилизаціи и для гражданственности время, которое все надо было вложить тогда въ одну культуру. Эта быстрота могла бы даже возбудить опасенія, опасенія такой же грядущей реакціи, еслибы она сама не была отвѣтомъ на предшествовавшую реакцію, и если бы она отъ времени до времени не умѣрялась частыми промежутками застоя. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ поколѣніяхъ совершалось столько и такихъ событій, сколько совершилось ихъ въ поколѣніе нашего Петра и наконецъ нашего Александра II? гдѣ другой народъ и другой опытъ такихъ двухъ переворотовъ, происшедшихъ безъ революціи и инкорпорированныхъ лучше, чѣмъ инкорпорируютъ революціи. А между тѣмъ это только двѣ первостепенныя реформаціи, другія же двѣ, второстепенныя, лежатъ еще между ними:

реформація Екатерины II и реформація Александра I. И всѣ эти четыре переворота въ теченіе одного вѣка съ половиною! Такого полуторастолѣтія нѣтъ ни въ Греціи, ни въ Римѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи, и есть нѣчто подобное развѣ только въ Пруссіи. Во Франціи, правда, реформы бываютъ также довольно общи, довольно широки и всеобъемлющи, какъ напримѣръ хартія, республика, всеобщая подача голосовъ; но дѣло въ томъ, что всѣ онѣ плохо усвоиваются, и что послѣ каждой изъ нихъ страна возвращается назадъ. Такъ тѣло, не смотря на обильные пріемы пищи, теряетъ возможность питаться, если самая дѣятельность пищеваренія, кровотворенія и всасыванія ослабѣла: пища при этомъ или извергается вонъ, какъ пріемы французской республики, или же, оставаясь въ тѣлѣ, не всасывается, какъ всеобщая подача голосовъ и конституціонализмъ. Россія же никогда еще не возвращалась назадъ, къ разложившимся въ ней самой формамъ и матеріаламъ; она никогда еще не испытывала ни этого зловѣщаго колебанія, въ которомъ находится организмъ послѣ поры своего мужества, какъ Франція, ни даже этого равновѣсія слаганія съ разлаганіемъ, въ которомъ организмы пребываютъ въ полнотѣ силъ своихъ, какъ Англія. Словомъ, если нужно провести параллель между европейскими расами, то можно сказать, что всѣ онѣ столпились у одной и той же точки біологическаго круга, а именно у апогея его; но съ тою разницею, что романцы переступили уже за эту точку, англичане стоятъ какъ разъ на ней, германцы находятя еще передъ нею, а славяне видятъ ее еще далеко впереди. Но, не смотря на всю эту перспективу, организмъ, нашъ тѣмъ неменѣе пораженъ, какъ видно и изъ только что сказаннаго, такимъ порокомъ, который тѣмъ неисправимѣе, чѣмъ чаще и усерднѣе онъ исправляется. Непостепенность развитія обратилась для насъ въ рокъ, въ хроническую эпидемію. Однажды задержанные на ходу своемъ, однажды выведенные изъ постепенности развитія нашею тяжбою съ татарами и на цѣлыхъ четыре столѣтія отвлеченные отъ прямой дороги, мы

волей-неволей принуждены были къ тому геркулесовскому скачку, какой совершили потомъ подъ предводительствомъ Петра. А разъ совершивши, послѣ такого присѣста, такой скачокъ, мы волей-неволей должны были обратить ихъ себѣ въ норму, въ естественный порядокъ вещей. Движеніе это и безъ того волнообразно, каждое же усиленное напряженіе для скачка неминуемо требуетъ потомъ такого же усиленнаго отдыха, а отдыхъ усиленный опять обусловливаетъ собою новый скачокъ, и такимъ образомъ безъ конца. Волны такимъ образомъ возрастаютъ и вмѣсто простого теченія является буря. И каждый разъ при этомъ, чѣмъ усерднѣе желаніе вознаградить потерянное время, чѣмъ дѣйствительнѣе намѣреніе исправить свое прошедшее, тѣмъ только больше портится будущее, и тѣмъ только вѣрнѣе увѣковѣчивается волненіе, какъ органическій порокъ общества. Единственное возможное здѣсь, по крайней мѣрѣ въ отдаленномъ будущемъ, исправленіе состоитъ въ томъ, чтобъ умѣрять каждый новый прыжокъ и каждый новый роздыхъ, такъ чтобъ волны ихъ мельчали все больше и больше, и чтобъ измельчали, наконецъ, до простой зыби, до той, какую мы видимъ теперь въ Англіи. Нуженъ, поэтому, постоянно необыкновеный тактъ, чрезвычайный правительственный инстинктъ, для того чтобы каждую волну не передержать по крайней мѣрѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ, а еще больше для того, чтобы не поставить вмѣсто одной волны, очередной, другую, неочередную, что составило бы самую большую общественную ошибку. Нуженъ еще большій правительственный инстинктъ для того, чтобы постепенно все болѣе и болѣе умѣрять высоту и грандіозность каждой изъ этихъ волнъ. А потому нѣтъ ничего для насъ теперь менѣе вожделеннаго какъ будущія великія царствованія или великія реакціи будущія. Понимающій патріотъ и либералъ нашъ долженъ всячески воздерживаться отъ всякихъ великихъ идеаловъ политическихъ, а понимающій консерваторъ, ради своихъ собственныхъ пользъ, долженъ всячески проти-

водѣйствовать всякому разгару реакцій, потому что иначе каждая изъ нихъ грозитъ ему потомъ бурей прогресса.

Соединеніе и раздѣленіе труда въ Европѣ шло до сихъ поръ слѣдующимъ образомъ. Вся исторія каждаго изъ ея государствъ можетъ быть представлена, между прочимъ, какъ непрерывный рядъ политическихъ соединеній, и при томъ преобладающихъ надъ политическими раздѣленіями. Такъ, напримѣръ, слѣдя сперва соединеніе по принципу іерархичности, мы увидимъ, что Франція, напримѣръ, до самаго начала настоящаго вѣка не переставала производить новыя и новыя соединенія, и при томъ идя постоянно отъ меньшихъ къ большимъ, отъ мельчайшихъ къ крупнѣйшимъ. Начавшись аллодіальною системою, она перешла къ феодальной; а что же такое было аллодіальная система и что такое феодальная? Въ первой изъ нихъ каждая баронія была самостоятельное цѣлое, независимое политическое общество; а вторая представляетъ именно соединенія по нѣсколько бароній въ одинъ феодъ, т. е. первую степень іерархическаго соединенія. Что такое послѣдующая борьба монархизма съ феодализмомъ, какъ не борьба за новыя іерархическія соединенія нѣсколькихъ феодовъ въ одинъ доменъ? Что такое побѣда монархизма надъ феодализмомъ, какъ не обращеніе всѣхъ французскихъ феодовъ въ одинъ французскій доменъ? Но и на этомъ дѣло не останавливается. Правда, начиная съ новой исторіи соединенія идутъ значительно медленнѣе, труднѣе и безуспѣшнѣе. Новыя цѣлыя, какъ Эльзасъ и Лоттарингія, десять разъ присоединяемыя, десять разъ и отпадаютъ, неуспѣваютъ инкорпорироваться плотно, интегрально и неразрывно; Кельнъ, Триръ, Кобленцъ и Майнцъ еще менѣе. Мало по малу однакожъ къ концу прошлаго столѣтія вопросъ рѣшается окончательно тѣмъ, что первыя территоріи, хотя и съ трудомъ, но входятъ рѣшительно во французское соединеніе, а вторыя, хотя и не безъ труда, но остаются при соединеніи германскомъ. Этимъ и завершается образованіе полнаго французскаго

соединенія. Дальше этого оно никогда не достигало на долго, а послѣ этого, и вслѣдъ за столѣтнимъ равновѣсіемъ обоихъ процессовъ, надъ соединеніемъ начинаетъ уже преобладать раздѣленіе. И преобладаніе это начинается оттуда же, гдѣ совершилось самое трудное и самое послѣднее соединеніе, т. е. съ Эльзаса и съ Лоттарингіи. При Людовикѣ XV они инкорпорированы, при Наполеонѣ III экскорпорированы. Слѣдующій приступъ преобладающаго раздѣленія предстоитъ, по всей вѣроятности, въ Савойѣ, какъ также одномъ изъ послѣднихъ и одномъ изъ наименѣе инкорпорированныхъ соединеній. Германское соединеніе шло тѣмъ же путемъ, но съ тою разницею, что здѣсь способность соединенія, до вмѣшательства прусской закваски, была несравненно меньше, и всегда очень мало преобладала надъ способностью раздѣленія. Россія отличалась сперва германской слабостью инстинкта соединенія, а потомъ французской силою его. Образованіе самой первой общественной клѣточки долго было пробуемо напрасно. Родовыхъ обществъ было уже множество, но соединенія между ними никакъ не могло возникнуть, что, на языкѣ Нестора, значитъ: родъ возставалъ на родъ и управы не было. И только тогда, когда два рода славянскихъ, кривичи и новгородцы, соединились съ двумя противоположными элементами, двумя родами финскими, весью и чудью, тогда только получилась первая государственная клѣточка. Соединеніе пошло съ тѣхъ поръ довольно быстро, роды наращались теперь на готовую клѣточку одинъ за другимъ: полочане, кривичи, сѣверяне, поляне, древляне, вятичи такъ и облѣпили зародышъ со всѣхъ сторонъ. Но за то же и шедшее параллельно съ тѣмъ раздѣленіе шло въ такой мѣрѣ, что дошло до системы удѣльности. И только что образовавшееся цѣльное и независимое княжество русское оказалось дюжиной цѣльныхъ и независимыхъ удѣльныхъ княжествъ или земель. Мало того, раздѣленіе грозило пойти еще дальше, возвратиться опять къ родовымъ единицамъ; соединеніе ослабѣло до того, что ограничивалось только родословнымъ единствомъ

владѣтельныхъ домовъ, — и Россія стояла на той же самой дорогѣ, на какой и средневѣковая Германія. Но вотъ нагрянула туча, и изъ нея пролился животворный дождь. Какъ ни велико было зло татарскаго ига, но въ этомъ великомъ худѣ оказалось и великое добро. Нашествіе это сразу поставило насъ на французскій путь, и сразу дало огромный перевѣсъ инстинкту соединенія надъ инстинктомъ раздѣленія. Оба метода, германскій и французскій, нашли себѣ такимъ образомъ равное у насъ мѣсто, также какъ и въ Англіи; съ тою только разницею, что въ Англіи оба успѣли уже примириться и уровновѣситься, (въ монархизмѣ и въ самоуправленіи) у насъ же до сихъ поръ длилось только усвоеніе и преобладаніе дополнительнаго метода къ прирожденному, и если начинается уравновѣшиваніе обоихъ, (прирожденнаго и привитого) то только съ текущихъ дней, только съ воскрешенія земскаго режима. А когда достигнется равновѣсіе обоихъ, когда оно отольется въ свою особую форму, — объ этомъ и гадать еще трудно, какъ ни достовѣрно, что такое равновѣсіе рано или поздно достигнется, и такая форма рано или поздно отольется. Когда же наступитъ послѣ этого уравновѣшенія и потомъ равновѣсія преобладаніе раздѣленія, какое наступило въ наши дни для Франціи, — сюда и заглядывать еще не за чѣмъ. До сихъ поръ не подлежитъ только сомнѣнію, что все, что до сихъ поръ инкорпоровано нами, инкорпоривано надежно, и что ничто еще изъ всего, что до сихъ поръ инкорпорировано, не было экскорпорировано ни однажды, какъ не разъ уже случалось это съ Франціей. Полоска земли на устьѣ Дуная не можетъ, конечно, быть сочтена за опроверженіе общаго и многовѣкового факта. Наоборотъ же, т. е. что касается соединеній предстоящихъ, возможныхъ въ будущемъ, то каждое изъ нихъ вѣроятнѣе чѣмъ какое бы то ни было изъ отдѣленій. Таково, напримѣръ, соединеніе панславянское. Національное движеніе во всей Европѣ такъ глубоко и такъ популярно, принципъ національностей такъ естественъ и такъ освященъ событіями, что если возможенъ

былъ панитальянизмъ и пангерманизмъ, если предполагается возможнымъ панскандинавизмъ и панибериэмъ, то непонятно, почему бы долженъ былъ оставаться невозможнымъ одинъ панславизмъ. Если нѣтъ пока благопріятныхъ для него обстоятельствъ внѣшнихъ, то ихъ всегда можно дождаться, коль-скоро есть такое благопріятное обстоятельство внутреннее, какъ взаимное стремленіе къ соединенію. Если Пруссія будетъ благоразумна, и будетъ не слишкомъ полагаться на свое могущество, то соединеніе это можетъ произойти даже безъ пролитія капли крови. Для этого стоитъ только Пруссіи удовольствоваться австрійскими нѣмцами, а славянъ австрійскихъ отпустить туда, куда они сами пожелаютъ,—и раздѣлъ Австріи можетъ состояться въ силу одного трактата. Италія могла бы быть удовлетворена при этомъ итальянскимъ Тиролемъ, а Франція должна бы была безмолвствовать. Затрудненіе составляетъ при этомъ одна только Венгрія, господствующее населеніе которой симпатизируетъ Пруссіи, а подчиненное — Россіи. Но это во всякомъ случаѣ затрудненіе частное, и не такое, котораго не могла бы обойти никакая мудрость. Если же Пруссія будетъ самоувѣренна и неблагоразумна, если она предпочтетъ, измѣняя собственному принципу, посягнуть и на славянскую Австрію, тогда необходима будетъ война. Соблазниться же ей къ этому посягательству тѣмъ легче, что могутъ представиться такія комбинаціи, при которыхъ она можетъ разсчитывать пріобрѣсть Австрію цѣликомъ, и въ тоже время или избѣгнуть войны или быть увѣренной въ побѣдѣ на случай ея. Такъ, напримѣръ, если-бы Австрія согласилась войти въ нынѣшній германскій союзъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ Баварія, Саксонія, и т. д. (а согласиться ей на это есть дѣло простого самосохраненія и выбора изъ двухъ золъ меньшаго), то Пруссія могла бы разсчитывать, что въ такомъ случаѣ не страшна для нея и война, а что призъ стоитъ, конечно, усилій побѣды. А если бы Пруссія могла при этомъ склонить еще на свою сторону Италію и тѣмъ отвлечь склонившуюся къ намъ Францію, то шансы

ея были бы и еще для нея соблазнительнѣе. Но даже и на этотъ, самый неблагопріятный и несчастливый случай мы все-таки не безнадежны: на такой случай всегда у насъ будетъ въ запасѣ, если не Франція, то, что еще важнѣе, революція въ Австріи. Наконецъ если бы къ врагамъ этимъ пристала и Турція, то у насъ останется такой же союзникъ и противъ нея. И такъ соединеніе все-таки не невозможно. Между тѣмъ отдѣленія, по силѣ такихъ же обстоятельствъ, становятся дѣйствительно все невозможнѣе и невозможнѣе. Самый слабый въ этомъ отношеніи пунктъ нашъ была до сихъ поръ Польша. Но обстоятельства дѣлаютъ все, для того чтобы этотъ слабый пунктъ обратить въ сильный. Во первыхъ ободреніе и покровительство со стороны Франціи, главной, если не единственной до сихъ поръ, надежды Польши, кончено на всегда: кончено вслѣдствіе измѣнившейся силы Франціи, кончено вслѣдствіе солидарности французскихъ поляковъ съ парижской коммуной, кончено вслѣдствіе необходимости для Франціи дружбы русской. Искать же Польшѣ надежды въ Германіи или въ Англіи есть химера. Правда, при упомянутомъ соединеніи Пруссіи и Австріи въ одномъ германскомъ союзѣ Польша наша весьма легко могла бы на нихъ разсчитывать, для того чтобъ присоединиться къ австрійской и прусской Польшѣ; но едва ли на такой разсчотъ согласились бы даже сами Австрія и Пруссія. Въ этомъ случаѣ политическая безтактность поляковъ, неспособность ихъ приспособляться къ окружающей средѣ, есть настоящій кладъ для насъ. Она, эта безтактность, это неумѣнье забывать, неумѣнье приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ и, вслѣдствіе того, анахронистическая притязательность, такъ же успѣетъ испугать и нѣмцевъ, какъ пугала она до сихъ поръ насъ. Если для Польши возможенъ былъ такой анахронизмъ, какъ притязаніе на Польшу по Днѣпръ, то еще возможнѣе притязаніе на Польшу по Одеръ, на Польшу, во всякомъ случаѣ, самостоятельную, коль-скоро уже однажды всѣ ея части встрѣтились. Это-то опасеніе будетъ всегда достаточ-

нымъ пугаломъ противъ нѣмецкаго покровительства польской идеѣ. Уже и безъ того Пруссія пристально присматривается къ реформамъ, предполагаемымъ въ Галиціи, уже и безъ того Бисмаркъ жалуется на полонизацію нѣмцевъ въ Познани, уже и безъ того министръ духовныхъ дѣлъ Пруссіи объявляетъ, что поляки не привыкли еще думать и дѣйствовать какъ прусскіе подданные, уже и безъ того познанецъ подозрѣвается въ склонности покуситься на жизнь Бисмарка, — гдѣ же тутъ возможенъ, съ одной стороны, отказъ отъ притязаній, а съ другой, санкція этихъ притязаній или потворство имъ. И такъ въ европейскомъ смыслѣ Польша остается отнынѣ изолированною. Во-вторыхъ, стремясь къ нѣмцамъ, и отталкиваясь отъ Россіи, она разрываетъ связь со всѣми другими славянами, она измѣняетъ чехамъ, моравамъ, сербамъ, не говоря уже объ измѣнѣ себѣ, объ опасности, какой подвергаетъ она свою собственную національность въ нѣмецкой средѣ. И такъ этимъ путемъ она изолируетъ себя и въ смыслѣ славянскомъ. Въ третьихъ демократизація Польши Россіей, послѣднія реформы аграрныя и дальнѣйшая политика въ томъ же направленіи могутъ создать наконецъ русскую партію въ Польшѣ, могутъ, слѣдовательно, раздвоить Польшу и въ самой себѣ, и такимъ образомъ уединить аристократическую и эмигрантскую Польшу и въ смыслѣ домашнемъ. А при такихъ трехъ изолированіяхъ, при такомъ неумолимомъ сцѣпленіи обстоятельствъ, что могутъ значить всѣ антипатіи и симпатіи, какъ бы онѣ ни были глубоки, что значатъ всѣ идеалы и грезы, какъ бы ни были они и возвышенны, и законны. Исторія не знаетъ и знать не хочетъ никакой ни милости, ни состраданія. Она давитъ безжалостно и топчетъ безсердечно самыя лучшія народности и самыя правыя ихъ нужды, коль-скоро онѣ становятся на пути ея. Теперешній путь этой исторіи есть соединеніе возможно большихъ племенныхъ цѣлыхъ, — и вотъ напрасно короли неаполитанскіе и герцоги тосканскіе возвышаютъ голосъ своего права, исторія, въ лицѣ Виктора-Эммануила,

слышать ихъ не хочетъ; напрасно короли Ганновера и министерства Баваріи протестуютъ во имя ихъ собственныхъ правъ и законности, исторія, въ своемъ представителѣ Вильгельмѣ I, не внемлетъ ничему; напрасно и самая Австрія, спасая свою самобытность, дружится съ Пруссіей, самобытность эта не будетъ пощажена и самою Пруссіею, какъ бы это ни было безжалостно. Такъ же точно и Польша, желая стать на дорогѣ образованію общей славянской державы, будетъ только растоптана исторіей, если не захочетъ признать необходимостей ея. Тотъ гимнъ, который эта несчастная народность сложила себѣ въ свою послѣднюю революцію, этотъ раздирающій душу вопль растерзанной народности, самъ звучитъ какой-то надгробной пѣснью и пахнетъ могилою его собственныхъ идеаловъ. Пѣсню такой безнадежности не могло сложить никакое чувство надежды. Такъ-то самое непрочное, повидимому, изъ всѣхъ нашихъ прошедшихъ соединеній могущественно, однакожъ, покровительствуется силою обстоятельствъ; а самое химерическое, по видимому, изъ всѣхъ соединеній будущихъ не встрѣчаетъ ни малѣйшей фактической невозможности.

Соединеніе по принципу старѣйшинства, въ боковомъ направленіи, шло, какъ видно отчасти уже и изъ предыдущаго, также правильно, какъ и соединеніе по принципу іерархичности. Какъ только въ Европѣ обозначились всѣ три ея племенные обитателя, то тотъ между ними, который обозначился раньше, раньше всѣхъ прочихъ и началъ соединяться, и успѣлъ соединиться. Раньше всѣхъ достигла полноты своей національности Франція (потому что еще при Людовикѣ XI въ XV вѣкѣ); если были и позже того попытки новыхъ естественныхъ границъ, то или мелочныя, или выходящія за предѣлы національности. Около того же времени соединилась и другая романская держава, Испанія (потому что также въ XV вѣкѣ при Фердинандѣ Католикѣ и Изабеллѣ). И только Италія запоздала въ довершеніи своей полноты соединеній, и достигла

ея не ранѣе нашего столѣтія, но все-таки ранѣе чѣмъ достигли того же германскія общества. Исключеніе составляетъ Англія, которая достигла естественныхъ границъ территоріи и населенія не много позже Франціи и Испаніи и немного раньше Италіи и Германіи (потому что Шотландія присоединена въ началѣ XVII, а Ирландія въ концѣ XVIII вѣка); но Англія и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ составляетъ компромисъ между романизмомъ и германизмомъ. Полнота германской территоріи и германской національности совершается или лучше начинаетъ совершаться впервые только на нашихъ глазахъ. Полнота же территоріальная и племенная славянская еще впереди. Но самое лучшее доказательство принципа старѣйшинства въ системѣ европейскихъ соединеній представляютъ собою попытки соединеній, выступавшихъ за національный кругъ, попытки обще-европейскихъ соединеній. Во-первыхъ всѣ онѣ предпринимались до сихъ поръ почти исключительно только изъ среды романскаго племени и преимущественно изъ Франціи, а во-вторыхъ всѣ онѣ достигали сколько нибудь полноты своей, также только предпринятыя отсюда. Въ самомъ дѣлѣ, самая первая попытка этого рода предпринята была Карломъ Великимъ изъ Франціи. И въ попытку этого соединенія дѣйствительно вошла наибольшая часть тогдашняго европейскаго цѣлаго: вошла Испанія по Эбро, вошла Италія до Рима, вошла Германія до Одера. Правда, со смертью Карла соединеніе разсыпалось также быстро, какъ и собралось, но все-таки это было и самое первое, и самое грандіозное паневропейское соединеніе. За тѣмъ послѣ крестовыхъ походовъ такая же попытка возникаетъ изъ Италіи, изъ Рима, въ лицѣ папства вообще и папы Иннокентія III въ частности. Основаніе римской или церковной области, какъ независимой державы, принадлежитъ, собственно говоря, Иннокентію, потому что только онъ истребовалъ у германской или священной римской имперіи отреченіе отъ ея верховныхъ правъ на Римъ и на его территорію, и только онъ поставилъ въ Римѣ впервые своего префекта, назначае-

маго до сихъ поръ императоромъ. Остальныя земли средней Италіи онъ также отнялъ у императорскаго намѣстника Маркварда Анвейлера, и принудилъ дворянство и города къ присягѣ себѣ. Южная Италія оказалась также въ рукахъ его, и не только по ленному праву, но и по факту, благодаря опекѣ его надъ своимъ вассаломъ, малолѣтнимъ королемъ Неаполя и Сициліи. Сѣверная Италія находилась въ его зависимости еще со временъ Гильдебранда. Итакъ Италія собрана была на минуту вся. Во Франціи и въ замкѣ короля ея папа распоряжался какъ дома. Одному французскому феодалу, Симону Монфорскому, онъ даритъ земли другого, Раймунда Тулузскаго, въ наказаніе за ересь,— и первый устремляется на второго, производя движеніе всего сѣвера Франціи на весь югъ ея, извѣстное подъ названіемъ альбигойскаго крестоваго похода. Король французскій, Филиппъ-Августъ, разводится, съ согласія епископовъ своихъ, съ женою своею и женится на другой; Иннокентій III бросаетъ на него анаѳему,— и король съ трепетомъ отсылаетъ новую жену и беретъ старую. Императорская германская корона дѣлается формальнымъ папскимъ леномъ, и папа даритъ ее, подъ клятвеннымъ условіемъ послушанія, Оттону IV, а на противника и соискателя его бросаетъ интердиктъ. Король англійскій, Іоаннъ Безземельный, за непослушаніе въ замѣщеніи кентерберійской епископской каѳедры, отлученъ папою отъ церкви, и отрѣшенъ отъ престола; земли его подарены французскому королю, теперь покорному Филиппу-Августу; и Филиппъ-Августъ собирается уже въ походъ для вступленія во владѣніе даромъ. Но Іоаннъ Безземельный покоряется, слагаетъ корону свою въ руки папы,— и папа возвращаетъ ее ему чрезъ легата въ видѣ лена и съ обязательствомъ ежегодной дани въ 1000 марокъ; королю же французскому запрещено предпринимать походъ, и онъ съ неудовольствіемъ повинуется. Вотъ степень паневропейскаго соединенія, предпринятаго изъ Италіи. Но соединеніе это, вмѣстѣ со смертью предпринимателя, разсыпалось снова. Въ третій разъ оно попробовано въ кон-

цѣ средней и въ началѣ новой исторіи и на этотъ разъ изъ Испаніи. Карлъ V, обладатель Испаніи по наслѣдству, императоръ Германіи по избранію, властелинъ всей Италіи отчасти по наслѣдству, отчасти по завоеванію, и наконецъ повелитель новаго свѣта, Карлъ V, имѣвшій полное право говорить, что въ его владѣніяхъ солнце не заходитъ, имѣлъ это право опять на одну только свою жизнь, съ заходомъ которой зашло и солнце въ его политическомъ соединеніи. Наконецъ еще разъ, и послѣдній разъ, такое соединеніе предпринято въ концѣ новой исторіи, и все-таки предпринято изъ среды романской, а именно изъ главнаго ея очага, т. е. вторично изъ Франціи. Наполеоновское соединеніе опять успѣло было стянуть въ себя большую половину Европы, опять въ теченіе жизни одного и того же человѣка, но также опять на время одной только этой жизни, послѣ которой оно снова распалось. Этимъ послѣднимъ соединеніемъ романскіе опыты этого рода, по всей вѣроятности, кончены на всегда. Нѣтъ для романцевъ невозможности въ такъ называемомъ латинскомъ союзѣ, но есть невозможность въ европейскомъ подъ ихъ гегемоніей. Не Германія должна теперь опасаться посягательствъ Франціи, а скорѣе Франція Германіи. Что касается всеевропейскихъ соединеній по иниціативѣ германской, то онѣ возникли, какъ и слѣдуетъ ожидать, по принципу старѣйшинства, гораздо позже романскихъ, а именно не ранѣе XI вѣка и Оттона Великаго. Но всѣ попытки германскихъ соединеній были еще эфемернѣе романскихъ, и при томъ же онѣ ни однажды не достигали такого объема какъ тѣ. Италія, а изъ Франціи только Лоттарингія и Бургундія,—вотъ все, что входило когда-нибудь въ эти соединенія. Германія, обнаружившая такъ мало способности даже къ внутреннему соединенію и достигшая его только въ наши дни, едва ли можетъ быть болѣе способна къ соединеніямъ внѣшнимъ даже и въ будущіе дни. Все, что можетъ, по закону старѣйшинства, сдѣлаться добычей Германіи, да и то развѣ на короткое время, и только отчасти, есть одно только

Библиотека

романское племя, т. е. въ тѣхъ же предѣлахъ священной римской имперіи, но никакъ не славянское. Страсть непремѣнно германизировать, непремѣнно уподоблять себѣ всякое свое присоединеніе, (столь не удободостижимая въ наши времена), и неумѣнье въ тоже время сохранять соединенія безъ этого условія и съ предоставленіемъ каждому своей оригинальности, (столь необходимымъ въ наши времена) всегда будутъ радикальной помѣхой ко всякому сколько-нибудь обширному, и выходящему за естественныя границы германизма, соединенію. Самыя младшія изъ всѣхъ внѣшнихъ соединеній суть русскія: онѣ начались не раньше XV и XVI вѣка, т. е. съ присоединенія Астрахани, Казани и Сибири. Но русскія соединенія совершенно не походятъ ни на типъ романскій, не на типъ германскій. Всѣ романскія были порывистыя и внезапныя: возникая мгновенно, онѣ мгновенно и распадались; всѣ онѣ были слѣдствіемъ одного блистательнаго усилія; всѣ опрокидывались столько же напередъ какъ и назадъ, т. е. на послѣдующіе народы какъ и на предыдущіе всѣ похожи были на древне-восточный завоевательный способъ, на способъ Ниновъ и Семирамидъ, Сезостризовъ, Кировъ, но не на римскій; оттого всѣ онѣ были и также не прочны какъ тѣ, и какъ всѣ вообще внезапныя азіатскія завоеванія Аттилъ, Тамерлановъ и Чингисхановъ. Романцы, въ своихъ завоеваніяхъ, дѣлали второй шагъ всегда прежде перваго: предпринимали соединенія внѣшнія, когда и внутреннее было еще спорнымъ вопросомъ. А такая преждевременность предпріятій не могла не обрекать ихъ на выкидышъ. Русскія завоеванія никогда не имѣли въ себѣ ничего порывистаго, внезапнаго и блистательнаго. Ни однажды завоеванія эти не разширялись вдругъ и необыкновенно; ни однажды за то и не распадались вслѣдъ за тѣмъ; но все, что было когда-нибудь завоевано, уцѣлѣло при насъ и до сего дня. Ни разу русское государство не выставило спеціалиста-завоевателя въ родѣ Карла Великаго или Наполеона; но всѣ наши завоеванія накоплялись мало-по-малу, по неза-

мѣтнымъ частицамъ, безъ шума и грома, и при всякомъ почти царствованіи безразлично, не смотря на то, былъ ли царь способнымъ полководцемъ или нѣтъ, и даже не смотря на то, былъ ли онъ мужчина или женщина. Грозный присоединилъ Казань, Астрахань и Сибирь, Алексѣй Михайловичъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ присоединили восточную Малороссію, Петръ присоединилъ Эстляндію, Лифляндію и Выборгъ, Елисавета присоединила Финляндію до Кюмени, Екатерина присоединила Бѣлоруссію, Малороссію западную и Крымъ, Александръ I присоединилъ всю Финляндію, царство польское и Бессарабію, Николай I присоединилъ Кавказъ, Александръ II присоединилъ Амуръ и Туркестанъ. Т. е. завоеваніе шло здѣсь постепенно, а не по вдохновенію, шло чисто по римски, а не по-азіатски и не по-древне-восточному. Оттого, вѣроятно, завоеванія эти и прочны. Наконецъ никогда, ни одного разу, не пыталась Россія на внѣшнія соединенія, тогда какъ не окончены еще внутреннія, на отдаленныя, тогда какъ не упрочены ближайшія; а тѣмъ больше на все-европейскія, пока не готово еще все славянское. Она терпѣливо ждала и ждетъ полной зрѣлости силъ своихъ, прежде чѣмъ предпринять ту или другую задачу въ уровень съ этой зрѣлостью, и потому никогда не оказывалась взявшеюся за дѣло не по силамъ. Эта выдержка есть для нея лучшій залогъ завоевательной способности ея, чѣмъ всѣ опыты всемірныхъ монархій Карловъ и Наполеоновъ. Ошибка, подобная наполеоновской, сдѣлана была бы ею только тогда, еслибъ она, вмѣсто Европы, пыталась когда-нибудь обратиться на Америку, или прежде чѣмъ обратиться на Азію обратилась бы на Европу, или, недостигши въ Европѣ соединенія славянскаго, стала бы пробовать европейское. Не менѣе того русскій завоевательный методъ отличается и отъ германскаго. Германцы, завоевывая славянъ, напирали въ своей политикѣ по преимуществу на то, чтобы обезличить побѣжденныхъ, и такъ какъ въ политикѣ этой была настойчивость и преемственность, то онѣ и достигли того, что не только вѣра, языкъ, національность,

но и самыя имена побѣжденныхъ истреблялись, и, если уцѣлѣли, то только такъ какъ Чехи, т. е. на половину онѣмеченные, или только такіе какъ Познанцы, т. е. позднѣе другихъ попавшіе въ нѣмецкое соединеніе. Это способъ, конечно, самый прочный; но дѣло въ томъ, что онъ совершенно не приложимъ къ соединеніямъ обширнымъ и слишкомъ разнороднымъ. Онъ годится для малыхъ пространствъ, и то при условіи большихъ временъ; на пространствахъ же обширныхъ онъ недоступенъ и никакимъ временамъ; а потому такой способъ никакъ не знаменуетъ народа дѣйствительно объединительнаго, дѣйствительно завоевательнаго. Самая Пруссія, вдругъ раскинувшаяся на всю Германію, и отчасти на Францію, потому только и раскинулась на одну, что та тождественна съ нею, и на другую, что надѣется ее отождествить. Словомъ, у самой Пруссіи завоевательный методъ есть методъ македонскій или греческій, но все таки не римскій. Македонія также, завоевавъ, вслѣдъ за Грецією, Персію, ставила себѣ цѣлью эллинизировать завоеванныхъ; она также не понимала иной возможности удержать, напримѣръ, Іудею, какъ ввести въ такую инородную страну греческій языкъ, греческую вѣру, греческіе порядки; а потому завоеваніе, распавшееся уже вслѣдъ за Александромъ, послѣ него распадалось еще быстрѣе, и вся эллинизація ограничилась развѣ однимъ только Египтомъ и однимъ только правительственнымъ классомъ въ немъ. Ничего подобнаго не представляетъ русскій методъ завоеванія. Мы никогда не набрасывались ни на вѣру, ни на языкъ своихъ побѣжденныхъ съ огнемъ и мечомъ, какъ Камбизъ на Египетъ, или Карлъ Великій на Саксонцевъ, или Тевтонцы на Литву; мы не набрасывались на нихъ даже и съ религіозной или политической пропагандой исподоволь, какъ генералы Александра Македонскаго или какъ миссіонеры католическіе и школьные учителя и чиновники германскіе. Миссіонерство наше и до сихъ поръ слабо, школа наша и до сихъ поръ не существуетъ, чиновникъ нашъ и до сихъ поръ не политикъ. Все, что сдѣлано въ этомъ направленіи, сдѣлано нечаянно.

янно, помимо политики, въ силу теченія событій, и именно путемъ русской колонизаціи завоеваній. Никакой предзаданной претензіи на русификацію побѣжденныхъ у насъ никогда не было и нѣтъ; а если тамъ или здѣсь, тогда или теперь прорывается претензія, то нигдѣ и никогда не бываетъ ни умѣнья, ни настойчивости выдержать ее. Всякая такая претензія бываетъ у насъ также порывиста и внезапна и также скоро упускается изъ виду, какъ на западѣ самыя завоеванія. Напрасно нѣкоторые думаютъ, что мы не русифицируемъ потому только, что мы ниже нашихъ побѣжденныхъ: это можно еще доказывать на счетъ Финляндіи, на счетъ Остъзейскаго края, но никакъ не на счетъ татаръ, калмыковъ, зырянъ, самоѣдовъ и всѣхъ инородцевъ Сибири. А между тѣмъ наши татары и до сихъ поръ говорятъ своимъ языкомъ и молятся своему богу; наши калмыки и до сихъ поръ управляются своимъ порядкомъ; наши самоѣды и до сихъ поръ имѣютъ право вести свою кочевую жизнь въ своихъ тундрахъ, наша рюриковская Мордва и до сихъ поръ Мордва. Никому изъ побѣжденныхъ не мѣшаетъ Россія оставаться собой, не смотря на соединеніе съ нею, а потому всѣ они и остаются при ней безповоротно. Это методъ чисто римскій, а потому онъ и знаменуетъ въ Россіи ту націю, которая едвали не болѣе всѣхъ европейскихъ способна къ завоевательной роли и къ всеевропейскому объединенію. Недавно вспыхнувшее притязаніе руссифицировать поляковъ, во-первыхъ, также быстро и погасаетъ, какъ вспыхнуло, а во-вторыхъ обратилось къ своей цѣли съ такой неловкостью и такой неумѣлостью, что обнаружило только запоздалость и торопливость плана, а не разсчетливость, обдуманность и систематичность его. Да и Боже насъ сохрани отъ этого умѣнья! Безъ него мы не только живемъ сами, но даемъ жить и другимъ; между тѣмъ какъ съ нимъ Австрія не только другимъ не даетъ жить, но и сама живетъ плохо. Только при этомъ неумѣньи и неохотѣ съ нашей стороны наша Финляндія лишается достаточныхъ поводовъ стремиться къ сепаратизму; только это неу-

мѣнье и неохота, которыя хотятъ теперь исправиться, дѣлали нашъ остзейскій край однимъ изъ вѣрнѣйшихъ и преданнѣйшихъ, какъ дѣлаютъ теперь его будирующимъ и отворачивающимся; только при этомъ неумѣньи и неохотѣ не будетъ Польшѣ никакого разсчета итти въ онѣмеченіе и предпочитать его сохраненію полонизма въ Россіи. Словомъ понятіе «обрусѣнія» и фактъ его такъ новы, что онѣ не могли до сихъ поръ создать себѣ и имени, и слово пришлось сочинять прежде дѣла. А какъ крайне искуственное и натянутое, и самое слово даже не удалось: во-первыхъ оно обозначило не дѣйствіе, а скорѣе предметъ дѣйствія, страданіе, такъ что правильнѣе было бы говорить объ обрушеніи нами другихъ; а во-вторыхъ, какъ ни скажи его, оно и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ комическую двусмысленность. Поляки гораздо способнѣе ополячивать, а потому и ополячиваніе, и ополяченіе всегда было и на дѣлѣ, и на словѣ удачно; у насъ же если и было что-нибудь подобное, то только то, что соотвѣтствуетъ ополяченности, т. е. ненамѣренное и нечувствительное обрусѣніе чье-нибудь, какъ напримѣръ обрусѣніе Финновъ. Этотъ и только этотъ способъ уподобленія приличествуетъ народу, дѣйствительно завоевательному, дѣйствительно расположенному къ совмѣщенію въ себѣ самыхъ разнородныхъ національностей, и дѣйствительно способному повелѣвать міромъ. Только поставивъ, какъ римляне, въ своемъ пантеонѣ боговъ всей Европы, можно образовать дѣйствительное паневропейское сочетаніе. Наконецъ русскій методъ завоеванія отличается и отъ англійскаго, хотя съ нимъ онъ наиболѣе сходенъ. Какъ русскій методъ не похожъ ни на французскій, ни на нѣмецкій, такъ англійскій, напротивъ, похожъ и на тотъ, и на другой; русскій методъ стоитъ по срединѣ между двумя западными, какъ чужой, а англійскій стоитъ по срединѣ между ними, какъ родной обоимъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ есть и французская внезапность, какъ въ завоеваніи вдругъ всей Индіи, и нѣмецкое уподобленіе, какъ въ англизированіи Валлисса, Шотландіи, Ирландіи. От-

личіе же отъ западныхъ и сходство съ русскимъ въ англійскомъ методѣ то, что онъ умѣетъ, вслѣдъ за внезапностью завоеванія, сохранить однакожъ настойчивость въ немъ, а вслѣдъ за уподобленіемъ завоеванія оставить его оригинальнымъ. Словомъ, это методъ отчасти греческихъ, отчасти финикійскихъ колоній. И какъ этотъ греко-финикійскій способъ отличался отъ римскаго, такъ англійскій отличается отъ русскаго. Т. е., во-первыхъ, онъ морской, и по этому разбросанный, спорадическій, между тѣмъ какъ нашъ есть континентальный, и поэтому сплошной, компактный; во-вторыхъ вслѣдствіе самой этой разбросанности онъ слишкомъ много уже допускаетъ разнообразіе и несоподчинимость, и слишкомъ мало допускаетъ соподчиненіе и единство; нашъ же, вслѣдствіе самой компактности своей, допускаетъ единство, не смотря на все разнообразіе Европы, и тѣмъ дѣлаетъ изъ насъ сосудъ, наиболѣе емкій для совмѣщенія всей цивилизаціи Стараго Свѣта и передачи ея будущимъ вѣкамъ и Новому Свѣту. Наконецъ совокупленіе это есть только необходимое обѣщаніе намъ со стороны принципа старѣйшинства въ законѣ соединенія труда, по которому системы государствъ соединяются только въ младшихъ, а не въ старшихъ членахъ своихъ, безъ чего не возможно было бы и возведеніе этихъ системъ въ новый еще болѣе общій и высшій ярусъ соединеній, гдѣ начинаются дальнѣйшія раздѣленія и соединенія. Многимъ изъ читателей это пророчество покажется лишь притязаніемъ того или другого личнаго вкуса. Такъ всѣ наши либеральныя партіи нападаютъ даже и на притязаніе партіи панславистовъ нашихъ, а тѣмъ болѣе не могутъ они не обрушиться на притязаніе паневропеизма. Съ другой стороны, иностранцы видятъ и въ нашихъ прошедшихъ завоеваніяхъ также только произвольный и ненавистный имъ завоевательный вкусъ сѣвернаго колосса и сознательную и произвольную политику его правительства, вкусъ и политику отъ которыхъ на этотъ разъ уже всѣ наши партіи вмѣстѣ и все общество вмѣстѣ съ правительствомъ

отмахиваются обѣими руками. И, къ довершенію этого qui pro quo, правы, кажется, обѣ стороны: упрекающіе правы, потому что за нихъ фактъ, отрекающіеся правы, потому что за нихъ ихъ непосредственное сознаніе отсутствія въ себѣ всякой охоты къ завоеваніямъ. Разрѣшеніе же этого противорѣчія состоитъ въ томъ, что завоевательная миссія наша есть наша неволя, а не охота, она есть тяжелый крестъ нашъ, а не развлеченіе и прихоть. Оттого и фактъ существуетъ, и преднамѣренности въ немъ не сознается и не ощущается. Конечно, путемъ долгой практики, можно привыкнуть и къ кресту, можно войти во вкусъ и неволи, но это будетъ причина далеко второстепенная въ сравненіи съ дѣйствительною причиной, какою обыкновенно бываетъ историческая необходимость. А причина эта существовала прежде насъ и существуетъ не смотря на насъ. Какъ только Рюрикъ ступилъ ногой на нашу почву, всемірная миссія наша была уже предрѣшена. Предрѣшено уже было, что, при системѣ государственной жизни, какая одна только до сихъ поръ человѣчеству и извѣстна, такая гладкая равнина, какъ восточная Европа, не можетъ вмѣщать въ себѣ дюжины самобытныхъ обществъ безъ всякихъ естественныхъ границъ этой самобытности. Было предрѣшено уже, что изъ Новгорода ли, изъ Кіева ли, изъ Москвы ли, изъ Вильны ли, изъ Кракова ли, изъ Сарая ли, но должно рано или поздно выдти объединеніе ихъ. Оказалось, что изъ всѣхъ этихъ пробовавшихся центровъ наиболѣе дѣйствительнымъ центромъ равнины есть Москва, а потому отсюда только и вышло предрѣшонное соединеніе. Но для этого соединенія надо было завоевать татаръ, надо было по неволѣ, а не по охотѣ; а потому надо было преслѣдовать ихъ до конца, хотя бы для этого нужно было перепрыгнуть и барьеры природы: такимъ образомъ мы перепрыгнули Уралъ и очутились въ Сибири, у береговъ Тихаго океана. Дальнѣйшее пополненіе равнины до ледовитаго, до ботническаго, до финскаго, до балтійскаго, до черноморскаго берега было только завершеніемъ всей предыдущей не-

обходимости. Но такимъ образомъ выросъ небывалый въ мірѣ колоссъ, колоссъ, который съ одной стороны физической силой, съ другой сравнительнымъ недостаткомъ гражданственности могъ только возбудить всеобщій страхъ и всеобщую ненависть въ Европѣ, чего она и не перестаетъ заявлять намъ до сихъ поръ, какъ въ войнѣ, такъ даже и въ мірѣ, а впервые заявила это фактически подъ предводительствомъ Наполеона I. Итакъ надо обезпечить себя противъ нее. Оказалось, что у насъ нѣтъ въ Европѣ союзниковъ и доброжелателей; и такъ намъ надо разсчитывать только на самихъ себя. Антагонизмъ между западомъ и востокомъ сдѣлался очевиденъ; и такъ надо востоку собраться въ себя. А тутъ на счастіе или на несчастіе наше ни западная, ни юговосточная граница не представляетъ никакихъ естественныхъ и гарантирующихъ предѣловъ; — вотъ востокъ и идетъ обезпечивать себя то за Вислу, то за Дунай. Отсюда другое свидѣтельство чувствъ Европы подъ предводительствомъ другого Наполеона. На минуту Россія дѣйствительно принуждена остановиться; но остановиться потому только, что la Russie se recueille. Собравшись же съ силами, она опять, волей-неволей, но пойдетъ, пойдетъ потому что ей, ради собственнаго самосохраненія, нечего больше дѣлать, какъ, подобно Вѣчному Жиду, идти и идти. А тутъ на новое счастье или на несчастье наше и среди самой Европы, той Европы, которая такъ и поровитъ обрѣзать насъ хоть немножко, въ сердцѣ самой этой Европы оказываются не только друзья, союзники, но родные братья, оказываются населенія, которыя простираютъ къ намъ руки, которыя сами идутъ къ намъ на встрѣчу.... Что же, бросить ихъ, бросить, не смотря ни на себя, ни на нихъ?... Очевидно, что мы скорѣе поищемъ этой встрѣчи, чѣмъ отречемся отъ нея. А ища ее, мы, очевидно, принуждены будемъ встрѣтиться и съ Турціей, и съ Австріей, и съ Пруссіей, и съ Германіей; и если мы станемъ одолѣвать ихъ, то встрѣтимся, очевидно, и со всей остальною Европою. Очевидно, что мы пойдемъ такимъ образомъ дальше

своей цѣли, чтобъ ее достигнуть, пойдемъ и за Вислу, и за Дунай, и за Карпаты, и за самые Альпы и Рейнъ, и всюду куда повлечетъ насъ рокъ нашъ, пока развѣ не дойдемъ до атлантическаго океана. Тутъ только конецъ, тутъ только дальше идти не куда. Вотъ степень нашей охоты и степень нашей неволи; чего больше, пусть судитъ каждый. Объясненіе всемірныхъ событій вкусами, прихотями, капризами не только правителей, но хотя бы то и самихъ народовъ, есть объясненіе, отживающее уже вѣкъ свой. Такъ и завоевательность наша, и ея вѣроятный исходъ—всемірное владычество наше, имѣютъ весь характеръ необходимости исторической, а не произвола Россіи, ея государей ея партій.

Параллельно соединенію шло въ то же время и раздѣленіе той же Европы. Но такъ какъ соединеніе, по причинѣ прогрессивности до сихъ поръ Европы, было болѣе энергично чѣмъ раздѣленіе, такъ что оно оставалось и тамъ, гдѣ это послѣднее дѣйствовало съ наибольшей силою, то раздѣленіе и не имѣло до сихъ поръ такого значенія какъ то. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, раздѣленіе по принципу іерархичности обнаружилось во всѣхъ трехъ племенахъ Европы слѣдующимъ, почти однимъ и тѣмъ же образомъ: во Франціи — феодализмомъ, въ Германіи,—партикуляризмомъ, въ Россіи — удѣльностью. Что такое феодализмъ, какъ не безпрестанно съужающаяся вверхъ и разширяющаяся внизъ лѣстница отношеній подчиненія? Если въ отношеніи аллодіальной системы феодализмъ представляетъ рѣшительное соединеніе, то вслѣдъ за тѣмъ въ себѣ самомъ онъ представляетъ и столь же рѣшительное раздѣленіе общества. Король дѣлится на коронныхъ вассаловъ, эти подраздѣляются на другихъ, другіе на еще дальнѣйшихъ, и т. д. до самаго вилена. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы не былъ вассаломъ или раздѣленіемъ въ одну сторону, вверхъ, и сюзереномъ или соединеніемъ въ другую, внизъ; при чемъ тотъ, кто стоялъ въ серединѣ, имѣлъ нѣсколько ярусовъ сюзереновъ или соединеній надъ собою и нѣсколько ярусовъ вассаловъ или раздѣленій подъ собою; такъ

что только одинъ король, будучи сюзереномъ, не былъ ничьимъ вассаломъ, и оставался только соединеніемъ, и только одинъ виленъ, будучи вассаломъ, не былъ ничьимъ сюзереномъ, и оставался только раздѣленіемъ. Эта сѣть сюзеренствъ, вассальствъ, бенефицій, феодацій, субъ-инфеодацій, рекомендацій, синекурій представляетъ собой почти идеальную пирамидальность, идеальную родословную таблицу цѣлаго общества политическаго. Никогда, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, не достигала она такой правильности и такой систематичности. Не доставало только такой же прочности въ каждой связкѣ, какова была въ каждомъ раздѣленіи, не доставало каждому высшему сеньйору на столько же высшей территоріи, для того чтобы возвести этотъ типъ построенія въ идеальный. Но вмѣсто того, когда эта прочность связи начала достигаться, она перешла мало по малу въ противоположную крайность, въ отсутствіе всякаго раздѣленія, кромѣ административнаго, которое и разрѣшилось сперва провинціями, а потомъ и еще менѣе существенными расчлененіями, каковы департаменты, дистрикты и кантоны, которыхъ самое назначеніе состояло въ томъ, чтобъ стереть всякія особенности провинцій, перемѣшавъ ихъ между собою, чтобы предать забвенію всякія мѣстныя своеобразности, чтобы сдѣлать Францію une et indivisible. И цѣль дѣйствительно достигнута. Единство до такой степени подавило разнообразіе, что эта исключительность сдѣлалась болѣзнью общества; а болѣзнь эта до такой степени укоренилась, что стала неизлечимою, такъ что, сколько лучшіе люди Франціи, какъ напримѣръ Токвилль, ни указывали на это зло, а его и до сихъ поръ никто не смѣетъ коснуться, какъ напримѣръ Тьеръ; и сколько счастливая часть инстинктовъ меньшинства ни тянетъ общество въ эту сторону, (какъ напримѣръ въ парижской коммунѣ), а общество все таки не въ силахъ въ эту сторону склониться, (какъ напримѣръ версальскіе законодатели въ вопросѣ о самоуправленіи городовъ и о департаментскихъ совѣтахъ). Раздѣленіе въ Германіи представляется въ томъ

же видѣ, но не съ той же, а съ гораздо большей силой. Началось оно и здѣсь тѣмъ же феодализмомъ, а окончилось такъ называемымъ партикуляризмомъ. Какъ во Франціи раздѣленіе исчезло подъ гнетомъ соединенія, такъ въ Германіи постоянно исчезало соединеніе подъ гнетомъ раздѣленія. Какъ во Франціи всѣ современныя страданія въ огромной долѣ зависятъ отъ недостатка органическаго расчлененія, такъ въ Германіи отъ избытка его. На то внезапное исцѣленіе этого порока, какому мы свидѣтели, разсчитывать слишкомъ много нельзя. Проживши 1100 или 1200 лѣтъ сряду подъ однимъ и тѣмъ же принципомъ, постоянно развивавшимся только все больше и больше, трудно мечтать объ экскорпорированіи его въ значительной степени или на долго. Партикуляризмъ, составившій всю силу Германіи, потому что всю ея цивилизацію (также какъ французская нераздѣльность всю культуру французскую) рано или поздно, въ той или иной степени, но проснется и смутитъ еще не разъ твореніе Бисмарка. Сегодня, упоенный непривычными лаврами и захваченный врасплохъ, партикуляризмъ сдѣлалъ уступку подъ стѣнами Парижа; но завтра онъ можетъ опомниться и спохватиться. Самая ловкость дипломатіи прусской, считавшей нужнымъ ковать желѣзо пока горячо, пока не остыло, и спѣшившей заключать договоры южно-германскіе, прежде чѣмъ былъ готовъ договоръ французскій, самая поспѣшность эта есть плохой признакъ соединенія и не свидѣтельствуетъ о большомъ разсчетѣ на исчезновеніе партикуляризма. Нѣтъ сомнѣнія, ослабить его можно, можно примирить его нѣсколько съ гегемоніей; но вопросъ въ томъ, можно ли ихъ вполнѣ и надолго уравновѣсить, можно ли одно искоренить на цѣлую половину, а другое на цѣлую половину вкоренить. На этомъ коренномъ вопросѣ жизни мы и застаемъ теперь Германію. Въ Россіи исторія началась германскимъ способомъ, а продолжалась потомъ французскимъ. Германскій способъ была наша удѣльная система, которая есть, конечно, скорѣе партикуляризмъ, чѣмъ феодализмъ. Наши удѣльныя княжества

скорѣе то же, что германскія герцогства, курфиршества и королевства, а не французскіе лены; нашъ великій князь скорѣе то же, что средневѣковой германскій императоръ, чѣмъ сюзеренъ французскій. Но, послѣ пяти вѣковъ такого режима, шли у насъ пять вѣковъ другого, противоположнаго. Это разница наша съ Германіей. А пять вѣковъ этого второго режима не успѣли у насъ искоренить предъидущій дотла, и такъ чтобы онъ не могъ больше ожить. Это разница наша съ Франціей. Причинъ на это было множество. Во первыхъ побужденіе наше къ искорененію разнообразія было не то, что у Франціи; тамъ оно было внутренняя потребность, невозможность жить съ феодализмомъ; тутъ оно было только внѣшняя потребность, невозможность жить съ татарщиной. Во вторыхъ тамъ усилія экскорпораціи устремлены были на истребленіе раздѣленія въ обществѣ; здѣсь—на истребленіе раздѣленія въ правительствѣ, а о первомъ было забыто, да и не могло помниться. Въ третьихъ тамъ этой работѣ истребленія, коль-скоро она уже началась однажды, ничто не противодѣйствовало, здѣсь же ей противодѣйствовало самое соединеніе, добавляя поминутно такія новыя разнообразія, какъ Сибирь, какъ Малороссія, какъ Лифляндія, какъ Польша, какъ Бессарабія, какъ Финляндія, какъ Кавказъ, какъ Амуръ и Туркестанъ. Вслѣдствіе этихъ-то могущественныхъ обстоятельствъ способность раздѣленія, хоть и была парализована, но не была умерщвлена какъ во Франціи; и доказательство этому есть то, что въ тѣ же самые дни, какъ Франція, даже послѣ нѣсколькихъ революцій, не рѣшается обратиться къ раздѣленію, къ воскрешенію мѣстной жизни частей, Россія обращается къ нему и безъ революцій,—въ видѣ земской реформы. Отсюда у нашего раздѣленія есть шансы не быть ни слишкомъ французскимъ, ни слишкомъ германскимъ, и быть скорѣе всего англійскимъ.

Наконецъ раздѣленіе Европы по принципу старѣйшинства выразилось въ томъ, что какъ только обозначились въ ней всѣ ея обитатели, какъ только Европа оказалась на западѣ

романскою, въ срединѣ германскою, на востокѣ славянскою, то прежде ихъ всѣхъ начала дробиться романская, какъ исторически старѣйшая. Въ другихъ двухъ еще продолжался хаосъ, онѣ только что были еще заселены, ничто еще тамъ не обозначилось рѣзко, ни даже самыя государства, въ романской же уже образовались государства: франкское, вестготское и бургундское въ Галліи, свевское, вандальское и аланское въ Испаніи, герульское, остготское, лонгобардское въ Италіи. Въ свою очередь каждое изъ государствъ стало подраздѣляться и въ самомъ себѣ, и опять по старшинству частей своихъ; т. е. образовавшійся раньше другихъ общественный классъ сталъ раньше другихъ и подраздѣляться: это—аристократія, подраздѣлившаяся на духовную и свѣтскую. Изъ этихъ двухъ раздѣлилась прежде снова древнѣйшая, духовная: она знала уже и епископовъ, и прелатовъ, и аббатовъ, когда вторая не знала еще ничего кромѣ аллодіальныхъ бароновъ. Когда наступила очередь свѣтской, то здѣсь раздѣленіе пошло обильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь: тутъ-то пошли всѣ эти феодальные герцоги, маркизы, графы, виконты, вавассеры, шатлены (châtelains), дамуазо (damoiseaux), а въ Англіи, которая на этотъ разъ прикомандировывается къ Франціи, пошла еще большая сложность дѣленія. Здѣсь, во-первыхъ, двѣ общія категоріи: nobility и gentry. Во-вторыхъ въ nobility идутъ лорды и не лорды. Въ третьихъ къ лордамъ принадлежатъ герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны; къ не лордамъ—баронеты. Въ четвертыхъ къ gentry принадлежатъ найты (knights) и эсквайры. Но и это не все: сынъ герцога не можетъ быть названъ спроста герцогомъ же; нѣтъ, онъ только маркизъ, пока живъ его отецъ, и при томъ только старшій сынъ, который потому уже маркизъ, что онъ первенецъ герцога. Наслѣдникъ маркиза есть графъ или виконтъ. Наслѣдникъ графа есть виконтъ или баронъ, и опять не спроста, а смотря по тому, какимъ титуломъ начали предки; и т. д. Всѣ же младшіе дѣти, не будучи ни маркизами, ни графами, ни виконтами и баронами, суть од-

накожъ лорды вообще, за исключеніемъ впрочемъ младшихъ сыновей барона, которые суть только honorable. Словомъ, все это не что иное какъ въ жизни частной принципъ вполнѣ царственный. Въ Германіи подобное дѣленіе также не безъ развитія, хотя и въ меньшей степени; но здѣсь, когда дошла до того очередь, раскрылось богатство другого дѣленія, дѣленія средняго класса, бюргерства. Если Франція съ Англіей устроили пышную аристократическую лѣстницу, то Германія соорудила такое же крыльцо гильдій и въ особенности цѣховъ и вообще корпорацій. Если тамъ сложность и исключительность аристократизма дошла въ свое время до того, что сдѣлала невозможною жизнь политическую, то здѣсь сложность и исключительность цѣховаго устройства также дошла со временемъ до того, что сдѣлала невозможною экономическую жизнь. Позднѣе всѣхъ начала расчленяться Россія, какъ наимладшій членъ европейской семьи. Но и въ ней дѣленіе шло по тому же принципу старѣйшинства. Такъ изъ двухъ первоначальныхъ государственныхъ частей, властной и подвластной, раздѣлилась сперва та, которая раньше опредѣлилась, правительство. Какъ только оно выписано было изъза моря, такъ уже и расчленилось на трое: Рюрикъ — правительство въ Новгородѣ, Синеусъ — правительство на Бѣлѣозерѣ, Труворъ — правительство въ Изборскѣ. Послѣ этого пошли прогрессивно все дальнѣйшія дробленія внизъ, начиная отъ мужей княжихъ и оканчивая нынѣшними исправниками и становыми. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ раздѣленіе это представляетъ слѣдующую параллель. Больше всѣхъ развѣтвлено административное правительство, состоящее не менѣе чѣмъ изъ 300,000 человѣкъ, представляющее лѣстницу въ XIV ступеней по чинамъ, и другую такую же по должностямъ. Между тѣмъ какъ сверхъ этого внесено недавно въ администрацію значительное количество факторовъ общественныхъ, какъ-то: сельскихъ, волостныхъ, городскихъ и земскихъ, развѣтвляющихъ этотъ органъ правительства еще больше. Меньше раздѣленія представляетъ правительство су-

добное, которое ограничивается тремя инстанціями и въ каждой изъ нихъ не болѣе какъ тремя степенями: предсѣдателями, членами или вообще органами, и секретарями. Впрочемъ весьма значительное раздѣленіе судебнаго труда внесено институтомъ присяжныхъ. Но самое незначительное до сихъ поръ раздѣленіе труда остается въ правительствѣ законодательномъ, которое все состоитъ изъ одной инстанціи, и куда не внесено никакихъ общественныхъ факторовъ, кромѣ экспертовъ. Но если никакое другое правительство не отстало такъ въ своемъ раздѣленіи, то никакое раздѣленіе и не стоитъ такъ на очереди какъ это. Немного позже правительства начало дробиться самое общество. Раньше всего обозначилась въ немъ дружина, и она же раньше всего и подраздѣлилась на бояръ, гридней, отроковъ. Впрочемъ раздѣленіе это никогда не объявлялось въ изобиліи, такъ что даже все нынѣшнее раздѣленіе нашей аристократіи ограничивается всего двумя рубриками: князья и дворяне. Другія двѣ: графы и бароны, суть подраздѣленія наносныя. При этомъ изъ двухъ позаимствованныхъ рубрикъ одна, баронство, и до сихъ поръ не успѣла привиться. Всѣ же прочія романскія и германскія подраздѣленія и вовсе не были пересаживаемы на нашу почву; а тѣ, какія пробовали пересадку, не принялись, какъ напримѣръ институтъ первородства. Подраздѣленія средняго сословія, также пересаженныя и также испробованныя, также не привились ни въ видѣ гильдій, ни въ видѣ цѣховъ, которые остались у насъ чуреженіемъ чисто фискальнымъ. Но за то едва ли гдѣ-нибудь достигало такого обилія дробленій крестьянство. Въ одномъ отношеніи мы видѣли крестьянъ крѣпостныхъ, государственныхъ, казенныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, заводскихъ, кабинетскихъ, государевыхъ и т. п.; въ другомъ отношеніи мы видѣли барщинныхъ, оброчныхъ, пахотныхъ, обѣльныхъ, поселенскихъ, вольныхъ хлѣбопашцевъ, однодворцевъ, половниковъ, казаковъ, обязанныхъ и т. д.

Какой же, слѣдуетъ выводъ изъ всего этого анализа сое-

диненій и раздѣленій? т. е. каково взаимное ихъ отношеніе, идеалъ котораго, какъ мы видѣли въ текстѣ, есть взаимное равновѣсіе обоихъ при наибольшемъ примѣненіи каждаго, наибольшая гармонія при наивысшей степени того и другого. Мы знаемъ теперь эти степени, но не знаемъ еще этой пропорціи; мы можемъ догадываться и о томъ, что пропорція эта не сулитъ быть у насъ ни французскою, ни нѣмецкою т. е. ни преобладаніемъ соединеній, ни преобладаніемъ раздѣленій: но въ такомъ случаѣ она можетъ быть еще англійскою, т. е. уравненіемъ тѣхъ и другихъ. И такъ каково же сходство или какова у насъ разница съ англійскимъ сочетаніемъ обоихъ элементовъ? Въ Англіи дѣйствительно совмѣстились, въ извѣстной и до сихъ поръ непревзойденной степени, и французскій типъ, и германскій, и при томъ какъ въ круговомъ отношеніи такъ и въ пирамидальномъ: французскій, потому что графства и ширы скорѣе суть провинціи или департаменты, чѣмъ королевства и герцогства; германскій, потому что Валлисъ, Шотландія и Ирландія суть скорѣе королевства и герцогства, чѣмъ провинціи и департаменты. Въ Англіи оба типа совмѣщены еще и потому что, при всей французской прочности связи между основаніями и вершиною, посредствомъ лордовъ-намѣстниковъ, имѣется и вся германская автономичность основаній, въ видѣ самоуправленія общинъ. Въ Россіи подобное отношеніе еще далеко не выяснилось, оно составляетъ еще содержаніе будущаго, а не прошедшаго и даже не настоящаго; но чѣмъ же, по всей вѣроятности, должно оно разрѣшиться въ будущемъ? Только въ послѣдніе дни, какъ замѣчено выше, избытокъ привитого русскаго соединенія начинаетъ дѣлать уступки прирожденному русскому раздѣленію: уступка эта—первый и слабый, но все-таки шагъ къ воскрешенію земскаго режима. Дается автономичность сельской общинѣ, дается автономичность городской общинѣ, дается автономичность губернской или наиболѣе земской общинѣ. Но если тотъ же режимъ съ тою же предупредительностью продолжать въ томъ же на-

правленіи, то вдали предстоитъ автономичность въ еще болѣе дѣйствительномъ земскомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ земель, областей, т. е. единицъ наименѣе административныхъ и наиболѣе политическихъ. Такія единицы суть: Великороссія одного типа, славянскаго, и Великороссія другого типа, финскаго, а можетъ быть даже Великороссія и третьяго типа, татарскаго; далѣе Малороссія польскаго типа или за-Днѣпровская и Малороссія русскаго типа или по-Днѣпровская; за тѣмъ Новороссія, Кавказъ, Туркестанъ, Сибирь, Финляндія, Остзейскій край, Бѣлоруссія и Польша. Вотъ всѣ наши земли, всѣ наши дѣйствительно земскія единицы. При такомъ разнообразіи населенія и при такой обширности территоріи управлять ими изъ одного общаго для нихъ центра возможно только до тѣхъ поръ, пока жизнь цѣлаго не осложнилась жизнью частей. Но какъ только осложненіе это наступитъ, такое управленіе станетъ рѣшительной невозможностью. У центра не станетъ не только силъ, но просто даже и времени, для того чтобы давать всѣ отвѣты на всѣ запросы жизни. Прилагать въ этомъ отношеніи къ Россіи мѣрку Франціи или Германіи все равно что къ этимъ приложить мѣрку Баваріи. Но можетъ быть все это только логическая послѣдовательность, которая такъ часто не бываетъ и не можетъ быть фактическою? Нѣтъ, она обнаружилась инстинктивно и практически гораздо раньше чѣмъ сознательно и теоретически; и при томъ обнаружилась не только снизу, но и сверху. Только что смолкшая въ нашей публицистикѣ исторія сепаратизмовъ нашихъ есть фактъ. И какъ она ни раздута была нѣкоторыми изъ нашихъ печатныхъ органовъ, и какъ ни задуваема была другими, но основаніе у нея все таки есть, основаніе чисто фактическое, жизненное, инстинктивное. За сепаратизмы малороссійскій, сибирскій, финляндскій, остзейскій, не говоря уже о польскомъ, поплатились многія жизни и судьбы. И какъ бы ни ложно была иногда понимаема эта идея самими поплатившимися, но инстинктъ и не можетъ быть иной, такъ на половину ложный, на половину истинный. Въ дан-

номъ случаѣ ложь въ немъ есть, очевидно, потребность всецѣлаго сепаратизма, а истина въ немъ есть, очевидно, потребность земской автономіи. Съ верху та же самая потребность, не смотря на все ея гоненіе, тѣмъ не менѣе получила такое же слѣпое, такое же инстинктивное, на половину вѣрное, на половину фальшивое, но все-таки признаніе. Признаніе это произносилось постоянно въ теченіе всей исторіи и донеслось и до нашихъ дней въ видѣ генералъ-губернаторствъ и намѣстничествъ. Думая служить ими единообразію, ими же подтверждали мы фактъ разнообразія и неизгладимо укрѣпляли его. Гдѣ инстинктъ нивеллированія былъ полнѣе, какъ во Франціи, тамъ онъ не снесъ интендантовъ провинцій. Тамъ интенданты были замѣнены префектами, а всѣ провинціальныя особенности нарочито были смѣшаны въ департаментскомъ безразличіи, гдѣ pays d'états встрѣчались съ pays d'élection, гдѣ pays de droit écrit перемѣшивались съ pays de droit coutumier, гдѣ по срединѣ департамента нарочито проходитъ рѣка, гора и даже море, гдѣ плодородная почва смѣшана съ безплодною, гдѣ земледѣльческое населеніе скована съ промышленнымъ, и т. д. и т. д. И все это сдѣлано либеральными, революціонными руками: вотъ что значитъ истинный централизмъ. Генералъ-губернаторства же наши скорѣе поддерживаютъ децентрализацію чѣмъ централизацію, и при томъ поддерживаютъ охранительными, а не революціонными руками. Самъ императоръ Павелъ I возвращаетъ западнымъ губерніямъ литовскій статутъ, отнятый у нихъ Екатериною; тотъ же императоръ возстановляетъ старое устройство балтійскихъ провинцій, взамѣнъ введеннаго тамъ Екатериною учрежденія о губерніяхъ. Самъ императоръ Александръ I возвращаетъ Финляндіи завоеванный еще Петромъ и на половину уже обрусѣвшій Выборгъ. Вотъ какъ слабъ инстинктъ централизаціи у нашихъ правителей. И такъ теорія вполнѣ сходится съ практикой, и перспектива нашего будущаго раздѣленія становится яснѣе: это раздѣленіе столько же по землямъ, сколько и по губерніямъ, уѣздамъ, волостямъ,

селамъ. Если мы представимъ при этомъ тѣ соединенія, которыя предвидятся въ будущемъ, то параллельное имъ раздѣленіе опять не можетъ повлечь ни къ какой иной системѣ раздѣленія какъ именно земской, т. е. къ раздѣленію по племенамъ и территоріальнымъ единицамъ, такимъ какъ Галиція, Моравія, Чехія, Сербія, Болгарія и т. д. Наконецъ только при условіи такого раздѣленія, оставляющаго самобытность всѣмъ старымъ и давно сложившимся національностямъ, возможно и владычество всеевропейское. Безъ духа сепаратизма, безъ принципа автономичности частей, нѣтъ теперь и духа соединительности, нѣтъ теперь Рима для міра. Но чѣмъ же такое раздѣленіе отличалось бы отъ англійскаго? Во-первыхъ, другимъ способомъ автономіи частей, во-вторыхъ другимъ способомъ объединенія цѣлаго, а вслѣдствіе того и другимъ способомъ равновѣсія между раздѣленіемъ и соединеніемъ. Англійская автономія основана на сословномъ началѣ, на самостоятельности сословныхъ единицъ: приходской общины и городской общины; самая автономія графствъ есть только автономія общины аристократической: у графствъ нѣтъ никакого иного органа самоуправленія, кромѣ избирательныхъ комитетовъ; т. е. все это по преимуществу автономія населенія, автономія пирамидальная. Что же касается автономіи земель, то она дѣйствительна развѣ только въ Канадѣ да въ Австраліи, но не въ Валлисѣ, не въ Шотландіи, не въ Ирландіи; такъ что между органами общиннаго и органомъ государственнаго самоуправленія нѣтъ тамъ никакихъ посредствующихъ звѣньевъ, и отъ первыхъ слѣдуетъ непосредственный переходъ къ послѣднему. Такимъ образомъ сословная автономія исключаетъ тамъ земскую, корпоративная исключаетъ территоріальную, пирамидальная исключаетъ круговую. При нашемъ же раздѣленіи обѣ эти системы совмѣщаются: части населенія имѣютъ свои органы самоуправленія, зачатки которыхъ признаны и освящены закономъ уже и теперь; органы же самоуправленія территорій, также существующіе уже и въ настоящее время, составляютъ еще бо-

лѣе неизбѣжную необходимость будущаго. Такимъ образомъ оба самоуправленія совершенно совмѣщаются другъ съ другомъ; получается, слѣдовательно, самоуправленіе двойное, перекрестное. Вотъ одно весьма существенное отличіе. Другое, не менѣе знаменательное, состоитъ въ томъ, что, находясь въ необходимости уравновѣсить оба раздѣленія, и выигрывая при этомъ, сравнительно съ Англіей, въ одномъ изъ нихъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ находимся въ такой же необходимости, сравнительно съ Англіей, въ другомъ потерять. Выигрывая въ уравненіи, и для этого разширяя одинъ изъ его членовъ, мы по необходимости должны съузить другой. А именно, мы весьма можемъ превзойти Англію въ автономіяхъ территоріальныхъ, но мы не можемъ не только превзойти, но даже и сравниться съ нею въ автономичности населенія. Дѣло въ томъ, что самоуправленіе общинное составляетъ тамъ только центръ всей системы самоуправленія, но идя вверхъ, къ соединенію, оно, хотя и безъ всякаго посредства, но завершается парламентомъ, самоуправленіемъ обще-государственнымъ, а идя внизъ, къ раздѣленіямъ, оно достигаетъ до послѣдняго предѣла общественнаго дробленія, до личности, и оканчивается здѣсь самоуправленіемъ индивидуальнымъ, или тѣмъ, что называется личной свободой. Англійская самобытность индивидуальная есть вещь не бывалая въ исторіи, ни у предковъ, ни у современниковъ Англіи: ея Habeas corpus, ея неприкосновенность частнаго жилища, ея святость частныхъ тайнъ, ея судебныя гарантіи личности, — все это есть палладіумъ, до какого только достигало когда-нибудь личное достоинство человѣческое. Если исторія есть между прочимъ высвобожденіе человѣчества изъ подъ власти природы, какъ доказываетъ Бокль, и въ тоже время высвобожденіе человѣка изъ подъ власти общества, какъ доказываетъ Гизо, то нигдѣ это послѣднее не достигнуто въ такой степени какъ въ Англіи. Обыкновенно комбинируя въ себѣ германизмъ съ романизмомъ, на этотъ разъ Англія опять изолировала одинъ изъ нихъ, и, какъ въ аристократизмѣ своемъ она изолировала ро-

манизмъ, такъ въ индивидуализмѣ своемъ изолировала германизмъ. И древнюю германскую страсть къ свободѣ, и новую германскую страсть къ партикуляризму Англія донесла до ихъ послѣдняго выраженія, и произнесла въ своемъ индивидуализмѣ. Да и не мудрено; такія два изолированія непремѣнно обусловливаютъ другъ друга: такой аристократизмъ какъ англійскій не можетъ не вести къ такому понятію о личности, какъ англійское, а такое понятіе личности не можетъ не вести къ такому аристократизму. Отсюда же, съ одной стороны, подавившій корону парламентаризмъ, а съ другой, подавляющая самое общественное мнѣніе эксцентричность и оригинальность умовъ и характеровъ. Вотъ этихъ-то двухъ концовъ пирамидальнаго самоуправленія не видать намъ какъ ушей своихъ. Многіе уже и безъ насъ пробовали перенять ихъ, но ни одна проба не удалась, и удаться не можетъ. А если даже Франція и Германія, вскормленныя однимъ молокомъ съ Англіей, напрасно гнались до сихъ поръ за этими двумя геніями ея, то намъ и думать объ этомъ нечего. Для того, чтобъ настигнуть эти неуловимые призраки, надо прожить такую жизнь какъ Англія, надо тысячу лѣтъ носить ихъ въ сердцѣ, надо еще три вѣка тому назадъ имѣть уже Habeas corpus, надо вѣковъ шесть тому назадъ имѣть уже гордый и свободный парламентъ, надо вѣковъ восемъ тому назадъ имѣть уже Magna Charta, надо вѣковъ десять тому назадъ имѣть уже виттенагемотъ, надо вѣковъ двѣнадцать назадъ имѣть уже феодальную честь, вѣрность и преданность, и т. д. и т. д. А гдѣ же всѣ эти задатки у насъ?... Можно, конечно, все это позаимствовать готовымъ, но разница будетъ въ степени инкорпораціи, и никогда инкорпорированіе двухъ-трехъ столѣтій не произведетъ того же, что производитъ неустанное инкорпорированіе цѣлаго тысячелѣтія. А тѣмъ меньше еще всякая быстрая пересадка приноситъ плода, чѣмъ не подготовленнѣе къ ней почва. Гдѣ же для этого развитія личности почва у насъ? Во-первыхъ, у насъ никогда но было аристократіи не только въ англійскомъ, но даже

и въ континентальномъ европейскомъ смыслѣ. Гдѣ у насъ эти Монфорты, Пемброки, Нортумберланды, Варвики, Норфольки, которые такъ должны были импонировать на подражательное среднее сословіе и заражать его своимъ духомъ? Гдѣ эти гордые лорды, эти непреклонные характеры, эти могучія страсти временъ борьбы съ королями, временъ алой и бѣлой розы, временъ революціи? На всемъ тысячелѣтнемъ фонѣ нашей картины нѣтъ ни одной индивидуальности, надъ которой бы могъ остановиться и потрудиться съ любовью Шекспиръ. Митрополитъ Филиппъ да князь Курбскій,—вотъ все, надъ чѣмъ бы могъ онъ остановиться съ вниманіемъ; но одинъ вдохновлялся вовсе не высокимъ понятіемъ личности и свободы, а другой вдохновился этимъ только тогда уже, когда былъ за границей. Откуда же намъ было брать образцы для подражанія, какъ отыскать героевъ для поклоненія, гдѣ взять преданія для воспитанія? Во-вторыхъ, наоборотъ, если мы пронесли что-либо чрезъ все свое тысячелѣтіе, какъ англичане пронесли идею личности, то это именно нашу общину, нашу круговую поруку, это поглощеніе части цѣлымъ, это отрицаніе личности. И такъ если съ одной стороны у насъ имѣется отрицательное препятствіе къ высокому полету развитія личности (въ отсутствіи аристократіи), то съ другой у насъ есть и самое положительное къ тому препятствіе—въ присутствіи общины, отъ которой намъ не должно и не можно отдѣлаться. Въ третьихъ, въ будущемъ нашемъ не больше благопріятныхъ для того обстоятельствъ какъ и въ прошедшемъ. Уже въ прошедшемъ, какъ народъ до сихъ поръ завоевательный, мы всегда нуждались больше въ живучести массы, чѣмъ лица, больше въ движеніи цѣлымъ, чѣмъ частями и атомами; въ будущемъ же, если эта завоевательность не стряхнется съ насъ какъ дымъ, и когда намъ будетъ предстоять, слѣдовательно, самая важная и трудная часть этой, вмѣстѣ и лестной и горькой, задачи, въ будущемъ шансовъ на инкорпорированіе индивидуализма чуть ли еще не меньше, чѣмъ въ прошедшемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что развитіе личности еще мо-

жетъ сдѣлать у насъ не одинъ шагъ впередъ; нѣтъ сомнѣнія, что оно сдѣлаетъ ихъ даже непремѣнно: больше просвѣщенія, больше правъ приведутъ за собою и больше достоинства въ нравахъ; а все это вмѣстѣ внушитъ и высшее понятіе о личномъ достоинствѣ человѣческомъ. Но дѣло въ томъ, что все это будутъ второстепенныя, прибавочныя качества, а не тѣ, которыя составляютъ суть національной натуры. Эти послѣдніе, коренные элементы природы уже готовы у народа, прожившаго тысячелѣтіе. И если до сихъ поръ во всей исторіи нашей мы знали только тщеславіе, а не достоинство, только высокомѣріе, а не гордость, только гордость внизъ, но никогда гордость вверхъ, то теперь уже поздно наживать намъ качества обратныя; и слава Богу будетъ и за то, если мы успѣемъ нѣсколько умѣрить, нѣсколько ослабить и стушевать историческіе пороки свои. Да надо же наконецъ припомнить, что жизнь наша и не безконечна. Метафизику дѣйствительно легко строить розовыя мечты на жизнь, потому что для него нѣтъ у нея предѣловъ ни пространства, ни времени, и, что бы онъ ни задумалъ, все для него будетъ возможно. Но когда вы знаете, что есть вамъ конецъ, что, какъ бы щедро ни отсчитывали вы себѣ время: двѣ ли тысячи, три ли, четыре ли тысячи лѣтъ, а все-таки конецъ надо предположить, что надо предложить въ этихъ тысячахъ и длинный періодъ регресса, и порядочный промежутокъ застоя, то вы и увидите, что треть или четверть жизни во всякомъ случаѣ прожита, что періода прогрессивности остается намъ скорѣе меньше чѣмъ больше прожитого, и что возлагать на этотъ остатотъ безбрежныя надежды есть, слѣдовательно, одна изъ тѣхъ утопій, для которыхъ закопъ не писанъ. А коль-скоро высокое развитіе личности для насъ уже дѣйствительно недоступно, то вмѣстѣ съ тѣмъ недоступенъ и англійскій парламентаризмъ. Конечно, можетъ у насъ повториться боярская и земская дума, могутъ онѣ принять формы верхней и нижней палаты, но изъ этого не возникнетъ еще парламентъ. Парламентаризмъ есть гордая, настойчивая, непреклонная и систематическая борьба съ силь-

ной, окрѣпшей и могущественной властью. Довольно кажется произнести эти слова, для того чтобъ имѣть основаніе махнуть рукою на всякій парламентаризмъ въ Россіи. Правда, здѣсь предстоитъ возраженіе, что въ наши времена, и именно въ Россіи, власть можетъ быть, какъ и дѣйствительно бываетъ, расположена къ уступкамъ и безъ тѣхъ отчаянныхъ усилій борьбы, какія знаменуютъ эти уступки въ средніе вѣка или въ западной Европѣ. Да, все это можетъ быть; но развѣ этимъ усилится парламентаризмъ, а не самая власть? Напротивъ, политика соревнованія со стороны власти есть самая отличная политика для того, чтобъ поразить парламентаризмъ въ самомъ корнѣ его, не дать ему поводовъ развиться до популярности въ обществѣ, отнять у него честь и достоинство инициативы и побѣды. Словомъ, сколько бы мы ни обходили этотъ рокъ нашъ, а онъ уже не обойдетъ насъ; и за наше равновѣсіе общественное мы заплатимъ многимъ человѣческимъ, за наше богатство разнообразія заплатимъ бѣдностью каждаго изъ этихъ многихъ образовъ. Для болѣе счастливой полноты комбинацій міръ еще не созрѣлъ, и если онъ зрѣетъ для этого, то развѣ въ Новомъ Свѣтѣ. Картина, однакожъ, перемѣняется, когда отъ этого сравненія мы перейдемъ къ другому, къ сравненію единствъ. Въ Англіи объединеніе ея разнообразія и даже самаго индивидуализма ея поддерживается и круговымъ, и пирамидальнымъ путемъ. Оно поддерживается, съ одной стороны, прочностью и популярностью центральнаго правительства, а съ другой, и больше всего, единствомъ и тождественностью національности: части, не смотря на всю самостоятельность свою, связываются въ цѣлое и внѣшнимъ, и внутреннимъ образомъ. У насъ одна изъ этихъ связей, внѣшняя, правительственная, не можетъ позавидовать никакой ни въ прочности, ни въ популярности. Единство государственное до того инкорпорировано, до того проникло въ умы, въ права и въ нравы, что никакими послѣдующими автономіями и раздѣленіями не разорвать уже его. Напротивъ, всѣ эти раздѣленія могутъ только укрѣпить его, отымая у него то, что есть у

него тяжелаго и невыгоднаго. Сознаніе же безопасности, спокойствіе могущества такъ обаятельны для обществъ, что только безумное общество могло бы отъ нихъ отказаться, когда онѣ не противорѣчатъ другимъ столь же священнымъ потребностямъ общественнымъ. Только теперь, въ текущій переходный моментъ, когда соединеніе сдѣлало уже все, а раздѣленіе почти ничего, теперь только либерализмъ нашъ и наши національности могутъ брезгать и самымъ могуществомъ и единствомъ нашимъ: привыкши къ его выгодамъ и начиная чувствовать лишь его невыгоды, онѣ относительно текущей минуты правы. Но когда невыгоды начнутъ осязательно устраняться, а выгоды все-таки останутся, тогда и либерализмъ, и національности запоютъ о немъ иную пѣснь. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но геройствовать нынче за единство наше, какъ будто во времена Мономаха, ломать копья за то, что крѣпче самыхъ копій этихъ, есть подвигъ нѣсколько запоздалый. Такъ человѣкъ не рѣдко мечется изъ угла въ уголъ, бьется, досадуетъ, ища по всюду того, что держитъ въ рукѣ. Гораздо безнадежнѣе, повидимому, наша связь другого рода, связь внутренняя, цѣлость національная, единство соціальное, а не правительственное. Такая тьма племенъ, націй, языковъ, нарѣчій хоть кого приведетъ въ тупикъ и смутитъ: стоитъ, кажется, только попустить имъ вожжи, стоитъ только дать поблажку малѣйшимъ сепаративнымъ поползновеніямъ — и все расползется въ стороны. На этомъ-то грубомъ заблужденіи и основаны всѣ наши патріотическіе страхи, всѣ ратованія за то, чего потерять нельзя. А самое заблужденіе основано на сравненіи съ западомъ, на этой единственной для насъ мѣркѣ, и при томъ же разсматриваемой до сихъ поръ какъ обязательный примѣръ подражанія. На западѣ единство и связь частей основаны на отождествленіи побѣдителя съ побѣжденнымъ, — слѣдовательно иначе и быть не можетъ, иначе не должно быть и у насъ. И вотъ, пропустивши цѣлую тысячу лѣтъ безплодно для этой цѣли, мы спохватились сегодня, и къ завтрашнему дню хотимъ наверстать потраченное, и подря-

жаемся поставить національное единство. И куда же мы для того обратились: на тунгусовъ? на камчадаловъ? на вотяковъ? нѣтъ, на нѣмцевъ и на поляковъ! Вчера еще доводя признаніе національностей и санкцію автономій до степени, дѣйствительно безпримѣрной въ исторіи и дѣйствительно обличающей въ насъ способности повелителя міра, доводя ихъ до открытій варшавскаго и гельсингфорскаго сеймовъ, — сегодня мы не только не хотимъ сеймовъ, но не хотимъ знать ни поляковъ, ни финляндцевъ. Мудрено ли, что такая политика непослѣдовательности не можетъ повести ни къ чему, и что она должна рано или поздно возвратиться къ послѣдовательной, къ своей собственной, къ русской, а не западной политикѣ, имѣющей для себя прошедшее, вошедшей въ наше правительственное преданіе. Мы устыдились этого возвышенія своими руками другихъ надъ собою, мы увидѣли въ этомъ приниженіе самихъ себя; между тѣмъ это есть самое лучшее изъ нашихъ смиреній, потому что смиреніе надъ подвластными, это та сторона порока, гдѣ онъ восходитъ до добродѣтели, та сторона слабости, гдѣ она является силой. Кто же заслуживаетъ большаго уваженія и кто обнаруживаетъ больше достоинства: тотъ ли, кто не зная цѣны ни себѣ, ни другимъ, считаетъ себя всѣхъ лучше, какъ китайцы, или тотъ, кто, познавъ себя нѣсколько, начинаетъ уважать другихъ? Въ уваженіи этомъ и есть-то первый залогъ самоуваженія; въ этомъ признаніи чужого достоинства и есть первый признакъ достоинства своего. Признаніе это свидѣтельствуетъ, по крайней-мѣрѣ, отсутствіе какъ прежняго невѣжества такъ и новой зависти, отсутствіе высокомѣрія внизъ, если не гордость вверхъ; а отсутствіе это можетъ сказаться только тамъ, гдѣ есть уже достаточная вѣра въ самого себя, достаточное основаніе уважать, наконецъ, и себя. И потому гораздо скорѣе обнаружили мы недостатокъ самоуваженія, недовѣріе къ себѣ и мелочность тогда, когда начали ворчать противъ финляндскаго сейма, противъ остзейскаго права, противъ польскаго языка. Думая показать себя этимъ выше, чѣмъ есть, мы показали

себя только опять тѣмъ же, чѣмъ когда-то были въ пору азіатскаго самомнѣнія, и гораздо ниже того, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ остаемся. Да, самое высшее народное достоинство наше вовсе не тамъ, гдѣ его ищутъ рыцари печальнаго образа, герои дня алярмизма; завтра же мы уже найдемъ его тамъ, гдѣ отрицаемъ сегодня, найдемъ его въ конституціи финляндской, когда сами ее не имѣли, найдемъ его въ предоставленіи финляндцамъ правъ гражданства въ Россіи, тогда какъ русскій не имѣлъ ихъ въ Финляндіи, найдемъ его въ особомъ бюджетѣ, въ особой монетной системѣ Финляндіи, въ особомъ консульствѣ ея въ нашихъ портахъ и т. д. И пусть тотъ въ исторіи, кто былъ лучше насъ въ этомъ отношеніи, пусть онъ обличитъ нашу мелочность. Попадалась и Филиппамъ испанскимъ въ руки Голландія, и Іосифамъ австрійскимъ въ руки Бельгія, и Христіернамъ датскимъ въ руки Швеція, и Францискамъ французскимъ въ руки Италія, и Георгамъ англійскимъ въ руки Америка; но всѣ они противопоставляли превосходству только свое чванство національное, а не свою національную сдержанность. И только одни римляне во всей исторіи шли нашимъ путемъ, и смѣло провозглашали на олимпійскихъ играхъ достоинство ахейскаго союза. Этотъ налетѣвшій на насъ шквалъ завистливой мелочности и мелочной завистливости, эта отрыжка гнилой старины своею, не можетъ быть долговременна, какъ и испортившійся московскій желудокъ. А самый страхъ, у котораго очи такъ велики, есть только послѣдствіе того всеобщаго недовѣрія къ необходимостямъ въ исторіи, и того всеобщаго довѣрія къ произвольностямъ въ ней, которое равно отуманиваетъ головы и революціонера, и обскуранта. Какъ революціонеръ увѣренъ, что стоитъ только ему получить власть,—и онъ перевернетъ вверхъ дномъ все, что ему угодно, такъ и ревнивый охранитель увѣренъ, что стоитъ ему только попустить вожжи,—и все можетъ перевернуться вверхъ дномъ. Они оба смотрятъ на общество, какъ на настоящую лошадь въ телѣгѣ, и на вожжи, какъ на единственный законъ и управленіе общества. Ни для того,

ни для другого никакія тысячелѣтнія ни инкорпораціи, ни экскорпораціи ничего не значатъ: что тысячу лѣтъ инкорпорировалось, можетъ экскорпорироваться въ два дня, что тысячу лѣтъ экскорпорировалось, можетъ въ два дня инкорпорироваться и привиться,—вотъ ихъ всегда подразумѣваемый катихизисъ. И потому какъ ни много консерваторы говорятъ объ исконной крѣпости того или другого начала въ обществѣ, а какъ скоро дойдетъ до дѣла, они первые же за него трепещутъ, и тѣмъ обличаютъ, что первые же въ него не вѣрятъ. Таково именно и начало государственнаго единства Россіи. Чего уже не принесъ для него въ жертву русскій человѣкъ изъ запаса своей человѣчности, какими желѣзными корнями ни вросло оно въ землю, сколько столѣтій уже ни инкорпорируется оно въ сознаніе, въ право, въ нравы, какъ ни мало испытано имъ когда бы то ни было и какихъ бы то ни было разувѣреній, — а все еще думается: а вотъ завтра возьметъ да и отдѣлится Малороссія, а послѣ завтра Сибирь, а тамъ Финляндія, и пошло, и пошло! А почему отдѣлятся? потому что нѣтъ внутренней связи, нѣтъ одного языка, одной вѣры, одной національности! Тысячу лѣтъ уже стоитъ государство такъ, что никакія силы разорвать его не могли; смутное время испытывало это единство, когда оно было гораздо свѣжѣе, и испытаніе это выдержано блистательно; теперь же общее такъ крѣпко, что можно скорѣе опасаться за частное; для государства обезличена самая личность; а внутренней связи все-таки нѣтъ, и стоитъ оно только внѣшнею! Т. е. кольскоро нѣтъ той связи, какая обыкновенно представляется по французски, по нѣмецки, или по англійски, то и нѣтъ ея вовсе!... И такъ гдѣ же она, эта неподозрѣваемая, а между тѣмъ несомнѣнно существующая, эта не западная, а, по всей вѣроятности оригинальная русская, внутренняя связь? Она есть, и есть въ лучшемъ видѣ, чѣмъ была у римлянъ; она есть, и есть не только для всѣхъ раздѣленій славянскихъ, но она готова и для всѣхъ европейскихъ. Для всѣхъ первыхъ этотъ внутренній закаменѣвшій цементъ есть великорусское племя,

для всѣхъ вторыхъ этотъ внутренній неисторжимый цементъ есть славянская раса. Какъ ни разсматривайте каждый изъ этихъ цементовъ, по его количеству или по его способу разспространенія въ связываемой массѣ, все онъ окажется болѣе чѣмъ достаточнымъ для такой цѣли. Въ славянскомъ мірѣ великорусская лигатура его равняется половинѣ всей связываемой ею массы, а въ европейскомъ мірѣ лигатура славянская также не меньше ни одного изъ предстоящихъ для этой связи племенъ. Но вѣдь и самые металлы не знаютъ высшей лигатуры, а между тѣмъ представляютъ же весьма не хрупкую вещь и, напротивъ, представляютъ только еще болѣе твердую композицію, чѣмъ въ своей чистотѣ и однородности. Правда, это способъ связи совсѣмъ новый, совсѣмъ не бывалый въ исторіи; но значитъ ли это, что онъ и самый худшій или, еще лучше, что его вовсе нѣтъ у насъ. Съ другой стороны, посмотрите, какъ эта лигатура расположилась въ тѣлѣ. Скучилась ли она въ одномъ мѣстѣ, гдѣ нибудь въ центрѣ, такъ что только вслѣдствіе большой массы своей она притягиваетъ тѣла менѣе крупныя, т. е. по способу физическому, или же она проникла внутрь ихъ, разсыпалась по всему тѣлу, т. е. по способу химическому? Какъ нарочно и то, и другое: и скучилась, и разсыпалась, и притягиваетъ извнѣ, и проникаетъ во внутрь, связываетъ и физически, и химически. Великорусское племя помѣщено какъ разъ въ центрѣ Россіи, потому что около Москвы; вокругъ обложили его племена инородческія, украины. Но, притягивая къ себѣ эти окраины издали, вслѣдствіе большой массы своей, этотъ центръ просочился къ нимъ и вблизи, въ силу обширнаго сродства своего: гдѣ, въ какой окраинѣ, не встрѣчается этотъ бородатый великороссъ, подчиняясь, повидимому, покорно всѣмъ мѣстнымъ условіямъ, нерѣдко исключающимъ его даже отъ права гражданства, и все-таки не перерождаясь никогда, а перерождая весьма нерѣдко. Онъ переродилъ и перерождаетъ Сибирь, онъ переродилъ и перерождаетъ Заволодскую Чудь, онъ переродилъ и перерождаетъ высшій классъ Малороссіи. Онъ встрѣчается

даже и въ Финляндіи, и въ Остзейскомъ краѣ, и въ Литвѣ, и въ Польшѣ, куда загнала его опять не личная воля, а необходимость, и даже не русификаторская политика, а просто судьба, потому что гоненіе раскола. Онъ попадается, наконецъ, и въ Австріи и въ самой Турціи, и опять забрасываемый туда одною силою обстоятельствъ, а не преднамѣренной политикою, и опять, если не перерождая другихъ, то никогда не перерождаясь самъ и съ изумительнымъ упорствомъ сохраняя себя. Что же, не лучшая ли это связь, чѣмъ экстренная на курьерскомъ поѣздѣ экспедиція нѣсколькихъ чиновниковъ - руссификаторовъ въ ту или другую окраину? не лучшая ли это связь, чѣмъ даже настойчивая традиціонная политика любого правительства? не лучшая ли, потому что это самъ рокъ, сама судьба, сама историческая необходимость?... А то же самое и съ славянскимъ племенемъ по отношенію къ романскому и германскому. Во первыхъ оно не только не уступаетъ ни одному изъ нихъ въ численности (романцевъ — 78 м., германцевъ, включая сюда даже переходъ отъ романцевъ къ германцамъ, англичанъ, 85 м., славянъ же, даже и безъ переходныхъ грековъ, албанцевъ, румыновъ, 80 м.), но еще превосходитъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности и такимъ образомъ преобладаетъ уже самой массою своей. А между тѣмъ, что еще важнѣе, оно преобладаетъ ковкостью, тягучестью этой массы. Романское разсыпалось, по крайней-мѣрѣ, на три совершенно различныя и болѣе или менѣе равныя и національности, и государственности: французскую, итальянскую и испанскую; германское если и образовало одну національность, то всегда разсыпало ее на десятка три государствъ, да и теперь еще разсыпаетъ ее на два почти равныя, прусское и австрійское; славянское же не только не произвело многихъ болѣе или менѣе равныхъ государствъ, но даже не выработало непонятныхъ другъ другу національностей, и всегда представляло одно только видное государство и одну только сравнительно съ другими народность. Т. е. духъ соединительности и соединимости въ немъ

несравненно сильнѣе чѣмъ въ двухъ остальныхъ племенахъ и чѣмъ духъ раздѣлительности и раздѣлимости. Сыпучесть тѣхъ и сила сцѣпленія этого при сравненіи очевидны. Во-вторыхъ, кромѣ этого отличія физическаго, такъ же велико и отличіе такъ сказать химическое. Тѣ два племени обособились какъ одно отъ другого, такъ и сами въ себѣ, славянское же, напротивъ, затесалось въ оба, и затесалось въ нихъ не только потаенно, смѣшавшись съ нимъ, но и явно, не смѣшиваясь. Славянство врѣзалось не только въ Пруссію, не только въ Венгрію, но въ самое сердце германизма, и только здѣсь, только въ Богеміи, остановилось. Богемія есть европейскій аванпостъ славянства, это сторожевой пунктъ нашъ въ Европѣ, это міровой бастіонъ нашъ, которому подслужилась не только исторія, окропивъ его всѣми кровями Европы, но и географія, обложившая его всѣми твердынями своими, и который такимъ образомъ не только жизнь, но и сама природа возвела въ европейски стратегическій пунктъ. Привѣтъ тебѣ, милая Чехія! наше братство съ тобой еще не все исчерпано кровнымъ и молочнымъ братствомъ: намъ остается еще третье—кровавое. Другою полосой, адріатической, врѣзалось славянство и въ самую романскую среду, образовало себѣ и тутъ походную стоянку и операціонный базисъ. Что же касается всѣхъ вѣтвей, которыми мы сплелись съ Турціей, то о нихъ и говорить нечего. Какое же послѣ этого племя имѣло такіе шансы на всемірное владычество, какъ славянское? Гдѣ сходились такія условія исторіи и географіи, судьбы и природы, тяготѣнія и лигатуры, физики и химіи, вмѣсто однихъ условій политики и произвола? А потому и единство наше, какъ русское такъ и славянское, могутъ оставить въ покоѣ его сердобольные попечители. Если они поймутъ причины этого единства, то они найдутъ для своей сердобольности помѣщеніе менѣе напрасное. Болѣть тутъ слѣдовало бы скорѣе о томъ, что на алтарѣ этого единства закалывается личность, что эта сплошная славянорусская связь сильна именно своей сплошностью и тягучестью, а не индивидуализмомъ. Но что же дѣлать,

когда то и другое несовмѣстимо! Индивидуализмъ хорошъ для изолированной жизни; но онъ не можетъ быть лигатурой для другого общества, какъ не можетъ быть ею сыпучій песокъ, безпрестанно распадающійся на свои атомы. Собранные вмѣстѣ, они могутъ имѣть и единство, и большой вѣсъ, и большую плотность; но введенные въ тѣло, они и сами въ немъ разсыпаются, и его не соединяютъ. Чтобъ соединить его, необходимо непремѣнно вещество ковкое и тягучее, какъ славянское и въ особенности какъ безличное великорусское племя. Такъ вотъ въ чемъ состоитъ оригинальность славяно-русскаго отношенія раздѣленій къ соединеніямъ, вотъ въ чемъ его отличіе отъ англійскаго способа этого равновѣсія. Отличіе это и оригинальность состоитъ, во-первыхъ, въ залогахъ федеративности, и въ то же время компактности, а во-вторыхъ въ федеративности не только географической, но и этнографической, не только территоріальной но и племенной, и въ то же время при компактности не только внѣшней, но и внутренней, не только механической, но и органической. Это, можетъ быть, плохія условія индивидуализма, и при томъ для общества связывающаго, а не связываемаго; но такихъ условій федерализма никогда еще не создавалъ міръ, ни даже въ Америкѣ; а потому федерація славянская подъ гегемоніей Великороссіи и европейская подъ гегемоніей Славянства, есть та наивысшая форма организаціи, какую только могло до сихъ поръ выработать человѣчество для наибольшей совокупности своей. Это есть іерархичность и старѣйшинство не по рангамъ правителей, какъ въ Римѣ іерархичность и старѣйшинство префектуръ, діоцезъ и провинцій, а по рангамъ племенъ: вверху — великорусское племя съ его соединеніями и раздѣленіями, подъ нимъ — славянское съ своими соединеніями и и подраздѣленіями, внизу—германское и романское съ своими интегрированіями и дезинтегрированіями,—вотъ будущая пирамида Европы.

Разобравши наше великое и такъ дорого окупающееся посланничество въ мірѣ, обратимся къ тому соединенію и

Digitized by

раздѣленію, которое обнаруживается въ видѣ акцій и реакцій. Съ тѣхъ поръ какъ прогрессивное движеніе заявило у насъ себя рѣшительно и безповоротно, акціи и реакціи не переставали смѣнять другъ друга. Царствованіе Петра есть первая колосальная волна въ нашемъ съ тѣхъ поръ не утихавшемъ уже волненіи: она взбудоражила нашъ океанъ такъ, что онъ и до сихъ поръ еще успокоиться не можетъ, и что волненіе дойдетъ еще и до отдаленныхъ потомковъ нашихъ. За этой акціей или, по духу текущей стадіи, прогрессіей слѣдовала такая же колоссальная, если не по интенсивности ея, то по экстенсивности, реакція. Все царствованіе Петра II, Анны и Елисаветы ушло на эту реакцію. Все въ это время было поставлено на карту, и даже вопросъ: быть или не быть реформѣ? итти по петровскому пути или вернуться назадъ? Паденіе Меньщикова и побѣда Долгорукихъ, перенесеніе резиденціи въ Москву грозило рѣшеніемъ въ послѣднемъ смыслѣ. Но Петръ умеръ, Долгорукіе поѣхали въ Сибирь, на престолъ призвана Анна, и привезла съ собой нѣмца. Этотъ нѣмецъ былъ наше проклятіе и наше благословеніе. Все, что онъ могъ сдѣлать на погибель намъ, онъ сдѣлалъ; но онъ не могъ сдѣлать того, что могли Долгорукіе, онъ не могъ повернуть отъ нѣмцевъ назадъ, онъ долженъ былъ держаться Миниховъ, Остермановъ, долженъ былъ поддерживать нѣмецкую, а не русскую партію; а тогда это означало: быть и продолжаться реформѣ Петра. Коль скоро это было рѣшено, нѣмцы одинъ за другимъ стали исчезать: сперва самъ Бирономъ, потомъ Минихъ и Остерманъ и наконецъ самъ Ульрихъ. Елисавета потянула за собой правителей русскихъ, но уже достаточно воспитанныхъ въ нѣмецкой и французской школѣ,— и реформа, прогрессъ были снова обезпечены. Елисаветой реакція кончается, и Петромъ III начинается новая прогрессія, которая длится во все долгое царствованіе Екатерины. За нимъ наступаетъ опять, и на этотъ разъ страшная, террористическая реакція, но которая длится за то всего четыре года, т. е. столько же теряетъ въ экстенсивности, сколько хотѣла

выиграть въ интенсивности. За реакціей снова прогрессія Александра I. За прогрессіей реакція Николая I. И наконецъ за реакціей прогрессія Александра II. Отсюда выводъ, что будущее царствованіе, что исторія слѣдующаго поколѣнія будетъ снова реактивна. Мало того, судя по направленію нынѣшней прогрессіи, можно угадывать и направленіе будущей реакціи. Прогрессія была почти исключительно жизнь внутренняя, реакція будетъ, по всей вѣроятности, жизнь внѣшняя, какъ дополненіе предыдущей, и если мы можемъ ожидать какой либо новой значительной внутренней реформы, то, вѣроятно, не ранѣе начала будущаго столѣтія. Всѣ эти прогрессіи и реакціи, за исключеніемъ единственной, были, по своей хронологической продолжительности, почти равны, продолжаясь каждая около 30 лѣтъ, т. е. обыкновенную жизнь поколѣнія. Такъ петровская эпоха длится 36 лѣтъ, эпоха Анны и Елисаветы 30 лѣтъ, эпоха Екатерины 34 года, эпоха Александра 25 лѣтъ, эпоха Николая 30 лѣтъ. Въ свою очередь въ каждой изъ этихъ, какъ активныхъ такъ реактивныхъ, эпохъ можно замѣтить еще два періода: одинъ прибывающій, другой убывающій, при чомъ первый всегда идетъ сначала, второй всегда подъ конецъ, такъ что концы эпохъ сливаются и отождествляются. Такъ напримѣръ прогрессія петровская есть до полтавской битвы прибывающая, а съ тѣхъ поръ убывающая, такъ что эпилогъ петровскаго царствованія — царствованіе Екатерины I — есть прогрессія едва влачащаяся и весьма естественно переходящая въ реакцію Анны и Елисаветы. Здѣсь опять реакція ростетъ во все царствованіе Петра II и Анны, и убываетъ во все царствованіе Елисаветы. Екатерининская прогрессія рѣзко распадается на эпоху Коммисіи о новомъ уложеніи и эпоху французской революціи. Не менѣе рѣзко различается и движеніе александровской прогрессіи до вѣнскаго конгресса и послѣ него. Одна только слѣдующая за тѣмъ реакція теряетъ, по неизвѣстной причинѣ, предъидущую правильность и представляется прибывающею до самаго своего конца. Объясненія

надо искать, по всей вѣроятности, въ постоянныхъ, сопровождавшихъ ее, революціяхъ европейскихъ, которыя такимъ образомъ могли только растравлять ее, а не успокоивать. Но за то теперь становится объяснимымъ и то чрезвычайное напряженіе той прогрессіи, которая послѣдовала за тѣмъ, равно какъ и то слабое убываніе ея съ 1862 года, среди котораго мы живемъ. Намъ, современникамъ, оно можетъ, конечно, казаться вовсе не слабымъ; но, отрѣшаясь отъ минутной точки зрѣнія и отъ всѣхъ осадковъ ея въ сердцѣ, нельзя не признать, что это убываніе не имѣетъ себѣ ничего подобнаго ни екатерининскому, ни первому александровскому. Среди этой убывающей прогрессіи отмѣняется тѣлесное наказаніе (1863), созывается финляндскій сеймъ (1863), надѣляются польскіе крестьяне землею (1864), дается земское самоуправленіе въ Россіи (1864), подписывается судебная реформа (1864), издается новый законъ о печати (1865), совершается эманципатія крестьянъ казенныхъ (1866), происходитъ пріемъ славянскихъ гостей въ Царскомъ Селѣ (1867), устанавливаются правила надѣла землею чиновниковъ (1868), разрѣшается кастическій характеръ духовенства (1869), осуществляется самоуправленіе городское (1870) и наконецъ безъ капли крови отмѣняется парижскій трактатъ (1871). Всего этого достаточно было бы на иную прогрессію, не только что на реакцію, которая потому только и есть реакція, что въ реактивномъ смыслѣ измѣняетъ нѣкоторые скрупулы прогрессіи, которыхъ потомство и не почувствуетъ, и которые больны и чувствительны только для насъ, современниковъ. Дѣло стоитъ у насъ такъ, что пора, когда предпринимаются двѣ такихъ реформы какъ подоходная-податная и всеобщая-военная, что эта пора съ чистой совѣстью считается у насъ реактивною; реактивною, между тѣмъ какъ и на одну изъ этихъ реформъ прогрессивная Франція оказывается неспособною. Правда, жизнь государства слагается не изъ одной жизни правительства; есть въ немъ еще и общество. И нельзя при этомъ скрыть отъ себя, что это-то общество, которое съ 1862 года стало тормазомъ и самаго правительства, что оно-то и

представляетъ именно убываніе нашей прогрессіи гораздо лучше чѣмъ само правительство, такъ что дѣлаетъ эпоху дѣйствительно реактивною. Мы имѣемъ поэтому право повторить слова Посошкова: великій нашъ монархъ на гору самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ: какъ же его дѣло споро будетъ? Тѣмъ не менѣе, однакожъ, и это добавленіе останется еще одностороннимъ, пока взглядъ нашъ будетъ устремленъ только на одну политическую жизнь этого общества. Политически оно дѣйствительно мертво въ эту минуту. Интеллигенція его совсѣмъ замерла; а гражданство само по себѣ, безъ руководства интеллигенціи, и вовсе не можетъ проявлять политическихъ функцій. Интеллигенція вымерла до-тла во всѣхъ сферахъ; нигдѣ ни таланта, ни признака малѣйшаго творчества; нѣтъ у насъ больше ни ученыхъ, какъ Пироговъ, Остроградскій, Грановскій, ни поэтовъ, какъ Пушкинъ, Лермантовъ, ни беллетристовъ какъ Гоголь, Тургеневъ, ни критиковъ, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, ни актеровъ, какъ Каратыгинъ, Мочаловъ, ни живописцевъ, какъ Брюловъ, Ивановъ, ни музыкантовъ какъ Глинка, Даргомыжскій, ни популяризаторовъ, какъ Писаревъ, Чернышевскій, ни пропагандистовъ какъ Герценъ, ни агитаторовъ какъ Бакунинъ, и все, что есть у насъ, это только такіе агитаторы, какъ Каракозовъ и Нечаевъ,— замѣна, отъ которой не поздоровится никакому обществу. Но за то же обратите вашъ взоръ на число ежедневно выростающихъ у насъ сельскихъ и городскихъ банковъ, на количество возникающихъ потребительскихъ обществъ, на всѣ наши акціонерныя, страховыя и кредитныя общества, компаніи и товарищества, и наконецъ въ особенности на эту, внезапно укрывшую нашу почву, сѣть желѣзныхъ дорогъ, на рельсы, протянувшіеся на десятки тысячъ верстъ, тогда какъ еще десять лѣтъ назадъ ихъ не было и одной тысячи,—и вы увидите, что общество живетъ, но только живетъ экономической, а не политической жизнью. Такимъ образомъ наша прогрессія и въ смыслѣ общественномъ остается все таки убывающею весьма слабо, потому что убы-

вающею односторонно. Полная жизнь, жизнь всѣми сторонами организма, едва ли когда нибудь и возможна, кромѣ исключительныхъ національныхъ порывовъ и напряженій. Обыкновенное же теченіе жизни въ томъ и состоитъ, что всякая реакція дополняетъ то, чего не было въ акціи, и, наоборотъ, теряетъ все то, чѣмъ полна была акція. Въ прошедшее царствованіе не было у насъ ни политической, ни экономической жизни, ни движенія правительствомъ, ни движенія гражданствомъ; за то была жизнь и движеніе интеллектуальное, интеллигенція кипѣла талантами во всѣхъ родахъ и сферахъ. Въ первой половинѣ настоящаго царствованія, ослабѣла уже жизнь интеллигенціи, и не было еще жизни гражданства, за то кипѣла правительственная жизнь. Во второй половинѣ, интеллигенція выдохлась совсѣмъ, правительственная или чисто-политическая жизнь также измельчала; за то какой же полетъ получила жизнь гражданства, жизнь экономическая. Отсюда, изъ этого распознаванія, мы получаемъ основаніе для новаго предпознанія на счетъ непосредственно слѣдующаго царствованія и поколѣнія. Къ тому времени начнетъ ослабѣвать экономическая жизнь и будетъ продолжаться только вяло, отдыхая и собираясь съ новыми силами и капиталами. Жизнь политическая, правительственная, отдохнувъ къ тому времени, воспрянетъ; но воспрянетъ въ томъ только отношеніи, въ которомъ дѣйствительно отдохнула, т. е. въ политикѣ внѣшней, а не внутренней, въ войнѣ, а не въ мірѣ. И наконецъ наиболѣе отдохнувшая интеллигенція наиболѣе всего и воспрянетъ съ новой силою и энергіею. Будущее поколѣніе обѣщаетъ намъ одинъ изъ пышнѣйшихъ разцвѣтовъ нашей интеллигенціи, потому что это не можетъ быть, наконецъ, никакой болѣе разцвѣтъ какъ самобытный, никакое болѣе творчество, какъ оригинальное. Источники подражательности истощены всѣ; отъ этого между прочимъ и тотъ сонъ, та мертвенность, въ которой пребываетъ теперь наша интеллигенція. Она, также какъ и la Russie, se recueille. А когда она соберется съ силами, ей не куда будетъ ихъ дѣвать какъ въ новаторство,

некуда больше помѣстить, какъ въ самобытное, наконецъ, русское творчество. Такимъ образомъ: реакція во внутренней политикѣ, акція во внѣшней; реакція въ экономической жизни и акція въ интеллектуальной, — вотъ тѣ четыре пункта прогностики нашей для общества и правительства, которые мы отдаемъ на ближайшую повѣрку ближайшаго будущаго.

Еще дальнѣйшее соединеніе и раздѣленіе доводитъ насъ до элементовъ этого соединенія и раздѣленія, до соціальныхъ инстинктовъ, до партій. Партій у насъ, говорятъ нѣкоторые, нѣтъ; другіе говорятъ, что нѣтъ въ томъ или въ другомъ смыслѣ, и есть въ третьемъ. По нашему онѣ есть, и давно были во всѣхъ смыслахъ. Нѣтъ у насъ развѣ организованныхъ, дисциплинированныхъ политическихъ партій; но въ такомъ случаѣ нѣтъ ихъ и нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Англіи. Рѣзкое же распаденіе нашихъ партій и нашихъ инстинктовъ относится къ тому же времени, къ какому и рѣзкое обнаруженіе прогрессій и реакцій, т. е. ко времени Петра. А самое первоначальное образованіе партій или двухъ противоположныхъ инстинктовъ старины и новизны упреждаетъ и эту эпоху, безъ чего эпоха эта не могла бы и состояться. Первый нашъ замѣтный новаторъ и либералъ былъ патріархъ Никонъ; первый замѣтный нашъ охранитель и консерваторъ былъ попъ Аввакумъ. Никонцы и старообрядцы — вотъ элементы всего будущаго наращенія нашихъ партій. Они появились, какъ и слѣдовало ожидать, въ средѣ интеллигенціи, той интеллигенціи, какая одна только тогда и была, т. е. въ теоретической, а изъ теоретическихъ именно въ непосредственной. Здѣсь только было все мышленіе общества, а потому здѣсь же совершилось и элементарное раздѣленіе его на двое. За нимъ послѣдовало такое же раскрытіе противоположностей въ интеллигенціи научной и эстетической, гдѣ новаторомъ былъ бояринъ Артамонъ Сергѣичъ Матвѣевъ, поплатившійся за свое новаторство сперва Пустозерскимъ острогомъ, а потомъ и смертью на стрѣлецкихъ копьяхъ; а охранителями старой безцвѣтности жизни наши книжники, демественники и иконоборцы. И наконецъ при Софьѣ

и Петрѣ возникло и расчлененіе въ интеллигенціи практической, политической, представителемъ чего былъ, съ одной стороны самъ Петръ и его преображенцы, а съ другой стрѣльцы. Весьма естественно, что Никопъ, Матвѣевъ и Петръ слились между собою, а старообрядецъ, иконоборецъ и стрѣлецъ отождествились между собой. Такимъ образомъ двѣ соціальныя партіи стояли уже другъ передъ другомъ въ полномъ своемъ составѣ. Конечно, мы не имѣемъ тутъ возможности выдѣлить новатора отъ пропагандиста и пропагандиста отъ агитатора, потому что каждый, какъ больше всего самъ Петръ, долженъ былъ быть и однимъ, и другимъ, и третьимъ; но тѣмъ не менѣе либерализмъ и консерватизмъ существовали уже въ полномъ смыслѣ слова, хотя слова этого и не было. При Аннѣ и Елисаветѣ эти двѣ партіи назывались нѣмецкою и русскою; при Екатеринѣ онѣ именовались десятками разныхъ именъ, волтеріанцами, франкъ масонами, иллюминатами, якобинцами, а другіе Стародумами, старовѣрами; при Александрѣ — карбонаріями и патріотами; при Николаѣ — западниками и славянофилами; и наконецъ только въ наше время одна изъ двухъ партій окрещена мѣстнымъ именемъ, которое сдѣлалось популярнымъ нетолько въ обществѣ, но признано и въ одномъ изъ важнѣйшихъ оффиціальныхъ актовъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя князя П. П. Гагарина. Кличка эта, какъ обыкновенно бываетъ, дана въ насмѣшку; но отъ этого дѣло не перемѣняется, и всеобщее признаніе названія не можетъ не быть такимъ же признаніемъ совершившагося факта. Со времени «нигилизма и нигилистовъ» либеральная партія не только существуетъ, но и получила крещеніе. Отселѣ имя, какъ и самый предметъ, останется вѣчнымъ на всю нашу жизнь. Недостаетъ сюда только такого же общаго имени для всѣхъ вмѣстѣ оттѣнковъ консерватизма, для того чтобы обѣ партіи стояли на первой ступени къ своей организаціи. Отсталость консервативной партіи и въ этомъ отношеніи есть только новое свидѣтельство той преобладающей стадіи жизни, въ какой живемъ мы. Если консерваторы не могли еще получить

себѣ имени, то, конечно, потому, что они не заявили еще никакой довольно опредѣленной и всеобщей черты, для того чтобы можно было ее утрировать и съ большей или меньшей правдоподобностью обратить имъ въ кличку. До тѣхъ поръ будемъ называть ихъ просто консерваторами. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что у насъ существуетъ не болѣе двухъ партій. Оттѣнковъ династическихъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Оттѣнки по образамъ правленія были между декабристами, но нѣтъ ихъ теперь: нигилистъ относится съ презрѣніемъ къ той или другой формѣ правительственной (да и хорошо дѣлаетъ), и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на вопросахъ общественныхъ, соціальныхъ, а не чисто-политическихъ. Соціализма и коммунизма у насъ также нѣтъ въ европейскомъ смыслѣ этихъ словъ, а есть вмѣсто того развѣ только общинники, т. е. защитники нашей русской сельской общины, и артельники, т. е. поклонники нашей русской артели. За тѣмъ единственно дѣйствительныя различія нашихъ партій суть слѣдующія. Во первыхъ и главнѣе всего: за мужика или противъ мужика, т. е. аристократизмъ и демократизмъ. Другого столь же яснаго различія въ дѣлѣ внутренней политики трудно искать,—кромѣ развѣ сепаратизма и централизаторства. Различій по отношенію къ славянскому вопросу опять не болѣе двухъ, при чемъ вопросъ вовсе не въ томъ, за славянъ или противъ нихъ? а только въ томъ, какимъ образомъ за нихъ? Мы всѣ славянофилы, и славянофобовъ нѣтъ у насъ, всѣ также и панслависты, а монославистовъ также нѣтъ. Но одни изъ насъ желали бы единаго славянскаго государства посредствомъ обращенія славянскихъ королевствъ въ русскія губерніи, а другіе допускаютъ мысль о панславянскомъ государствѣ только въ видѣ федераціи; одни хотятъ поддѣлать славянъ къ намъ, другіе—поддѣлать и самую Россію къ славянамъ. По отношенію къ вопросамъ вѣры также нѣтъ болѣе двухъ отмѣнъ: или вѣрующій во все или невѣрующій ни во что; серединъ, степеней и компромиссовъ католическихъ и протестантскихъ въ интеллигенціи нашей нѣтъ. Въ философіи также нѣтъ ни-

чего кромѣ или полнаго спиритуатизма или полнаго матеріализма. Въ искуствѣ также одно только раздѣленіе: или искуство для искуства или реализмъ. Такимъ образомъ всецѣлый типъ нашего нигилиста есть: общинникъ, демократъ, сепаратистъ или децентрализаторъ, атеистъ, матеріалистъ и реалистъ, но никакъ не республиканецъ или конституціонистъ, не націоналъ или партикуляристъ, не тотъ или другой династъ, не клерикалъ или диссидентъ, не соціалистъ или коммунистъ, какъ это водится въ Европѣ. Т. е. наши двѣ партіи основаны, во первыхъ, на режимахъ не политическихъ, не формальныхъ, а на существенныхъ, на соціальныхъ, и, во вторыхъ, онѣ основаны на различіяхъ рѣзкихъ, первостепенныхъ, а не на компромиссахъ и серединахъ. Какъ это число, такъ и эта рѣзкость партій есть, впрочемъ, необходимое послѣдствіе молодости ихъ; дальнѣйшая исторія, конечно, и раздробитъ ихъ больше, и больше стушуетъ и сблизитъ. А потому единственнымъ непреходящимъ отличіемъ ихъ отъ европейскихъ останется развѣ только общественность, а не политичность ихъ. Да это и весьма естественно: народу, призванному къ всемірному владычеству и давно уже привычному вмѣщать въ себѣ всѣ политическія формы въ одно и то же время, отъ финляндской до самоѣдской, трудно составить изъ этихъ формъ жизненный, историческій вопросъ. Гораздо естественнѣе для него обратить въ вопросъ всѣ связи внутреннія, а не внѣшнія, общечеловѣческія, а не мѣстныя и національныя; а такимъ вопросомъ и суть всѣ вопросы нашего нигилизма и нашего консерватизма. Что касается за тѣмъ истекшей и текущей борьбы этихъ партій, то она носитъ на себѣ всегдашнюю печать этой борьбы. Начиная съ принциповъ, каждая схватка непремѣнно переходитъ потомъ къ личностямъ, и одна партія старается уничтожить вождей другой. При этомъ нигилисты стремятся уничтожить вождей консерватизма въ общественномъ мнѣніи, а консерваторы—уничтожить вождей нигилизма въ мнѣніи правительства. Одни дискредитуютъ другихъ (Вѣсть, Голосъ, Московскія Вѣдомости) путемъ за-

подозриванія въ подкупности, въ субсидіяхъ, въ наймѣ, (польскія деньги, казенная поддержка, аренда); другіе обличаютъ первыхъ (Современникъ, Русское Слово) въ неблагонадежности, въ непатріотизмѣ, въ революціонномъ духѣ (солидарность съ пожарами, съ Каракозовымъ). Первые хотятъ упечь враговъ диффамаціею, (напримѣръ, Каткова) вторые — Сибирью (напримѣръ, Чернышевскаго). Нравственное достоинство обѣихъ партій видно уже и изъ этого; но здѣсь оно только отрицательное, здѣсь оно только въ томъ, что нигилисты менѣе безнравственны, чѣмъ консерваторы, пока нормальное чувство не смѣнилось страстью. Положительное же нравственное превосходство обнаруживается въ сравненіи эманципаторовъ и крѣпостниковъ, гдѣ первые ратовали во имя потерь своихъ, а вторые во имя своего кармана. Что касается умственнаго достоинства, то оно, по обыкновенію, перебѣгало отъ партіи къ партіи, смотря по эпохѣ. Когда акція принимала наступательное положеніе, а реакція оборонительное, т. е. когда прогрессія была прибывающая, тогда умственныя силы были на сторонѣ нигилистовъ (Кавелинъ, Герценъ, Милютинъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Некрасовъ); а когда реакція, или прогрессія убывающая, перешла въ наступленіе противъ обороняющейся акціи, тогда умственная сила оказалась на сторонѣ консерваторовъ (Катковъ). Хотя у консерватизма всего только одинъ талантъ даже и теперь, но тѣмъ поразительнѣе выступаетъ истина закона; потому что и этотъ одинъ все-таки превосходитъ всѣхъ взятыхъ вмѣстѣ теперешнихъ либераловъ, а тѣ и многіе все-таки не въ состояніи выжать изъ себя хотя бы то одного Каткова: до такой степени измельчалъ либерализмъ и выросъ консерватизмъ; до такой степени либералы стали пигмеями, что между ними теперь и Катковъ великанъ. Вѣрность этого положенія становится еще болѣе поразительною, когда мы вспомнимъ, что единственный консервативный талантъ нашего времени дѣйствовалъ и во время акціи; но тогда онъ не былъ талантомъ, тогда не былъ замѣтнымъ и совершенно стушевывался;

теперь же, наоборотъ, стушевались предъ нимъ всѣ нигилисты. Наконецъ и еще знаменательнѣе становится характеристика умственной силы и ея перебѣжничества, когда мы припомнимъ, что даже одна и та же личная сила можетъ при этомъ случаѣ быть сперва талантомъ отъ акціи, а потомъ талантомъ отъ реакціи, какъ напримѣръ Тургеневъ. Въ результатѣ же, въ суммѣ всего нашего нигилизма и всего консерватизма, перевѣсъ умственнаго и нравственнаго запаса остается безпрекословно на сторонѣ нигилизма, а не консерватизма, потому что на сторонѣ Бѣлинскихъ, Герценовъ, Милютиныхъ, Грановскихъ, Полевыхъ, Станкевичей, Чаадаевыхъ, а не Безобразовыхъ, Бланковъ, Булгаринныхъ, Гречей, Бурачковъ, Магницкихъ, на сторонѣ Карамзинныхъ, Пушкиныхъ, Жуковскихъ, а не Шишковыхъ, на сторонѣ Новиковыхъ, Радищевыхъ, Новосильцевыхъ, Сперанскихъ, а не Щербатовыхъ, Растопчиныхъ, и т. д. и т. д. А вслѣдствіе этого и постоянная побѣда остается до сихъ поръ безусловно на сторонѣ либерализма, а весь успѣхъ консерватизма состоитъ постоянно лишь въ отсрочиваніи этихъ побѣдъ, но никакъ не въ ретроградствѣ. Побѣдительность либеральнаго начала такъ до сихъ поръ полна, что у насъ цѣлыя партіи политическія обращаются цѣликомъ изъ консервативныхъ въ либеральныя, какъ случилось это съ нашимъ славянофильствомъ. Появись такая партія во времена застоя или регресса, она знаменовала бы только дѣйствительное возвращеніе вспять, къ древнимъ идеаламъ, и не преминула бы продолжать закаляться въ этой своей складкѣ. У насъ же славянофильское обращеніе въ тылъ, бывшее въ «Маякѣ» полнѣйшимъ обскурантизмомъ, въ «Москвѣ» и въ «Бесѣдѣ» оказывается рѣшительнымъ либерализмомъ, но только съ мѣстнымъ оттѣнкомъ. Такимъ образомъ и самая, по наружности, ретроградность, обращается, по существу своему, въ передовое начало. Новое доказательство, какъ несомнѣнно находимся мы въ порѣ постояннаго, безпрекословнаго прогресса, а не регресса и даже не застоя.

Совсѣмъ другое оказывается, когда мы переходимъ къ

анормальной борьбѣ партій, къ борьбѣ не чувствъ, а страстей, инстинктовъ не умѣренныхъ, а фанатизированныхъ. И такъ какъ фанатизація ихъ, сообразно текущей стадіи, могла образоваться скорѣе у нигилистовъ, чѣмъ у консерваторовъ, то намъ и знакомѣе фанатизмъ нигилистическій чѣмъ консервативный. Если послѣдній проявился въ такихъ личностяхъ какъ Архаровъ при Павлѣ I, какъ Аракчеевъ или Магницкій при Александрѣ I, какъ Клейнмихель или Руничъ при Николаѣ I, то фанатизмъ нигилистическій обнаружился еще хуже, потому что онъ достигъ до такихъ проявленій какъ Каракозовъ и въ особенности Нечаевъ. Эта послѣдняя личность и ея катихизисъ есть идеалъ того, до чего можетъ достигнуть отступленіе и ума, и нравственности отъ обычнаго сѣдалища своего въ либерализмѣ. Это—полная теорія іезуитизма въ политикѣ, это—торжественная и систематическая санкція злодѣянія и коварства, это—наконецъ блистательное свидѣтельство притупленія и съуженія, подъ вліяніемъ страсти, самыхъ острыхъ и широкихъ способностей личнаго ума. А что еще больнѣе и фаталистичнѣе, такъ это то, что нѣтъ уже теперь возможности ни избѣжать вполнѣ такихъ явленій, ни вполнѣ предупредить ихъ до поры до времени. Что, въ самомъ дѣлѣ, измѣнить ли въ угоду Каракозову и Нечаеву ту реакцію, которую мы не могли выше не признать вполнѣ неизбѣжною? но это значило бы прати противу рожна! Ввести ли всѣхъ каракозовцевъ и всѣхъ нечаевцевъ во власть, дать имъ участіе если не въ правительствѣ, то хоть въ интеллигенціи, и тѣмъ самымъ разрядить и умѣрить ихъ? но онѣ заряжены такъ и такъ неумѣренны, что самое разряженіе и умѣреніе ихъ значило бы опять измѣненіе всего текущаго порядка вещей. Можно и должно предоставлять этотъ разрядъ баттареямъ, менѣе наэлектризованнымъ, но не такимъ какъ эти; и въ этомъ и состоитъ весь тактъ исцѣленія нашего отъ этихъ золъ. Непостепенность, однажды допущенная въ жизни, обязываетъ и остается въ ней уже на всегда. Весь будущій успѣхъ или неудача состоитъ въ такомъ случаѣ только въ

умѣренiи непостепенностей, а никакъ не въ устраненiи ихъ. А потому и такiя непостепенности, какъ Каракозовъ и Нечаевъ, доступны въ ближайшемъ будущемъ, нѣкоторому сглаживанiю но никакъ не приведенiю ихъ къ нулю. Онѣ съ необходимостью должны продолжать появляться въ большей или меньшей мѣрѣ, а мы съ такой же необходимостью должны продолжать ихъ казнить. Ни у нихъ, ни у насъ другого исхода пока нѣтъ. Но если надъ нами тяготѣетъ рокъ этого рода, то мы можемъ утѣшать себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что ядъ непостепенности не на столько проникъ въ наши жилы, чтобы заразить все существо и всю будущность нашу, какъ во Францiи. Мы можемъ вполнѣ разсчитывать, что наша менѣе скопленная непостепенность, что наше болѣе мудрое правительство, и въ особенности, что предстоящая дѣятельность интеллигенцiи и самосознанiе наше ограничатъ послѣдствiя болѣзни, по крайней мѣрѣ, степенью политическаго преступленiя, не допуская его въ будущемъ до степени бунта, а тѣмъ болѣе до степени революцiи. Мы можемъ надѣяться даже и на то, что самое преступленiе политическое будетъ мало-по-малу терять свой горячечно-острый характеръ, и что такимъ образомъ мы достигнемъ современемъ того, что войдемъ въ берега и потечемъ плавно.

Сумма и характеръ впечатлѣнiй общества предрѣшаетъ сумму и характеръ рефлексовъ его. Когда вамъ скажутъ, какiя впечатлѣнiя испыталъ въ своей жизни человѣкъ, вы уже можете напередъ сказать, кто онъ, можете угадать напередъ всѣ его главнѣйшiе рефлексы. Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу тебѣ, кто ты таковъ. И такъ, для дiагностики Россiи съ этой точки зрѣнiя, лучше всего обратить вниманiе на ея историческiя впечатлѣнiя, и тогда сами собою выяснятся ея рефлексы. Впечатлѣнiя нагляднѣе, безпорнѣе, чѣмъ рефлексы, а потому гораздо легче по первымъ изучать вторые, нежели наоборотъ. Здѣсь немыслимо, конечно, задаваться идеею всѣхъ

испытанныхъ и пережитыхъ нами впечатлѣній; а потому мы должны сдѣлать выборъ, и выборъ, который бы наиболѣе соотвѣтствовалъ прилагаемой нами наукѣ. Такимъ образомъ всѣ впечатлѣнія природы, имѣющія, какъ показалъ Бокль, такое великое значеніе для народа, мы должны, не смотря на то, оставить въ сторонѣ, какъ дѣло географіи, а не политики. Первое ограниченіе есть, слѣдовательно, ограниченіе впечатлѣніями общественными, импозантностью только общественной, а не природной среды нашей. Во-вторыхъ и изъ числа впечатлѣній соціальныхъ мы можемъ на первый разъ брать только тѣ, которыя, съ одной стороны, наиболѣе несомнѣнны и наиболѣе крупны, а съ другой, которыя должны были быть наиболѣе поразительны или продолжительны для нашего общества. Такихъ впечатлѣній въ нашей жизни было не болѣе четырехъ: впечатлѣніе удѣльной жизни, впечатлѣніе монгольское, впечатлѣніе завоеваній и впечатлѣніе Европы. Первое важно по своей продолжительности, какъ длившееся не менѣе 400 лѣтъ (X, XI, XII и XIII в.), второе, монгольское, важно по его поразительности, хотя и длилось только 200 лѣтъ ($^1/_2$XIII—$^1/_2$XV в.), третье, завоеванія, опять впечатлительно по продолжительности, простирающейся опять около 400 лѣтъ ($^1/_2$XV—$^1/_2$XIX в.), четвертое, европейское, неизгладимо снова по поразительности, хотя и продолжается опять не болѣе 200 лѣтъ ($^1/_2$XVII—$^1/_2$XIX в.). Какъ въ природѣ ни одинъ атомъ не пропадаетъ, хотя и всѣ превращаются ежеминутно, такъ въ исторіи не пропадаетъ ни одно впечатлѣніе, хотя онѣ и постоянно то инкорпорируются, то экскорпорируются. Экскорпорація тѣмъ только и занимается, правда, чтобы выводить изъ общества тѣ или другія впечатлѣнія; но для этого нужно, во-первыхъ, чтобы онѣ дѣйствительно и непосредственно выводились чѣмъ нибудь, а во-вторыхъ, чтобы выводились продолжительно. Тѣ же, для экскорпорированія которыхъ ничего не было сдѣлано, тѣ остаются на всегда и цѣликомъ; тѣ, для экскорпорированія которыхъ сдѣлано много, но не все, остаются отчасти; и наконецъ тѣ,

для искорененія которыхъ все сдѣлано, не могутъ не оставить по себѣ нѣкотораго слѣда уже потому, что прежде своего экскорпорированія онѣ успѣли видоизмѣнить многія другія статьи жизни, долженствующія оставаться на долго. Если же это вѣрно относительно всѣхъ вообще впечатлѣній, то тѣмъ болѣе вѣрно относительно такихъ, каковы взятыя нами четыре. Изъ нихъ ни одно не могло истребиться въ конецъ, рефлексы каждаго изъ нихъ должны въ большей или меньшей мѣрѣ оставаться и до сихъ поръ; и такая или иная комбинація этихъ рефлексовъ должна слагать собою главнѣйшія черты всего національнаго облика нашего. Въ чемъ же должно было состоять впечатлѣніе нашего удѣльно-вѣчеваго порядка или уклада, какъ называетъ его нашъ историкъ? Конечно, во-первыхъ, въ вѣчевомъ, а во-вторыхъ въ удѣльномъ режимѣ, какъ указываетъ и самое имя періода. А что же такое режимъ вѣчевой и режимъ удѣльный? Т. е. какими же естественными и неотразимыми рефлексами должны были они отпечатлѣться? Одинъ — привычкою жить и дѣйствовать міромъ, съобща, а другой — привычкою жить и дѣйствовать землями, въ разсыпную. Вотъ двѣ привычки, вотъ тѣ два нрава, которые самое первоначальное историческое воспитаніе прививало къ намъ, которые составляли первое изъ всѣхъ жизненныхъ впечатлѣній нашихъ, которые не надуманы нами впослѣдствіи и не произвольно усвоены, а получены преемственно, по наслѣдству, которые всосаны нами съ молокомъ матери, и которые всасывались потомъ въ продолженіи первыхъ четырехъ столѣтій ежедневно, ежечасно. Такова степень инкорпораціи. Но не экскорпорировались ли потомъ эти два нрава? Да, экскорпорировались; хотя не прямо и непосредственно, не какъ такія привычки, которыя бы сами по себѣ возбудили противъ себя протестъ, а косвенно и посредственно, какъ такія, которыя повели, между прочимъ, къ подчиненію монголамъ, и которыя потомъ мѣшали также и освобожденію отъ этого подчиненія; а потому и экскорпорировались онѣ лишь на столько, на сколько мѣшали этой посторонней для

нихъ цѣли. Экскорпорація эта производилась зародившимся монархизмомъ. Монархизмъ, съ одной стороны, стягивалъ всѣ земли въ одну, а съ другой въ этой одной землѣ стягивалъ всѣ воли въ одну. Этимъ онъ, безъ сомнѣнія, парализировалъ и привычку земскую, и привычку мірскую. Но на сколько же? Это пусть лучше всего скажетъ онъ самъ. Когда цѣль была достигнута, когда ярмо монгольское сброшено съ шеи, когда власть оказалась во всеоружіи, когда она достигла, наконецъ, такого апогея какъ въ Иванѣ Грозномъ, какое же оказывается у нея самой первое воспоминаніе? Это—воспоминаніе вѣчевое, это—гнѣвъ на воеводское управленіе, смѣнившее собою мірское, это—стремленіе возстановить міръ, и замѣна для того воеводъ излюбленными старостами. Другая нечаянная экскорпорація, произведенная монархизмомъ, была нарушеніе мірского равенства выдѣленіемъ изъ него аристократіи, боярства. И что же? Грозный обрушивается всѣми силами своими и на эту новую инкорпорацію, на собственную инкорпорацію монархизма. Отсюда видно, до какой степени и произшедшая экскорпорація, и произшедшая инкорпорація были чужды намѣреніямъ власти и сознательной политикѣ. Ни то, ни другое не составляло потребности внутренней, а только внѣшнюю; а потому какъ только эта внѣшняя потребность исчезла, никто у насъ не имѣлъ ничего ни противъ мірского режима, ни противъ земскаго. Правда, произволъ, политика, намѣренность далеко еще не все въ исторіи; гораздо болѣе могущественный двигатель есть стеченіе обстоятельствъ; и это-то стеченіе обстоятельствъ сдѣлало и то, чего не думалъ и не желалъ сдѣлать монархизмъ. Но за то оно сдѣлало это не такъ сполна, какъ могло бы это сдѣлаться при союзѣ воли и сознанія; и потому въ первый же разъ, какъ только надобность и возможность къ тому оказались, мірской режимъ и режимъ земскій проснулись. Это случилось въ междуцарствіе. Опытъ этотъ пришелъ какъ-бы нарочно для нашего наблюденія. Тѣхъ царей, того монархизма, которые волей-неволей экскорпорировали и мірскую

привычку, и земскую, не стало; и такъ что же теперь сдѣлаютъ и этотъ міръ, и эти земли? Земли дѣйствительно потянули врозь, какъ говорятъ лѣтописцы, а міръ дѣйствительно собрался вкупѣ: по всѣмъ городамъ воспрянули вѣча, повсюду возникли грамоты, изъ конца въ конецъ поскакали гонцы. Т. е. все то, что главнымъ образомъ экскорпорировалось, оказалось экскорпорированнымъ недостаточно: воскресли и земли, воскреснулъ и міръ. Мало того, воскреснувъ, они совершили великое дѣло, оставили по себѣ историческій подвигъ, управились и съ врагомъ внѣшнимъ, и съ врагомъ внутреннимъ, возвратили странѣ и свободу, и цѣлость, и порядокъ, и власть. Правда, это воскресеніе было на минуту; но оно дало мѣсто нѣсколькократнымъ употребленіямъ народомъ верховной власти, и, во всякомъ случаѣ, оно доказало, что предшествовавшее экскорпорированіе было далеко не окончательнымъ. Нѣсколько возведеній и низведеній нѣсколькихъ династій, нѣсколько опытовъ записей при этихъ возведеніяхъ, цѣлый рядъ земскихъ соборовъ и думъ не могли быть совершенно ничтожны ни какъ слѣдствіе, ни какъ причина. Если они показали, что міръ и земли потеряли охоту пользоваться своей властью, отвыкли отъ прежней своей привычки, то они же показали, что привычка эта составляетъ самое естественное воспоминаніе ихъ, напрашивается къ нимъ сама собою. Наконецъ и соборы перестали собираться; противъ этой привычки и этого воспоминанія вооружилась и самая власть, начиная съ Петра. И что же? Екатерина II сама, по собственной иниціативѣ, созываетъ земскую коммисію о сочиненіи новаго уложенія, и коммиссія эта оказывается уже вовсе не такою безмолвною, какими были земскіе соборы, «уставя брады свои.» Идетъ за тѣмъ три царствованія, изъ которыхъ первое и третье напоминаютъ монархизмъ Грознаго и монархизмъ Петра. И что же? земскій и мірской режимы, по своему, но все-таки цѣлы: первый, ушедши отъ общества, вошелъ въ самое правительство, въ видѣ генералъ-губернаторствъ и намѣстничествъ; второй, удалясь изъ столицъ и

городовъ, притаился въ селахъ, ушедши изъ аристократіи и средняго класса, нашолъ убѣжище у крестьянства. Такимъ образомъ гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. И вотъ, наконецъ, наскучивъ этой безплодной и никому не нужною болѣе погоней, настоящее царствованіе раскрываетъ этой природѣ дверь, вмѣсто окна: раскрываетъ дверь и для мірского режима, въ самоуправленіи селъ, городовъ и столицъ, крестьянъ, горожанъ и дворянъ; раскрываетъ дверь и для земскаго режима, въ самоуправленіи на первый разъ губерній. Вотъ что значатъ нравы, всосанные съ молокомъ, вотъ что значатъ прочныя впечатлѣнія дѣтства. Онѣ не исчезаютъ и тогда, когда кажутся давно забытыми, и всегда готовы проснуться нежданно и негаданно. — Другое впечатлѣніе и другой рефлексъ были монгольскіе. Впечатлѣніе это, если не было ни первымъ изъ нашихъ историческихъ впечатлѣній, ни очень продолжительнымъ, то было въ высшей степени поразительнымъ, и потому не могло не врѣзаться почти также глубоко, какъ и то. Для народа, достаточно уже привыкшаго къ международной самобытности и трактовавшаго какъ равный съ равнымъ съ германскими кесарями, попасть въ полное и безусловное рабство, и къ кому же? къ поганымъ! Для народа, привыкшаго жить и управляться міромъ, попасть въ полную волю княжескихъ тіуновъ; для народа, непривычнаго даже ко вмѣшательству своихъ собственныхъ тіуновъ, очутиться въ распоряженіи подъ часъ даже баскаковъ; для народа, по преимуществу расположеннаго къ семейной жизни, отдавать на произволъ ихъ своихъ женъ и дочерей; для народа, не знавшаго никакихъ штрафовъ, кромѣ денежной виры, очутиться подъ кнутомъ; для народа, незнакомаго ни съ какими тѣлесными наказаніями, увидѣть себя подъ пыткой и сажаемымъ на колъ; для народа, платившаго долги по Правдѣ Русской, деньгами, а не кожей, увидѣть себя выводимымъ на правежъ; для народа, привыкшаго не видѣть никого выше князей своихъ, увидѣть ихъ на колѣнахъ передъ ханами;—все это есть такое потрясеніе всей нервной системы

общества, которое даромъ пройти не могло, и слѣды котораго на долго, если не на всегда, должны были остаться неизгладимыми. Первый наиболѣе всеобщій рефлексъ, вызванный этимъ потрясающимъ впечатлѣніемъ, былъ бѣгство въ монахи, отреченіе отъ міра. Ни въ одну эпоху не настроено у насъ столько монастырей какъ въ эту; и это совершенно понятно. Единственное чувство, долженствовавшее овладѣть народной душою, интеллигенціею страны, было чувство отчаянія, чувство презрѣнія къ такой жизни; —и отсюда отреченіе отъ нея, бѣгство отъ міра. Не могши спасти отечества, каждый спасалъ, по крайней мѣрѣ, самого себя; не имѣя возможности найти душевный покой въ обществѣ, стали искать его во внутреннемъ мирѣ души. Въ это-то время въ духовенствѣ нашемъ не обошлось безъ прилива изъ аристократіи. Если же мы соединимъ это впечатлѣніе на личность съ тѣмъ состояніемъ личности, какое и безъ того должно было выработаться въ прежнемъ вѣчевомъ режимѣ, гдѣ и безъ того была въ такомъ ходу круговая порука, гдѣ она достигала даже такого своего выраженія какъ такъ называемая дикая вира Русской Правды, по которой за преступника отвѣчала вся его деревня, словомъ, гдѣ все значеніе имѣлъ міръ, и никакого значенія не имѣла личность, и гдѣ не могла поэтому выработаться гордая, сознающая свое достоинство аристократія; то мы и получимъ, что самое гибельное значеніе монгольское иго имѣло именно въ этомъ направленіи. Во-первыхъ, падая тяжелѣе всего на князей, на тѣлахъ которыхъ монголы обѣдали, и на аристократію, оно предупреждало возможность всякаго дальнѣйшаго гуманизированія аристократіи, и вмѣсто того помогало слагаться только монгольскому типу ея: недопуская ее развиваться вверхъ, на счетъ силы и власти, оно оставляло ей только развитіе внизъ, на счетъ безвластія и безсилія. Отсюда невозможность аристократической гордости и возможность только аристократическаго тщеславія. Во-вторыхъ, присоединяя къ прежней отрицательной безличности общества еще положительное подав-

леніе личности, приниженіе ея безпадежностью, чувствомъ страха, разочарованіемъ, утратою человѣческаго и гражданскаго достоинства, иго это окончательно сокрушало возможность и всякаго вообще дальнѣйшаго индивидуализированія нашего общества, какое могло бы еще придти путемъ свободы и знанія. Народъ, не будучи унижаемъ монголами непосредственно, нашелъ такимъ образомъ передаточную инстанцію приниженія въ аристократіи своей, вмѣсто образца подражанія нашелъ въ ней предметъ отвращенія — и новое иго, крѣпостное, было подготовлено. Наконецъ монгольское владычество было настоящимъ проклятіемъ на нашей странѣ, анаѳемою, отлученіемъ насъ отъ церкви всѣхъ остальныхъ народовъ Европы на цѣлыя двѣсти слишкомъ лѣтъ. Оно отрѣзало насъ отъ европейской системы и развитія европейскихъ формъ жизни; оно отбросило насъ въ Азію такъ, что насъ и до сихъ поръ не охотно возвращаетъ къ себѣ Европа. Оно, это не довольно проклятое нашими историками, иго разорвало, наконецъ, не только нашу совмѣстность съ современной цивилизаціей, но и нашу преемственность съ минувшей. Знаемъ, что нѣтъ худа безъ добра, какъ говоритъ нашъ великій соціологическій наблюдатель, знаемъ, что и великаго худа нѣтъ безъ великаго добра; но, сколько бы ни было тутъ его, и какъ бы ни было необходимо зло, не оцѣнить этого послѣдняго все-таки не возможно. Наши историки по большей части обходятъ это больное мѣсто, обходятъ или молчаніемъ или смягченіемъ зла; они доказываютъ, что вліяніе было не такъ велико какъ кажется, что оно было вліяніемъ издали, а не вблизи, что въ языкѣ нашемъ осталось не болѣе 50 словъ татарскихъ, и т. п. Это, впрочемъ, и весьма простительно: чтобы желать остановиться надъ татимъ воспоминаніемъ, чтобы равнодушно взмѣривать и взвѣшивать такой кошмаръ народной гордости, — для этого дѣйствительно нужно насиліе надъ собою; но тѣмъ не менѣе если словъ осталось мало, то за то какія же тѣ, что остались! если вліяніе дѣйствовало издали, то въ какомъ же на-

правленіи оно дѣйствовало! если оно продолжалось не долго какъ непосредственное, то сколько же оно продолжается въ послѣдствіяхъ своихъ! Вышедши изъ рукъ монголовъ, мы одичали до того, что послы наши въ чужихъ странахъ стали притчей во языцѣхъ и посмѣшищемъ для Европы; наши нравы придворные стали изумлять пріѣзжавшихъ къ намъ иностранцевъ; а въ довершеніе всего наше самомнѣніе азіатское, выработанное успѣшнымъ достиженіемъ новаго и теперь единственнаго идеала общества, идеала сарайскаго, дѣлало насъ еще смѣшнѣе въ глазахъ Европы. Аристократизмъ нашъ, не имѣя возможности воспитать въ себѣ ни гордости, ни достоинства, воспиталъ за то всю азіатскую спѣсь; не имѣя возможности проявлять свою ширь, свое самолюбіе и свою силу вверхъ, именовавшій себя тамъ холопами и максимками, тѣмъ пуще научился проявлять ихъ внизъ; третируемый какъ животное самъ, и другихъ третировалъ также. Наша интеллигенція, которая свысока относилась къ луторской ереси, къ латынскому крыжу, сама въ то же время съ полной самоувѣренностью предписывала: «Яко аще бы ся родило отъ жены пол-звѣря а пол-человѣка, то имать крещено быти подъ прилогомъ сицевымъ: аще сей есть человѣкъ, крещается рабъ божій (имя рекъ). Аще ли рожденное — никоего образа человѣча, не имать быти крещено». Когда же она прозрѣла немного, и когда задумали выводить ее изъ этого отупѣнія, то она откровенно сознавалась, что этого не вынесетъ, что «разумы наши тупы и медлительны, что ума нашего на заморскія хитрости не хватитъ, и что только по-напрасну коштъ великій потраченъ будетъ.» Такимъ образомъ утрачена была даже всякая вѣра въ себя; приниженіе нравственное достигло до того, что потеряна самая надежда на возвращеніе утраченнаго достоинства. Дальше этого паденію личности идти трудно. И если она гдѣ нибудь у насъ пала наименьше въ сравненіи съ прошедшимъ, то это развѣ въ нашей демократіи, куда всякія нововведенія доходятъ труднѣе; а потому нѣтъ ничего мудренаго, если тѣ же иностранцы, которые,

какъ Герберштейнъ, удивляются недостатку чувства достоинства въ высшихъ нашихъ классахъ, поражаются, начиная съ Іоанна Вокеродта и оканчивая маркизомъ Кюстинъ, нравственнымъ достоинствомъ нашего крестьянства по сравненію съ ихъ собственнымъ. Время и цивилизація могутъ, конечно, поправить и поправляютъ уже это положеніе вещей; но съ какимъ трудомъ оно поправляется, это мы видѣли въ продолженіе всего XVIII вѣка, гдѣ аристократія, въ лицѣ, напримѣръ, Волынскаго, бьетъ еще по щекамъ интеллигенцію, въ лицѣ Третьяковскаго, и гдѣ аристократію въ свою очередь, въ лицѣ, напримѣръ, князя Мих. Голицына, и цѣлаго такъ называемаго «ордена дураковъ», императрица Анна сажаетъ еще въ лукошко и заставляетъ тамъ кудахтать, а въ лицѣ княгини Дашковой бьетъ по щекамъ за неисправность въ танцахъ. Не легко поправлялось это еще и въ концѣ того же вѣка; и долго еще слѣды минувшаго униженія не перестанутъ давать себя чувствовать. До монголовъ еще можно было думать о совмѣщеніи европейскаго индивидуализма съ нашимъ мірскимъ режимомъ; но теперь мы должны отказаться на всегда отъ подобнаго соперничества съ Европой, т. е. съ Англіей. — Обращаясь за тѣмъ къ другой сторонѣ медали, увидимъ изображеніе совершенно иного свойства. Удѣльная рознь въ жизни, необыкновенная тяга земель въ раздѣленіе, этотъ германскій партикуляризмъ, соединенный съ англійскою общинностью, эти два начала чисто-европейскія и параллельныя феодализму, не давали обществу никакой возможности произвольнаго соединенія. Сколько Ярославы ни завѣщали слушаться старшаго брата, сколько Мономахи ни цаловали крестъ чтобы жить въ мирѣ, сколько ни пытались Любечскіе и Витичевскіе съѣзды установить что нибудь въ родѣ связи,—все было напрасно. Соединенія не могло послѣдовать даже въ такую минуту, какъ нашествіе монголовъ, и даже нѣкоторое время и послѣ нея. Франкскіе феодалы въ подобную минуту могли, не смотря на все раздѣленіе, соединиться въ Карлѣ Мар-

теллѣ и дать отпоръ маврамъ; наши удѣлисты не могли связаться никакимъ образомъ,—и нація пала. Такой коренной порокъ организаціи требовалъ и такого же коренного лекарства. Если первый рефлексъ впечатленія былъ отчаяніе, то второй, когда мы немного пришли въ себя, опамятовались, могъ быть только вопросъ о средствахъ спасенія. И вотъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ являются политическіе идеалы Андрея Боголюбскаго и Всеволода III. Послѣ новаторовъ этихъ, заплатившихъ, какъ водится, жизнью перваго изъ нихъ за это новаторство, являются пропагандисты въ видѣ бояръ ихъ, и наконецъ исполнители, начиная съ Калиты. Ни въ Новгородѣ, ни въ Кіевѣ ни завязаться такимъ идеаламъ, ни найтись такимъ агитаторамъ, не было мѣста; а потому и то, и другое возникаетъ только изъ новыхъ центровъ, изъ Владиміра, изъ Москвы. Тутъ идетъ цѣлый рядъ собирателей русской земли отъ Калиты до Ивана III. Изъ числа ихъ Дмитрій Донской впервые подымаетъ духъ народный изъ его глубокаго упадка, впервые успѣваетъ возвратить надежду въ сердца, пробудить снова довѣріе къ себѣ. Такой результатъ не могъ не оправдать средствъ, и потому нація должна была всѣми силами души своей довѣриться новому своему режиму: онъ одинъ только и впервые вывелъ ее изъ монастыря въ куликовское поле и изъ чувства отчаянія въ чувство побѣды. А новый режимъ этотъ былъ монархизмъ. Мудрено ли, что съ этихъ поръ народъ готовъ былъ соединить всю свою судьбу съ судьбою самого монархизма, что онъ готовъ былъ теперь охотно нести ему всѣ свои дорогія жертвы, которыя вначалѣ могъ понести только поневолѣ, что Дмитрію Донскому за его куликовское поле былъ прощонъ и его кнутъ, и, словомъ, что народъ потащилъ теперь на алтарь монархизма и личность, и общинность, и партикуляризмъ. Иванъ III опять оправдалъ эти жертвы: благодаря имъ, воскресла, наконецъ, Русь, во истинну воскресла. А потому и Ивану III опять было прощено, что запершись самъ-третей у постели всякую думу думаетъ. А вѣдь все это былъ даръ тѣхъ же монголовъ, реф-

лексъ того же впечатленія: и по происхожденію своему, и по модели своей, монархизмъ нашъ былъ дѣтище монголовъ; такъ что, только что проклиная ихъ одной рукою, другою приходится теперь благословлять ихъ. Такова удивительная игра исторіи; и такова безсердечность необходимости, незнающей ни зла, ни добра. Давя одной пятой, она подымаетъ другою, не сожалѣя о томъ, и не радуясь этому. А потому нѣтъ ничего также удивительнаго ни въ томъ, что сознавшій свое значеніе и свою популярность монархизмъ, съ одной стороны, отлился въ такую самодурскую форму, какъ въ Грозномъ, а съ другой что никакая форма не могла теперь вдругъ отвратить отъ него сердца. Побѣдителю Казани какое самодурство не простительно! И дѣйствительно, когда первая роль монархизма была окончена, судьба какъ бы нарочно послала населенію случай высказаться: прекращеніемъ династіи она распустила нашу старую палату и предоставила общественному мнѣнію провѣрить свои прежнія полномочія. Но страна и слушать не хотѣла дьяка Щелкалова, предлагавшаго ей присягнуть на имя боярской думы, и кончила тѣмъ, что единогласно, и не смотря ни накакія попытки записей, подтвердила всѣ прежнія свои полномочія цѣликомъ. Степень инкорпораціи монархизма была такимъ образомъ хорошо испробована, и блистательно выдержала повѣрку. Романовы вторично оправдали ее. Съ самаго начала династіи они почувствовали ту тягу къ западу, отъ которой на время и насильно мы были оторваны. Если прежде намъ, можетъ быть, и нужно было для лучшаго исполненія будущихъ судебъ нашихъ наше азіатизированіе, то теперь еще нужнѣе было европеизированіе. Уже Михаилъ, а еще болѣе Алексѣй, рѣшительно склоняются къ западу. Софья есть предтеча Петра въ этомъ отношеніи. А Петръ полное его выраженіе, сдѣлавшее новый поворотъ обязательнымъ и для будущаго, а возвращеніе назадъ и въ будущемъ невозможнымъ. Съ тѣхъ поръ преемники Петра, вѣрные завѣту его, ни однажды не измѣняли ему существенно: и такимъ образомъ другая роль, другое назначеніе монар-

хизма также исполнено. Если рюриковскій монархизмъ далъ намъ такъ долго неуловимое единство и возвратилъ утраченную такъ на долго свободу, то романовскій возвратилъ насъ Европѣ и Европу возвратилъ намъ. Одинъ создалъ, наконецъ, наше трудно слагавшееся тѣло, другой вдунулъ въ него душу и разумъ. Съ такими двумя формулярами монархизмъ нашъ можетъ ничего не бояться и смѣло глядѣть въ будущее. Отъ Андрея Боголюбскаго и до Александра II, въ теченіи шестисотъ лѣтъ сряду, инкорпорируясь въ общество все крѣпче и крѣпче, какое угодно учрежденіе могло бы считать себя вросшимъ въ землю до самой подпочвы ея. Нужна была бы какая либо величайшая измѣна его обществу, какое либо злоупотребленіе собою, и притомъ нужны были бы нѣсколько столѣтій вподрядъ, для того чтобы такое учрежденіе могло экскорпорироваться сперва изъ мысли, а потомъ и изъ нравовъ общества. Во Франціи эта измѣна и это злоупотребленіе были таковы, какихъ трудно ожидать повторенія въ другой странѣ послѣ такого опыта въ одной, а все таки монархизмъ и до сихъ поръ сидитъ тамъ въ умахъ и въ нравахъ прочнѣе всѣхъ претендуемыхъ республикъ. Безъ измѣны же, или съ измѣной какъ можно болѣе отдаленной, если нѣтъ ничего вѣчнаго, монархизмъ нашъ можетъ почти отождествиться со всей исторіей нашей.—Третье впечатлѣніе было, повидимому, изъ числа способныхъ противодѣйствовать злу предъидущаго и экскорпорировать его; но вышло такъ, что оба впечатлѣнія оставили свои рефлексы рядомъ и совмѣстили ихъ между собою. Завоеваніе, начавшееся съ Монголовъ, дѣйствительно способно было подымать народный духъ все больше и больше. Побѣда за побѣдой, успѣхъ за успѣхомъ могутъ ободрить хоть кого, какъ бы онъ ни былъ до того разувѣренъ въ себѣ. А вѣдь съ тѣхъ поръ не проходило поколѣнія, которое бы не было свидѣтелемъ какого либо тріумфа военнаго, какого либо пріобрѣтенія. Астрахань, Казань, Сибирь, Малороссія, Литва, Лифляндія, Курляндія, Новороссія, Крымъ, польскія губерніи, Грузія, Бессарабія, Финляндія, царство

польское, Кавказъ, Амуръ, Туркестанъ, словомъ 16 крупныхъ завоеваній, изъ которыхъ если нѣкоторыя были соединены въ одномъ и томъ же поколѣніи, то другія были раздѣлены между двумя,—это весьма достаточно для воспитанія 16 поколѣній въ теченіе четырехъ вѣковъ. И дѣйствительно, не прошло даромъ и это впечатлѣніе; и оно рефлектировалось въ особенности на той части нашей національности, которой завоеваніе и принадлежитъ болѣе, т. е. на великорусскомъ племени. И точно, у этого племени выработалось, хотя не рѣзкое и болѣе наружное чѣмъ внутреннее, но все-таки пренебреженіе, отношеніе свысока къ побѣжденнымъ народностямъ, которое и выразилось, напримѣръ, въ прозваніяхъ: чухна—для финновъ, безмозглый—для поляковъ, хохолъ—для малороссовъ. А во вторыхъ, что еще важнѣе, выработался у этого племени такой общій тонъ который нельзя описать иначе, какъ словомъ повелительный. Уловить этотъ оттѣнокъ въ рѣчи для самаго великоросса или для иностранца трудно; но для племенъ, говорящихъ сродными нарѣчіями, или для иностранцевъ, хорошо усвоившихъ общій литературный языкъ нашъ, это очень легко. Легко это потому, что никакое усвоеніе этой велликорусской рѣчи, кромѣ природнаго, не дастъ ей чисто-великорусскаго акцента; и когда усвоившій захочетъ подражать такому акценту, то онъ чувствуетъ необходимость внести нѣчто въ родѣ повелительнаго тона. На это свойство указываетъ между прочимъ и чрезвычайное изобиліе въ этой рѣчи звука а, который требуетъ самаго полнаго раскрытія рта, т. е. того же, чего требуетъ и вообще важность или повелительность тона. Не говоря уже о томъ, что звукъ а представляетъ самое большее полногласіе между всѣми другими звуками человѣческой рѣчи, что между всѣми гласными буквами эта есть наиболѣе полногласная, она къ тому же въ нашей рѣчи тѣснится при каждой малѣйшей возможности замѣнить собою всѣ другіе гласы. Такъ она замѣнила большую половину всѣхъ о, произнося: харашо, вмѣсто хорошо. Такъ она замѣняетъ при случаѣ звукъ и или ы, про-

износя: великай, вмѣсто: великій, или: свѣтлай, вмѣсто: свѣтлый. Такъ она претя и на мѣсто звука я, произнося: смѣяться, вмѣсто смѣяться. Такъ она становится подъ часъ и на мѣсто гласа у, предпочитая: басурманъ древнему: бусурманъ. Такъ, наконецъ, она втаскивается и на мѣсто е, употребляя: Палагея, Афросинья вмѣсто: Пелагея, Ефросинья. Черта эта тѣмъ замѣчательнѣе, что звукъ а не только господствуетъ въ великорусской рѣчи, но еще получаетъ господство здѣсь не ранше, какъ именно со времени завоеваній или во всякомъ случаѣ со времени Москвы: ни Новгороду, ни Кіеву, ни даже Владиміру онъ не извѣстенъ. Наконецъ для наибольшаго изолированія этого факта надо наблюдать его не въ высшихъ классахъ, гдѣ онъ можетъ быть приписанъ иной причинѣ, а въ простолюдинахъ. Послѣдній великорусскій извощикъ говоритъ несравненно величавѣе, чѣмъ крестьянинъ малороссійскій или бѣлорусскій. Кромѣ этого лингвистическаго признака подтверждаетъ тоже и физіономическій, для чего лучше всего наблюдать его въ старикахъ, гдѣ типъ наибольше дѣлается рельефнымъ. Сравненіе великорусскаго старика, въ особенности начотчика, какіе весьма часто попадаются между раскольниками, сравненіе его съ стариками малороссійскими, хотя бы также носящими бороду, опять укажетъ на эту величавость, часто рѣшительно апостольскую. Наконецъ народную гордость свою высказало это племя и яснѣе, чѣмъ языкомъ и наружностью: оно высказало ее въ 1812 году, когда послѣдній мужикъ былъ до глубины души оскорбленъ дерзкимъ посягательствомъ на него, на него, заваевателя уже полуміра. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, все это чувство великороссъ какъ-то съумѣлъ относить только къ массѣ своей, не разлагая его на личности; новое общественное чувство ужилость рядомъ съ прежнимъ индивидуальнымъ, и національная гордость или, вѣрнѣе, національное тщеславіе, (потому что гордость лишь предъ подчиненными народностями, а не предъ равными), осталась въ немъ совмѣщенною съ чувствомъ безличности, съ личнымъ приниженіемъ, съ отсут-

ствіемъ всякой гордости междуличной, которое не цѣнитъ ни своего тѣла, ни своего лица, ни своей свободы, ни даже своего ума, и цѣнитъ только развѣ свою собственность и выгоду. Поддержавъ этимъ путемъ нѣкоторые рефлексы предъидущихъ впечатленій, другимъ путемъ завоевательное впечатленіе поддержало также нѣкоторые другіе. Если до сверженія ига завоеваніе ограничивалось русскими землями, которыя до сихъ поръ тянули въ стороны; то со времени сверженія завоеваніе состояло исключительно въ собираніи чужихъ земель, которыя еще естественнѣе тянули врознь одна отъ другой. Безпрестанно завоевывать и безпрестанно ассимилировать—это двѣ такія задачи, которыхъ достаточно и на двѣ исторіи, на одну же и ту слишкомъ много; а потому завоеваніе шло безъ ассимиляціи, кромѣ случайной и медленной. Отсутствіе же систематической и упорной претензіи ассимилировать и спокойное оставленіе инородцамъ ихъ оттѣнковъ породило еще большее множество внутреннихъ міровъ, чѣмъ было ихъ въ удѣльную эпоху. Старый русскій режимъ подкрѣпился новымъ инородческимъ, и такимъ образомъ хотя только что получено было соединеніе, но вслѣдъ за тѣмъ опять начали накопляться условія раздѣленія, вслѣдствіе чего единство и не могло сдѣлаться такимъ безусловнымъ какъ во Франціи.—Четвертое впечатленіе есть снова обратное: это—изумленіе предъ Европой. Самое лучшее понятіе объ этомъ впечатленіи даетъ намъ исторія ощущеній самого Петра, которая должна была повториться и со всякимъ изъ насъ, сталкивавшимся тогда съ Европой или съ чѣмъ нибудь европейскимъ. Это ощущенія дикаго человѣка, перенесеннаго въ какой-то волшебный міръ. Парикъ ли ему встрѣтился на головѣ бургомистра въ Потсдамѣ,—надо его снять съ него и посмотрѣть; корсетъ ли на женщинѣ подвернулся подъ глаза,—надо ощупать, отъ чего это кости у тамошнихъ женщинъ такъ тверды; мельница ли попалась на глаза,—надо остановить вертящееся крыло ея; скелетъ ли представился глазамъ,—надо его купить и послать домой, какъ будто тамъ

ихъ никогда не бывало; и т. п. А что нужно думать о такихъ новостяхъ, какъ корабль, какъ войско, какъ музеи, какъ искуства, и т. д.? Пораженіе было такъ обширно, что оно все не могло и достигать въ душу зрителя; и то, что было поразительнаго наиболѣе, какъ напримѣръ лондонскій парламентъ, заинтересовало Петра менѣе всего, хотя онъ и смотрѣлъ его, (изъ слуховаго, впрочемъ, окна въ крышѣ, чтобъ видѣть, не будучи видимымъ). А вѣдь такое же точно ощущеніе длилось для одного слоя за другимъ и до послѣднихъ дней; оно длится для многихъ еще и въ наши дни, и будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока мы не замѣтимъ, что удивляться болѣе нечему. Вышло даже нѣчто худшее: привыкши къ зрѣлищу, что по большей части иностранное лучше русскаго, мы абсолютизировали этотъ выводъ, и рѣшили, что коль-скоро заграничное, то значитъ уже лучшее. Франція была первая страна на континентѣ, когда мы съ нею познакомились; а потому она первая и до сихъ поръ, и будетъ первою до тѣхъ поръ пока совсѣмъ развалится. Обсужденіе обратилось въ предразсудокъ, и изумленіе въ культъ. Естественнымъ рефлексомъ такого положенія могло только быть и дѣйствительно было новое національное смиреніе. Такимъ образомъ европейскій рефлексъ сдѣлался дополнительнымъ къ монгольскому; разница только въ томъ, что тотъ былъ и общественный, и личный, этотъ—болѣе общественный, чѣмъ личный; тотъ былъ болѣе нравственный чѣмъ умственный, этотъ—болѣе умственный чѣмъ нравственный. Отсюда, вслѣдствіе совпаденія такихъ двухъ могущественыхъ рефлексовъ, изъ которыхъ и каждаго одного было бы достаточно для цѣли, нѣтъ на землѣ народа, до такой степени способнаго къ самоосужденію, къ безпощадной критикѣ надъ самимъ собою, какъ мы. Непривыкши или, лучше, совсѣмъ отвыкши зазнаваться предъ другими народами, получивши отъ нихъ два такіе урока, какъ монгольскій и европейскій, мы поневолѣ научились быть сдержанными и мнительными. Полюсъ нашъ въ этомъ отношеніи составляютъ французы. Ихъ положеніе въ исторіи народовъ, ихъ долго-

временныя удачи между ними, ихъ долго признанное первенство между всѣми, сообщило національному характеру складку, совершенно противоположную нашей. Француз способенъ критиковать лица, критиковать правительства свои; но Боже сохрани касаться общества, націи: онѣ выше всякой критики, и онъ не позволитъ этого ни себѣ, ни другимъ. И это тщеславіе, вошедшее въ пословицу, уже не исцѣлимо. Уроки были уже, были въ 1814 и въ 1870 году; но французъ оставался каждый разъ въ полной увѣренности, что тутъ побѣжденъ тотъ или другой Наполеонъ, правительство, но никакъ не Франція. Въ 1814 году побѣдили русскіе, — это не бѣда, потому что они варвары; въ 1870 побѣдили нѣмцы,— такъ чтожъ? и они вѣдь варвары. На этомъ признаніи каждаго побѣдителя варваромъ французъ и успокоивается; онъ и доволенъ тѣмъ, что его побѣдили не лучшіе, а худшіе. И нѣтъ сомнѣнія, что онъ и всегда впредь найдетъ себѣ лестную теорію для объясненія неудачъ своихъ. Нѣмецъ доволенъ собою молча. Онъ многихъ успѣховъ между-народныхъ никогда не испытывалъ; но, какъ бюргеръ, онъ доволенъ и малымъ. При томъ же французъ шумитъ о своемъ самодовольствѣ, кричитъ о немъ всякому встрѣчному и поперечному; нѣмецъ же знаетъ это только про себя, съ него и этого достаточно. Критика самого себя у него такъ же умѣренна, какъ и его довольство, и какъ все въ буржуа. Англичанинъ соединяетъ французскую гордость съ нѣмецкимъ про-себя. Онъ также не знаетъ націи выше себя, какъ и французъ, но онъ также молчитъ объ этомъ, какъ нѣмецъ, а только думаетъ и дѣйствуетъ сообразно такому убѣжденію. Для самокритики онъ доступенъ въ высокой степени, но только въ своемъ интимномъ кругу, на островѣ, но никакъ не на континентѣ. Онъ позволитъ, наконецъ, говорить о своемъ отечествѣ все, что угодно, себѣ самому, но никогда иностранцу: этотъ не дорось до того. Русскій же не знаетъ никакихъ этихъ компромиссовъ и умалчиваній: и дома, и заграницей онъ все одинъ и тотъ же, и за границей бичуетъ себя еще больше чѣмъ дома, потому что

тамъ только и даютъ ему расходиться на этотъ счетъ вволю. Съ другой стороны онъ не въ состоянiи довольствоваться малымъ, его идеалы широки какъ его территорiя и натура, а это дѣлаетъ критику его еще строже, еще притязательнѣе. Качество это само по себѣ есть, конечно, еще не превосходство; но это такое качество, безъ котораго превосходство не возможно. Безъ способности критики нѣтъ и способности совершенствованiя. А если такъ, то у насъ есть такой залогъ его, которымъ едва ли можетъ похвалиться кто нибудь другой. Такимъ образомъ отъ порока мало по малу мы перешли къ добродѣтели, изъ раболѣпства переступили въ покаяніе, тамъ, гдѣ началось слабостью, окончили силой. Но такова двусторонность и обоюдность всѣхъ историческихъ фактовъ. Сегодняшняя сила дѣлается завтра слабостью, и наоборотъ слабость силою. То, въ чемъ видѣлось только зло, всегда есть на другой сторонѣ добро, и наоборотъ въ добрѣ зло. Тамъ, гдѣ все казалось ложью и заблужденiемъ, оказывается на другомъ концѣ истина и разумность; а гдѣ все имѣло видъ разумности, вся подкладка оказывается ложью и заблужденiемъ. Такъ и въ нашихъ четырехъ рефлексахъ историческихъ есть въ каждомъ своя бѣлая и своя чорная сторона: въ одномъ есть и мiрской режимъ, и земскiй, но нѣтъ ни режима государственнаго, ни режима личнаго; въ другомъ есть униженiе, погибель, иго, но рядомъ съ нимъ и спасенiе, монархизмъ; въ третьемъ есть возвышенiе и объединенiе, но тутъ же рядомъ идетъ и униженiе, и разнообразiе; въ четвертомъ дѣло начинается культомъ, благоговѣнiемъ, раболѣпствомъ, а оканчивается незнанiемъ ничего святого ни въ себѣ, ни внѣ себя. Въ заключенiе если мы захотимъ, однакожъ, вывести, какого рода рефлексы склонялись въ одну и ту же сторону, и какая это сторона, въ которую клонила наибольшая часть впечатлѣнiй, то мы получимъ слѣдующiй выводъ. Въ пользу разнообразiя нашей жизни, децентрализацiи, дѣйствовали не только мiрское и земское начало, но потомъ даже и завоевательное; европейское же нисколько этому не противодѣйство-

вало. Въ пользу единства нашей жизни, централизаціи, шло сперва впечатлѣніе монгольское, рефлексъ монархическій, а потомъ впечатлѣніе европейское опять съ тѣмъ же рефлексомъ. Противъ развитія личности, противъ индивидуализированія общества, дѣйствовало у насъ и впечатлѣніе удѣльное, и впечатлѣніе монгольское, и впечатлѣніе европейское, при чемъ завоевательное нисколько тому не противодѣйствовало. Наконецъ, за государственность, за общественность, за коллективность нашего развитія говорятъ всѣ вдругъ и впечатлѣнія, и рефлексы наши: удѣльные говорятъ своимъ міромъ и своимъ земствомъ; монгольское и монархическое говорятъ своимъ собираніемъ земель, своею національностью; завоевательныя говорятъ своимъ собираніемъ народовъ, своими новыми элементами федеративности; европейскія говорятъ своимъ безпристрастіемъ, своей справедливостію къ себѣ и къ другимъ, и, мало того, своей строгостію къ себѣ и снисходительностію къ другимъ. Т. е. удивительнымъ образомъ сходятся всѣ условія самой высшей и самой обширной государственности, всѣ условія владычества всемірнаго; потому что и единство цѣлаго, и разнообразіе частей, и безличность побѣдителя, и индивидуализированіе побѣжденныхъ. Такимъ образомъ владычество это есть тотъ сказочный перекрестокъ, въ которомъ сходятся всѣ дороги, такъ что, по какой бы изъ нихъ мы ни пошли, мы всегда приходимъ къ нему же. Такія-то стеченія обстоятельствъ и составляютъ то, что называется необходимостью, закономъ. Наоборотъ, если мы захотимъ увидѣть какъ амальгамируются между собой тѣ или другіе два-три осадка прошедшей жизни, то мы встрѣтимся съ самыми причудливыми комбинаціями. Такъ напримѣръ у насъ есть, какъ сказано, гордость національная, но есть и національное смиреніе. Комбинировались эти два противорѣчія слѣдующимъ образомъ: гордость отмежевала себѣ внутреннюю политику, смиреніе—внѣшнюю; первую мы проявляемъ больше предъ побѣжденными народами, вторую больше предъ равными и высшими. Такимъ образомъ обѣ противоположности и улегаются бокъ-о-бокъ мирно. Но есть комби-

націи и еще болѣе сложныя. Есть, напримѣръ, нѣкоторыя народности, которыя стоятъ для насъ, такъ сказать, на границѣ между внутреннею и внѣшнею политикою, какъ напримѣръ польская, остзейская, финляндская. И что же? мы ухитрились такъ разсортировать ихъ и такъ относиться къ каждой изъ нихъ, что каждое изъ двухъ противорѣчивыхъ чувствъ и тутъ находитъ себѣ полное мѣсто. Польскую, какъ наиболѣе родственную народность, мы причисляемъ въ сердцѣ своемъ къ политикѣ внутренней, и потому относимся къ ней свысока, съ національной гордостью и обнаруживаемъ соотвѣтственныя тому притязанія. Финляндскую, какъ наиболѣе иностранную, мы отнесли къ равнымъ и высшимъ народностямъ, къ внѣшней политикѣ, и держимъ себя въ отношеніи къ ней съ національнымъ смиреніемъ. Остзейскую мы ухитрились поставить еще по серединѣ между этими, считать ее, ни своею, ни чужою, ни подчиненною, ни равною, а потому и относимся къ ней ни съ пренебреженіемъ, ни съ смиреніемъ, а съ чѣмъ-то среднимъ между тѣмъ и другимъ, съ досадою. Отсюда и дѣйствія наши въ Польшѣ и въ Финляндіи рѣшительнѣе: тамъ въ одну сторону, здѣсь въ другую; дѣйствія же въ остзейскомъ краѣ никакъ не найдутъ себѣ принципа. Такимъ же образомъ можно слѣдить комбинаціи и многихъ другихъ элементарныхъ инстинктовъ, образованныхъ у насъ нашей исторіей.

Изъ предыдущаго сама собою явствуетъ степень нашихъ инкорпорацій и экскорпорацій историческихъ. Явствуетъ, напримѣръ, что наибольшая инкорпорированность принадлежитъ духу коллективности, стадности, безличности, равно также какъ идеямъ единства, правамъ государственности и правамъ монархизма; а наибольшее экскорпорированіе принадлежитъ духу индивидуализма, самоуправленія и разнообразія. Но не явствуетъ изъ предыдущаго предупрежденіе или замедленіе нашихъ инкорпорированій и экспорпорированій: не явствуютъ, во-первыхъ, перевершенія или недовершенія въ нашемъ политическомъ процессѣ; не явствуютъ, во-вторыхъ, перепрыгиванія того или

иного очередного политическаго процесса. Ими теперь мы и займемся. Самый крупный случай этого рода, гдѣ былъ задержанъ не тотъ или другой частный изъ политическихъ процессовъ, а весь вообще политическій процессъ, т. е. и съ его процессами интелигенціи, и съ его процессами правительства, и съ его процессами гражданства, было монгольское иго. Въ самомъ дѣлѣ, оно поразило весь общественный организмъ, остановило принятое теченіе всѣхъ его процессовъ, и интеллигентнаго, и правительственнаго, и гражданскаго. Тѣло могло бы считаться омертвѣлымъ, если бы не тлѣла въ немъ искра правительственная. Когда же эта искра стала разгораться, когда тѣло начало выходить изъ паралича интеллигенціи и гражданства, тогда жизненность его приняла направленіе крайне одностороннее, и все общество начало жить однимъ правительствомъ или, такъ сказать, жить въ правительство. Всѣ интересы цивилизаціи и гражданственности, т. е. всѣ спеціальные роли интеллигенціи и гражданства, были оставлены въ сторонѣ, и вся жизнедѣятельность направлена въ одну культуру, въ одну правительственную роль, да и тутъ еще съ крайней односторонностью, потому что для единственной и исключительной цѣли освобожденія. Vis medicatrix нашего общества сказалась тутъ съ высокой силой; она доказала глубокую жизненность общества, доказала, что тѣло заслуживаетъ жизни и будетъ жить: всѣ помыслы интеллигенціи и всѣ помыслы гражданства слились въ одинъ правительственный помыслъ, напряглись къ одной и той же цѣли; духовенство проповѣдывало, согласно съ политикой князей, покорность и смиреніе передъ волей Божьею и ханскою, гражданство не только слушало проповѣдь, но и несло по ней всѣ лучшія воспоминанія свои на закланіе новому богу. Но на это исцѣленіе ушло двѣсти слишкомъ лѣтъ жизни; два съ половиною столѣтія ушли на то только, чтобъ возстановить организмъ въ прежней его нормальности; а для дѣйствительной жизни, для продолженія того, что начато до болѣзни, все это время пропало на вѣкъ, и никогда уже не вознаградится.

За эту убавку въ жизни нигдѣ уже въ исторіи нашей не будетъ сдѣлано соотвѣтственной прибавки; напротивъ катастрофою этою жизнь не только не удлинена, но укорочена, и укорочена не потому только, что на самую катастрофу ушло много времени, а и потому еще что она обязала къ послѣдующимъ ненормальностямъ, къ развитію лихорадочному, и, слѣдовательно, къ новымъ сокращеніямъ долговѣчности. Дѣйствительно, это была та первая крупная и роковая непостепенность, которая обусловила всѣ дальнѣйшія, за которыя теперь общество наше такъ любитъ винить свое правительство, а правительство такъ любитъ обвинять общество. Виновныхъ здѣсь нѣтъ, господа! какъ и вообще нѣтъ ихъ нигдѣ въ исторіи; виновны тутъ только одни монголы, да и то до тѣхъ только поръ, пока мы останавливаемся на нихъ, какъ на причинѣ, и не разсматриваемъ ихъ, какъ въ свою очередь послѣдствіе. Какъ бы то ни было, но монгольское недовершеніе всего нашего политическаго процесса обусловило съ неизбѣжностью грядущее перевершеніе его въ свою очередь; перевершеніе это можно было смѣло предсказывать, какъ только улусы сарайскіе оказались истребленными и сравненными съ землей. И вотъ гдѣ истинная причина реформы или перевершенія петровскаго. Оно ждало только, пока тѣло выйдетъ окончательно изъ летаргіи, пока всѣ члены его расправятся, пока весь организмъ станетъ способенъ не только къ ходу, но даже къ скачкамъ. И какъ только это случилось, скачокъ былъ тотчасъ же предпринятъ. А какъ онъ въ свою очередь обусловилъ всѣ дальнѣйшіе, это мы видѣли въ анализѣ нашихъ акцій и реакцій. Переходя къ частнымъ недовершеніямъ и перевершеніямъ того или иного спеціальнаго политическаго процесса, мы не найдемъ здѣсь такого напряженнаго перевершенія процесса идей, какимъ ознаменовалась исторія Франціи; хотя тѣмъ не менѣе мы не обошлись, однакожъ, безъ этого опыта въ исторіи декабристовъ. Но намъ во всякомъ случаѣ гораздо болѣе знакомо противоположное уклоненіе отъ нормы: это—недовершеніе процесса идей и перевершеніе правъ,

какимъ ознаменовалась Австрія при Іосифѣ II. Этотъ родъ уклоненія, въ Австріи одинокій и случайный, для насъ обратился въ хроническій, какъ во Франціи уклоненіе перваго рода. Мы почти постоянно принуждены были начинать съ конца вмѣсто начала. Обычаи европейскіе пришлось Петру вводить прежде, чѣмъ введены были европейскія права; права европейскія пришлось вводить прежде, чѣмъ привились европейскія идеи. Русскій человѣкъ временъ Петра принужденъ былъ воздерживаться отъ распростиранія тѣла своего при встрѣчѣ съ царемъ, тогда какъ душа его вся еще падала ницъ предъ нимъ; русскій человѣкъ этихъ временъ долженъ былъ вести своихъ женъ и дочерей въ ассамблею, на то чтобъ потрясать тамъ образъ ихъ божій, и долженъ былъ при этомъ веселиться, тогда какъ кошки скребли у него на душѣ; русская женщина этихъ временъ должна была отпускать дочку въ одинокій плясъ и одинокую бесѣду съ мущиной, тогда какъ ей хотѣлось бы летѣть за ними и подслушать ихъ каждое слово. То же самое при Елисаветѣ случилось въ упраздненіи смертной казни, которую Екатеринѣ II и даже Николаю I пришлось возстановлять, потому что право слишкомъ опередило идеи, и правительство—интеллигенцію. Екатеринѣ II пришлось давать городамъ и дворянству самоуправленіе, котораго они и до сихъ поръ принять хорошенько не въ силахъ. Александру I пришлось давать Польшѣ и Финляндіи конституціи, которыхъ интеллигенція наша, русская, и до сихъ поръ переварить не въ состояніи или въ состояніи далеко не вся. Петру III и Александру I пришлось дважды уничтожать тайную канцелярію и тайную экспедицію, которую Екатерина II и Николай I дважды принуждены были возстановлять. Александру I пришлось издавать законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, которымъ никто не хотѣлъ воспользоваться. Николаю I пришлось также издать законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, который также остался мертвымъ. Александру II пришлось давать свободу печати, когда не только его гражданство, но даже его интеллигенція, не только интеллигенція, но даже его правительство вынести ее не

въ состояніи, какъ видно это изъ постоянныхъ жалобъ на нее въ судъ и отъ простыхъ гражданъ, и отъ редакторовъ, и отъ министровъ. Но еще болѣе своеобразный и оригинальный способъ недовершенія и перевершенія составляетъ у насъ одинъ скачокъ политическаго процесса черезъ правительство, изъ идеи прямо въ нравъ помимо закона, и изъ интеллигенціи прямо въ гражданство помимо правительства. Рѣчь идетъ не объ интеллигенціи практической, а о теоретической; и въ этой послѣдней не о посредственной, а о непосредственно, религіозной интеллигенціи; наконецъ въ религіозной не объ аристократической, или правительственной, или книжной, а о демократической, общественной, устной: словомъ, рѣчь идетъ о нашемъ расколѣ. Расколъ нашъ представляетъ не въ одномъ отношеніи явленіе необыкновенное, подобное явленію аристократіи безъ аристократизма. Выше мы видѣли его необыкновеннымъ какъ явленіе интеллигенціи, не подымающейся вверхъ, и даже не держащейся на серединѣ, на уровнѣ съ среднимъ классомъ, а опустившейся внизъ, на одинъ уровень съ демократіей. Теперь мы видимъ его явленіемъ необыкновеннымъ по его упорной настойчивости, по энергіи, вслѣдствіе которой, не взирая на барьеръ, поставленный ему правительствомъ, оно перешагнуло препятствіе, и изъ идеи очутилось въ нравѣ, хотя никогда не было законнымъ правомъ. Право и до сихъ поръ еще игнорируетъ эту идею народной интеллигенціи, оно и до сихъ поръ еще не признаетъ ее иначе какъ не-хотя и вскользь, оно до сихъ поръ не усвоило ни одного изъ ея проэктовъ и ни на іоту; а она тѣмъ не менѣе все-таки проложила себѣ дорогу въ жизнь. И сдѣлалось это также весьма своеобразнымъ способомъ. Когда случился подобный напоръ идей во Франціи, когда тамошніе идеи политики, также какъ наши религіозные, долго не могли добиться поступленія въ право, то задача разрѣшилась тѣмъ, что напоръ этотъ, достигнувъ высоты препятствія, опрокинулся на него, низвергъ его, и такимъ образомъ насильственно вошелъ въ право. Съ другой стороны, вошедши въ право, онъ не-успѣлъ однакожъ и до

сихъ поръ проникнуть въ жизнь, войти въ нравы. Съ расколомъ нашимъ случилось иначе и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. На плотину права онъ если и опрокидывался, то никогда не низвергалъ ее, и никогда не втѣснялся въ нее насильственно; но онъ какъ-то просочился сквозь нее, пробрался чрезъ ея щели, и совершенно незамѣтно очутился по ту сторону. А съ другой стороны, не будучи такимъ образомъ никогда правомъ, иначе развѣ какъ въ минуты пробиранія въ щели, онъ такъ, однакожъ, плотно угораздился въ правахъ, какъ до сихъ поръ не удалось это французскимъ политическимъ идеямъ. Расколъ нашъ можетъ считаться окончательно инкорпорированнымъ въ общество: онъ имѣлъ и своихъ новаторовъ, и своихъ пропагандистовъ, и своихъ агитаторовъ, т. е. сполна прошелъ всѣ процессы интеллигенціи; онъ имѣетъ теперь и свои нравы, и свои обычаи, и свои преданія, составляющія цѣлую литературу, т. е. прошелъ и всѣ степени въ процессѣ гражданства. Экскорпорировать его теперь едва ли надѣется и правительство, хотя оно и не позволяетъ быть ему ни правомъ, ни справедливостью, ни правдой. Такимъ образомъ французскій способъ страданій и нашъ діаметрально противоположны. Франція предрасположена къ хроническому перевершенію процесса идей, мы къ хроническому недовершенію его; затѣмъ и въ случаяхъ перевершенія Франція предрасположена къ острымъ кризисамъ, а мы къ тупымъ; въ отношеніи же исхода тѣхъ и другихъ страданій Франція предрасположена къ экскорпораціи даже перевершенныхъ ея идей, и не смотря на ихъ право, мы — къ инкорпораціи рано или поздно даже недовершенныхъ, не смотря на недовершеніе, а тѣмъ болѣе перевершенныхъ, не смотря на ихъ безправіе. Франція и въ болѣзни, слѣдовательно, дѣйствуетъ гордо, нагло, какъ аристократъ, но выигрываетъ этимъ немного; мы и въ болѣзни поступаемъ рабски, ползкомъ, какъ демократъ, но цѣли достигаемъ этимъ лучше. Тамъ обнаруживается энергія бурная, стремительная, протестъ громкій и страстный,—но за то скоро и устающій; здѣсь энергія тихая и медленная, тер-

пѣливая какъ политика московскихъ князей, протестъ глухой и молчаливый,—но за то и трудно изсякающій. Таково самое крупное изъ всѣхъ нашихъ чисто-политическихъ страданій. Оно не привело до сихъ поръ ни къ какому соціологическому (хотя и осложнило собой нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ пугачевщину); но это не даетъ еще намъ основанія относиться къ нему слегка. Это страданіе очень серьезное, какъ мы ни привыкли къ нему. Не говоря уже о томъ, что оно захватываетъ не какую-нибудь мелкую котерію въ обществѣ, а многіе милльоны его, оно важно еще и тѣмъ, что безъ всякой нужды раздвоястъ общество дважды. Разъ оно раздвояетъ его потому, что проводитъ стѣну между правительствомъ и расколомъ: первое недовѣряетъ второму, второй недовѣряетъ первому, между тѣмъ какъ десятки опытовъ доказали, что въ рѣшительныхъ случаяхъ жизни они вполнѣ могутъ полагаться другъ на друга. Другой разъ общество и само въ себѣ раздвояется тѣмъ, что въ немъ проводится политическая стѣна между ортодоксальностью и гетеродоксальностью, т. е. что двѣ сферы совершенно не политическаго свойства вводятся безъ нужды въ политику, вносятъ туда одно лишнее и напрасное раздѣленіе, и, вмѣсто того чтобъ оставаться раздѣленіемъ одной только интеллигенціи, дѣлаются и раздѣленіемъ интеллигенціи, и раздѣленіемъ гражданства. Такимъ образомъ искусственно страдаетъ то самое политическое единство, для котораго въ то же время приносится столько жертвъ. Все правительство и все гражданство между собою, равно какъ и все гражданство въ самомъ себѣ, могли бы безъ этого оставаться въ полномъ единствѣ, а между тѣмъ всѣ они отчасти разъединяются; разъединеніе могло бы оставаться при одной интеллигенціи, а между тѣмъ оно обобщается. Во имя сохраненія единства идеи (которое, однакожъ, не сохранено), нарушено единство политики; во имя единства того, самая природа чего состоитъ по преимуществу въ раздѣленіи, разъединено то, самая природа чего состоитъ въ соединеніи по-преимуществу. Другія, болѣе мелкія анормальности того же

рода представляются, напротивъ, существованіемъ въ правѣ того, что давно ушло и изъ идей, и изъ нравовъ. Такъ напримѣръ у насъ есть законъ, по которому самоубійцу надобно не нести до мѣста погребенія, а волочить туда по улицамъ, не чрезъ священника, а чрезъ палача, не на кладбище, а въ безчестное мѣсто, и тамъ не погребать, а закапывать въ землю. Законъ этотъ существуетъ около полутораста лѣтъ, и едва ли есть вѣроятность, чтобы онъ былъ хотя однажды съ тѣхъ поръ исполненъ даже и въ пору своего установленія. Законъ и безъ того постоянно разшатывается, и безъ того имѣетъ нужду въ постоянной поддержкѣ, а такіе анахронизмы и неестественности дѣлаютъ то, что его разшатываетъ и само запозданное или несообразное съ человѣческой природою законодательство. Привычка не уважать и обходить законъ получаетъ здѣсь свою санкцію. Но если подобные только что названному анахронизму очень удобно обходимы, очень легко приводятся въ забвеніе и омертвляются сами собою; то нельзя того же сказать объ архаизмахъ, избѣжать вполнѣ примѣненія которыхъ невозможно. А таковы напримѣръ наши суровые уголовные законы о преступленіяхъ политическихъ и гражданскіе о семьѣ. Сколько бы судъ ни регулировалъ здѣсь законодательство и ни приводилъ его въ согласіе съ современностію; но, во-первыхъ, этому регулированію есть весьма близкій предѣлъ, а именно предѣлъ интерпретаціи; а во-вторыхъ чѣмъ регулированіе удачнѣе и чѣмъ выше оно подымаетъ въ общественномъ мнѣніи достоинство суда, тѣмъ ниже низводится достоинство законодательства. Въ свою очередь перевершеніе судебное вызываетъ собою недовершеніе административное, какъ и случилось это, напримѣръ, съ политическимъ осужденнымъ Михайловымъ и случается со всѣми ссылаемыми безъ суда. Такимъ образомъ въ одномъ случаѣ выигрываетъ на счетъ законодательства администрація, въ другомъ на счетъ его же судъ, въ третьемъ на счетъ суда опять администра-

ція; между тѣмъ жить имъ всѣмъ одному на счетъ другого есть совершенная аномалія.

Предѣлъ политическаго творчества нашего не только въ смыслѣ вѣчнаго, но и временнаго, не только въ качествѣ предѣла всей нашей исторіи, но даже въ качествѣ предѣла сегодняшней, текущей, есть вопросъ, какъ показано въ текстѣ, изъ самыхъ трудныхъ для науки. Но если трудно получать въ этомъ отношеніи какіе-либо положительные и точные отвѣты и говорить, до чего именно мы можемъ или не можемъ достигнуть, то вовсе не трудно получать приблизительные, и знать, напримѣръ, какого рода измѣненія доступнѣе для данной минуты и какого рода недоступнѣе для нея. Для этого стоитъ только взвѣшивать, съ одной стороны, степень общности и степень частности реформы, а съ другой, степень динамичности и степень статичности ея. Такъ, напримѣръ, съ первой точки зрѣнія, всего невозможнѣе, не только для настоящаго но и для близкаго будущаго, всякое существенное измѣненіе демократическаго строя нашего, потому что такое измѣненіе касается самой всеобщей и самой всепроникающей организаціи нашего общества. Отсюда безплодность всякихъ попытокъ аристократизированія общества, какъ напримѣръ, изъ числа общественныхъ, попытка крупнаго землевладѣнія быть представленнымъ въ земскихъ собраніяхъ лично, а изъ числа правительственныхъ попытка замкнуть потомственное дворянство, относя его все къ высшимъ и высшимъ чинамъ. Отсюда же еще большая, напримѣръ, невозможность прямо экскорпорировать демократизмъ и отмѣнить, напримѣръ, крестьянскую реформу. А всего возможнѣе, не только для будущаго, но и для настоящаго, измѣненіе въ какую угодно сторону учрежденія губернаторской власти, направленія программъ преподаванія, устройства мѣстъ заключенія, системы служебныхъ пенсій, эмеритуръ, отпусковъ, и т. п. Отсюда возможность ввести на время не только префектскую, но и сатрапскую власть, возможность ввести на время не только классичеекое, но и восточное пре-

подаваніе, возможность ввести на время не только пенитенціарную, но и устрашительную систему и т. д. и т. д. И все это потому, что все это суть частности, дробности строенія, и потому также, что, при отсутствіи всякихъ общихъ представленій объ обществѣ вообще и о своемъ въ частности, нельзя отыскать никакой общей для этихъ частностей, никакой постоянно руководящей точки зрѣнія, такъ что всякая можетъ быть на время усвоена и всякая на время отвергнута, для всякой могутъ найтись въ одно время pro, а въ другое время contra. Это послѣднее неудобство существуетъ, конечно, и относительно крупныхъ, универсальныхъ чертъ строенія; но дѣло въ томъ, что такія характерныя черты отражаются и инстинктомъ болѣе яснымъ и рѣзкимъ; по отношенію же къ подробностямъ всякій инстинктъ, по мѣрѣ измельченія ихъ, смолкаетъ, утихаетъ, затуманивается. Средину между невозможностью и возможностью минуты составляютъ такія измѣненія какъ, напримѣръ, пріостановка или разширеніе суда присяжныхъ, упраздненіе или развитіе земскихъ учрежденій, отмѣна или распространеніе городскаго положенія, стѣсненіе или разширеніе закона о печати, и т. п. Предѣлъ творчества съ точки зрѣнія статической состоитъ въ возможности или невозможности втиснуть то или другое нововведеніе въ современную систему жизни. И въ этомъ-то отношеніи всякое рѣшеніе всякаго частнаго вопроса представляетъ величайшія трудности. Положимъ, напримѣръ, что, съ предъидущей точки зрѣнія, рѣшена уже возможность или невозможность того или другого новаторства, что, по степени своей общности или своей частности, оно не представляетъ затрудненій для рѣшенія. Но одного этого для практики еще мало. Если новоизобрѣтенное учрежденіе не имѣетъ ничего или мало родственнаго съ другими сосуществующими, если оно не родичъ средѣ, то среда ни за что не приметъ его въ себя, а если и приметъ, то скоро извергнетъ. Надо, поэтому, въ каждомъ такомъ случаѣ рѣшить еще вопросъ о совмѣстности или несовмѣстности но-

вовведенія съ наличною окружающею средою; рѣшить, готово ли для него мѣсто въ современномъ порядкѣ вещей; рѣшить, образовалась ли въ этомъ порядкѣ достаточная пустота для внесенія новой капли, и не переполнитъ ли эта капля сосудъ, не выльется ли она вслѣдствіе этого черезъ край его тотчасъ же послѣ вступленія; рѣшить, наконецъ, имѣетъ ли она, въ случаѣ переполненія, на столько силы сцѣпленія, чтобы скорѣе вытѣснить другія, прежнія капли, чѣмъ вылиться самой обратно. А на всѣ эти вопросы возможны каждый разъ тысячи самыхъ разнообразныхъ отвѣтовъ; при чемъ всѣмъ вносителямъ новаго обыкновенно кажется, что всѣ эти условія есть, а всѣмъ охранителямъ стараго кажется, что ихъ нѣтъ. Разнообразіе и произвольность этихъ отвѣтовъ зависитъ въ особенности отъ того, что всѣ предъидущія капли никѣмъ не были сосчитаны, оттого, что прошедшее каждаго даннаго вопроса никѣмъ еще не измѣрено, оттого что исторія никому еще не дала своихъ выводовъ, словомъ оттого, что статическому рѣшенію должно на этотъ разъ предшествовать динамическое, а между тѣмъ его еще вовсе нѣтъ или есть еще въ худшемъ видѣ чѣмъ статическое. Пока самая среда еще не изслѣдована сравненіемъ ея со всѣми предшествующими ей средами, до тѣхъ поръ, очевидно, и подборъ ей родичей можетъ совершаться только ощупью. Поэтому и вопросъ о совмѣстности или несовмѣстности того или иного изъ существующихъ у насъ новаторскихъ притязаній въ частности, мы по необходимости должны отложить до рѣшенія вопроса о ихъ своевременности или несвоевременности, т. е. до изданія Политической Исторіи какъ науки. Въ данномъ же случаѣ мы должны ограничиться лишь самымъ общимъ замѣчаніемъ о самомъ общемъ предѣлѣ нашего прогресса, т. е. замѣчаніемъ, доступнымъ намъ лишь на столько, на сколько намъ извѣстна до сихъ поръ наша общественная среда. А именно: европейская среда, какъ выше было найдено, представляетъ собою систему обществъ, которыя всѣ столпились около кульминаціон-

ной точки жизни: одне, чуть-чуть перейдя ее, какъ Франція, другія, оставаясь на ней, какъ Англія, третьи, приближаясь къ ней, какъ Германія. Отсюда слѣдуетъ, что до тѣхъ поръ, пока и Англія, и Германія не перейдутъ въ свою очередь за эту точку, до тѣхъ поръ среда наша въ высшей степени благопріятна нашему прогрессу. До тѣхъ поръ у Россіи есть не только внутреннія, но и внѣшніе стимулы движенія; между тѣмъ какъ послѣ того она должна будетъ ограничиться только первыми, пока и они наконецъ не изсякнутъ. И такъ нѣтъ, значитъ, во всей будущей исторіи ни одной эпохи, которая до такой степени была бы благопріятна нашему развитію, какъ текущая и какъ ближайшая будущая; такъ что все, чѣмъ мы не съумѣемъ воспользоваться въ эти дорогіе и вмѣстѣ горячіе годы нашей исторіи, то трудно уже будетъ наверстать намъ впослѣдствіи. Вотъ единственное обозначеніе нашего предѣла, какое возможно теперь сдѣлать, но за то едва ли не самое безошибочное изъ всѣхъ частнѣйшихъ, какія возможно будетъ сдѣлать впослѣдствіи, на основаніи сравненія настоящей нашей среды со всѣми предшествовавшими ей.

Приступая къ анализу интеллигенціи нашей и нашей цивилизаціи, мы прежде всего должны разсмотрѣть, дѣйствительно ли знаніе у насъ тамъ же, гдѣ и богатство. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это совсѣмъ не такъ: у нашихъ русскихъ купцовъ, напримѣръ, не только достаточныхъ, но и богатыхъ, знаній почти вовсе нѣтъ; а у нашихъ личныхъ дворянъ и мелкихъ поземельныхъ, не только небогатыхъ, но часто весьма недостаточныхъ, знаній не меньше чѣмъ у всѣхъ богачей. Но, во-первыхъ, это суть двѣ частности, двѣ исключительныя группы, которыя не составляютъ еще собой цѣлаго общества; а во-вторыхъ и онѣ все-таки не составляютъ еще опроверженія закона, а служатъ только доказательствомъ возможности въ частныхъ случаяхъ

видоизмѣнять его посредствомъ вліянія другихъ законовъ. То и другое явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Когда мы возьмемъ все наше общество цѣликомъ, съ его дворянствомъ, съ его разночинцами и купечествомъ, и съ его крестьянствомъ, то мы не можемъ усомниться, что въ дворянствѣ знаній несравненно больше чѣмъ въ крестьянствѣ, и что въ серединѣ между ними, у разночинцевъ и купцовъ, знаній меньше чѣмъ въ дворянствѣ и больше чѣмъ въ крестьянствѣ. Т. е. какъ только станемъ наблюдать явленіе на нѣсколько обширнѣйшихъ пространствахъ, законъ тотчасъ же и выступаетъ рѣзче, и знаніе является сопутствующимъ богатству несомнѣннѣе. Наоборотъ, чѣмъ меньше будутъ наблюдаемыя группы, тѣмъ уклоненія отъ закона будутъ чаще, потому что причины второстепенныя, безсильныя тамъ, будутъ дѣйствовать здѣсь сильнѣе. Такою второстепенною причиною и суть, напримѣръ, умственныя дарованія природы. Повидимому, эта причина должна бы быть непосредственною распредѣлительницею знаній въ обществѣ; а между тѣмъ на дѣлѣ это никогда не бываетъ, и она всегда остается распорядительницей второстепенной и дѣйствительной только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Причина этого ясна сама собою. Чтобы природныя способности получили возможность производить свое дѣйствіе, для этого онѣ должны выдти изъ состоянія связанной силы въ состояніе освобожденной. Связываетъ же ихъ бѣдность, освобождаетъ богатство. Никакое счастливое одареніе природы, хотя бы то даже такое, какъ у нашего простого народа, не въ силахъ возмѣстить недостатковъ искуства, недостатка воспитанія; никакая геніальность способностей не въ состояніи пробиться наружу, если у нея нѣтъ досуга для упражненія и изощренія прирожденныхъ способностей; никакое напряженіе умственное не придетъ въ голову или, если придетъ, то не будетъ выдержано, пока необходимо ежедневное напряженіе тѣлесное и вообще забота объ удовлетвореніи простѣйшихъ потребностей жизни. Отсюда въ большихъ массахъ никогда не возможно знаніе, непро-

порціальное богатству, а каждый разъ, какъ оно возможно въ малыхъ массахъ или даже въ отдѣльныхъ личностяхъ, оно непремѣнно предполагаетъ каждый разъ большее или меньшее, но все-таки участіе богатства и досуга, и, слѣдовательно, освобожденіе умственныхъ силъ посредствомъ все-таки матеріальныхъ. Такъ если самъ родоначальникъ всего нашего знанія, Ломоносовъ, вышелъ не изъ среды богатства и знатности, а изъ среды бѣдности и ничтожества, то все-таки вышелъ не безъ того, чтобы второстепенной причинѣ, призванію, содѣйствовала первостепенная причина досуга и средствъ, которой надо было добиться прежде всего. Освобожденная же однажды этимъ путемъ, сила, конечно, получаетъ возможность еще больше противодѣйствовать давленію бѣдности и тѣмъ еще больше освобождать себя; при чемъ каждое малѣйшее освобожденіе становится тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ освобождаемая сила природы сильнѣе. Вслѣдствіе этого-то и выходитъ, что нѣкоторые бѣдняки превосходятъ въ знаніи всѣхъ современныхъ имъ богачей своего общества, или что въ средѣ одного и того же дворянства нашего, нѣкоторыя группы мелкаго и небогатаго дворянства превосходятъ знаніемъ все крупное и богатое, составляя собою даже цѣлую половину всего центральнаго фонда всей нашей интеллигенціи. Другою такою же причиною, второстепенною, но видоизмѣняющею въ частныхъ случаяхъ дѣйствіе богатства, есть обращеніе знаній въ спеціальность, въ раздѣленіе труда, въ доходъ, въ непосредственное средство къ жизни, въ насущный хлѣбъ, какъ это случается у жрецовъ, ученыхъ, преподавателей, художниковъ, техниковъ, литераторовъ, чиновниковъ. Это есть еще болѣе могущественное освобожденіе интеллектуальныхъ способностей, такъ что оно само себя питаетъ, производя все новыя и новыя освобожденія; но производя ихъ все тѣмъ же неизмѣннымъ путемъ,—путемъ обогащенія и удосуженія. Отсюда происходятъ всѣ знанія другого основнаго фонда нашей интеллигенціи, — разночинцевъ. Съ другой стороны начинаетъ иногда дѣйствовать въ томъ

же направленіи и сама главная причина, само богатство, начиная, вмѣсто побужденія къ знаніямъ, подавлять эти побужденія. Это случается тогда, когда богатство, опять въ исключительныхъ случахъ, скопляется въ крайней, доступной для скопленія, степени, или въ крайней непропорціальности съ умственными дарами природы. Въ томъ и въ другомъ случаѣ богатство превосходитъ, значитъ, дѣйствительную интеллектуальную потребность въ немъ; досугъ, доставляемый имъ, не можетъ уже находить себѣ интеллектуальнаго потребленія, и долженъ, слѣдовательно, наполняться какъ нибудь иначе. А всякое иное наполненіе его, чѣмъ интеллектуальное, т. е. наполненіе физическими потребностями, непремѣнно обращается на счетъ нравственныхъ, и обращается противъ нихъ тѣмъ больше, чѣмъ больше избытокъ досуга и богатства или чѣмъ скромнѣе дарованія душевныя и чѣмъ скорѣе, слѣдовательно, удовлетворены онѣ досугомъ. Отсюда не только отсутствіе знаній, но иногда даже идіотизмъ въ весьма богатыхъ аристократическихъ фамиліяхъ. Отсюда также и необразованность нашего купечества, богатство и досугъ котораго далеко и не постепенно превзошли его унаслѣдованныя отъ крестьянства умственныя и нравственныя потребности, не превышавшія идей непосредственныхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ на нихъ обращаются сверхъ того или сладострастіе, какъ въ аристократіи, или сластолюбіе, какъ у купечества: первое истощаетъ самую физическую природу, а второе на столько же утучняетъ ее, по тѣмъ и другимъ способомъ равно ведетъ къ новому подавленію потребностей психическихъ. Вотъ объясненіе всѣхъ частныхъ исключеній, кажущихся нарушеніемъ общаго закона. Очевидно, что, не смотря на всѣ эти исключенія, аристократія, взятая цѣликомъ, все-таки богаче купечества знаніями, также какъ и богатствомъ, а взятое цѣликомъ купечество все-таки богаче и тѣмъ, и другимъ крестьянства, уже потому одному, что купечество все грамотно. Если же интеллигенція наша составилась изъ нихъ всѣхъ, какъ бы на перекоръ всѣмъ степенямъ богатства, то

единственно потому что сюда, въ это новое исключеніе, всѣ опѣ выслали, какъ крестьянство въ расколъ, свои второстепенныя, видоизмѣняющія причины,—наличныя дарованія свои, и свою спеціализацію знаній, которыя если успѣваютъ раскрывать себя здѣсь еще больше, то не иначе, какъ все-таки дѣйствіемъ главной причины, новымъ умноженіемъ богатства и досуга въ уровень съ неосвобожденнымъ еще запасомъ интеллектуальныхъ силъ. Такимъ образомъ главный законъ не перестаетъ дѣйствовать даже и при нейтрализированіи его по мѣстамъ всѣми другими. Не смотря, однакожъ, на природныя дарованія нашей націи, о которыхъ лучше всего можно заключать по нашему крестьянству, нынѣшній личный составъ нашей интеллигенціи — плохой аттестатъ для нихъ. Бѣдность нашей интеллигенціи текущаго дня по истинѣ изумительна. Никогда со временъ Петра не представляла она такой засухи и такого безплодія. Не говоря уже о николаевской блестящей плеядѣ именъ или о не менѣе блестящей Александровской, даже при Екатеринѣ былъ у насъ Державинъ, даже при Елисаветѣ былъ у насъ Ломоносовъ, даже при Петрѣ былъ у насъ Кантемиръ. Теперь же ни одного таланта, ни въ одномъ родѣ; все старое вымерло до-тла, а новое ничто не народилось. Пироговы, Тургеневы, Милютины, Некрасовы, со сцены сошли, а Антокольскіе, Перовы и Гартманы еще не взошли, да и Богъ вѣсть, взойдутъ ли когда-нибудь. Ни одного талантливаго ученаго, ни одного поэта, ни одного художника, беллетриста, критика, актера, публициста, агитатора, реформатора. Ни одной свѣжей мысли, никакого новаго движенія ни въ теоріи, ни въ искуствѣ, ни въ практикѣ. Все это объясняется, конечно, предшествовавшею усиленною акціею мысли и иным направленіемъ теперешняго потока жизни, какъ это показано въ своемъ мѣстѣ; все это обѣщаетъ намъ также счастливую прогностику; но это и все, что есть утѣшительнаго въ діагностикѣ.

Сосчитать и перечислить количество обращающихся у насъ идей интеллигенціи, а тѣмъ болѣе разсортировать ихъ всѣ

Читальная зала

по процессуальнымъ періодамъ ихъ—не можетъ быть задачею всеобщей политической діагностики, какова настоящая; но тѣмъ не менѣе смѣло можно сказать, что никакихъ идей ни въ новаторствѣ, ни въ агитаторствѣ вовсе нѣтъ, и что всѣ, какія есть, состоятъ въ вялой и мелкой пропагандѣ, и при томъ въ пропагандѣ, которая составляетъ пережевываніе на сотый ладъ того, что отцами этой интеллигенціи было ей положено въ ротъ и разжовано. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, взявъ въ руки микроскопъ, и стараясь открыть съ нимъ малѣйшія признаки теченія, мы должны указать хотя по одному образцу на каждый изъ теперешнихъ трехъ процессовъ нашей интеллигенціи. Такъ въ состояніи агитаціи, напримѣръ, можно при нѣкоторой пристальности распознать идею общественнаго участія въ законодательствѣ: сюда относятся неожиданные и непопулярные адресы, петиціи и вообще манифестаціи или, точнѣе, будированія нѣкоторыхъ земскихъ и дворянскихъ собраній. Какъ бы то ни было, но, послѣ инициативы ея правительственной, въ Грозномъ и въ земскихъ думахъ, идея эта, даже какъ общественная, дѣйствительно прошла уже и свой вѣкъ новаторскій, въ царствованіе Анны, и столѣтнюю съ тѣхъ поръ пропаганду посредствомъ проекта Панина при воцареніи Екатерины, посредствомъ екатерининской коммисіи, проэктовъ великой княгини Натальи Алексѣевны, проэкта Палена при воцареніи Александра I, проэктовъ Новосильцева и Сперанскаго, проэктовъ декабристовъ, петрашевцевъ и т. д., и теперь дѣйствительно можетъ только или идти въ агитацію или стоять на мѣстѣ. Въ состояніи пропаганды не обрѣтается ни одной крупной и цѣльной идеи, а все только дробныя и отрывочныя, и при томъ перевертываемыя на десятый ладъ, какъ напримѣръ идея классицизма или реализма, идея превосходства общихъ судебныхъ учрежденій предъ волостными, идея равенства предъ судомъ, идея превосходства французской цивилизаціи надъ англійскою и германскою, идея все тѣхъ же экономическихъ утопій, идея все той же утопіи женской, и т. п. Отсюда безпре-

станно повторяющаяся, безпрестанно твердящая зады, неоживленная и не эргическая публицистика наша. Наконецъ въ состояніи новаторства, въ состояніи зародыша нѣтъ ничего положительно: ничего свѣжаго, живаго, обновляющаго, хотя бы то даже мелкаго и дробнаго, если не счесть за новаторство новыя имена безпрестанно возникающихъ и безпрестанно умирающихъ газетъ и журналовъ съ новымъ будто бы знаменемъ, съ новою будто бы струею. Словомъ, какъ личности интеллигенціи, такъ и ея идеи размѣнялись на мѣдную монету, и только тяготятъ, не давая богатства, только темнятъ руки, не дѣлаясь отъ того сами чище. Все это имѣетъ, конечно, и свою выгодную сторону, но только не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ, гдѣ мы и укажемъ ее въ свое время.

Что касается качества идей нашей интеллигенціи, то самое несомнѣнное свойство ихъ есть, конечно, демократичность. Если даже аристократія наша не могла избѣжать этого закала, то тѣмъ меньше еще могла посторониться отъ него интеллигенція. Ни отсутствіе талантовъ, ни бѣдность находящихся въ оборотѣ идей, ни реакціонное направленіе ихъ, ничто не сдвигаетъ интеллигенціи съ этой точки зрѣнія, и, не смотря на все оскуденіе въ дѣятельности, она остается вѣрна себя въ направленіи.

Наконецъ, каковы бы ни были количество и качество идей интеллигенціи, она, съ психологической точки зрѣнія, можетъ еще представлять, и всегда непремѣнно представляетъ собою, или только инстинкты общественные, или также и общественное мнѣніе или, наконецъ, даже и знаніе общественное. Что же представляетъ наша по сравненію съ западными? Знанія политическаго, хотя бы то въ видѣ самыхъ коренныхъ основъ его, нѣтъ еще и у западныхъ интеллигенцій. Первые истинно научные зачатки его положены тамъ еще только О. Контомъ, доктрина котораго не только далека еще отъ популярности во всей интеллигенціи и, слѣдовательно, отъ практическихъ примѣненій ея, отъ агитаціи, но не совершила еще и достаточной пропаганды, хотя зародышъ партіи пози-

тивистовъ уже не можетъ быть признанъ несуществующимъ, въ особенности же въ Англіи. Но если и въ самой Англіи невозможно еще господство знанія, за то мы тамъ найдемъ по крайней мѣрѣ полное господство общественнаго мнѣнія и представительство интеллигенціею именно его. Господство это и это представительство состоятъ въ обширномъ мотивированіи какъ каждаго мнѣнія общества — въ прессѣ, такъ и каждаго представительства его интеллигенціею — въ парламентѣ. Чѣмъ дальше же отъ Англіи на востокъ, тѣмъ сила этого двойного мотивированія была до сихъ поръ слабѣе: во Франціи была всегда слабѣе, чѣмъ въ Англіи, въ Германіи была до сихъ поръ слабѣе, чѣмъ во Франціи, въ Россіи была и есть слабѣе, чѣмъ въ Германіи. Пропорціонально этому ослабленію ростетъ, напротивъ, инстинктивность, господство мнѣній немотивируемыхъ. Въ Англіи послѣднее движеніе инстинктивности, да и то не безъ всякаго мотивированія, а только съ весьма краткимъ, относится лишь къ концу прошедшаго вѣка, когда общество было перепугано революціею. Тогда интеллигенція тамошняя бросилась безъ дальнихъ разсужденій къ нѣсколькимъ инстинктивнымъ мѣрамъ самосохраненія, какова, напримѣръ, пріостановка Habeas corpus. Во Франціи же и весь настоящій вѣкъ полонъ такими инстинктивными подергиваніями въ разныя стороны, при чомъ каждое изъ нихъ хотя и мотивируется по большей части, но такъ слабо и поверхностно, что напередъ оставляетъ достаточную возможность мотивировать на столько же и всякое противоположное подергиваніе. Образецъ этой инстинктивности есть тамъ исторія закона о печати. Въ Германіи въ настоящее время дѣла принимаютъ иной оборотъ, но до сихъ поръ было въ сущности то же что и во Франціи, хотя перемежаніе инстинктовъ и никогда не было здѣсь такъ быстро, часто и внезапно, какъ тамъ. У насъ, весьма естественно, инстинктивность въ политикѣ должна была быть на столько же сильнѣе, на сколько слабѣе мнѣніе и обѣ его мотивировки. А изъ числа этихъ мотивировокъ — одной, въ прессѣ, до настоящаго цар-

ствованія вовсе не существовало, и обсужденіе политическихъ вопросовъ въ печати было совсѣмъ невозможно; другая же мотивировка хотя и существовала, но вовсе не въ интеллигенціи, а лишь въ правительствѣ, и именно въ государственномъ совѣтѣ и въ комитетѣ министровъ, да и то, по самому устройству этихъ органовъ, сокращенная, поверхностная и негласная. Правительство во всякомъ случаѣ могло еще знать мотивы своихъ дѣйствій, но общество должно было не разъ оставаться въ полномъ на счетъ ихъ недоумѣніи. Первое положеніе общества прошло, но второе остается и до сихъ поръ; такъ что мы, значитъ, хотя не находимся уже подъ властью исключительной инстинктивности, но также и не во власти мотивированнаго мнѣнія, и стоимъ на дорогѣ отъ первой ко второму, стремясь выйти оттуда и войти сюда. На степени успѣха въ этомъ направленіи и сосредоточенъ между прочимъ интересъ текущей минуты. Такимъ образомъ мы въ другой разъ уже и другимъ путемъ приходимъ къ одному и тому же выводу. Сперва мы пришли къ нему путемъ необходимаго очередного раздѣленія труда въ законодательной власти; теперь приходимъ къ тому же путемъ необходимой очередной смѣны инстинкта мнѣніемъ. Что же касается перехода отъ мнѣнія къ знанію общественному, то объ этомъ никому еще въ средѣ нашей интеллигенціи и не снится, ни для кого это еще не составляетъ даже мечты, и попытки въ въ этомъ родѣ никого еще не могутъ заинтересовывать, какъ показала это фальшивая популярность Бокля и совершенная непопулярность Конта. Мнѣніе подъ видомъ науки, катихизація политическихъ инстинктовъ, систематизированіе либеральнаго или консервативнаго кодекса, одѣтое въ форму доктрины, всегда найдетъ у насъ читателя, какъ напримѣръ и случилось это съ претендуемою Азбукою Соціальныхъ Наукъ, хотя въ ней нѣтъ ни аза, ни буки научности; но то, что равно далеко какъ отъ либеральнаго катихизиса, такъ и отъ обскурантнаго, то также далеко еще и отъ нашего читателя. Смѣсь этихъ катихизисовъ механическую, какая практикуется

въ т. н. среднихъ партіяхъ, русскій читатель еще способенъ принять, хотя не слишкомъ еще подготовленъ къ среднимъ партіямъ; но смѣсь органическую онъ во всякомъ случаѣ отвергнетъ, потому что она отрицаетъ самый его принципъ, принципъ партіозности. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, это именно новаторство и стоитъ теперь на очереди. Принципъ мнѣній, партіозности, хотя и весьма недавно признанный и гласный, давно уже зрѣетъ глухо; онъ не только уже достаточно пропагандированъ у насъ, но знаетъ уже и свой періодъ агитаціи, такъ что не очень далекъ даже отъ торжества, отъ инкорпораціи въ право, въ законъ; а потому когда старый принципъ приближается уже къ торжеству, тогда для новаго, для очереднаго полное мѣсто и время зарождаться. Непопулярность, конечно, ждетъ его; но популярнаго новаторства и быть не можетъ, иначе оно не было бы новаторствомъ. Вотъ, слѣдовательно, итогъ всей совокупности продуктовъ нашей интеллигенціи, т. е. итогъ цивилизаціи нашей: говоря вообще, это огромный перевѣсъ въ обществѣ вѣры надъ знаніемъ; говоря въ частности, о политикѣ, это—огромный перевѣсъ инстинктивности надъ сознательностью. Еще же частнѣе опредѣляя отношеніе ихъ для текущей минуты, можно сказать, что сзади у нея только что господствовавшій безпредѣльно общественный инстинктъ, на мѣстѣ — только что претендующее на раздѣленіе этого господства общественное мнѣніе, впереди — только что зарождающееся и ни на что еще не претендующее общественное знаніе. Ему-то между прочимъ принадлежитъ тотъ полетъ дѣятельности интеллигенціи, который мы предсказывали ей выше на будущее царствованіе.

Пришедши къ одному и тому же выводу уже двумя путями, теперь, анализомъ правительства, мы не можемъ не придти къ нему еще и въ третій разъ. Дѣйствительно, число вопросовъ законодательныхъ, вслѣдствіе осложненія жизни, выростаетъ у насъ съ каждымъ днемъ; трудность и потреб-

ность серіознаго разрѣшенія ихъ чувствуется самимъ правительствомъ все больше и больше; а между тѣмъ средства разрѣшенія ихъ остаются все тѣ же: государственный совѣтъ и комитетъ министровъ. Недостаточность этихъ средствъ привела, съ одной стороны, къ учрежденію множества законодательныхъ коммиссій, которыхъ еще въ шестидесятыхъ годахъ считалось болѣе 50, а съ другой ко всевозможнымъ косвеннымъ средствамъ достойнѣйшаго разрѣшенія, каковы, напримѣръ: призываніе въ государственный совѣтъ и въ коммиссіи экспертовъ, какъ въ вопросѣ городскаго законодательства, справки за границей, какъ напримѣръ въ законодательствѣ школьномъ, судебномъ, почтовомъ, контрольномъ, и, наконецъ, сондированіе собственной прессы и собственнаго земства, какъ, напримѣръ, въ законодательствѣ о губернаторской власти, о классицизмѣ и реализмѣ, о податной реформѣ и т. п. Но первый способъ, коммиссіи и эксперты, будучи все-таки кабинетнымъ, бюрократическимъ, будучи по необходимости удаленнымъ отъ дѣйствительной жизни и отъ мѣстныхъ ея интересовъ, способенъ давать только рѣшенія валовыя, огульныя, не оттѣненныя разнообразіемъ дѣйствительной жизни и потому мало жизненныя. (*) Второй же способъ, заграничность, пресса и земство, есть не что иное какъ обращеніе къ общественному мнѣнію, своему и чужому, къ своей и чужой интеллигенціи, но только косвенное и робкое, а не прямое и смѣлое. А отчего же зависитъ эта косвенность и робость? Очевидно, отъ неувѣренности въ качествѣ и количествѣ своей собственной наличной политической интеллигенціи.

(*) Такъ напримѣръ коммиссія о волостныхъ судахъ, для того, чтобы исполнить съ какимъ-нибудь достоинствомъ задачу свою, должна бы была предпринять нѣсколько экспедицій въ различныя мѣстности, и все-таки нахваталась бы свѣдѣній только въ торопяхъ и только поверхностныхъ. Замѣняя же экспедиціи письменными справками, и рѣшая по нимъ вопросъ, не выходя вовсе изъ кабинета, она, очевидно, рискуетъ или безъ дѣйствительной надобности уничтожить суды или безъ дѣйствительной надобности оставить ихъ, и во всякомъ случаѣ уничтожить или оставить ихъ непремѣнно всѣ и повсюду. Съ другой стороны большинство этихъ коммиссій замираетъ при самомъ рожденіи.

И такъ весь вопросъ, слѣдовательно, въ вопросѣ нашей зрѣлости для этой метаморфозы. Но, опредѣливъ уже въ текстѣ крайнія условія такой зрѣлости, мы можемъ, кажется, съ достаточной приблизительностью оцѣнить текущій моментъ и въ этомъ отношеніи. Для этого стоитъ только узнать, имѣется ли у насъ въ наличности достаточный запасъ силъ для того, чтобы реализировать вышеупомянутое раздѣленіе законодательной власти, или вышеупомянутую метаморфозу законодательства инстинктивнаго въ законодательство мотивируемое. Какъ при освобожденіи крестьянства намъ необходимо было такое количество эманципаторовъ, которое могло бы осуществить всю организацію эманципаціи, такъ въ настоящемъ случаѣ крайняя цифра есть такое число политиковъ, какое необходимо для наполненія организаціи законодательства, управляемаго общественнымъ мнѣніемъ. Почитая самое это мнѣніе уже существующимъ, какъ показано было выше, почитая существующимъ, какъ показано еще выше, даже необходимое первичное расчленепіе его по крайней-мѣрѣ на двѣ противоположныя партіи, безъ чего борьба мотивированій невозможна, мы должны теперь опредѣлить еще наличную цифру представителей этого мнѣнія и этихъ партій, а равно также и наличное качество ихъ. Опредѣлить ихъ мы можемъ отчасти по состоянію земства, отчасти по состоянію литературы: въ одномъ мы найдемъ представителей дѣятельной политической интеллигенціи, въ другомъ—представителей созерцательной; тамъ наши политики-практики, тутъ—политики-теоретики. Разсматривая наличныя силы земства, мы должны прежде всего исключить изъ нихъ цѣликомъ силы крестьянскія и купеческія, какъ безмолвствующія обыкновенно въ земскихъ собраніяхъ; такимъ образомъ для анализа остаются только силы дворянскія. Изъ этихъ послѣднихъ половина, если не большая часть, не интересуется предоставленнымъ ей самоуправленіемъ, какъ это видно изъ того, что она не съѣжается, и что собранія часто даже не могутъ состояться вслѣдствіе этого. А гдѣ нѣтъ интереса къ политикѣ, къ самоуправленію, тамъ, конечно,

невозможно уже искать способности къ нимъ: способность предполагаетъ прежде себя по крайней-мѣрѣ любопытство, заинтересованность; а гдѣ нѣтъ этихъ, тамъ невозможно искать и ее. И такъ половина дворянскихъ представителей земства должна быть отчислена къ купцамъ и къ крестьянамъ. За тѣмъ анализъ ограничивается остальною половиною. Изъ числа этой послѣдней извлекаются какъ оффиціальные первенцы земства—въ видѣ управъ, такъ и неоффиціальные—въ видѣ агитаторовъ и ораторовъ собраній. Что касается управъ, то ихъ нельзя сдвигать съ мѣста, и одновременно замѣщать ими двѣ вакансіи самоуправленія, разъ—мѣстную, а другой разъ—центральную: нельзя управамъ бросить всѣмъ вдругъ свои функціи и отправиться для исполненія другихъ, высшихъ. Это возможно только для агитаторовъ собраній. Изъ числа этихъ послѣднихъ, мы не слишкомъ ошибемся въ ту или другую сторону, если на каждое уѣздное земское собраніе, по крайней-мѣрѣ въ началѣ ихъ дѣятельности, положимъ по одному и даже иногда по два дѣятеля, которые не лишены ни общихъ интересовъ, ни общихъ видовъ, и въ то же время стоятъ внѣ управъ и представляютъ свободныя политическія силы, къ какой бы онѣ партіи ни принадлежали, и будутъ ли то Бланки, Безобразовы, Катковы, или же Самарины, Орловы-Давыдовы, Корфы, Васильчиковы, Щербатовы. И такъ при 330 уѣздахъ въ 33 губерніяхъ, подготовляемыхъ къ самоуправленію, и полагая на каждый изъ нихъ по $1^1/_2$ политика, мы получимъ въ итогѣ 495. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что способность къ мѣстному самоуправленію далеко еще не есть способность къ самоуправленію государственному. Къ своему мѣстному самоуправленію въ волостяхъ не неспособны и крестьяне, они даже болѣе всѣхъ другихъ въ томъ компетентны; но для самоуправленія уѣзднаго или губернскаго у нихъ уже не достаетъ видовъ, они совсѣмъ еще несостоятельны. Также точно и изъ числа компетентныхъ въ уѣздномъ и губернскомъ самоуправленіи дворянъ надо бы исключить число неспособныхъ къ государственному; но такъ какъ для этого

нѣтъ у насъ мѣрила, то мы будемъ считать ихъ способными всѣхъ. Равнымъ образомъ мы прибавимъ сюда и 135 человѣкъ, приходящихся на 90 уѣздовъ 9 западныхъ губерній. Такимъ образомъ въ настоящую минуту наличныхъ и свободныхъ политическихъ силъ, которыя и не откажутся прибыть для отправленія обще-политическихъ функцій государства, и не окажутся несостоятельными для этого отправленія, всего въ нашемъ обществѣ, въ смыслѣ европейской Россіи, при самомъ снисходительномъ счетѣ, оказывается 630 человѣкъ. А между тѣмъ даже на земскомъ нашемъ соборѣ 1566 года было 366 депутатовъ, даже въ земской думѣ 1598 года было ихъ 474, и наконецъ въ Коммиссіи объ уложеніи было ихъ 565. А съ другой стороны даже такія общества какъ французское и англійское, т. е. 30 или 40 милльонное, не могутъ ограничиваться меньшимъ числомъ представителей какъ 700. Полагая не большее число представителей и для нашего общества, мы видимъ, слѣдовательно, недочетъ въ 70 человѣкъ. А вѣдь это еще наполненіе всей цифры только сливками общества, только образованнымъ дворянствомъ; что же оказалось бы, если часть ея придется наполнить купечествомъ и крестьянствомъ, безъ чего наше самоуправленіе государственное, вѣроятно, никогда обойтись не захочетъ. Отвращеніе ко всякому подобію олигархіи, высказавшееся и въ 1598 году, и въ 1730, высказанное и народомъ, и самимъ дворянствомъ, и не давшее жизненности ни одному изъ всѣхъ шведскихъ и англійскихъ проэктовъ прошедшаго и начала настоящаго вѣка, не допуститъ, по всей вѣроятности, ничего подобнаго и на будущее время; тѣмъ болѣе что всѣ примѣры минувшаго, отъ думы Грознаго и до Коммиссіи Екатерины II, составляютъ гораздо болѣе обязательный прецедентъ, чѣмъ всѣ возможные проэкты и соображенія; а примѣры эти были совсѣмъ не таковы какъ проэкты. Если же такъ, то этимъ путемъ наличная цифра компетентности, и даже самая цифра рѣшающихся прибыть для отправленія функціи, значительно понижается и не достигаетъ даже половины наименьшей по-

требной цифры. Вотъ наша наличная зрѣлость для анализируемой метаморфозы преимущественно съ количественной точки зрѣнія. Если же мы взглянемъ на нее еще съ точки зрѣнія по преимуществу качественной, то выводъ нашъ станетъ еще сильнѣе. Формальное здѣсь качество, необходимое для отправленія функціи, есть даръ слова, существенное есть знаніе. Безмолвное, топающее, подающее голоса только ногами собраніе въ наши времена невозможно; да оно и не далеко бы ушло отъ законодательства инстинктивнаго, отъ котораго оно имѣетъ уходить: равно также мотивированіе одними силами здраваго смысла, безъ образованія, безъ знаній историческихъ, политическихъ, экономическихъ и финансовыхъ, было бы далеко ниже современныхъ ему возможностей. Что касается перваго изъ этихъ двухъ условій, то оно еще могло бы найтись: земская дѣятельность, хотя впервые и единственная (за исключеніемъ судебной), но представляетъ уже возможность нѣкоторой практики для публичнаго изложенія своихъ мыслей. Что же касается второго условія, то состояніе какъ нашей литературы политической, экономической и финансовой, такъ и еще болѣе состояніе книжной торговли этого рода показываютъ, что это суть знанія, наименѣе у насъ разспространенныя. Больше всего у насъ потребности на литературу богословскую и на беллетристику, за тѣмъ на естествознаніе, и только наконецъ уже на политику. По каталогу Межова, самому полному изъ нашихъ каталоговъ, наша литература и книжная торговля текущей минуты вмѣщаетъ въ себѣ: богословскихъ сочиненій 2.190, беллетристическихъ 2.098, естественныхъ 1.582, историческихъ 1.131, политическихъ и юридическихъ 965; т. е. изъ общаго числа книгъ, 14.153, богословскія составляютъ $^1/_6$, а политическія $^1/_{14}$ часть. А между тѣмъ для самоуправленія государственнаго гораздо нужнѣе политика, чѣмъ богословіе. Наконецъ, половина вопросовъ самоуправленія сводятся на вопросы финансовые, и разрѣшеніе этихъ вопросовъ ближе и интереснѣе разрѣшенія всякихъ другихъ для огромнаго большинства общества; а между тѣмъ

финансистовъ у насъ чуть ли не меньше, чѣмъ всякихъ иныхъ спеціалистовъ. Въ книжной торговлѣ у насъ всего 156 сочиненій по финансамъ; а въ періодической прессѣ нашей предметъ этотъ занимаетъ самое скромное мѣсто. Въ другой странѣ можно бы разсчитывать на финансовъ-практиковъ, на банкировъ, на крупныхъ коммерсантовъ, у насъ же, по причинѣ иноплеменности этого класса, надо только, напротивъ, разсчитывать быть на сторожѣ противъ нихъ, вмѣсто того чтобы ввѣряться имъ. Вотъ состояніе текущей зрѣлости нашей для метаморфозы инстинктивнаго законодательства въ мотивированное. Правда, по теоріи постепенности, лучше было бы удовольствоваться и тою наличностью силъ интеллигенціи, какая имѣется, какъ бы она ни была незначительна, и даже тою, какая изъ числа имѣющейся пожелаетъ откликнуться на зовъ, какъ бы ни мало оказалось не только званныхъ, но также и избранныхъ; но это возможно было бы только тогда, еслибъ не бременѣли на насъ обязательства всей суммы предшествующихъ непостепенностей. Теперь же нераздѣленіе въ свое время законодательной власти съ аристократической интеллигенціей, потомъ нераздѣленіе ея своевременно также и съ тимократіей обязываютъ насъ ждать, пока возможно станетъ раздѣленіе ея даже и съ демократіей. Аристократическое или тимократическое устройство представительства интеллигенціи не вяжется съ нашимъ обществомъ ни статически, ни динамически. Статически оно было бы анахронизмомъ, несовмѣстностью съ вѣкомъ, съ окружающей демократаческой средою нынѣшняго міра; динамически оно было бы несовмѣстностью съ преданіемъ, съ этимъ преданіемъ всесословныхъ вѣчъ, земскихъ соборовъ, коммиссій объ уложеніи. Ни общество наше такого устройства не приняло бы, ни правительство наше не рѣшилось бы его предложить, какъ видно это изъ устройства имъ земскихъ собраній съ цѣлою половиною гласныхъ городскихъ и сельскихъ въ сравненіи съ дворянскими. А къ тому же примѣръ Франціи успѣлъ показать, что такое устройство законодательнаго представительства,

льстя современнымъ требованіямъ общества, въ то же время есть и наилучшее обезпеченіе правительства, льститъ его чувству самосохраненія. Демократическій элементъ, не будучи еще годнымъ по условіямъ прежней непостепенности, по тѣмъ же условіямъ сдѣлался уже обязательнымъ, и такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы обратиться на пользу общества, обращается сперва на пользу власти. По всему этому скорѣе можно ожидать у насъ организаціи представительства съ безграмотною демократіею, чѣмъ вовсе безъ нея. А коль-скоро такъ, то гдѣ же въ настоящую минуту наша зрѣлость для этой метаморфозы? Ее нѣтъ ни въ званныхъ, ни въ избранныхъ, нѣтъ не только въ тѣхъ, которые, по силѣ вещей, должны быть призваны, но даже и въ тѣхъ, которые будутъ между ними избранные. А между тѣмъ откладывать призваніе на слишкомъ отдаленное будущее, на то будущее, когда и сама демократія окажется готовою къ метаморфозѣ, значило бы не ходить въ воду пока не научишься плавать. Съ другой стороны какъ-бы ни была наша европейская аристократія и наша интеллигенція демократичны, но все-таки онѣ не могутъ замѣнить демократіи, и ей все-таки никто не въ состояніи помочь такъ, какъ помогла бы она сама себѣ. Отсюда необходимость дождаться только, по крайней мѣрѣ, самаго низшаго minimum'а демократическихъ знаній, дождаться по крайней-мѣрѣ умѣнья демократіи подписать свое имя. Если безграмотный гласный возможенъ еще въ земствѣ, то онъ совершенная уже невозможность въ законодательствѣ. И такъ, пока самыхъ крайнихъ условій того и другого рода нѣтъ, пока нѣтъ у насъ, съ одной стороны, достаточнаго, и качественно, и количественно, политическаго образованія въ меньшинствѣ, и съ другой, достаточной грамотности въ большинствѣ, до тѣхъ поръ и раздѣленіе законодательной власти обществомъ не сдѣлается свершившимся фактомъ. Но не трудно также предвидѣть, въ какой степени долго необходимо ожидать пополненія перваго и пополненія послѣдняго недостатка. Еще одно поколѣніе, еще одно царствованіе,—и край-

нія условія осуществленія метаморфозы, конечно, найдутся. А между тѣмъ въ это же время успѣетъ заявиться все громче и громче и существующая уже потребность тамъ, гдѣ она имѣется. Все будущее царствованіе будетъ, по всей вѣроятности, наполнено тѣми легальными манифестаціями, тѣми, съ одной стороны, безопасными уже, а съ другой, уже и популярными, демонстраціями, которыя теперь еще и опасны, и не довольно популярны, и которыя извѣстны пока только подъ ироническимъ названіемъ будированій. Власть же наша, всегда идущая на встрѣчу дѣйствительной потребности, и всегда почти имѣвшая до сихъ поръ тактъ не передерживать ее и скорѣе расположенная, напротивъ, недодержать ее, безъ всякаго сомнѣнія не станетъ дожидаться ничего больше, какъ только самыхъ крайнихъ условій удовлетворенія этой потребности, какъ это случилось съ нею и въ крестьянской реформѣ. Уже и при самомъ первоначальномъ заявленіи потребности она, эта высокая и дѣйствительно возвышенная власть, не преминула санкціонировать потребность въ теоріи, что и свершила она въ формальномъ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 29-го января 1865 года. «Прошедшее,—сказано въ этомъ рескриптѣ,—ручается за будущее». И кто же изъ насъ, положа руку на сердце, не согласится, что оно и въ самомъ дѣлѣ ручается. Да, всякое прошедшее можетъ поручиться за свое будущее такъ, какъ ручается причина за слѣдствіе; оно составляетъ у насъ другое царственное слово, на которое мы можемъ положиться такъ же, какъ и на то. И скорѣе можно опасаться, что та иниціатива, которую оно предоставило въ этомъ дѣлѣ себѣ, скорѣе поторопится, чѣмъ запоздаетъ въ нашей исторіи. Если же она не поторопится и не запоздаетъ, то раздѣленіе ею законодательной власти съ своею интеллигенціею послѣдуетъ не раньше и не позже какъ черезъ одно царствованіе. Мало того, можно при этомъ предусмотрѣть даже нѣкоторыя существенныя черты этого раздѣленія, можно предвидѣть, въ какомъ видѣ оно первоначально осуществится. Такъ какъ никакихъ насильственныхъ дѣйствій при этомъ

случаѣ ожидать невозможно, невозможно ожидать никакой борьбы и никакой побѣды, то нельзя также ожидать и никакого опредѣленнаго трактата или договора между властью и обществомъ. Первоначальное раздѣленіе или, точнѣе, призваніе общества правительствомъ для этого раздѣленія, должно послѣдовать безъ всякихъ условій, обязательныхъ для той или для другой стороны. Впослѣдствіи же, при самомъ раздѣленіи, условія эти опять не имѣютъ шансовъ возникнуть. Съ одной стороны призванное общество, слабое своей опытностью и самоувѣренностью, съ другой призвавшее правительство, сильное своей популярностью и подвигомъ призванія, торговаться не въ состояніи. Такимъ образомъ уже въ силу самыхъ вещей съ одной стороны вѣроятно лишь свободное мнѣніе, а съ другой такъ же свободное вниманіе къ нему. Правительство въ силу одного такта, инстинкта, не потребуетъ ограниченія перваго, общество въ силу того же инстинктивнаго такта не потребуетъ ограниченія второго. А между тѣмъ, въ довершеніе этихъ условій безсознательныхъ, у насъ привходитъ еще и одно сознательное, направленное къ тому же исходу: это—явный идеалъ такого рода, идеалъ партіи, богатой и своимъ богатствомъ, и своимъ аристократизмомъ, и своимъ знаніемъ, и своей честностью и любовью къ народу, словомъ—идеалъ славянофильства. Каковы бы ни были анахронистическія недостатки этой партіи, но невозможно отрицать, что это нашъ нигилизмъ въ самомъ народномъ видѣ, что это самые могущественные изъ нашихъ нигилистовъ (употребляя, конечно, это слово въ смыслѣ политики, а не шутки). Вліяніе ихъ, кромѣ всѣхъ соціальныхъ условій, обезпечено имъ также и наибольшей сомкнутостью партіи, и наибольшей выработанностью доктрины ея въ сравненіи съ другою фракціею нашего нигилизма, космополитическою или западною. А потому если послѣдняя перевѣситъ, можетъ быть, первую объемомъ, то первая перевѣситъ послѣднюю плотностью. Вся же безгласная часть того же корпуса поспѣшитъ, конечно, примкнуть къ наиболѣе, а не къ наименѣе народной; и такимъ об-

разомъ перевѣсъ славянофильства обезпеченъ дважды: и качественно, и количественно. А разъ пробравшійся въ жизнь идеалъ ихъ можетъ улечься тамъ тѣмъ плотнѣе, чѣмъ будетъ искуснѣе правительство. Стоитъ только, напримѣръ, не пренебречь съ перваго же разу высказавшимся общественнымъ мнѣніемъ, стоитъ только по большей части сообщать ему свою санкцію безъ всякаго о томъ уговора, — и этотъ порядокъ вещей можетъ упрочиться и даже увѣковѣчиться, дѣлая дѣйствительно излишними всѣ тѣ гарантіи, объ излишествѣ которыхъ мечтаетъ идеалъ славянофиловъ. Отсюда съ одной стороны совѣщательный, а не рѣшительный характеръ законодательнаго органа, а съ другой стороны по прежнему рѣшительный, а не обусловленный характеръ верховной власти. Вотъ существенная черта единственно возможнаго, по крайней-мѣрѣ на первыхъ порахъ, превращенія у насъ законодательства инстинктивнаго въ мотивированное; и вотъ единственно возможный у насъ видъ парламентаризма. Что касается характеристической черты формы, то, по всей вѣроятности, она отольется также въ славянофильскую, а не въ западную модель. Начнется она, безъ сомнѣнія, формой усиленія государственнаго совѣта членами по выборамъ; окончится, вѣроятно, формою вѣча, т. е. единственнаго для всѣхъ сословій совѣщательнаго собранія. Если же и возможно будетъ при этомъ, въ силу вліянія западной фракціи нигилизма, раздѣленіе вѣча на боярскую думу и земскую думу, то первоначально все-таки не иначе, какъ при условіи назначенія, а не выборности первой. Возможно, наконецъ, и устройство обѣихъ думъ по избранію; но только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а именно при осуществленіи федераціи. Наконецъ ни въ какомъ случаѣ невозможно у насъ наслѣдственное совѣщательное право, ни первоначально, ни впослѣдствіи, хотя и возможны нѣсколько исключительныхъ случаевъ, нѣсколько привиллегій этого рода. — Оставляя строеніе нашей законодательной власти и обращаясь къ характеру отправленій ея, мы, конечно, не найдемъ въ немъ такой степени соглашенія законодательства съ общест-

веннымъ мнѣніемъ, такого согласія его съ интеллигенціей, какъ въ Англіи въ настоящее время. Франція есть образецъ наибольшаго несогласія, наибольшаго противорѣчія ихъ; Пруссія занимаетъ между тѣмъ и другимъ середину. Каково же сравнительно съ ними положеніе Россіи? Въ частностяхъ и отъ времени до времени найдемъ несогласія эти и здѣсь; но, говоря вообще, Россія представляетъ совершенно исключительный случай законодательства, скорѣе опережающаго интеллигенцію, скорѣе предупреждающаго общественное мнѣніе, чѣмъ отстающаго отъ него и приходящаго съ нимъ въ полный разладъ. Какъ причины такъ и примѣры этого положенія вещей не разъ уже были высказаны выше; а потому здѣсь достаточно лишь упомянуть объ этомъ, и добавить только нѣкоторыя другія качества законодательныхъ отправленій нашихъ. Такъ напримѣръ способность законодательства, какъ разводить такъ и искоренять преступленія, въ исторіи нашей находитъ себѣ доказательство, едва ли не лучшее чѣмъ гдѣ нибудь, а именно въ прикрѣпленіи и освобожденіи крестьянства. Прикрѣпленіе, не говоря уже о проступленіяхъ en masse, какъ разинщина и пугачевщина, произвело, а освобожденіе искоренило слѣдующія преступленія: жестокое обращеніе владѣльцевъ (ст. 668 т. XV св. зак. изд. 1857 г.), подговоры крестьянъ на побѣгъ отъ помѣщика (ст. 1213), обращеніе свободныхъ людей въ крѣпостныхъ (ст. 1930), склоненіе свободныхъ людей къ браку съ крѣпостными (1932), владѣніе крѣпостными людьми безъ права на то (ст. 1945), владѣніе крестьянами безъ владѣнія землею (ст. 1946), пріобрѣтеніе крестьянъ на чужое имя (ст. 1947), принужденіе къ вступленію въ бракъ или къ постриженію въ монахи (ст. 1979), продажу крѣпостныхъ отдѣльно отъ семействъ ихъ (ст. 1952), укрывательство уголовныхъ преступленій своихъ крестьянъ (ст. 1980), возмущеніе противъ помѣщиковъ (ст. 1983), подача жалобъ на помѣщиковъ (ст. 1985), подложное составленіе отпускныхъ (ст. 1986), и наконецъ многочисленныя личныя посягательства на помѣщиковъ, которыхъ ежегодно совершалось отъ 50 до 70.

Читальная зала

Вся эта преступность обоихъ сословій, всѣ эти тюрьмы, смирительные дома, заключенія въ крѣпости, ссылки на поселеніе, розги, плети, каторжныя работы, все послѣ эманципаціи какъ рукой снято, и ни одно изъ исчисленныхъ преступленій и наказаній не имѣетъ болѣе мѣста. Вотъ что значитъ болѣе соглашенное съ природою обществъ законодательство. То же самое сдѣлано новымъ законодательствомъ нашимъ военнымъ по отношенію къ побѣгамъ и дезертирствамъ. Въ 1841 году дезертировъ въ русской арміи приходилось на каждую тысячу по 11,2, а въ 1861 году только по 4,1. Равнымъ образомъ въ пѣхотѣ дезертировъ и тогда, и теперь больше, въ гвардіи меньше, а въ артиллеріи еще меньше. Съ другой стороны не обошлось, конечно, и безъ примѣровъ отстающаго законодательства, какъ напримѣръ во всѣхъ предметахъ вѣры. За тѣмъ что касается взаимной регуляризаціи одной власти другою, то регуляризація суда и администраціи законодательствомъ видна уже и изъ предыдущаго; регуляризація же самого законодательства судомъ и администраціей лучше всего видна на примѣрѣ всегда существовавшаго въ нашемъ законодательствѣ такъ называемаго суда по формѣ. Подъ этимъ именемъ разумѣлся судъ словесный и личный, безъ письменности, безъ проволочекъ, безъ канцеляризма; но общій канцелярскій духъ нашей судебной и административной практики до такой степени вытѣснилъ собою это учрежденіе законодательства, что о существованіи его никто и не подозрѣвалъ, и учрежденіе лежало въ законѣ мертвымъ цѣлыя столѣтія. Наконецъ, естественные, инстинктивные противопоказатели нашего законодательства суть самыя цифры преступленій нашихъ. Такъ показателемъ противъ законодательства лѣсного служатъ цифры произвольныхъ порубокъ, противъ законодательства о паспортахъ—цифры людей безъ вида, противъ законодательства экономическаго—цифры покражъ, противъ законодательства каноническаго—цифры раскольниковъ и т. д.

Судъ нашъ, какъ въ текущемъ его состояніи такъ и въ предстоящемъ развитіи, представляетъ два равно любопытныя

наблюденія. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи онъ представляетъ превосходный образчикъ двухъ противоположныхъ теченій, образчикъ той неодолимой связи всякаго существующаго факта съ своимъ настоящимъ и съ своимъ прошедшимъ, безъ котораго не можетъ обойтись ни старый, отживающій свое время общественный феноменъ, ни новый, едва только успѣвшій инкорпорироваться въ жизнь. Какъ въ первомъ случаѣ слабѣетъ его связь съ настоящимъ, оставаясь сильна только по отношенію къ прошедшему, такъ во второмъ слабѣетъ связь съ прошедшимъ, будучи сильна въ настоящемъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, если настоящее волей-неволей втискивается въ самые обветшалые явленія жизни, то и прошедшее въ свою очередь неотразимо импонируетъ на самые обновленные процессы жизни. Такъ случилось и съ обновленнымъ судебнымъ процессомъ нашимъ. Долго, и не смотря даже на то, что онъ появился уже во время реакціи, онъ не давалъ, однакожъ, чувствовать въ себѣ ничего, кромѣ поражающей новизны, кромѣ разрыва, повидимому, всякой связи своей съ прошедшимъ. Законъ неписанный спѣшилъ въ немъ на помощь писанному, нравы тѣснились на помощь закону, и новая буква его была не только исполнена, но переполнена духомъ. Такъ самая главная новизна, духъ равенства предъ судомъ, не только выдержана буквально, но и превзойдена нравами: нѣкоторое время боролись еще, напримѣръ, съ совершенно непривычнымъ для насъ выраженіемъ этого равенства въ словѣ вы; но дѣло кончилось таки тѣмъ, что оно вошло окончательно въ судебные нравы. И судъ есть въ настоящее время единственное учрежденіе въ Россіи, гдѣ всякій пришедшій можетъ быть увѣренъ, что къ нему обратятся съ тѣмъ же корреннымъ титуломъ какъ и ко всѣмъ другимъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, когда первый напоръ нововведенія прошелъ, когда учрежденіе, благодаря этому дружному своему напору, тѣсно и плотно вдвинулось въ настоящее, заняло въ немъ подобающее себѣ, популярное и вполнѣ заслуженное мѣсто, прошедшее нàчало тогда откликаться явнѣе, и мало по малу за-

свидѣтельствовало, наконецъ, свою неразрывную связь съ реформой, и опять засвидѣтельствовало какъ буквой закона такъ и нравами. Та же самая идея равенства, которая тѣснилась съ такимъ насиліемъ, теперь съ такой же уступчивостью стала отступать. Въ смыслѣ буквы закона она отступила въ той льготѣ, какая предоставлена свидѣтелямъ высокаго общественнаго положенія. Въ смыслѣ же нравовъ она поусердствовала и еще больше. Мировой судъ началъ усвоивать такіе же пріемы, какъ нѣкогда полицейскій, такъ что присяжная адвокатура стала избѣгать его, чтобъ не нарваться на грубость, и такъ что подобные случаи дошли, наконецъ, даже до случая преданія суду одного изъ представителей почтеннаго института. Въ окружныхъ судахъ мѣра такихъ отступленій хотя и меньше, благодаря иному здѣсь цензу чѣмъ тамъ, но связь съ прошедшимъ произнесла таки свое слово; и предсѣдатели, какъ бы спѣша воспользоваться своимъ исключительнымъ, недоступнымъ никому больше, преимуществомъ быть начальниками публично, въ виду многочисленныхъ зрителей, съ наслажденіемъ предались, такъ сказать, забавѣ своей властью, игрѣ своимъ положеніемъ. Въ палатахъ и въ сенатѣ, благодаря еще высшей просвѣщенности личного состава, связь съ прошедшимъ еще слабѣе, но, конечно, не порвана окончательно и здѣсь. Такъ-то невозможно строить въ жизни что-либо вовсе отъ нея оторванное. Какъ бы ни старался оторвать отъ нея новую пристройку законъ, ее возвратятъ къ ней нравы; какъ бы ни старались оторвать нравы, ее возвратитъ къ ней законъ. Что касается ближайшихъ вѣроятныхъ измѣненій въ дальнѣйшемъ развитіи суда, то ихъ также можно угадывать, съ одной стороны, по нашему настоящему, съ другой, по нашему прошедшему. Въ настоящемъ судъ присяжныхъ пришелъ къ намъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, цѣликомъ и во всеоружіи. Никакая часть его, ни адвокатура, ни прокуратура, ни институтъ присяжныхъ, не ферментировалась у насъ долго, не вырабатывалась изъ собственной жизни, не сплотилась съ нашими воспоминаніями и

привычками. Вслѣдствіе всего этого, какъ бы ни была для насъ импозантна эта новизна, но послѣ перваго впечатлѣнія она оставляетъ умъ нашъ свободнымъ для критики; тѣмъ больше, что тамъ, гдѣ европейцы нашли результатъ всѣхъ своихъ творческихъ усилій, мы видимъ только начало ихъ. Отсюда нигдѣ нѣтъ такой открытой почвы для усовершенствованія этого превосходнаго учрежденія какъ въ Россіи. А единственно-существенное направленіе, въ какомъ возможны здѣсь усовершенствованія, есть, конечно, вящее обезпеченіе личности подсудимаго. Обезпеченіе же подсудимаго есть уравненіе защиты съ обвиненіемъ. Если магистратура представляетъ на судѣ государство, если прокуратура представляетъ тамъ правительство, то жюри представляетъ общество, а адвокатура представляетъ личность. Правительство обвиняетъ, личность защищается, общество и государство судятъ. Чѣмъ больше возникаетъ отсюда полноты правосудія, чѣмъ лучше отражены при такомъ устройствѣ всѣ главные факторы соціальной жизни, тѣмъ яснѣе становится безпомощность предъ ними личности, противъ которой всѣ остальные органы суда и за которую одинъ только,—защита. Такимъ образомъ если всякое дальнѣйшее общественное развитіе ведетъ непремѣнно и къ развитію личности, то всякое дальнѣйшее развитіе личности необходимо ведетъ къ развитію защиты. У насъ это еще и потому обязательнѣе чѣмъ гдѣ-либо, что иного пути для поднятія личности у насъ нѣтъ, какъ путь закона, и что на восполненіе закона въ этомъ отношеніи нравами разсчитывать у насъ, подобно Англіи, невозможно. И потому весьма естественно, что, на самыхъ же первыхъ порахъ, и не смотря на всю импозантность учрежденія, русскій здравый смыслъ былъ пораженъ наглядным неравенствомъ обвиненія и защиты, и, какъ видно это изъ разныхъ кореспонденцій въ газетахъ, не разъ уже останавливался на этой сторонѣ учрежденія. Ничто и до сихъ поръ въ этомъ учрежденіи не шокировало еще нашего чувства, а неравенство обвиненія и защиты шокировало его съ самыхъ первыхъ дней. Къ подоб-

ному же предположенію о будущемъ уравненіи ихъ ведутъ насъ и соображенія о нашемъ прошедшемъ, но только нѣсколько инымъ путемъ, а именно путемъ взгляда нашего на вмѣняемость. Много сдѣлалъ для ослабленія вмѣняемости законъ нашъ, но еще болѣе сдѣлали нравы. Въ народѣ нашемъ давнымъ-давно создалась и утвердилась теорія равнозначительности преступности съ несчастіемъ, и слово преступники даже замѣняется въ нашемъ народномъ сознаніи словомъ несчастные. Обычай подавать милостыню преступникамъ, обычай пожертвованій на тюрьмы есть у насъ и простонародный, и купеческій; при чемъ никакое столкновеніе чувствъ не парализируетъ обычая, и старообрядецъ свободно несетъ свою помощь католику, русскій несетъ ее поляку, и вѣрный подданный несетъ ее бунтовщику, тому самому, котораго онъ ненавидѣлъ и третировалъ какъ безмозглаго, пока онъ не былъ несчастливъ. Обычай этотъ поражалъ не одного пересыльнаго поляка въ Москвѣ. Въ Сибири же у насъ выходятъ толпами на встрѣчу партіямъ ссыльныхъ; выносятъ имъ деньги и провизію, выставляютъ ее въ урочные дни у порога своихъ домовъ и у оконъ. И наоборотъ, у насъ не было ни одного изъ тѣхъ обычаевъ, которые такъ обыкновенны на западѣ: не было ни одного случая восторга отъ зрѣлища осужденія или отъ зрѣлища казни, тогда какъ на западѣ рукоплесканія въ этихъ случаяхъ не рѣдкость. Законъ также не отставалъ отъ нравовъ, и правительство не отставало отъ гражданства. Въ нынѣшнемъ царствованіи оно обезопасило личность отъ клеймъ, отъ кнута, въ царствованіе Александра I — отъ пытки, въ царствованіе Петра—отъ правежа, а въ царствованіе Елисаветы, Петра III и Александра I зарвалось по этой дорогѣ такъ далеко, что очутилось впереди всей Европы, отмѣнивъ смертную казнь, тайную канцелярію и потомъ еще разъ тайную экспедицію; такъ что послѣдующимъ поколѣніямъ пришлось даже возвращаться потомъ назадъ, что составляетъ большую у насъ рѣдкость. И если зарвалось оно такъ далеко, то вовсе не вслѣдствіе интеллектуальныхъ теорій, не

вслѣдствіе вліянія Беккаріевъ или Вольтеровъ, о которыхъ тогда еще и въ поминѣ не было, а просто вслѣдствіе непосредственнаго чувства одного императора и одной императрицы. Такимъ образомъ простонародное и царственное чувство сошлись въ одной и той же струнѣ. Отсюда, если не предполагать, что теоріи противъ сердца вѣроятнѣе чѣмъ по сердцу, если не предполагать, что элементы развитія надо искать прежде въ умахъ, чѣмъ въ сердцахъ, то мы имѣемъ право еще однажды заключить, что предстоящее намъ развитіе судебное есть развитіе именно въ сторону ослабленія вмѣненія: такъ напримѣръ путемъ разширенія суда совѣсти на счетъ суда закона, путемъ распространенія смягчающихъ обстоятельствъ, путемъ смягченія наказаній, путемъ организаціи мѣстъ заключенія, путемъ покровительства освобождаемымъ, путемъ, наконецъ, примѣненія права помилованія. Въ международной формѣ суда опять у насъ то же незлобіе какъ и въ домашней. Мы ненавидимъ своихъ непріятелей только пока воюемъ съ ними; мы ненавидимъ и самыхъ побѣдителей своихъ только до тѣхъ поръ, пока они насъ не побѣдили. Ничто въ этомъ отношеніи не поразительно такъ, какъ наши чувства къ французамъ и чувства французовъ къ нѣмцамъ. Французы и до сихъ поръ не могутъ простить нѣмцамъ ихъ побѣду, они отказываются отъ торговыхъ, отъ ученыхъ сношеній съ ними, они исключаютъ ихъ изъ своихъ дѣлъ и обществъ, они не могутъ слышать ихъ языка, они скрежещутъ зубами при имени нѣмца. Мы же, еще не опомнившись отъ севастопольскаго погрома, уже рукоплещемъ французамъ обѣими руками за ихъ Маджснту, за ихъ Сольферино; французы еще не окончили свой севастопольскій бульваръ, а мы уже ѣдемъ къ нимъ въ гости, протянуть имъ нашу царственную руку; французы еще стоятъ на нашей территоріи, а изъ Россіи не изгоняется ни одинъ французъ за границу; французы еще осыпаютъ ядрами наши твердыни, а въ нашихъ столицахъ идутъ во всеуслышаніе французскіе спектакли. Таково же и сердце солдата на самомъ полѣ бит-

вы: еще часъ назадъ онъ рѣзался не на жизнь, а на смерть, но вотъ перемиріе,—и онъ пьетъ одну чарку вина съ врагомъ, и ѣстъ одинъ ломоть хлѣба съ нимъ. Опять сердце царское сходится съ сердцемъ солдата и оба звучатъ однимъ и тѣмъ же тономъ. Съ другой стороны у насъ нѣтъ и тѣхъ дикихъ оргій отъ побѣдъ, того упоенія отъ лавровъ военныхъ, въ какихъ такъ неумѣренны французы. У насъ нѣтъ ни одного бульвара ни парижскато, ни монмартрскаго, у насъ нѣтъ ни одного герцога Кассанскаго, у насъ нѣтъ ни одной тріумфальной арки Березинской, и мы оставляемъ безъ мести и безъ отвѣта и севастопольскіе бульвары, и герцоговъ de-Moscowa и аустерлицкія арки. Это обоюдно спокойное отношеніе къ войнѣ есть одинъ изъ новыхъ шансовъ народа завоевательнаго: кто такъ потребляется войной какъ французъ, кто истощается побѣдой почти также какъ пораженіемъ, тому воевать долго нельзя, и тотъ не можетъ завоевывать продолжительно и не оскорбляя. А между тѣмъ у насъ нѣтъ также и того полнаго хладнокровія въ бою, какое есть у англичанъ и у нѣмцевъ, и какое отрицаетъ всякій энтузіазмъ, чѣмъ и дѣлаетъ изъ себя отличное средство оборонительное, но не наступательное. Если Наполеонъ I говорилъ о нашемъ солдатѣ, что его мало убить, но надо еще и столкнуть, чтобъ онъ упалъ, т. е. если съ французской точки зрѣнія мы слишкомъ стойки, то съ англійской, по свидѣтельству Тэна, слишкомъ пылки, ибо неудачу нашу подъ Инкерманомъ англичане приписываютъ именно нашей впечатлительности. Оба качества, и оборонительное, и наступательное, у насъ, слѣдовательно, въ равновѣсіи, какъ и подобаетъ завоевателю. А вмѣстѣ съ этимъ въ равновѣсіи и ощущеніе отъ побѣдъ и отъ пораженій. При такой вполнѣ судебной формѣ нашей войны, также безъ рукоплесканій, какъ и безъ скрежета, сущность нашей войны, какъ и всякой, постоянно была также судебная. Не повторяя тѣхъ этому доказательствъ, которыя вошли въ текстъ, мы припомнимъ только наши побѣды надъ турками и въ Азіи и наше пораженіе въ Крыму. Что касается пер-

выхъ, то здѣсь никто, конечно, не станетъ спорить о побѣдѣ цивилизаціей, а не силой, потому, что если вторая была по большей части также на нашей сторонѣ, то были и такіе опыты, какъ побѣда при Кагулѣ, гдѣ 150.000 турокъ были побѣждены 17.000 русскихъ, или какъ на Прутѣ, гдѣ побѣдитель, уже торжествовавшій свою побѣду, былъ пораженъ своей подкупностью, а побѣжденный, уже собиравшійся попасть въ плѣнъ, побѣдилъ своей недоступностью отчаянію. Что же касается крымскаго пораженія, то это еще болѣе явный знакъ международной справедливости и правосудія. Тутъ, напротивъ, всѣ физическія преимущества были на нашей сторонѣ: мы были у себя дома, мы могли употребить въ дѣло какія угодно численныя силы; резервуаръ ихъ былъ у насъ подъ бокомъ; и тѣмъ не менѣе все-таки мы оказались слабѣе даже численно, благодаря нашему голоду, нашему мору и болѣзнямъ, нашимъ путямъ сообщенія, нашему интендантству, нашей тактикѣ, нашему вооруженію, словомъ нашей степени цивилизаціи въ сравненіи съ англо-французскою. Тому, кто любитъ воображать, что побѣда есть дочь лишь физической силы и что война есть только игра случая, довольно было бы не забывать хотя этотъ одинъ послѣдній урокъ, данный намъ самимъ исторіею. 1.000.000 войска + 240.000 безсрочно отпускныхъ + 812.888 рекрутъ + 370.000 ополченцевъ = 2.559.870, т. е. превосходили всѣ арміи Ксерксовъ, Аттилъ и Чингисхановъ, превосходили не только всѣ выставленныя противъ насъ, но и всѣ остававшіеся дома силы всѣхъ враговъ нашихъ, а именно: 404.500 турокъ + 547.500 французовъ + 147.000 англичанъ + 47.524 сардинца, итого 1.146.524. И что же изъ этого превосходства вышло?... Впрочемъ эта частная истина, какъ ни мало она вяжется съ ходячими теоріями войны, но, повидимому, на столько общепризнана, что настаивать на ней не за чѣмъ. Гораздо болѣе зоветъ наше вниманіе военное будущее наше, и тѣ испытанія міровой справедливости, какія предстоятъ намъ впереди. Съ Франціей наша всемірная тяжба отнынѣ окончена; если

очередь предстоитъ, то только для другой, еще болѣе опасной и роковой, потому что сопряженной съ самымъ назначеніемъ нашимъ, тяжбы съ преемницей Франціи. Германія рано или поздно, но выйдетъ помѣряться съ нами. Конечный исходъ этого измѣренія можетъ насъ не тревожить: за это ручается намъ вся теорія соціальной жизни и смерти, теорія прогресса и регресса, также какъ Германіи ручались онѣ за побѣду надъ Франціей. Но до тѣхъ поръ, пока шансы прогресса и цивилизаціи не уравнены, до тѣхъ поръ пока будутъ идти промежуточныя перипетіи борьбы, чѣмъ обезпечены мы до тѣхъ поръ? Изъ трехъ элементарныхъ условій побѣды (физіологическаго, экономическаго и политическаго) за нами есть только одно, — превосходство численности, массы, физической силы. Конечно, превосходство это такъ велико, что оно есть уже нѣчто, но все-таки далеко не все, тѣмъ болѣе что другое несомнѣнное превосходство есть и за противникомъ, а именно превосходство въ богатствѣ и въ цивилизаціи. Мало того, мы недавно и на себѣ, и на другихъ видѣли, что и самая масса можетъ оказаться связанной силой, пока она не освобождена цивилизаціей, какъ было съ нами въ восточной войнѣ; а съ другой стороны и самый недостатокъ природной физической силы можетъ быть пріумноженъ путемъ искуства политическаго, какъ это случилось съ Германіей. И такъ, до тѣхъ поръ пока мы не уравняемся экономически и политически съ Германіей, до тѣхъ поръ одна масса наша есть еще плохой шансъ на успѣхъ. Правда, путемъ того же искуства умноженія массы, которому научила теперь Германія, мы можемъ все-таки закрѣпить за собой по крайней-мѣрѣ превосходство физическое, сколько бы ни напрягалась для него Германія. Если она имѣетъ средство извлечь изъ своего населенія maximum физическихъ силъ, то это могло быть выгодой ея только противъ Франціи, которая тогда еще не умѣла того же сдѣлать, но не есть болѣе выгодой предъ нами, которые и сами съумѣемъ теперь сдѣлать тоже. А нашъ maximum будетъ во всякомъ случаѣ больше

германскаго. Предположить же и другое столь же капитальное и въ скоромъ времени изобрѣтеніе для той же цѣли—не возможно. А потому одно изъ элементарныхъ условій все-таки остается за нами. Правда, это есть только шансъ невозможности полной исторической побѣды надъ нами, шансъ невозможности пораженія безусловнаго, деградирующаго, такого какъ пораженіе Франціи. А гдѣ же шансы равенства тяжбы, невозможности ни побѣды, ни пораженія, и, что еще важнѣе, гдѣ шансы побѣды? Они есть; и это, во-первыхъ, умноженіе и самаго превосходства нашего физическаго — путемъ союзовъ, а во-вторыхъ переводъ на нашу сторону если не общаго превосходства экономическаго и политическаго, то по крайней-мѣрѣ того или другого частнаго, если не на всегда, то по крайней-мѣрѣ на время самой борьбы, если не естественно, то по крайней-мѣрѣ искуственно. Каждый нашъ частный шагъ въ томъ или другомъ производствѣ экономическомъ, каждый нашъ шагъ въ цивилизаціи ли, въ культурѣ ли, въ гражданственности ли, всякій изъ этихъ скрупуловъ будетъ все новой и новой тяжестью на нашей чашкѣ вѣсовъ, которая тѣмъ скорѣе можетъ уравновѣситься, что она, по состоянію нашихъ стадій, наполняется этими скрупулами быстрѣе чѣмъ германская. Такимъ образомъ въ наполненіи этомъ есть, наконецъ, минута, когда, и безъ общаго превосходства или равенства въ экономіи и въ политикѣ, вѣсы, наконецъ, могутъ дрогнуть и начать перетягивать къ намъ. Каковы же изъ всѣхъ этихъ скрупуловъ ближайшіе къ намъ, такіе, за которыми раньше всего мы могли бы протянуть руку, и присоединить ихъ къ нашей массѣ? Во-первыхъ, какъ сказано, это—союзы. Союзъ есть, конечно, вещь временная и болѣе или менѣе случайная; но временность здѣсь не мѣшаетъ, а случайность можно себѣ подчинить, какъ подчинила ее Германія въ борьбѣ своей съ Франціею. Стоитъ только постоянно имѣть въ виду, что намъ нуженъ будетъ союзникъ, стоитъ только не допускать изолировать себя въ Европѣ, стоитъ только не плевать въ колодезь, зная, что онъ

пригодится воды напиться, — и союзникъ всегда найдется, и всегда по крайней мѣрѣ сдержитъ противнаго союзника въ нейтралитетѣ, если не самъ пойдетъ драться вмѣстѣ съ нами. Впрочемъ, дѣло въ томъ, что кромѣ этого союзника временнаго, для одной лишь минуты борьбы, есть у насъ одинъ, нѣсколько болѣе постоянный; кромѣ случайнаго есть у насъ необходимый, и при томъ именно для такой борьбы какъ борьба съ германскою расою: это, безъ сомнѣнія, славяне австрійскіе. И такъ масса наша, численность, во всякомъ случаѣ, тѣмъ или другимъ способомъ, но обезпечена для предстоящей борьбы. Остаются теперь ближайшіе къ намъ скрупулы экономіи и политики. Самый достижимый и самый легкій изъ нихъ, хотя, можетъ бытъ, и искуственный, а не естественный, состоитъ въ томъ, чтобы избѣжать во чтобы то ни стало отвѣтственности за столкновеніе. Нужно во чтобы то ни стало вести себя такъ, чтобъ нравственно виновною за разрывъ была Германія, а не мы, и при томъ была, а не казалась. Что значило и для Европы, и для самой Пруссіи наглое поведеніе Наполеона и Бенедетти, этого, вѣроятно, никто еще не забылъ, какъ незабвенно для насъ и наше собственное положеніе въ отношеніи Наполеона I. Сохранить же намъ себя въ положеніи правоты нашей предъ Германіей тѣмъ легче, что ей невозможно до сихъ поръ упрекнуть насъ ни въ чемъ: мы не только не завидовали, не мѣшали ея возвышенію, какъ это дѣлаютъ всѣ сосѣди, мы помогали ему вовсе недвусмысленно. И это счастливое положеніе наше засвидѣтельствовано предъ лицомъ всего міра самимъ представителемъ германской расы, въ его признательной телеграммѣ къ представителю расы славянской. Соединеніе нѣмецкой семьи насъ не тревожило, не возбуждало нашего протеста; посмотримъ же, воздастъ ли она намъ равнымъ за равное. Этимъ она могла бы отнять у насъ самый поводъ для всемірнаго владычества нашего; но она, судя по всему, не въ состояніи будетъ этого сдѣлать, и будетъ увлечена своимъ рокомъ. Такимъ образомъ этотъ авансъ гражданствен-

ности, хотя бы то на день только борьбы, но къ намъ такъ близокъ, что стоитъ только протянуть къ нему руку, чтобы взять его. А этотъ авансъ вдругъ переводитъ на нашу сторону общественное мнѣніе Европы, нравственную поддержку ея, популярность войны, солидарность населенія съ войскомъ и всѣ выгоды единодушія, одушевленія и сознанія своего права и долга. Такіе же частные авансы можно найти и культурнаго, и даже цивилизаціоннаго свойства. Отдаленнѣе всего отъ насъ возможность перевѣса надъ нѣмцами просвѣщенностью нашихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, потому что это было бы равнозначительно перевѣсу просвѣщенности всего общества; но если невозможно вскорости тягаться намъ этимъ путемъ, то возможно отчасти вознаградить его инымъ, хотя бы то опять искуственнымъ, и опять временнымъ. Если нельзя взять мытьемъ, надо попробовать взять катаньемъ. Такъ напримѣръ, если мы не можемъ ввести въ нашу армію вдругъ знаніе, то мы можемъ вдругъ ввести въ нее довѣріе, и этимъ избыткомъ нравственнымъ уравновѣсить недостатокъ умственный, культурою восполнить цивилизацію. Такимъ введеніемъ взаимнаго довѣрія было бы, напримѣръ, распредѣленіе начальствованія и управленія въ арміи по выборамъ, а не по назначенію. Пусть солдаты изберутъ своихъ офицеровъ, оберъ-офицеры своихъ штабъ-офицеровъ, штабъ-офицеры своихъ генераловъ, — и на сторону такой арміи вдругъ перевалится невиданное ни въ какой арміи превосходство, потому что превосходство самоподчиненія нравственнаго вмѣсто подчиненія оффиціальнаго, превосходство довѣрія сердечнаго вмѣсто одного довѣрія дисциплинарнаго. Извѣстно, къ какимъ чудесамъ способенъ солдатъ нашъ въ виду любимаго имъ и довѣреннаго у него начальника. Эта іерархія можетъ сообщить войску такую силу единства, такую силу взаимности, такую силу цѣлаго, которая смѣло можетъ спорить съ умственнымъ превосходствомъ частей у противника. Нигдѣ такъ не нужно братство какъ на полѣ битвы, никакое братство не можетъ быть такъ крѣпко, какъ кро-

вавое братство по оружію. И нигдѣ, напротивъ, взаимное недовѣріе и отчужденность, подчиненіе изъ одного страха и принужденія, покорность изъ одного чувства долга, нигдѣ онѣ не могутъ быть такими парализующими, такими роковыми какъ на войнѣ. Въ какой-нибудь казенной палатѣ, въ администраціи гражданской, еще не большая бѣда, если между подчиненными и начальствующими нѣтъ нравственной солидарности, потому что ихъ дѣйствія разсчитаны на долго, а не на быстротечную минуту, да и потому, что тамъ этому антагонизму есть время выясниться и обнаружиться, есть время и мѣсто его изслѣдовать, услѣдить и устранить. Но какъ услѣдить и устранить этотъ антагонизмъ въ походѣ, на бивуакѣ, въ пылу сраженія? какъ преслѣдовать антагонизмъ глухой, исполнительность вялую, недовѣрчивую, покорность пассивную, неодушевленную, содѣйствіе безъ вѣры и безъ раздѣленія? А эти неуслѣдимыя порознь, микроскопическія затравки составляютъ, когда онѣ сложены вмѣстѣ, громадную силу инертности; вмѣсто столькихъ же связей составляютъ лишь столько же разрывовъ, сколько есть ступеней въ іерархіи; и такимъ способомъ образуютъ въ сложности такой тормозъ, который тѣмъ опаснѣе, чѣмъ онъ неуловимѣе и безотвѣтственнѣе. Выборная іерархія въ войскѣ тѣмъ болѣе могла бы составить наше исключительное превосходство, что ее едва ли когда-либо рѣшился бы осуществить нѣмецкій юнкертумъ и вообще рутинный милитаризмъ запада. Между тѣмъ мы, наоборотъ, въ высшей степени предрасположены къ этой оригинальности, потому что это есть національная особенность наша, это—не что иное какъ нашъ родной славянскій принципъ казачества, граничарства. Принципъ этотъ не разъ и не два уже пробовалъ получить себѣ новое и болѣе разнообразное примѣненіе, чѣмъ одно казачество: онъ пробовалъ его и въ учрежденіи кантонистовъ, и въ военныхъ поселеніяхъ, и въ системѣ безсрочныхъ отпусковъ. И если не всѣ эти пробы были удачны, то это не вина еще принципа; а между тѣмъ всѣ онѣ подтвердили, однакожъ, что самый

принципъ есть для насъ коренной, неотвязный. Принципъ этотъ есть внесеніе въ войну начала гражданскаго; это есть сліяніе общей или гражданской жизни съ частною или военною; это есть отождествленіе войны и мира, приличное и возможное единственно у народа-завоевателя. Наконецъ, какъ ни малы наши шансы на общее превосходство цивилизаціоннаго свойства, но нѣтъ ничего невозможнаго въ частныхъ такого рода превосходствахъ. Если мы не можемъ состязаться теоретическою военною интеллигенціею, то надо попробовать эстетическую или практическую. Пробуя же послѣднюю, мы и увидимъ, что это именно та, которая вполнѣ доступна намъ, потому что это та, которая подготовляетъ союзы, подготовляетъ и предрѣшаетъ соединеніе себѣ и раздѣленіе противнику. Divide et impera — есть единственный вѣчный законъ войны; а всѣ частныя раздѣленія врага на поляхъ битвъ уже предрѣшены, когда есть предварительное общее изолированіе его на поляхъ дипломатіи и политики. Пруссакамъ въ послѣднюю войну очень легко уже было маневрировать, легко и соединять себя, и раздѣлять непріятеля, послѣ того какъ они маневромъ политическимъ соединили себя съ южною Германіею, и какъ такимъ же другимъ маневромъ раздѣлили съ нею, съ Италіею и съ Австріею противника своего. Но у насъ есть союзникъ, съ которымъ насъ трудно раздѣлить нѣмцамъ, тогда какъ у нихъ есть врагъ, съ которымъ намъ легко раздѣлить ихъ еще пуще. И такъ вотъ новый частный авансъ въ нашу пользу. Входя въ область эстетики военной, мы, во-первыхъ, можемъ усвоить, какъ по большей части уже и усвоили, значительную долю формальнаго искуства новой войны съ его скорострѣльнымъ оружіемъ, съ его телеграфными и желѣзно-дорожными парками, съ его митральезами, съ его аэростатами, съ его системою мобилизаціи, дислокаціи, пополненія интерваловъ, и т. д. А во-вторыхъ нѣтъ ничего невозможнаго пополнить это чужое искуство и какимъ-либо собственнымъ, оригинальнымъ изобрѣтеніемъ въ уровень съ нашей наличной цивилизаціей, какъ это и слу-

чилось уже въ изобрѣтеніи навѣсной прицѣльной стрѣльбы по движущимся предметамъ и въ усовершенствованіи скорострѣльныхъ артиллерійскихъ орудій. Но такихъ изобрѣтеній, хотя бы то и очень дробныхъ, возможно не одно и не два, и состояніе цивилизаціи нашей не отрицаетъ уже этихъ скромныхъ самостоятельныхъ шаговъ. Предстоящее же намъ въ будущемъ царствованіи движеніе интеллигенціи, и именно знанія общественнаго, обѣщаетъ намъ ихъ и еще больше. Такъ, напримѣръ, если бы было со временемъ признано, что физическій законъ движенія и сопротивленія среды дѣйствительно относится и къ обществу, что на основаніи его и всякое общество построивается, ради удобствъ движенія и разсѣченія среды, клинообразно, то этотъ законъ необходимо было бы испробовать и на построеніи частей войскъ для боя. Въ особенности же эта проба была бы умѣстна при наступленіи въ штыки. Нынѣшнее огнестрѣльное оружіе не допускаетъ, какъ извѣстно, такого дѣйствія этимъ холоднымъ, какъ во времена оны; а между тѣмъ во владѣніи этимъ холоднымъ оружіемъ мы всегда имѣли преимущество, которое теперь отнято у насъ. Поэтому весьма важно было бы для насъ возстановить это преимущество. Возстановить же его иначе нельзя какъ такимъ построеніемъ наступленія, которое наименѣе давало бы простора для дѣйствія огнестрѣльнымъ оружіемъ, и наименѣе подвергало бы ему наступающихъ. Отсюда клинообразное построеніе ихъ, какъ единственно имѣющее такіе шансы, потому что оно принимаетъ на себя наименьшее число посылаемыхъ ударовъ, ибо заключаетъ самую большую массу подъ самой узкой формой; а между тѣмъ будучи узкою во время наступанія, такая масса, развертываясь во время встрѣчи, обращается, напротивъ, въ самую широкую для той же массы линію. Всѣ такіе и подобные частные шаги, всѣ эти скрупулезные авансы, въ сложности своей могутъ, однакожъ, составить весьма почтенную силу, которая, будучи придана къ перевѣсу физическому, можетъ окончательно уравновѣсить общій перевѣсъ цивилизаціи на

противной сторонѣ. Если же мы вспомнимъ, что и коренная, теоретическая интеллигентность въ нашемъ войскѣ не бездѣйствуетъ, что она даже дѣйствуетъ напряженнѣе, чѣмъ общая государственная интеллигентность, по крайней-мѣрѣ что касается военной массы, солдата; если мы вспомнимъ что солдатъ грозитъ у насъ сдѣлаться народнымъ учителемъ, вмѣсто того, чтобъ самому учиться отъ народа, то мы и увидимъ, что наши военные шансы вовсе не такъ слабы, какъ могло показаться съ перваго раза. Наконецъ все это надо заключить тѣмъ движеніемъ экономическимъ, тѣмъ исключительнымъ преобладаніемъ интересовъ богатства, тою горячкою путей сообщенія, среди которой мы живемъ, чтобы видѣть, что и наши экономическія условія побѣды далеко уже не тѣ, что были въ крымскую кампанію. А потому, если бы мы и побѣдили теперь такое общество какъ германское, или по крайней-мѣрѣ не дали бы ему побѣдить себя, то этотъ успѣхъ уже и теперь стяжался бы не одной только физическою силою, а съ прибавкою многихъ и многихъ другихъ и только единственно вслѣдствіе этой прибавки. Заключеніе это тѣмъ вѣрнѣе, что и возможная побѣда, и возможное пораженіе могли бы быть въ ближайшемъ будущемъ лишь частныя и нерѣшительныя; для побѣды же исторической, уничтожающей, такъ же мало у насъ теперь превосходствъ, какъ не много и недостатковъ для такого же историческаго пораженія. — Мы доходимъ теперь до нашего центра всей нашей судебной, какъ внутренней такъ и внѣшней власти, до центра всего нашего правительства, какъ законодательнаго, такъ и административнаго, до центра всего нашего общества, какъ интеллигентнаго, такъ и гражданственнаго, словомъ, до нашей верховной власти. Въ ней должны концентрироваться всѣ предыдущія характеристики народныя, если только онѣ выведены вѣрно, и концентрироваться тѣмъ нагляднѣе, чѣмъ онѣ существеннѣе и вѣрнѣе. Характеристика нашихъ судебныхъ инстинктовъ, т. е. стремленіе ихъ къ ослабленію вмѣненія, блистательно выразилась личной въ этихъ случаяхъ

инициативой нашихъ государей, начиная отъ самой Елисаветы, продолжая Петромъ III, какъ освободителемъ дворянства отъ тѣлесныхъ наказаній, и оканчивая Александромъ I, какъ освободителемъ насъ отъ пытки. Что же касается особы нынѣ царствующаго государя императора, то инстинкты эти слишкомъ въ ней общепризнаны чтобъ ихъ доказывать. Довольно только вспомнить, что они изъ внутренней политики, снявшей кнутъ и клеймо, проникли въ самую внѣшнюю политику, и дали себя почувствовать всей Европѣ въ достопамятной петербургской конвенціи о разрывныхъ снарядахъ, этомъ плодѣ личной инициативы императора. Никого, ни одного государя въ Европѣ, кромѣ русскаго, не возмутило противъ себя это безчеловѣчное и совершенно напрасное международное вмѣненіе, хотя и ни одинъ не рѣшился оставаться равнодушнымъ, когда оно было ему указано. Что же касается вмѣненій внутреннихъ и при томъ особенно тѣхъ, гдѣ эта инициатива всего замѣтнѣе, т. е. по дѣламъ политическимъ, то система этихъ вмѣненій потеряла теперь всю свою прежнюю окраску и весь свой мстительный характеръ. Въ инстинктахъ законодательныхъ опять та же встрѣча мысли царской съ инстинктами народными, доказательство чему, съ одной стороны, упомянутый выше рескриптъ 1865 года, а съ другой — царственныя симпатіи къ внутреннимъ идеаламъ славянофильства. Завоевательная характеристика націи отразилась въ ея государяхъ тою исключительностью военныхъ аттрибутовъ верховной власти, какой мы не находимъ на западѣ, и съ которой мы, вѣроятно, никогда не разстанемся. Но нигдѣ солидарность верховной власти и общества не произнеслась такъ громко, какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и само общество произнеслось явственнѣе: т. е. въ панславизмѣ, въ милитаризмѣ и особенно въ демократизмѣ. Панславизмъ правительственный еще древнѣе чѣмъ народный, панславизмъ практическій, безсознательный гораздо древнѣе теоретическаго, сознательнаго. Онъ начался съ самымъ основаніемъ славяно-финской державы въ Новго-

родѣ. Какъ только заложенъ былъ этотъ первый краеугольный камень будущаго государства, то вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлился и планъ всего фундамента: фундаментъ этотъ долженъ былъ быть славянскій, а не финскій, и раздвиганіе зданія повернулось на югъ, а не на сѣверъ. На югѣ же встрѣчались все только племена славянскія, и такимъ образомъ славизмъ сдѣлался окончательною фундаментальною закваскою общества. А иниціатива этого славизма, больше чѣмъ когда нибудь послѣ, принадлежала исключительно верховной власти Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владиміра, Ярослава. Съ тѣхъ поръ идея эта принимала различныя варьяціи, но тема ея всегда оставалась одна и та же. Когда московскіе князья начали свое собираніе земель, то у нихъ славизмъ явился руссизмомъ и именно руссизмомъ Великой Руси, что и продолжалось до самаго освобожденія отъ ига. И что иниціатива этой идеи принадлежала преимущественнѣе всего личностямъ самихъ великихъ князей, это явно уже изъ того, что никому другому кромѣ нихъ небыли и не могли быть такъ близки къ сердцу всѣ эти ордынскіе выходы, всѣ баскаки, всѣ путешествія въ Орду и всѣ униженія и страданія тамъ. За тѣмъ какъ только Великая Русь собралась въ себя и отъ ярма отряхнулась, начинается новая варьяція славизма, — бѣлоруссизмъ. Въ царствованіе Грознаго, въ междуцарствіе, при первыхъ Романовыхъ тяжба шла ни о чемъ другомъ, какъ именно о Бѣлой Руси; Алексѣй Михайловичъ прибавилъ сюда искъ и о Малой Руси; и когда мы возвратились въ Европу, то царь нашъ былъ уже всея Великія, Бѣлыя и Малыя Россіи самодержецъ. Руссизмъ былъ такимъ образомъ полонъ; теперь могло начаться дѣло такого же полнаго славизма; и оно дѣйствительно началось Екатериной II. Съ одной стороны присоединеніе остальныхъ частей Бѣлой и Малой Руси, успѣвшихъ ополячиться и переименоваться въ Литву, а съ другой, и въ особенности, этотъ знаменитый греческій проэктъ, личный плодъ Екатерины и Потемкина, положили начало новой эрѣ, эрѣ собственно такъ называемаго панславизма. Въ этой сво-

ей формѣ правительственный панславизмъ опять оказался древнѣе общественнаго, который едва ли восходитъ дальше 1812 года и партіи Борисовыхъ, или Общества Соединенныхъ Славянъ. Къ тому же Екатерина не только освятила эту идею въ теоріи, но она также впервые и начала осуществлять ее. Если еще Петръ сталъ разсчитывать на славянъ турецкихъ, если еще Елисавета внесла въ Россію Новую Сербію въ видѣ новороссійскихъ колонистовъ, то Екатерина впервые приступила къ внѣшнимъ инкорпораціямъ славянства, начавши ихъ съ населенія, образующаго переходъ отъ русскихъ славянъ къ польскимъ. Съ тѣхъ поръ инкорпорація герцогства варшавскаго, министерство Каподистріи, аккерманскій трактатъ, созданіе Греціи, Адріанопольскій миръ и т. п. довели дѣло до того, что сама Европа, наконецъ, спохватилась, куда оно идетъ, и сочла долгомъ остановить насъ хоть на время, лишивъ насъ той возможности ежеминутно запускать лапу въ Турцію, какую предоставляли намъ предъидущіе трактаты. А на сколько всѣ они были обязаны личной иниціативѣ монарховъ нашихъ, на сколько они внушены личными симпатіями и повелѣніями Екатерины, Александра I и Николая I, объ этомъ и говорить нечего. Наконецъ, не смотря на неудовольствіе Европы и на только что сдѣланное заявленіе его, съ престола нашего раздались въ 1867 въ Царскомъ Селѣ слова, которыхъ ни одинъ славянинъ не забудетъ. «Привѣтствую васъ, родные славянскіе братья, на родной славянской землѣ!» — вотъ тотъ краткій, но верховный афоризмъ, въ которомъ отразилась вся длинная предъидущая теорія всей нашей народной партіи, и который исторія когда-то запишетъ, какъ первый актъ одной великой исторіи въ Европѣ. Милитаризмъ нашей верховной власти есть только обратная сторона этой медали, необходимое дополненіе ея. Безъ войны невозможно было исполненіе предъидущей задачи; а удачное исполненіе этой задачи не могло не вовлечь за первоначальные предѣлы ея; такимъ образомъ, стремясь постоянно къ панславизму, мы попали на путь паневропеизма, и подорогѣ къ первому захва-

тили уже нѣкоторую часть и второго. Отсюда милитаризмъ верховной власти, который на западѣ чаще и легче дѣлаетъ уступки цивилизму, у насъ не дѣлаетъ и, по всей вѣроятности, не сдѣлаетъ ихъ никогда. Аттрибуты нашей верховной власти суть не только воинскіе, но воинскіе не смотря ни на что, ни даже на полъ монарховъ. Екатерина I, Елисавета, Екатерина II также надѣвали мундиръ какъ и монархи-мущины, также садились на коня, какъ и они, также бывали въ походахъ, какъ и тѣ, также предварительствовали полками. Равно также и исторія нашей войны принадлежитъ всѣмъ безъ исключенія нашимъ государямъ, не смотря на то, были ли они сами полководцами или нѣтъ, имѣли они военные таланты или нѣтъ, и даже не смотря на то, были они мущины или женщины. Постникъ и молчальникъ Ѳедоръ все таки воевалъ и со Шведами, и съ Крымомъ, женщина Софья все таки воевала съ Турціею, женщина Екатерина I все таки была побѣдительницей на Прутѣ, женщина Анна все таки воевала и съ Польшей, и съ Турціей, женщина Елисавета все таки была побѣдительницей и шведовъ, и самаго Фридриха Великаго, императоръ Петръ III все таки собирался воевать съ Даніею, женщина Екатерина II была въ числѣ важнѣйшихъ завоевателей нашихъ, императоръ Павелъ былъ побѣдителемъ надъ самыми французами, а миротворецъ и освободитель Россіи есть, однакожъ, завоеватель Амура и Туркестана; не говоримъ уже о Грозномъ, о Годуновѣ, о Петрѣ, объ Александрѣ I, предводительствовавшихъ лично. Но если паневропеизмъ и милитаризмъ составляютъ тѣло нашей верховной власти, то душу ея составляетъ демократизмъ. Это опять было дѣломъ не личнаго вкуса или произвола правителей, не такого или иного предрасположенія темпераментовъ ихъ, а только результатомъ постояннаго стеченія обстоятельствъ, постоянно направлявшихъ верховную власть, по мимо ея воли и намѣреннаго стремленія, все на одинъ и тотъ же путь. Самое рожденіе верховной нашей власти было первымъ обстоятельствомъ, обусловившимъ необходимость такого результата. Она была у насъ дитятью

призванія, а не побѣды, плодомъ выбора, а не завоеванія; она дана у насъ снизу, а не взята сверху, она предоставлена обществомъ, а не наложена на него, она принята между прочимъ и какъ обязанность, а не только какъ право. «Рѣша сами съ собою: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Изъ этого коренного зерна не могли не развиться и соотвѣтственныя отношенія: отсюда продолженіе всѣхъ прежнихъ нравовъ и обычаевъ народныхъ, отсюда и вѣчевое устройство, т. е. раздѣленіе народомъ законодательной власти съ княземъ, отсюда и значеніе дружины, раздѣлявшей съ нею судъ и правленіе. «Новгородцы изначала, и смольняне, и кіевляне, и полочане, и всѣ власти, какъ на думу, на вѣча сходятся, — и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ». Однажды же завевшись, эти отношенія, безъ сильныхъ благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ, выводятся съ трудомъ, и потому ни одно важное предпріятіе въ обществѣ не можетъ быть княжескимъ, пока оно не народно. Ольга склоняетъ Святослава къ принятію христіанства; «а дружина, отвѣчаетъ онъ, сему смѣятися начнуть.» Святополкъ, по совѣту дружины, обращается за помощью противъ Половцевъ къ Владиміру. Пришедши къ Стугнѣ рѣкѣ князья были разнаго мнѣнія; Владиміръ, стоя по сю сторону рѣки, хотѣлъ міра; но «Кіевляне рѣша: хочемъ ся бити, поступимъ на ону сторону!» — и рѣку перешли. Изъяславъ I также испыталъ народную волю. Когда разбитый Половцами на Альтѣ бѣжалъ онъ въ Кіевъ, «людье кыевстіи створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: дай, княже, оружье и кони, и еще біемся съ ними». Когда же Изъяславъ не послушалъ, его прогнали, и дворъ его разграбили. А что дѣлалось въ самомъ старомъ гнѣздѣ этихъ отношеній, въ Новгородѣ, и до чего дошли онѣ тамъ, — это всякому слишкомъ хорошо извѣстно; выгнаша, выведоша, изгнаша, призваша, посадиша, — въ этомъ вся исторія Новгорода. Опытъ Новгорода показываетъ даже, что демократическая закваска общества была слишкомъ ужъ исключительна и односторонняя, такъ что она

сама изъ себя и создать ничего не могла. Необходима была встрѣча съ другимъ какимъ либо элементомъ, чтобы могло вытти какое-либо прочное химическое соединеніе. И такъ продолжалось до самаго удара монгольскаго. Это послѣднее обстоятельство дѣйствительно оказалось сильно противодѣйствующимъ всѣмъ прежнимъ отношеніямъ, а въ томъ числѣ и отношеніямъ верховной власти и общества. Оно дѣйствительно внесло новыя дрожжи, произвело новое броженіе элементовъ, и тѣмъ перевернуло вверхъ дномъ прежнія отношенія, отнявъ у народа все, и придавъ все верховной власти. Но дѣло въ томъ, что это былъ только новый элементъ, пришедшій въ соединеніе съ старымъ, что старая закваска не могла уже быть истреблена въ конецъ, и что власть, отошедшая отъ народа и перешедшая къ князю, перемѣнила только мѣсто, а не направленіе свое; собравшись отовсюду въ одинъ центръ, она сама въ себѣ, внутри себя, осталась та же, что и была; ставши по формѣ единоличною, осталась по духу народною; словомъ, сдѣлавшись монархическою, осталась тѣмъ не менѣе демократическою. Что это такъ,—лучшій свидѣтель намъ Грозный. Тутъ выработанная подъ ярмомъ власть единоличная впервые явилась свободною, оказавшись при томъ безпредѣльною какъ извнутри такъ и снаружи, независимою какъ отъ народа, такъ и отъ татаръ; и какъ же она высказываетъ себя, какой сама себѣ полагаетъ предѣлъ? Истреблять во чтобы то ни стало бояръ и оберегать отъ нихъ массу народную, посредствомъ людей земскихъ, излюбленныхъ ею! заставить умолкнуть думу боярскую и въ то же время заставить заговорить земскую думу! Такимъ образомъ обоими возможными путями, разъ—отрицательно и посредственно, другой разъ — положительно и непосредственно, свидѣтельствуется дѣйствительный демократическій закалъ власти. Западная монархическая власть, которая интимно солидарна съ аристократіей, солидарна съ ней такъ, что побѣдитъ ли, во время борьбы ихъ, одна или другая, по окончаніи борьбы онѣ снова и тотчасъ лобзаются. Во Франціи королевская власть побѣдила и тотчасъ же по-

томъ и укрѣпила аристократію; въ Англіи аристократія побѣдила, но тотчасъ же за тѣмъ и укрѣпила королевскую власть. Во Германіи ни одна другой не поработила, но за то обѣ остались равны. У насъ же какъ только монархизмъ сложился окончательно, онъ и думать о томъ не думаетъ, чтобы занести руку на демократію и войти для того въ союзъ съ аристократіей; а напротивъ онъ заноситъ обѣ руки на аристократію, и входитъ въ союзъ съ демократіею. И на какую же аристократію? Что, это французскіе феодалы, лигисты, фрондеры? или англійскіе Монфорты, Варвики, Пемброки? Ничуть не бывало; это и безъ того давно уже побѣжденные и колѣнопреклоненные подданные, которые едва смѣютъ шептать промежь себя, что «нынѣ государь нашъ, запершися самъ-третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ». Но и этого одного уже достаточно, чтобы видѣть въ нихъ крамольниковъ, опасныхъ фрондеровъ, и за это одно уже Берсеню надобно отрубить голову. А потомъ, когда они побѣждены еще больше, если только можно быть больше побѣжденной аристократіей, верховная власть наша вовсе не хлопочетъ о томъ, чтобы вновь, но своею только рукою, поднять ее до себя; напротивъ она по прежнему топчетъ ее, уничтожая по-очереди то аристократическое мѣстничество, чтобы никто ничѣмъ предъ царемъ не считался, и всякій служилъ бы тамъ, гдѣ ему царь укажетъ; то право служить или не служить, обращая напротивъ это право въ повинность, и приводя въ зависимость отъ такой новинности сохраненіе и самыхъ привиллегій аристократическихъ; то, наконецъ, всякое право исключительности, отождествляя дворянство со службою, а службу съ дворянствомъ. Не говоримъ уже о томъ неподнятіи до себя, въ какомъ аристократія держалась до Петра III, будучи, на ряду со всякимъ смердомъ, подвержена тѣлесному наказанію и кнуту. Это ли аристократическій или буржуазный монархизмъ? Правда, поднятіе это начало современемъ и у насъ проявляться; оно проявилось въ ограниченіи притока въ дворянство сперва восьмымъ, потомъ пятымъ, а потомъ четвертымъ классомъ табели о рангахъ; но это

едвали было ужъ не поздно, и во всякомъ случаѣ слѣдствій своихъ обнаружить еще не успѣло. Возьмемъ ли мы формы нашего монархизма, онѣ опять намъ покажутъ родство свое; и тотъ же самый Грозный укажетъ его пуще всѣхъ. Самодержавный и могущественный царь, познавши грѣхи своей молодости, задумываетъ въ зрѣломъ возрастѣ публичное покаяніе предъ народомъ. И дѣйствительно, собравши свидѣтелей отъ всѣхъ концовъ земли, онъ выходитъ на лобное мѣсто, кланяется на всѣ четыре стороны, и произноситъ какъ покаяніе такъ и обѣтъ свой быть отнынѣ царемъ правды. Гдѣ, въ какой другой исторіи, вы найдете эту картину на лѣтописяхъ верховной власти? Борисъ Годуновъ, вѣнчаясь на царство, опять ощущаетъ ту же потребность демократическаго завѣта и, по внушенію собственной совѣсти, даетъ никѣмъ не требованную отъ него клятву, что въ царствѣ его не будетъ ни сираго, ни бѣднаго, что и послѣдне рубище раздѣлитъ онъ съ ними. Алексѣй Михайловичъ, послѣ бунта противъ Морозова, обращается вовремя крестнаго хода съ рѣчью къ народу, сожалѣетъ о злоупотребленіяхъ, сдѣланныхъ его именемъ, обѣщаетъ устранить ихъ, и проситъ у народа не требовать только выдачи Морозова, какъ его второго отца и воспитателя. Петръ, при первой вѣсти о Ништатскомъ мирѣ, и прямо изъ церкви, идетъ на площадь къ народу, восходитъ на возвышеніе, держитъ рѣчь, и заключаетъ ее тостомъ за здоровье своего народа. Наконецъ тотъ же самый Петръ простуживается и умираетъ, спасая своими руками солдатъ отъ потопленія. Въ мелкихъ случаяхъ жизни та же вѣрность народу что и въ торжественныхъ. Читая у Кошихина домашніе обычаи царской жизни, эти мылни, эти свадебные обряды, этихъ поѣзжанъ и тысяцкихъ, этотъ дозоръ надъ спальней новобрачныхъ, этотъ осмотръ невѣстиной сорочки, перечитываешъ только то, что жизнь даетъ намъ лицезрѣть и о-сію пору на нашемъ простомъ народѣ. А какъ же возможно было разорваться мыслью съ своимъ народомъ, когда такъ плотна была связь нравовъ, обычаевъ и преданій съ нимъ. Наконецъ во всей по-

литикѣ своей, какъ внутренней такъ и внѣшней, способъ дѣйствія нашей верховной власти всегда былъ скорѣе грубая прямота и откровенность, чѣмъ мягкая хитрость и лицемѣріе. Типы этого способа дѣйствій суть у насъ не Фердинандъ Католикъ, какъ въ Испаніи, не Макіавелли, какъ въ Италіи, не Людовикъ XI, какъ во Франціи, не Фридрихъ Великій, какъ въ Пруссіи, не Меттернихъ, какъ въ Австріи, а только Грозный, Петръ, Павелъ, Николай. Это отличіе наше такъ бросается въ глаза и самимъ иностранцамъ, что они еще не давно имѣли случай окрестить такое прямодушіе весьма счастливымъ терминомъ, а именно нашимъ роднымъ, нашимъ военнымъ и нашимъ демократическимъ терминомъ казачества. Казачество во всѣхъ смыслахъ этого слова дѣйствительно должно представляться Европѣ самой характеристической оригинальностью нашей. Съ своей стороны возобновленіе демократической струи никогда не прекращалось; источникъ для него всегда открывался если не съ одной такъ съ другой стороны; и въ ту самую минуту, какъ онъ, повидимому, готовъ былъ изсякнуть здѣсь, онъ непремѣнно пробуравливался тамъ. Такъ, вслѣдъ за окончательнымъ сформированіемъ единоличной и абсолютной власти, готовой, повидимому, забыть о своемъ происхожденіи, сила обстоятельствъ привела къ тому, чтобы вновь и цѣликомъ возвратить ее, и при томъ нѣсколько разъ, опять въ руки народа и такимъ образомъ и народу, и ей опять напомнить ея демократическое происхожденіе. Вслѣдъ за всемогуществомъ Грознаго династія прекратилась, и верховная власть сдана была снова народу, какъ бы для того чтобы онъ еще разъ призвалъ или не призвалъ ее въ этомъ новомъ ея видѣ. Нѣсколько разъ употребленіе верховной власти было дѣйствительно произведено народомъ: и при избраніи Годунова, и при воцареніи Лжедимитрія, и при возведеніи и низведеніи Шуйскаго, и наконецъ при избраніи Романовыхъ. Если бы въ это время удалось Владиславу наложить свою власть силою, преданіе было бы дѣйствительно прервано, старая закваска была бы дѣйствительно нейтрализована и, вмѣсто во-

зобновленія струи демократической, въ верховную власть нашу влилась бы обильная аристократическая струя. Но этого не случилось, и потому въ Михаилѣ, въ Алексѣѣ, и въ Ѳеодорѣ мы видимъ опять тѣхъ же царей патріархальныхъ, простонародныхъ, демократическихъ, а вмѣстѣ съ ними и то же возобновленіе нравовъ, обычаевъ и преданій, начиная отъ земскихъ соборовъ и боярскихъ думъ и кончая мылнями. Правда, въ этихъ земскихъ соборахъ всѣ рѣчи заключались тѣмъ, что «вѣдаетъ Богъ да государь, а мы, холопи его, на его государево дѣло готовы»; но тѣмъ не менѣе мысль высказывалась откровенно и высказывалась дѣльная мысль. Правда, что и въ боярскихъ думахъ этихъ «иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что многихъ царь жалуетъ не по разуму ихъ, а по породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые и не студерованные"; но тѣмъ не менѣе, какъ продолжаетъ тотъ же Кошихинъ, «сыщется однако и окромѣ ихъ, кому быти на отвѣты разумному». А потому «царь указалъ, бояре приговорили!» сдѣлалось въ это время даже обычною формулою нашего закона. Когда же начался у монархизма разрывъ съ народомъ, когда европеизмъ началъ отрывать верховную власть нашу и нашу аристократію отъ народа по нравамъ, то онъ все таки не могъ оторвать ихъ отъ демократіи вообще по политикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ демократическія побужденія начали приходить къ власти съ другой стороны и въ другомъ видѣ. Во-первыхъ, власть спохватилась, что она совершила надъ народомъ нѣчто такое, чего совершить никогда не имѣла въ мысляхъ: это—случайное и неожиданное порабощеніе его аристократіи, оказавшееся у насъ не началомъ исторіи, какъ вездѣ, а только концомъ ея. Отсюда необходимость новаго покаянія. Какъ московскіе цари спохватились, что изъ-за монголовъ они не замѣтили какъ народъ попалъ въ руки воеводъ и волостителей, а замѣтивъ тотчасъ же спѣшили принести покаяніе, такъ петербургскіе императоры, спохватившись, что изъ-за смутнаго времени они не замѣтили, какъ народъ попалъ въ руки помѣщиковъ,

они тотчасъ же поспѣшили протестовать противъ этого. Петръ впервые съ удивленіемъ замѣтилъ, что людей продаютъ какъ скотъ, и спѣшилъ принять противъ этого мѣры. Анна наряжала коммисію для того чтобы дознаться, какъ и когда произошло закрѣпленіе крестьянъ; и только при ней оно стало сознательнымъ для нашего законодателя фактомъ. Павелъ повторилъ здѣсь исторію Грознаго, и, не щадя аристократіи, онъ первый пощадилъ крестьянъ, ограничивъ хотя въ теоріи ихъ барщину тремя днями. Александръ I приступилъ и къ самому освобожденію, сдѣлавши первый, хотя робкій и слабый опытъ его. Николай I сдѣлалъ другой такой же опытъ въ законѣ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. И наконецъ Александръ II, и при томъ своей личной иниціативой, окончательно развязалъ Гордіевъ узелъ, и окончательно освободилъ власть отъ бременѣвшаго на ней упрека въ исторической ошибкѣ ея. Съ другой стороны, когда верховная власть стала отрываться отъ народа европеизмомъ, демократизмъ возобновлялъ свою обязательность для нея и еще однимъ путемъ, путемъ завоеваній. Какъ нарочно, большинство этихъ завоеваній были таковы, что каждое состояло изъ двухъ племенъ, что каждое племя было тамъ сословіемъ, и что племя и сословіе, составлявшее большинство и низъ, тянетъ къ намъ, а племя и сословіе, составляющее меньшинство и верхъ, тянетъ отъ насъ. Такимъ образомъ политикѣ нашей, ради собственныхъ выгодъ своихъ, постоянно приходится поддерживать демократіи противъ аристократій: финновъ противъ шведовъ, латышей и эстовъ противъ нѣмцевъ, мазуровъ противъ шляхты и пановъ, малороссовъ и крестьянъ противъ поляковъ и помѣщиковъ; т. е. въ завоеванныхъ странахъ приходится дѣлать то же, что и въ природной. Отсюда новое и новое демократическое крещеніе верховной власти. Демократизмъ, слѣдовательно, какъ фениксъ, возрождается у насъ въ тысячѣ видовъ, и, сдавленный съ одной стороны, постоянно возникаетъ и появляется съ другой. Такая только сила событій и производитъ дѣйствительные историческіе факты, дѣйствительныя историческія необходимости.

Наконецъ чтобы сообщить истинѣ поэтическую осязательность и наглядность, прибѣгнемъ къ сравненію въ лицахъ нашей верховной власти съ двумя другими европейскими, романскою и германскою. Для этого намъ надобно избрать три образа, три наиболѣе полныхъ представителя верховной власти романской, германской и славянской. И мы избираемъ за такіе Людовика XIV, Фридриха Вильгельма I и Петра Великаго. Всѣ три были современники, всѣ три были вторичные создатели своихъ государствъ, всѣ три были апогеями мѣстной верховной власти. Въ чемъ же оригинальность каждаго изъ этихъ трехъ типовъ? Одинъ—красивый, прекрасно сложенный, съ гибкимъ и тонкимъ станомъ, съ изящными манерами, щеголеватый, величавый и сладкорѣчивый вельможа. Окруженъ онъ постоянно блестящимъ дворомъ, избранною и утонченною свитою мущинъ и женщинъ, а также толпою писателей, художниковъ и льстецовъ, гдѣ, подъ покровомъ величайшаго приличія и изысканности, лучшее наслажденіе есть разнузданность страстей и нравовъ. Какъ истый вельможа, онъ не только въ женѣ, но и въ наложницѣ требуетъ титуловъ, знатности, блеска, царственности и, если находитъ ихъ, то готовъ раздѣлить съ ними власть, хотя бы для этого нужно было раздѣлить ее съ метрессою, а не женою. Но, уступая власть какъ свѣтскій человѣкъ, онъ неуступитъ ее ни за что въ мірѣ никому другому кромѣ женщины; напротивъ здѣсь ревность его къ власти не знаетъ границъ. На импозантности и обаяніи своемъ онъ помѣшанъ до того, что боится потерять ихъ даже передъ лакеями, и потому никогда не снимаемъ съ себя львиной гривы даже въ присутствіи ихъ; а тѣмъ больше не можетъ онъ сносить при себѣ никакого иного достоинства кромѣ своего. Высшій идеалъ его, поэтому, есть l'état c'est moi, т. е. отождествленіе государства въ государѣ; а высшій идеалъ государя есть въ свою очередь безконтрольность, безотчетность внутри и слава, побѣда во внѣ. Когда же онъ пресыщается и всѣмъ этимъ, и когда начинаетъ оглядываться назадъ и усматриваетъ тамъ грѣховность, то онъ не находитъ ее болѣе ни въ чемъ,

какъ въ пресыщеніи, ничѣмъ какъ сладострастіемъ. И когда хочетъ поэтому покаяться, то онъ не знаетъ иного къ тому средства, какъ завести метрессу покаянія. И вотъ бывшій изящный юноша сходитъ во гробъ старымъ ханжою и лицемѣромъ. Словомъ, это аристократъ, денди, Ловласъ, Донъ-Жуанъ, идущій подъ конецъ въ монахи, но и въ монашествѣ остающійся тѣмъ же аристократомъ и Донъ-Жуаномъ. Другой—толстый, жирный, разъѣвшійся отъ картофеля и гороховаго супа, неуклюжій и неповоротливый, принужденный бросить за тучностью любимую имъ охоту, но во всемъ прочемъ умѣренный и аккуратный бюргеръ. Умѣя наслаждаться только объѣденіемъ, онъ разгоняетъ отъ себя всѣхъ оперныхъ пѣвцевъ, стихотворцевъ, ученыхъ, актеровъ и философовъ своего отца, лишаетъ ихъ назначенныхъ имъ пенсій, распускаетъ изъ экономіи даже прислугу свою, оставляя себѣ на весь дворецъ свой не болѣе пяти лакеевъ. Окружаетъ же онъ себя только такъ называемымъ табачнымъ коллегіемъ своимъ и дымомъ отъ его трубокъ, не выпускаемыхъ изъ зубовъ, тѣшась при этомъ только грубыми, плоскими и тяжелыми шутками нѣмецкаго остроумія. Въ домашней и семейной жизни это вѣрный мужъ и строгій отецъ: не допуская королеву никуда кромѣ кухни, не раздѣляя съ ней царственности нигдѣ кромѣ ложа, здѣсь за то онъ раздѣляетъ ее съ нею одною, никогда не давая ей соперницъ; отъ дочерей же требуетъ такихъ же домашнихъ работъ и трудолюбія, какъ и отъ мѣщанокъ. Человѣкъ безъ самолюбія, онъ, если и окруженъ посредственностью, то вовсе не изъ ревности, а единственно по вкусу къ посредственности. Государство, по идеалу этого короля, не король, а только королевскій сундукъ, большая казна, тяжелая мошна; а идеалъ самого короля есть у него кулакъ, скопидомъ и скряга. Какъ французскій король проводилъ всю жизнь между кабинетомъ, спальней и тронной залою, такъ этотъ проводилъ ее въ столовой, въ табачной лавкѣ и въ кладовой. Грѣховности за собой хотя онъ и не знаетъ, но за то набоженъ искренно, благочестивъ всю жизнь, полонъ ритуала

и суевѣрія отъ начала до конца. Словомъ, это—буржуа, бюргеръ, цѣховой, мѣщанинъ, и притомъ мѣщанинъ мелкій, потому что крупный достался на долю Англіи. Третій—не ладно, можетъ быть, скроенъ, но прочно сшитъ: это—великорослый, крѣпкій, мускулистый, атлетической силы и съ мозолями на рукахъ мужчина. Тщетно зовущій къ себѣ и философовъ, и ученыхъ, и художниковъ, онъ въ ожиданіи ихъ окруженъ постоянно матросами, техниками, спеціалистами, какъ рабочій человѣкъ, и, какъ рабочій же человѣкъ, играющій съ ними въ шашки и дѣлящій кутежи и попойки. Что для одного была женщина, сладострастіе, что для другого картофель, сластолюбіе, то для этого вино, пьянство. Между женою и метрессою онъ не разбираетъ, и не только отъ второй, но и отъ первой не требуетъ много; напротивъ онъ дѣлаетъ женою метрессу, сдѣлавши метрессою горничную. Но за то онъ готовъ допустить ее не только къ вліянію, къ власти, но и къ самому престолу, если замѣчаетъ въ ней тактъ; и онъ дѣйствительно коронуетъ ее, замѣтивъ его. Что же касается метрессъ и ихъ для него значенія, то онъ только отсѣкаетъ имъ въ случаѣ надобности головы и разсказываетъ на нихъ анатомію зрителямъ, послѣ чего, поцаловавъ эту мертвую голову, бросаетъ ее на полъ. Въ семьѣ своей ему нужны полезные слуги отечеству, и, если онъ не находитъ этого въ сынѣ, то онъ казнитъ и его. Изъ окружающихъ онъ не ревнуетъ никого; напротивъ онъ страстно отыскиваетъ достоинство, дарованіе, способность, и если находитъ ихъ, то не только раздѣляетъ съ ними власть, но даже прощаетъ имъ воровство, ложь и разрываніе указовъ его; онъ не боится приближать къ себѣ никакого ума, потому что и самъ не есть посредственность, какъ нѣмецкій собратъ, и даже не талантъ, какъ французскій. Государственный идеалъ его также не похожъ ни на тотъ, ни на другой изъ предъидущихъ. Какъ отождествленіе государства съ государемъ, такъ и отождествленіи его съ казною ему на столько противны, что онъ чувствуетъ даже потребность наглядно ихъ раздѣлить. И дѣйствительно, за невозможностью никакого иного изображенія, государство онъ представляетъ въ князѣ-кесарѣ,

а государя — въ капитанѣ преображенскаго полка. Ему не только не нужна безотчетность, но напротивъ ему необходимо хоть кому нибудь дать отчетъ, потому что ему есть въ чемъ дать отчетъ. Государство, говоритъ этотъ типъ, это повелитель мой; я, говоритъ онъ, это первый слуга его. Не слава и не обогащеніе плѣняетъ этотъ родъ власти, а только трудъ, работа, обученье. Сообразно съ этимъ и вся жизнь такой власти проходитъ не въ спальнѣ и не въ кладовой, а постоянно на открытомъ воздухѣ, на верфи, въ кузницѣ, за токарнымъ станкомъ, въ дорогѣ, на работѣ. За нею некогда ей и подумать ни о грѣхахъ своихъ, ни о покаяніи, и потому вопросъ этотъ въ Лондонѣ она считаетъ не ея дѣломъ. Словомъ, это—простолюдинъ, плотникъ, кузнецъ, матросъ и, во всякомъ случаѣ, чернорабочій, а подъ часъ даже собственноручный палачъ надъ стрѣльцами. Много блага и много зла въ каждомъ изъ этихъ трехъ образовъ; но трудно не признать, что и благо, и зло каждаго изъ нихъ въ высшей степени однородны. Болѣе демократическаго монарха, чѣмъ Петръ Великій, во всемъ и дурномъ, и хорошемъ смыслѣ этого слова, исторія, безъ сомнѣнія, не представляетъ. Онъ на столько былъ и есть отрицаніемъ монархическаго преданія, что ни современнымъ ему, ни потомственнымъ для него западомъ онъ быть понятъ не могъ и не можетъ, а прослылъ для него, какъ слыветъ и до сихъ поръ, только ничѣмъ неосмысленнымъ образомъ дикаря, варвара, чудака, оригинала. Но мы, русскіе, послѣ такого воплощенія верховной власти и, слѣдовательно, всего общества, мы можемъ и осмыслить это явленіе, и понять его на столько, что всякая дальнѣйшая аргументація нашего демократизма становится излишнею. Удивительно ли, что съ именемъ Петра связалась легенда, которая еще болѣе находитъ вѣры у иностранцевъ чѣмъ у насъ, легенда о политическомъ его завѣщаніи; и что легенда эта обращаетъ нашъ идеалъ къ панславизму, къ милитаризму и къ всемірному владычеству, отождествляя такимъ образомъ съ Петромъ всю будущую Россію.— Обращаясь къ третьей власти, къ правительственной въ

тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. къ администраціи, мы увидимъ слѣдующую характеристику ея у насъ. Административная власть и вообще отличается отъ судебной и законодательной тѣмъ, что не имѣетъ ни коллективности первой, ни обрядности и обезпеченія формами второй: она и вобще единолична и непосредственна; — отсюда не коллегіальность и не процессуальность, а бюрократизмъ. Но нашъ бюрократизмъ усвоилъ себѣ произвольность и непосредственность больше всякаго другого. Причина этому есть та, что онъ почерпаетъ такую струю дважды. Роль бюрократіи состоитъ, какъ извѣстно, въ безпрестанномъ посредничествѣ между обществомъ, съ одной стороны, и судомъ и законодательствомъ, съ другой. Отъ общества же, гдѣ на днѣ лежитъ такая произвольность власти, какъ въ крестьянской семьѣ, этомъ грунтѣ всѣхъ общественныхъ построеній, бюрократія не можетъ почерпать никакихъ иныхъ замашекъ какъ замашки произвола; въ свою очередь и отъ автократіи законодательной и судебной она не можетъ заимствовать также ничего кромѣ автократизма или самовластности. Отсюда двойное ея крещеніе въ произвольность. Упреки въ этомъ отношеніи и отнесеніе послѣдствія только ко второй причинѣ, а не къ первой, смѣшны, какъ и всякій односторонній, партіозный, ненаучный анализъ. Какъ требовать отъ русла, что бы оно не несло водъ источника своего къ устью? какъ требовать отъ моря, чтобы оно не возвращало водъ своихъ, путемъ облаковъ и дождей, въ источникъ? Это круговая порука, за которую порицать море, не порицая источника, или наоборотъ, равно нелѣпо. Если вы говорите, что составъ текучей воды измѣняется однимъ путемъ, то я утверждаю, что онъ еще непосредственнѣе измѣняется другимъ. И такъ леченіе состоитъ не только тамъ, гдѣ вы его полагаете, но еще болѣе тамъ, гдѣ полагаю его я, и гдѣ измѣнять составъ теченія гораздо болѣе въ вашей власти, чѣмъ измѣнять тамъ, гдѣ измѣненія вамъ хотѣлось бы. Учитесь, воспитывайте и перевоспитывайте себя, совершенствуйте и исправляйте ваши собственные нра-

вы и замашки, — и тогда администрація станетъ отъ васъ заражаться, станетъ относить эту струю къ законодательной и судебной власти: а эти послѣднія станутъ возвращать ее, чрезъ ту же администрацію, въ общество, и такимъ путемъ она окажется инкорпорируемою вдвойнѣ, хотя вы думали инкорпорировать ее только однажды. Самовоспитаніе, самообразованіе, этотъ индивидуальный методъ реформъ, методъ инкорпорацій и экскорпорацій, находящійся въ нашемъ непосредственномъ завѣдываніи, есть единственный для частнаго лица способъ быть реформаторомъ общества и реорганизировать его самымъ радикальнымъ образомъ. Но здѣсь кончается уже анализъ правительства и культуры нашей, и мы нечувствительно вступаемъ изъ него въ анализъ гражданства и гражданственности.

Разсматривая въ нихъ прежде всего нравы наши, мы, какъ выше замѣчено, должны будемъ поразиться господствомъ произвола въ самыхъ основныхъ, т. е. крестьянскихъ рядахъ общества, и въ самыхъ элементарныхъ, т. е. въ семейныхъ зернахъ его. Неограниченность власти отца надъ сыномъ, мужа надъ женою, брата надъ сестрою, взрослаго надъ ребенкомъ, мущины надъ женщиною, т. е. всего физически сильнѣйшаго надъ всѣмъ физически слабѣйшимъ, есть та тѣневая сторона нашей демократіи, которая изъ привлекательной дѣлаетъ ее отвратительною и возмущающею. Изъ элемента, готовящагося наслѣдовать царящему нынѣ въ Европѣ буржуазному порядку, демократія наша обращается этимъ путемъ въ элементъ, предшествовавшій даже царившему въ Европѣ феодальному порядку, потому что возвращаетъ насъ дѣйствительно ко временамъ первобытнымъ, ко временамъ, гдѣ никакая другая сила, ни даже сила крови и аристократизма, не оспариваетъ еще первенства у простой кулачной силы. А съ другой стороны духъ произвольности въ массѣ, въ демократіи, не можетъ не разноситься и по всѣмъ инымъ ярусамъ общества. Администрація, этотъ ткацкій челнокъ, снующій постоянно между однимъ концомъ станка и дру-

гимъ, относитъ изъ стороны въ сторону все, что находитъ на той или на другой. Отсюда изъ демократіи произвольность заносится и въ судъ, и въ законодательство, а изъ нихъ и въ самую интеллигенцію. Но въ интеллигенціи есть обильный источникъ самоисправленія, это — самосознаніе. Въ правительствѣ же такой источникъ слабѣе; а въ гражданствѣ онъ и совсѣмъ исчезаетъ. Правда, интеллигенція въ свою очередь способна возбуждать токъ обратный, отъ своего конца, и достигать въ концѣ нравовъ. И въ этомъ-то и состоитъ вся та заслуга нынѣшней беллетристики и публицистики, какой мы не находили въ ней съ точки зрѣнія новаторства и талантовъ, и какую мы возвѣщали въ другомъ отношеніи. Дѣйствительно, это пережевываніе задовъ, совсѣмъ ненужное для самой интеллигенціи, получаетъ величайшее значеніе для правительства и для гражданства. Эта дробная обличительная литература проноситъ продукты прежней интеллигенціи изъ общихъ путей во всю сѣтку мелкихъ и тонкихъ каналовъ, и такимъ образомъ способствуетъ питанію всего тѣла. Какъ Кантеміръ, Фонъ-Визинъ и Грибоѣдовъ несли его въ аристократію, такъ теперешняя сатира несетъ его дальше. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, до настоящей минуты это питаніе донесено только до канала администраціи и до канала средняго гражданства, т. е. до купечества. Отсюда съ одной стороны Щедринъ, долбящій администрацію и ея произвольность, а съ другой Островскій, долбящій купечество и его самодурство. Низшее же гражданство, пьедесталъ пирамиды, океанъ произвола, все-таки внѣ долбленія и до сихъ поръ. Если умственными сторонами своими демократія наша заноситъ насъ далеко въ будущее, то нравственными и до сихъ поръ относитъ все еще далеко въ прошедшее, отбрасываетъ назадъ, къ самому игу монгольскому. Мы не имѣемъ права думать, что дѣйствительно первобытные нравы нашихъ предковъ славянъ, современные основанію государства, были такъ дико-грубы какъ нынѣшніе крестьянскіе нравы, потому что лѣтописцы представляютъ славянъ нашихъ мирными и

кроткими. Мы не имѣемъ также права думать, что ни христіанство, ни вѣчевая жизнь не способствовали къ еще большему умягченію этихъ нравовъ. Но мы имѣемъ полное право предположить, что это есть грозный даръ и погибельное наслѣдіе монголовъ, даръ и наслѣдіе одной лишь вторичной прививки нравовъ, а не первичной. Кнутъ, правежъ, смертная казнь, пытки, произволъ баскаковъ, и установленное вслѣдъ за тѣмъ крѣпостное право не могли оставить по себѣ ничего иного, какъ только то, что мы теперь и видимъ въ крестьянской семьѣ. У высшихъ классовъ, гдѣ экскорпорація нравовъ оперируется легче, наслѣдіе это, эта теорія Домостроя, хотя съ трудомъ, но уступила уже давленію европейскому, и уступаетъ все болѣе и болѣе ежеминутно, такъ что надо по крайней-мѣрѣ скоблить прививное наслоеніе, чтобы открыть подъ нимъ унаслѣдованное. Въ низшихъ же классахъ, гдѣ неподвижность сильнѣе чѣмъ въ высшихъ и среднихъ, и именно въ нравахъ этихъ классовъ, гдѣ удѣльная плотность гуще чѣмъ въ правахъ и идеяхъ, наслѣдственность эта стоитъ на-голо, обнаженная до всего своего безобразія, и такъ что и скоблить ее не зачѣмъ, потому что надъ нею нѣтъ еще никакой плёнки, привитой изъ иной матеріи, чѣмъ монгольская, татарская и крѣпостная. Да до прививанія этого недоходило еще и дѣло. Петръ Великій долженъ былъ на первомъ же шагу отъ этого отступиться и ограничиться высшимъ классомъ; а съ тѣхъ поръ и до нашего времени такая прививка оставалась невозможною безъ предварительной экскорпораціи крѣпостнаго права. Только со времени эманципаціи и первой попытки разсредоточенія богатствъ и только со времени мирового суда возможно стало начало долбленія этой окаменѣлой массы каплями новой живой воды. Долгій и трудный это процессъ, особенно при той нерѣшительности, съ какою это долбленіе допускается, при той сдержанности въ допущеніи воскресныхъ и народныхъ школъ, какая ощущается такъ замѣтно, при той поддержкѣ и покровительствѣ старыхъ нравовъ, какое совершается посредствомъ возведенія ихъ въ семейный законъ и посредствомъ устраненія

ихъ отъ подсудности новымъ судамъ; но путь, тѣмъ не менѣе, открытъ, первый шагъ все-таки сдѣланъ, и всѣ остальные, такъ или иначе, по волѣ или по неволѣ, рано или поздно, но послѣдуютъ. И нѣтъ нынче ни для правительства, ни для общества высшей и безотлагательнѣйшей задачи, нѣтъ никакой болѣе великой и достойной реформы, какъ это медленное, неказистое и невидное долбленіе крестьянскихъ умовъ, сердецъ и дѣяній. Вотъ куда должно уйти все будущее царствованіе въ дѣлѣ внутренней политики своей. Пользуясь тѣмъ счастливымъ обстоятельствомъ, что умственныя способности массы далеко не заглохли, надо теперь вызвать путемъ уцѣлѣвшаго ума заглохнувшія способности чувствъ и воли. Школа, школа и школа—вотъ одинъ завѣтъ, который долженъ сдѣлаться нашимъ всеобщимъ кошмаромъ, нашимъ: caeterum censeo, Carthaginem delendam esse. Семейные нравы нашего гражданства—это дѣйствительный нашъ Карѳагенъ, это нашъ злѣйшій врагъ и опаснѣйшій непріятель, гораздо злѣе чѣмъ сама Германія, гораздо опаснѣе чѣмъ весь романизмъ и германизмъ, соединенные вмѣстѣ. Только уплотненіе семейныхъ нравовъ нашего гражданства въ состояніи насъ побороть не на жизнь, а на смерть; и наоборотъ, только побѣдивъ Карѳагенъ свой, мы можемъ ничего болѣе не бояться, и можемъ побѣдить потомъ все. Довольно пока съ насъ и нашей цивилизаціи, довольно съ насъ и культуры нашей; и только одного — гражданственности, гражданственности намъ нужно! А потому, не дожидаясь, пока на нравы гражданства подѣйствуетъ умъ его, необходимо употребить и другой, и третій токъ, и всѣ, какіе найдутся въ нашемъ распоряженіи. Такъ напримѣръ кромѣ тока интеллигентнаго можно пустить еще токъ правительственный и имъ подѣйствовать на нравы непосредственнѣе, чѣмъ дѣйствуетъ тотъ: такимъ токомъ можетъ напримѣръ быть вливаніе новыхъ взглядовъ въ крестьянскую среду посредствомъ мирового суда и мирового кодекса вмѣсто сельскаго. Правда, и мировой кодексъ не очень еще охраняетъ жену отъ мужа, сына отъ отца, ребенка отъ

взрослаго, но онъ охраняетъ по крайней-мѣрѣ сестру отъ брата, женщину отъ мужчины, слабаго отъ сильнаго. Когда подъ этими двумя рычагами, изъ числа политическихъ, непроницаемая до сихъ поръ крестьянская толща дрогнетъ, тогда дрогнетъ вмѣстѣ съ нею и постоянно прибывающая къ ней и отбывающая отъ нея администрація; тогда же, въ другую сторону, дрогнутъ и окаменѣлые обычаи народные. До тѣхъ же поръ нѣтъ ничего инкорпорированнаго въ наше общество такъ глубоко, какъ произволъ, который есть канатная канва всѣхъ нашихъ нравовъ. А вмѣстѣ съ нею, съ этой канвою семейнаго произвола, остаются на столько же инкорпорированными и всѣ роскошно вытканные на ней узоры, цвѣты и краски всей остальной произвольности въ обществѣ. Нравы средняго сословія могутъ еще умягчаться, благодаря его обезъяньей подражательности высшему, какъ нравы высшаго — благодаря подражательности иностранцамъ; нравы интеллигенціи могутъ еще умягчаться вслѣдствіе какъ предъидущей причины такъ и собственной интеллигентности; но нравы большинства, массы, оставленные самимъ себѣ и не подверженные ни дѣйствію подражанія, ни дѣйствію интеллигенціи, ни дѣйствію правительства, останутся навсегда въ томъ варварскомъ отвердѣніи, въ какомъ они пребываютъ теперь, если къ нимъ не поспѣшатъ на помощь искуственныя средства. Третьимъ же изъ такихъ средствъ, и болѣе спеціальнымъ чѣмъ оба предыдущія, есть общеніе интеллигенціи съ демократіей въ самой жизни, въ самыхъ нравахъ. Это средство является тутъ спеціальнымъ потому, что оно и само есть нравы, само есть гражданственность, но только высшая и приходящая въ соприкосновеніе съ низшею. Въ этомъ-то больше всего отношеніи измѣняютъ и себѣ, и своему обществу тѣ по идеямъ демократическія, какъ мужскія, такъ и женскія, силы наши, которыя по нравамъ остаются до сихъ поръ аристократическими. Эта страсть интеллигенціи тянуться во чтобы то ни стало за богатствомъ, тянуться за нимъ и въ туалетѣ, и въ комфортѣ, и въ этикетѣ, и въ

удовольствіяхъ, эта сноббичность, это аристократничанье, простительное буржуазіи, какъ не обладающей лучшими стимулами движенія чѣмъ подражаніе, никакъ не простительны интеллигенціи, какъ долженствующей заключать въ себѣ другой и лучшій для этого стимулъ. Своимъ переломомъ къ аристократіи она не только отрывается отъ той демократіи, изъ которой вышла или къ которой по сущности нашего строя принадлежитъ, но еще отрывается такъ, что перестаетъ даже соприкасаться съ демократіей, какъ соприкасалась бы въ видѣ буржуазіи. Изъ демократіи уносится такимъ образомъ послѣдняя живая струя перерожденія, потому что та буржуазія, которая буржуазіей остается, купечество, есть то же самое подлежащее долбленію торгующее крестьянство. Между большинствомъ и меньшинствомъ образуется, слѣдовательно, пропасть, которую наполнить нечѣмъ, постоянное треніе между ними прекращается, передача движенія сверху внизъ останавливается, и демократія, постоянно отдавая всѣ свои подвижныя силы въ интеллигенцію, постоянно не получаетъ ихъ отъ нея обратно ни въ какомъ видѣ. Интеллигенціи сообщается этимъ величайшая подвижность и сила, у демократіи же отымаются и послѣднія; неподвижная и безъ того, демократія становится еще неподвижнѣе, и своимъ балластомъ все болѣе и болѣе грозитъ затормозить и остановить и самое движеніе меньшинства. Въ такой непроницаемой средѣ, какъ среда крестьянскихъ нашихъ нравовъ, дѣйствительно всякое движеніе, даже и чужое, скоро станетъ невозможнымъ, если среда эта не будетъ разрѣжена. Вотъ что производитъ наше интеллигентное аристократничанье. Въ такомъ случаѣ лучше бы ужъ обратиться интеллигенціи въ болѣе пошлую, но менѣе вредную буржуазію. Между тѣмъ, оставаясь при демократіи, интеллигентный средній классъ нашъ, не только спасъ бы самого себя отъ присущей ему пошлости аристократничанья, и отъ ежеминутно готовыхъ на устахъ его словъ: ваше превосходительство! жена, дѣти, пощадите! но вмѣстѣ съ тѣмъ, снисходя хотя отъ вре-

мени до времени къ демократіи, снисходя къ ней на самой практикѣ, а не въ теоріи только, онъ вносилъ бы сюда новые нравы и новыя понятія еще прямѣе и непосредственнѣе, чѣмъ вноситъ ихъ даже судъ. Школа дѣйствуетъ вѣрно, но издали и весьма медленно, потому что она начинаетъ съ ума, отъ котораго путь до нравовъ еще далекъ; судъ дѣйствуетъ на нравы болѣе непосредственно, но не менѣе издали и, сверхъ того, оффиціально, холодно, безмолвно и односторонно. Общеніе же съ высшимъ элементомъ въ частной жизни есть средство и вѣрное, и скорое, и дѣйствующее вблизи, и дѣйствующее непосредственно, потому что оно однородно съ предметомъ своего дѣйствія, потому что оно также конкретно какъ и онъ, потому что и само есть—нравы. Но, увы! средней интеллигенціи нашей и до сихъ поръ любится якшаться лучше съ графами да съ князьями, хочется мѣшаться съ ними въ оперѣ и въ магазинахъ, хочется родниться съ ними въ переднихъ, если не въ спальняхъ, хочется ѣхать съ ними хоть на запяткахъ, если не рядомъ, словомъ лучше лакействовать да между князьями и княгинями, чѣмъ появиться княгиней въ средѣ лакеевъ и горничныхъ. Ея самолюбіе, далеко не цезарское, не умѣетъ даже и гордиться иначе, какъ мелко и пошло, — и положеніе аристократической приживалки, положеніе барскаго прихлебателя льститъ ей не въ примѣръ больше чѣмъ положеніе князя демократіи. А потому и платоническая возлюбленная такой интеллигенціи не видитъ себѣ никакого проку отъ своего обожателя; она лишена всякихъ образцовъ подражанія, всякаго побужденія къ движенію, всякаго бродила въ средѣ своей; словомъ, она остается безъ вождя, безъ своей собственной спеціальной вершины для своей частной демократической пирамиды. Между тѣмъ если бы средняя интеллигенція, вмѣсто того, чтобы разшаркиваться предъ высшею, рѣшилась лучше принимать поклоны отъ низшей,—ей и стоило бы это дешевле, и оплатилось бы гораздо дороже; ей было бы выгоднѣе это и экономически, и политически. Экономически, потому что отъ сво-

ей заработной платы, отъ своего гонорарія, въ такомъ случаѣ очень достаточнаго, она всегда могла бы сохранить остатокъ, котораго теперь у нея никогда нѣтъ, и вмѣсто котораго теперь у нея только постоянный дефицитъ, и тѣмъ спасалась бы въ черный день отъ своего неизбѣжнаго «пощадите!» Съ другой стороны своимъ героическимъ ситцемъ она воздержала бы и чистую демократію отъ поползновеній на шелкъ, потому что онѣ стали бы смѣшны здѣсь, какъ бываютъ смѣшны претензіи подданныхъ въ виду простоты царицы. Политически она создала бы себѣ дѣйствительную, а не мнимую, популярность въ средѣ демократіи, а демократіи дала бы дѣйствительнаго, а не мнимаго, вождя. Вотъ оплата, которую она получила бы за то, что умѣла помочь себѣ. Нѣкоторое движеніе въ этомъ родѣ есть у насъ; но, какъ все инстинктивное и все неосмысленное, оно тотчасъ же переступаетъ предѣлы свои, какъ и движеніе женское, и тотчасъ же вмѣсто успѣха порождаетъ только затрудненія себѣ. Какъ дѣвушки наши хотятъ сдѣлаться министрами, такъ юноши наши хотятъ сдѣлаться мужиками. Мы не умѣемъ быть демократами иначе, какъ или выпрямившись во весь ростъ предъ демократіей или упавши ницъ вмѣстѣ съ нею. Между тѣмъ, чтобы поднять кого-нибудь до себя, не надо ни того, ни другого, а надо только немножко нагнуться: не надо интеллигенціи дѣлаться ни аристократкой, ни мужичкой, а надо только остаться собою, остаться демократическою интеллигенціею и интеллигентною демократіею. Не надо для этого ни забывать и забрасывать знаніе, ни дѣлаться земледѣльцемъ и ремесленникомъ, ни отождествляться въ идеяхъ или въ правахъ, ни мѣнять профессіи экономическія или политическія; а вмѣсто всего этого надо только засыпать пропасть, надо только приходить въ треніе, но въ непосредственное треніе частной и домашней жизни. Я знаю, вы боитесь при этомъ загрязниться; не только славянофилы, но и самые нигилисты предпочитаютъ поэтому любить издали: но что же дѣлать, если, не рискуя этимъ, никогда нельзя

снять грязи съ другого; что же дѣлать, если всякій дѣйствительный подвигъ дѣйствительно требуетъ мужества. А вѣдь только этимъ однимъ путемъ и только вы одни можете сдѣлаться, наконецъ, тѣмъ проводникомъ европеизма до низшихъ слоевъ общества, какого не могъ еще найти Петръ, и котораго, за несостоявшеюся у насъ буржуазіею, исторія не нашла и до сихъ поръ. Вспомните, что наша буржуазія крупная только разрываетъ наше основаніе съ нашей вершиной, и что наша буржуазія мелкая нисколько не можетъ соединять ихъ. Вспомните, что наша интеллигенція аристократическая еще меньше вашего можетъ приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, и что съ нея совершенно достаточно, если она будетъ близка къ нему издали. Вспомните, что и въ самой средней интеллигенціи крупная есть только новый разрывъ, а не новая связь съ демократіей, потому что это интеллигенція нѣмецкая. И такъ вы одни только, вы, средняя и въ тоже время мелкая, но русская интеллигенція, вы одни можете быть тѣмъ, чего дважды и трижды уже не достаетъ намъ: быть связью двухъ оконечностей и создать со временемъ такую же связь и изъ мелкой буржуазіи, изъ русскаго купечества, быть самимъ лигатурой и создать изъ другихъ спайку. Вы одни—единственный, возможный проводникъ между двумя половинами разорванной нашей пирамиды. Проводникъ этотъ есть наше «быть или не быть» текущей минуты; безъ проводника этого мы также застынемъ въ летаргіи демократической, какъ застыла безъ него Польша въ своей аристократической летаргіи; безъ этого проводника вся наша сила обратится въ одну нашу слабость, всѣ счастливыя предрасположенія демократизма обратятся въ однѣ несчастныя, и пораженіе нанесено будетъ въ самый центръ всего организма, въ самую душу его. Демократизмъ есть у насъ та аріаднина нить, на которой свитъ весь нашъ политическій клубокъ, и, не отыскавши которой, мы не найдемъ ни нашего панславизма, ни нашего паневропеизма; не найдемъ безъ нея ни возможныхъ для

насъ законодательныхъ метаморфозъ мотивированія, ни судебно-военныхъ метаморфозъ вмѣненія, ни административныхъ метаморфозъ произвола.

Обычаи уступятъ уже сами собою, какъ только тронутся и зашевелятся нравы. Самый тяжкій изъ нашихъ народныхъ обычаевъ, такой же какъ произволъ между нравами, есть пьянство. Переполненіе обязанностей надъ правами не можетъ не вести къ такимъ или инымъ порочнымъ обычаямъ, также какъ и переполненіе правъ надъ обязанностями; разница только въ томъ, что въ одномъ случаѣ пороки одни, а въ другомъ другіе. И если у насъ это переполненіе крѣпостныхъ обязанностей разрѣшилось только пьянствомъ, а не отупѣніемъ, какъ мы это видѣли, не коварствомъ, не ожесточеніемъ народнымъ, то мы еще въ выигрышѣ, потому, что источники исцѣленія, умъ и сердце, остались еще въ распоряженіи нашемъ. Отчаяніе высказалось, значитъ, самымъ наименѣе гибельнымъ, и наиболѣе преходящимъ свойствомъ, потому что выразилось не нравомъ, а обычаемъ, т. е. тѣмъ, что экскорпорируется гораздо легче. Первый и самый рѣшительный шагъ къ этой экскорпораціи уже сдѣланъ:—обязанности значительно сокращены, права значительно умножены. Дальнѣйшее уравновѣшеніе тѣхъ и другихъ можетъ совсѣмъ вывести душу нашего гражданства изъ состоянія постояннаго отягченія, постоянной безнадежности, постояннаго отчаянія. И если наши патріоты удивляются, какъ это не случилось до сихъ поръ, то это потому что они и всякую тысячелѣтнюю инкорпорацію считаютъ способною экскорпорироваться лѣтъ въ пять или шесть. Они забываютъ, что сами они, обладая и гораздо большимъ равновѣсіемъ правъ и обязанностей, и гораздо давнѣе, тѣмъ не менѣе, однакожъ, по какой-то другой, вѣроятно, еще менѣе уважительной причинѣ, все-таки удерживаютъ за собою и право и обычай пьянства, которому такъ удивляются въ гражданствѣ. Другая причина пьянства, какъ и всякихъ вообще наслажденій грубыхъ и чувственныхъ, есть недостатокъ тонкихъ и идеальныхъ. Пока у аристократіи

нашей не было ни французскаго романа въ рукахъ, ни картъ, ни ассамблеи, ни даже мистеріи, до тѣхъ поръ и она сама не умѣла другимъ образомъ развлекаться и отдыхать, какъ только обжорствомъ и непробуднымъ пьянствомъ. Что же удивительнаго, если крестьянство, оставаясь въ такихъ же условіяхъ до сихъ поръ, до сихъ поръ испытываетъ и всѣ тѣ же послѣдствія. Романовъ читать они не могутъ, потому что нѣтъ на это ни вкуса, ни знанія; въ театры ходить не могутъ, потому что нѣтъ на это денегъ; посѣщать даровыя зрѣлища высшаго сорта, какъ музеи, библіотеки и даже публичныя сады, также не могутъ, потому что одѣты не по-нѣмецки, а по-русски, и имъ тотчасъ же готово тамъ: куда ты! У одного только кабака никто не остановитъ входящаго, тамъ только предстоитъ ему развлеченіе и по вкусу, и по умѣнью, и по кошельку, и по платью. Отдыхъ же, развлеченіе отъ дѣятельности есть необходимость чисто физіологическая, и тѣмъ болѣе настоятельная, чѣмъ усиленнѣе и однороднѣе дѣятельность. А гдѣ же дѣятельность усиленнѣе, и гдѣ она однообразнѣе какъ не въ рабочемъ? А потому скорбѣть о пьянствѣ, вооружаться противъ него акцизомъ, воскресными днями, запираніемъ внѣшнихъ дверей кабака, и въ то же время оставлять кабачную публику безъ школы, безъ народной книги, безъ народнаго театра, безъ народныхъ музеевъ, безъ публичнаго сада, — все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Единственно специфическій противъ этого медикаментъ, такой же какъ общеніе интеллигенціи противъ болѣзни нравовъ, можетъ и долженъ быть только такого же свойства какъ и самъ обычай, можетъ и долженъ быть однороднымъ съ нимъ, словомъ можетъ и долженъ быть именно эстетическимъ. А потому пока этого снадобья въ аптекѣ нашей нѣтъ, пока нѣтъ никакихъ эстетическихъ наслажденій для народа, никакого болѣе утонченнаго отдыха для него, до тѣхъ поръ никакія мѣры не изгонятъ чувственныхъ наслажденій и грубаго отдыха, и избытокъ ихъ всегда будетъ прямо пропорціоналенъ степени недостат-

ка первыхъ. Уравненіе правъ и обязанностей будетъ дѣйствовать вѣрно, но необыкновенно медленно, и тѣмъ медленнѣе чѣмъ вѣрнѣе. Самое же скорое, прямое, непосредственное и въ то же время вѣрное средство есть тутъ одна эстетика, и больше ничего.

Наконецъ мы додвинулись до преданія нашего, до этой альфы и омеги политики: омеги, потому что имъ кончается весь процессъ гражданства, альфы, потому что имъ начинается весь процессъ интеллигенціи. Въ діагностикѣ нашего гражданства преданіе рѣзче всего и больше всего характеризуется своей исключительной изустностью, отсутствіемъ письменности, словомъ безграмотностью большей половины гражданства нашего. Изустность преданія не можетъ, конечно, идти ни въ какое сравненіе съ его письменностью ни въ отношеніи того, что и сколько оно передаетъ отъ предковъ къ потомству, ни въ отношеніи того, какъ и когда передаетъ оно. Кругъ передачи изустной крайне ограниченъ условіями памяти, выборъ передачи ограниченъ условіями вкуса; съ другой стороны и эта немногочисленная и односторонняя передача терпитъ еще отъ извращенія и отъ медленности. Многія истины совершенно затуманиваются подъ образами изустнаго преданія, и всѣ вообще поступаютъ въ наслѣдство медленно, потому что совершенно случайно. Письменность устраняетъ это все. Она и разширяетъ или разнообразитъ кругъ преданій, она и закрѣпляетъ его въ собственность неистрачиваемую, она и предохраняетъ эту собственность памяти отъ порчи, она и сообщаетъ быстроту и увѣренность передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. А потому лекарство для всякаго рода порочности преданій есть только одно, — обращеніе ихъ изъ изустныхъ въ письменныя, или изъ собственно такъ-называемаго преданія въ литературу. Первый же шагъ къ этому превращенію есть грамотность гражданства. Для исправленія нравовъ, какъ политическаго продукта наиболѣе многосложнаго, есть, какъ мы видѣли, столько же и средствъ, сколько составныхъ частей въ нра-

вахъ; а именно есть средство теоретическое — школа, есть средство эстетическое—судъ, есть и наиболѣе специфическое средство, нравственное или практическое — сближеніе съ другими, лучшими нравами. Для исправленія порочности обычаевъ, какъ продукта менѣе сложнаго, и средствъ меньше, а именно два: теоретическое—школа и въ особенности эстетическое—утонченіе наслажденій. Для реформированія же преданій, какъ продукта наиболѣе простого и элементарнаго, и средствъ всего только одно: это — такое же простое и элементарное средство, какъ само преданіе, и такое же теоретическое какъ оно,—школа. Если въ первыхъ двухъ случаяхъ ученье было средствомъ дѣйствующимъ только издали, вообще, посредственно и медленно, то въ настоящемъ оно есть средство спеціальное, незамѣнимое ничѣмъ, дѣйствующее и быстро, и вѣрно, и непосредственно. Если въ одномъ изъ этихъ случаевъ, кромѣ школы, дѣйствительны и судъ, и общеніе высшихъ нравовъ съ низшими, въ другомъ дѣйствительна, кромѣ школы, также точно эстетика, то въ этомъ ничто такъ не дѣйствительно какъ школа. Если въ первомъ случаѣ предпочтительнѣе путь опыта, во второмъ путь воспитанія, то въ этомъ только путь образованія. Образованіе, народная школа есть, слѣдовательно, съ одной стороны, лекарство радикальное, бьющее на самую инициативную причину болѣзни, а съ другой оно есть также и та панацея гражданственности, которая, за недостаткомъ иныхъ средствъ, можетъ отчасти замѣнить ихъ всѣ. Она есть универсальное лекарство и для нравовъ, и для обычаевъ, и для преданій. Это у насъ истинная, неподдѣльная и также тройственная какъ у римлянъ пуническая война. Но дѣло въ томъ, что и въ этой войнѣ мы относимся къ нашему противнику все-таки по-барски. Воюя съ преданіемъ народнымъ, мы, интеллигенція, опять выпрямляемся во весь станъ свой, и хотимъ прямо поднять преданіе до себя. Отсюда нашъ высокій и серьезный тонъ, начинающій прямо съ истинъ и съ формъ науки; отсюда же и наши изящныя манеры, начинающія съ щего-

леватыхъ и дорогихъ изданій. Между тѣмъ и въ томъ, и другомъ отношеніи опять слѣдовало бы немножко нагнуться. Народу привыченъ только стиль эпическій, стиль легенды, и нельзя, перескочивши его, прямо переходить къ стилю доктринъ. Отсюда необходимость беллетристической формы и даже чистой беллетристики народной, которая бы служила разумнымъ и тенденціознымъ продолженіемъ Бовы Королевича и Георга Милорда. Съ другой стороны народу привычны только изданія лубочныя, сѣрыя и полуславянскія; онъ кидается у офеней только на нихъ, и всѣ чистенькія оставляетъ въ сторонѣ, какъ не про него писанныя. Отсюда новая необходимость и въ самой формѣ изданій поддѣлаться къ обычаю и сохранить съ нимъ преемственность. Такимъ образомъ самымъ дѣйствительнымъ проводникомъ мысли въ народъ и побѣдителемъ тамошняго Аннибала будетъ только какой нибудь ловко составленный Бова Королевичъ нашего времени или какой-нибудь правнукъ Георга Милорда, напечатанный in 4^0 на сѣрой бумагѣ, полуславянскими буквами и съ деревянными клише.

Размѣщеніе, степень уплотненія и скорость движенія всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами благъ и золъ нашей цивилизаціи, нашей культуры и нашей гражданственности отчасти явствуютъ уже сами собою изъ всего предыдущаго. Но мы не можемъ оставить этотъ вопросъ, не собравши всѣ отвѣты на него въ особую статью. Цивилизація, вся безъ исключенія, принадлежитъ нашей интеллигенціи и нашей аристократіи (вмѣщая сюда, конечно, и аристократическое правительство); весь же недостатокъ идей выпалъ на долю всего гражданства, какъ средняго, такъ и низшаго. Всѣ блага культуры или правà размѣщены нѣсколько иначе, а именно: отвлеченіе ихъ изъ аристократіи и изъ правительства совершилось только въ пользу интеллигенціи и въ пользу сре-

дняго гражданства; все же зло культуры или всѣ обязанности до послѣдняго времени сосредоточивались въ низшемъ гражданствѣ, и если начали отвлекаться отсюда въ аристократію, въ интеллигенцію и въ гражданство среднее, то только впервые на нашихъ глазахъ, т. е. съ эманципаціей крестьянъ; при чомъ готовится новое большое отвлеченіе въ видѣ отвлеченія податныхъ и рекрутскихъ обязанностей. Богатство и бѣдность гражданственности распредѣлились еще иначе: наибольше гражданственности обнаружилось тамъ, гдѣ наибольше совокупились цивилизація и культура, т. е. въ европейской половинѣ аристократіи или аристократической интеллигенціи и въ интеллигенціи средней; наименьше же гражданственности оказалось или тамъ, гдѣ нѣтъ ни культуры, ни цивилизаціи, какъ въ гражданствѣ низшемъ, или тамъ, гдѣ есть одна только культура безъ цивилизаціи, какъ въ гражданствѣ среднемъ съ его самодурствомъ и какъ въ аристократіи монгольской съ ея обскурантизмомъ. Отсюда слѣдуетъ, что наибольшее скопленіе всѣхъ политическихъ или невещественныхъ благъ, т. е. благъ и цивилизаціи, и культуры, и гражданственности, оказывается все таки на сторонѣ аристократіи, т. е. все таки тамъ, гдѣ подо всѣмъ этимъ и прежде всего этого имѣется богатство вещественное. — Удѣльный вѣсъ, степень плотности всѣхъ этихъ скопленныхъ тамъ или здѣсь благъ или золъ, а вслѣдствіе того и подвижность или неподвижность общественная, распредѣлены у насъ сообразно только что отмѣченному скопленію тѣхъ же благъ или золъ. Въ интеллигенціи (разумѣя ее въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ интеллигенціи центральной), отверждены наиболѣе продукты самые разрѣжонные, т. е. идеи, между тѣмъ какъ права и нравы, т. е. продукты плотные, отверждены наименѣе, и если имѣются сколько нибудь отверженные, то меньше чѣмъ гдѣ нибудь въ другихъ странахъ; а потому это у насъ и самый подвижной, самый неустойчивый общественный классъ, и больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Въ аристократіи европейской, или, что тоже,

въ аристократической интеллигенціи, идеи скоплены на столько же на сколько и права, а права на столько же, на сколько и нравы; оттого всякій изъ трехъ продуктовъ умѣряется здѣсь обоими другими: легкость идей умѣряется плотностью правъ и нравовъ, тяжесть нравовъ умѣряется сравнительной легкостью идей и правъ. Вслѣдствіе этого европейская аристократія наша представляетъ вмѣстѣ и подвижность, какъ интеллигенція, и устойчивость, какой въ интеллигенціи нѣтъ. Поэтому европейская аристократія представляетъ самый способный къ правленію классъ, и изъ нея всегда и почерпается правительство во времена прогрессій. Это наши виги. Въ аристократіи монгольской плотность правъ и нравовъ далеко преобладаетъ надъ легкостью идей; сами идеи вслѣдствіе этого тяжелѣютъ, становятся неповоротливы, трудно обращаются. А потому этотъ классъ гораздо неподвижнѣе двухъ предыдущихъ хотя и подвижнѣе во всякомъ случаѣ двухъ слѣдующихъ. А потому классъ этотъ есть самый удобный источникъ для набора изъ него правительства во времена реакцій. Это наши тори. Въ гражданствѣ среднемъ или крупнѣйшемъ (разумѣя тутъ только русское купечество) идей почти нѣтъ, права умѣренны и недостаточно отверждены, за то нравы утвердились здѣсь такъ же плотно какъ и въ мелкомъ гражданствѣ. А потому неподвижность нравовъ, весьма мало умѣряемая правами и еще менѣе идеями, производитъ и классъ гораздо болѣе неподвижный чѣмъ монгольская аристократія. Наконецъ въ гражданствѣ мелкомъ ни правъ, ни идей почти вовсе нѣтъ, и вся жизнь наполнена только дѣятельностью, а не созерцаніемъ или направленіемъ, только нравами, а не идеями или правами, и при томъ самыми отвердѣвшими нравами; а потому это и самый тяжеловѣсный, самый трудный на подъемъ классъ нашъ.—Скорость вращательнаго движенія въ каждомъ изъ этихъ пяти разрядовъ нашего общества соразмѣряется, во первыхъ, съ количествомъ вращающейся массы, а во вторыхъ, очевидно, соразмѣрна также и со степенью пло-

тности ея. Но оба эти условія сошлись у насъ такъ, что гдѣ есть одно изъ нихъ, тамъ есть и другое. Интеллигенція, аристократія европейская и аристократія монгольская, каждая порознь, и меньше по массѣ, и подвижнѣе по плотности, а потому и обращеніе у нихъ идей, превращеніе ихъ въ права и въ нравы, совершается тамъ несравненно быстрѣе, не исключая даже аристократіи монгольской. Напротивъ демократія или мелкое гражданство, обладая наибольшей плотностью, представляетъ въ то же время и наибольшую массивность; а потому здѣсь обращеніе политическихъ благъ неимовѣрно трудно, и на столько же труднѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ обществѣ міра, на сколько наша демократія обширнѣе всѣхъ другихъ. Исключеніе изъ параллельности обоихъ условій составляетъ только паше купечество: при неподвижности своей оно не велико, однакожъ, массою своею, а при малости массы тяжело, однакожъ, неподвижностью ея; оттого въ немъ политическій оборотъ совершается быстрѣе чѣмъ въ крестьянствѣ, хотя и не быстрѣе чѣмъ въ монгольской аристократіи. Впрочемъ, равняясь въ быстротѣ обращенія съ этой послѣднею, купечество всегда имѣетъ возможность въ однихъ случаяхъ на столько же превосходить ее, на сколько въ другихъ оно отстаетъ отъ нея. Такъ именно и случилось съ идеей эманципаціи крестьянъ, гдѣ все сочувствіе купечества было цѣликомъ на сторонѣ эманципаціи; между тѣмъ какъ таже идея, давно уже проникшая въ аристократію и ставшая въ европейской аристократіи проэктомъ, долго еще не только не становилась проэктомъ, но даже не доходила и въ качествѣ идеи до аристократіи монгольской. Въ результатѣ же все таки оказывается, что неподвижность всего нашего большинства вообще, увеличенная еще всей колоссальностью массы его, составляетъ у насъ одну изъ грознѣйшихъ опасностей и для подвижности всего нашего меньшинства вообще. За эту чужую неподвижность мы дорого когда-то поплатимся и собственной нашей подвижностью, если не успѣемъ вовремя

уравновѣсить обѣ. Крайняя неподвижность большинства, обращающаяся, повидимому, только во вредъ ему самому, рано или поздно-обращается, однакожъ, и на голову подвижного меньшинства; и тогда уже страшно мститъ ему за себя. Такъ мститъ теперь каждое поколѣніе французскаго большинства каждому поколѣнію меньшинства своего, топча въ грязь то его республики, то его прессу, то его конституціи, и осаживая такимъ образомъ каждый окрыленный порывъ своей націи. И теперь если бы французы и спохватились, и стали приводить свою массу въ движеніе, то они увидятъ, что она приводится въ движеніе далеко не такъ быстро, какъ имъ этого нужно. А когда она придетъ, наконецъ, въ движеніе, воды много уже утечетъ, и двигаться будетъ уже поздно, потому что у подвижной массы окажутся неподвижные вожди. Что касается обще-государственныхъ оборотовъ нашихъ, каковы акціи и реакціи, то продолжительность ихъ также вполнѣ соотвѣтствуетъ массивности нашего государственнаго тѣла. Въ Англіи какъ акція виговъ такъ и реакція торіевъ длились иногда по два, по три года, не болѣе; во Франціи онѣ продолжаются отъ 15 до 18 лѣтъ; у насъ же, какъ мы видѣли выше, каждая изъ нихъ тянется отъ 25 до 36 лѣтъ, такъ что каждая даетъ, какъ мы тоже видѣли, возможность различить въ ней еще по два періода: періодъ прибыванія, прилива, и періодъ убыванія, отлива. Акціи же и реакціи въ смыслѣ динамическомъ, а не статическомъ, въ смыслѣ исторіи, а не политики, и еще длиннѣе: удѣльная акція длилась 400 лѣтъ, монгольская реакція — также 400 лѣтъ, европейская акція продлится, можетъ быть, также не меньше. Наконецъ, что касается продолжительности всего нашего прогресса, равно какъ и всего регресса, то каждый изъ нихъ долженъ, по этому разсчоту, быть продолжительнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ государствѣ Европы. И въ самомъ дѣлѣ, если весь нашъ прогрессъ мы предположимъ слагающимся только изъ двухъ паръ динамическихъ прогрессій и двухъ

паръ реакцій, то, при размѣрѣ каждой прогрессіи и каждой реакціи въ 400 лѣтъ, мы уже получимъ для всей стадіи прогресса 1600 лѣтъ, тогда какъ французскій прогрессъ длился только 1300 лѣтъ.

Въ заключеніе намъ остается разсмотрѣть обѣ связи нашей общественной пирамиды, какъ поперечную, въ видѣ спайки, такъ и продольную, въ видѣ лигатуры, для того чтобы видѣть степень взаимности между нашимъ большинствомъ и меньшинствомъ. Вопросъ этотъ, послѣдній по курсу доктрины, какъ онъ былъ также и первымъ по курсу ея, есть дѣйствительно тотъ, который замыкаетъ въ себѣ всю эту доктрину. Какъ въ началѣ ея мы считали его важнѣйшимъ потому, что организація общественнаго тѣла важнѣе всѣхъ отправленій, ибо всѣ ихъ предрѣшаетъ, такъ теперь считаемъ его важнѣйшимъ потому, что въ организаціи всего важнѣе способъ и прочность связи частей въ цѣлое, такъ какъ ими предрѣшается способность, сила и продолжительность движенія. Наконецъ и съ точки зрѣнія оканчиваемой нами діагностики онъ важнѣе всего потому, что касается самаго больного мѣста нашей организаціи, самаго колоссальнаго порока нашей конструкціи. Не разъ и не два уже мы имѣли случай говорить о нашей тимократіи и о нашей интеллигенціи; но теперь мы призываемъ сюда въ послѣдній разъ, и призываемъ все вниманіе нашего читателя. Средній классъ и интеллигенція суть, какъ извѣстно, двѣ желѣзныя связи меньшинства и большинства: безъ нихъ оба онѣ распались бы. Средній классъ и интеллигенція, мѣрою своего развитія, даютъ, какъ извѣстно, также и мѣру всего достоинства, всей высоты организаціи. Средній классъ и интеллингенція представляютъ, какъ извѣстно, наибольшую возможностъ примиренія всякихъ соціальныхъ крайностей, они предоставляютъ всѣ удобства для сочетанія всѣхъ благъ политическихъ безъ сочетанія съ ними соотвѣтственныхъ политическихъ золъ. Наконецъ вотъ что говоритъ о среднемъ сословіи Аристотель: «Лучшая форма политиче-

скаго общежитія объусловливается среднимъ сословіемъ, и тѣ только государства могутъ имѣть хорошее политическое устройство, въ которыхъ среднее сословіе значительно велико и гораздо сильнѣе остальныхъ двухъ или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ.» Въ другомъ мѣстѣ: «Гдѣ одни имѣютъ чрезвычайно много, а другіе не имѣютъ ничего, тамъ обыкновенно бываетъ или самая неумѣренная демократія, или самая крайняя олигархія, или, наконецъ, какъ результатъ перевѣса въ государствѣ на сторонѣ богатыхъ или бѣдныхъ — тираннія.» И еще далѣе: «только средній классъ не подверженъ волненіямъ: гдѣ средній классъ достаточно великъ, тамъ обыкновенно рѣдко бываютъ возстанія и политическія возмущенія. По этой-то причинѣ большія государства менѣе подвержены возмущеніямъ, именно потому что средній классъ здѣсь достаточно великъ.» За тѣмъ: «если будутъ искать такой формы политическаго быта, въ которой болѣе были бы сохранены общія права, то не изобрѣтутъ никакой другой кромѣ той, которая основана на перевѣсѣ средняго сословія. Самое довѣренное лицо вездѣ есть посредникъ, а въ данномъ случаѣ этотъ посредникъ есть не кто иной какъ среднее сословіе.» И такъ посмотримъ же на состояніе этого великаго посредничества у насъ. А чтобъ лучше оцѣнить это состояніе, приведемъ на память англійское. Первая страна въ мірѣ имѣетъ, какъ и слѣдовало ожидать, и первое съ мірѣ среднее сословіе, первое по многочисленности, первое по богатству, первое по знанію. Когда просвѣщенный и наблюдательный французъ пріѣхалъ въ Англію, онъ былъ поражонъ этимъ положеніемъ. «Ступайте, говоритъ Тэнъ, на Сайденгамскій мысъ, и вамъ придется ѣхать пять миль мимо домовъ обличающихъ бюджетъ въ полторы тысячи фунтовъ стерлинговъ въ годъ и болѣе. Въ Вестъ-Эндѣ поражающее множество домовъ, затрачивающихъ отъ 30 до 60 тысячь франковъ въ годъ. Такихъ жизней и такихъ состояній, заключаетъ Тэнъ, въ Англіи десять противъ одного во Франціи.» То же и съ

интеллигенціей. Свободныя профессіи, по наблюденію Тэна, оплачиваются въ Англіи несравненно дороже чѣмъ на континентѣ. Урокъ музыки, за который въ Лейпцигѣ платится талеръ, много — два, въ Англіи стоитъ гинею. За визитъ обыкновеннаго доктора, стоющій во Франціи 5—10 франковъ, опять гинея. Оксфордскій профессоръ получаетъ отъ одной до трехъ тысячъ фунт. стерлинговъ. Директоръ Итонской школы получаетъ жалованья 752.000 франковъ, директоръ Гарроу — 157.000 фр., директоръ Рукби —74.000 франковъ. Епископъ Лондонскій получаетъ 280.000 франковъ, Іоркскій— 375.000 франковъ. Авторамъ платятъ за нѣкоторыя статьи въ Times по 2.500 франковъ. Теккерей зарабатывалъ по 4.000 франковъ въ сутки за одно чтеніе въ Брайтонѣ и одно въ Лондонѣ. Журналъ, въ которомъ онъ помѣщалъ свои романы, платилъ ему 2.000 ф. стерл. въ годъ и сверхъ того за каждую страницу по десяти стерлинговъ. Теннисонъ, который пишетъ не много, зарабатываетъ въ годъ до 125.000 франковъ. Довольно перечислить все это, чтобъ отказаться намъ отъ всякаго сравненія, отъ котораго отказывается даже французъ. Но есть у насъ кромѣ этого еще и нѣчто другое въ среднемъ сословіи. Не говоря уже ни о численной ничтожности, ни о бѣдности, ни о малознаніи нашего средняго класса, какъ политическаго (интеллигенціи), такъ и экономическаго (тимократіи), самое отношеніе его къ двумъ другимъ, самое посредничество его между ними является скорѣе разрывомъ чѣмъ связью, скорѣе отдаленіемъ, чѣмъ сближеніемъ. Тимократія разрываетъ наше большинство и меньшинство разъ потому, что крупная ея часть есть часть не вполнѣ органическая, ибо чужеядная, а другой разъ потому, что мелкая тимократія, будучи оторвана отъ аристократіи, перестаетъ быть и дѣйствительнымъ среднимъ классомъ, перестаетъ имѣть возможность посредничества, перестаетъ быть проводникомъ сверху внизъ, и въ концѣ концевъ, будучи сближена и соприкасаясь съ одной демократіей, является и сама не чѣмъ

инымъ какъ тою же демократіею. Этими двумя путями тимократія совершенно улетучивается, и возможность обмѣна между демократіей и аристократіей теряется. И такъ связь поперечная, связь въ видѣ спайки, не существуетъ. Другою связью могла бы быть интеллигенція. Но что касается интеллигенціи верхней, аристократической, то она никогда и нигдѣ не можетъ быть искомой посредницей: ей честь и слава уже и тогда, когда она демократична издали, какъ это и случилось съ нашей европейской аристократіей. Интеллигенція нижняя еще меньше можетъ быть связью, еще меньше можетъ имѣть доступа къ верхней; и ей честь и слава уже и тогда, если она сближается съ верхнею и такъ сказать аристократизируется хоть способностями своими, а не идеями, какъ и случалось это съ нашимъ расколомъ. Остается за тѣмъ интеллигенція средняя. Эта одна только можетъ быть проводникомъ аристократизма въ демократію и демократизма въ аристократію. Но, во-первыхъ, она и сама, подобно мелкой тимократіи, оторвана отъ аристократіи слоемъ чужероднымъ, академическимъ; а во вторыхъ, не соприкаясь непосредственно съ аристократіей, она также мало имѣетъ непосреднаго общенія и съ демократіей, и стоитъ какъ-то изолированно между тою и другою. Но съ аристократіей она во всякомъ случаѣ имѣетъ гораздо больше общенія, потому что солидарна съ нею не только въ идеяхъ, но, къ сожалѣнію, также и въ нравахъ; съ демократіею же она не имѣетъ общенія не только въ нравахъ, но даже и въ самыхъ идеяхъ, потому что ни расколъ не проникаетъ въ среднюю интеллигенцію, ни науки не проникаютъ въ нижнюю. Такимъ образомъ если тимократія слишкомъ связана съ демократіею и слишкомъ оторвана отъ аристократіи, то интеллигенція слишкомъ связана съ аристократіей и слишкомъ оторвана отъ демократіи. Все общеніе ея въ эту сторону органичивается лишь благосклонностью, любовью издали, но не сближеніемъ непосредственнымъ. Все же непосредственное, если попытки его и есть, ограни-

чивается только тысячью уродливостей, тысячью платоническихъ да титаническихъ претензій на общеніе, претензій, которымъ демократія сама же скручиваетъ руки назадъ, и отдаетъ ихъ полиціи: вѣрный признакъ, что попытка задумана ложно. Инстинктивное чувство подсказало, что нужно какое-то общеніе, но какое — объ этомъ инстинкты никогда сразу не знаютъ, пока не обожгутся разъ двадцать. Отсюда всѣ наши пресловутыя «итти въ народъ», всѣ эти, ставшія притчей во языцѣхъ, прокламаціи, всѣ эти несчастныя фантазіи «адовъ, топоровъ, висѣлицъ», мечтающія сочинить революцію, перевернуть общество вверхъ дномъ, и въ привитой, если можно, болѣзни отыскать естественное, если можно, здоровье. Вмѣсто того чтобы начать поскромнѣе, но сдѣлать хоть что нибудь, начинаютъ притязаніями на осьмое чудо свѣта, и оканчиваютъ только тѣмъ, что отъ этого чуда никому ни тепло, ни холодно, и только самимъ чудотворцамъ жарко. Да и то еще хорошо, если они платятся только сами; а что же сказать если платится и тотъ самый идолъ, во имя котораго весь этотъ вздоръ продѣлываетя. А онъ платится вѣдь тѣмъ, что власть въ силу той же самой вѣры въ возможность сочинять революціи и перевертывать общества, напуганная этими шутками не-шутя, робѣетъ, сдерживается, тормозитъ свой собственный демократизмъ. Вмѣсто того чтобы итти въ народъ, чтобы спеціально задаваться этимъ и напрашиваться на авантюризмъ, пользуйтесь только каждымъ случаемъ, — и народъ самъ придетъ къ вамъ. Вмѣсто того чтобъ искать народа по всѣмъ закоулкамъ, посмотрите только вокругъ себя, и увидите, что онъ у васъ подъ носомъ. У васъ есть прислуга, есть кухарка, есть горничная, есть кучеръ, лакей, дворникъ. Если вамъ хочется быть демократомъ, посадите ихъ съ собою за свой столъ, за свой чай, введите ихъ въ семейную жизнь вашу. Если вамъ хочется быть истиннымъ демократомъ, начинайте съ ними не съ десятаго шагу, а съ перваго, и, вмѣсто того чтобы говорить имъ, что нѣтъ бога и что есть прокламаціи,

какъ начинаетъ всякій глупый либералъ, скажите имъ лучше, что есть сложеніе и вычитаніе что есть грамота и азбука. А между тѣмъ будьте съ вашими учениками честны, внимательны, серьозны и не-фамиліарны, и вообще подайте примѣръ добрыхъ или по крайней мѣрѣ лучшихъ нравовъ. Этимъ путемъ вы подѣйствуете и на голову, и на сердце, этимъ путемъ вы обяжете къ вѣрности и преданности и вообще ко взаимности, этимъ путемъ вы подымете, не унижаясь сами, этимъ путемъ вы сдѣлаете и себѣ пользу, не только другимъ. Правда, фигурировать и пародировать тутъ будетъ трудно, трудно будетъ тѣшить себя великими дѣлами, трудно будетъ даже попасть на скамью подсудимыхъ или въ административную ссылку, потому что никакая полиція не въ состояніи будетъ ни услѣдить за вами, ни опорочить васъ. Но за то ваши окружающіе сообщатъ часть заимствованнаго ими отъ васъ своимъ окружающимъ, тѣ—другимъ, другіе — третьимъ, и такимъ образомъ та революція, которой такъ страстно вамъ хотѣлось, пойдетъ на всѣхъ парусахъ, и очаговъ у нея будетъ столько же, сколько есть у демократовъ кухонь. И будьте увѣрены, что эта кухонная революція будетъ лучше всѣхъ вашихъ картонныхъ и мишурныхъ революцій. Если мы неспособны къ созданію средняго класса въ европейскомъ смыслѣ, т. е. физіологическаго и національнаго, то попробуемъ политическій, интеллектуальный; а если мы вовсе неспособны къ образованію средины, то лучше же примкнуть окончательно къ большинству, а не къ меньшинству. Вотъ вамъ общеніе, вотъ то великое дѣло, то дѣйствительно историческое значеніе, къ какому призываетъ среднюю интеллигенцію положеніе ея въ нашемъ обществѣ. Только такимъ и подобнымъ образомъ она можетъ создать изъ себя ту дѣйствительную, а не утопическую, посредницу, которой такъ намъ недостаетъ, только такъ можетъ она и наращать средній классъ, и самое себя дѣлать настоящей житейской связью между аристократіей и демократіей; только такъ она возведетъ себя въ серьозную

политическую силу и въ дѣйствительную лигатуру всего нашего общества. Съ аристократіей, не бойтесь, вы не порвете связи: васъ свяжутъ всегда идеи и знанія; если же порвете тутъ связь въ нравахъ, то за то заключите ее съ демократіей, гдѣ разрывъ вашъ былъ гораздо полнѣе. Мало того, держась того же плана и по отношенію къ купечеству, и замѣнивъ для него на первыхъ порахъ аристократію и нѣмецкую буржуазію, интеллигенція можетъ создать и другую недостающую намъ связь, поперечную. Тимократія наша, которая и по идеямъ, и по нравамъ сомкнута, наоборотъ, исключительно съ демократіей, и совершенно разобщена съ аристократіей, можетъ, подъ этимъ вліяніемъ интеллигенціи, мало по малу сближаться въ идеяхъ съ аристократіей, и такимъ образомъ, оставаясь по нравамъ при демократіи, въ свою очередь протянетъ руки обѣимъ, и въ свою очередь свяжетъ ихъ неразрывно собою. Такимъ образомъ интеллигенція можетъ непримѣтно, безъ шума и блеска, но совершить дѣйствительно столь вожделѣнное для нея чудо свѣта. А чудомъ этимъ будетъ дважды сплоченное, дважды сомкнутое, приспособленное къ равномѣрному движенію поступательному и облегченное въ своихъ оборотахъ вращательныхъ, любезное отечество наше.

LIBRARY MAY 4 1917
Читальная зала
527
919

BINDING SLIP JUN 3 1970

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

(55)

JA
71
S83

Stronin, A
Politika kak nauka

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 03 08 02 012 2